

МАКСІМ
БАГДАНОВІЧ

АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ

ІНСТЫТУТ ЛІТАРАТУРЫ

ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ

МАКСІМ БАГДАНОВІЧ

ПОЎНЫ ЗБОР ТВОРАЎ
У ТРОХ ТАМАХ

МІНСК
«НАВУКА І ТЭХНІКА»
1995

МАКСІМ БАГДАНОВІЧ

ПОЎНЫ ЗБОР ТВОРАЎ

•

ТОМ III

ПУБЛІЦЫСТЫКА,
ЛІСТЫ,
ЛЕТАПІС ЖЫЦЦЯ І ТВОРЧАСЦІ

МІНСК
«НАВУКА І ТЭХНІКА»
1995

ББК 84 (4Бен)1

Б 14

УДК 882.6—3

Р е д а к ц и й н а я к а л е г і я :

В. В. Зуёнак, В. А. Каваленка, У. М. Конан,
М. І. Мушынскі, Л. Т. Хадкевіч

Р е д а к т а р т о м а і а ў т а р п а с л я с л о ў я
У. М. Конан

П а д р ы х т о ў к а т э к с т а ў і к а м е н т а р ы

С. В. Забродскай, Л. М. Мазанік, К. В. Піліповіч,
Т. Р. Строевай, А. І. Шамякінай

Б $\frac{882060000-101}{M316(03)-95}$ 120—92

ISBN 5-343-00959-X (т. 3)

ISBN 5-343-00956-5

© Калектыў складальнікаў, 1995

© Афармленне Р. М. Карачан, 1995

ПУБЛІЦЫСТЫКА

⟨ В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7 МАРТА... ⟩

В воскресенье, 7 марта состоялось общее собрание муз.-лит. драматич. кружка для обсуждения доклада правления о порядке будущей эксплуатации арендованного кружком городского театра¹. Собрание отличалось особою многочисленностью, страстностью прений и заняло целых 4 часа времени. Докладчиками выступали секретарь кружка Ф. Ф. Ермолаев, изложивший финансовые результаты только что закончившегося второго сезона эксплуатации театра, и заведывающий хозяйством по эксплуатации театра (он же директор муз. о-ва) К. А. Никитин, огласивший 2 варианта сметы на будущий год. Выслушав первого докладчика, собрание единогласно признало, что при настоящем материальном положении дел кружка эксплуатация театра в течение будущего сезона собственной труппой вполне возможна. Обсудив затем оба варианта сметы: первый — при числении своего струнного оркестра и второй — без оркестра, но с несколько повышенными окладами артистов, большинство собрания выразило пожелание, по примеру минувшего сезона, иметь оркестр, а утверждение сметы пока отложило до формирования труппы, поручив правлению составить смету после окончательного выяснения окладов содержания приглашенным персоналам. В зависимости от этого оставлен открытым до будущего собрания вопрос об оркестре. После этого были произведены выборы уполномоченных для поездки на 4 неделе поста в Москву для формирования труппы.

Определив до выборов число уполномоченных в 3 человека и ассигновав им на расходы по поездке по 100 р. каждому, собранию пришлось число это увеличить до 4-х, т. к. при выборах произошел инцидент, чуть было не повлекший за собой некоторых нежелательных осложнений, вызванных оппозицией, недовольной действиями руководителей летней сцены в прошлом году. После подсчета избирательных записок, произведенного особой комиссией, еще до оглашения результатов голосования, председательствующий осведомил собрание о желании одного из вероятных кандидатов в уполномоченные не оглашать число голосов, за него поданных. Заявление это вызвало бурю среди оппозиции, ни в каком случае не желавшей согласиться с просьбой этого лица, до этого момента не названного. Даже личная просьба г-жи Семеновой, открывшей тогда свое инкогнито, не оглашать числа записок, за нее поданных, и заявление ее об отказе от чести быть уполномоченным не подействовали на оппозицию, и Семеновой пришлось согласиться на их требование. Избранными в уполномоченные оказались: К. А. Никитин (единогласно), О. Х. Семенова — 37 голосов и А. Н. Никитина — 34 голоса. Несмотря на вторичный категорический отказ г-жи Семеновой, директор драматич. о-ва г-жа Стоцкая, получившая вслед за г-жой Никитиной 30 гол. (осов) (несколько более половины числа присутствующих в собрании), возмущенная выраженным ей частью собрания недоверием, заявила о своем отказе от должности директора драматич. о-ва и оставила зал заседания. Пришлось сделать перерыв и уговаривать оскорбленного члена правления. Просьба подействовала, и г-жа Стоцкая вернулась. Исходом из создавшегося положения было перерешение вопроса о числе уполномоченных; число это пришлось увеличить до четырех, оставив в силе сумму ассигнования на расходы по поездке. Закрылось собрание аплодисментами по адресу председателя, сумевшего уладить конфликт.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Среди сил, пролагавших в Ярославской губернии то русло, по которому знание вливается в широкие слои населения, с особенным вниманием следует остановиться на земстве, церкви и обществе.

Начало просветительной деятельности земства относится к эпохе великих реформ, а именно к 1864 г.¹ До тех пор в Ярославской губ. (ернии) существовало всего несколько десятков школ, находившихся к тому же в довольно жалком состоянии. Однако благодаря планомерной работе губернского и уездных земств школьное дело Ярославской губ. сильно подвинулось вперед: значительно увеличился состав учительского персонала, возросло количество училищ и, наконец, были приняты меры к улучшению общей подготовки самих учащихся. С другой стороны, земство не оставило без внимания и вопрос о внешкольном образовании, занимаясь в этой области главным образом поддержкой народных библиотек. Особенно быстро пошло развитие обеих этих отраслей просветительной работы земских учреждений с 1896 г., когда при губернской управе была учреждена школьная комиссия, во главе которой стал известный общественный деятель кн. Д. И. Шаховской².

Деятельность духовного ведомства началась с 1884 г., выразившись в открытии сети церковно-приходских школ, мало чем уступающих по своей численности школам Мин. (истерства) народ. (ного) просв. (ещения).

К сожалению, свежих статистических материалов, выясняющих результаты описанной выше культурно-просветительной работы названных учреждений, в на-

стоящее время не существует. Поэтому приходится лишь напомнить, что по переписи 1897 г. в Ярославской губ. мужчин, умеющих читать и писать, приходится на сотню жителей — 52, женщин же только 23. В городах количество таких мужчин повышается до 65%, а женщин до 43%, в деревнях же соответственно этому спускается и дает всего лишь 50% для мужчин и 22% для женщин.

Современное состояние народного образования в Ярославской губ., по имеющимся у нас данным, рисуется в таком виде.

К началу 1912 г. имеются следующие учебные заведения: **Высшие** — Демидовский юридический лицей³. **Средние** — 20 (2 реальных учил.⟨ища⟩ в Ярославле; 4 мужск.⟨ие⟩ гимназии — 1 в Рыбинске, 1 в Ростове и 2 в Ярославле; 12 женских гимназий, из которых 4 в Ярославле, и 2 женских учил.⟨ища⟩ духовного ведомства в Ярославле). **Специальных низших и средних** — 32 (из них: в Ярославле кадетский корпус, учительский институт, торговая школа, духовная семинария, фельдшерская школа, школа садоводства и огородничества, классы рисования и низшее техническое училище; в Рыбинске — коммерческое училище, низшее техническое учил.⟨ище⟩, речное учил.⟨ище⟩, в с.⟨еле⟩ Новом учительская семинария, в с.⟨еле⟩ Спас-Виталях сельскохозяйствен.⟨ная⟩ школа, 5 низших ремесленных школ в разных городах и 9 второклас.⟨сных⟩ школ духовного ведомства в разных уездах); городских училищ по положению 1872 г. 18; начальных школ Минист.⟨ерства⟩ народн.⟨ого⟩ просвещ.⟨ения⟩ 652; начальных школ духовного ведом.⟨ства⟩ 587 и школ грамоты 17.

1911 г. в названных начальных школах училось:

Окончило курс весной 1911 г.

	Мальч.	Девоч.	Всего	Мальч.	Девоч.	Всего
В школах Мин. народн. просвещ.	29 267	18 142	47 409	4299	1542	5841
В школах дух. ведомства	17 040	11 757	28 797	3085	1337	4422
Всего	46 307	29 899	76 206	7384	2879	10 263

Учительский персонал в 1911 г. состоял из 1981 чел. (536 учителей и 1445 учительниц), из них в школах Мин. (истерства) нар. (одного) просвещ. (ения) 334 учителя и 905 учительниц и в школах духов. (ного) ведомства 202 учит. (еля) и 540 учительниц. По образовательному цензу они распределяются так:

	Со средним образов.	Специальным образов.	Низшим образов.
Мин. народн. просвещ.	831	245	153
Духов. ведомства	538	53	141

Таким образом, в школах М. (инистерства) н. (ародного) п. (росвещения) учащие со средним образов. (анием) составляют 67 % общего числа, со специальным 19 % и низшим 12 %. В школах духовного ведомства — со средним образованием 72 %, специальным 8 % и низшим 19 %.

Расходы уездных земств на народное образование, произведенные в 1911 году, выразились в следующих цифрах:

Ярославский уезд	115.861 руб. 20 коп.
Даниловский —»—	58.380 —»— 40 —»—
Любимский —»—	14.890 —»— 25 —»—

Мологский —»—	48.795	—»—	99	—»—
Мышкинский —»—	45.019	—»—	15	—»—
Пошехонский —»—	47.970	—»—	07	—»—
Р.-Борисоглеб. —»—	35.010	—»—	20	—»—
Ростовский —»—	113.942	—»—	31	—»—
Рыбинский —»—	82.674	—»—	32	—»—
Угличский —»—	35.516	—»—	64	—»—

Таково к началу 1912 года состояние школ, этого крупного, но не единственного фактора в деле образования народных масс, т. к. здесь весьма почетную роль необходимо отвести и бесплатным народным библиотекам. В последнем отчетном году их было, по материалам, собранным земством, 194, причем имелся прирост в размере 10 библиотек. Однако доставили сведения о своем состоянии только 128 библиотек, т. е. 2/3 их общего количества.

Суммируя данные, приведенные ими, видно, что книжный состав этих библиотек не превышал 99 401 названия, слагаясь из 128 197 томов, причем на каждую библиотеку в среднем приходилось 776 назв.〈аний〉 и 1001 том. Стоимость книжной массы всех библиотек определяется в 73 119 р.〈ублей〉, что дает на одну библиотеку 571 р. Приобрело книг в отчетном году всего лишь 97 библиотек на сумму 4816 р.〈ублей〉 53 к.〈опейки〉.

Разбив книжный состав данных сведений библиотек на несколько групп по их содержанию и расположив эти группы в убывающем, по количеству книг, порядке, увидим, что на первое место придется поставить беллетристику, а за ней произведения религиозно-нравственные, исторические и научно-технические.

Повременные издания получались 117 библиотеками, причем 83 библиотек получали и журналы и газеты, 28 — только журналы и 6 — одни газеты. 11 библиотек не выписывали никаких периодических изданий.

Количество читателей равнялось во всех 128 библиотек.〈ах〉 24 313, слагаясь из 18 649 мужч.〈ин〉 и 7464

женщ.〈ин〉, что в среднем на каждую библиотеку дает 188 чел.

Переходя к бюджету народных библиотек-читален, заметим, что их денежные средства достигали 23 312 р. 40 к., причем в эту сумму вошли: 9366 р. 49 к., оставшихся от предыдущего года; 4649 р. от губернского земства; 4272 р. 15 к. от земств уездных; 1034 р. 43 к. от сельских и городских обществ; 1833 р. 61 к. частных пожертвований; 214 р. членских взносов; 942 р. 72 к. из всяких других источников.

Израсходовано же из этих сумм в 1911 г. было 13 488 р. 50 к., в том числе на покупку книг 3610 р. 12 к., на переплет их 1763 р. 9 к., на выписку периодических изданий 3068 р. 22 к., на инвентарь библиотек 387 р. 82 к., на жалование библиотекарям 3579 р. 91 к., на канцелярские и др. расходы 590 р. 75 к., на кварт.〈иры〉 с отопл.〈ением〉 и освещ.〈ением〉 498 р. 59 к. Остались неизрасходованными 9813 р. 90 к.

Таким образом, на каждую библиотеку приходится 182 р. из имеющихся для этого средств, расходуется же всего 105 р. 45 к.

Участие интеллигенции в распространении знания среди местного населения выражается деятельностью Общества содействия народному образованию в Ярославской губ., время основания которого относится к 1898 г. Это общество организовало по всей губернии ряд популярных чтений с волшебным фонарем, а в самом Ярославле — воскресные классы. В Ярославле же находятся и две открытые этим обществом бесплатные библиотеки-читальни: Некрасовская и Герценовская.

Такая картина современного положения народного образования в Ярославской губ. Не делая из приведенных выше цифр никаких выводов, пожелаем в заключение, чтобы знание шире и глубже внедрялось в народные массы, ибо без этого невозможно сколько-нибудь прочное развитие России.

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ ¹

(К 10-летию со дня кончины)

Десять лет тому назад страницы всех русских прогрессивных изданий вышли в траурных рамках — умер Николай Константинович Михайловский.

Крупными буквами вырезал он свое имя на скрижалях истории русской общественной мысли. Смерть вычеркнула из книги жизни нечто большее, чем оригинального философа-социолога, глубокого критика, блестящего публициста. В его лице в могилу сошел общепризнанный духовный вождь русской интеллигенции, указывавший ей путеводные звезды, формировавший ее мысль и неразрывными скрепами связавший свое имя с целой полосой развития русского общества. Свыше сорока лет бесменно простоял он «на славном посту», защищая честь одного и того же знамени; свыше сорока лет к нему устремлялись с надеждой глаза людей, больных совестью, — и во истину хлеб, а не камень подал он им. Редактор двух влиятельнейших журналов («Отеч. (ественных) записок»² и «Русского богатства»³), противник, уважаемый даже врагами, писатель, работавший в атмосфере напряженного внимания читательской массы, — он приобрел все это путем упорного труда, непрерывного углубления русла своей мысли, где одно лишь было неизменно — ее общий уклон. Зорок был его взгляд, чутка совесть, широк охват ума — и поныне еще не изжиты его произведения. Вечно свежестью веет от их страниц, будящих «чувства глубокие и страдальческие, мысли тревожные и трагические». Присмотримся же ближе к нему, наметим хотя бы беглый абрис его писательской деятельности. И первое наше слово — о Михайловском как социологе.

Основной социологической теореме, которую он так интересно поставил и так глубоко разрешил, посвящены статьи «Что такое прогресс?» (1869 г.) и «Борьба за индивидуальность» (1875 г.), а также разборы книг Южакова⁴, Дюркгейма⁵ и пр. Результатом всей этой работы является вывод знаменитой «формулы прогресса», представляющей из себя, так сказать, стержневую идею мировоззрения Михайловского: «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых (т. е. личностей), к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, разумно, справедливо и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»⁶.

Эта замечательная формула определяет собой содержание всего литературного наследия, оставшегося от Михайловского. Всюду чувствуется ее плодотворное присутствие — и в социологических работах, и в решении различных этических проблем, и в статьях по художественной критике, и, в особенности, среди публицистики. Пользуясь этой формулой, Михайловский указал целый ряд фальшивых нот в построениях Спенсера⁷, осветил и объединил явления массовой психологии, выступил против перенесения дарвинизма в область социологии⁸, оценил произведения Гаршина⁹ и мн. друг. На живых примерах из текущей жизни выяснял он (см. хотя бы описание Венской выставки)¹⁰ всю гнетущую нелепость современного положения личности, являющейся лишь дробью возможного целого, лишь «пальцем от ноги». И трудно выразить, как много давало присутствие этой общей точки зрения при освещении тех или иных частных явлений, как объединяло оно пеструю литературную деятельность Михайловского.

НОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Тема статьи обязывает нас установить прежде всего, что, собственно, разумеем мы под словом «интеллигенция» и где проходит граница, отделяющая ее от смежных общественных групп? Задача тем более необходимая, что в разговорном языке в это слово вкладывается слишком расплывчатое, неопределенное содержание, явно непригодное для сколько-нибудь твердых построений. Так, например, понятия «интеллигент» и «образованный человек» нередко считаются совершенно покрывающими друг друга; иные идут еще дальше и останавливаются при выборе отличительных признаков на чертах и случайных, и незначительных, вроде, скажем, характера домашнего обихода, разговорного языка, одежды и т. п. Совершенно ясно, что эти определения охватывают слишком пестрый круг общественных элементов, между которыми не может быть сколько-нибудь существенных связующих скреп; слишком ясно: таким путем под флагом «интеллигентности» в состав интеллигенции могут проникнуть представители совершенно чуждых ей общественных слоев. Все это определенно требует точного установления смысла, который мы вкладываем в слово «интеллигент», «интеллигенция».

На наш взгляд, всякий интеллигент необходимо должен удовлетворять следующим двум требованиям: во-первых, он должен иметь стремление к знанию; во-вторых, он должен стремиться нести свои знания на пользу народу. Вот черты, определяющие собой суть духовного облика интеллигенции; вот ценз, которым должен обладать каждый,

имеющий претензию на принадлежность к ней. Конечно, эти стремления могут и найти себе удовлетворение, могут и остаться неудовлетворенными, что имеет весьма серьезное значение: в первом случае интеллигент приобретает душевное здоровье, бодрость, уравновешенность; во втором — вырабатывает в себе свойства патологического, болезненного происхождения. Однако не эти обстоятельства являются мерилем для определения принадлежности к интеллигенции данного лица, а лишь вопрос, обладает ли это лицо только что упомянутыми стремлениями или нет? Дело в том, что такие стремления, по условиям русской жизни, могут встретить препятствия чисто внешнего, например административного, характера; следовательно, выводить отсюда какие-либо заключения о нравственном складе того или иного человека представляется совершенно невозможным.

Мы отнюдь не отказываемся сделать из данной нами формулы все логические выводы, сколь бы резки и неожиданны ни были они. Так, например, мы сами подчеркиваем, что эта формула оставляет профессора, служащего интересам буржуазии, вне интеллигенции, и в то же время может включить в нее, скажем, полуграмотного рабочего с известной духовной закваской. Скажем более, — именно в этой черте мы и видим наибольшую ценность предлагаемого нами определения. И это — совсем не парадокс. Сравните указанных лиц с каким-либо бесспорным интеллигентом, напр. В. Г. Короленко¹; несомненно, что у него окажется гораздо более точек совпадения с рабочим описанного типа, чем с упомянутым профессором. У обоих их — и у Короленко и у такого рабочего — преобладающей мыслью, определяющей уклон всей их сознательной жизни, является мысль о судьбе народа, забота о его положении. Это-то и является, так сказать, сердцевиной их обоих, это-то и делает их, столь различных в иных отношениях, истинными братьями по духу.

Не будем далее останавливаться на обосновании предложенной нами формулы. Ведь то же самое, хоть и выраженное другими словами, уже неоднократно высказывалось на страницах русской печати. Укажем только, что Николай Константинович Михайловский, любовно разрабатывавший эту тему, весьма определенно защищал точку зрения, с которой наша почти совершенно совпадает (см., напр., его прекрасную статью об Ив. Аксакове²).

*

* *

Установивши все это, подойдем к интересующему нас вопросу вплотную и попробуем испытать на данном нами пробном камне те слои населения, которые обычно принято зачислять в состав интеллигенции. Впрочем, сберегая место, подвергнем такого рода исследованию лишь одну часть их, но зато наиболее чуткую и ярко окрашенную, а именно студенчество, этот «барометр» настроений интеллигенции.

Стремится ли студенчество к знанию или нет? — вот первый основной вопрос, на который необходимо ответить. Основываясь на своих личных впечатлениях, на различных газетных известиях, статьях самих студентов, касавшихся этой темы, а также и на данных студенческих анкет, мы, не колеблясь, можем сказать: нет, не стремится (говорим, конечно, о массовом настроении студенчества, а не об отдельных личностях).

Второй вопрос: наблюдается ли среди студенчества мысль о необходимости нести свои знания на пользу народу? С еще большей уверенностью отвечаем: нет, не наблюдается, поскольку речь идет о студенчестве в целом. О руководящем же значении этой мысли для выработки плана личной жизни совершенно не приходится говорить.

Итак, те слои населения, которые преимущественно выделяли из своей среды интеллигенцию, в настоящее время ее не выделяют или, точнее, выделяют в гораздо

меньшем количестве. Поэтому приходится думать даже о том, быть или не быть интеллигенции в России? Но, конечно,— быть.

*
* *
*

Обращаясь к историческому развитию русской интеллигенции, рассматривая всю ее, возникавшую в течение многих лет толщу как бы в поперечном разрезе, мы видим, что она отнюдь не односоставна. Наоборот, она представляет собою сумму целого ряда напластований, процесс нарастания которых во многих отношениях сходен с процессами геологическими. Не забираясь особенно далеко в прошлое, начнем хотя бы с тридцатых годов минувшего столетия. Какой общественный класс вырабатывал в это время интеллигенцию? Бесспорно, класс дворянский. В подтверждение своих слов сошлемся хотя бы на декабристов. Это были одни из просвещеннейших людей своей эпохи; это были, далее, искренние народолюбцы, добивавшиеся, явно нарушая интересы своего материального благосостояния, таких, например, преобразований, как освобождение крестьян; добиваться же этого приходилось в виду эшафотов. Таким образом, мы не можем не отнести декабристов к числу интеллигенции. Кто же входил в их состав? Имена этих лиц известны: князь Трубецкой³, князь Волконский⁴, князь Одоевский⁵ и т. д., и т. д. Короче говоря, все это был дворянин, и притом иногда дворянин крупный, родовитый. Значит, в эту пору дворянство давало тот материал, из которого формировалась интеллигенция.

Однако и тогда уже в ее составе появляются люди иных сословий, оказывая на нее весьма заметное влияние: таков был, например, сын купца — Полевой⁶; таков был сын лекаря Белинский⁷; таков был сын прасола⁸ Кольцов⁹. Приток лиц из этих слоев населения постепенно усиливается и в эпоху шестидесятых годов совершенно

пропитывает собою всю интеллигенцию. Кто сосредоточивает на себя внимание в ее тогдашней среде? — Семинарист Чернышевский¹⁰, семинарист Добролюбов¹¹, семинарист Антонович¹², семинарист Зайцев¹³, семинарист Н. Успенский¹⁴, семинарист Помяловский¹⁵ и проч. С другой стороны, параллельно росту этого процесса количество интеллигенции, выделяемой дворянской средой, неуклонно падает.

Центр тяжести, очевидно, переместился на средние слои населения.

Интеллигенция старого уклада, дворянского корня, встретила новых пришлецов далеко не дружелюбно. Ей, воспитанной на основе совершенно иных традиций, в деятельности пришедших на смену людей грезился вандализм, отрицание культуры и т. п. Действительность, однако, скоро рассеяла все эти опасения. Правда, новое поколение интеллигенции было несколько грубовато и излишне прямолинейно, но оно было зато гораздо более деловито и работоспособно; оно оздоровило интеллигенцию, влив в нее свежие жизненные соки, и вместе с тем поставило дело развития русского народа на более твердый грунт. И в том и в другом приняли участие и сказали свое слово люди, вышедшие, как, напр., Решетников¹⁶, из самых глубин населения; заносим на наши страницы и этот факт.

Все выше намеченные процессы продолжали отчетливо расти и развиваться, пока, наконец, не наступил 1905 год, начавший историю современной России с красной строки. Когда же утих хаос стремительных событий и явственней обрисовались очертания произошедших общественных перемен, положение вещей представилось в следующем виде: количество интеллигенции, выходящей из дворянских кругов, упало почти до абсолютного нуля; молодое поколение средних общественных слоев, как мы уже показали, утратило в своем облике основные интеллигентские черты и потому за интеллигенцию признано быть не мо-

жет; среди старшего поколения возникли и быстро, с безудержной силой развились настроения, приведшие его к весьма ощутительному духовному развалу. Тогда явились «Вехи»¹⁷ и явно пристрастно, хотя во многих отношениях и до боли справедливо, констатировали этот факт. Но они упустили из виду два обстоятельства чрезвычайного значения: во-первых, то, что общественные группы, которые они осудили под именем интеллигенции, в это время интеллигенцией уже не были; во-вторых, то, что честь выделения из своей среды интеллигенции никогда не была закреплена за каким-либо классом, а постепенно переходила от одного к другому, неуклонно приближаясь к демократическим слоям населения. И если в данной общественной группе струя интеллигенции начинает иссякать, то это еще не значит, что Россия очутилась в безвыходном пункте. Это значит только, что настала пора передать из одних рук в другие «...не знавшее побед, но незапятнанное знамя!»¹⁸

Это знамя от дворянской интеллигенции перешло к интеллигенции средних слоев и, надо думать, будет скоро отдано этою последнею в руки явившейся ей на смену интеллигенции трудовой, т. е. крестьянской и рабочей. На наших глазах совершается процесс ее роста и формирования, процесс широкий и многозначительный; уделим же ему хоть несколько минут нашего внимания.

*

*

*

Русско-японская война¹⁹, манифест 17-го октября²⁰, события революционной эпохи — все это всколыхнуло деревню, поставило перед нею ряд неотложных вопросов и создало, таким образом, громадный лихорадочный спрос на идеологические ценности. Конечно, размах этого умственного подъема скоро сократился, но отдельные, наиболее устойчивые личности и после этого сохранили в себе пробудившуюся жажду знания и стремление улучшить

жизнь трудящихся классов. Эти-то личности и являются тем материалом, из которого вырабатываются кадры народной интеллигенции. Бегло очерчивая ее размеры и характер, остановимся прежде всего на мелких национальных движениях.

Быть может, далеко не все читатели знают, что такое движение существует, например, даже у якутов, черемисов, чуваш, киргизов, калмыков, бурят, осетин и у многих иных племен, населяющих Россию.

У всех их есть своя художественная литература, печатаются популярные книги и газеты, разговорный язык возводится в степень языка литературного. А между тем у этих племен почти совершенно отсутствуют как состоятельные, имущественные классы вообще, так и состоятельная интеллигенция в частности. Во всяком случае не она представляет главный оплот указанных движений, а лица, не порвавшие связи с народом, не ушедшие из его среды, не стыдящиеся народного языка. Короче говоря, эти национальные движения — результат творчества народной интеллигенции, народившейся после 1905 года; именно в это время началось, или по крайней мере приобрело особенную широту, возрождение всех только что названных народностей, а также и многих иных.

Глубоко демократическим является и белорусское движение²¹. Созданная им литература не только идет почти исключительно в народ, но и в значительной степени является продуктом деятельности самого народа или, точнее, возникшей в его недрах интеллигенции. Такого же склада интеллигенция играет выдающуюся роль и в литовском²², и в украинском национальном возрождении²³. Она же сгруппировалась вокруг польской газеты «Zagapie»²⁴, являющейся органом прогрессивной деревенской молодежи.

Однако и в Великорусии элементы этой нарождающейся интеллигенции уже имеются налицо. Об ее возникновении свидетельствуют, например, петербургские рабо-

чие клубы²⁵ и просветительные общества; рабочая печать²⁶, обслуживаемая в значительной степени самими рабочими; успех популярных журналов, громадный тираж газет-копеек; рождение народных театров и масса всяких иных фактов, учесть значение которых невозможно, и даже простое перечисление затруднительно.

Укажем еще только на успехи кооперативного движения, охватывающего, как установил С. Прокопович²⁷, около *девяти миллионов человек*. Мы, конечно, и в мыслях не имеем занести всю эту подавляющую воображение цифру целиком в подводимые нами итоги русской интеллигенции. Но несомненно ведь, что участие в кооперативе требует сравнительно высокого уровня сознательности и интереса к общественным делам. У отдельных личностей эти черты могут дойти до большой степени развития, вдвигая тем самым их в ряды нарождающейся трудовой интеллигенции. Для этой последней кооперация является чем-то вроде громадного всероссийского питомника, чего отнюдь не следует забывать.

Но довольно фактов. Заканчиваем отдел и переходим к заключительным словам.

*

*

*

Заслуги предыдущих поколений русской интеллигенции велики и бесспорны. Однако следует признать, что стремление нести свои знания на пользу народу было осуществлено ею далеко не в той степени, которой домогалось ее нравственное сознание. Административные ли меры, оторванность ли от народа, недостаток ли силы воли создали это обстоятельство — мы сейчас не беремся решать. Нам нужно лишь установить, что оно существовало и вызвало ряд патологических черт как в самой интеллигенции, так и в народе.

Новый слой интеллигенции, отлагающийся на наших глазах, имеет совершенно иную окраску. Он состоит из элементов, правда, менее сложных и менее культурных, но зато более дельных, более здоровых и работоспособных. Ибо трудовая интеллигенция, возникнув в недрах народа, не отрывается от него: это тот же народ, только более высокий и умственно, и морально. Она знает народ, знает его психологию, его нужды; и народ знает ее; знает — и верит ей. Все это ставит дело русского прогресса на новые рельсы.

Каждый, интересующийся судьбами России, должен по достоинству оценить этот факт, констатирование которого и составляет предмет нашей статьи.

[1914]

СТАЛЕЦЦЕ РУХУ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА

Свой нарыс пачну я з часу пералому ў палітычнай гісторыі нашага народа, а ўласна — з канца 18-га сталецця, бо ў тую пару ён адышоў ад зруйнаванай Польшчы да Расіі¹. Якім цяжарам ціснула яго плечы «крэпасное права», панаваўшае колькі сталеццяў, да якой забітасці, пакорнасці і збяднеласці дайшоў ён, сляпы, як крот, адарваны ад прасветы, заціснуты надсільнай і беспарыўнай працай, як пакалечылі душу яго бесканечныя гады паднявольнага жыцця — аба ўсім гэтым не буду я гаварыць: гэтае кожны і сам лёгка зразумее. Скажу толькі, што і ў падданстве ў Расіі беларускаму народу не стала лягчэй: памешчыкі былі тыя ж, уціск той жа, а абароны, як і раньш, чакаць было не ад каго. Аб гэтым сведчаць бадай што не ўсе людзі, ведаўшыя ў той час наш край, але дзеля асцярожнасці разгледзім толькі ўрадавыя матэрыялы.

У 1835 гаду віцебскі губернатар пісаў, што на Беларусі мужыкі змучаны нявольніцтвам і беднасцю, а памешчыкі адурэлі ад сваёй моцы: прымушаюць крэпасных увесь час працаваць на панскі двор, пакідаючы ім толькі нядзелю, адбіраюць ад крэпасных усякую ўласнасць, пашыраюць п'янства, заводзячы корчмы, і руйнуюць ім мужыцкую гаспадарку (Сямеўскі², т. II, стар. 486).

Беларускі генерал-губернатар князь Хаванскі³ так жа сама гаварыў, што памешчыкі без розуму ціснуць мужыкоў і што «ў іх аконам кіруе людзьмі пугаю, бізуном» (Сям.<еўскі>, II, стар. 487)⁴. У «Журнале Міністэрства ўнутраных спраў»⁵ у 1843 гаду, ч. I, га-

ворыцца (гл. стар. 242—262), што, апрыч паншчыны, каторая адрабляецца ў «гвалтах» і «згонах», мужыкі павінны былі адбываць «шарваркі» (значыцца, пачыняць грэблі і гаці з дарогамі, а такжа рабіць будоўлі), «старожаства» (хатняя праца пры фальварку), «падарашчызну» (перавозка панскага добра на продаж) і, апрыч таго, усякія «талокі», «ласкі», «дарэмшчыны», працы ў гарадах, ткацтва, прадзенне і розныя «даніны» грашмі ці інш. Усе гэтыя павіннасці «предоставляються личному усмотрению и безотчетному произволу помещиков». У 1842 г.* мінскі губернатар піша: «Памешчыкі аддаюць сваіх мужыкоў у рукі жорсткасардэчных, грубых і хцівых аконамаў, каторыя ціснуць іх надсільнымі работамі, зверска мучаюць нават і кабет, і дзяцей, і хворых людзей. Дзе-калі тое ж робяць і самі памешчыкі. Увесь час чутно, што такі-то мужык памёр, а такая-то зацяжэўшая кабета выкінула дзіцё альбо такжа памёрла пад наказаннем за дробны праступак»⁶ («Россия»⁷, т. IX, стар. 112). «У Віцебскай губерніі,— піша ў «всеподданнейшем донесении» 1855 года галоўны начальнік края,— мужыкі, бадай, не бачаць хлеба, жывуць грыбамі і рознымі сырымі рэчамі, шырашчымі хваробы» («Россия», т. IX, стар. 109).

Вось у якім палажэнні былі мужыкі на Беларусі па свядоцтву ўрадавых матэрыялаў...

[1914]

* У Творах, 1928, т. 2, дзе тэкст друкаваўся па аўтографу, дата — 1848 г.— аказалася недакладнай. У кн. «Россия...», якой карыстаўся М. Багдановіч пры напісанні артыкула, ішла гаворка пра 1842 г. (с. 112) — Т. Строева.

〈ГАЛИЦКАЯ РУСЬ〉

В 1772 году, при разделе польских областей, Галиция отошла к Австрии¹, которая через несколько лет присоединила к своим владениям и Буковину². Среди этих земель весь юго-восточный кусок Галиции, вплоть, приблизительно говоря, до реки Сана, издавна заселен русским племенем*, а по Карпатам оно продвинулось узким клином и много дальше. Оно же занимает смежные с Галицией части Буковины и Венгрии, превышая в общей сложности за австрийским рубежом 4 миллиона человек. С трех сторон эти земли окружены чуждыми народностями, влияние которых сказывается, например, на языке: в Угорской** Руси оно венгерское, в Галицкой — польское, в Буковинской — румынское. Однако в конце концов речь всей этой четырехмиллионной массы одна и та же; это, бесспорно, русская речь — именно речь украинская (малороссийская), а сам народ, живущий тут, является неразрывной частью украинского народа, в числе тридцати миллионов занимающего сплошной полосой юг России.

Русские племена заселили Прикарпатскую область еще в доисторические времена. В ее прошлом встречаются промежутки широкого подъема и расцвета. В XIII—XIV вв. при князьях Романе³, Данииле⁴ и Льве⁵ она возвышается до значения первостепенной величины среди русских земель, расшатанных внутренними неурядицами

* Отсюда и пошла древняя поговорка: «Брешешь, ляше, — по Сан наше».

** Т. е. венгерской.

и подорванных рядом татарских нашествий. Здесь, в Галиции и смежной с ней Волыни, возникало крупное государственное ядро, вырабатывалась своеобразная культура. Впрочем, все это было недолговечно и кончилось с присоединением в (XIV) столетии Галиции к Польше. Зато Польша упрочила экономические связи Галиции с З.⟨ападной⟩ Европой, дала толчок к переустройству общественной жизни галицких городов на основе магдебургского права⁶ и ввела их, таким образом, в общеевропейский культурный оборот. Это привело к новому подъему Галиции. Когда в Европе началась эпоха Возрождения⁷, то она отразилась и здесь. Ключом была тут общественная жизнь, шла, причудливо переплетаясь, горячая национальная, религиозная и классовая борьба, усваивались и своеобразно перерабатывались влияния соседних культур, открывались школы, основывались типографии, создавался на основе разговорной речи книжный украинский язык. Но это движение опиралось почти исключительно на города, будучи оторвано от украинской деревни, уже придавленной страшной тяжестью крепостного права. И когда в XVII столетии во всей Польше начался упадок городской жизни, описанному движению пришел конец. Разоренное «мещанство» не могло уже поддерживать просветительных учреждений, и они одно за другим закрывались. Уния⁸, на борьбу с которой было потрачено столько сил, окончательно восторжествовала, вытеснила православие и постепенно превратилась в крае как бы в национально-русскую религию (ополяченные русские переходили в католичество), которой народ с течением времени стал не менее предан, чем раньше православию. В эту пору Галицкая Русь имела следующий вид: высшее русское сословие, а также значительная часть мещанства (особенно крупного) совершенно ополячились. Русским (украинским) продолжало оставаться лишь крестьянство, слепое, невежественное, оторванное от духовных

интересов, еле дышавшее под тяжестью барщины, да униатское духовенство, всецело связанное с ним. Но это духовенство само было бедно, невежественно, сильно проникнуто польскими влияниями, избежать которых тогда в Галиции было невозможно. Однако другой интеллигенции у галицких украинцев не было, и именно на долю униатского духовенства выпала задача вновь создать литературу в этом оцепенелом крае, для этого жалкого народа...

[1914]

ЧЕРВОННАЯ РУСЬ АВСТРИЙСКИЕ УКРАИНЦЫ

I

Вдоль всей русско-австрийской границы неширокой полосой тянется австрийская область Галиция¹. Поперек ее протекает река Сан и делит Галицию на две части. Кверху от Сана живут поляки, книзу — русины, то есть те же украинцы, тридцать миллионов которых цельным сплошным куском заселяют весь юг России. Галицкие украинцы составляют лишь небольшую окраинную часть этого народа, хотя их все же насчитывается более трех миллионов. Впрочем, украинское племя простирается и далее в глубь австрийских земель; здесь оно занимает восточный угол Венгрии и половину Буковины в той их части, которая вплотную подходит к украинскому отрезку Галиции. Всего русин в Австрии находится четыре миллиона с лишним. Земля, заселенная ими, издавна зовется Червонною Русью. В австрийские границы она вошла при разделе Польского государства², около полутора столетий тому назад*. С тех пор Червонная Русь является как бы отрезанным ломтем среди русских земель.

Климат в червоннорусских землях мягкий, а почва хотя и гориста иной раз, но хороша для хлебопашества. Поэтому четыре пятых всего населения Червонной Руси занимаются земледелием. Сеют тут пшеницу и кукурузу, а в более теплых местах вызревает и виноград. Вдоль Галиции, как раз на самой середине ее, течет большая сплавная река Днестр, в которую впадает Серет,

* Венгерская часть Червонной Руси вошла в состав Австрии еще раньше.

а по Буковине протекает Прут с притоком Черемошем. Все эти реки, кроме Серета, берут свое начало из высоких Карпатских гор, идущих продольной грядой в глубине страны. Горы очень красивы — крутые, дикие, заросшие лесами, где и поныне нередки олени, медведи, рыси и волки. Заселены горы лемками, бойками и гуцулами* — украинскими народцами, которые занимаются рубкой и сплавом леса по названным рекам, а еще больше — скотоводством среди горных долин. Из других промыслов, развитых в Червонной Руси, следует упомянуть добывание соли, громадные залежи которой имеются по всей Галиции. Однако соль там очень дорога, так как продажа ее составляет правительственную монополию. Казенной монополией являются и удобрительные вещества — каинит и сильвин, большие залежи которых находятся около городка Калуш. Еще более значения имеет добывание нефти и горного воска (идет на свечи), издавна сосредоточенное вокруг Бориславова³; ныне это многотысячный рабочий поселок. Наконец, в разных местах Червонной Руси разрабатывается бурый каменный уголь. Ввиду всего этого она вывозит продуктов горнозаводской промышленности на гораздо большую сумму, чем ввозит.

Много слабее развит фабричный промысел. Здесь следует отметить лишь винокурение, мукомольное дело, изготовление бумаги. Все прочее очень незначительно. Зато высоко стоит выработка и сбыт кустарных изделий из дерева и глины. Эти изделия, как и на русской Украине, отличаются своеобразием формы и раскраски. Не менее хороши русинские вышивки и «килимы», т. е. ковры. Для развития кустарного промысла в Галиции заведено довольно много разных школ, в кото-

* Гуцулов хорошо изобразил талантливый украинский писатель М. Коцюбинский⁴ в своей повести «Тени забытых предков»⁵. Повесть переведена на русский язык.

рых совершенствуют способы производства и даются художественные образцы.

Среди городов первое место занимает, бесспорно, Львов⁶ — старинный русский город, еще в 1258 году основанный князем Львом Даниловичем. Львов очень красив и примечателен. Он угнездился среди гор, на одной из которых, а именно «Замковой горе», растет чудный парк. Как город с богатым прошлым, Львов имеет много красивых древних построек, среди которых больше всего церквей и костелов⁷. Целые части его (в особенности же еврейский квартал) состоят из старинных узких, кривых улочек, среди которых едва-едва разъедется пара телег. Но сделаешь небольшой поворот — и через несколько шагов попадешь на полную шума и движения широкую улицу, блестящую буквами вывесок, саженными стеклами магазинов, электрическим светом фонарей. Львов сравнительно невелик, — в нем немного более 200 тысяч населения, — но уже немало сделал для просвещения. Кроме университета⁸ и политехникума⁹, он имеет много средне-учебных заведений и начальных училищ¹⁰. Есть и четыре прекрасных музея (Оссолинских¹¹, Дзедушицкого¹², Промышленный¹³ и Украинский музей¹⁴), при которых собраны ценные книгохранилища. Наконец, в Львове находится ряд общественных учреждений, издается много газет¹⁵, ежемесячников и книг. Здесь же сосредоточена вся государственная жизнь Галиции.

Однако, хотя Львов стоит на русинской земле, русинского в нем очень мало. Здесь, как и в большинстве городов Червонной Руси, население состоит главным образом из евреев и поляков. Евреи сильно поддаются влиянию польской культуры, так что многие из них начинают считать себя «поляками моисеева вероисповедания». Все они в общественных делах употребляют польский язык. Вот почему Львов имеет вид польского города. То же самое следует сказать и о других значительных галицких городах — Перемышле¹⁶ и Коло-

мый; а отчасти и о Станиславове, Стрые, Дрогобыче, Тарнополе¹⁷, Бродах. Из украинских городов Буковины назовем Черновицы¹⁸, в котором есть университет; в Венгрии упомянем Мармарош. Все они не слишком велики, но зато очень благоустроены и отличаются большим оживлением просветительной деятельности как польской, так и русинской, а иной раз и еврейской. Есть в городах и немного немцев, по большей части военных.

Что касается сельского населения Червонной Руси, то оно почти сплошь русинское. Однако и здесь все же немало евреев. Занимаются они торговлею, шинкарством, ростовщичеством, изредка — ремеслами. В большинстве это очень загнанные и бедные люди, бесполезные тем, что они хорошо наладили в крае торговлю. Однако их тут слишком много, и это тяжелым камнем ложится на плечи русинского крестьянина. Помещиками в Червонной Руси являются одни поляки¹⁹, и лишь в закарпатском уголке ее — венгры. Живут эти помещики пышно и богато, так как в их руках находится добрая половина земли. Они очень притесняют русинских крестьян и потому между теми и другими идет постоянная вражда. Оттого что крестьяне здесь — русины, а помещики, как мы уже сказали, — поляки, эта вражда иногда получает вид борьбы польского народа с русинским. Но ясно, что когда земельное положение местного крестьянства будет улучшено, польско-русинской вражде придет конец.

Мы видели, что поляк в русинском селе это — помещик, еврей — торговец; русин же здесь — крестьянин, священник, народный учитель. Священники и учителя часто выходят из крестьянских же семей, а потому очень близки к народу и крепко стоят за него; они стараются помочь крестьянам улучшить хозяйство, стараются просветить их, заводят разные сельские общества, библиотеки, устраивают чтения и тому под. Эта деятельность идет успешно; ныне вся Червонная Русь (за ис-

ключением ее венгерской части) покрыта сетью просветительных обществ «Просвіт»²⁰, пожарно-гимнастических «Січей»²¹, мелких ссудо-сберегательных касс и земледельческих кружков; эти последние помогают крестьянам выписывать хорошие семена и искусственные удобрения, покупать сельскохозяйственные машины, осушать почву, проводить по ней воду, заводить сады и т. п. Большим подспорьем в просветительной работе является довольно широкая грамотность русин; еще в 1873 г. в Галиции было введено бесплатное, но обязательное обучение всех детей*. Однако при всем том жизнь русинского крестьянина и поныне очень тяжела. Главная причина этого — малоземелье. Населена Червоная Русь на редкость густо, а между тем в крестьянских руках находится не более половины земли. Громадное количество хозяйств не превышает полтора morga, т. е. одну десятину. Земельное утеснение заставляет многих крестьян бросать хозяйство и уезжать искать счастья за море — в Америку. Там, в Соединенных Штатах, Бразилии, Аргентине и проч., живет теперь несколько сот тысяч украинцев. Они имеют много украинских школ и газет, устраивают свои народные дома и начинают обживаться; иные даже помогают своим родичам в Червоной Руси. Однако и в Америке многим приходится очень тяжело; к тому же бросать свой край и ехать бог весть куда — это уж самое последнее дело, на которое можно решиться только в крайности. Недаром в русинской песне говорится:

Горы мои высокіи, мушу ** вас лишити***.
Волѣв **** бы'м був у вас гнити, як в чужинѣ жити! ²²

* Но еще в 1900 г. 79,8% русского населения было неграмотно.

** Должен.

*** Оставить.

**** Хотел.

Впрочем, громадное большинство русинских крестьян, конечно, продолжает жить в своей земле, как ни тяжела их жизнь. Присмотримся же к этой жизни, а вместе с тем и к ним самим.

Сравнивая крестьянина-украинца из Червонной Руси и южной России, следует отметить прежде всего разницу в вере — австрийские украинцы униаты. Это значит, что они признают главенство римского папы, но богослужение и обряды у них православные. Униатская вера раньше была широко распространена среди белорусского и украинского народа; но в России она была правительством уничтожена и осталась только в Австрии у русин²³. В вере и состоит их главное отличие от русских украинцев. Язык их, например, тот же, но они, живя в немецком государстве, усвоили несколько немецких слов*, однако это уже мелочь. Можно еще отметить, что во многих местностях Червонной Руси нет известных украинских «мазанок», а вместо того стоят бревенчатые избы. Это, конечно, несущественно, но все же бросается в глаза. Строятся так здесь потому, что почти везде есть много леса — бука, граба, а также и деревьев, обычных в России.

Одежда у русин, как и у всех украинцев, приглядна и украшена вышивками. Это в особенности можно сказать о нарядах гуцулов. «В одежде гуцула,— пишет г. Василевский²⁴,— заметна склонность к щегольству. На голове у него круглая шляпа, украшенная павлиньими перьями, сорочка вышита красной шерстью, короткий кожаный кафтан без рукавов покрыт очень красивыми узорами и медными блестящими пуговками. Пояс украшен медной набивкой, за поясом нож и пистолет. Узкие штаны, заправленные в кожаные постолы,

* Не следует думать, встречая у русин непонятные для нас слова, что язык их испорчен. Наоборот, эти слова часто являются исконными славянскими, но только забытыми у нас.

ярко-красного цвета. Такого же цвета по большей части и верхняя одежда — байбарак, накидываемый на плечи. В руках у гуцула постоянно находится маленький, очень изящный топорик на длинном древке, украшенном узорной нарезкой и разноцветными бусами. Эти топорики много значат в танцах, которых гуцулы большие любители. Танцуя, гуцул подбрасывает свой топорик вверх и затем, не переставая танцевать, ловит его»²⁵. Гуцулки точно так же любят поприодеться; они часто, несмотря на то что большой зажиточности у них нет, щеголяют в монистах из серебряных и золотых монет.

Русины все большие охотники попеть и потанцевать. Песен у них множество и притом очень красивых и по словам, и по напеву. Особенно хороши любовные песни; для примера приведем одну из них, выбрав более короткую. По ней, кроме того, можно видеть, что представляет собою язык русинов.

Нежь солнце изыйде,
Нежь ворон закранче,
Дробненькими слезы
Молодец жалобный
На могиль плаче.
Даремно, молодче,
На могиль плачешь:
Не пробьешь слезами
Святую землю,
Миленький не вбачишь.

Австрийские украинцы — один из самых певучих народов в мире. Поют они круглый год, причем для каждой поры существуют свои особые песни: на святках поются колядки и щедровки, позже — веснянки, русальные песни, купальские и т. д. Особые песни созданы и для каждой работы (зажиночные, дожиночные и т. п.) и для каждого крупного события (свадебные, крестинные и проч.). Но особенно выделяются плясовые коротенькие песенки, называемые «коломыйками» по городу Ко-

ломые, возле которого они распространены. Это — любимейшие песни русинов, о чем удачно сказано в самих коломыйках:

Гей! плыну я по Дунаю, и так си думāju:
Нема красших спѣваночок, як у нашем краю!
Ой нема ж то, ой нема ж то, як Руска краина,
Там спѣвае коломыйки каждая дѣвчина.

Нема танцю на всем свѣтѣ, як та коломыйка,
Она душу выривае из мого сердейка:
Як заграю, заспѣваю; туча исчезае,
Бо та наша коломыйка таку силу мае.

Поются коломыйки во время танцев того же названия. Напев их своеобразен и приятен. Содержание часто совпадает с песнями наших украинцев *. Отличаются коломыйки своей величиной: в них всего четыре, а иногда и две строки. Коломыйка состоит из двух половинок; в первой берется образ из простой русинской природы, во второй делается сравнение с чем-нибудь из жизни и чувств поющего. Многими своими особенностями коломыйки походят на наши частушки, но только будут, бесспорно, много красивее. Приводим для образца несколько этих милых песенок.

Ой вже ж я ся не дивую, чому Марця красна **:
Коло неї вчора зрана впала зоря *** ясна;
Ой упала зоря з неба, та й россыпалася,
А Марця ю позбєрала, закосичилася ****.

Коб я була така красна, як та зоря ясна,
Свѣтила бы'м знаю кому, нѣколи не згасла.

* Вообще в песнях Червонной Руси и остальной Украины много одинакового, и большинство этих песен известно как там, так и здесь.

** Красива.

*** Звезда.

**** Украсила косы.

Коли мене, любку, любиш, не кажи * ж никому,
Нехай люде не разносят, як вѣтер соломѹ!

Ой, спѣвав бымь коломыйки, кобы их удати **,
Но я в чужой стороньць — будут ся смѣяти:
Бо то чужа сторонька, та чужіи люде,
Будут з мене ся смѣяти, а менѣ жаль буде.

Но Россия для русина страна не чужая, и здесь над его песнями смеяться не будут. Напротив, русскому сердцу эти песни могут сказать многое, а прежде всего то, что Червонная Русь — не обсевок в славянском поле. Из них видно, что в русинах еще не замерли ни духовные силы, ни творческие способности. Если же русин часто и беден, и темен, и унижен, то виною этому та тяжелая жизнь, которую он вел в течение многих веков. О прошлом Червонной Руси мы и поведем сейчас речь.

II

Какого племени народы ²⁶ обитали в самую древнюю пору на Червонной Руси — это нам доподлинно неизвестно. Однако ученые думают, что славяне тут жили издавна и что именно отсюда они начали расселяться по русской земле в VI—VII веках после Р. Хр. Когда расселение кончилось, Червонная Русь оказалась лежащей на самом краю русских областей, так сказать, «на отшибе». Однако связь между нею и этими областями (особенно с Волынской) никогда не порывалась. Креститель Руси, киевский князь «Владимир Красное Солнышко» ²⁷, собирая русскую землю, присоединил к своим владениям и Червонную Русь. И после его смерти Червонной Русью управлял, надо думать, русский князь его же рода, быть может, тот, который сидел в Волыни.

* Не говори.

** Изобразить, представить.

Впрочем, будучи окраинной землей, Червонная Русь жила несколько обособленно и имела свою особую судьбу. Ей, например, не угрожали, как иным русским областям, степные кочевники — половцы, печенеги, хазары и т. п. Но у нее оказалось грозное соседство, с одной стороны, в виде поляков, с другой — в виде венгров. Посредством этих народов устанавливались скрепы между ею и Западной Европой. Однако те же народы готовы были обрушить на нее свои военные силы и похозяйничать на ее плодородных полях. Так, после смерти Владимира польский князь Болеслав Храбрый²⁸ напал на нее и захватил, как выражается летопись, «червенские города»*. Из городов Червонной Руси в это время существовали Червень, Белз, Перемышль, Галич, Теревовль. Иные из них дожили и до наших дней. Это были богатые города, и русские князья постарались их вернуть²⁹. Удалось это сделать по смерти Болеслава Храброго в конце первой половины XI века князю Ярославу Мудрому³⁰.

К этому времени во внутренней жизни червоннорусской области уже успело возникнуть и развиваться довольно много особенностей. Здесь, например, народные сходки — «веча» не влияли на государственные распоряжки, как это было в остальной Руси. С другой стороны, в Червонной Руси непомерно возросло значение зажиточных знатных людей, т. е. боярства. Захватив в свои руки много земель и разбогатев, оно часто вмешивалось в управление государством и сильно уменьшило власть князя. Неудивительно, что Червонная Русь, отличаясь рядом особенностей во внутренней жизни и находясь на отдаленной окраине, довольно быстро стала в государственном отношении отдельной областью. В ней обосновался род князей Ростиславичей³¹, которые начали считать ее своей «отчиной» и князей из других родов сюда

* Значит, еще с этого отдаленного времени ведет свое начало название Червонной Руси.

уже не допускали. Это еще более обособляло Червонную Русь от остальных русских княжеств. Главным городом ее стал Галич, отчего она и называлась Галицкой землей, а на чужеземный лад — Галицией. В состав ее, однако, не вошли закарпатские русские земли; они были захвачены венграми, оторваны от общерусской жизни и потому сделались едва ли не самым темным и захудалым славянским краем. Что касается самой Галиции, то она жила спокойно, войн не вела³² и благодаря этому процветала, богатела и даже привлекала выходцев из других княжеств. К этому времени русская земля от внутренних усобиц и набегов разных кочевых народов сильно пошаталась. Даже Киевское княжество, когда-то такое мощное, клонилось к упадку. Поэтому Галиция мало-помалу начала выдвигаться на первое место. В старинной песне-былине про поход Игоря («Слово о полку Игореве»)³³ с гордостью говорится про галицкого князя Ярослава³⁴, что он «сидит высоко на своем золотокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступил путь королю, замкнул ворота Дунаю». Однако окончательно приподнял значение Галицкой земли не Ярослав, а живший позднее его Роман Мстиславович³⁵.

Роман был князем во Владимире Волынском — городке, лежавшем близ галицкой границы. В 1189 году бояре галицкие, изгнав своего князя, призвали вместо него Романа. Впрочем, он не сумел удержаться и был прогнан венграми. Но десять лет спустя (в 1199 г.) Роман, при поддержке польских князей, овладел Галицией, а затем постепенно присоединил к ней одну за другой все волынские земли. Таким образом возникло крупное и сильное Галицко-Волынское княжество, объединившее в своих границах значительную часть русского народа и ставшее на некоторое время его главным оплотом. Неудивительно, что некоторые земли сами просили Романа, чтобы он княжил в них. Однако Роман дорожил

своим Галицко-Волынским княжением и в Киев не пошел, а назначил туда одного вслед за другим двух князей. Конечно, они находились в полной зависимости от Романа. Поэтому без преувеличения можно сказать, что он правил всей южной Русью.

Объединив южнорусские земли, Роман постарался уменьшить силу и значение галицкого боярства, которое очень стесняло его в государственных делах. Роман забирал себе богатые поместья бояр, а самих их безжалостно убивал, приговаривая: «Не побивши пчел, не есть меду». Простой народ при этом находился на стороне Романа, так как бояре были жестоки, своекорыстны и потому ненавистны для всех.

Занимался Роман и военной защитой своих земель от врагов.

«Устремлялся он на поганых * — словно лев, сердит был — как рысь, и губил их — как крокодил, переходил их земли — словно орел, а храбр был — как тур».

Эти слова, взятые из галицкой летописи, являются отрывком одной из песен, которые народ слагал о своем храбром и удачливом князе. Особенно прославился Роман походами на Литву, память о которых жила долго после него. Между прочим, забрав многих литовцев в полон, он будто бы пахал на них землю, о чем дошло до нас старинное присловие: «Романе, Романе, лихим живеши, Литвой ореши». И погиб Роман на войне: в 1205 году он пошел в поход против польских князей и был убит.

После Романа осталось двое сыновей: Даниил и Василько, причем старшему, Даниилу, было всего три года. Поэтому землей править стала их мать, обратившаяся за поддержкой к союзнику Романа, венгерскому королю Андрею. Но Андрей устроил так, что верховным правителем начал считаться он сам, а княгиня сделалась его подручной. После этого в Галицко-Волынском кня-

* Некрещеных.

жестве поднялись смуты, и оно стало утрачивать свое значение.

Прежде всего некоторые бояре не хотели княжения Романовичей и приглашали к себе других князей, особенно Игоревичей. Эти последние завладели галицкими землями, но не ужились с боярами, начали бороться с ними и раз даже перебили их несколько сот. Но бояре все же одолели Игоревичей, захватили их и повесили. После этого на галицком престоле в короткое время перебивалось много князей. Однако ни один из них не угодил боярам и не смог удержаться. Видя это, король Андрей посадил на галицкий престол своего сына Коломана, а чтобы не были в обиде поляки, которые тоже зарились на Червонную Русь, женил его на польской королевне. Часть Червонной Руси была дана отцу королевны Лешеку, город Владимир Волынский отдал Романовичам, а остальное — Коломану, которому римский папа прислал королевскую корону. Но когда король Андрей, в благодарность за это, начал стараться, чтобы население подчинилось папе, в Галиции поднялся бунт. Вместе с тем Лешек вскоре рассорился с Андреем. Поэтому Романовичи не теряли надежды вернуть отцовские владения. Сперва они понемногу подчинили себе всю Волынь, а затем начали стараться завладеть, с одной стороны — Киевом, с другой — Червонной Русью. Первое им под конец удалось: в 1240 г. в Киеве правил наместник Даниила Романовича. Захватить же Галицию помешало неожиданно разразившееся татарское нашествие³⁶. Татары и ранее набегали на русскую землю, но до Червонной Руси не доходили. На этот же раз, в 1240 году, они взяли и разрушили Киев, пронеслись, нигде долго не задерживаясь, по всему Галицко-Волынскому княжеству, прошли через Карпаты, разорили кое-какие польские и чешские области, разгромили венгров и ушли назад в приволжские степи. После этого в Киевской Руси, самой близкой к ко-

чевникам, жить стало очень трудно и опасно. Население оттуда толпами бежало в более отдаленную и потому более спокойную Волынь. Она становилась люднее и тем самым увеличивала свои силы. В 1245 году Романовичи уже смогли присоединить к ней Галицкую землю, в которой стал княжить Даниил, а брат его Василько — на Волыни. Правили землями братья очень дружно, так что Галицко-Волынские земли по существу были одним целым государством. Таким путем значительная часть русского народа была тут сплочена вновь.

Чтобы укрепиться на княжении, Даниил съездил к хану на поклон и был принят ласково. Но в то же время он уже обдумывал способы покончить с татарской властью и вел в этом смысле переговоры с папой. Папа через своего посла (легата) короновал его в Дорогичине королевской короной и обещал призвать к нему на помощь западных государей, надеясь, что Даниил подчинит свое королевство церковной власти пап. Однако помощь не пришла, и все эти намерения кончились ничем. Пробовал Даниил подбить литовцев идти вместе с русскими на татар, но тоже неудачно. А тем временем татарский вождь Бурундай, узнав о замыслах Даниила, напал врасплох на его земли и приказал срыть все города. Без городских укреплений русская земля становилась совершенно беззащитной, но у Даниила не оказалось войска под руками, так что пришлось покориться. Были срыты все города, кроме Холма, богатого и сильно укрепленного. Его наместник не послушал приказа Даниила, а набежавших татар отразил. Даниил и после описанного тяжкого удара вел кое-какие военные дела, отнимал земли у Польши и Литвы, но, видя крушение своих надежд, скоро расхворался и в 1264 году умер.

Однако и после Даниила в Галицко-Волынской области нашлись выдающиеся князья. Таков был князь Лев³⁷, на время завладевший венгерским куском Чер-

вонной Руси; таков же был и правивший на Волыни Владимир Василькович, «книжник великий и философ, какого не было до него во всей земле и после него не будет», как отозвался о нем летописец. Но наибольшую славу имел сын Льва, Юрий³⁸; войн он не вел, а занимался внутренним устройством страны. Между прочим, он добился (в 1303 году) назначения для Галицко-Волинского княжества отдельного митрополита. Дело в том, что управлявший русской церковью киевский митрополит ушел из разоренных киевских земель на север России, во Владимир, где возрождалась русская государственная жизнь. Но между Владимиром и Галичем не было никаких связей. Стоявшая и раньше несколько в стороне от остальной России, Галиция теперь окончательно отграничилась от почти всех русских земель. Но, оставшись в одиночестве, она не могла долго противостоять натиску чужеземцев. Близость конца Галицко-Волинского государства вполне явственно обозначилась еще в княжение племянника Юрия — Болеслава³⁹, княжившего после его сыновей. Выросший в Польше, он не пользовался доверием народа, чем и хотели воспользоваться венгры и поляки, замышляя захватить русскую землю. Однако, прежде чем они приступили к этому, Болеслав был отравлен⁴⁰, а на Волинский престол призван князь Любарт⁴¹. Признавала и Галиция власть Любарта, но на самом деле там правили бояре под началом Дмитрия Дедька, «опекальника и начальника Русской земли». Когда на Червонную Русь двинулся было польский король⁴², а вместе с ним венгры, этот Дедько тотчас же призвал на помощь татар, и враги отступили. Тогда же польский король Казимир дал присягу не трогать Галицию. Но папа освободил Казимира от присяги, и в 1345 году он отнял у Любарта пограничные земли, а вслед за тем в 1349 году занял Галицию и часть Волыни. Любарт вряд ли бы смог оборониться сам, но к нему подоспели на помощь

литовские князья, его родственники. Благодаря им Во-
лынь Любарт удержал за собою, но Галиция безвоз-
вратно отошла к Польше. Так как Волынь, собствен-
но, не входит в состав Червонной Руси, то мы в даль-
нейшем будем говорить только о судьбе Галицкой земли.

Язык, употреблявшийся в южной Руси, стал к это-
му времени довольно сильно отличаться от языка се-
верных русских областей; в нем уже имелись главные
особенности той русской речи, которую называют укра-
инской или малороссийской. По-украински же говори-
ли, конечно, и жители Червонной Руси. Просвещение
здесь было в почете, отчего до нас дошло немало здеш-
них рукописей⁴³; язык их многим напоминает нынеш-
ний украинский. Однако в местном просвещении были
заметны и некоторые чужеземные, западноевропейские
влияния. Укажем хотя бы, что у галицких князей суще-
ствовали латинские канцелярии, что на галицких го-
сударственных печатях имелись латинские надписи и т. д.
После присоединения Галиции к Польше эти чужезем-
ные влияния получили большую силу, а все русское при-
шло в упадок, преследовалось и находилось в загоне.
Галицкое боярство быстро ополячилось, русским оста-
лось лишь крестьянство и мещанство, сильно угнетен-
ные поляками. Например, львовских мещан русского
племени, как пишет Грушевский⁴⁴, «не только не допус-
кали к городским должностям, но и не принимали в ре-
месленные цехи, не позволяли заниматься продажей
горячих напитков, торговать материями; им нельзя было
иметь домов за пределами маленького русского квар-
тала; даже православной присяги не принимали в су-
дебных местах». Вся государственная жизнь Червон-
ной Руси была переделана на польский лад и велась
польскими чиновниками на польском языке. Благодаря
этому начинал ополячиваться и простой народ. Но его
поляки притесняли и с другой стороны; именно они очень
скоро обратили крестьян Червонной Руси в своих кре-

постных, изнуряли работами, делали их жизнь невыносимой. К тому же польские законы и обычаи давали помещикам безмерную власть над крестьянами; помещик мог отнять у своего крестьянина землю, имущество, мог наказать, как вздумается, мог даже убить — и ни за что ни перед кем не отвечал. Боролся украинский народ Червонной Руси против своего порабощения двумя способами. Он поднимал восстание против помещиков, чтобы избавиться от тяготы крепостного права; таково, например, восстание под предводительством Мухи, бывшее в 1490 году. Эти восстания жестоко подавлялись. С другой стороны, украинское население стремилось сбересть свою народность, стремилось остаться русским и не ополячиться. Для этого нужно было добиваться отмены стеснений, уменьшавших права людей русского племени, нужно было хранить свой язык, свою веру и свои обычаи. Тут много сделали мещане Львова, самого крупного города Червонной Руси. Подарками королю и влиятельным лицам они добились назначения во Львов православного епископа и проч. При церквях они завели братства (старейшее — Успенское)⁴⁵, которые сделались главным оплотом украинской народности в Червонной Руси. Братства завели много школ, поддерживая тем русский язык, а впоследствии начали основывать и типографии. Русский первопечатник Иван Федоров⁴⁶ работал, например, для львовского братства и выпустил книгу «Апостол»⁴⁷. Поддерживали братства и русскую веру. Видя это, византийский патриарх одному из них (львовскому) дал право надзора над галицким духовенством. Однако эта мера имела неожиданные последствия. Львовское братство вскоре повздорило со своим епископом Балабаном, а тот, с досады, подговорил троих епископов отделиться от греко-православной церкви и признать главенство римской; богослужебные обряды, однако, должны были остаться православные. Это стало называться унией⁴⁸, т. е. объедине-

нием. Конечно, ссора Балабана была лишь случайной причиной унии, да и сам он через несколько времени возвратился к православию. Но сама уния церквей была очень не случайна; она давно уже назревала и была нужна прежде всего Польскому государству, чтобы глубже отделить свое русское население от того, которое вошло в состав Москвы. Поэтому, хотя жители Червонной Руси противились унии, польские короли все же ввели ее, не останавливаясь перед насилиями. Борьба против унии была очень горяча. Братства напрягли все свои силы, издали много книг, обличающих униатов, и проч. * Наряду с этим и вообще просветительная деятельность в Червонной Руси очень оживилась. Особенно славился Львов, где было много школ, большая типография и где проживало много славных тогда ученых. Однако Червонная Русь в этой борьбе была сломлена. Братства ее захирели, просвещение пришло в упадок, городское население ополячивалось. Уния постепенно распространилась и совсем вытеснила православие. Народ так привык к ней, что стал считать ее своей исконной верой. Дольше всех боролось львовское братство, но и оно в 1708 году приняло унию. С другой стороны, были сломлены и восстания галицких крестьян против польских помещиков, начавшиеся в 1648 г. при известиях о победах над поляками украинского гетмана Хмельницкого⁴⁹. С тех пор долгие годы жило украинское население Червонной Руси без всяких надежд — население темное, забитое, придавленное тяжестью крепостного права, чуждое всякой духовной жизни. Перемена в его положении началась лишь со времени раздела Польского государства.

* Книг в то время на Червонной Руси печаталось много и больше всего на тогдашнем украинском языке.

III

В 1772 году Россия, Австрия и Пруссия, не употребляя даже военной силы, отобрали у Польши и разделили между собою ряд земель. Австрии при этом досталась Галиция, так как ею когда-то владели венгры, а они вошли в состав Австрийской империи. Удержали австрийцы Галицию и при других, позднейших разделах Польши и отхватили вместе с тем у румын Буковину, где тоже имелось украинское население *. Таким образом, вся Червонная Русь оказалась в руках Австрии, которая первоначально начала стараться улучшить положение русин. Была ограничена власть помещиков, учреждены для образования униатского духовенства семинарии в Вене и Львове и проч. Однако польское дворянство (шляхта) скоро оправилось и вновь начало верховодить в крае. Оно настояло, чтобы во всех этих учебных заведениях, даже в народных школах, учили по-польски. Несколько легче стало русинам только в 1848 году, когда поляки затеяли восстание. Правительство отвернулось от них, освободило русинских крестьян, уничтожив крепостное право, позволило открыть общество «Головная Рада»⁵⁰ (Главный Совет), которое докладывало правительству о русинских нуждах. Был созван съезд ученых людей, решивший устроить просветительное общество «Галицько-руську Матицю»⁵¹. Был, наконец, основан «Народный дом»⁵², где помещались русинские музей, библиотека, книжный магазин, типография, театральная сцена, зал для собраний и т. п. Однако после первоначального подъема это движение вскоре ослабело — слишком мало еще было в Галиции людей, заботившихся о положении народа. Тем временем поляки примирились с правительством и вошли в силу.

* Жилось ему сравнительно легко. В Буковине удержалось православие.

Они добились многих преимуществ, а русинский народ не получил почти ничего*.

В 1867 году Галиции было дано самоуправление. Для заведывания ее делами избирается народом так называемый сейм**, постановления сейма должно исполнять «Земское управление», члены которого выбираются из депутатов сейма. Большое значение имеет и «Школьный совет», заведующий галицкими школами. Представителем императора в крае является назначаемый им наместник. Так была налажена государственная жизнь Галиции. Однако поляки, пользуясь своим богатством, силой и поддержкой правительства, захватили все управление краем. Путем разных несправедливостей они всегда имели большинство голосов и в сейме, и в «Земском управлении», и в «Школьном совете». В наместники назначались исключительно поляки, из них же набирали и чиновников. Чтобы правительство не мешало полякам хозяйничать в Галиции, польские депутаты всегда исполняли его желания, защищали нужные ему порядки и законы. Поэтому поляки могли делать в крае, что хотели. Они добились того, что в судах и присутственных местах дела стали вестись на польском языке; они обратили в польские все школы, гимназии и Львовский университет. Доходы края они употребляли своекорыстно на польские нужды, не оставляя для русин почти ничего. Ясно, что при таких усло-

* В том же 1848 г. началось восстание венгров, причем при подавлении его отличился русин А. Добрянский⁵³, человек умный и решительный. Правительство назначило его начальником над венгерской частью Червонной Руси, и он начал работать над просвещением народа. Но Добрянский вел свою деятельность не на украинском, а на русском (великорусском) языке. Правительство этого боялось и уничтожило его начинания. С тех пор Венгерская Русь захудала, т. к. здешние люди по-украински просвещать народ не хотят, а по-русски — не могут.

** Конечно, помимо этого галичане избирают депутатов и в общегосударственный рейхсрат (то же, что Государственная дума).

виях русинский народ не мог развиваться; он даже не мог защищаться, потому что был беден и темен. Кто же в таком случае мог оказать ему поддержку?

Некоторые русины полагали, что этой поддержки можно ожидать только со стороны России. Поэтому в 60-х годах среди галицкого чиновничества и духовенства появилось так называемое «москвофильское» направление. Москвофилы⁵⁴ (старорусины) доказывали, что отдельного украинского народа и языка нет, что русинам следует принять русскую образованность, русскую речь и все свои надежды возложить на Россию. Из России москвофилы поддержку получили, к тому же в их руках находились и «Матица» и «Народный дом». Москвофилы завели довольно много народных библиотек, основали общество имени М. Качковского⁵⁵, издавшее много книжек для народа, печатали газеты и ежемесячники. Свои народные издания они писали почти всегда по-украински, а для образованных людей — на так называемом «язычии», т. е. на уродливо искаженном в галицкой письменности русском языке. Это очень вредило москвофилам, но русский язык они знали плохо и писать лучше не могли. Поэтому значение их в крае начало сильно ослабевать, хотя поляки в последнее время оказывали им поддержку, чтобы победить украинофилов.

Украинофилами называют людей, полагающих, что украинцы — это особый русский народ, у которого можно и должно развить его речь, возродить искусство, создать отдельную письменность и т. д. Первые кружки украинофилов существовали довольно давно; еще лет восемьдесят тому назад был известен такой кружок, собравшийся вокруг М. Шашкевича⁵⁶. Но окрепло украинофильство много позже, особенно когда оно начало получать поддержку от украинцев из России. Теперь оно широко распространено в Галиции и среди крестьянства и среди образованных людей. Это обнаружилось, когда в 1907 году было дано всеобщее избирательное право и на выборах

в рейхсрат прошло 30 украинофильских депутатов, а москвофильских только 2.

Украинофилы упорно боролись долгие годы с поляками за свои права и добились довольно многого. У них еще в 1907—8 гг. было 2381 начальная школа и 8 гимназий. В университете пятнадцать наук излагаются по-украински. В государственных установлениях (суд, присутственные места и проч.) украинский язык уравниен с польским. Украинофильское общество «Просвіта» в 1909 г. насчитывало 28 тысяч членов, имело 2164 читальни, 194 хора, 170 любительских театральных кружков. Кроме того, существует много других украинских обществ. Львовское «Наукове товариство імені Шевченка»⁵⁷ сделалось как бы украинской академией наук и выпустило более ста научных сборников. Развитием музыки занялось общество имени Лысенко⁵⁸. Открылся прекрасный исторический музей Шептицкого⁵⁹. Разрослась издательская деятельность, появились переводы едва ли не из всех лучших европейских писателей. Количество украинских газет и журналов поднялось до 37 (газета «Діло», ежемесячник «Літературно-науковий вісник» и т. д.). Выступил ряд писателей, известных своими рассказами и стихотворениями; таковы И. Франко⁶⁰, Стефаник⁶¹, Кобылянская⁶², высоко ценимая и в других странах. Наконец, путем долголетней борьбы, украинофилы получили императорское заведение, что у них будет свой университет во Львове. Вместе с тем украинцам обеспечили 62 места в сейме — в два раза больше того, что они имели раньше.

Таково было положение Галиции к тому времени, как загорелась настоящая война. Теперь с вступлением во Львов русских войск начинается новый период истории Червонной Руси...

[1914]

ЛЬВОВ

Занятый нашими войсками¹, Львов принадлежит к числу стариннейших русских городов. Основан он еще князем Львом Даниловичем приблизительно в 1258 году². Укрытый в горах, этот город был сравнительно обеспечен от набегов татар³, наводивших в то время страх на все русские земли. Неудивительно, что во Львов пришло население, развило торговую жизнь, выдвинуло его на первое место в Червонной Руси; неудивительно также, что галицкие князья сделали Львов своим стольным городом, предпочтя его захолустному Галичу.

Продолжал развиваться Львов и очутившись в границах Польши. Ни один купец не имел права миновать его, направляясь с товарами через Галицию в иные земли. Поэтому «славное место Львовское», как величали его в тогдашних актах и хрониках, богатело, крепло и, естественно, делалось главным оплотом русской народности целого края в борьбе за свои национальные права. Оно добилось отмены массы ограничений, введенных для русских; его мещане объединились в так называемые «братства»⁴, при которых были заведены знаменитые в свое время школы, устроена прекрасная типография⁵, выпускавшая одну за другой книги религиозные⁶, ученые, учебные⁷, полемические. Расцвет этой деятельности относится к XVI—XVII вв., когда Львов приобрел европейскую физиономию, организовал свою жизнь на началах магдебургского права⁸, прикоснулся к западной цивилизации. В эпоху Возрождения⁹ общеевропейский подъем, понятно, отразился и на Львове. Ключом забила здесь общественная жизнь, шла, причудливо переплетаясь,

горячая национальная, религиозная и классовая борьба, усваивались и своеобразно перерабатывались элементы соседних культур. Захирело это движение лишь к концу XVII ст., одновременно с упадком всей Польши. Львов обеднел, мещанство перестало поддерживать своими взносами и пожертвованиями братства, и русская жизнь здесь замерла. Не достигла она прежнего подъема и тогда, когда Львов вместе с остальной Галицией отошел к Австрии (1772 г.)¹⁰.

В настоящее время Львов красивый, окруженный парками город, насчитывающий свыше 200 тысяч жителей и являющийся центром всей Галицкой области. В нем должен был проживать императорский наместник и собираться местный сейм, в нем же сосредоточена вся общественно-культурная жизнь края. Населен Львов главным образом евреями, затем — поляками; но так как почти все евреи приобщились к польской культуре, то он носит определенно польский характер. Русские (украинцы) составляют не более десятой части городских жителей. Среди русских учреждений выделяется Народный дом¹¹, в котором нашел себе приют и опору ряд просветительных начинаний. Из т. н. «москвофильских» организаций следует отметить общ.⟨ество⟩ имени М. Качковского¹², среди украинских — общ.⟨ество⟩ «Просвіта»¹³, «Наукове товариство імені Шевченка»¹⁴, общ.⟨ество⟩ имени Лысенко¹⁵ (музык.), Украинский музей¹⁶ и проч. У поляков выделяется Институт Оссолинских¹⁷, Музей Дзедушицкого¹⁸, Промышленный музей¹⁹. При всех прекрасные библиотеки. Есть польский университет²⁰ (4800 чл.) и политехникум²¹ (1400 чл.); в первом есть 15 украинских кафедр. Кроме того, во Львове свыше дюжины ср. учеб. заведений и много начальных школ.

Во Львове есть ряд памятников (Мицкевичу²², Собескому²³), а также прекрасных зданий. Таковы здания университета, сейма (внутри украшен росписями известных художников) и проч. Город с богатым прошлым, он

сохранил немало старинных построек, особенно костелов и церквей, среди которых выделяется униатский собор св. Юра. Вообще историк найдет здесь много примечательного. С другой стороны, Львов — город с громадной прессой (около сотни изданий), с энергичной политической жизнью, и потому, несомненно, внесет много не только в изучение прошлого, но и в непрерывное движение настоящего.

1914

УГОРСКАЯ РУСЬ

В далекой Венгрии, на сужье ее с украинским отрезком Галиции, живет около полумиллиона людей русского племени. Их землю принято у нас называть Угорской, т. е. венгерской Русью. Вся она целиком лежит по склонам и отрогам Карпатских гор.

Что такое Карпаты — об этом просто и художественно рассказал нам недавно умерший украинский писатель М. Коцюбинский¹, который побывал в них. Вот одно из его живых и картинных описаний.

«Теплым весенним утром шел Иван на полонину*. Как горный поток, он легко прыгал с камня на камень и здоровался со встречными людьми, лишь бы услышать собственный голос.

— Слава Иисусу!

— Во веки слава!

На отдаленных холмах одиноко ютились хаты, темно-бурые от дыма, которым прокурились насквозь... Переходя поток за потоком, минуя хмурые леса, где по временам позванивала корова или белка бросала с деревьев обеды шишек, Иван поднимался все выше и выше. Леса уступали место горным лугам, мягким и пышным. Иван брел среди них, словно плыл по озерам цветов... Подножья гор скрывались на дне глубоких черных ущелий, где рождались холодные потоки, куда не ступала людская нога и где водился «вуйко»**, бурый медведь, страшный враг

* Горную поляну.

** Буквально — дядюшка.

стад. Вода попадалась все реже. Зато как рад был Иван, когда встречал ручей, этот холодный хрусталь, омывавший в своих верховьях желтые корни вековых елей и даже сюда доносивший шум леса! Около такого ручейка добрая душа оставляла иногда кувшинчик или чашку просто-ваши...

Тропка вела все дальше, в густой бурелом, где кучами гнили голые колючие ели, без сучьев и коры, словно скелеты. Пусты и дики были эти лесные кладбища, где лишь токовали тетерева да гнездились змеи. Здесь царила тишина, великий покой природы, строгость и грусть. Сзади Ивана уже выросли горы и голубели вдали. Орел поднимался с острых каменных вершин, благословляя их широким взмахом крыльев; чуялось холодное дыхание горных лугов, и ширилось небо. Вместо лесов теперь стался по земле черный ковер ползучих елей, где путались ноги, да мхи одевали камни зеленым шелком. Далекie горы открывали одна за другою свои вершины, выгибали хребты, вставали, словно волны в глубоком море. Казалось, морские буруны окаменели как раз тогда, когда поднялись, чтобы ринуться и затопить землю...

Наконец — полонина! Он уже стоял на ней, на этой высокой поляне, покрытой густой травой. Голубое море взбудораженных гор обступило Ивана широким кольцом, и казалось, будто эти бесконечные синие валы продолжают идти и готовы упасть к его ногам»².

Среди этих-то диких гор гнездятся села и городки (Марамарош*, Мукачево, Густов³, Ужгород) угрорусов. Все они униаты, говорят украинским языком, сами себя зовут «руснаками», а язык свой — русским. Они распадаются на части, у которых очень любопытные славянские названия: верховинцы (горняне), долиняки, край-

* Впрочем, его можно считать и венгерским, т. к. он лежит на границе венгров с руснаками.

няки, бойки и т. д. Занятый ими край * узким, вытянутым треугольником залег по западному склону Карпат, одной частью соприкасаясь со славянскими областями, другой вклиниваясь в земли чуждых народностей. Верхней своей долей он граничит с польскими и словацкими поселениями, нижней — с румынскими, западной — с венгерскими и лишь с восточной стороны сплошной линией прилегает к украинской Галичине. Но высокие хребты Карпатских гор, легшие тут несокрушимой стеной, да венгерская граница, проходящая по их гребню, отсекают Угорскую Русь от этого края, где та же речь, та же вера, те же обычаи. Наконец, австрийская государственная граница отделяет угрорусское население и от России. Так обстоит дело теперь, так оно обстояло и раньше. Между русским народом и этой его далеко заброшенной, малоизвестной окраиной почти не было ни связующих скреп, ни общей жизни. По глубоко различным путям шло их развитие, и разные судьбы встретили их. Бывали годы, когда на этот маленький осколок русской народности падали грозные удары, обрушивался напор враждебных сил, готовых, казалось, смять его, расплющить. Но и в такие времена Угорская Русь оборонялась молча, в одиночку, и рука помощи ниоткуда не протягивалась к ней; этот край был покинут на самого себя, предоставлен своим собственным силам. Можно сказать безо всякого преувеличения, что до самого последнего времени Угорская Русь была почти никому не известна. О ней как-то забыли. Но и забытая, одинокая, затерянная среди чуждых народностей, она все же сберегла свою душу и осталась русскою. Недешево стоило ей это. Со многим приходилось ей бороться и многое претерпеть. Теперь,

* В общей сложности он заключает около 15 тысяч (кв.) верст ⁴. Однако он не выделен в какую-либо самостоятельную область, а входит в состав разных «комитетов» (округов): Марамарошского, Печерского, Угочского, Унгского и т. д.

когда, быть может, уже близок час ее освобождения ⁵, невольно хочется знать, что это за страна, что с ней было и как она дошла до своего нынешнего состояния. О том, как шла ее жизнь в прошлом, мы и поведем сейчас рассказ.

*
* *
*

Первые сведения об Угорской Руси идут к нам от венгров. Есть известия, что, вторгнувшись около конца IX века в закарпатские области — свое нынешнее оселище, — венгры уже застали здесь русское население. По рассказу Анонима ⁶, в X веке оно составляло довольно обширное княжество, которым правил сидевший в Ужгороде (Унгваре) князь Лаборец. Любопытно, что русские летописцы совершенно не упоминают об Угорской Руси: очевидно, еще тогда она уже была совершенно оторвана от общерусской жизни. Впрочем, можно догадываться, что галицкие князья стремились присоединить эту область к своим владениям, а князь Лев ⁷, живший в конце XIII века, как будто и успел это сделать; по крайней мере до нас дошла грамота, в которой наджупан (правитель) Бережской столицы (округа), по имени Григорий, называет себя его представителем. Впрочем, зависимость эта от галицких князей была во всяком случае кратковременна: венгерские короли держали очень прочно в своих руках Угорскую Русь.

Наконец, был и еще один случай, когда она вновь вошла в соприкосновение с русским народом. В 1339 г. сюда прибыл изгнанный Витовтом ⁸ подольский князь Федор Кориатович ⁹. Но он пришел не один, вместе с ним явилась дружина, дворовая челядь, явились, наконец, те из жителей его удела, которые не захотели оставить своего князя. Венгерский король Людовик I ¹⁰ позволил ему поселиться в городе Мукачеве и назначил его наместником Бережского округа. Князь Федор Кориатович старался поддер-

жать русскую народность в крае и выстроил, между прочим, знаменитый Мункачевский монастырь св. Николая, сделавшийся для Угорской Руси главным рассадником просвещения. Долго еще помнил народ этого князя и приписывал ему едва ли не все лучшее, что было сделано здесь для развития русского племени.

Около 1380 г. границы Венгрии на востоке окончательно определились; они прошли вдоль среднего хребта Карпатских гор и остались неизменными вплоть до наших дней, прочно удерживая Угорскую Русь в составе венгерских земель. К этому времени, т. е. к концу XIV столетия, ее население, состоявшее ранее из полудиких пастухов, сделалось оседлым, занялось земледелием, имело уже несколько городов: Ужгород, Мукачев (Мункач), Грушев (с весьма древним монастырем св. Михаила), Марамарош, Густ и т. д. Среди них всех особенно выделялся Мункач. Представьте себе на речной излучине громадную, широкую снизу гору, вершина которой как бы срезана наискось. На этой вершине и был выстроен Мукачевский кремль, а по окружным скатам лепился город, держась ближе к реке, омывающей подошву горы.

Что касается управления Угорской Русью, то венгерские короли назначали для этого особых наместников, сперва из своих детей или родственников, а потом и просто из вельмож. Впрочем, наряду с этими правителями существовали избираемые народом т. н. «крайники», которые, например, разбирали судебные дела и т. п. Это конечно, облегчало положение руснаков; да и вообще им первоначально жилось не слишком тяжело; известно, что они не были ограничены в правах, что королевские телохранители набирались исключительно среди них и проч. Но с течением времени сельское население было закрепощено, дворянство омадьярилось*, и вся жизнь пошла уже на новый лад. Быть венгром значило принадлежать

* Венгры называются иной раз и мадьярами.

к господствующей народности, а потому вскоре русскими остались только крепостные да православное духовенство. Впрочем, и оно тоже было закрепощено, отбывало барщину, отрывалось от церковной службы для исполнения работ, подвергалось телесным наказаниям и т. п. Простым крестьянам жилось и того хуже. Это и понятно: венгр угнетал их сразу и как помещик, и как человек другой народности.

Шли годы за годами, проходили целые столетия, а в тяжелой жизни угрорусского народа ничто не менялось. Принятие унии — вот единственное событие, которое можно отметить за всю эту пору. Унией, как известно, названо объединение православных с католической церковью, причем униаты признавали главенство римского папы, но сохраняли в неприкосновенности православные обряды. Об унии усердно хлопотало не только католическое духовенство, но и австрийские императоры, завладевшие к тому времени венгерскими землями; они надеялись таким путем прочнее связать Угорскую Русь с католической Венгрией. Когда же в соседней Галиции, как и в иных русских областях Польши, возникло униатство, тогда всем этим намерениям был дан решительный толчок. Уже в начале XVII века богатейший помещик Гомонай, в имениях которого было до семидесяти приходов, призвал из галицкого Перемышля униатского епископа Крупецкого и приказал своим крепостным перейти в унию. Священники и монахи согласились, но крестьяне взялись за вилы и колья, взбунтовались, ранили Крупецкого и чуть было его не убили. Следовало, очевидно, идти другим путем. Венгерское правительство решило, что достаточно, если одно только духовенство согласится на унию, так как тогда темный, невежественный народ незаметно для себя станет униатским. Духовенству было обещано, что при унии его освободят от барщины и податей, и в 1649 г. часть его, собравшись на съезде, перешла в униатство. Но удержалось и православие, так что на Угорской Руси обычно

было два епископа — и униатский, и православный. Только в конце XVII века, когда были пущены в ход военные команды и тяжелые наказания, православие было подрублено в корень. Впрочем, и после этого в местностях, соседних с Молдавией (страной православной), прежняя вера еще держалась. А в 1760 г. среди угрорусского населения вдруг пронеслись слухи, что желающие могут покинуть унию, что какие-то «восточные владетели» обещают освободить перешедших в православие от крепостной зависимости и т. п. Население взволновалось, стало отказываться от унии, отыскивало православных священников; само униатское духовенство, бывшее в жалком положении, отчасти примкнуло к этому движению. Конечно, все это было подавлено, но заставило австрийское правительство присмотреться к положению Угорской Руси и впервые кое-что сделать для ее возрождения: униатская епархия стала независимой от католических епископов, была поддержана возникшая незадолго до этого русская богословская школа и т. п. Упомянем, наконец, об освобождении крестьян¹¹, совершившемся в Австрии в 1848 г., и, кажется, после этого нами уже будет исчерпано все примечательное среди тусклого прошлого Угорской Руси. Читатель видит, что нелегко найти какую-либо иную страну с жизнью столь же понурой, безнадежной и еле еле заметной.

*

* * *

Трудно себе представить, как эта прошлая жизнь изуродовала и придавила Угорскую Русь. Ныне русским здесь осталось одно только крестьянство. Каждый, кто хоть сколько-нибудь возвышается над этим серым уровнем, неизменно считает себя венгром. Таковы даже наиболее близко стоящие к народу люди: сельские священники, на-

родные учителя, писаря. У всех их венгерская речь, все они стыдятся своего русского происхождения, запрещают своим детям употреблять русские (собственно, украинские) слова. Жены же и дочери таких «перекиньчиков» считают прямо зазорным для себя вести разговор на русском языке. Впрочем, для образованного человека тут и при желании трудно было бы привыкнуть как следует к русской речи; достаточно указать, что здесь даже в народной школе ученье идет почти исключительно по-венгерски; в высших же училищах по-венгерски учат даже русскому языку.

Что касается простого народа, то он и поныне говорит своей стародавней украинской речью. Однако венгерское владычество не прошло для нее даром: она засорена многим множеством венгерских слов, русскому уху чуждых и непонятных. Например, у угрорусов в большом ходу такие слова, как «сегинь» (бедняк), «кыссасоня» (девушка), «вадас» (стрелок), «фатёв» (парень) и т. п. О своей народности угрорусы имеют самое смутное понятие; называют они себя, как мы уже отмечали, «руснаками», а свой язык — «русским». Однако, например, галицких русин — людей одной с ними речи и веры — считают за особый народ, помня, что те когда-то находились в другом государстве (Польша). Еще меньше они знают об Украине и о России. В 1848 г. в Угорской Руси побывали наши солдаты, двинутые для подавления восставших против Австрии венгров. Этот случай оставил по себе крепкую память среди руснаков; они узнали, что где-то есть народ, говорящий на родственном им языке; убедились, что народ этот грозен и могуч, что у него можно найти защиту и поддержку; наконец, услыхали, что он живет в стране, называемой Россией. Но что это за страна, где она находится — все это осталось для руснаков совершенно неизвестным. Однако тяготение к этой, чуть ли не сказочной для них, России осталось навсегда.

Что касается хозяйственной жизни руснаков, то она

крайне тяжела и неприглядна. Промышленности в Угорской Руси нет ровно никакой, а потому приходится или отправляться на отхожие заработки — рубить лес, выкапывать соль, либо браться за соху. А между тем земли у руснаков крайне мало — она в руках у венгерских помещиков. Остается только идти к ним в наймиты, пахать и засеивать их поля, за что крестьянин получает половину урожая; а при помещичьих семенах — только треть. Оплачивается работа тоже чрезвычайно скудно; взрослый мужчина получает, например, всего 60—70 крейцеров (около 60 копеек) в день. При таких условиях крестьяне легко попадают в лапы ростовщиков (главным образом евреев), которые, ссужая деньгами, берут невероятную лихву (10—20 копеек в неделю на рубль), заставляют отрабатывать долги по вдвое меньшим против обычного ценам и таким путем почти совершенно закабалили руснацких крестьян. Наконец — не нужно забывать — с них взимают поборы и сельский писарь (нотарь), и народный учитель, и, наконец, священник, который не только берет непомерную плату за требы, но и получает «кобылну», т. е. хлеб, сено, дрова и т. п.

Понятно, что руснацкая деревня благодаря всему этому находится на крайней степени обнищания. Вот как описывает крестьянскую избу г. Звездич, недавно побывавший на Угорской Руси: «Покосившийся бревенчатый сруб с жалкими, подслеповатыми окошками словно сам стыдится своей наготы и своего убожества, а внутренность избы красноречиво подтверждает, что это нищета не показная, не рубище, которое должно вызвать сострадание и милостыню, а нищета «всамделишная», которую нечем прикрыть.

Ударившись о низкую притолку, мы входим в узкие сенцы, служащие и чуланом, и складом для всякого тряпья; отсюда дверь ведет в единственную комнату избы, которая служит, конечно, и кухнею, и спальнею, и мастерскою, и столовою. Как и в русской избе, потолок бревен-

чатый, над самой головою, и нужно при всяком движении помнить, что можно и головой удариться об эту сетку перекладин, с которых свисает какое-то тряпье; пол глиняный, но стены чисто выбелены. Это средняя крестьянская изба».

Трудно живется в этой средней крестьянской избе. «Русинский крестьянин, — пишет г. Василевский, — круглый год не употребляет ни мяса, ни яиц, ни ржаного или пшеничного хлеба. Овсяные лепешки, капуста да картофель — вот его единственная пища. Только в большие праздники ему удастся отведать хлеба»¹².

После описанного не покажутся сколько-нибудь чрезмерными слова одного венгерского писателя, прочитавшего книжку Эгана об Угорской Руси: «Скажу по чистой совести, что я всю свою жизнь не имел в руках сочинения, которое бы взволновало меня сильнее отчета Эгана. Кто прочитал этот отчет, тот плакал, и кровь ударяла ему в голову. Его охватывала злоба».

Таковы условия жизни руснацкого народа. Присмотримся же немного к самому руснаку. Необыкновенное смирение — вот что является главной чертой его характера. Но вместе с тем руснак скрытен и недоверчив; конечно, это свойство было воспитано в нем целыми веками тяжелого, беспросветного существования. Наконец, все исследователи единогласно отмечают чрезвычайную набожность руснаков: они усердно посещают церковь, очень почтительны к своим «превэлэбным панам», как они величают духовных лиц и т. д. Порой из крестьянской среды то там, то сям выдвигаются проповедники, убеждающие не пить «полынки» (водки) и не курить «дугану» (табаку); но, конечно, эта проповедь ничего не может поправить. Общие условия жизни в Угорской Руси таковы, что здешний крестьянин совершенно опустился и захирел. Он темен, невежествен, полон самых диких суеверий. Единственная радость его жизни — водка, и он несет в шинок последние гроши, подрывая тем вконец свое хозяйство. Он сделался

хилым, слабосильным, малокровным: мало где можно встретить столько уродов, золотушных и проч., как на Угорской Руси. Неудивительно, что численность руснаков не только не увеличивается, но и ощутительно уменьшается. В 1826 г. их насчитывалось 800 тысяч человек, а ныне — всего только около полумиллиона. Причину этого служит то, что руснацкий народ вырождается, омадьяривается и т. п. Но есть гораздо более крупная причина — повальное бегство крестьян в Америку. Пройдитесь по руснацкой деревне, и вы непременно встретите несколько изб с заколоченными дверями и ставнями. Хозяева этих изб отправились искать счастья за морем — отправились потому, что на родине жить тяжело и даже невозможно.

Что же было сделано когда-нибудь для Угорской Руси? Почти ничего. Местные люди пробовали печатать книги и газеты на здешнем книжном языке, выросшем из церковнославянского, русского и украинского. Но народ его не понимал, и это дело само собой заглохло. В 1848 г. во время подавления венгерского восстания выдвинулся руснак А. Добрянский и взялся за развитие страны. Но за приверженность к России австрийское правительство прекратило его начинания. Позднее, в 70-х годах, М. Драгоманов¹³ пробовал приохотить здешних людей к русской и украинской книге, однако и из этого ничего не вышло. В конце 19-го столетия начал улучшать положение руснаков венгерский чиновник Эган: он заводил ссудо-сберегательные кассы, земледельческие товарищества и проч., но за его смертью все это приостановилось. Наконец, недавно гр. Бобринский и др. лица попробовали распространять здесь русский язык и православие, но все кончилось арестами и пристрастным судом по обвинению в государственной измене.

Таково положение Угорской Руси. Но теперь, в наши дни, уже новая судьба намечается у нее. Разбив австрийскую армию, русские войска прошли через Ужокский пе-

ревал и хлынули на горные долины по ту сторону Карпат. Мыне мы накануне «генерального размежевания» с нашими соседями. Какова будет в этом случае участь Угорской Руси — угадать, конечно, очень легко. Но это уже дело не сегодняшнего, а завтрашнего дня.

1914

БРАТЬЯ-ЧЕХИ

В мировой войне, развернувшейся на наших глазах, победа явственно начинает склоняться на сторону России и союзных с нею государств¹. Быть может, недалек уже тот час, когда Германии и Австрии будет нанесен решительный удар. Какая участь ждет их тогда, сказать, конечно, очень трудно. Одно несомненно: славянские земли², входящие в состав названных немецких государств, должны быть во всяком случае выделены из их границ. Это является заветной надеждой целого ряда славянских народов. Это настоятельно необходимо для самой России. Этого же требует от нас и чувство родственной близости ко всему остальному славянству и, наконец, чувство простой справедливости. Многие тысячи людей сейчас умирают на полях битв с мыслью о близости исполнения этих надежд. Оставшиеся дома жадно ищут сведений про зарубежный славянский мир, стараются получить ясное понятие о тех братских народах, с которыми нам предстоит идти плечом к плечу. Об одном из них, именно о народе чешском, и говорит наша книжка.

Чехи живут на самом краю Австрии, в левом верхнем ее углу; там они в числе семи миллионов заселяют области Богемию и Моравию, из которых первая широким клином врезывается в Германию. Немцы и венгры плотной стеной окружают чехов, почти совершенно отделяя их от других славянских народов*. Немецкий напор был здесь так силен, что смежные с Германией части Богемии почти совсем онемечились. Кроме того, и в местах, сплошь заселенных

* Только поляки и словаки с одного краю соприкасаются с чехами.

чехами, немцев очень много, а всего их в названных нами двух областях имеется около четырех миллионов.

Граница Богемии и Моравии намечена самой природой, которая обвела их со всех сторон почти непрерывными хребтами высоких гор. От Германии чешские земли отмежеваны т. н. «Богемским лесом», Рудными и Исполиновыми горами³, от славянских стран — отрогами Карпат. Очень не редки горы и внутри этих областей, где они дают начало впадающей в Дунай Мораве, Лабе (Эльбе) и несущим в нее свои воды Молдаве⁴, Сацаве⁵, Берауну⁶, Эгеру⁷.

Благодаря горам, окружившим ее плотным кольцом, Чехия защищена от северных ветров и имеет благоприятный для земледелия климат. Около половины чешского населения (49%) занимается хлебопашеством, отчасти — шелководством, а кое-где (напр., в Мельницкой долине) и разведением винограда для выделки вина. Однако по сравнению с другими славянскими странами земледелием в Чехии существуют не так уж много людей. Это происходит потому, что тут очень развита промышленность. Из земли добывают бурый каменный уголь, из гор — разную руду: железную, цинковую, даже серебряную и золотую. Для обработки руды и выделки из полученного металла различных предметов в Чехии возникло очень много чугунолитейных и железоплющильных заводов, делающих огромные обороты. Кроме того, работает немало стекольных заводов и ткацких фабрик, растет хлопчатобумажное производство и т. п. Сахар, спирт, пиво, известное под именем «пильзенского», — все это изготавливается в больших размерах, вывозится за границу и требует крупного количества рабочих рук. Неудивительно, что рабочие составляют около третьей части чешского народа (36%). Еще больше людей занято в промышленности среди живущих здесь немцев. Таким образом, мы видим, что промышленность в Чехии развита необыкновенно сильно. Это очень содействовало росту торговли, железных дорог, наконец, городов.

Крупных городов в чешских землях очень много: таковы, например, главный город Богемии Прага, Брн⁸ (по-немецки Брюн), Иглава (Иглау), Будеёвицы (Будвейс)⁹, Кралев-Градец (Кениггрец)¹⁰, Оломуц (Ольмюц)¹¹, Пильзень¹² и т. д. Конечно, первое место среди них занимает Прага, «Золотая Прага», как ее торжественно величают. Это — древняя столица чешского края, бывшая и оставшаяся чешской. Немцы составляют тут не более одной десятой части всего населения.

Прага стоит на реке Молдаве, которая впадает в Лабу. Как всякий древний город, Прага распадается на несколько частей, медленно, в течение целых веков выраставших одна за другой. Этим частям семь. Из них наиболее примечательны так называемые «Старое место»*, «Вышеград»** и «Новое место». Взглянув на Прагу, видишь, что это город с большим, значительным прошлым, город, в котором славянская жизнь своеобразно смешивалась с иностранной, текла широко и привольно. Не бесследно прошла эта жизнь; все здесь напоминает о ней. Встают башни, красующиеся многие сотни лет. Виднеются старинные дома с узкими, стрельчатыми окнами. Храмы поднимают к небесам свои главы, высокие, острые, идущие ввысь, как игла. Врезывается в память собор св. Вита¹³, привлекающий и красотой постройки, и своим внутренним убранством. Великолепен и королевский дворец¹⁴ (на так называемом Градашине)¹⁵, в котором около четырехсот комнат. Но хороши и многие из домов, выстроенных в позднейшее время. В предместьях вздымаются высокие трубы разных фабрик и заводов: мукомольных, пивных и т. п. Сразу видно, что Прага — промышленный город. На ее главных улицах — блеск, говор, движение. Но не только в уличной сутолоке проявляется здесь кипучая жизнь — она еще более чувствуется в государственной,

* «Место» по-славянски, собственно, значит «город». Отсюда и «мещанин».

** Вышеград — кремль.

общественной и умственной деятельности Праги. Тут находится Чешская академия наук¹⁶, два университета¹⁷ и два высших технических училища, много гимназий и школ, Чешский музей с громадным книгохранилищем, несколько сот газет и ежемесячников, несколько тысяч общественных союзов и учреждений. В Праге заседает так называемый Богемский ландтаг, избираемый народом для заведывания местными делами. В Праге же сосредоточено управление всей Богемией. Короче говоря, Прага есть живое сердце чешской земли. Но и другие города, упомянутые уже нами, не будучи, конечно, так значительны, все же отличаются и развитием промышленной жизни, и благоустройством, и любовью к просвещению.

Что касается чешской деревни, то она замечательна необыкновенным размахом взаимопомощи. Чешские крестьяне совместно закупают в крупных количествах с большой скидкой удобрительные порошки, топливо (каменный уголь), корм для скотины, семена. Заводят товарищества для вывода племенного скота, для продажи своих изделий и т. п. Общими силами осушают болотистые земли, а в чрезмерно сухие проводят воду и тем невероятно повышают урожайность полей. Многие множество мелких ссудо-сберегательных касс оказывает денежную помощь крестьянам для поддержки улучшений в хозяйстве. Понятно, что грамотность здесь в чести. Еще в 1900 г. на каждую сотню чехов, начиная со школьного возраста (шесть лет), приходилось всего только четыре человека неграмотных. Неудивительно, что чешские крестьяне живут безбедно, что у них почти в каждой семье получают хотя одну газету, что все они стараются принять участие в государственной жизни страны. Плохо только то, что Чехия заселена слишком густо и многим приходится выбираться оттуда в чужие земли, чтобы найти работу своим рукам.

По своему языку чешский народ ближе всего стоит к польскому. Но и, помимо того, между ними можно найти

довольно много сходства. Укажем хотя бы на то, что и чехи, и поляки — католики. Но не чужды чехи, несмотря на некоторые различия, и другим славянам, в том числе и нам — русским. Это — народ одного с нами корня и обычая. Громадная заслуга чехов перед славянским миром заключается в том, что они приняли на себя всю тяжесть немецкого напора на славянскую землю. Этой борьбой с немцами наполнено все их прошлое. О прошлом Чехии и будет говоритья в соседних строках.

*

* * *

Известия о древнейшей поре существования чешского народа идут от летописца Козьмы Пражского¹⁸. Жил он, однако, довольно поздно — всего лишь в XII столетии по Рож. Хр. Поэтому на рассказы его о тех событиях, которые происходили на многие сотни лет ранее, конечно, особенно полагаться не приходится. Одно можно сказать наверное: уже в VI веке по Рож. Хр. чехи обитали в своей теперешней области. Жили они маленькими племенами, носившими особые названия (лучане, седличане, дечане и мн. др.) и управлявшимися отдельными князьками. Однако когда авары, а потом франки нападали в VII веке на чехов, то эти последние умели сплотиться, чтобы отразить врага. Между 871 и 899 гг. они даже составили крупную Велико-моравскую империю; в нее входили и моравские, и богемские их племена. В это же время в Чехию начало проникать христианство, которое здесь проповедовали славянские первоучители — Кирилл и Мефодий¹⁹. Они придерживались восточнославянского обряда. Но вокруг Чехии лежали католические земли, поэтому в ней начало укрепляться католичество; лет через двести после принятия христианства все чехи были уже католиками.

Государственная жизнь Чехии в эту пору была очень неустойчивой. Чешские князья враждовали между собой,

каждый старался усилиться за счет другого и захватить в свои руки побольше владений. Немцы, видя это, набегали на чешские земли и по временам завладевали ими, хотя обычно ненадолго. Однако вред они наносили громадный. Наконец, сильно выдвинулся вперед род князей Премысловичей²⁰, которые завладели едва ли не всей чешской областью. Старший в роде должен был княжить в Праге (первоначально главным городом считался Вышеград), а младшие, подначальные, в меньших городах. Кроме князя, государственными делами занимались состоявшая при нем дума и сеймы (народные сходки). В думе участвовали все князья из рода Премысловичей, некоторые другие, бывшие позначительней, а также епископы и наместники областей. На сеймы вначале собирались все свободные люди (впрочем, только мужчины), но князья и дворяне уже в то время старались обратить крестьян в своих крепостных. Свобода крестьян все более и более уменьшалась, а вместе с тем они утрачивали право участвовать в сеймах; в конце концов на эти сеймы стали сходиться только крупные и мелкие дворяне.

Княжили Премысловичи начиная с X столетия и очень долго, из поколения в поколение, удерживали в своих руках чешские земли. Когда же род Премысловичей пресекался, престол заняли Люксембурги²¹. Следует отметить, что Чехия все это время понемногу становилась зависимой от германского императора²², так как это был очень могущественный сосед. Наконец, в 1346 г. на чешский престол вступил король, ставший впоследствии германским императором. Это установило между Чехией и немецким государством такие скрепы, которых разорвать уже никогда не удалось. С другой стороны, натиск немцев выразился в том, что они стали в большом числе переселяться в чешские земли, особенно в города. Это был все народ работающий, а потому бесполезный; они развили в крае ремесла и промышленность, оживили торговлю; города стали расти и богатеть. Но немцы принесли с собой

свой язык, свои обычаи и, войдя в силу, стали переделывать на свой лад порядки в крае, вводить свои законы и т. д. От этого отпорная сила чехов, боровшихся с немецким влиянием, ослабевала, и край их стал онемечиваться.

Впрочем, надо сказать, что благодаря связям с немцами Чехия вошла в оборот европейской жизни, стала западноевропейской страной. Это привело к тому, что уже в 1348 году в Праге был основан университет. Точно так же, когда в других европейских странах начался умственный подъем, стали приобретать силу новые, смелые мысли — это быстро нашло себе отклик и в Чехии. Из преданных этим мыслям людей здесь особенно прославился Ян Гус²³. Родился он в крестьянской семье, но благодаря своему уму и любви к знанию сделался профессором (в Праге). Это был очень искренний, чистый душою и глубоко верующий человек, который не мог закрывать глаза на разные недостатки католической церкви. Когда в 1410 г. папа приказал сжигать книги английского ученого Виклефа²⁴, направленные против этих недостатков, то Гус написал возражение, утверждая, что Виклеф говорит правду. Папа отлучил Гуса от церкви, но тот продолжал отстаивать свои мысли, начал нападать на индульгенции* и создал целое религиозное движение²⁵, называвшееся «гуситским». Для уничтожения разногласий в 1414 г. был созван в Констанце церковный собор, на который призвали и Гуса. Веря в истину своих взглядов и желая защищать их, Гус согласился; к тому же император обещал ему полную безопасность. Однако в Констанце Гуса бросили в тюрьму, возвели на него клеветнические обвинения и обсуждать его мнения отказались, а потребовали, чтобы он прямо отрекся от них. Гус, конечно, не

* Отпускные листы, которые папы продавали для увеличения своих доходов. Человек, купивший такой лист, получал прощение грехов на всю жизнь или на некоторый срок, смотря по цене индульгенции.

согласился. Тогда его приговорили к сожжению, но даже и на костре он не отступился от своих мыслей, веря, что они согласны с писанием. Приверженцы Гуса продолжали его дело. К ним присоединилось немало других людей, которые были недовольны если не церковными, то государственными распорядками в Чехии: горожане добивались уравнивания в правах с дворянством, стремились получить больше значения в сейме; крестьяне, которые к этому времени были совсем закрепощены, желали освободиться от власти помещиков, тем более что она разрослась на немецкий лад до размеров необычайных. Вот почему, когда в Праге под предводительством Яна Жижки²⁶ вспыхнуло восстание сторонников Гуса, то к ним присоединилось много разных людей; оно быстро перекинулось в другие места — и вскоре вся Чехия была охвачена им. Повстанцы разгромили направленные против них войска немецкого императора, одерживали победы в ряде других сражений, набегали на Германию, доходили до Балтийского моря. Только через 11 лет это восстание было подавлено*. Так как участвовали в нем главным образом крестьяне, то поражение «гуситов» особенно сильно отозвалось именно на них. Они были окончательно придавлены и закрепощены. Зато положение дворян, особенно крупных, приподнялось. Еще в 1395 г. они добились увеличения прав думы, которая была всецело в их руках, добились также исключительного участия в высшем земском суде и проч. Все это было теперь за ними прочно укреплено. Они настолько усилились, что значительно стеснили власть самого короля. Кое-что приобрели и горожане — их представителей допустили в сейм (по-немецки — ландтаг), так что они приняли участие в управлении страной.

* Из остатков гуситов, слившихся с последователями знаменитого П. Хельчицкого, образовалась религиозная община «моравских братьев». Они стремились приблизиться в своей жизни к требованиям Евангелия, придерживались безбрачия и т. д.

В усилении дворянства и мещанства, надо оговориться, было немало и хорошего для чешского народа. Немцы и раньше одолевали чехов, завоевывали их, подчиняли своей власти, переселялись в их земли и заводили свои порядки. Когда же в Чехии утвердились германские императоры, то немецкое влияние разрослось до чрезвычайных размеров. А так как в Чехии были сильны только дворяне и мещане, то именно они и должны были дать отпор этому натиску. И действительно, большинство из них крепко держалось своего языка и обычаев, старалось удержать этот язык в государственном обиходе, укрепляло чешскую письменность и т. п.

В это время жизнь в Чехии была ключом. Чехи боролись с немцами, города и дворянство — с императором *; когда в Германии появилась лютеранская вера, то очень скоро проникла и в Чехию, где началась борьба между приверженцами папы, Лютера²⁷, Социна²⁸, Гуса и пр. Все это расшевелило ее умственную жизнь, многих заставило задуматься над разными вещами, создало спрос на книгу. Едва лишь в XV в. изобрели книгопечатание, как в Чехии появились типографии, была издана библия на чешском языке²⁹ и стали одна за другой появляться многие иные книги. По количеству и разнообразию их Чехия стояла тогда впереди всех славянских стран. Укрепилось в ней и западноевропейское просвещение, чему много способствовал Пражский университет³⁰. Появилось много чешских писателей и ученых. Еще в XIV веке выдвинулся мыслитель Щитный (Штитный)³¹, после него широкой известностью пользовались Ян Рокицана³², Петр Хельчицкий³³ и другие. Особенно расцвела чешская умственная жизнь в XVI столетии, которое по справедливости называется ее «золотым веком». И вдруг весь этот подъем совершенно неожиданно оборвался.

* Когда в 1526 г. из немецких земель выделилась Австрийская империя, чехи отошли именно к ней; здесь мы и имеем в виду австрийского императора.

Между католиками и лютеранами в Чехии издавна шла горячая борьба. Не стерпев притеснений, лютеране восстали, взволновали весь чешский народ, получили даже поддержку со стороны иноземных лютеранских князей. В дело вмешались многие другие государства, и из-за восстания чехов³⁴ мало-помалу разрослась громадная война³⁵ всех католиков против протестантов, тянувшаяся около тридцати лет. Во время этой войны чешские города были разрушены, население — перебито; край обезлюдел и пришел в полное запустение. Что касается самих чешских повстанцев, то они были в 1620 г. разгромлены императором в битве при Белой горе. После этого много чехов-лютеран было схвачено и казнено, а имущество их отобрано: лютеранские книги чехов сжигались, а заодно с ними и все другие, написанные по-чешски. Все это вместе взятое нанесло чешскому народу такой страшный удар, от которого он и через полтора столетия не мог еще оправиться. Чешская жизнь в крае совершенно захирела. Остатки дворянства и мещанства потеряли почти всякую силу в государстве и стали быстро онемечиваться. Вскоре чешский язык сохранился почти исключительно в деревне, среди крестьянства, темного и угнетенного. Правда, австрийские государи, желая еще более ослабить местных дворян, давали крестьянству кое-какие льготы; однако восстановить былое значение чешского народа оно, конечно, не могло. И стало так, что все образованные люди говорили в Чехии по-немецки. Чешские книги исчезли. В государственных учреждениях, в учебных заведениях, в общественной жизни — везде употреблялся немецкий язык. Казалось, что немцы окончательно осилили чехов. Но это только казалось.

*

*

*

В конце XVII века началось возрождение целого ряда угнетенных народностей, в том числе стали возрождаться и чехи. Многие образованные люди вспомнили и сознали, что они — славяне, но только онемеченные; они поняли, что родным языком для них должен быть язык чешский, на котором когда-то выходило так много знаменитых сочинений, а теперь говорил простой народ. Эти люди начали учиться чешскому языку, учить ему своих детей, писать на нем книги, печатать газеты, добиваться для него прав в государстве и проч. Понемногу число таких чехов увеличивалось, чешская письменность разрасталась (особенно известны стихотворцы Коллар³⁶, Маха³⁷, Гавличек³⁸ и друг., а также ученые Юнгман³⁹, Шафарик⁴⁰, Палацкий⁴¹). Нельзя не упомянуть, что если чехи и старались на кого-нибудь опереться в своем развитии, то только на Россию. Они сознавали свою братскую связь с русским народом, учились русскому языку, читали наших писателей, переводили их, выбрасывали из своего языка немецкие слова и обороты, чтобы заменить их русскими, и т. д.

В 1848 г., когда в Австрии начались народные волнения, чехи потребовали у австрийского правительства уравнения их языка в правах с языком немецким. Чехи к этому времени усилились и окрепли, и правительство должно было согласиться. Правда, вскоре оно оправилось, подавило чехов и целые десять лет притесняло их, стараясь отнять данное в 1848 г.⁴² Правда, немцы, живущие в Богемии и Моравии, всеми силами старались удержать в своих руках господство, прибегая для этого к ряду несправедливостей. Но чехи все же добились своего! Упорно борясь, шаг за шагом завоевывая новые и новые права и уступки, они обратили свою область в страну действительно чешскую, страну славянскую. В настоящее время в обеих чешских областях чешский язык вполне равно-

правен с языком немецким и в суде, и в остальных государственных установлениях. В городских думах чехи нередко составляют большинство. Многие множество чешских школ и гимназий, а также чешский университет и высшее техническое училище (оба в Праге) распространяют и укрепляют в крае образованность*. Чешская академия наук много делает для изучения настоящего и прошлого в жизни чешского народа. Выходит около тысячи газет и журналов на чешском языке (некоторые из них, как, например, «Národní Listy», расходятся в сотнях тысяч экз.), печатаются в громадном количестве книги, растет письменность, появляются писатели, известные далеко за границами Чехии. Развивается многое множество обществ⁴³, цель которых — поддержка чешской народности. Их деятельность объединяет так называемая «Národní Rada» (Народный совет). Среди этих обществ получили всемирную известность «сокольские» общества, возникшие сравнительно недавно, они быстро распространились по всей Чехии, а затем и по другим славянским странам. Есть они и в России. Задача сокольских обществ — развить у молодежи путем различных упражнений тело, сделать его сильным, ловким, выносливым. К сожалению, недостаток места не позволяет нам подробнее остановиться на них и на многих других чешских союзах. Но, глядя на них, невольно вспоминаешь слова чеха К. Тупы (Б. Яблонского)⁴⁴, который удачно сказал в стихотворении про свой народ:

Поздно липа расцветает,
Но душистый цвет дает;
Он богат целебной силой
И хранит янтарный мед,
Так и нам, по воле неба,
Поздний цвет на долю дан,
Но зато он обещает
Много благ семье славян.

* Там, где правительство не соглашается открыть чешскую школу, ее открывает чешский школьный союз.

УКРАИНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Украина — это, по-нынешнему, окраина, окраинная русская земля. На сотни верст раскидывалась здесь в старину привольная, дикая степь, а по ней постоянно бродили орды кочевников, одна за другой набегавшие из глубины Азии. Неудивительно, что наши пращуры боялись селиться по этой степи. В княжеские времена¹ (лет 700—900 назад) только в северо-западном углу ее, около Киева, густо жило оседлое русское население. Но и здесь каждую минуту грозила опасность, каждую минуту нужно было находиться настороже. Только под охраной военной силы князей возможна была здесь жизнь. И пограничные князья не раз ходили походами на кочевников, ставили сторожевые городки-крепостицы да военные заставы и так понемногу продвигались в глубь степи. Вслед за ними тянулось население, строило деревни и города, распахивало степную целину, ловило рыбу, пасло стада скота.

Но не всякому было под силу здесь жить. Выйдешь иной раз из городка-крепостицы на пашню или травы покосить, и — чуть ты зазевался — заарканят тебя, заберут в полон, а там продадут в далекие земли в рабство. Вот почему здесь селился народ отборный, смелый, не боявшийся опасностей, всегда готовый дать отпор.

В стародавней песне про поход князя Игоря на кочевников-половцев («Слово о полку Игореве»)² о пограничниках из-под Курска³ говорится, что они трубами повиты⁴, концом копья вскормлены, под шеломами⁵ взрощены и рыщут, словно серые волки, ища себе добычи, а князю славы. Эти люди во многом напоминают казачество, о котором

сейчас будет речь. Русский народ уловил это сходство и, вспоминая в своих песнях-былинах про степные «заставы богатырские», описывал в них «старого казака Илью Муромца».

*

*

*

В половине 13 столетия⁶ (660 лет назад) хлынувшие в южнорусские степи орды татар разгромили там все русские поселения, города сожгли, сравняли с землей, одних жителей перебили, других забрали в полон. И не раз потом по степному бездорожью валила орда за ордой, стон стоял от скрипа телег, ржания лошадей, татарского гиканья, да еще от плача полонянок, полоняников. Не раз по степи летними темными ночами пылали красные огни татарских становий, да курились пепелища сожженных деревень и городов. Обезлюдела степь. До земли выжжена, до корня выкорчевана была здесь русская жизнь. В северные суровые леса ушла она, где то там, то сям стояли русские городки. Тут-то, сперва около Суздаля, Ростова и Владимира, а потом около Москвы, начали сплавиваться русские земли, стало возникать Русское государство⁷, выростал один из русских народов⁸ — народ великорусский. А другой русский народ, белорусский, подпал под власть Литвы, вошел в состав Великого княжества Литовского⁹.

Однако оба эти русские государства жили между собой не в ладах, и В. (еликое) к. (няжество) Литовское, ища союзника, вошло в союз с Польшей¹⁰. В руках у Польши уже была русская земля — Галичина¹¹, а после этого она присоединила и Волынь¹². Там жил третий русский народ — украинский. Так разделились русские земли. К югу от них лежала широкая степь, но селиться в ней было нельзя: в самом низу ее, в Крыму, засела хищная татарская орда и наводила на все эти земли грозу.

Но все же эта степь манила к себе. В записках людей того времени мы находим самые сказочные сведения об ее богатствах и плодородии. «Земля, говорили, дает там невероятные урожаи, возвращает посевы до ста раз, каждый год сеять нет нужды; если посеять раз — уродит и на другой год и даст в один год второй и третий урожай, если оставить плуг на поле, то в два-три дня он так обрастет, что его трудно найти. Трава на пастбищах так высока, что пасущихся волов едва видно в ней, иногда из травы не видно и рогов. Пчел такое множество, что они носят мед не только в дупла деревьев, а и в ямы, и не раз случается провалиться в такой медовый колодезь. Реки переполнены рыбой; осетров и другой рыбы идет с моря в реки неслыханное множество, так что во время этого движения рыбы можно копье воткнуть в воду — будет торчать, как в земле. Зверя в лесах и степях такое множество, что диких быков, коней и оленей убивают только для шкуры, а мясо выбрасывают. Диких коз столько набегает из степей в леса на зиму, что их можно убивать тысячами. Птиц тоже невероятное количество, весной мальчишки набирают полные лодки яиц диких уток, гусей, журавлей, лебедей. И так далее...»

Кое-какое население по окраинам этой степи все же жило. Люди ютились на развалинах когда-то славных и богатых городов, вроде Киева, разрушенного татарами¹³; жались к сторожевым польским замкам-крепостям, выдвинутым в степь для охраны страны от вражеских набегов. Наконец, и в самой степи, среди ее диких, не тронутых человеком равнин, то там, то сям курился дымок, слышалась русская речь. Это из смежных русских земель, принадлежавших Польше и Литве, сюда шли ватаги смелых, не боявшихся опасностей людей; шли, чтобы набить диких зверей, поохотиться за степной птицей, наловить в степных реках и речушках рыбы, выбрать мед из лесных пчелиных бортей. Впрочем, возвращаясь домой в Польшу или Литву, они должны были бы отдать в виде подати

громадную часть из промышленного за лето. Вот почему иные из них, пренебрегая опасностью, оставались в степи и на зиму, ставили в укромных местах избышки-курени и жили по вольной воле.

Эта вольная воля, можно сказать, и заселила украинскую степь. Дело в том, что в Польше и Литве начало расти крепостное право. Власть помещиков над крепостными вскоре сделалась громадной. «Шляхтич» (дворянин) мог даже убить своего крепостного и ни перед кем за это не отвечал. Крайне силен был гнет и государства, которое разоряло страну постоянными войнами, а еще более — громадными налогами. Неудивительно, что жители смежных с украинской степью земель бросали все и бежали сюда. Так росло население степи. Эти вольные насельники, бродившие по ней с места на место, охотясь за диким зверем, ловя рыбу да схватываясь с татарвой, получили и особое название. Звали их «казаками». Слово это татарское, и значит оно — бродяга, перекати-поле*.

Среди казаков попадались люди самых разнообразных народностей. Но большинство составляли выходцы из близлежащих украинских земель с остатками коренного местного населения (т. е. тоже украинцами). Таким образом, казачество, выроставшее в этой степи, было неразрывной частью украинского народа.

Кому доводилось видеть казака тех времен на верной старинной картинке, тот не скоро забудет его. Несколько скуластое лицо, глаза черные или карие, черные же брови, волосы, усы. Бород казаки не носили, брили и голову, и лишь на самой макушке оставляли прядь волос — так называемый «чуб», «оселедец»; конец его, щеголяя, заматывали за ухо. И одевались казаки тоже картинно. В одежде преобладали красный и синий цвета. Сапоги бывали из сафьяна, широчайшие шаровары («мотнею вулицю мете») из тонкого кармазина¹⁴, на головах «сивые»

* Впервые упоминаются казаки около 1500 года.

называемых «курнях». Но когда число казаков (с развитием крепостного права и проч.) возросло и в степи сталолюднее и безопаснее, то зимовка в ней стала делом обычным. Казацкие поселки появлялись, как грибы после дождя, иногда разрастаясь в целые городки. Иные казаки уже стали и землю пахать, хмель растить, варить беспошлинно и пиво, и мед, и водку, продавать крымскую соль, сушеную рыбу. Но даже и эта, наиболее мирная часть казачества время от времени бралась за оружие, чтобы, например, отразить набег крымчаков или, скажем, дать отпор польским покушениям на казацкую вольность. Про других же и говорить нечего. Понятно, что строй жизни казачества был чисто военный. Оно делилось на курени¹⁶, во главе которых стояли куренные атаманы (ватажки). Из куреней составлялись казацкие сотни, из сотен — полки. Число людей в курнях, сотнях и полках было очень неопределенно. В иных «сотнях» было всего несколько десятков человек, в других — что случалось чаще — гораздо больше. Собственно, каждой сотне и каждому полку приписывалось некоторое количество земли, из населения которой они и составлялись. От неравномерности его возникла неравномерность в величине сотен и полков. Руководили ими соответственно сотники и полковники; при последних находился полковой писарь, имевший тоже большое значение. Все полки вместе составляли «войско запорожское», названное так по имени главной казацкой «сечи», лежавшей за Днепровскими порогами-увалами, — Запорожская Сечь^{*17}. Во главе «войска запорожского» стоял гетман¹⁸, при нем находились есаулы, войсковой

* Находилась она на островке Хортице. Громадные трясины и камышовые заросли укрывали ее от татар, пороги — от Польши. Лежала Зап. Сечь на самом краю казацких поселений, слишком близко к Крыму. Зато от нее было далеко до Польши. Поэтому селились здесь самые отважные из казаков, любившие волю больше всего, для которых легче было переносить постоянные опасности, чем зависимость от Польши. Здесь жило самое закаленное, самое сплоченное «казацкое товарищество», здесь задумывались самые смелые походы и набеги.

писарь (секретарь), обозный, заведывавший артиллерией. Вся эта казацкая «старшина» избиралась на казацких сходах, так называемых «радах». Радам старшина обязана была давать отчет, рады же могли сменить любое из этих должностных лиц. На радах решались и все важнейшие казацкие дела. Происходили они шумно, бурно. Каждый казак в отдельности обязан был беспрекословно повиноваться атаману, полковнику, гетману, особенно в походе. Но на радах казачество умело напоминать им, что власть им вручена волею казачества и держится только на этой воле.

Есть хорошая старинная картинка казацкой рады. На широкой площади «в сечи» казачество стало большим просторным кругом. Со всех сторон к казацкому кругу бегут запоздавшие казаки. Двое других волокут за руку из круга по земле какого-то славного воина запорожского, хлебнувшего, видимо, слишком уж не в меру, в руках у него «люлька» (трубка). Внутри круга стоит знаменосец со знаменем, на широком полотнище которого изображен крест, а по углам — пара полумесяцев, солнце и звезда. Против него, на видном месте, собралась казацкая старшина со знаками своего достоинства. Какой-то казак, став внутри круга и обратясь к собравшимся лицом, говорит речь. Казачество слушает, переговаривается между собой, а иные так втянулись в свой разговор, что забыли и слушать говорящего, а только ведут спор. Такие споры иной раз не кончались добром: начиналась свалка, казачество хваталось за оружие — и под конец из круга выносили несколько убитых и раненых.

Но этим же оружием казаки сумели сослужить большую службу русской земле. Живя в пограничной с татарами степи, они все время должны были схватываться с то и дело набегавшими шайками их. Подучаемые Москвой, крымские ханы обрушивались на окраинные земли Польши и Литвы — коренные русские земли. Подучаемые Польшей и Литвой, ходили грабить Москву. При этом

главная тяжесть отпора ложилась на казачество, которое, как громадная сторожевая застава, стояло на их пути. Когда же казачество усилилось и окрепло, то могло не только давать отпор татарским набегам, вздробь нападая на мелкие татарские орды, — оно могло уже само броситься через степи на Крым. А когда крымские татары подпали под власть турок, захвативших город Константинополь¹⁹, — то било казачество и турок, эту грозу всей христианской Европы.

Крым чуть ли не целиком охвачен Черным морем. То же море отделяло украинскую степь от Турции. Для своих морских походов казачество строило в Запорожье «чайки» — большие, легкие лодки, длиной сажень с восемь, обшитые по бокам связками тростника (тростник не давал лодке тонуть, когда ее заливало водой). На чайке имелось 5—6 небольших пушек; ходила она и на веслах, и под парусом, вмещала несколько десятков человек. На чайках спускались казаки по Днепру в море, где их сторожили турецкие галеры (корабли). Но казаки прятались в густых днепровских камышах и, дождавшись темной ночи, проплывали тайком в Черное море. Плыли они оттуда к Крымскому побережью, захватывали добычу, жгли города. Подплывали они к славному городу Кафе (ныне Феодосия)²⁰. Туда сгоняли татары со всех сторон русских пленников на продажу в рабство и продавали их оттуда и в близкие страны и в далекие, вплоть до Испании, Туниса, Алжира. И казачество не раз, не два громило этот город, освобождало пленников, и возвращались они «на тихі води, на ясній зорі, у край веселий, в города християньські».

Или ехали казаки к турецким городам, захватывали Синоп²¹, жгли Трапезунд²², «окуривали мушкетным дымом», как тогда выражались, стены самого Константинополя, наводя страх на могущественного султана. Проходили и в Азовское море, нападали на Очаков. Завидя издалека в море турецкую галеру, старались уйти подальше

на своих почти незаметных чайках, чтобы ночью напасть на нее врасплох. Но, будучи замечены, яростно набрасывались на громадное судно и отчаянным натиском иной раз захватывали его. А там, на дне галеры, прикованные цепями, сидели русские пленники и гребцы и ждали исхода схватки: освободят ли их или новых пленников кинут к ним на темное и грязное дно залитой кровью галеры. И если удача встречала казаков — освобождали они пленников, увозили богатую добычу: червонцы, драгоценные камни, ткани, ковры. И после того по всей Украине слепые певцы-кобзари славляли отважное казачество в своих песнях-думах. Перебирая струны кобзы, пели о том, как томилась бедная невольница в турецком плену, о том, что не забыли казаки своих бесталаных товарищей, не оставили их гибнуть в беде, не боялись ни вражеской силы, ни бурного Черного моря. А ведь не раз это море топило казацкие чайки, разносило их в разные концы, прибывало их, разбитых, поломанных, к вражеским берегам.

Страх, наводимый казаками на Турцию, был очень велик. Турецкий историк того времени пишет о них: «Можно смело сказать, что во всем свете не найдется людей более смелых, которые менее заботились бы о жизни, меньше боялись бы смерти; опытные в морском деле люди рассказывают, что эта голь своею ловкостью и отвагой в морских битвах страшнее всякого врага». Понятно, что и турки, и татары всеми силами старались разгромить и обезвредить «эту голь». А так как ее составляли главным образом беженцы из Польши и Литвы, так как и степь, приютившая их, считалась принадлежавшей той же самой Польше, то турецкий султан требовал, чтобы Польша уняла казаков, угрожая иначе разорить ее. А нашествия турок или татар Польша, слабая военными силами, боялась как огня. Так у казаков появился новый враг — Польское государство. Оно и раньше недружелюбно поглядывало на казаков — беглых людей, не плативших

податей, а теперь стремилось связать им руки, чтобы не вызвать страшных татарских набегов.

Были и еще причины вражды между Польшей и казаками. Чем больше усиливалось казачество, тем гуще заселялась ими украинская степь, тем спокойнее и безопаснее становилось жить в ней. И вот вслед за казаками в степь начала продвигаться польская шляхта, неся с собой сюда крепостное право, от которого думали укрыться здесь казаки. Польские вельможи-магнаты записывали за собой громадные пространства степной земли, укреплялись, строили замки-крепостицы, приводили с собой наемные военные отряды и старались закрепить казачье население, жившее на захваченных ими землях. А этого казаки снести не могли. Между ними и пришельцами-магнатами завязалась нескончаемая война. Старались помещики закрепить и тех казаков, которые поселялись у них в деревнях на зиму в прилежащих к степи землях. Это еще более усиливало взаимную вражду. Наконец, окрестное крепостное население, среди которого зимовали казаки, глядя на их вольности, «казачилось», объявляло себя казаками, отказывалось исполнять барщину, нести повинности, платить подати. Шляхта боролась с этим как могла и старалась, чтобы государство всерьез принялось за казаков.

Наконец, была еще одна причина вражды. Русская народность в польских землях подвергалась всяким стеснениям, прилагались меры к их ополячению. А так как между поляками и русскими было отчетливое различие в вере (поляки — католики, русские — православные), то именно сюда и были направлены главные старания польского правительства. Оно, между прочим, всеми силами поддерживало униатов, т. е. тех русских людей, которые, не отступая сильно от православного вероучения и обряда, признавали главенство римского папы. Русские люди боролись за свою народность и веру всяческими способами; в этой борьбе дело дать отпор Польше воору-

женной рукой выпало на долю «славного войска запорожского». Так, в борьбе с Крымом и Польшей и протекала казацкая жизнь: так отважная степная гольтьба, волю ценившая паче жизни, нежданно-негаданно исполняла великое дело: защиту русской земли и русской народности.

Польское государство, чтобы ослабить казацкую силу, начало нанимать часть их на постоянную военную службу, занося их в особый список — «реестр». Оно надеялось, что реестровые казаки²³ будут послушны ему и, между прочим, помогут перехватить остальных казаков и поселить у владельцев. Но реестровые не выдавали товарищей, да и жалованье им правительство плохо платило. Ходили они самовольно походами и на турок, и на татар. А в 1592/3 г. казаки, под предводительством Косинского²⁴, восстали, разгромили окрестное панство, «оказачили» многое множество крепостного населения. Через год германский император, воевавший с турками, вошел в союз с казаками. Они помогли ему, совершили поход с гетманами Лободой²⁵ и Наливайко²⁶, но затем повернули назад и прошли по русским землям Польши и Литвы, освобождая крепостных, смиряя панство, поддерживая православных против униатов. Польское правительство не стерпело и выслало против казаков гетмана Жолкевского²⁷ с войском, который схватился с ними, но одолеть их не смог. Однако он получил подкрепления и осадил казаков под гор. Лубнами²⁸. Казаки составили «табор» (походную крепость из телег, поставленных в несколько рядов) и отчаянно защищались. Но с ними было много женщин и детей, а припасов стало не хватать. Долго терпело казачество, но потом пришлось ему сдаться: выдало оно Жолкевскому оружие и предводителей. Долго мучили их поляки, особенно Наливайку. Но и казакам стало от этого не легче: бросились на них, безоружных, поляки и перебили их. Казацкая сила была сломлена.

Долго бы не оправиться казакам, да только само польское правительство стало нуждаться в них — позвало на

войну в Ливонию²⁹. Мужественно бились казаки и добились этой ценой возвращения старых казацких прав, отнятых после Лубенского разгрома. С тех пор казаки считают себя королевским войском. Ходили они в «смутное время» воевать с поляками против Москвы³⁰, нападали и после на Москву³¹ под предводительством гетмана Сагайдачного³². Совершил Сагайдачный и поход против турок, где спас польское войско от поражения³³. Это был умный, дальновидный человек, стремившийся показать Польше, как ценно для нее казацкое войско, и тем добиться для него прав. Положим, прав этих поляки не дали, но и стеснять казаков не смели. Казачество разрослось, усилилось и, под руководством Сагайдачного, брало под защиту всю русскую народность и веру в Польше и Литве. Много сделал Сагайдачный и для просвещения русского народа.

Нелады с Польшей после смерти Сагайдачного вспыхнули с новой силой. Казаки тревожили своими походами турок, пугая этим Польшу, громили польское панство, «казачили» их крепостных, вытесняли из края католиков и униатов. Польша же стремилась обуздать казаков, «оказаченных» крепостных казаками не признавала и в реестр их не вписывала. Считала она в реестре 6 тыс. казаков и все время старалась уменьшить его, а казаки стремились увеличить. Шли бесконечные войны с переменным успехом, пока, наконец, к 1638 г. был несколько раз разбит предводитель восставших казаков Острянин³⁴ и сдался после него принявший команду Гуня³⁵. Права казаков были урезаны, но силу их подорвать не удалось. Крепостное население, казачась, мощными потоками непрерывно вливалось в ряды казацкого войска и делало его несокрушимым. Так было и теперь: Острянин был разбит, Гуня сдался — и вслед за этим в Украине разразилось знаменитейшее восстание под предводительством Богдана Хмельницкого³⁶, поставившего ее жизнь на новый путь. Но об этом будет речь в отдельной книжке.

О ГУМАНИЗМЕ И НЕОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ

Предмет предлагаемой заметки весьма несложен. В заседании Общества славянской культуры г. Курнатовский, делая доклад о границах польской народности, коснулся, между прочим, и белорусского вопроса. Являются ли белорусы отдельной нацией, или нет,— это, по мнению г. докладчика, трудно сказать. Наиболее правильным представляется ему взгляд, что существуют лишь неудачные попытки создать такую нацию. Отметив это, г. докладчик предложил русскому обществу нечто вроде полюбовного раздела: два миллиона белорусов-католиков отчислить к Польше в целях их полонизации, остальную же часть подвергнуть русифицированию, дабы белорусский народ, так сказать, «рассосался» между двумя наиболее мощными соседними нациями.

Присутствовавший на собрании П. Н. Милюков¹, отвечая докладчику, достаточно определенно и твердо заявил, что белорусы имеют такое же право на самостоятельное развитие, как и все иные народности, и что проект г. Курнатовского представляется ему недопустимым. По поводу этого инцидента я позволю себе сказать несколько слов.

Прежде всего весьма оспоримым представляется мне утверждение г. Курнатовского, что попытки поднять белорусов на уровень самостоятельной нации оказались неудачными. Вернее обратное: они были очень удачны, несмотря на административные преследования, травлю со стороны русских и польских шовинистов и тому подобные условия. За недолгий срок, всего лишь в какие-нибудь

восемь лет, была создана белорусская пресса*, издано несколько сот тысяч экземпляров брошюр и книг, выращены кадры белорусской народной интеллигенции, и на нее прочно опирается дело национального возрождения. Почти все, издаваемое по-белорусски, идет в деревню, проникает в самые глухие уголки, всюду пробуждая национальное самосознание. И это не просто литература для народа, это в то же время литература самого народа, ибо она результат писательского труда многих и многих сотен крестьянских рук, на время отрывающихся от сохи, чтобы взяться за перо. Можно игнорировать отпорную силу этого движения, можно совершенно скинуть ее со своих счетов. Но назвать его нежизнеспособным, мертворожденным — нельзя. Это слишком противоречило бы действительности.

Что касается практических планов г. Курнатовского, то в них очень странно одно обстоятельство: если полонизация нужна для белорусского народа, то почему г. докладчик проектирует ее только для белорусов-католиков, а не для всего белорусского народа в целом? И, наоборот, если ему необходима русификация, то почему она нежелательна среди белорусов, придерживающихся католичества? Ведь разница в вероисповеданиях не раскалывает белорусский народ на две несходные по культуре величины. Ведь у белоруса, будь он католик или православный, один и тот же психический тип, язык, бытовой уклад. Как же из этих объективных предпосылок может одновременно проистечь необходимость для белорусского народа русификации и тут же рядом необходимость полонизации — вещей прямо противоположных и друг друга исключаящих?

Ларчик открывается очень просто. Распоряжаясь столь бесцеремонно судьбою белорусов, г. Курнатовский даже

* В настоящее время существует шесть белорусских органов печати², кроме того, белорусское движение обслуживается органами на русском и еврейском языках.

не пытался задаться мыслью, насколько вредны или полезны для них его проекты. Он совершенно не интересовался этим, будучи всецело охвачен перспективой усиления польского народа путем ополячивания двух миллионов белорусов. Он и русификацию остальных белорусов выдвигал не как нечто ценное для них, а просто, так сказать, как плату русскому обществу за возможность безвозвратной колонизаторской деятельности. Короче говоря, г. Курнатовский пытался вести торг белорусским народом, который в его глазах является не субъектом, а объектом прав, предназначенным служить чем-то вроде питательного материала для соседних народов. Остается лишь отметить, что лица, к которым принадлежит г. Курнатовский, именуют себя «гуманистами».

Но далеко не все польское общество охвачено тенденциями гуманизма. По сообщению г. Козловского в «Киевской мысли»³, многие из присутствующих на собрании поляков восстали против предложенного проекта, а в числе их и сам г. Козловский. Но это не помешало последнему в то же время напечатать в журнале «Народы и области России» карту расселения польского народа, где, например, в Виленском, Лидском и Ошмянском уездах Виленской губ. число поляков показано от 50 до 100%, в Дисненском, Вилейском и Свенцяном — от 30 до 50%, в Минском — то же, в Дриссенском (Витебск. губ.) — от 20 до 30% и т. д. Создается впечатление, что это польский край, лишь по ошибке называемый Белоруссией. А между тем здесь живет сплошное белорусское (иногда литовское) население, поляки же имеются лишь в городах да в панских усадьбах; наконец, к полякам с большой натяжкой можно было бы отнести и так называемую «засцянковую шляхту»*, но и только. Что же касается природы цифр, приведенных г. Козловским, то они и раньше встречались у польских статистиков, будучи резуль-

* Мы, однако, считаем это неправильным.

татом причисления всех белорусов-католиков к полякам, т. е. результатом махинаций, против которых вооружался сам г. Козловский. Мы не сомневаемся, что он просто был введен в заблуждение гг. исследователями, которым весьма к лицу щедринский девиз: «Прасковья мне тетка, а правда мне мать». Однако как бы то ни было, все же приходится констатировать, что из среды польских прогрессивных кругов белорусскому народу на наших глазах был нанесен удар, в оценке которого вряд ли возможны колебания.

[1914]

ОБРАЗЫ ГАЛИЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

КАРПАТЫ

Есть два метода книжного ознакомления с какой-либо страной: можно обратиться или к цифрам, таблицам, конкретным фактам, или к живым, пестрым образам, запечатленным в литературе художниками слова. Оба метода равно полезны и законны; взятые вместе, они прекрасно восполняют друг друга. Однако первый из них гораздо более популярен, нежели второй. В частности, справедливо это и по отношению к Галиции¹: завоевание ее² вызвало целую кучу работ первой категории и ни одной, которая попыталась бы использовать материал, созданный художественным творчеством.

*
* *
*

Карпаты³ — вот что главным образом привлекает внимание туриста по Галиции. «Там луга зеленеют, там вода в озере играет, там овцы блеют, белые вдаль, позванивая колокольчиками; все звенит, поет, гудит на полянах. Там девки поют, там на кобзах⁴, на гусях, на вербовых свирелках играют, на длинных, далеко звучащих рожках играют горцы, пастухи, погонщики... Там осенью бабы лен выколачивают, поют длинные любовные песни. Зимой поют за ткацким станком. Старые горцы трубки курят, рассказы рассказывают, заговаривают шипящие на огне чистилищные души. Волки воют под лесом, собаки им отвечают под избами...»* Этот дикий, певучий горный край многие про-

* К. Тетмайер. Какой у Собко Яворчаря гонор был.

бовали описывать, но никто не сделал этого с таким совершенством, как украинский балетрист М. Коцюбинский и польский — К. Тетмайер⁵. Конечно, их внимание привлекают прежде всего горы и лес. Остановимся на этом и начнем с картин, набросанных Коцюбинским.

«Маленький, белокурый, словно одуванчик пушистый, Ваня бегал по зеленым «царинкам» (лужкам) или бесстрашно забирался в глубь темного леса, где ели колыхались над ним своими ветвями, точно медведь двигал лапами.

Отсюда глядел он на горы, на близкие и далекие их вершины, что голубели на горизонте, на темные еловые леса, на яркую зелень царинок, блестящих, словно зеркала в рамках деревьев. Под ним, в долине, кипел холодный Черемош. На далеких холмах дремали на солнце одинокие жилища. Было тихо и грустно, черные ели беспрерывно изливали в реку свою грусть, а Черемош нес ее низом, передавая долинам»^{*}.

Приводим еще картину восхождения на гору; художественная и сама по себе, эта картина особенно интересна для экскурсанта именно потому, что дает вереницу видов, нарастающих и меняющихся при постепенном подъеме, то есть дает их как раз в том порядке, в котором они пройдут перед глазами экскурсанта. Вот эта картина⁶:

«Теплым весенним утром шел Иван на полонину**». Как горный поток, он легко прыгал с камня на камень и здоровался со встречными людьми, лишь бы услышать собственный голос.

— Слава Иисусу!

— Во веки слава!

На отдаленных холмах одиноко ютились хаты, темно-бурые от дыма, которым прокурились насквозь, а внизу кудрявый Черемош блестел сединою и отливал под скалами сердитым зеленым огнем. Переходя поток за потоком, минуя хмурые леса, где по временам позванивала

^{*} Коцюбинский. Тени забытых предков.

^{**} Горную поляну.

корова или белка бросала с деревьев объедки шишек, Иван поднимался все выше и выше. Леса уступали место горным лугам, мягким и пышным. Иван брел среди них, словно плыл по озерам цветов, порой нагибаясь, чтобы украсить «кресаню»⁷ пучком красной гвоздики или бледным венчиком хризантемы. Подножья гор скрывались на дне глубоких черных ущелий, где рождались холодные потоки, куда не ступала людская нога и где водился «вуйко»*, бурый медведь, страшный враг стад. Вода попадалась все реже. Зато как рад был Иван, когда встречал ручей, этот холодный хрусталь, омывавший в своих верховьях желтые корни вековых елей и даже сюда доносивший шум леса! Около такого ручейка добрая душа оставляла иногда кувшинчик или чашку простокваши...

Тропка вела все дальше, в густой бурелом, где кучами гнили голые колючие ели, без сучьев и коры, словно скелеты. Пусты и дики были эти лесные кладбища, где лишь токовали тетерева да гнездились змеи. Здесь царила тишина, великий покой природы, строгость и грусть. Сзади Ивана уже вырастали горы и голубели вдаль. Орел поднимался с острых каменных вершин, благословляя их широким взмахом крыльев; чуялось холодное дыханье горных лугов, и ширилось небо. Вместо лесов теперь стлался по земле черный ковер ползучих елей, где путались ноги, да мхи одевали камни зеленым шелком. Далекие горы открывали, одна за другою, свои вершины, выгибали хребты, вставали, словно волны в глубоком море. Казалось, морские буруны окаменели как раз тогда, когда поднялись, чтобы ринуться и затопить землю. Уже Буковинские вершины⁸ упирались в край неба; словно синие тучи, завернулись в сизый полог тумана Синицы, Дземброня и Белая Кобыла; дымился Игреч, острым шпилем втыкалась в небо Говерля, и Черная гора давила землю своим тяжелым телом.

Наконец — полонина! Он уже стоял на ней, на этой высокой поляне, покрытой густой травой. Голубое море

* Буквально — дядюшка.

Волжына Аляксандра і Багдановіч Адам, 1899

*Дом на вул. Любiмскaй (цяпер Чаикoўскaгa)
у г. Яраслаўлi, дзе жыла сям'я Багдaнoвiчaй*

Какуева Ганна Рафаїлауна

Галановіч Ганна Іванаўна

Шабуня Емілія Іванайна

Вераніка Залатарова

*Сям'я Мякотаў:
Таццяна Восіпаўна і Апанас Іванавіч;
дзеці (злева направа) — Марыя, Стэф, Міхась*

Изъ Я. Курмана.

Жниво.

Созревшие любовью золотые колосья
За солами, тамъ, гдѣ жнивъ дубаны,
Склонили колосья до самой земли
Съ придробнившимъ шелтаксемъ: „Мои жненъ,
гдѣ вы?“

И жненъ слышалъ. Направо, налево,
Срѣзая колосья наивысшей ржи,
Задвигались быстро серпы, какъ ножомъ,
Подъ жнивкомъ, старше вѣчно наравъ.

Посливая, дравная плеска плыветъ
Средь золотыхъ колосовъ плывущей павы
И въ плывъ толкаетъ свои плывивы.
Плыветъ эта плеска колосъ и заветъ,
И въ седущъ какъ збогелъ косякъ плыветъ:
„Ты такъ же, братъ, слышь... а гдѣ твоё
жниво?“

Съ бычарушского порева

и. Богдановича

взбудораженных гор обступило Ивана широким кольцом, и, казалось, будто эти бесконечные синие валы продолжают идти и готовы упасть к его ногам»*.

Упомянутая здесь гора Говерля воспета в стихотворении украинского писателя С. Чарнецкого⁹.

Я вижу вновь тебя. Твой верх вдали белеет,
Маня мой взор к себе на синем небосклоне.
Палящий солнца жар теплом весь мир лелеет,—
А ты одна грустна в немых снегов короне.
Взгляни вокруг себя: Хомяк уж зеленеет,
Уж Поп-Иван сменил покров на мощном лоне,
Уж долом Прут шумит, уж теплый ветер веет,—
А ты одна грустна в немых снегов короне**.

Что касается карпатских лесов, то очень выразительные и живописные картины их мы находим у польского писателя Тетмайера, уже отмеченного нами выше. Приводим наиболее характерные из них.

«Под Комицей, под Волошином, под Голицей, под Коловом леса и совсем никто не трогал. Деревья выростали на наваленных деревьях: сосны, ели, буки, яворы, а меж них — дикая малина, шиповник, ежевика, густой плющ, заросли, живые изгороди, целые сети и капканы из растений... В них можно было запутаться, застрять в буреломе, утонуть в коварных, гнилых болотах, задохнуться среди гибких, но упругих лоз, веток, суков, среди мелких частых елей, которые нагибались, когда их нажмешь, но не разнимались, а захватывали в свои мощные объятия, вдавливали в себя и оплетали человека, как змеи»***.

«Сосны были тут толстые, как колонны в церкви, с ветвями до самой земли, так что неба из-под них не было видно. Папоротник, зелье всякое, щавель, лопухи; травы — выше колен. Гуща страшная. Ноги вязли в гнилье, в перегнивших пнях, в стволах, нагроможденных один на другой между скалами. И всюду на ветвях висел прядями

* К о ц ю б и н с к и й. Тени забытых предков.

** Перевод автора статьи.

*** К. Тетмайер. О Бартке Грониковском, браконьере.

сырой мох, серо-зеленый, длинный, как бороды. Между деревьями цвели на длинных стеблях желтые цветы; иногда, как завидятся они, можно было подумать, что нечистый смотрит на тебя: так и вздрогнешь. И никогда не было там ветра, тихо там было — ни шороха, ни звука. Воды даже не было слышно в потоке, внизу. Бор был глухой, как труп»*.

«Вокруг лес, лес и лес!.. Одни лишь верхушки деревьев,— тут остроконечные, черные, сбившиеся в кучу сосны, там раскидистые, зеленые буки и яворы; все это заливаает человека кругом, как море... А над лесами горы, светлые, широкие скалы, а выше — крутые утесы, высокие стены обрывистых каменных круч, а еще выше облака... а еще выше — небо.

Ветер ходит кругами; иногда с одной стороны леса было тихо, а на другой деревья гнулись в дугу, словно трава под косой.

Иногда лес стоял тихо, и только издали шел шум, все ближе и ближе, пока не захватывал деревьев и не плыл по ним, как летит ястреб, когда он ловит птиц, касаясь колосьев грудью и крыльями... Колосья нагибаются, а он с шумом летит»**.

А вот набросок ночи и рассвета в начале весны:

«Поздно вечером, когда полная луна взошла над скалами, она осветила ряды уже черных скал, без снега... А потом стала медленно освещать утонувшие в темноте страшные и пустые долины, исчезая то тут, то там за скалами — словно свет блуждал, потерявши дорогу.

Воды шумели в ночной тьме, мороз уже не сковывал их ночью. Помертвевшая за зиму пустыня наполнилась живым теплым воздухом... Казалось, будто что-то растет в горах, не было уже застывшего спокойствия зимы — шла весна. Почти светлело...

Где-то там у Ледовца белеет, розовеет рассвет... Забрехала полоска света... она движется, как облачко ро-

* К. Тетмайер. Дикий горец.

** К. Тетмайер. О Бартке Грониковском, браконьере.

зовое, легонькое, тихонькое... И выплыло солнце, да такое, словно его где-то в долинах роса окропила, мокрое, сырое. А ветер шумит по скалам, в горах шум, грохот, гром... Летят вниз потоки с Волошина, поют звонко, как колокольчики. В горах уж местами снега совсем нет; смеются они солнышку, словно только что родились. Вода играет, переливается, сверкает, словно радуга, а ветер мчится по долине, распластав крылья, и плавит снега...

А где они уже стаяли, там трава растет, зеленеет молоденькая, весенняя. А вода бежит по ней ручейками, словно стеклянная.

Молодой дух идет от долин, грудь распирает!»*

Однако не эти картины Карпат особенно привлекают наше внимание в произведениях Тетмайера, но его великолепное описание животного мира горных лесов. Приводим это описание с возможной полнотой.

«Когда у Бартке Грониковского зверь был уже в мешке, серна или заяц, он больше не охотился: тогда он любил смотреть, как звери живут... Часами смотрел он на диких кур или тетеревов-глухарей, которые за Татрами, с южной стороны, около Криваня, за Воловцом, любили сидеть в чашах можжевельника, дикой малины, прячась от орлов и ястребов, не доверяя соснам и лесным зарослям, где всегда могла подкрасться проворная рысь, коварная куница, кровожадная, хитрая лисица и страшная, неожиданная, нападающая, как гром, дикая кошка. Там дикие петухи расправляли свои великолепные перья, разогнутые на две стороны хвосты, прекрасные цветные крылья... Там они дрались, там они грелись на солнце, словно ослепнув от блеска...

Там кормились по уступам дикие голуби, быстрые и осторожные; срывались с шумом рябчики и дикие утки, большие, тяжелые, а маленькие, проворные водяные курочки садились на болотца внизу долин, в большие травы, или плавали по озеркам.

* К. Тетмайер. Хозяин гор.

В другом месте, в Ростоке, он наблюдал белых горностаев с черными хвостиками; они выползали из-под камней, высовывая сначала острые мордочки с быстрыми глазками.

Не раз метким ударом камня или выстрелом прерывал он погоню куницы за несчастной белкой, перескакивавшей с писком с дерева на дерево и, расправив хвост, бросавшейся на тоненькие, едва уловимые глазом веточки... Белок любил он больше всего. Только завидит белку на дереве, и уж готов глядеть на нее без конца: как она взбирается по стволу, лазит по веткам, тут повернет голову, там оглянется, сядет, накроется хвостом, как баба юбкой в дождь... Шишку в лапки — и давай ее лущить, бросать шелуху, грызть зерна... Потеха!

И дятлов любил он, когда, прижавшись хвостом к дереву, они иступленно долбят кору или, особенно ранней весной, свистят, как на свирели, и медленно пролетают меж ветвей.

Затянет ли где-нибудь свою песню сойка, затрещит ли или засвистит где-нибудь дрозд — он остановится и слушает. И часто не ради их чудного свиста: где дрозды в конце марта и в начале апреля свистят, там вальдшнепы тянут.

Любил он смотреть по вечерам с высоты, как в одинокую пустыню у его ног, в холодный, стальной мрак, летит филин, огромная птица с пушистыми крыльями, похожая на зловещий призрак.

Даже подкрадываясь к сернам, он не очень заботился о том, чтобы стрелять, а смотрел, как они пасутся на скалах, как лазят по скалам и смотрят оттуда вниз, в страшную пропасть, словно у них крылья, а не ноги... Или вскочат на скалу туда, где едва можно стать, собрав четыре ноги вместе, и стоят так, и смотрят вокруг, и свистят в ноздри, когда что-нибудь увидят или почувют...

Видел Бартке Грониковский, как козы защищаются от орлов, сбиваясь в стадо, как иногда молодая, но уже слишком сильная и тяжелая коза, которую орел не может

поднять, перескакивает с утеса на утес с вцепившимся в ее спину орлом — так быстро, чтобы у него крылья откинулись назад от бега, и он должен был бы ее выпустить...»*

Наконец, заключим эту вереницу картин и образов прекрасным стихотворением в прозе «Горный мотылек», принадлежащим перу того же автора.

«Я шел однажды через Железные ворота в Татрах. За мной над Липтовскими горами была буря, нависшая в свинцовой туче и ударявшая в темный лес золотыми молниями с оглушительными раскатами. В Татрах отдавалось громкое эхо. Над тучей было как будто зарево, кровавое и страшное. Вокруг меня повисли пропасти, и гранитные обелиски поднимались ввысь между колоссальными пирамидами, теряясь верхушками где-то в безграничной вышине; над головой — вечернее небо, серое и печальное.

Нигде ни травки, ни моху, только обломки камней и скользкие гранитные плиты. Мертвая пустыня.

Вдруг зашелестело что-то в воздухе. От одной стены ущелья до другой пролетела маленькая птичка, горный мотылек, как ее называют горцы.

С излома на излом, со скалы на скалу взлетала она все выше, пока не исчезла где-то в безграничной вышине между сводами пропасти.

Там, в отдалении, была буря и темный лес; ниже, в долине, города, нивы и жизнь, а эта птичка, далекая всему, всему чуждая, никем не видимая, носилась здесь над пропастями, в бесконечной вышине и бесконечной пустыне.

Не правда ли, в душе человека есть что-то, похожее на этого горного мотылька, взлетающее выше, чем бури и леса, чем города и нивы, чем жизнь и движение, всему далекое, всему чуждое, лишь иногда, на одну минуту, заметное для мысли и так, как эта птичка, исчезающее в безграничной вышине...»

* О Бартке Грониковском, браконьере.

Таковы Карпатские горы, такова их природа. Но и сюда проникает капитал, и здесь уже делает свои первые шаги царство машинной культуры. Об этом говорит, например, следующий отрывок из рассказа Ив. Франко¹⁰:

«С погожего неба солнце сыплет свои горячие лучи на высокие горы, на зеленые болота, на заводские постройки Людвиковской паровой лесопильни. Свеча бурлит и разбивается о круглые камни; на горах виднеются сосновые леса, объятые прозрачной синеватой мглой. Среди котловины возвышается завод, со всех сторон окруженный высокосложенными рядами толстых бревен, точно громадной серой каменной стеной. Из красной трубы идет дым, раздается пронзительный свист; внутри завода слышен бешеный шум, писк, скрип и лязг паровой машины, смешавшийся с оглушающим шумом воды и криком рабочих. А вдали на вершинах гор там и сям звучит стук топоров и грохот падающих громадных сосен.

— Ура-а! — кричат дровосеки при каждом падении лесного колосса, а потом опять начинается стук — у великана обрубают ветви и по утоптанной дороге спускают по горе вниз на реку, которая донесет его прямо к машине. День за днем со всех вершин кругом раздается этот стук и крик, день за днем сотни лесных великанов с треском спускаются по голым, обрывистым скатам гор в долину, чтобы там, на воде, ждать, пока придет их очередь лечь под неутомимые железные зубья паровых пил. И день за днем четырнадцать сложных пил грызут кости лесных великанов, точно четырнадцать неустанных червяков»*.

Но и здесь, вокруг завода, царит обаяние карпатской природы, о чем лучше всего свидетельствует окончание цитированного рассказа:

«Его похоронили за Свичею, у стен высокой горы, на зеленой, поросшей мхом и полевыми цветами поляне. Кругом высокие горы задумчиво смотрят и на маленькую зеленую могилу, и на огромный завод с красной трубой.

* Ив. Франко. Сам виноват.

В орешнике кукует кукушка, точно спрашивает: «Кто тут? Кто тут?» А чирик в высокой траве протяжно отвечает: «Несчастный! Несчастный!» Только сердитая пестрая сойка на одинокой сосне дразнит: «Сам виноват! Хге! Хге!..»*

Впрочем, вторжение капиталистической культуры в область Карпат очень незначительно, и они поныне сохраняют характер дикого горного уголка. Заселены они бойками, лемками и гуцулами, своеобразными украинскими народцами, занимающимися скотоводством, лесным промыслом и т. д. В укладе их жизни, в их повседневном обиходе сохранилось много древних, архаических черт, что особенно приходится сказать о гуцулах. Посетивший эту местность г. Кельсиев даже полагал¹¹, что они еще не вышли из бронзового периода; дело в том, что гуцулы всегда ходят с особыми медными топориками, сильно напоминающими те, которые находят в курганах. Хотя, конечно, мнение г. Кельсиева явно неосновательно, однако, действительно, здесь можно найти много интересного и в научном смысле, и в смысле этнографической живописности. Начнем хотя бы с нарядов; они бегло зарисованы в следующем отрывке из Коцюбинского:

«Все они были богомольны, любили посещать церковь, особенно в храмовой праздник¹². Вынималась лучшая одежда, новые «крашеницы», расписные «кентари»**, пояса и сумки, богато украшенные медью, золототканые «запаски»***, красные шелковые платки и даже пышная белоснежная «гугля»****, которую мать бережно несла на палке, перекинутой через плечо. Иван тоже вынимал новую «кресаню» и длинную «дзюбню»*****, при ходьбе бившую его по ногам.

* И в. Ф р а н к о. Сам виноват.

** Кентарь — разукрашенная меховая куртка без рукавов; крашеницы — красные суконные штаны.

*** Запаска — кусок материи в виде передника.

**** Белый суконный плащ.

***** Матерчатая сумка.

Седлались кони, и огороженными горными тропками, зелеными вершинами двигался караван, словно маковым цветом осыпая горы»*.

Описывал костюм карпатских горцев и Тетмайер, из которого приводим два-три места: «И раньше он щеголем был, а теперь ему уж и удержу не было. Кожух на нем черный, длинный, красными широкими шнурами обшитый, штаны девятью синими полосками расшиты (а уж самому что ни на есть богатому хозяину пяти полос хватало). Он сам на себя заглядывался; сапоги светлые, желтые, шляпа с широкими полями, тетеревиное перо на ней»**. И еще: «Хранил он стародавний обычай — носил еще на шее ожерелье из камешков и косточек, а на голове баранью высокую, остроконечную шапку, окрученную шнурами, с нанизанными на них раковинами»***. А вот женский убор: «Она в желтом платке на голове, в белой рубашке, в красном корсаже и в красном переднике на темной юбке»****.

Домашняя утварь гуцулов очень красива, своеобразна по форме, расписана интересными узорами, покрыта медными насечками. На нее обратили свое внимание польские и украинские художники, старающиеся укрепить и развить этот «гуцульский» стиль.

Любопытны и песенки гуцулов — грациозные коломыйки и шумки¹³. Хороши сказки. Старой стариной веют поверья. Даем и о них несколько строк:

«Знал он, что на свете царит Аридик (злой дух), что он всем управляет; что лес кишит лешими, которые пасут в нем свою скотину: оленей, зайцев и серн; что там же бродит веселый Чугайстыр, приглашающий каждого встречного поплясать с ним и раздирающий «нявок» (дриад)¹⁴; знал, что в лесу живет голос секиры. Выше, на

* Коцюбинский. Тени забытых предков.

** Тетмайер. Франек Селига и Господь Бог.

*** Тетмайер. Разбойничья изба.

**** Тетмайер. О Марине, войтовой дочери.

бесплодных диких горных вершинах, «нявки» ведут свои бесконечные хороводы, а среди скал прячется «счезник» (гуцульский черт)»*.

Мы не будем входить в дальнейшую характеристику карпатских горцев. В них нас интересовали черты своеобразной этнографической колоритности по преимуществу; лиц же, желающих получить более полное представление об этих горцах, мы отсылаем к цитированным нами сочинениям Коцюбинского и Тетмайера, а также Ив. Франко, Федьковича¹⁵, Виткевича¹⁶, Захер-Мазоха¹⁷ и т. д.

РАВНИНА

«Верховина» (горы) и «Поділля» (дол, низменность) — так удачно сам галицкий народ делит надвое свою страну. Мы последовали этому делению и в нашей статье, потому что оно чрезвычайно удобно для группировки описательного материала; картины галицких гор нашли себе место в предыдущем очерке, а этот, таким образом, будет посвящен низменной части края и подгорью. Здесь мы не встретимся с такими эффективными изображениями природы, какие встречали раньше, здесь все будет проще и ближе к нам, будет более знакомо и обыденно, но зато именно тут мы сможем более подробно остановиться на быте местного населения. Коротко говоря, в предыдущем очерке первое место занимала природа, в этом его занимает крестьянин и село.

Наметив, таким образом, свою задачу, приступаем к ее выполнению и начнем с общей картины крупного украинского села, взятой у Ив. Франко.

«Гигантской гадюкою извивается посреди широкой подгорной долины речка Грушивка; густые лозы и ольхи

* Коцюбинский. Тени забытых предков.

укрыли с обеих сторон ее берега, как две ровно положенные зеленые гирлянды из барвинка. По обоим берегам речки раскинулось большое подгорное село Грушатичи. Хаты, как по шнуру выстроенные вдоль проезжей дороги, тонут в грушевых и яблоневых садиках, а другая, заречная половина села разбросана по равнине, где кому понравилось, и высматривает, словно группа букетов, рассыпанных по мураве. Посреди села около моста стоит церковь с крытым листовым железом красным куполом, который возвышается, как красная шапка мухомора на белой ножке. За церковью на небольшом пригорке, среди старого, обширного сада стоит дом священника — старинное каменное здание с крыльцом, обращенным к саду и к селу, с хозяйственными постройками позади, притулившись к высокому глиняному обрыву — это конец горного отрога, который смелой излучиной протянулся сюда от самого Дила и тут был проломан и выгрызен рекой. На противоположной стороне реки, за долиной, вздымается другая, высокая гора, покрытая темно-зеленым пихтовым лесом; на косогоре высоко над селом раскинулся помещичий сад, обведенный живою изгородью; посреди него усадьба — небольшой двухэтажный красный дом, весь обсаженный виноградом.

... Грушатичи можно было бы счесть раем земным, прелестным уголком нашего Подгорья.

Вокруг него широкие, влажные заливные луга вплоть до подножья гор зажелтели потаем, как сплошной желтый ковер, разукрашенный группами желтоцвета, свиды, калины и орешника, которые разрослись возле поворотов реки. Над селом выступает из зелени красная усадьба, словно свирепое, налитое кровью лицо, а сзади церкви как-то хитро и несмело высматривают стены церковного дома — «клебани». Вокруг — крестьянские избы с ободранными ветром стрехами, с полуразобранными плетнями и заборами, с маленькими подслеповатыми окнами и с великим, в глубине душ людских укрытым страданием,

с неустанною борьбою между надеждой и отчаянием»*.

В последних строках этого отрывка Ив. Франко отступает уже от чисто пейзажных задач и пробует подойти к самой жизни народа. В этих двух направлениях и мы планируем подобранный нами художественный материал, причем, естественно, начнем с пейзажа. Впрочем, «краевиды» (как здесь говорят) галицкой низменности не особенно отличаются от того, что мы видим в юго-западной России, поэтому мы и не будем слишком долго останавливаться на них. Начнем с двух выдержек из Франко, взятых из различных рассказов, но внутренне гармонирующих и хорошо дополняющих друг друга.

«Чудесное летнее утро. Холодный, легкий ветер чуть-чуть колышет широкое ржаное поле. Рожь — словно золото. Колосья согнулись под тяжестью зерна и жемчужных капель росы, свисавших с каждого стебелька. Высокие, ровные стебельки, желтые и плотные, стоят меж зеленых листьев плюща, полетицы, осета и стелющегося по земле бурьяна. Кой-где среди этого золотого, шумящего и душистого моря виднеется синий, чарующий глазок василька, цветок куколя, девичье пылающее лицо полевого мака.

Взошло солнце. Затрещали сверчки на всякие лады, зажужжали большие полевые мухи; над колосистым морем затрепетали пестрые мотыльки. Природа ожила. Ветер подул сильнее, пахнул теплом со стороны леса, стряхивая серебряную росу с трав и цветов.

В селе поднялся шум, закипела жизнь. Выгон запестрел скотом, который гнали на пастбище. За скотом шли заспанные, неумытые пастухи. Некоторые из них, успешные уже позавтракать, весело пели, гикали и щелкали кнутами, подгоняя скотину.

Задымилась избы. Хозяйки стараются истопить по-

* И в. Франко. Великий шум.

раньше, чтобы скорей сварить обед,— младшие члены семьи снаряжаются в поле»*.

«Малый Мирон больше всего любит один бегать по зеленому, цветистому лугам, посреди широколистого лопуха и прекрасного полевого романа; любит упиваться сладким запахом росистой конюшины да разукрашиваться прилипчивыми шариками репейника, которыми убирал себя с головы до ног. А еще речка, через которую приходится переходить из огорода на пастбище, небольшая, спокойная, с глубокими, отвесными берегами, с глинистым дном, с журчащими перекатами, дно которых покрыто мелкими камешками, обросшими мягкими зелеными водорослями, длинными, словно зеленые шелковые ленты,— эта речка доставляет ему громадное наслаждение и непреодолимо тянет его к себе. Целыми часами любит он сидеть там, запрятавшись в высокий зеленый коситник или густые широколапые листья мать-мачехи. Сидит и всматривается в плещущую воду, в дрожащую под напором воды траву, в рыбок, которые время от времени выплывают из глубины и то шныряют по дну, ища водяных червячков, то снова выставляют свои тупые, усатые мордочки из воды, потянут воздух и удирают скорее в свои гнезда; в то же время солнце печет с высокого, безоблачного темно-синего неба. Но широкие листья защищают Мирона от его жгучих лучей, которые только согревают ему спину и плечи. Хорошо Мирону»**.

Помещаемый ниже отрывок из К. Тетмайера живописует галицкую осень.

«Солнце так и разлилось по полям, холодное и чистое, в Татрах мороз засел голубовато-белым ледяным инеем, и горы резко светились, как костельные стекла зимой.

На полях — овес, в ряды сложенный, золотистый. Тихо пролетают птицы.

* И в. Ф р а н к о. Лесихины домочадцы.

** И в. Ф р а н к о. Мирон.

По золотистым жнивьям пасется скот: коровы волочат за собой свои тени, а то вдруг остановятся на солнце и горят, словно медные. То корова замычит, то теленок; тут пастух запоет, там пастушка; под лесом дети огонь разводят, дым идет прямо кверху, серебристо-лазурный, пламя лежит внизу яркой багряностью.

Шумят потоки вниз, за лугами, однозвучно, вечно.

Прозрачная тишина в воздухе, и солнце резко искрится на обледенелых, замерших Татрах, светлое, полное»*.

Картину осени находим и у Ив. Франко.

«Едет осень, вельможная госпожа, богатая хозяйка. За нею тянутся неоглядные стада волов, табуны коней, вереницы возов, нагруженных сеном, снопами и мешками. Над ними курится пыль, за ними простирается земля, лишенная сил, серая и сонная.

Махнула осень рукой на леса — и они расцвелись пурпуровыми, серыми и желтыми красками, зашумели глубоким и тяжким стоном, тоскою по минувшем лете.

Махнула в воздухе — и он наполнился роями ласточек, ключами журавлей, стаями диких гусей и других птиц, которые тихо, словно осенние тучки, тянули на полдень, к югу.

Махнула на реки — и рыба начала прятаться в глубочайшие места и норы на зимовку.

Махнула на села — и они покрылись скирдами и полными оборогами**, оживились стадами овец и стадами скота, которые раньше кочевали по высоким горным полянам, а теперь возвращались на зимовку.

Небо еще чисто и свободно от туч, но слегка бледно, а поля под ним желтеют, сереют стернями***, чернеют под паром и грустно шелестят о пережитых минутах летних радостей.

* К. Тетмайер. Кристка.

** Навес на четырех столбах для хранения сена.

*** Пожниво, отрезки стеблей после жатвы.

Только люди не чувствуют этой грусти. Они бодры, сыты и горды счастливо оконченной работой, загорелые от летних жаров, но полные гордости при виде этих богатств, вырванных из рук природы.

Нежно плачут скрипки, звенят колокольцы, гудят ба-сы*, земля стонет под тяжким, размеренным топотом сельских танцоров, которые выбивают гопака на токах и дворах».

Но не всегда, далеко не всегда галицкое село дышит таким довольством. Скорее, это счастливое исключение. Тот же Франко пишет в рассказе «Леса и пастбища» следующие строки:

«Вы думаете, что барщина¹⁸ не вернулась к нам? Придите только, да посмотрите на наше село — сами убедитесь. Правда, надсмотрщики и экономы с нагайками не разъезжают уже под окнами, на помещичьем дворе уже нет той дубовой колоды, на которой, бывало, каждую субботу производилось всеобщее битье палками; но поглядите-ка на мужиков, поговорите с ними! Черные, как земля, изможденные; хаты ободранные, старые, перекошенные... Заборов почти что и совсем нет, хоть лес кругом, как море; поля приходится окапывать рвами и обсаживать деревьями. Скотина замороженная, мелкая, да и то у редкого хозяина. А если спросите идущих с косами и серпами: куда, добрые люди, идете? — то, наверное, вам ответят: «На помещичье поле рожь жать» или: «На помещичий луг косить». А если вы удивитесь, как это так, что они идут теперь к помещику на работу, когда у самих еще ничего не сделано, а тут солнце жжет, зерно осыпается, то они разве только головами покачают и печально скажут: «Что поделаешь? Сами мы видим, и сердце у нас разрывается, но что делать? Задолжали мы помещику, а у него такое правило, что хоть гром греми, а раньше ему отработай, а уж потом за свое принимайся. У нас так каж-

* Контрабасы.

дый год: у помещика сделаем все вовремя и хорошо, и чисто, а наше, собственное, тем временем пропадает в поле. У помещика лес, а у нас на дворе и щепочки нет без его ведома! У него пастбища, а у нас скот пропал, а остатки бродят, как скелеты... Теперь помещик у нас войтом*, какой-то прислужник его писарем, и все общество должно плясать по их дудке. Бедного не пустит из села на заработки, ни на службу, книжки не выдаст: «Здесь сиди, нечего шляться — дома работай!» А дома, конечно, делать нечего — иди к помещику! А помещик даст по десяти крейцеров** в день в самую горячую пору, — и надо работать, потому что некуда деться».

Картин сельских работ украинская литература Галиции имеет много, но мы приведем лишь одну — картину пастьбы скота на горных полонинах, куда отправляют его летом не только горцы, но и жители не слишком отдаленных от Карпат долин. Это одно из своеобразнейших занятий галицкого крестьянина.

— «Гись, гись!» — подгоняет овец овчар. Овцы лениво сгибают колени, пошатываются на тонких ногах и встряхиваются. — «Гись, гись!..» Голые морды со старческим выражением скуки открывают слюнявые губы и жалуются кому-то: «бе-е... ме-е...» Два овчара идут впереди. Красные штаны их мерно рассекают воздух; от движения их мерно колыхается на кресане цветок. «Быр-быр!» Овчарки нюхают воздух и одним глазом искоса поглядывают на овец, все ли в порядке? Трется шерсть о шерсть, белая о черную, волнуются пушистые хребты как мелкая рябь в озере. Вся масса стада дрожит, как кисель. «Тпруа... тпруа...» Горловой звук направляет крайних в стадо, сдерживает овечий разлив в берегах. Кругом, будто море, голубеют вершины, а ветер громоздит на небе тучи. Дрожат кудрявые овечьи хвосты, головы всех опу-

* Сельское должностное лицо.

** Копеек восемь.

щены вниз, и белые плоские зубы выгрызают до самого корня сладкий дикий шафран или розовый клевер. «Быр... быр». Полонина расстилает под ноги овец свой зеленый ковер, и стадо накрывает ее пестрым тулупом. Хрустят на зубах травы. «Бе-е... ме-е!..» И вновь хрустят... Тени туч бродят по ближним холмам, точно их передвигают с места на место. Кажется, все горы движутся, точно валы в море, и лишь самые отдаленные остаются неподвижными. Солнце заливает овечью шерсть, играя радугой на ней, зажигает травы зеленым огнем; за овчарами идут их длинные тени. «Тпруа... тпруа!..» Неслышно ступают пастухи в лаптях; катится пушистая волна по полонине, и ветер начинает играть на далеких дощатых оградах.— «Дз-з-з...» — высокой нотой поет он, теребя отколотую щепку, досадливо жужжа, как муха... Тучи все прибывают. Они уже закрыли полнеба, гаснет далекий Бескид, чернеет и хмурится в тенях, словно неутешный вдовец, а полонина еще молодеет. И спрашивает ветер, тонко звеня в ограде: отчего ты не женишься, высокий Бескид?— «Потому что зеленая полонина не пойдет за меня»,— грустно вздыхает Бескид... Голубое небо вдруг посерело, точно слиняло; море гор потемнело; полонина погасла, и овечье стадо ползет по ней, как серый лишай»*.

Что касается печального положения галицкого народа, то тут заметную роль играет его консервативность, ставшая одной из наиболее крупных черт его характера. Вот несколько зарисовывающих эту черту строк:

«Меня давно уже люди прозвали «деревянным философом» за то, что я в свободное время люблю что-нибудь смастерить... Вот, например, видал я на круподерне в городе жернова, которыми крупы дерут; присмотрелся хорошенько, а потом как стал возиться у себя дома, как начал столярничать, так и смастерил себе такие же жернова. И подите-ка, как славно мелют! И как же, Господи,

* Коцюбинский. Тени забытых предков.

Твоя воля, смеялись соседи надо мной за эти жернова! Нельзя было на селе показаться, все спрашивают: «А что, кум, жернова целы?» Такой уж, скажу вам, странный народ! Но, несмотря на это, теперь ходят ко мне на моих жерновах молотить и не нахвалятся. А между тем я все-таки у них «деревянный философ».

Дальше этот «философ» рассказывает, как он купил себе соломорезку — новинку в их округе. «Сладил все, еду. Слава Тебе, Господи, думаю себе, что в село только ночью приеду. Может быть, и до хаты доеду, и никто меня не заметит. Еду я, еду, оставляя село за селом, и все дрожу, что вот-вот встретится знакомый и спросит, что я везу. Уж и сам не знаю, что это со мною стало и чего я так боялся. Словно краденое везу. Так уж у нас: засмеют человека за то, чего сами не понимают»*.

Бытовой уклад галицкого села отличается большой колоритностью. Приводим великолепное описание свадьбы, взятое из повести Франко «Великий шум».

«Старая Думячиха (мать жениха) впервые теперь почувствовала себя главою широкого рода и выступила во всем своем почете, освященном вековыми обычаями, чтобы прославить свадьбу своего единственного сына. Из глубины своего сундука она добыла чулок с серебряными талерами, на которых был бюст Марии Терезии¹⁹ — капитал, доставшийся ей от бабки, про который до сих пор не знал никто, даже ее сын. Она стала сыпать теми деньгами для единственного в своей жизни праздника. Зарезали трех боровов и трех овец, купили три бочки пива и бочку водки, нарезали мелкой живности, пригласили свояков, знакомых и соседей из трех сел, не выключая и самых отдаленных.

А в субботу после полудня зароилось Думячихино подворье от девушек, парней и свашек в праздничном убранстве. Начался свадебный обряд плетеньем венков и печеньем каравая. За свадебным столом, на котором бы-

* Франко. История моей соломорезки.

ла навалена целая куча зеленого барвинка, уселись сватья. Старая Думячиха встала на лавку и среди общей тишины начала обряд песнею. На ее голос ответил стройными приглушенными голосами хор свашек. А тут, словно рой пчелок, зазвучали голоса девушек, Галиных (невеста) дружек:

Збірная днинонька субота,
Збирала Галюня подружки;
Засадила їх за столи,
Завдала вона їм роботу,—
Зелений барвінок складати,
Шлюбні* віночки зивати.
Співайте, подружки, не сидіть,
На мене ся, молоденьку, не дивить,
Бо в мене туженька не мала:
Від рідної неньки відстала.

Но вот сцена меняется. Венки доплетены, разукрашены и повешены под образами, а свахи-пекарки несут на руках квашню с каравайным тестом и ставят на стол. Как тихая речка, льется песня свашек. И старинные обряды идут своею чередою: каравай месят, лепят, сажают, подгнечивают в печи, все с песнями, с присловьями, с нерушимыми старыми порядками. Свахи-каравайницы берутся за руки и поют около печи. Свадебный староста, который после того, как посадили каравай в печь, причем он держал длинную речь, засел на своем старостинском месте, за столом под образами и под брачными венками, кричит во все горло:

— Дружбо-о-о!

— Становлюсь под начало пана старосты!— отвечает красный от беготни, рослый и как пава убранный парень, который состоит при старосте в качестве «дружбы» (дружка) и должен исполнять все его поручения.

— Дружбо-о-о! — кричит еще раз староста, словно не видя «дружбы», который стоит перед столом с шапкою

* Брачные.

в руке,— дошла до меня чутка, что кому-то обида тутка. Свахи свое дело повершили, каравай посадили, соломою подгнетили и задом и передком и хотят горелки с медком. Ты разве не знаешь? Что же ты свое дело не исполняешь?

— Готов служить, пане староста!— громким голосом отвечает дружба, по-казацки поворачивается на одной ноге и исчезает среди свадебной толпы, чтобы через минуту явиться с расписною фляжкою, полною красного напитка, разогретой и смешанной с медом горелки, да с серебряной чаркою в другой руке. Он передает то и другое в руки старосты, говоря:

— Благословите, пане староста!

— Пусть Бог благословит,— отвечает староста, принимает в руки фляжку и чарку, наливает с краями и, пригубивши ее, энергичным движением выплескивает все остальное вверх, на потолок, откуда густой, красный напиток, как капли крови, капает на стол и на сгрудившихся в этом месте людей.

— Как этот сладкий напиток капает на нас с потолка,— говорит староста,— так пусть Божья милость падает на этот дом, на его хозяев и на ту молодую пару, что завтра должна идти под святой венец. Виват!

— Виват! — гудит так, что хата трясется и окна звенят. Староста тем временем спокойно наливает другую чарку, выпивает и передает ее в руки соседа. Идет угощение. Свахи, ожидая своей очереди, поют. А в сенях уже сердито загудел бас, зазвенели цимбалы, заплакали три скрипки и загремел бубен. Молодежь двинулась на эти звуки, как пчелы к меду... Пошли танцы и песни. Пели только парубки. Чарки ходили по рукам, ежеминутно нужно было наполнять бутылки с водкой, потому что теснота, спертый воздух, сумасшедшие пляски и горячие чувства рождали жажду. Наконец, все захотели пива для прохлады; песни свих возле женского стола только кое-когда слышались через шум и топот танцующих, как тихое жуужжанье мух среди ревушей бури.

На другой день, в воскресенье, едва лишь рассветало,

староста и дружба были уже на ногах, уже начинали съезжаться «бояре» на конях, в красных шапках, при пистолетах. Старая Думячиха, угостивши их как следует, начала снаряжать их ко двору молодой. Староста и Кость Думяк на вороных конях, украшенных цветами и стянутых красными подпругами, стали во главе похода; «дружбы» на точно так же убранных конях заканчивали свадебный поезд, и он двинулся со двора пара за парой, пока не протянулся по дороге долгою, разноцветною змеею. За ними плыла грустная песня свашек:

Ой, полем, полем, виноградом
Іхали бояри, а все рядом,
А старостонька все передом;
Під ним ся коничок розбутав,
Сваненьці виноград поламав.
Уставай, сваненько, раненько,
Підливай виноград частенько,
Аби той виноград зелен був,
Аби наш староста весел був.

Выехавши за село, все бояре по команде старосты, как один, выстрелили из пистолетов, закричали «виват» и галопом пустились ко двору молодой». Дальше следовало венчание, а затем свадебный пир.

«Гостей рассадили за столы в хате и в сенях и на дворе. Начался эпический свадебный обед, который тянулся до захода солнца, с разными водками, пивами и медами, с музыкою и песнями, с припевами к каждому кушанью, с похвалами и придирками. На первое блюдо подали борщ, который свахи приветствовали хвалебной песней; затем шла капуста, в больших мисах был подан рассол, а к нему пампушки. Все это быстро исчезало со столов, потому что гости сильно проголодались во время церковной службы. Но вот здоровые парни несут по двое к каждому столу по четверти жареного тельца или кабана. Пока свадебные кравчие возятся около, режа сочное мясо на равные куски и раздавая их поочередно гостям, свахи поют. Одновременно с жарким «дружбы» обносят в глиня-

ных кружках и в стаканах пиво: каждый выпивает кружку единым духом и подает ее вновь «дружбе», который тотчас же наполняет ее вновь. Свашки поют похвалу пиву:

Ой, хміль в бочці грає,
Білу піну пускає
І шумить і клекоче,
В горло лити ся хоче.
Пиво ж наше, пиво,
Виробляєш ти диво.
Не даєш нам журить ся.
Як нам з лобів курить ся.

После жареного идут еще жареные куры, начиненные яблоками, которых встречает похвальная песня.

Но вот, наконец, обед кончился. Разносят еще медовые пряники и орехи, а свахи и этих сластей не оставляют без похвалы. Все встали из-за столов»*.

В заключение приведем несколько отрывков, дающих представление о народных поверьях и преданьях в Галиции.

«В сочельник²⁰ Иван добывал Палагне живой огонь, устилал стол и пол под ним сеном и при этом, с полной убежденностью, ревел, как корова, блял по-овечьи и ржал конем: все для того, чтоб водился скот. Обкуривал ладаном избу и хлевы, чтобы отогнать зверя и ведьм, а когда красная от суеты Палагна уведомляла, наконец, что все двенадцать кушаний готовы**, он, прежде чем сесть за стол, нес скотине «тайную вечерю». Скотина первая должна была попробовать голубцы, сливы, бобы и ячменную кашу. Но это было не все. Еще следовало пригласить на «тайную вечерю» все вражьи семьи. Иван брал в одну руку полную миску, а в другую — топор и выходил на двор и, протянув руку в скованное зимой глухое пространство, звал к себе на «тайную вечерю» чернокнижников и мольфарей²¹, лесных волков и медведей. Просил он и бу-

* Ив. Франко. Великий шум.

** В сочельник подаются обязательно двенадцать блюд.

рю «быть такой доброй» — прийти к нему на сочельник, отведать сытных яств, гретой горелки, но никто из них не приходил, хотя Иван приглашал трижды. Тогда он заклинал их, чтобы они никогда не являлись, и с облегчением переводил дух.

Палагна ждала его в избе. Оба падали на колени, прося Бога, чтобы он допустил к ужину те души, которых никто не знает, что пропали в лесу на работе, что искалечены по дорогам и потоплены водами. Никто о них не вспомнит, ни вставая ото сна, ни ложась спать, ни бредя дорогой; а они, бедные души, мучатся в аду, ожидая святого вечера.

— Подуй, прежде чем сесть, — напоминала Ивану Палагна. Но он знал это и без нее. Старательно подув на скамью, чтобы не придавить чью-нибудь душу, он сел за стол.

На Меланью (31 дек.) к скотине в ее хлевы приходил Бог. На высоком небе ясно горели звезды, люто трещал мороз, а седовласый Бог шел босиком по пушистому снегу и тихо приоткрывал ворота хлевов*.

Этим мы и закончим наш очерк. Он, конечно, отнюдь не претендует на полноту: уже самые размеры его делают достижение этой полноты невозможным. Поэтому дописывая последние строки, мы желали бы обратить внимание читателя на нескольких авторов, произведения которых дают наиболее удачное художественное воспроизведение галицкой жизни. Так, напр., еврейское население Галиции интересно зарисовал Захер-Мазох (перев. на рус. яз.), жизнь рабочих — украинский беллетрист Ковалив²², картины природы особенно хороши у О. Кобылянской (есть пер. на рус. яз.)²³. Кроме того, следует отметить Стефаника (есть пер. на рус. яз.)²⁴, Леонтовича²⁵, Н. Кобринскую²⁶, А. Мартовича (есть пер. на рус. яз.)²⁷ и, разумеется, лиц, произведения которых цитировались в этом очерке.

[1915]

* Коцюбинский. Тени забытых предков.

БЕЛОРУСЫ

Границы белорусского народа сравнительно довольно отчетливы. Он сплошной массой заселяет всю Могилевскую губернию, всю Минскую, за исключением Мозырского у.⟨езда⟩, Витебскую, кроме ее северо-западного угла, Виленскую, кроме ее западной части, и, наконец, северную половину Гродненской губ. Помимо этого, белорусы составляют большинство в смежных уездах Смоленской губ., северной части Черниговской губ., Августовском у.⟨езде⟩ Сувальской губ., Новоалександровском у.⟨езде⟩ Ковенской губ. и проч. Общее же их количество на всей этой территории исчисляется цифрой около 8 миллионов человек¹.

Ясно обозначившейся самостоятельной народностью белорусы являются уже в XII и XIII столетиях, т. е. в непосредственном преддверии возникновения двух наиболее крупных и своеобразных русских государственных величин: Великого княжества Московского² и Великого княжества Литовского³. Государственная граница при этом совпала с племенной. Великорусские земли сгруппировались вокруг Москвы, белорусские отошли к Литве.

С этого времени каждая из названных русских народностей уже окончательно обособляется, а когда они сто с небольшим лет назад опять очутились в общих государственных границах, то за плечами обеих лежали целые века самостоятельно изжитого существования. Белорусы не впитывали в себя целого моря финских элементов и не подвергались воздействию татарщины, как великорусы. В противоположность им они не порывали с началами, выработанными в предыдущий период русской жизни, а

развивались на старом корне. Войдя в состав Великого княжества Литовского, они оказались стоящими на более высоком культурном уровне, чем литовцы⁵. Благодаря этому вся государственная жизнь В.〈еликого〉 к.〈няжества〉 Литовского протекала в белорусских национальных формах. По-белорусски говорили великий князь и вся знать, по-белорусски велись дипломатические сношения с иностранными государствами, по-белорусски писались законы, грамоты, акты, по-белорусски отправлялся суд.

Но была в истории белорусской культуры и еще одна сторона. По своим географическим и экономическим (а отчасти и политическим) условиям жизни Белоруссия была связана с Западной Европой, входила в оборот западноевропейской жизни, являлась едва ли не крайней точкой опоры ее на востоке. В эту эпоху Белоруссия представляется горнилом, в котором перерабатывались и своеобразно соединялись русские и чужеземные начала. В ней росла культура, опиравшаяся не только на славянскую деревню, но и на белорусский город европейского типа, город, организованный на основе магдебургского права. Неудивительно, что культурный подъем, начавшийся в Западной Европе с эпохи Возрождения, докатил свои волны и до Белоруссии. Ключем здесь забила жизнь, шла, причудливо переплетаясь, горячая религиозная, национальная, политическая, классовая борьба, основывались школы, учреждались типографии, выходила масса белорусских печатных книг.

В XVII столетии национальная жизнь Белоруссии начала клониться к упадку. В.〈еликое〉 к.〈няжество〉 Литовское было слишком тесно объединено с Польшей; высшие слои белорусского народа быстро полонизировались; целый ряд отраслей белорусской культуры, удовлетворявших потребностям этих слоев, начал отмирать. И когда в конце XVIII столетия основное ядро белорусского народа вошло в границы России⁶, этот последний состоял исключительно из темной, угнетенной и невеже-

ственной крестьянской и мещанской массы, сберегшей лишь элементарные основы своей, когда-то богатой национальной культуры. Но эта культура — пусть элементарная, урезанная, растерявшая слишком многое из своих приобретений — была культурой самостоятельной, а не вариантом культуры великорусской; точно так же в лице белорусского и великорусского народов встретились две самостоятельные национально-культурные величины, формировавшиеся и выросшие независимо друг от друга.

*

*

*

За нивелирование белорусского народа, за массовую фабрикацию из белорусов великорусов правительственная власть принялась далеко не сразу. Лишь в 40-х годах прошлого столетия мы наталкиваемся на гнездо мероприятий, стремящихся добить белорусскую культуру: конфисковывали и жгли белорусские книги (впрочем, жгли их и раньше, начиная еще с указов XVII ст. о книгах «литовской печати»), совершенно воспретили печатание новых, воспретили проповедь на белорусском языке, уничтожили суд по белорусскому праву, ликвидировали унию, являвшуюся в крае национальной белорусской религией и, следовательно, национальным цементом. Но это были мероприятия все, так сказать, пресекающего характера. Что же касается овеликоружения народа, то оно началось лишь в 60-х годах (после польского восстания 1863 г.)⁷ вместе с ростом великорусских школ, газет и т. д. Пятьдесят лет, протекших с тех пор, вот, строго говоря, и все время широкого внедрения великорусской культуры в белорусскую. Правда, и за этот период оно оказалось ощутительным, порождая в городах великорусско-белорусский жаргон и т. п. Однако за последнее десятилетие в лице белорусского национального движения создался известный противовес этим антикультурным влияниям. Развитие указанного движения позволяет надеяться, что еще

один народ не исчезнет с лица земли, что не расточится бесследно громадный психический труд многих поколений, и белорусская культура — создание этого труда — устоит против напора других сил и течений.

*

* * *

Белорусское возрождение проявляется, разумеется, прежде всего в создании литературы на белорусском языке. Точно говоря, эта литература никогда не замирала окончательно в крае. Линия ее жизни представляется непрерывной. В XVII столетии (в конце его) печатное белорусское слово почти совершенно исчезло, но рукописная литература была громадна. Она просуществовала вплоть до наших дней, только изменяясь в различные эпохи по своему составу. Первоначально удовлетворявшая различным практическим, религиозным и учебным потребностям, она в XIX столетии начала выдвигать на первый план беллетристику, зачастую — с юмористической стрункой. Не зная типографского станка, являвшаяся в крае как бы придатком к литературе польской и великорусской, она имела много слабых сторон. Но она все же развивалась, расширяла круг своих приемов и тем, отражала на себе смену литературных течений и общественных настроений. Время от времени возникали кружки белорусских деятелей, пытавшихся придать ей более широкое значение, время от времени в числе ее писательских сил появлялись люди бесспорного таланта. Так, в 40-х годах писал стихи в народном стиле друг Мицкевича ⁸ Я. Чечот ⁹, и притом так удачно, что многие этнографы перепечатавали их в качестве чисто народных. В шестидесятых годах много писал по-белорусски Сырокомля ¹⁰ (Кондратович), талантливый «краевой» поэт, известный и русским читателям. Одновременно с ним писали Даревский-Верига ¹¹, Коротынский ¹² и многие другие. В 80—90-х годах выдвигали

нулись Я. Лучина¹³ и Бурачок (Ф. Богушевич)¹⁴, писатели народнического склада, а последний — с выразительной национально-радикальной идеологией.

Порою кое-что из этой литературы обходило цензурный запрет и проникало в печать, иногда — подпольным путем. Развилась и революционная литература; в 60-х гг. ее печатали польские, в 80—90-х кой-какие местные социалистические кружки; наконец, в эпоху недавних революционных событий массу брошюр и воззваний выпустила «Белорусская Грамада»¹⁵. Я не стал бы в этих строках останавливаться на ее деятельности, если бы не то обстоятельство, что она обращалась уже не к любителям белорусской словесности, а к многомиллионному белорусскому народу и пробила дорогу белорусскому печатному слову в широкие народные массы. Спрос на все, что помогло разобратся в происходивших тогда событиях, был в белорусской крестьянской среде необычайно велик и напряжен. Лихорадочно работали подпольные станки. Наконец, в 1906 г. вышла первая легальная белорусская газета «Наша доля»¹⁶, ярко радикальной окраски. Вскоре ее приостановили; но еще раньше появилась другая, более сдержанная газета «Наша ніва»¹⁷, сыгравшая в белорусском движении чрезвычайно крупную роль.

Вот уже 10-й год выходит «Наша ніва». За этот срок она окрепла, нашла своего писателя и читателя. Это читатель и писатель из народа. Как и по всей России, в Белоруссии начался многообещающий широкий процесс формирования народной интеллигенции. «Наша ніва» сделалась ее духовной выразительницей. Крестьянин, рабочий, реже народный учитель, — вот кто ее читатели. Но те же слои населения дали ей и писателей. Эта газета идет из народа и к народу. Люди, лучше умеющие обращаться с сохой, чем с пером, урывая время у сна, у работы, пишут в «Нашу ніву» корреспонденции, статьи, рассказы, стихотворения. Чтобы дать понятие, какой массовый характер приняла эта деятельность, укажу, что еще в 1910 г. в «На-

шай ніве» приняло участие в качестве сотрудников около 400 человек.

Эта связь с нарождающейся в самих недрах народа интеллигенцией поставила белорусское движение на прочное основание, открыла широкие перспективы. Количество белорусских органов печати стало быстро расти. Ко времени возникновения войны их было уже шесть (кроме «Нашай нівы» выходили сельскохоз. <яйственный> орган «Саха»¹⁸, литературно-публицистический временник «Малаяя Беларусь»¹⁹, католический еженедельник «Biełagus»²⁰, журнал для детей «Лучынка»²¹ и для студенчества «Раніца») ²². Имелись информационные органы (местные) на великорусском и еврейском языках. Разрасталось тиснение белорусских книг и брошюр, открылось несколько белорусских книжных магазинов, основался белорусский музей, возникли кружки для изучения Белоруссии, развития белорусской сцены и музыки. Далеко вперед ушла белорусская художественная литература, отлившаяся в очень своеобразную величину и выдвинувшая несколько бесспорно талантливых писателей (почти все — крестьяне, рабочие). В общественный оборот края начал проникать белорусский язык. Наряду с этим в «краевых» междуплеменных организациях, основанных на начале национального представительства, за последнее время отводят место и представителям белорусского движения.

Народная интеллигенция, как мы уже отмечали, явилась основой этого движения. Но она же окончательно закрепила и демократический облик его идеологии. Белорусский народ (как и его интеллигенция) всецело принадлежит к трудовым классам населения. Поэтому защита и подчеркивание национальных прав белорусского народа есть защита и подчеркивание прав трудового слоя края. Понятия «нация» и «демократия» в данном случае точно совпадают. Это избавило белорусское движение от патологических сторон, столь нередких в национализме многоклассовых народов. Защищая интересы своего народа и кладя в основу этой деятельности наличность самостоя-

тельной белорусской национальности и белорусской культуры, белорусская интеллигенция никогда не впадала в шовинизм, не стремилась к умалению прав соседних национальностей на всю полноту самостоятельного культурного развития. В частности, она приветствует рост как великорусской, так и польской культуры в крае, добиваясь лишь того, чтобы этот рост не имел своей основой денационализацию белорусского народа.

Что касается национально-культурных требований, выставленных белорусским движением, то основу их составляют домогательства характера элементарного и, по своей элементарности, бесспорного. Это именно преподавание в народных школах на белорусском языке и введение белорусского языка в церковь и костел. Менее внимания белорусская общественная мысль уделяла белорусскому языку в средней школе, университете (добиваются его открытия в Вильно)²³ и некоторых других государственных учреждениях. Однако и в этой сфере она выставляет некоторые домогательства. Наконец, есть еще требование выделения Белоруссии и Литвы, спаянных экономически, географически и исторически, в областную самоуправляющуюся единицу. Думается, что русская интеллигенция может встретить эти чаяния и домогательства с полным сочувствием. Думается, что она может протянуть свою руку белорусской интеллигенции. Они не чужды друг другу. Ведь последняя делает именно то, что составляет смысл существования всякой интеллигенции: она развивает народную культуру. Эта культура в крае была национальной белорусской культурой. Отсюда возникло белорусское национальное движение.

ХТО МЫ ТАКІЯ?

Ліст да простых людзей

— Хто вы такія? Што вы за народ?

Так пытаюцца ў нас, простых людзей. Але мы і самі не ведаем.

Вакол усе кажучь: я — паляк, я — літвін, я — жyd. А мы нават імя свайго народа забыліся. Вось і адмаўляем: я — праваслаўны, я — каталік. Але ж гэта названне нашай веры, а не нашага народа.

Каталікі часам прабуюць звацца палякамі, бо вера ў іх тая ж. Але варт толькі пачуць польскую гаворку, каб пераканацца, што гэта не такі народ, як мы.

Другія, а надта праваслаўныя, называюць сябе рускімі. Але калі глянуць на рускіх з-пад Масквы або з-пад Кіева, дык шмат у чым пабачым роўнасць між намі ды імі.

Гэта таму, што рускіх народаў тры. Усе яны аднаго караню, але шмат часу жылі паасобку, і так сталася з іх тры розных рускіх народы; у кожнага — сваё найменне, свая гаворка, свае звычаі, свае песні, свая вопратка.

Адзін рускі народ жыве пад Масквою і далі; завецца ён в е л і к а р у с к і м. Другі жыве пад Кіевам і завецца ў к р а і н с к і м.

Мы — трэці народ рускага караню, завёмся б е л а р у с а м і, і старонка наша завецца Б е л а р у с ь. Ёсць паміж нас праваслаўныя, ёсць і каталікі, але народ з нас адзін, бо ўва ўсіх адна гаворка, адны звычаі, адны песні, адна вопратка, адзін лад жыцця.

Беларусы! Мы — вялікі народ, нас дванаццаць мільёнаў, шырока раскінуліся мы і спрадведу жывём тут. Гэта наш край, наша старонка. Калісьці ў нас было сваё гасударства, скрозь чутно было нашу беларускую гаворку. У ёй пісалі законы, разбіралі справы па судах, вучылі ў

школах, друкавалі кнігі, спраўлялі набажэнствы ў царквах ды касцёлах. І ўсе размаўлялі па-нашаму: і чыноўнікі, і папы, і паны над панамі, і вялікія князі, што правілі гасударствам.

Праз соткі год жылі мы так, не даючыся нікому; але, урэшце, перамаглі нас палякі і запанавалі ў нашай беларускай старонцы. А калі знішчылі Польшчу, дасталіся мы Расіі.

Жывём мы паміж палякаў і велікарусаў, народаў моцных, і маем шмат крыўды ад іх. Бо ёсць велікарусы, што намагаюцца, каб мы забыліся на ўсё сваё, беларускае, выракліся яго ды звярнуліся ў велікарусаў, гаварылі б і жылі па-іхняму. Ёсць і палякі, каторыя таксама хочучь змяніць нас на свой капыл, каб і мы сталіся палякамі.

Агляніцеся: усё наша роднае, беларускае, марнуецца, нішчыцца, знікае, бо яго забіваюць, яго прыглушаюць, ім пагарджаюць, а чужое пануе, пышаецца, мае сабе пашану і павагу. І — хто ведае? — быць можа, пройдзе колькі часу, і не пазнаем мы ні нашага краю, ні нашых дзяцей. І будзе скрозь усё чужое, нязвычайнае, а свайго роднага — нічога.

Дык няхай жа не станецца так! Не пакінем свае гаворкі, сваіх песняў, сваіх звычаяў — свайго кроўнага, спрадвечнага, беларускага. Не адракомся, не забудзем, не кінем на глум; будзема шанаваць, бараніць, дзецям сваім аб тое запавёдаць.

Нялёгка нам вытрываць. Мы людзі цёмныя, людзі бедныя. Цяжкае наша жыццё, горкі наш хлеб, вялікую крыўду маем мы. Ёсць шляхі да лепшай долі, ды не бачым мы іх праз сваю цемнату. Але не ўсягды будзе так! Чытайма, браткі, кніжкі і газеты, пісанья ў нашай беларускай гаворцы. Тады прыйдзе канец нашай цемнаце, праясняцца нашыя вочы, і кожны крок, што мы ступім па зямлі, будзе крокам да блізкага шчасця, да светлага жыцця.

НА БЕЛОРУССКИЕ ТЕМЫ

I

Печать недавно была занята отзовами различных министерств о проекте отмены законов, ограничивающих в правах поляков Западного края. Среди этих отзывов сравнительно слабое внимание обратил на себя ответ гр. Игнатьева, и об этом приходится пожалеть: предлагаемое им решение вопроса, во-первых, своеобразно, а во-вторых, чревато самыми нежелательными последствиями. Именно гр. Игнатьев высказался за уничтожение правоограничений, но при этом остановился на причине их возникновения. Этой причиной гр. Игнатьев считает стремление предохранить белорусов-католиков от полонизации. Полагая, что правительство не может отказаться от этого стремления и теперь, гр. Игнатьев предлагает одновременно с отменой ограничительных законов ввести во всех костелах, удовлетворяющих религиозные нужды белорусов-католиков, вместо польского русский язык (речь идет, конечно, о так называемом «добавочном» богослужении). Только при осуществлении этого условия министр соглашается на осуществление обсуждаемого проекта.

Для нас отмена национальных правоограничений — вопрос принципиального значения; как всегда, и в данном случае приветствуем мы ее, полагая при этом, что она должна быть проведена в жизнь независимо от того, польский или русский язык будет в костеле. Но последний вопрос имеет и свой самостоятельный интерес, несравненно больший, нежели самая отмена правоограничений. Дело в том, что если *conditio sine qua* поп¹ гр. Игнатьева будет осуществлено, то два миллиона белорусов-католиков, как есть все основания предполагать, едва ли не на

два миллиона увеличат собою цифру поляков в нашем крае. Развитие этой мысли и составит предмет моей за-метки.

Гр. Игнатъев верно понял положение вещей: белорусы-католики, бесспорно, полонизируются, и причина этого лежит в значительной степени в польском характере костела. Национально несознательный белорус сплошь и рядом судит так: моя вера — польская, следовательно, я — поляк. Но, подчеркиваю это, исключительно польский вид костела — явление в нашем крае сравнительно недавней формации и притом порожденное не чем другим, как «русификаторскими» мероприятиями правительства. В лице гр. Игнатъева оно ныне борется с плодами рук своих, и еще вопрос, насколько легка и успешна будет эта борьба.

Вот, например, инструкция консистории² архидиэцэзии могилевской еще от 1794 г.: «*Postanowiono wszystkim w Archidjecezji plebanom zalecić, i zaleca się, aby ludowi, tym językiem, jaki on rozumie, po skończonym nabożeństwie z ambon po kościołach kazania miewali*»³.

Так фактически и было: белорусский язык употреблялся и в костелах, и в униатских церквах; католический клир⁴ печатал по-белорусски религиозные издания; для наименования католицизма польской верой и проистекающих отсюда результатов не было места. Так дело обстояло до конца 40-х годов прошлого столетия — тяжелой поры, когда со стороны правительства посыпались систематические удары, имевшие целью уничтожить белорусов как национальность: воспрещено было издавать по-белорусски книги, а изданные раньше приказано конфисковывать и сжигать; униатская религия, являвшаяся в крае как бы национально-белорусской, уничтожена; отменено действие Литовского статута⁵ — основного памятника белорусского права и т. д. В это же время, а именно в 1839 году, было воспрещено употребление в богослужении белорусского языка. Его место занял польский язык. Невольно спрашиваешь себя: кто же больше сделал для опо-

лячения белорусов — полонизаторы или «русификаторы»?

Правительство достигло своего: остатки национальных сил белорусского народа были уничтожены, бороться с «русификацией» он не мог; но по той же причине он не мог бороться и с полонизацией, и все ее дальнейшие успехи должны остаться на ответственности «обрусителей», парализовавших национальную самодеятельность белорусского народа. Они, конечно, полагали, что административное давление обеспечит его от полонизации. Но это давление только увеличивало ее, и дело дошло до того, что в 1909 г. на киевском черносотенном съезде «патриот» г. Кулаковский предложил окончательно отдать белорусов-католиков в жертву полонизации, чтобы с тем большей энергией приняться за фабрикацию великорусов из белорусов-православных.

Отпор, дававшийся извне, явно уперся в тупик и только ухудшал положение; исход дела можно было бы считать предрешенным, если бы на сцену не выступила отпорная сила, росшая изнутри; эта сила — пробуждение национального самосознания белорусов.

Лет пять назад петроградские католики-белорусы обратились к папе с жалобой на свой клир, не желающий дать место в костеле белорусскому языку; папский ответ указывал, что добавочное богослужение для белорусов-католиков должно быть не польским, а белорусским. Так как правительственный указ о воспрещении употреблять в богослужении белорусскую речь был забыт, то папское решение начало то там, то сям осуществляться. Вместе с тем стали издаваться католические брошюры на белорусском языке, образовалась целая группа ксендзов, сочувствовавших возрождению белорусского народа и выпускавших по-белорусски католический еженедельник «Bielarus»⁶. Эта деятельность, судя по корреспонденциям в журнале, вскоре стала на твердую почву и прочно развивалась, пока немецкое нашествие не оборвало ее летом

прошлого года ⁷. Что касается введения белорусской речи в костеле, то она везде встречалась с радостью, и не раз приходилось читать, что молящиеся плакали, услышав в храме родной язык.

И если гр. Игнатъев под русским языком, выдвигаемым им в костеле на смену польскому, разумеет язык белорусский — его проект можно было бы только приветствовать. Это явилось бы просто проложением русла глубокожизненному явлению, идущему в недрах народа. Мало того, следовало бы не останавливаться на этом, ввести белорусский язык не только в костел, но и в церковь, в школу, в сельские государственные учреждения. При этих условиях полонизация белорусского народа сделалась бы немыслимой, он бы полностью остался на белорусской и, следовательно, на русской почве. Одной русской культурой на свете было бы больше.

Представляется, однако, более вероятным, что, говоря о русском языке, гр. Игнатъев имел в виду язык великорусский. А это наводит на тревожные размышления. Для лиц, знающих край, не может быть никакого сомнения, что эта мера в таком ее виде будет серой крестьянской массой понята как шаг к замене католицизма православием. А потому, во-первых, она может быть проведена лишь насильственно, при явном или глухом недовольстве, — если только не сопротивлении со стороны населения, а быть может, и клира. Во-вторых, — и это главное, — белорусская католическая среда, и без того находящаяся «в сфере притяжения» польской культуры, окружит польский язык ореолом, возвращение его в костел сделает предметом своих надежд и стремлений и уже соответственно этому в своей частной жизни отведет ему почетное место, посадит в красный угол, под образа. Перед нами будут уже не объекты полонизации, а прозелиты ⁸ ее. Создастся массовый стихийный сдвиг в сторону Польши как естественная реакция на выдвинутый гр. Игнатъевым проект и, быть может, безвозвратно ре-

шит дальнейшую национальную судьбу этого народа *.

К тому же ничто не ново под луною: мера, предложенная гр. Игнатьевым, была осуществлена в Белоруссии в 70-х годах прошлого столетия, хотя и в более мелком масштабе. Недостатка в административной поддержке, конечно, не было — нашлись и ксендзы, готовые поддержать это начинание, но в населении оно встретило лишь чувство вражды и вскоре свелось на нет. Гр. Игнатьев мог бы взглянуть на это предприятие как на политическое «опытное поле» для того, чтобы понять, какая судьба ждет его проект.

Достоин всяческого внимания и один из заключительных эпизодов этого административного начинания. Именно оно привело к тому, что в последнем десятилетии прошлого века в Минской губернии насчитывалось несколько десятков костелов, закрытых благодаря введению в них великорусского языка. Тогда бискуп суфраган⁹ могилевский Сымон обратился официальным путем к минскому губернатору кн. Трубецкому с предложением ввести в костельное богослужение белорусский язык, видя в этом единственный выход из создавшегося положения. Кн. Трубецкой со своей стороны всецело поддержал эту мысль, и русское правительство начало переговоры с Римом, в результате которых 8 мая 1897 г. получилось разрешение употреблять белорусскую речь там, *ubi dialectus alborussica a populo adhibetur*¹⁰. Разрешение это не

* Нечто подобное проекту гр. Игнатьева было выполнено несколько лет назад в области школьного дела: именно католиков-белорусов было предписано обучать закону божью не по-польски, а по-великорусски. Но это только повысило температуру полонизации края. Целые селения в чистобелорусских местностях (напр., Вернянской вол. Виленской губ.) требовали, чтобы их признали польскими. Вмешались власти, началось следствие. А между тем чего же иного можно было ожидать? Не сама ли власть, например, объединила из каких-то темных соображений в одну избирательную курию белорусов-католиков и поляков? Как это должно было преломиться в психике белорусов-католиков, объяснять, полагаю, не нужно.

было тогда использовано правительством, но мы все же видим, куда вела его неумолимая логика вещей.

Моя заметка приходит к концу. Я не оценивал в ней проект с национально-белорусской позиции, так как для иных она представляется спорной. Я подошел к нему именно с той точки зрения, на которой стоял гр. Игнатъев, — с точки зрения необходимости задержать полонизацию белорусов, — и постарался показать, что предложенная им мера крайне опасна, нежизнеспособна и вероятным результатом своим будет иметь сдвиг в сторону Польши — сдвиг, быть может, непоправимый. И не следует ли признать, что власть не в состоянии предохранить белорусов от ополячения, что она совершила тяжкую ошибку, приглушая национальные силы белорусского народа, что единственная надежда в возрождении этих, уже пробуждающихся сил?

II

«Не так тїі вороги, як добріі люде...» Передо мною книжка г. Панкратова «Встречные люди». В очерке «Обруситель», где довольно верно изложена история похождения одного газетного проходимца из белорусских русификаторов, встречаются строки: «Он, конечно, стоял за полную государственную самостоятельность Белоруссии. Кто же в молодости не стоял за нее?»

То есть, как же это «кто не стоял за нее?» Да никто не стоял! Пусть г. Панкратов, если он только придает какую-либо цену своим словам, укажет в подтверждение их хотя бы один факт. Таких фактов нет. Национальные домогательства белорусского движения элементарны и невелики, дальше автономии Белоруссии они не шли, да и это последнее требование никогда с настойчивостью не выдвигалось. Уловление белорусов во всякого рода «измах» является заработком для описанного г. Панкра-

товым обрусителя Лукашевича, но и он не позволял себе приписывать белорусам таких намерений, которые приписал г. Панкратов.

Всего интереснее то, что г. Панкратов — сотрудник прогрессивной газеты, очевидно, и сам прогрессист, копий с представителями белорусского движения отнюдь не ломает, даже вот стремлению к государственной самостоятельности Белоруссии нашел благодушное извинение. Кто, дескать, в молодости не стремился. Так что, видимо, и все эти слова не что иное, как продукт некоторой бойкости пера. О них не стоило бы и говорить, если бы они не были так характерны: подобные обмолвки у благодушных друзей белорусского и тем более украинского движения, как известно, слишком нередки.

[1915]

ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ В РАЗБОЕ

26 мая в Ярославле в заседании московского военно-окружного суда состоялся разбор дела о кр.〈естьянине〉 Самарск.〈ой〉 губ.〈ернии〉 Тимофее Похазникове-Юрко, обвиняемом по 13, 1627 и 1629 ст.〈атях〉 улож.〈ения〉 о наказ.〈аниях〉 и 279 ст. XXII кн. С. В. П.¹ 1869 г., изд. 4-е. Председательствовал генерал-майор, профес.〈сор〉 военно-юридической академии Абрамович-Барановский², обвинял поручик Н. А. Миллер (б.〈ывший〉 т.〈оварищ〉 прокурора), защищал прис.〈яжный〉 пов.〈еренный〉 Н. И. Гусев. Обвиняемому угрожает смертная казнь.

Обстоятельства дела таковы: 13 марта 1915 г. владелица магазина, находящегося в Ярославле по Б. Рождественской ул., А. А. Елецкая заявила полиции, что в ночь на это число она подверглась ограблению в своей квартире, находящейся при магазине. Именно ночью она проснулась от какого-то шума в прихожей, но когда она вошла туда, как находившийся там злоумышленник набросил ей на голову пальто, повлек ее в комнату, бросил на кровать, связал ей веревкой руки и ноги и, угрожая, велел ей молчать, причем ни на минуту не покидал ее. Между тем шум в прихожей не прекращался, откуда Елецкая заключила, что злоумышленников было двое, тем более что сидевший возле ее крикнул: «Ванька, скоро ли ты?» Затем Елецкая стала задыхаться под пальто и впала в бессознательное состояние, а когда очнулась в 5 ч. утра, то злоумышленников уже не было, а ящики буфета, комода и сундук оказались открытыми и из них похищены бриллианто-

вые серьги, две нити жемчуга, бриллиантовый фермуар³, браслет с бриллиантами, серебряные чайные ложки и др. ценные вещи всего на сумму около двух тыс. руб. При этом замки были не сломаны, а открыты ключами, и, в частности, сундук был отперт ключом, хранившимся в комодe.

Определенного подозрения Елецкая ни на кого не заявила, но высказала предположение, что преступление мог совершить только близкий ее дому человек: знавший, где что лежит, где хранится ключ и как можно отпереть снаружи дверь, запертую на крючок (дверь при нажатии образует незаметную щелку, через которую, однако, возможно просунуть, напр., нож). В квартире находились, кроме Елецкой, ее дети и прислуга, никакого шума не слышавшие.

Розысками сыскной полиции под руководством начальника яросл. (авского) отд. (еления) г. (осподина) Мамаева и полиц. (ейского) надзир. (ателя) г. Новицкого было установлено, что Елецкая находилась в связи со служащ. (им) город. (ской) станц. (ии) Северн. (ой) жел. (езной) дор. (оги) Т. Похазниковым, который жил у нее, но в феврале 1915 г. переехал в Москву.

Далее стало известно, что 12 марта того же года Похазников приехал с другим мужчиной лет двадцати в Ярославль, остановился в гостинице «Неаполь». Днем встретившись со своим хорошим знакомым г. Кутыревым, спрашивал его, где можно купить старинные вещи, и Кутырев указал ему на некоего Серебрякова. Вечером Похазников со своим спутником были в гост. (инице) «Метрополь», откуда ушли около 10 часов. Первым в «Неаполь» возвратился товарищ Похазникова, что было уже в час ночи, но в номер не вошел, заявив, что ключ у Похазникова, который сидит в «Метрополе». Но буфетчик Колебов, выйдя около 12 ч. (асов) н. (очи) погулять по Б. Рождественской, встретил на ней Похазникова, несшего какой-то сверток, причем Похазников

смутился, видимо, узнав его. Тою же ночью Похазников с товарищем выехал из Ярославля. 19-го марта Похазников был арестован в Москве, причем у него, между прочим, были обнаружены серебряная чайная ложка и юбилейный рубль, которые Елецкая, при предъявлении их ей, признала за похищенные у нее в ночь на 13 марта. Кроме того, найдено письмо на воровском жаргоне.

Похазников виновным себя в ограблении не признал, а объяснил, что, познакомившись в Москве с неким В. Н. Соколовским (остался неразысканным), он прибыл с ним 12 марта в Ярославль, проездом в Вологду по торговым делам. Зайдя вечером к Елецкой, он попросил у нее денег для задуманной коммерческой цели, и она предложила ему вместо денег свои драгоценности, условившись, что мужу исчезновение их она объяснит похищением.

При деле имеется письмо, отправленное Похазниковым Елецкой частным путем из тюрьмы. Начинается оно с обращения: «Шурочка», подписано: «Тима», написано в теплом тоне. Письмо это опровергает истинность показания о якобы условленной между ними симуляции грабежа и в то же время показывает, что Похазников был поражен предъявленным ему обвинением и ролью в деле свидетельницы. В письме есть фраза, привлекающая внимание сторон: если я, по-твоему, виновен, то не прошу ни о чем, а если не виновен, то исправь показания.

Обвиняемый — молодой человек, лет 26, говорящий довольно свободно и литературно, но несколько аффектированно. Человек, видимо, нервный и слабохарактерный. Виновным он себя не признал и на суде.

Показания главной свидетельницы, самой потерпевшей, данные вслед за тем, резко изменили весь характер дела. А. Елецкая — далеко еще не старая женщина, говорит, не волнуясь, ясно и решительно. Она берет свои прежние показания обратно и категорически отрицает самый факт разбоя. По ее словам, она не живет с

мужем лет шесть. Сойдясь в 1914 г. с Похазниковым, она не прекратила с ним отношений и по отъезде его в Москву, куда приезжала несколько раз. В последний раз она была там 8—9 марта, чтобы оценить там свои драгоценности, причем виделась с Похазниковым и даже ездили вместе в г. Боровичи, предполагая там вместе поселиться. Но там у них вышла размолвка, а когда она, Елецкая, возвращалась по железной дороге в Ярославль, у нее были украдены взятые с собой драгоценности. Однако дома об этой краже она никому не говорила, так как по некоторым обстоятельствам это было ей сделать нелегко. В ночь же на 13 марта у ней был проездом Похазников и объявил ей, что окончательно покидает ее. Тогда, желая ему отомстить, она симулировала ограбление и притом таким именно образом, чтобы подозрение пало на Похазникова. А так как у него были принадлежавшие ранее ей вещи — ее подарки, — то она и надеялась, что его обвинят. Но после оговора ее начала мучить совесть и появились даже галлюцинации. Однако от знакомых она узнала, что Похазников якобы освобожден и потому перестала беспокоиться о его судьбе. Убедившись в ложности известия, она явилась в ноябре к судебному следователю, желая изменить показания, но следователь ей заявил, что следствие уже закончено, а свое намерение она может исполнить и на суде.

Дав это объяснение, свидетельница отказалась от гражданского иска, вчиненного ею ранее к обвиняемому. Последний эти ее показания всецело подтвердил.

К показаниям остальных свидетелей стороны, разумеется, после этого утрачивают интерес, и эта часть судебного разбирательства дает мало нового, отметим только, что документ на воровском жаргоне, найденный у Похазникова сыскной полицией, по его заявлению, попал к нему соверш.⟨енно⟩ неизвестными путями, так что он увидел его в первый раз только на следствии; что

слова о виновности в упомянутом выше письме следует понимать, как виновность перед Елецкой, а именно его разрыв с ней; что дверь в мезонин, где спала прислуга с детьми, на эту ночь не была заперта, и находившиеся в нем должны были бы услышать шум в доме — а они не слышали и т. д.

От допроса ряда свидетелей стороны отказываются.

Обвинитель, исп.〈олняющий〉 об.〈язанности〉 прок.〈урора〉 в воен.〈ном〉 суде Н. А. Миллер начал свою речь с указания, что уже в данных обвинительного акта имелись обстоятельства, говорившие в пользу подсудимого. Вот его письмо к Елецкой: он не возмущается, не угрожает, пишет спокойно и даже тепло и, видимо, удивлен арестом. Или ради чего он, приехав в Ярославль, проживается в гостинице, бывает в людных местах, где может встретиться и встречается со знакомыми? Так человек, приехавший с преступной целью, не поступил бы. Заявление же Елецкой на суде окончательно выбивает из-под ног обвинителя основание. Г. прокурор, с негодованием отозвавшись о поведении Елецкой, сделавшей суд предметом недостойной игры, отказывается поддерживать обвинение против подсудимого.

Защитник Н. И. Гусев, отметив, что слова г. прокурора, а также и Елецкой снимают с него значительную долю труда по защите, подчеркнул полную недостоверность прежних показаний Елецкой; это не факты, это беллетристика. Не могла Елецкая пролежать в обмороке четыре часа; таких обмороков не бывает; не могла она не замет.〈ить〉 лица грабителя, накрытая каким-то детским пальтишком, и т. д. Разбоя не было и судить обвиняемого не за что; нет на суде более ненужного тут человека, чем он. В деле есть неясности, их даже много, но они коренятся в крайней болезненности жизни и отношений лиц, которых здесь столкнула судьба. В этом отношении суд над многим приподнял завесу, и мы можем сказать, что недаром провели этот день. В заклю-

чение защитник указывает на тяжелую жизнь подсудимого, не знавшего ласки, не встречавшего жалости, и просит суд, в случае колебаний, пожалеть его.

Затем краткое слово произносит подсудимый.

Суд признал Похазникова ввиду недоказанности обвинения не виноватым.

Дело началось после десяти часов утра, кончилось около девяти час.〈ов〉 вечера.

[1916]

ПОКУШЕНИЕ НА ВООРУЖЕННУЮ КРАЖУ

6 июня в Ярославле в заседании военно-окружного суда разбиралось дело о рядовом 210 пехотн.⟨ого⟩ запасного батальона крестьянине Радомской губернии Станиславе Куна, 28 лет, обвиняемом в самовольной отлучке и в покушении на вооруженную кражу со взломом из обитаемого помещения; последнее преступление предусмотрено 1653 ст.⟨атьей⟩ улож.⟨ения⟩ о наказ.⟨аниях⟩.

Председательствует на суде генерал-майор Абрамович-Барановский, обвинение поддерживает Н. А. Миллер, защищает Н. Н. Родзевич.

Из обвинительного акта видно, что служитель Мариинской женской гимназии¹ Васильев, вернувшись в ночь на 4-е февраля 1916 г. в гимназию (откуда он в 11 ч. ⟨асов⟩ веч.⟨ера⟩ ушел в гости, заперев дверь на замок), нашел висячий замок двери взломанным, вещи в чуланчике перевороченными, мешки для кашош разбросанными по полу. Подняв на ноги других служителей, он с ними обошел помещение гимназии, причем во втором этаже за одной из парт класса ими был обнаружен злоумышленник, лежавший на полу. Затем в уборной, находившейся во втором этаже, были найдены два служительских пальто, висевшие ранее внизу; наконец, к месту, где висели стенные часы, оказался придвинутым стол, на него поставлен стул и часы остановлены, но не сняты. На полу найдена железная скоба, — по показанию подсудимого, орудие взлома, — у самого задержанного — отмычка, а под партой, около которой он лежал, складной нож (3 верш.⟨ка⟩). Задержанный оказался рядовым

Станиславом Куна, с 14 янв. 1916 г. самовольно отлучившимся из батальона.

В приписываемых ему преступлениях он признал себя виновным, объяснив, что во время отлучки проживал в Москве и Петрограде, пока не вернулся в Ярославль. Проникнув в Маринскую гимназию, был сильно пьян, плохо себя помнил и, бросив рывья в вещах, лег спать, благодаря чему и был задержан. Он участвовал в нескольких сражениях на германском фронте и в Ярославль попал, получив рану в бедро. На суде установлено, что обвиняемый, находясь на военной службе, был 4 раза приговорен судом к различным наказаниям вплоть до дисциплинарного батальона и, кроме того, ранее в мировом суде 2 раза, причем 3 приговора вынесены за кражи.

Показания свидетелей подтверждают данные обвинительного акта, но нового дают мало. Упомянем только, что свидетелю Комарову, служащему в гимназии, задержанный показался не то очень растерянным, не то пьяным (другие свидетели, бывшие при задержании, этого не заметили). Тот же Комаров показал, что упомянутый в обвинительном акте чуланчик не запирался и в нем могли находиться скобы, вроде фигурирующей в деле; могли они валяться и просто на дворе. Наконец, сам подсудимый объяснил, что отмычку он завел, потеряв раз ключ от шкатулки.

Обвинитель Н. А. Миллер в своей речи отметил, что подсудимый сознался в инкриминируемом ему преступлении, так что эта сторона дела споров не возбуждает. Но обвинитель не может согласиться, что Куна совершал свои поступки якобы пьяным, не отдавая себе отчет в происходящем. Напротив, сознание его работало отчетливо. Он взял с собою отмычку, заслушав шум, спрятавшись. Следы преступления, на первый взгляд, как будто указывают, что подсудимый плохо соображал, что ему делать. Объясняется это тем, что он, очевидно, услышал,

пытаясь похитить часы, как вошел Васильев, бросился прятаться, по дороге кинул украденные им пальто в уборную, а сам притаился в классе. Перед нами — покушение на кражу; так как у подсудимого были скоба и нож, то кражу следует признать вооруженной, так как сломан замок, то это — кража со взломом, а так как в доме находилась квартира начальницы гимназии, соединенная с классами коридором, то покушение на кражу было произведено в обитаемом помещении.

Защитник Н. Н. Родзевич не согласился с доводами обвинения и путем обстоятельного разбора следов преступления стремился провести мысль, что покушение на кражу было совершено при отсутствии ясного сознания в поступках. Подсудимый ломает замок, но ломает его не приспособленной для этого отмычкой, лежавшей в кармане, а поднятой тут же на дворе скобой. Пробирается в классы гимн. <азии> — место, где нечего красть. Бродит по разным этажам, разбрасывает всякие вещи, но ничего не берет. Очевидно, подсудимый был пьян и плохо сознавал, что делает. Но если подсудимого признают виновным в покушении на кражу, то защитник просит не считать ее вооруженной: при задержании Куна не оказал сопротивления, нож у него валялся где-то под партой, а скобу он нашел на месте преступления, да, впрочем, там же ее и бросил.

Стороны обменялись репликами, причем обвинитель указал, что пьяное состояние подсудимого ровно ничем не доказано, а защитник находил, что только в одурманенном виде подсудимый мог поступать так нецелесообразно.

Суд признал подсудимого виновным в покушении на вооруженную кражу со взломом и приговорил его к исключению из воинского звания и к тюремному заключению на 1 г. 4 мес. с лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ.

[1916]

ДВЕ СМЕРТИ

6-го июня в Ярославле военно-окружным судом под председательством генерал-майора Абрамовича-Барановского заслушаны дела о дезертире, крестьянине Тверской губ., Степане Малышеве 28-ми лет. Преступления, в которых он обвиняется, предусмотрены 3 ч.〈астью〉 131 ст.〈атьи〉 воинск.〈ого〉 уст.〈ава〉 о наказ. 〈ании〉, 3 п.〈араграфом〉 81 ст.〈атьи〉 врем.〈енного〉 пол.〈ожения〉 о воен.〈но〉-тюр.〈емном〉 зав.〈едении〉, 270 ст.〈атьей〉 улож.〈ения〉 о наказ.〈аниях〉, 2 ч. 1459 ст. ул. о нак., 128 и 134 ст. XXII кн. С. В. П.¹ 1869 г., изд. 4-е и 2 ч. 1484 ст. улож. о нак. Именно он бежал из Медведского дисциплинарного батальона, нанес при задержании (в Романове-Борисоглебске) смертельную рану городовому Постникову, скрылся по аресте из-под стражи (с гауптвахты) и, пребывая в Рыбинске, смертельно ранил В. Антошихина.

Обстоятельства, при которых произошло нанесение раны Постникову, таковы: ночью 12 июня 1914 г. Постников с городовыми Власовым и Трохиным обходили Романово-Борисоглебск с целью обнаружения преступных личностей, стекающихся сюда к крестному ходу с чтимой иконой², который совершается 15 июня. Им повстречалась кучка подозрительных лиц, из которых у одних не оказалось паспортов, а другие — хотя были с паспортами, но называли себя перед тем иными фамилиями. Ввиду этого им было предложено идти в участок. Относительно дальнейшего показания расходятся. Городовой Власов на суде показал, что неизвестный, оказавшийся впоследствии С. Малышевым, согласился идти и действи-

тельно пошел с Постниковым, в то время как другие бросились бежать. Догоняя их, Власов услышал крик Постникова: «Меня убили!» — и бросился к нему на помощь. Оказалось, что по дороге Малышев неожиданно ударил Постникова ножом в бок и побегал. Городовой Трохин показал, что Малышев на самом месте задержания вступил в борьбу с Постниковым и нанес ему рану. Сам же Малышев заявил на суде, что он был от городских шагах в 30—40, когда его товарищи бросились бежать, и мог бы скрыться, но вернулся по зову сам. Городовые же начали его бить и ломать ему руки, и он, обороняясь, нанес Постникову рану ножом. Наконец, Малышев показывает, что во время соверш.⟨ения⟩ преступ.⟨ления⟩ он был пьян (в обвинительном акте упоминается, что они шли с опорожненной бутылкой водки).

Малышева задержали. Не зная местности, он упал в яму, благодаря чему его настиг Власов, который, в ответ на угрозу Малышева ножом, нанес ему несколько ударов шашкою по руке; при дальнейшем преследовании Трохин рубанул его шашкой по голове, отчего он повалился на землю и был задержан. При нем оказалось орудие преступления — большой хлебный нож.

Задержанный назвался Лобачевым и предъявил соответствующий паспорт и только впоследствии открыл свое настоящее имя.

В ночь на 23-е мая 1915 г. Малышев бежал с гауптвахты, где содержался до суда, и скрылся в город Рыбинск. На суде он объяснил, что совершил это с целью повидать проживавшего там брата, с которым, быть может, больше не пришлось бы увидеться. Находясь 13 сентября 1915 г. в рыбинском трактире Ермолаева, он играл на биллиарде с крючником³ Ив. Павловым (Малышев по профессии тоже крючник), причем последний завел с Малышевым ссору и начал его бить при содействии других посетителей, из которых один, Влас Антошихин, ударил Малышева несколько раз по лицу.

Это устанавливает и обвинительный акт и показания свидетелей на суде. Сам же Малышев на суде добавляет, что Антошихин держал его за горло, а Павлов проломил ему голову ударом железного крюка.

Бросив драку, избивавшие Малышева кинулись бежать, но последний, выскочив из трактира на улицу, погнался за ними и, нагнав Антошихина, ударил его ножом.

На суде, между прочим, уже упоминалось, что Антошихин, лежа в больнице, просил не привлекать Малышева к ответственности и неохотно давал показания по делу. Выяснилось и следующее интересное обстоятельство: согласно показанию рыбинского околоточного г. Аристова, местная полиция знала о пребывании Малышева в Рыбинске; а между тем Малышев, бежавший из батальона и совершивший тяжкое преступление, спокойно прожил в Рыбинске 8—9 месяцев, не укрываясь и встречаясь со знакомыми; более того, он совершает тут новое преступление, но задержанным открывается только через 5-ть месяцев после него, 3 февраля 1916 г. Сроки эти высчитаны самим г. председателем, обратившим на них свое внимание.

Оба лица, которым Малышев причинил поранения, скончались от ран, из них Постников — на другой день. Рана ему нанесена в левый бок и глубоко проникает внутрь, уходя в грудную полость. Согласно заключению эксперта г. Фалька, подобные раны почти всегда влекут за собою смерть.

Справка о судимости показала, что Малышев был уже под судом несколько раз, а именно: приговорен в Ярославле к 3-м годам тюр. (емного) закл. (ючения) за грабеж; приговорен в Рыбинске к 4-м мес. тюр. заключения за кражу. Кроме того, дважды судился и был осужден, находясь на военной службе, причем один раз приговорен к отдаче на 2 года в дисциплинарный батальон, откуда 18 апр. 1914 г. скрылся до истечения своего срока.

Судебное следствие закончено, начинаются прения сторон.

Обвинитель Н. А. Миллер в краткой с подъемом произнесенной речи останавливается на личности и жизни подсудимого.

Прошное свое, до службы в войсках, он отметил преступлениями. Не сошел он с этой дороги и на военной службе. Затем бежал из батальона. Задержанный Постниковым, нанес ему смертельный удар, — по показанию одного из свидетелей, удар неожиданный, предательский. Вторично бежав, отягчил свою совесть новой смертью. И это во время войны, когда прямой долг его, как солдата, находится в армии. Но нет, таким лицам не место в войсках, как не место и среди граждан. Обвинитель поддерживает обвинение по всем пунктам, кроме 270 ст., и домогается в качестве судебной кары каторжных работ в наивысшем объеме.

Защитник Н. Н. Родзевич старается доказать, что нанесение раны Постникову нельзя подвести под 2 ч. 1459 ст., как это делает прокурор. Статья говорит о нанесении ран во время совершения другого преступления, например поджога, — а какое другое преступление совершал Малышев? Никакого. Защитник предлагает применить к Малышеву в данном случае 2 ч. 1484 ст. улож. о нак., под которую подведено вполне правильно нанесение раны Антошихину (т. е. признать нанесение раны, от которой последовала смерть, совершенным без заранее обдуманного намерения, в состоянии запальчивости и раздражения).

Суд признал обвинение по всем пунктам доказанным и приговорил Малышева к 20 годам каторжных работ плюс 1 г. (од) 293 дня, оставшиеся неотбытыми в дисциплинарном батальоне.

ПОКУШЕНИЕ НА ПОДЖОГ

В Ярославле, в заседании временного военного суда, под председательством генерал-майора Абрамовича-Барановского было заслушано дело крестьянина Яросл. <авской> губ. <ернии> Рыб. <инского> у. <езда> Чудиновской вол. <ости> дер. <евни> Патоки Александра Вернева, 55 лет, обвинявшегося в умышленном, с целью истребления, покушении, поджоге бани, что предусмотрено 9.115 и 3 ч. <астями> 1609 ст. <атьи> улож. <ения> о нак. <азаниях> и 279 ст. XXII кн. С. В. П. I изд. <ание> 4-е 1869 г.

По обвинительному акту обстоятельства дела представляются в таком виде. Несколько крестьянских парней, проходя 4-го марта 1916 г. около 10 ч. <асов> веч. <ера> мимо бани А. Радионовой в дер. Патока, заметили там пламя; баня оказалась запертой снаружи, но огонь вскоре удалось потушить, засыпав его через окна снегом. Повреждения от пожара оказались незначительными — обгорело всего несколько нижних бревен да подоконник — и были оценены потерпевшим суммою в 5 руб.

Около избы парни нашли пустую бутылку из-под керосина, заметили поблизости следы ног, обутых в валенки, и след от лыж, уходивших по направлению к избе Верневых.

Сноха А. Вернева, Анна Егоровна Вернева, показала, что он, поужинав с ней 4-го марта около 8 ч. веч., собрался ехать в Рыбинск. Но около 10 час. вечера она увидела его бегущим по направлению от бани Радионовой; заметив Верневу, он крикнул: «Ты чего за мною следишь?» Бутылка из-под керосина, найденная у бани, принадлежит Верневым.

Александр Вернев на предварительном следствии объяснил, что никакого отношения к этому преступлению не имеет, так как во время, когда оно произошло (ок. 9 ч. в.), ехал в Рыбинск с дровами; при этом он высказал предположение, что преступление совершено его снохой, бывшей с ним в постоянной вражде и расположившей следы преступления так, чтобы они бросили подозрение на него, Александра Вернева.

Из показаний свидетелей выяснилось, что следы, оставшиеся на месте преступления, принадлежали А. Верневу, который характерно припадал на одну ногу (деревня маленькая, где все друг друга знают хорошо). Особо следует отметить показание свид. (етеля) Сморчкова, вызванного со стороны А. Вернева: быть может, оно имело для участи подсудимого решающее значение. Именно Вернев заявил, что Сморчков встретил его около 9 ч. вечера ехавшим с возом в Рыбинск и может это удостоверить. На суде Сморчков действительно подтвердил это показание, но добавил, что во время завязавшегося тогда между ними разговора Вернев все время оглядывался назад в сторону бани. Огня в ней свидетель не заметил, но полагает, что при небольших размерах пламени и не мог бы заметить.

Справка о судимости показала, что А. Вернев дважды привлекался к судебной ответственности, в 1910 г. был приговорен к 10 мес. (яцам) тюр. (емного) заключ. (ения), а в 1912 г. к 2 с полов. (иной) арест. (антского) отд. (еления)¹.

Обвинитель Н. А. Миллер, вкратце изложив обстоятельства дела, отметил, что прямых улик против обвиняемого нет. Но в деле есть «немые свидетели», определенно уличающие подсудимого: это — следы от валенок, от лыж, бутыль из-под керосина и т. п. Многозначительным является и показание свидетеля Сморчкова, вызванного со стороны обвиняемого. Ввиду всего этого г. (осподин) Миллер полностью поддерживает обвинение.

Защитник Н. Н. Родзевич указал, что кара, грозящая подсудимому, крайне велика, а потому необходимо вни-

мательно отнестись ко всякому обстоятельству, благоприятному для него. Сам Вернев имеющееся в деле сплетение улик объясняет инсценировкой, устроенной по злобе на него снохой,— и это показание, по-видимому, имеет некоторую долю вероятности; по крайней мере существование вражды между подсудимым и снохой на суде удостоверено. В деле, где нет прямых улик, необходимо учесть возможность и такой причины событий.

Суд признал обвинение доказанным и приговорил подсудимого по исключению из воинского звания к лишению всех прав состояния и к отдаче в каторжные работы сроком на 12 лет.

[1916]

В ГОСТЯХ У ДЕТЕЙ

8 лет—39 фунтов. Это вес одного мальчика из детской колонии в Норском. Десятка четыре таких детей, худых, малокровных, узкогрудых, ютившихся по углам подвалов, недоедавших, дышавших пылью уличных мостовых, на несколько месяцев перенесены в деревенскую обстановку. Половина их — беженцы, поселенные на средства Татьянинского комитета, другая половина — ярославцы, которых поместил сюда отдел лиги борьбы с туберкулезом. Приехали они в Норское совсем недавно — в четверг на прошлой неделе и на первый раз всего только 27 человек. В воскресенье я поехал их проведать. На том же пароходе ехало двенадцать новых «колонистов» — почти все мелюзга.

Место для колонии выбрано очень удачно. Если подняться от паровой пристани вверх и пройти по широкой, пробойной улице через все село, увидишь с левой стороны дом с синей вывеской: «Высшее начальное училище». В нем и поместили детей. Отсюда рукой подать до тенистой липовой рощи, тут же — поле, вокруг самого дома — просторный, весь заросший травой двор, на нем — гимнастические столбы.

Дом чист и просторен, комнаты большие, светлые, потолки высокие; на стены из гладко оструганных сосновых бревен, не заклеенных опротивевшими обоями, просто поглядеть приятно. Две комнаты отведены под спальни — одна для мальчиков, другая для девочек, — в третьей устроили столовую, а в самой большой комнате дети играют в ненастье. Для заведующих колонией инспектор г. Ворников, в ведении которого находится училище, отвел еще одну комнату. Следовало бы помянуть

добрым словом этого человека: он очень внимательно отнесся к колонии. Оказал ей поддержку и пароходчик г. Кашин, не взявший платы за перевоз детворы в Норское и обещавший бесплатно возить заведующих колонией, едущих по ее делам.

Заведующих трое, все женщины, а среди них самый примечательный человек — спора нет — Надежда Ивановна. Уж очень она ласковая, внимательная и во всяком поступке своем уместная. Она уже не первый год заведует колонией, и, конечно, более подходящего человека трудно было бы и подыскать. Я не знаю, есть ли на русском языке слово «обуютить», но оно бы мне очень пригодилось. Надежда Ивановна обуютила, насколько возможно было, детей. Главная забота ее — наладить хозяйство. Тут не все сразу пошло гладко. Цены на продукты, правда, не дали ничего неожиданного. Но вот, например, за доставку воды просят рубль в день. Столько платить колония, конечно, не может. Впрочем, кажется, этот вопрос будет на днях разрешен. Что же еще? Неудобной оказалась привезенная с собой паровая плита. Оставили ее в покое, приспособляются к русской печи; в нее вмазан котел для варки школьникам чаю — стали варить тут суп. Плохо, что крупа вся одного сорта — пшенная; нет даже гречневой. Но это — дело поправимое.

Здесь, на кухне и кладовой, пристроенных к школе, и находится теперь царство Надежды Ивановны. Она-таки не утерпела — показала мне кладовую. Мешки там заняли все пространство. Говорят, что ребятишки, глядя на них, удивлялись: «Неужели мы все это съедим?»

За детьми присматривает барышня-педагогичка с подругой. Распорядок дня установлен такой. Встают в 8 ч. (асов), пьют ячменный кофе с хлебом, в 12 ч. (асов) — обед, в 4 ч. (аса) — чай, в 8 — ужин, а там и укладываются спать. Каждый день назначаются дежурные из детей, обязанные смотреть за порядком, — 2 дев. (очки), 1 мальчик и столько же дежурных по столовой.

Нашлось несколько ребят, уже живших раньше в колонии; они и являются организационным ядром среди детей.

Устроены игры: мальчики играют в лапту, девочки водят хороводы, поют. В Норском есть глина, подходящая для лепки, — подумывают использовать ее. Ходят, конечно, на прогулки в ближнюю рощу.

Я старался присмотреться к детям. Всякие тут есть, и быстроглазые, и глядящие исподлобья, но все они бегают, играют, а главное, проникаются артельным духом, внимательностью друг к другу, взаимною уступчивостью. С порядками колонии, видимо, уже освоились все. Есть тут и белорусы, и поляки, есть еврейка и латышка, но отчужденности их от остальных детей незаметно. Мальчики, правда, держатся как будто несколько в стороне от девочек, у них свои игры — но мужского засилья все же нет; девочек больше, да и годами они подобрались постарше.

Хворать дети не хворают. Одна только девочка, страдающая острым малокровием, лежит, почти ничего не ест. Но ее такую уже сюда привезли. Быть может, лучше было бы отправить ее в больницу.

Вот, пожалуй, и все, что я успел заметить и узнать. Пора было собираться назад. Дети уже отобедали. Некоторые из них остались в большой комнате, перекидывались мячиком, играли, подбрасывая деревянные фишки с черными ямками очков на каждой грани, а потом продвигая их по разноцветным квадратикам картонной доски. Я вышел на крыльцо. Девочки вместе с заведующей водили хоровод, пели «Царевна-королева» и все зазывали к себе мальчиков, но те не поддавались, предпочитая лапту. Маленькая девочка, сидя на ступеньке крыльца, читала вслух повесть о неустрашимом рыцаре и прекрасной принцессе. Мне запомнились оттуда слова: «Тогда она улыбнулась и сказала: «Вы избавили меня от страданий и, быть может, смерти»».

〈ЗАСЕДАНИЕ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ〉

ВОПРОС О МЕДИКАМЕНТАХ

Читаются пожелания комиссии общественного здоровья. Среди них есть пожелание о покупке городом медикаментов у союза городов¹. Это необходимо, так как цены на них крайне быстро растут. Прибудут они в октябре. Стоимость их исчислена в 32 тыс. руб., но город надеется сократить этот расход до 20 тыс. р. Так как в смету на медикаменты внесено всего 15 тыс., лишек придется возместить из 100 т. р., назначенных на покрытие.

В. В. Дунаев сожалеет, что не представлены цифры и справки на цены, так что не видно, каким путем была выведена общая сумма ассигновки. Гласные не имеют для суждения достаточного материала.

А. П. Преображенский. У нас есть подробный список необходимых медикаментов. Кроме того, можно принять во внимание и расход медикаментов в гор.〈одских〉 амбулаториях. Там израсходовано приблизительно 9 т. руб. за 6 м.〈есяцев〉.

Г о л о с. А точно, точно?!

С. Д. Крылов. Точная цифра — 400—500 р. на каждую амбулаторию.

В. М. Ябелов. И управа не знает, сколько она израсходовала? Не знает, сколько она должна?

А. П. Преображенский. Точной цифры расходов я не знаю, но ее легко даст простая бухгалтерская справка.

Предложение ставится на голосование и принимается.

ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ МЕДИКАМЕНТОВ

Докладывается пожелание о найме помещения для медикаментов у Н. Г. Агафонова. Помещение состоит из двух комнат, обойдется в 50 руб. в мес. На приспособление его придется затратить 500 руб., на оборудование склада 800 руб., на вознаграждение врач. (ебного) персонала при складе — 150 р. в месяц.

Н. Г. А г а ф о н о в. Должен оговориться: помещение свое предлагаю только в том случае, если не будет найдено ничего более подходящего.

В. М. Я б е л о в. Вот мы откроем склад, у вас будут брать медикаменты. Кто? Куда? А учета у нас и нет.

А. П. П р е о б р а ж е н с к и й. Если наша работа встречает такое отношение, то нам остается только уйти.

В. М. Я б е л о в. Я далек от мысли этого добиваться.

А. А. Д р у ж е н к о в. высказывается за учреждение гор. аптеки, а не склада.

С. Д. К р ы л о в. Начнем с меньшего. Склад сам собою разовьется в аптеку.

А. А. Д р у ж е н к о в. У нас в городе только еврейские и немецкие аптеки. Желательно бы иметь русскую. Вот Бредрих свою аптеку продает.

С. Д. К р ы л о в. В ее цену должна войти не только стоимость оборудования и медикаментов, но и стоимость, напр., привилегии на аптеку, обошедшаяся что-то около 10 т. р. Нам тратить на это деньги ни к чему.

А. А. Б е л о в. Медикаменты придут только в октябре, тогда и снимем помещение. Лишнее на него до этого времени деньги тратить.

Дума постановляет склада не учреждать.

Гласные делают еще несколько замечаний. Разыгрывается следующий инцидент.

К. М. Б е л о з е р о в. Вот закупим медикаментов. А кто будет хозяином?

Н. Н. Б а ж а н о в. Хозяином будет тот, кого вы, Конст. (антин) Мих. (айлович), укажете! (шумно выходит).

В. Н. Ш и р я е в говорит:

— Управу упрекали и сегодня, когда она представила разработанный и обоснованный на фактическом материале доклад. Медвежью услугу оказывают городскому самоуправлению лица, поступающие так.

Дума постановляет ходатайствовать у противочумной комиссии об отпуске 2100 р. на борьбу с эпидемиями, возникновение которых возможно ожидать.

РАСХОДЫ ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ

Н. В. А д о л ь ф о в читает деловой доклад о необходимости исправления сточных труб на целом ряде улиц — Даниловский, Мышкинский и др. Требуется 8.990 р. Кроме того, было бы желательным разбить на театральной площади сквер. Пока что это расходов не вызовет, так как будет только поставлена деревянная решетка и засеян газон, а вынутый булыжник будет использован.

Оба предложения принимаются.

Приступает к докладу Н. Г. А д о л ь ф о в, но тут бьет 11 ч. и гласные начинают спешно расходиться. Собрание закрывается, не исчерпав всей повестки; в том числе не были проголосованы и цифры прибавок управским служащим.

[1916]

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ НОЖИН ¹

*(К пятидесятилетию со дня смерти.
Род. 8 дек. 1841 г., умер 3 апр. 1866 г.)*

«Это был совсем молодой еще человек брызжущего ума, сверкающей фантазии, огромных способностей к труду и обширных знаний (по биологии)»². «Никогда не встречал я такой силы анализа, такой способности к обобщению, такого быстрого усвоения фактического материала, такой неустанной, почти лихорадочной работы мысли. Пишу вполне трезво и сознательно: Ножин был гениальный ум»³. Приведенные строки принадлежат другу-ученику Ножина Н. К. Михайловскому⁴, который сохранил для нас образ этого замечательного человека, обрисовав его в очерках «Вперемежку» (под именем Бухарцева)⁵, а позднее — в «Литературных воспоминаниях»⁶.

«Кающийся дворянин»⁷ — эти слова многое объясняют в Ножине. Перед нами человек, который за возможность многое знать и многое понимать, приобретенную привилегированным положением, чувствовал обязанность расплатиться с народом, благодаря труду которого он мог отдаться научной мысли. Родился он 8 декабря 1841 г. в дворянской семье, воспитывался в аристократическом имп. Александровском лицее. Но, окончив курс, он отказался от предстоявшей карьеры, порвал с семьей и отправился за границу (в 1861 г.) для изучения естественных наук. Этому изучению Ножин придавал не вполне обычный смысл. В его глазах ученые в настоящем смысле этого слова — «общественные деятели..., отдающие свою жизнь науке не из видов личного обеспечения, но занимающиеся ею только потому, что признают в ней двигательную силу к достижению человеческого идеала: разрешению общественных вопросов...»⁸ «Исследованию нет конца, абсолют-

ных истин не существует — и потому все достоинство науки измеряется ее практической пользой, ее живым участием в решении жизненных вопросов»⁹. «Наука до сих пор была постоянно орудием насилия; все научные изобретения и применения служили в пользу одних эксплуататоров», — так писал в одной из своих статей Ножин, обращаясь к ученым со следующими словами: «От вас мы требуем, наконец, чтобы вы встали в ряды наши, подверглись вместе с нами риску борьбы за истину, хотя бы это стоило вам жизни. Настает новый и последний фазис борьбы за истину, выработанную наукой»¹⁰. Это не было для Ножина пустою фразой: он именно на мученичество шел. Выработав себе анархистское мировоззрение, он, как мы увидим ниже, развивал его и устно, и печатно; и только неожиданная смерть отвела от него уже поднятую руку правительства.

За границей Ножин жил в старых университетских городах — Гейдельберге¹¹, Тюбингене¹², Флоренции¹³, а еще больше — на побережье Средиземного моря, где и шла самая кипучая часть его работы: он изучал простейших морских животных. Этот интересный отдел науки, привлечший к себе столько выдающихся исследователей, в то время был почти еще не затронут и открывал перед Ножиным обширное поле для работы. Но вести ее приходилось в весьма тягостных условиях. Семья от него отказалась, приходилось перебиваться уроками, зачастую голодать. Несмотря на это, Ножин сделал массу наблюдений, имея своей конечной целью выяснить законы социального развития на общественной жизни низших животных и определить наиболее совершенный вид общественного устройства. При разрешении этих последних задач известную роль могло сыграть и то обстоятельство, что он принимал живое участие в заграничных передовых студенческих кружках, встречался с видными представителями революционной мысли, а во Флоренции даже близко сошелся с Бакуниным¹⁴.

В 1865 г. Ножин, закончив свои работы, покинул за границу. По словам Михайловского, он «вернулся в Россию ученым в полном и лучшем смысле этого слова. Вы, пожалуй, этому не поверите, но дело в том, что способностей он был поистине громадных»¹⁵. Его социологическая теория, поражающая широким охватом и смелостью своих обобщений¹⁶, уже сложилась в основных чертах к этому времени, и Ножин деятельно принялся выяснять ее в ряде заметок, помещенных на страницах небольшого критико-библиографического журнала «Книжный вестник»¹⁷. Тогда же он напечатал в «Известиях имп. Академии наук» научную статью по одному из вопросов своей специальности¹⁸ и работал над обширным трудом, в который надеялся вложить итоги своих наблюдений. Но неожиданная смерть оборвала все эти начинания. 3 апреля 1866 г. Ножин скончался от тифа, двадцати четырех лет. А вскоре после его смерти в правительственном отчете, изданном по поводу покушения Каракозова¹⁹, упоминался «социалистический кружок крайнего нигилиста Ножина, который находился в связях и переписке с заграничными агитаторами». Но эта сторона деятельности Ножина остается и до сих пор совершенно неосвещенной.

Н. К. Михайловский, тогда еще начинающий молодой писатель, близкий товарищ Ножина по «Книжному вестнику», последователь и преемник его социологической доктрины, оставил нам его портрет: «Представьте себе молодого человека лет двадцати четырех-пяти, среднего роста, очень худого, чуть-чуть сутулого, с узкими плечами, с волосами серо-пепельного цвета, жидкими и мягкими, такого же цвета маленькими усами и едва пробивающейся бороденкой, длинным носом и неопределенным цветом лица. Черты, как вы видите, очень незамечательные. Вы таких людей сотни, конечно, видали. Но, может быть, вы не видали таких глаз и такой верхней губы, как у Ножина. Глаза у него были голубые и поражали по временам необыкновенной живостью и блеском, а по временам такой

упорной сосредоточенностью, что она казалась почти ту-
постью. Верхняя губа тоже была характерная: средний
выгиб ее выдавался треугольником, который крепко, точно
замком запирает, ложился на нижнюю губу»²⁰.

Какой светильник разума угас,
Какое сердце биться перестало! —

писал Михайловский о его смерти²¹, прибавляя: «Да, и
сердце перестало биться великое... Я, признаться, не пони-
мал, как можно было не любить эту чистую и изумитель-
но богатую натуру, эту детски наивную душу»²². Приве-
денные слова — отнюдь не порождение личного при-
страстия. Приблизительно так же отзывались о Ножине
и другие лица, знавшие его более или менее близко. Вот,
например, что пишет Л. Мечников²³, говоря о лицах, груп-
пировавшихся во Флоренции (в 1864 г.) вокруг Бакунина:
«Среди соотечественников самым выдающимся был Но-
жин, юноша лет двадцати двух... К симпатичному всем нам
Ножину воспылал пламенной нежностью Н. С. Курочкин
(врач, брат поэта и сам поэт). Под влиянием Ножина Ку-
рочкин только и бредил, что о науке»²⁴.

Из специально-научных трудов Ножин успел опубли-
ковать только одну уже упомянутую нами статью, поме-
щенную в «Изв. имп. Академии наук». Работа эта была
написана для опровержения некоторых взглядов знамени-
того Геккеля²⁵, казавшихся Ножину ошибочными, — и в
результате Геккель не только отказался от своих положе-
ний, но и воспользовался данными Ножина для поздней-
ших выводов и обобщений. У Михайловского есть указа-
ние, что на Ножина ссылались «очень высокие европейские
авторитеты». Еще недавно я в книге одного такого авто-
ритета прочел следующее: «Исследованиями Фрица Мюл-
лера²⁶, Ножина и Геккеля обнаружено» и т. д. Но эта
работа составляла какую-нибудь сотую, и того меньше,
долю того, что хотел и имел сказать по своей специаль-
ности Ножин»²⁷.

Социологическое наследие Ножина сводится к нескольким заметкам и одной неоконченной статье, помещенным в «Книжном вестнике»²⁸. Но своеобразие, новизна и широта его взглядов так велики, что можно с уверенностью сказать — в его лице социология утратила одну из лучших своих надежд. И именно эта сторона деятельности Ножина представляется наиболее интересной. Вспомним же пристальнее в нее.

Интересы личности — вот что являлось руководящей нитью для Ножина. Он пытался установить, какая система общественного устройства наиболее обеспечивает гармоническое развитие личности и какая суживает и подавляет ее. Для этого он и обратился к изучению простейших животных, так как там законы и формы общественной жизни выступают наиболее отчетливо и наглядно. И среди множества этих разнообразных и изменчивых форм он остановился на двух очень законченных и характерных типах, в корне противоположных друг другу.

К одному из них принадлежат общества людей, пчел, муравьев, сифонофор²⁹. Сифонофоры — простейшие морские животные, сросшиеся между собой в одно целое, называемое колонией (т. е. обществом) сифонофор. Каждая сифонофора в такой колонии выполняет какую-либо специальную работу, оставаясь прикрепленной к ней на всю жизнь. В результате, приспосабливаясь каждая к своей деятельности, сифонофоры резко отличаются друг от друга своим видом. Одна из них, похожая на шар со стеблем внизу, поддерживает равновесие плавающей в море колонии. Другая выполняет исключительно половую деятельность. Третьи, имеющие вид колокольчиков, гребут. Четвертые являются, говоря языком детей, «кусаками» — они предназначены для борьбы с врагами. Одним словом, здесь каждая живая личность почти низведена на степень простого органа общественного целого. Жизнь каждой из них до крайности сужена, урезана, подавлена. Пусть в «колонии» идет целый ряд жизненных отправлений — вся сум-

ма их недоступна ни для какой сифонофоры, с полной жизни незнакома среди них одна. Перед нами — изуродованные, искалеченные в интересах целого личности. Это — результат неоднородности обществ, выросшей на основе застывшего разделения труда.

На разделении труда построены и «колонии» муравьев. Дробление общества здесь выступает столь же резко. Тут есть муравьи-воины с непомерно большими челюстями, не знакомые ни с работой, ни с половой жизнью. Незнакомы с последней и муравьи-рабочие. Она — удел третьего класса муравьев, но такой муравей, кроме этого круга деятельности, ни на что не способен. Он даже есть не умеет. Ему буквально надо пищу разжевать и в рот положить, и если этого не сделает для него муравей-рабочий, он умрет с голоду среди запасов пищи. Так при дроблении общества на классы калечится личность, сужается сфера ее жизни.

То же приходится сказать и о «колониях» (роях) пчел, в основе жизни которых лежит разделение труда. Этим же началом проникнуто и современное устройство человеческого общества. Человечество разбито на классы. Сумма его культурных достижений, широта и разнообразие его жизни громадны, но ни одна личность (к какому бы она классу ни принадлежала) не пользуется хотя бы приблизительно полнотой этой жизни. Правда, в человеческом обществе личность еще так не сужена, как в обществе муравьев или сифонофор, не превращена в простой орган общества. Но надо помнить, что оно развивается и развивается именно по описанному типу, т. е. его развитие идет в сторону все более углубляющего дробления на классы. А соответственно этому сужается широта жизни каждой личности. Она является урезанной, обесцвеченной, однотонной, едва-едва вмещающей какую-нибудь дробь из того целого, которое называется современной культурой.

Таким образом, при описанном типе общества инте-

ресы личности прямо противоположны интересам общественного целого. Общество, развиваясь, стремится поглотить личность, превратить ее в свой орган. Личность не может не бороться против этого всеми своими силами, но если борьба успешна, то приостанавливается развитие общества. И в пределах данной общественной системы выхода из этого противоречия интересов развития нет.

Но есть другой, прямо противоположный этому тип общества, именно, общество однородное, недробное. Такова, например, «колония» гидр. Гидра — простейшее водяное животное (живет в прудах и т. п.), едва видимое глазом. Она представляет собою нечто вроде мешочка, отверстие которого окаймлено несколькими волосиками: это щупальцы; отверстие служит и ртом и выводным каналом. Иных органов у гидры нет. Размножаются гидры путем так называемого «почкования» (а иногда и половым путем). На боку у гидры набухает шишка, растет, увеличивается, у ней прорезывается отверстие, вырастают щупальцы — и получается новая гидра, сросшаяся с первой. Она в свою очередь может начать «почкование», так что иногда в «колонии» число гидр доходит до шестнадцати. Но «колония» не приспособляет гидр к различным специальным работам, не превращает в свои органы. Внутри колонии нет дробления, нет разделения труда. Все гидры вполне однородны, вполне равны друг другу. Каждая из них исполняет все функции и отправления, доступные гидрам, и потому пользуется всей полнотой свойственной им жизни. Жизненные процессы не распределены между отдельными гидрами. Наоборот, всякая из них работает щупальцами, борется с врагами, хватает пищу, переваривает ее, ведет процессы «почкования». Следовательно, каждая гидра является целостной личностью, сосредоточивающей в себе всю сумму достигнутого в данном обществе развития. Поэтому гидры могут жить и в одиночку, вне общества. Но ни сифонофора, ни муравей, ни

человек в одиночку не проживут: их личности исковерканы вредным типом общественной жизни.

К обществу, однородному, не раздробленному на классы, не знающему окаменелого разделения труда, и завещал нам стремиться Ножин. Он писал: «Разделение труда между индивидуумами одного вида — явление патологическое, т. е. источник болезней, противоречий и борьбы за существование; явление это составляет исключение... Более всего патологических явлений мы встречаем в социальной жизни муравьев, пчел и людей — животных обществах, основанных на разделении труда и состоящих вследствие этого из *нецелостных личностей*. Индивидуализм-анархизм — вот условие полной, здоровой, счастливой жизни всех неделимых животного царства!..» Нецелостные, хотя бы и свободные индивидуумы неизбежно подвержены взаимной зависимости и гнету, находящимся в прямом противоречии с индивидуальными выгодами, с выгодами полного здоровья, свободы, анархии!»³⁰

Говоря же об обществах второго типа, Ножин подчеркивает значение, которое имеет в них солидарность и взаимопомощь, выводя при этом из ряда фактов следующий замечательный закон: «Вполне сходные друг с другом организмы не борются между собою за существование, но стремятся, так сказать, связывать воедино свои однородные силы, свои интересы, и при этом вместо разделения труда замечается в их отношениях только сотрудничество»*. Это положение Ножин выдвигал в противовес и в ограничение известной теории Дарвина. Он писал по поводу ее: «Дарвин не видит, что борьба за существование невыгодна для развития, что она сама по себе есть лишь источник патологических явлений... Вся теория

* Взгляд, легший впоследствии в основу известного труда П. А. Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции».

Дарвина поэтому может быть названа теорией гениального буржуа-натуралиста»*.

Вот некоторые наиболее отчетливые взгляды и построения Ножина. Читатель видит, сколько в них творческой смелости, какой силы анализа и обобщения достигали они.

Все это, прерванное неожиданной смертью, осталось в виде беглого наброска, недовершенным, недоговоренным. Но идеи Ножина не прошли бесследно для русского общественного развития. Они ожили на страницах сочинений Михайловского — блестяще разработанные, обоснованные, углубленные, и на них воспиталось несколько поколений интеллигенции. И пока имя Михайловского живо в нашей памяти, Ножин не может быть забыт: слишком тесно они связаны между собой.

[1916]

* Именно вокруг этого положения Дарвина теперь идет в науке кипучая борьба, которую смелая до дерзости мысль Ножина опередила на полстолетия.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПЕРЕПИСЬ

Предпринятая в Ярославской губернии сельскохозяйственная перепись приходит к концу. Поэтому представляется вполне уместным дать хотя бы краткие сведения о ее возникновении, целях, к которым она стремилась, путях, которыми она шла.

Отметим, прежде всего, что мысль о переписи возникла ввиду очевидной необходимости приспособить экономическую жизнь страны к новым условиям, вызванным войною. Учет экономических средств и сил — вот тот первый шаг, который надлежало совершить в данном направлении. Для пропаганды этой идеи много сделал на статистическом съезде г. В. Громан, заведующий статистич. (еским) отд. (елом) союза городов. Что касается воплощения ее в жизнь, то организация соответствующих работ всецело принадлежит проф. (ессору) Р. М. Орженцкому, являющемуся руководителем ярославской переписи. Это — первая в России перепись данного типа.

Последнее обстоятельство побуждает, разумеется, пристальней всмотреться в нее, так как методологический опыт, накопленный в самом процессе этой новой работы, сослужит большую службу при таких же переписях в других местностях. Со времени ярославского обследования, это уже — проторенный путь, найденная тропа. К сожалению, результаты работы еще не наметились, и мы можем дать пока что только предварительные сведения и лишь о стадии спроса.

Перепись дает учет как самого населения, так и скота и размера посевов. Она охватывает все хозяйства. Ближайшая цель ее — доставить точный цифровой материал для урегулирования вопроса о продовольствии населения и мер по реквизиции продуктов. Но, конечно, собранные

ею сведения могут быть использованы и в целом ряде других направлений. Над переписью работает на местах до 200 человек, отчасти студентов, а чаще всего — учеников учительских семинарий и учительских институтов. Лица последней категории привлечены в большом количестве ввиду их близкого знакомства с условиями сельской жизни. Можно было ожидать при выполнении переписи некоторых неизбежных трений, но, судя по имеющимся известиям, их сравнительно немного: переписчики быстро освоились с техникой дела, работают не покладая рук, дружно и споро, и надеются закончить опись к 1 июля.

Организация работ была поставлена следующим образом. Состоялось предварительное совещание при губернской земской управе, в котором участвовали лица, привлеченные к работе. Затем были устроены поездные совещания. Руководство переписью было возложено на статистический отд. (ел) при губ. (ернском) земстве во главе с проф. Орженцким. На каждый уезд было назначено по одному заведующему, занятому организацией работы, и от 3 до 4 инструкторов, в ведение каждого из которых отведено по несколько волостей. Наконец, для каждой волости определен отдельный счетчик. Прежде чем приступить к переписи, все эти лица выполнили пробную работу для того, чтобы приобрести некоторый навык. Листы, по мере заполнения, поступают на просмотр и проверку руководителей; возбуждающие сомнения составляются сизнова.

Вознаграждение работающих по переписи довольно скромное. Счетчик получает 2 р. 50 к. в день.

Результаты работы будут представлены в особое совещание по продовольствию, по инициативе которого возникла и самая перепись. На производство ее особым совещанием выдано 28 тыс. руб., но денег этих, разумеется, оказалось недостаточно, ввиду чего ярославское земское собрание доассигновало 6 тыс. руб. в виде ссуды, подлежащей возврату.

В С. <ЕЛЕ> КРЕСТ

На 3-е июня в с. Крест под гостеприимною крышею Народного дома состоялось людное собрание потребительского общества железнодорожников. День выдался ясный, погожий, и с тем большей охотой начал я *per pedes apostolorum* отмеривать путь по широкому пригородному шоссе. По обеим сторонам — трава, в ней протоптаны тропинки, в два ряда тянутся старые березы — в их тени идти не трудно и не скучно. А через полчаса, глядишь, по обоим краям шоссе начинают мелькать домики. Это и есть Крест. На дальнем конце его — Народный дом. Вокруг расстилается поле, совсем рядом зеленеет рожь, вдали пестро и широко раскладывается Ярославль. Около Народного дома, на траве, в ожидании собрания уселась группа прибывших членов потреббилки. Переговариваются, читают «Голос». Фельетон о Масленикове у сотоварищей вызывает ряд замечаний.

— Что Масленикову штраф! Он его на нас переложит.

— Торговать бы ему воспретить. Это бы вернее подействовало.

— Я вчера захожу к нему в магазин конфет купить. «Девяносто копеек придется с вас», — говорят.

— Почему? Ведь давно ли по шестьдесят продавали.

— Да, раньше действительно было шестьдесят, а теперь девяносто. Вон где он, штраф-то этот, сказывается.

Народ понемногу прибывает, и когда собирается свыше 140 чел., раздается звонок, созывающий в залу. Все рассаживаются по скамьям.

Председателем собрания, при общих аплодисментах, избирается г. Латышев, секретарем — г. Юдин.

Председатель правления Ф. И. Докукин читает доклад, из которого видно, что об-во уже оправилось от удара, нанесенного ему Н. Беккаревичем, и продолжает развиваться. Число членов его к 1-му июля превышает 1500 чел. К 20-му апреля об-во имело долг (цифры даем с округлением) свыше 9 тыс. руб., а теперь долг сведен к 800 рублям, причем у об-ва насчитывается всякого имущества на 11 тыс. руб. (а, кроме того, в московском союзе потр. <ебительских> обществ 500 руб. и за Беккаревичем 600 р.). В апреле месяце у об-ва имелся дефицит в 74 р., а в настоящее время — 1920 руб. чистой прибыли. Все это заставляет верить в жизнеспособность начатого дела.

Докладчик ревизионной комиссии заявляет, что последняя обследовала операции общества по 1-е июня и нашла все в порядке, причем и тогда уже, месяц назад, развитие его шло полным ходом. Докладчик подчеркивает, что на основные предметы потребления цена в обществе чрезвычайно низка. Мука, напр. <имер>, продавалась по 4 р. 40 коп. вместо 5 р. 50—60 к. — цены, существующей у Вахрамеева, — а табак шел чуть ли не себе в убыток. Об-во не пойдет вслед за мародерами тыла, оно сознательно стремилось не получать прибылей выше 10 проц. <ентов>.

Оба доклада встречены аплодисментами и приняты без прений. Далее г. Дешеулин читает чрезвычайно обстоятельный деловой доклад о московском союзе потребительных обществ, г. Пасхин, инструктор у земства, выступает с речью о союзном кооперативном строительстве в г. Ярославле. Развертываются прения. Какая разница с вялой, сонной атмосферой, которую я имел случай наблюдать в заседаниях гор. <одской> думы. Здесь много и аппетита к делу и энергичной работы мысли. Говорят много — значит, просто еще не наговорились, но зато совершенно нет споров по пустякам и всегда видно желание столковаться, найти приемлемое для всех решение.

Говорят члены правления, инструктора, говорят и рядовые члены общества. Дело кипит, вопрос решается за вопросом; едва покончен один, немедленно же переходят к другому все с тем же подъемом и с тем же вниманием. Солнце описывает над землю свой круг, смягчает блеск своих лучей, клонится к западу, а энергия собрания не ослабевает. Вот уже окна озарились багряным светом заката, нежным отблеском горящего на облаках, вот уже его краски меркнут, тускнеют, — а члены общества все еще не хотят расходиться. Все вопросы, поставленные на повестку, уже решены, председатель уехал, сдав свои обязанности другому лицу, — но собравшиеся, покончив с делами, принимаются за выработку очередных пожеланий. Всего рассмотрено 16 вопросов, и был уже поставлен 17-й, но секретарь заявил, что у него голова пошла кругом, и он не может вести протокол заседания.

Из вынесенных постановлений приведем несколько наиболее выдающихся по своему значению. Постановлено отчислять московскому союзу потр. (ебительских) обществ на устройство собственных фабрик и санатории 5 проц. своего нового капитала и 5 проц. чистой прибыли. Войти членом в намечающийся союз кооперативов г. Ярославля. Произвести распределение права на продукты первой необходимости и сообразовать с числом членов каждого семейства. Упразднить наблюдательный комитет. Войти в соглашение с другими ярославскими кооперативами по вопросу об открытии собственной центральной хлебопекарни. Идти в жел.-дорожный комитет, на что уполномачивается правление, но с неперменным правом решающего голоса и при условии, что распределение продуктов будет находиться в руках у общества, — и мн. (огое) др. (угое). Кроме того, избран ряд должностных лиц. В правление -общ. (ества) прошли г. г. Савинов, Пехтерев, Гагарин и П. Эвтихов; в кандидаты к ним — гг. Широков, Шарاپов, Гусев и Гаврилов; в члены рев. (изионной) комиссии — гг. Л. В. Андреев, Гавшин, Эркоз и Рожков.

Наконец, единогласно исключены из числа членов общества Н. Беккаревич и мать его Н. А. Беккаревич.

Когда мы, возвращаясь с собрания, подходили к городскому предместью, уже смеркалось. В голове проносились клочки от речей, раздававшихся на собрании. А, впрочем, может быть, и не от них, а от тех разговоров, которые ведут кучки идущих по шоссе членов об.〈шест〉ва. Это все разговоры о тех же делах.

1916

ЗА САХАРОМ

Присяж.⟨ный⟩ поверенн.⟨ый⟩ Ник.⟨олай⟩ Ив.⟨ано-вич⟩ Гусев, вернувшись из Киева, куда был командирован для принятия мер относительно доставки сахара, сообщил нам в связи со своей поездкой следующие сведения.

В настоящее время распределение сахара по отдельным местностям России полностью сосредоточено в руках «Бюро по снабжению населения Империи сахаром» (обиходное название «Центро-сахар»), находящегося в Киеве. Для потребления жит.⟨елям⟩ Ярослав.⟨ской⟩ губ.⟨ернии⟩ бюро определило отправить за май месяц 55 вагонов сах., июнь — 50 ваг.⟨онов⟩ и июль 50 в., а всего 155 ваг. Между тем вместо этого количества были получены накладные лишь на 4 вагона, да и то только в самом конце июня. Лица и учреждения, в ведении которых находится снабжение губернии продуктами, остановились, наконец, на мысли командировать в Киев несколько уполномоченных, которые бы предприняли там ряд шагов в нужном направлении. Командированы были прис.⟨яжный⟩ пов.⟨еренный⟩ Н. И. Гусев, имевший мандат от г. ярославского губернатора и губ.⟨ернского⟩ земства, а также Мих. Р. Орженцкий, уполномоченный губ. кассы мелкого кредита.

Центральное бюро, в котором пришлось хлопотать, — громадное учреждение, выполняющее массу работы, напряженной и кипучей, полное посетителей, шума, говора. Начало функционировать оно под своим именем с 29 м.⟨ая⟩ т. г. Деятельность его сразу же встретила недоброжелательное отношение со стороны сахарозаводчиков, отказавшихся выполнять наряды Ц. Б. Помимо

этого, разумеется, неблагоприятно сказывалась и нынешняя железнодорожная неурядица; наконец, в связи с настоящим наступлением для нужд армии потребовалось усиленное количество поездов, что значительно изменяло расчеты Бюро. Но дело все же, так или иначе, наладилось, причем относительно сахарозаводчиков были использованы довольно крутые меры; именно, при отказе заводов погружать сахар, Бюро за их счет нанимало лошадей и подводы для погрузки, само принимаясь за организацию последней.

Официально во главе Ц. Б. стоит киевский губ., председ. губерн. земской управы, т. е. М. А. Суковкин, но последний заявил ярославским уполномоченным, что он в этом деле ничего не значит, и направил их к И. Г. Чернышеву, который фактически руководит этим громадным делом.

В Бюро такая масса посетителей, что пришлось отыскать особые ходы, чтобы добиться внеочередного рассмотрения ходатайства. Отнесли к нему в Бюро очень внимательно, и в результате решено было грузить сахар, предназначенный для нужд Ярославской губернии на июнь и июль. В настоящее время 100 ваг. сах., отпущенных на эти месяцы, погружены и находятся в пути: дубликаты на них уже получены. Вместимость каждого вагона — 1000 пуд. Сахар, недополученный за май месяц, будет погружен во второй половине июля вместе с сахаром, назначенным на август, причем этот транспорт Ц. Б. обязалось доставить к концу июля. Наблюдать за своевременной погрузкой и отправкой сахара согласился М. Р. Орженцкий, отбывший для этой цели в Подольскую губ. Погрузка сахара будет выполнена по так называемому «июльскому плану перевозок».

ГОДОВЩИНА НАРОДНОГО ДОМА

10-го июля в Яковлевской слободке была отпразднована годовщина открытия местного Народного дома. Сам, если можно так выразиться, «виновник торжества» был «ко дню рождения» прибран и красиво декорирован гирляндами мха, темно-зелеными ветвями елок, флагами, кооперативными плакатами. К шести часам вечера начали понемногу собираться слобожане, окрестные дачники, прибыли городские гости, хор слушателей регентских курсов во главе со своим руководителем проф. Петром... Хором празднество и было открыто. После гимнов — народного и союзных держав, — исполненных с большим подъемом, хор спел ряд других номеров, среди которых следует отметить «Эй, ухнем» и шутивную белорусскую песню «Чачотачка», заставившую многих смеяться (обе песни гармонированы И. В. Петром). Кроме того, были исполнены новгородская былина про лебедушку «Острою секирою ранена береза», «На солнце темный лес зардел» и нек. др. Пение отличалось художественностью обработки, стройностью, выразительностью и доставило слушателям большое удовольствие.

После небольшого перерыва началось торжественное заседание. Первым читался доклад г. Волкова, председателя об-ва Народного дома, посвященный истории возникновения и деятельности этого последнего. Начало Народному дому положила группа местной молодежи, занявшаяся устройством любительских спектаклей. Дело наладилось, и возник вопрос о постройке собственного здания для театра, легко обратившийся, при углублении идеи этого начинания, в вопрос о создании Народного

дома. Кружок, сгруппировавшийся вокруг театра, собрал для этой цели около сотни рублей, дело бы стало, но пришлось на помощь уездное земство, ассигновавшее 500 руб., губернское земство ссудило тысячу, были пожертвования со стороны — и в результате оказалось возможным приступить к постройке. В июле 1915 г. Народный дом был открыт. С тех пор истек уже год. За это время Народный дом отметил свое существование упрочением сценической деятельности, которая велась в Яковлевской слободке. Именно за отчетный год им было устроено 9 спектаклей, из них 5 для детей и 4 для взрослых, помимо этого, в его стенах состоялось 10 спектаклей, сыгранных приезжавшими из города любителями. Что касается распространения знаний в окрестном населении, то здесь следует упомянуть о лекциях по сельскому хозяйству, читавшихся в Народном доме в январе тек. года. Из других сторон деятельности Народного дома отметим, что зимою в нем было организовано шитье на армию, причем собиралось человек 20—25. В Народном доме нашли себе приют библиотека, кредитное т-во, пожарное о-во, еще недавно (5 июля) проявившее себя при тушении пожара. Организация деятельности Народного дома в основных чертах закончена; населению остается только сплотиться вокруг него, чтобы продолжать его деятельность дальше.

Затем было прочитано приветствие от яковлевского кредитного т-ва, после чего выступил с большой и содержательной речью лектор губ. земства Н. А. Мамырин, остановившийся на значении обществ народных домов в деле распространения знаний среди народа и доставления ему разумных развлечений. М. П. Розанова произнесла приветствие от имени отдела народного образования при уезд. управе. В заключение приветствовали яковлевское о-во представители потребительского кооператива северных железных дорог.

После этого состоялся спектакль. Были дружно сыграны две вещи, причем участвовали местные сценические

силы под руков. г. Каржавина. Ему много хлопали. Среди других исполнителей следует упомянуть г. Л. Великанову, прекрасно сыгравшую роль свахи. По окончании спектакля состоялись танцы и был сожжен фейерверк. Закончилось празднество во втором часу ночи.

1916

КООПЕРАТИВНОЕ СОВЕЩАНИЕ

10-го июля в Яросл. земской управе состоялось кооперативное совещание. Несмотря на то, что созвано оно было в самое горячее рабочее время, на него прибыло более 60 человек. Совещание работало чрезвычайно интенсивно, без перерывов, с 12 часов до 8^{1/2}.

Открыто оно было сообщением уезд. агронома С. П. Внукова о московском совещании льноводов, в кот. принял участие и сам докладчик. Как у нас уже сообщалось, центральному т-ву льноводов (совместно с фирмой «Рало») было предоставлено исключительное право сбыта льна за границу, причем запродажа его для нужд Англии могла вестись непосредственно представителю английского правительства. Московское совещание нашло необходимым для кооперативов использовать столь благоприятное положение вещей.

Выслушав сообщение С. П. Внукова, ярославское совещание постановило созвать в ближайшем времени специальное собрание из представителей кооперативов, которые предполагают вести льнозалоговые операции для сбыта льна через центр. т-во льноводов за границу. Кроме того, постановлено, чтобы кооперативный комитет вступил пайщиком в т-во льноводов.

Далее заслушан доклад С. Н. Пасхина о положении потребительной кооперации в уезде. Ввиду интереса, который представляет этот доклад, дадим о нем сведения особо.

По докладу о предстоящей продовольственной кампании постановлено выработать воззвание к населению

с призывом составить на сельских сходах подробную перепись всех живущих в каждой семье. Переписи эти, снабженные печатями, должны сдаваться в ближайший кооператив или в уезд. земск. управу, где они послужат материалом для распределения по кооперативным лавкам сахара (рафинада и песка) и соли. Сахар кооперативами будет продаваться дороже себестоимости на 3 к. за фунт, для покрытия накладных расходов, а сахарный песок с надбавкою 2 к. на фунт. Для организации распределения по районам сахара, соли, а если понадобится, и других продуктов в помощь кооперативному комитету избраны три новых лица.

По докладу об организации районных объединений кооперативов вокруг станций жел. дорог и паромных пристаней решено образовать такие объединения при станциях Коромыслове, Козьмодемьянске, Лютове и по пристаням на Волге — Норском и Диевом-Городище.

Что касается закупки сильных кормов, вопрос о кот. был поставлен на повестку, то собрание решило закупать их только по твердым заказам, так как урожай трав в этом году был хорош, а количество скота значительно сократилось.

Ввиду того что министерство земледелия разрешило кооперативам воспользоваться сортовой рожью, хранящейся на месте в количестве до 50 т. п., решено воспользоваться ею, причем все уже сделавшие заказы на рожь должны повторить их с указанием, какая именно рожь требуется — на семена или для размола.

Был поднят вопрос относительно недоброкачественности части муки, закупленной кооперативами через кооперативный комитет как передаточную инстанцию. Выяснилось, что наиболее деятельные кооперативы покончили это дело без убытка, а ущерб понесли лишь организации, не проявившие достаточной энергии.

Наконец, упомянем о том живом отклике, который

был вызван известием о пожаре николюско-троицкого Народного дома. Здесь же, на совещании, было собрано 60 р. 50 к. (от 24 коопер. и 5 частных лиц); кроме того, кооперативами предположено произвести отчисления из своих средств.

1916

МИМОХОДОМ

Мы вынуждены упрекнуть городского голову в недусмотрительности.

И притом — слишком очевидной, так и бьющей в глаза, для которой трудно подыскать какие бы то ни было оправдания.

Как помнит читатель, в прошлый четверг стояла отвратительная погода.

Было холодно, сыро, дул ветер, временами моросил мелкий дождь, под ногами хлюпало.

А между тем А. П. Преображенский, несмотря на это, назначил чрезвычайное заседание думы.

Да разве ярославский гласный в такую погоду на заседание пойдет?!

Он и в хорошую-то не ходит.

А в холод, в сырость, в мокропогодицу? Да он лучше дома посидит, чайку попьет, как канарейка поет, послушает, пасьянс разложит или хоть святыцы почитает.

— Катя, кто это в телефон звонил?

— Из городской управы вызывают. Говорят, для кворума всего нескольких человек не хватает.

— Так ты, милочка, скажи, что меня дома нет.

А между тем в управе — пусто, и только на лестнице некоторое оживление, хотя проносятся всего две-три одни и те же фигуры. Быстро промелькнет вниз по лестнице серенький пиджачок Федора Федоровича, секретаря:

— Что, звонили?

— Звонили. Говорят, дома нет.

Серенький пиджачок летит назад, а по лестнице к телефонной будке спускается другая фигура:

— Что, звонили?

— Звонили, да не дозвонились! Не отвечают.

Так думское собрание и не состоялось.

Да и мыслимо ли в такую погоду?

МЫТАРСТВА БЕЖЕНЦЕВ

У нас своевременно сообщалось о прибытии в Ярославль большой партии беженцев-евреев, численностью около 800 чел. Беженцы были направлены в Ярославль, разместить их в других городах губернии не представлялось возможности (только Пошехонье выразило согласие приютить человек 80 из них), в сельские местности доступ для них, как для евреев, был воспрещен, — а между тем город ничего не делал для приема этой партии и не отводил никакого помещения. Дни проходили за днями, беженцы жались в вагонах на ст. Всполье, не имея долгое время ничего горячего, и хлопоты местного еврейского комитета не приводили ни к чему.

Наконец вступилась администрация. Губернатором было предписано городу отвести для беженцев помещение. В результате для беженцев устроили два убежища: одно на Власьевской ул., где раньше помещались немцы-колонисты, другое — по Борисоглебской, в помещении, занимаемом до этого столярной мастерской. Оба помещения плохи и не удовлетворяют минимальным требованиям, предъявляемым к жилью, особенно власьевское; достаточно указать, что благодаря этому в свое время из него были взяты немцы.

Теснота, кухня отсутствует, за горячей пищей приходится идти на Борисоглебскую ул. (ищу). Но все же хорошо хоть то, что оторванные от насиженного места, измученные дорогой люди осели, наконец, и имеют над головой кров.

Но, оказывается, мытарства беженцев еще не закончены. Город предлагает еврейскому комитету очистить

к 15 августа помещение, потребовавшееся для других нужд. А между тем что может снять комитет? Свободных помещений в городе совсем не имеется. И встает вопрос: что же делать с сотнями людей, которые очутятся 15-го августа на городской мостовой?

Думается, что если комитет в данном случае не находит выхода, то у города он есть. В Ярославле имеется довольно много обширных публичных помещений, служащих целям, во всяком случае, довольно безразличным. Как пример можно взять хотя бы дом Соболева. Почему бы городу не предпринять нужных шагов, чтобы это помещение (или иное) было передано в городское пользование? Мы не настаиваем на данном решении. Быть может, оно неудачно. Но закрывать глаза на этот вопрос нельзя; и, прежде всего, именно городу нельзя.

ДЕТСКАЯ КОЛОНИЯ

Возвратился в город детский очаг еврейского беженского комитета, два летних месяца пробывший в Тверицах на Монастырской даче. В очаге — дети дошкольного возраста, малыши, от 3 до 6 лет. Жило их на даче человек сорок, все больше девочки (мальчиков было только около дюжины), да еще насчитывалось с десятков приходящих, проводивших весь день на даче, но ночевать возвращавшихся домой. Дача — в сосновом бору, так что было где поиграть и погулять. Устраивались подвижные игры, были занятия по лепке, рисованию, резьбе и т. п. Руководили детьми г. Рубашева, присланная центр. <альным> к. <омите> том, и ее помощница г. Пескина, наладившие вместе жизнь очага.

Кормили детей пять раз на день: утром в 8 час. чай, в 11 ч. — завтрак, в 2 ч. — обед, в 5 ч. — вечерний чай, в 7 ч. — ужин, после которого дети вскоре укладывались спать.

Очаг может похвалиться тем, что дети заметно прибавили в весе, приблизительно от 5 до 14 фунтов, а в среднем — фунтов 8 — 10. Убыли не наблюдалось ни у одного ребенка. Расход на стол разложился по 14 руб. в месяц на каждого питомца, а весь расход на содержание очага — 22 р.

⟨ЗАСЕДАНИЕ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ⟩

К концу девятого часа набрался кворум в 40 чел., необходимый для предст.⟨оящих⟩ баллотировок, и заседание было открыто.

Председательствующий А. П. П р е о б р а ж е н с к и й докладывает о необходимости возбудить ходатайство относительно предоставлений городу гарантий казначейства на 200 т. руб. для ведения продовольственных операций. Оборотных средств для ведения послед.⟨них⟩ у города всего имелось до 575 т. руб., но эти средства полностью вложены в дело, а между тем выясняется необходимость закупки ржаной муки на сумму ок.⟨оло⟩ 100 тыс. р. и затраты на сахар также около 100 тыс. руб. Предложение принимается единогласно.

БАЛЛОТИРОВКА

Непосредственно вслед за этим названная сумма ставится на баллотировку шарами и принимается больш.⟨инством⟩, 40 гол.⟨осов⟩ против 3. Вместе с тем баллотировются и принимаются вынесенные на предыдущем заседании решения: уполномочить управу ходатайствовать о продлении на 9 мес. гарантий казнач.⟨ейству⟩ по ранее сделанным городом займам для ведения продов.⟨ольственных⟩ операций; отчудить для ж.⟨елезной⟩ д.⟨ороги⟩ близ ст.⟨анции⟩ «Всполье» участ.⟨ок⟩ гор.⟨одской⟩ земли по 10 руб. за кв.⟨адратный⟩ сажень (+43—3); выдать г. Богачевой за взятую землю 500 рублей (+29—16); уполномочить управу

на ходатайство перед правительством о ссуде для расширения фильтр.〈овальной〉 станции; произвести заем у частных лиц в 2.900 руб. на укрепление у водокачки волжского берега, провед.〈ение〉 лестницы и устр.〈ойство〉 по набер.〈ежной〉 аллеи (+39—6); произв.〈ести〉 заем у частн. лиц в 2 тыс. р. на устройство навеса для город.〈ского〉 обоза; произв.〈ести〉 заем у частн. лиц в 2 тыс. руб. на ремонт мостовых.

Ставится на голосование и принимается предложение, внесенное по ходат.〈айству〉 представителя минис.〈терства〉 земл.〈еделия〉 г. Салазкина, о сдаче участка земли для проведения жел.〈езно〉дор.〈ожной〉 ветки к Златоуст.〈овской〉 мел.〈ьнице〉. Ветка будет принадлежать частным предприним.〈ателям〉, но под надзором мин.〈истерства〉 земледелия.

ВЫБОРЫ ЗАВЕД.〈УЮЩЕГО〉 ЛОМБАРДОМ

А. П. Преображенский докладывает, что на должность завед.〈ующего〉 гор. ломбардом выставили свои кандидатуры 88 лиц. Комиссия, занявшаяся рассмотр.〈ением〉 прошений, выделила 6 особенно желат.〈ельных〉 кандидатов.

Ф. Ф. Бакакин прочитывает данные о служебной деятельности выделенных лиц. Затем происх.〈одит〉 предварительное голосов.〈ание〉 путем подачи записок. Из них 17 получ.〈ил〉 г. Пастухов, 15 — Киселев, ост.〈альные〉 кандидаты гораздо меньше. На баллотировку шарами ставятся только два названных лица.

Баллотировка кончена, идет подсчет шаров. Гласные толпятся около бал.〈лотировочных〉 ящиков в ожидании результатов. Оживленно обсуждаются сравнительные достоинства обоих кандидатов. Становится известным, что г. Киселев получил 22 изб.〈ирательных〉 и 23 неизб.〈ирательных〉 шара. Подымается шум, говор.

— Пополом голоса разделились! Значит, и у Пастухова столько же!

Но оказывается, что у Пастухова избирательных шара только 22 (неизб. 23). Председатель усиленно звонит, приглашая гласных занять места, но никто не трогается. Все в большой ажитации. Наконец, гласные рассаживаются. Ставится вопрос — перебаллотировать г. Киселева или нет. За перебал.〈лотировку〉 встает 20 чел., против — тоже 20. В зале — смех, шум. Но голос председателя дает перевес за перебал. Вновь гласные идут к ящикам, но на этот раз г. Киселев получает лишь 20 изб. при 25 неизб. Таким образом, выборы откладываются до следующего заседания. Ушло на них около часа.

Докладывается, что думская юридич. комиссия по благоустр., рассмотрев по поручению думы вопрос о введении таксы для ломовых извоз.〈чиков〉, постановила таксы не вводить до наступления нормальных условий жизни. Докладывается и пожелание Н. Ю. Лермонтова об освобождении от извозного сбора крестьян, не обращающих извоза в профессию, а занимающихся им лишь временно, при наездах в город из деревни.

Н. Ю. Лермонтов. Для таких крестьян уплата 10-рубл. сбора — серьезное препятствие; его необходимо устранить, так как возчиков в городе недостаточно.

В. В. Дунаев. Поддерживаю предложение. Добавлю только, что ведь нуждаются в таких возчиках главн.〈ым〉 обр.〈азом〉 общественные организации; они могут сплачивать договоренных ими крестьян в артели, которые город пусть и освободит от сбора. Это тем справедливей, что обществ. организации работают не для наживы.

Н. Ю. Лермонтов присоединяется к этой мысли.

Д. Е. Жарков. Ломовик теперь вырабатывает 12—15 руб.〈лей〉 в день, и это в деревне хорошо знают. Сбор не стеснителен.

На высоту заработков указывает и К. А. Белозеров. Голосованием думы приняты и постановление комиссии, и предложение В. В. Дунаева.

ТАКСА ДЛЯ ИЗВОЗЧИКОВ

А. П. Преображенский докладывает, что та же комиссия постановила таксу для легковых извозчиков отменить, если же дума на это не согласится, то увеличить вдвое. Мотивируется это крайним несоответствием таксы с теперешними условиями жизни.

В. Н. Ширяев. Такса существует давно. Введена повсюду, население к ней привыкло и потому с отменой ее возникнет масса неудобств. Быть может ее нужно повысить (однако не так резко, как предлагают), но отменить не следует.

Д. Е. Жарков. Предлагаю отменить таксу. Если и вдвое увеличить ее, то будет все равно мало. Раньше подковать лошадь стоило 2 р., а теперь — 8 руб.; раньше за меру овса брали 70 — 80 к., а теперь 2 р. 50 к. — 3 р.

В. В. Дунаев. В городе отменить таксу можно. Но для едущих с вокзала и пристаней в город ее необходимо сохранить; если надобно, пусть ее увеличат, а отменить было бы вредно.

При голосовании дума высказывается за повышение таксы вдвое.

По предложению управы увеличивается жалование служащих в городских лечебных заведениях. На это потребуется 6.408 руб.

Вдове П. П. Шапова постановлено выдать единовременное пособие в 1 тыс. руб., а также принять сделанные ею расходы по погребению на городской счет. Вдове гор. делопроизводителя Работнова отказано в выдаче пособия на воспитание детей.

Решено сдать г. Карташеву для постройки завода участок земли у жел. <езно>дор. <ожной> насыпи за Б. <ольшой> Мануфактурой сроком на 12 л., с уплатою в первые 6 лет по 25 коп. за кв. <адратный> сажень, а вторые — по 50 коп.

Городская комиссия предлагает увеличить плату за убой скота на 50% ввиду сильно возросших расходов по бойне. При этом сообщается, что ввиду недавнего повышения этого сбора такое постановление вряд ли будет утверждено властями. Повышение принимается.

При обсуждении вопроса бьет половина одиннадцатого. Число гласных начинает таять быстрее, чем снег в апреле. А. П. Преображенский пытается продолжать заседание, но кворума не оказывается: присутствует всего 22 гласных. Заседание закрывается. Повестка не исчерпана. В частности, остались не обсужденными очередные школьные дела.

АГЛЯД ПРАЦЫ ЗА ПЕРШЫ ГОД МІНСКАГА АДДЗЕЛА БЕЛАРУСКАГА ТАВАРЫСТВА ДЛЯ ПОМАЧЫ ПАЦЯРПЕЎШЫМ АД ВАЙНЫ

У верасні 1915 года ад напору немцаў кінуліся ў Мінскую губерню дзсяткі і сотні тысячаў беларусаў, уцякаючы са сваіх мейсц і пакінуўшы ўсё сваё менне на міласць вайны.

Помач няшчасным на гвалт была патрэбна. За яе ўзяўся незадоўга да таго заложаны ў Мінску аддзел Беларускага таварыства для помачы пацярпеўшым ад вайны.

У аддзел запісалася каля паўсотні чалавек. Прэзэсам яго быў выбраны мяйсцовы адвакат Чаусаў¹. Да камітэту належалі: Людвіка Сівіцкая², Ванда Лявіцкая³, Антон Лявіцкі⁴, Фальскі⁵, Русецкі⁶, Эмілія Сівіцкая⁷, Бладзь Голуб⁸, каторыя шмат працы палажылі на карысць камітэту.

Перш за ўсё камітэт падбаў аб тое, каб даць які прытулак і кавалак хлеба бежанцам, бо шмат хто з іх не меў нават гэтага. У канцы верасня былі зроблены першыя тры дармовыя прытулкі, а праз колькі часу — яшчэ тры. Памяшчалася ў іх звычайна каля 150—200 чалавек. Адначасна была нарыхтавана дармовая сталоўка, а побач з ёй — другая з надта таннай платай за ежу. Праз колькі часу зрабілі яшчэ трэцюю, дармовую.

Грошы на сталоўкі дала так званая «Северопомощь»⁹. З часам і тая пакінула падмагаць гэтую справу — і камітэту вясной 1916 года прыйшлося закрыць дзве дармавыя сталовыя, пакінуўшы толькі платную, знаную па прызванню «Беларускай хаткі»¹⁰. Дармовымі сталоўкамі за ўвесь час, пакуль яны былі, выдана 16 тысяч, а платных каля 10 тысяч абедаў.

Апроч гэтай помачы, камітэт дапамагаў часам патроху грашыма, раздаўшы іх такім чынам каля 600 рублёў.

Асабліваю ўвагу камітэт звярнуў на так званую трыдавую помач, дбаючы, каб знайскі бежанцам якую-калечы працу, бо і грошы на падмогу ім меў камітэт не шмат, ды і бежанцы былі людзі здатныя да працы — нядаўнія гаспадары, не прывыкшыя дарма есці хлеб. Камітэт вышуківаў такую работу, каторая была б звычайнай для селяніна-беларуса.

Пачынаючы са студня 1916 года камітэт раздаваў лён на пражу. Пражай займаліся каля 150 кабет. Разам з тым камітэт залажыў ткацкую майстэрню, дзе выраблялася на продаж добрае палатно, ручнікі, абрусы ды іншыя тканіны з пекнымі ўзорамі на беларускі лад.

Апроч таго, камітэт заняўся шыццём бялізны для войска, дастаўшы ўлетку 1916 года заказ ад «Общеземского Союза»¹¹. Каля шыцця знайшло сабе заробтак блізка каля 700 кабет.

Пашылі яны каля 300 000 салдацкіх кашуль і нагавіц. Улетку ж была зроблена, апроч таго, пачыначная майстэрня ваенных вопратак.

Маючы думку дапамагчы развіццю сялянскай гаспадаркі, камітэт зрабіў для бежанцаў у красавіку і траўні 1916 г. курсы для навукі — як належыцца добра ўтрымліваць сады, гароды і пчолы. Курсы адбываліся шэсць тыдняў, слухалі іх 38 чалавек. Навука давалася на беларускай гаворцы. Лекцыі давалі п. Русецкі, п. Л. Сівіцкая, п. Крыўка¹². Канчаючы курсы, слухачы здавалі экзамен.

К пачатку ліпеня 1916 г. у двор Карпілаўку¹³ (каля 30 вёрстаў ад Мінску) вывезлі 50 дзяцей найбяднейшых бацькоў і сірот, каб даць змогу ім, змораным гарадскім жыццём, — падсілкавацца на вёсцы. Пражылі там дзеці да лістапада і праз гэты час значна паправіліся; вагі прыбыло ва ўсіх ад 3 да 13 фунтаў. Жывучы там, старшыя дзеці дарма памагалі сялянам працаваць: касілі, грабілі сена, малацілі збожжа. Даглядаўшыя за дзяцьмі

настаўніцы дбалі — каб дзяцей навучыць і да лёгкай майстэркі.

Апроч усяго таго, трэба ўспомніць аб «ёлцы», зробленай на Каляды, на каторай праз 2 дні было да 150 дзяцей за падаркамі, — і аб «батлейцы»¹⁴ — беларускім народным тэатры. Калісь «батлейка» была добра вядома па ўсім краю і толькі астатнімі гадамі шмат занікла. Але ў Мінску знайшлося добрых два старых батлейшчыкі, каторыя наладзілі «батлейку» ў памяшчэнні «Лучынкi» і «Сахі»¹⁵. Нашы людзі шчыра цешыліся з «батлейкі».

Справы камітэту вымагалі шмат грошы. А між тым камітэт не меў трывалага, пастаяннага мацунку грашмі ніадкуль. Усё, што ён атрымаў са стараны, — гэта 10 150 рублёў часткамі ад «Союза Городов»¹⁶ і ад «Северопомоши». Не забяспечаны напэўна дастаткамі — калі ўсё ж ткі камітэт здолеў вытрываць і пашырыць сваю помач — дык гэта толькі дзякуючы той працы, якой не пашкадавалі на карысць свайму народу сябрукі аддзела.

Значыцца — працаваць можна! Дзеля таго клічма ўсіх свядомых беларусаў яднацца і працаваць — не пакладаючы рук, каб у гэтыя суровыя і важныя часы, калі, быць можа, ідзе аб увесь далейшы кірунак жыцця нашага краю, каб быў чутны і наш голас — голас маладой Беларусі.

АБ ВЕРЫ НАШЫХ ПРАШЧУРАЎ

Шмат у што верылі русічы. Калі ў хаце вёўся парадак, здавалася ім, што нехта гэтаму непрыкметна пасабляе. І яны з'яўлялі сабе таго нявідзімага памочніка ў постаці хатніка¹ — рупнага, мудрага дзядулькі.

Са ўсіх бакоў абсталі вёску дрымучыя пушчы, глухія лясы. І вяскоўцам здавалася, што тамака жыве лясун² — вялізны, моцны, калматы. Ён кіруе ўсім у лесе, апякуецца над звярыма, пасвіць воўчыя стаі. Не любіць ён, каб заходзілі людзі ў бары: пачне іх путаць, звадзіць, збіваць з дарогі, страшыць, рагочучы, як пугач. Праз тое шмат людзей загінула, заблукаўшыся ў лясах.

А ў рэчках ды азёрах вядзе над усім лад сівабароды вадзянік³. Жыве ён у глыбокім віры разам са сваімі дачкамі — русалкамі⁴. Вясною яны выходзяць з вады і гойдаюцца на галінах дрэваў, распусціўшы свае доўгія валасы, зялёныя, як вадзяныя расліны.

*
* *
*

А калі грывелі грывоты, білі перуны, здавалася нашым продкам, што гэта грывіць нейкі суровы, грозны, узгнваны Бог. Звалі русічы яго Перуном⁵ і святкавалі яго 20-га ліпеня (цяпер святкуюць Ільі-прароку⁶).

Але найбольш за ўсё шанавалі русічы Бога сонца — Хорса⁷. Звычайна, земляробы. Усё галоўнае ў іх быту залежала ад сонца. Калі падыходзіў пералом зімы і сонца павяртала на лета, спраўляліся Каляды⁸. Калі канчалася

зіма, смажылі бліны з маслам і смятанай, святкавалі Масленіцу⁹. Пасля ў красавіку загукалі вясну, спявалі вяснянкі¹⁰. Але найбольш святкавалі сонцу ўлетку, калі яно ўсяго даўжэй і мацней свеціць на небе. Звалася тое свята Купаллем¹¹.

Апроч гэтага, русічы маліліся рожным іншым рэчам і з'явішчам, каторыя іх дзівілі, або спрыялі ім, або страшылі: агню, крыніцам, незвычайным дрэвам і каменням... * Постаці Хорса і Перуна выразалі з дрэва, высякалі з каменя і маліліся прад імі, клалі ім ахвяры, стравы, скуры звяроў, воск, мёд, палатно. Стаялі яны па сёлах, у драўляных бажніцах на відочным месцы або ў гаях. Спаўненнем абрадаў займаліся прыстаўленыя на тое людзі — «жрацы». Калі іх не было, абрады спраўлялі старэйшыя ў вёсцы або ў сям'і. Жрацы слылі ведунамі, намагаліся варажыць, лячыць зёлкамі ды малітвамі да багоў.

Складалі гэткія малітвы ды закляцці і іншыя людзі: млынары — да вадзяніка, каб не шкодзіў ім, стральцы — да лесуна. Перадаючыся з пакалення ў пакаленне, дажылі тыя малітвы аж да нашых часоў; цяпер яны завуцца загаворамі. Таксама ўтрымаліся амаль што не ўсе памянёныя тут святы з іх спевамі ды ігрышчамі. Шмат ёсць і іншых астаткаў веры і абрадаў той пары ў сучасным жыцці. Аглядаючыся на гэтае, лягчэй можна пазнаць, як верылі нашы продкі.

[1916]

* Каля сяла Пярэжыр (Ігуменскага пав. Мінскай губ.)¹² яшчэ нядаўна прыносілі ахвяры (палатно, кужаль, істужкі) двум каменням незвычайнага выгляду.

〈БЕЛОРУССКИЙ БЕЖЕНСКИЙ ПРИЮТ〉

Недавно мне довелось побывать в одном из немногих беженских приютов, где обучение ведется по-белорусски¹. Это — совсем еще новое дело. Начиная с указа царя Алексея Михайловича, предписывавшего жечь книги «литовския печати»², на протяжении двух с лишним веков предпринимаются меры, направленные на подавление белорусской культуры. В сороковых годах прошлого столетия ей был нанесен, казалось, окончательный удар: отменено действие Литовского статута³ — капитальнейшего памятника белорусского права; уничтожена уния⁴, являвшаяся в крае как бы национальной белорусской религией; воспрещено произнесение проповеди по-белорусски⁵; вновь воспрещено печатать белорусские книги⁶, а изданные раньше предписано конфисковывать. Вплоть до «дней свобод»⁷ по-белорусски нельзя было выпускать ничего, кроме этнографических материалов. Для издания самого невинного белорусского произведения приходилось обращаться в заграничные типографии⁸, прибегать к подпольному станку, пользоваться цензурными недосмотрами — выпускать белорусские книги под названием польских, болгарских, белорусские книги называть украинскими. Лишь с 1905 г. белорусы получили некоторую возможность развития своей национальной культуры. Тем интереснее было мне присмотреться к новому шагу их в этом направлении.

Приют помещается в одном из нескольких домов, разбросанных в сосновом бору, недалеко от линии фронта. Отворив входную дверь, попадаю прямо в просторный класс. На стенах — плакаты с крупными надписями, сде-

ланные красками от руки: «Шануй родную мову» и друг. Дальше — спальня с деревянными, наскоро сбитыми «ложками» (постелями), серыми «коўдрамі» (одеялами). Из спальни навстречу нам высыпают дети в белорусских «кашулях» (рубашках), «андараках» (юбках); на многих девчурках характерные белорусские «шнуроўкі» (род корсета) из черного «аксаміту» (бархата) с оторочкой. Кругом звенит белорусская речь, из дальней скамьи неслется знаменитая «Дударская».

Ці не дуда была —
Ух я!

— Тут у нас все белорусское, — поясняет заведующая приютом, облепленная уцепившимися за ее платье малышами. — Учим их по-белорусски, разговариваем по-белорусски, читаем им белорусских писателей, одеваем в белорусские «вопраткі» (платье)...

— А родители детей не против белорусского обучения?

— Что вы! Нет, мы всех опросили, прежде чем начать учење. К нам, наоборот, из других мест стали привозить детей, прослышав, что тут учат по-белорусски. Только приходится отказывать — нет мест. Но недавно приняли одного мальчугана. Привезли его из дальней деревни, нарочно, чтобы в белорусский приют поместить; а оказалось, что он умел читать по-белорусски, успел все буквари одолеть. «Кто же тебя выучил? — А дядька». Махнули рукой, приняли.

— А великорусской грамоте учите их?

— Учим, но только когда они уже привыкнут к белорусскому чтению и письму.

Беру кипу ученических тетрадей. Чистописание с наставлениями вроде: «Не рабі другому, што табе няміла». Диктант, изложение. Общее впечатление таково: по-белорусски дети пишут очень хорошо; если и есть ошибки, то главным образом проистекающие просто из недостатка

внимания: переставлены слоги, пропущены буквы. Иные ошибки явно второстепенные: «звяртаю» написано без мягкого знака после «з», в слове «шепты» следовало бы писать «э» оборотное и т. п. Но это уже тонкости, и на месте учительницы я не стал бы подчеркивать их. Наконец, еще белорусское «дзеканне» является источником частых ошибок. Но дело в том, что великорусскими буквами передать его невозможно. Великорусизмов немного. Точно так же не мешает белорусская орфография великорусской. Букву «и» дети употребляют, например, правильно, хотя по-белорусски есть только «і» (с точкой). Попадающиеся белорусизмы следует отнести за счет не белорусской орфографии, а, скорее, произношения. Вот, например, П. Гаворыца. Она пишет в великорусском диктанте «гразь», «осеньняя», но так уж тут говорят.

— А работам каким-нибудь учите их? — спрашиваю я, кончая перелистывать тетрадь.

— Как же, как же. Но только таким, которые были бы нелишни в крестьянском быту. Мальчики плетут лапти, обувают весь приют, девочки плетут «кошыкі» (корзиночки), если надо — латают порвавшееся платье, вшивают пуговицы. Учим мы вязать, вышивать. Узоры — белорусские. Летом приют находится в другом месте, близ деревни. Там наши подростки ходили на село помогать крестьянам в работе; косили сено, копали картошку, молотили (хлеба). Все, конечно, бесплатно.

В тот же день я видел этих детей при другой обстановке: состоялся сводный вечер, устроенный соединенными силами нескольких приютов.

Половина программы состояла из белорусских вещей. Играли белорусскую детскую пьеску, декламировали белорусские стихи, пели хором. Все проходило средне. Но был момент, действительно, заставивший взволноваться. Издали слышались звуки, смешивать которые ни с чем невозможно. Сидевшие рядом со мной бабы даже при встали.

— Жниво. Жнеи идут.

Сцена и в самом деле изображала «Дажынки»⁹, которые справляют везде на Белой Руси. Все было как у людей. Стоял стол, застланный белой скатертью, на нем каравай. Вышли жнеи с серпами (одетые, как надо в деревне): в ярких «андараках» (юбках), «хустачках» (платках), «кашулях» (рубках)...

[1916]

ГОЛОС ИЗ БЕЛОРУССИИ

*К вопросу о белорусской и великорусской речи
в местной школе*

Закон 1 июня 1914 г. делает возможным открытое существование школ с преподаванием на белорусском языке. Такие школы уже появляются. На очереди — вопрос о более широкой постановке их, о поддержке со стороны земств и т. д. Несомненно, было бы желательным освещение этих начинаний с педагогической точки зрения. Правда, в общем виде значение преподавания на материнских языках в педагогической литературе достаточно разносторонне выяснено и разработано. Но в то же время, к сожалению, соответствующий конкретный материал по многим отдельным народностям почти не затронут и весьма мало известен. Это приходится сказать, в частности, и о белорусах. Краткая заметка, предлагаемая ниже, и имеет своей задачей предоставить в распоряжение читателя некоторый фактический материал касательно тех минусов, которые несет с собою преподавание в белорусской школе на великорусском языке.

Минусов этих много. При обучении по-великорусски из обихода белорусского ребенка вычеркивается масса своеобразных, чисто белорусских слов, образов, оборотов и, следовательно, все связанные с ними живые, ясные и привычные представления и переживания. Это — несомненное оскудение детской психики. Вместе с тем белорусский ребенок встретит длинный ряд никогда не слышанных великорусских слов, образов и оборотов, которые наполняют его психику темными, сбивчивыми, непрочными и во многих случаях совершенно ошибочными представлениями. Грамматические формы, с которыми он будет иметь дело, собьют его в некоторых случаях своим

непривычным употреблением. Будет мешать и отвлекать внимание род довольно значительного количества слов, иной в великорусской речи, чем в белорусской. Стихи будут читаться неправильно, так как слова, употребляемые и белорусами и великорусами, часто имеют различные ударения. Наконец — что мне представляется особенно опасным — есть слова, общие белорусам и великорусам, но имеющие совершенно различное значение.

По каждому из отмеченных пунктов у пишущего эти строки подобран если и далеко не исчерпывающий, но все же сравнительно обширный материал. Однако, стремясь к сбережению места и читательского внимания, я приведу данные лишь по последней из указанных категорий, которая, по моему мнению, заслуживает наибольшего внимания.

Встретив в великорусской книге слово *плот*, белорус истолкует его, как ограду, забор. Слово *ложка* в понимании его будет постель. *Потрава* — пища. *Запомнить* — забыть. *Качка* — утка. *Рок* — год. *Термин* — срок. *Зачинить* — затворить. *Забить* — убить. *Латы* — заплаты. *Устать* — встать. *Заплата* — уплата. *Пас* — пояс. *Люлька* — трубка. *Лист* — письмо. *Казать* — рассказывать. *Застава* — залог. *Спор* — удача, фортуна. *Спорный* — выгодный, удачливый. *Кон* — судьба. *Свариться* — ссориться. *Вар* — кипяток. *Тепло* — огонь. *Година* — час. *Ужо* — уже. *Певун* — петух. *Место* — город. *Час* — время, пора. *Богатырь* — богач. *Мех* — мешок. *Купец* — покупатель. *Краски* — цветы. *Рожа* — роза. *Пара* — пар. *Вихор* — ветер. *Склеп* — погреб. *Жаль* — печаль. *Плечи* — спина. *Пытать* — спрашивать. *Пытаться* — тоже. *Конечно* — непременно. *Болонка* — оконное стекло. *Капелюш* — шапка. *Шнур* — полоса пашни. *Зорька* — звезда. *Свет* — мир. *Бураки* — свекла. *Отказать* — ответить. *Лик* — счет. *Обличить* — подсчитать. *Пыл* — пыль. *Справа* — дело. *Речь* — предмет. *Зажить* — употребить. *Голосовать* — вопить. *Благой* — глупый, плохой. *Мылиться* — ошибаться.

Обмылки — ошибки. *Качалка* — скалка. *Газовый* — керосиновый. *Крышечку* — немножко. *Опалить* — отопить. *Различать* — рассчитывать. *Емкий* — ловкий. *Обточить* — окружить, обшить. *Утекать* — убежать. *Неделя* — воскресенье. *Арбуз* — тыква. *Мазь* — мазь. *Потеха* — утеха. *Потешаться* — утешаться. *Звон* — колокол. *Догонять* — порочить. *Мост, помост* — пол. *Шаг* — шеляг. *Ступа* — походка. *Балка* — овраг. *Квас* — кислота. *Качаться* — валиться. *Колеса* — телега. *Ночевки* — корыто. *Кит* — замазка. *Выгодно* — свободно, просторно. *Прать* — стирать, мыть. *Заборонить* — воспретить. *Гной* — навоз. *Трагить* — терять. *Поливка* — глазировка. *Гроши* — деньги. *Чайка* — лодка. *Полова* — половина. *Половица* — половина. *Свято* — праздник. *Стрельба* — ружье. *Сгубить* — потерять. *Позорный* — приятный на вид. *Слон* — скамья. *Чинить* — делать. *Манить* — обманывать. *Накидать* — навязывать против воли.

Останавливаюсь, выписав сто слов, хотя число их значительно больше. Легко представить себе, какую убийственную путаницу и неразбериху внесет в душевный мир белорусского ребенка любая великорусская книга, начинающая с букваря. Вот несколько самых обиходных фраз: я вошел в лавку, т. е. я вошел в скамью (слово лавка в значении «магазин» по-белорусски не употребляется); по реке плыл плот — по реке плыл забор; мать качала люльку — мать валяла трубку; в бураках — мед, т. е. в свекле мед; он мне отказал — он мне ответил; горячая речь — горячая вещь; я уже различаю Семена — я уже рассчитываю Семена и пр. Подобных фраз без труда можно составить тысячи, и тысячами встречаются они в великорусских детских учебниках и книгах для чтения. Трудно даже приблизительно представить себе, сколько вреда принесет сумятица порожденных ими нелепых представлений, достойная сумасшедшего дома. Одно ясно — то, что предлагать белорусскому ребенку такую книгу — значит давать ему вместо хлеба камень и вместо рыбы змею.

Приведенный материал имеет, конечно, весьма частичный характер. Но в нем, этой малой капле вод, полностью отражается тот вывод, который следовало бы сделать на основании более разностороннего и подробного изучения материала: устраняя белорусскую речь из школы, мы ведем к растрате результатов громадной, многовековой духовной работы целого народа, сбиваем мысль ребенка с привычных психологических тропинок и грубо урезаем его душевный мир; вводя же речь великорусскую, мы ставим на его пути ряд затруднений, заселяем его психику образами мертвенными, неясными и во многих случаях совершенно нелепыми. При таких условиях пользоваться великорусской речью вместо белорусской можно лишь в ущерб ребенку, что в особенности можно сказать о первоначальных ступенях обучения.

[1916]

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНСКОГО БЕЛОРУССКОГО КОМИТЕТА

В сентябре 1915 г. под напором германских сил в Минскую губернию хлынули десятки и сотни тысяч беженцев-белорусов. Громадное большинство из них не имело ни крова, ни куска хлеба и нуждалось в самой безотлагательной помощи. За организацию ее взялся основанный в это время минский отдел Белорусского общества помощи жертвам войны¹.

Прежде всего было необходимо дать беженцам приют и пищу. В конце сентября были основаны три первые бесплатные ночлежки, а через несколько времени еще три. Помещалось в них обычно около 150—200 человек. Одновременно была устроена бесплатная столовая, а вслед за ней — вторая, платная, но с очень скромными ценами, рассчитанная на интеллигентную публику. Впоследствии была открыта еще одна бесплатная столовая.

Средства на столовые выдала «Северопомощь»². Когда же она прекратила свою денежную поддержку, белорусскому комитету пришлось весной 1916 года закрыть обе бесплатные столовые, оставив лишь платную, известную под названием «Белорусской хатки»³. Точно так же пришлось закрыть и три ночлежки.

Помимо этого, комитет оказывал индивидуальную денежную помощь, выдавая небольшими суммами пособия.

Особенное внимание комитет обратил на так называемую трудовую помощь, стремясь предоставить беженцам возможность работать, так как и денежные средства для помощи им были у комитета невелики и сами беженцы в свою очередь стремились к работе, не желая есть даро-

вой хлеб. В качестве общего правила комитет старался предоставить такую работу, которая являлась бы привычной для крестьянина-белоруса.

Начиная с января 1916 г. комитет раздавал лен на пряжу. Ею занималось около 150 женщин. Вместе с тем комитет основал ткацкую мастерскую, где изготовлялись на продажу полотно, полотенца, скатерти и другие изделия с художественными узорами в белорусском стиле.

Кроме того, комитет занялся организацией шитья белья для войска, получив летом 1916 г. заказ на это от земского союза. Здесь нашло себе заработок около 700 женщин. Ими изготовлено до 300 000 штук солдатского белья.

Летом 1916 г. была устроена, кроме того, починочная мастерская военного обмундирования.

Для поднятия как культурного уровня беженцев, так и сельского хозяйства комитет организовал для беженцев в апреле и мае 1916 г. курсы по садоводству, огородничеству и пчеловодству. Курсы продолжались шесть недель, слушателей было 38 человек. Обучение велось по-белорусски. Преподавали г. Русецкий⁴, г-жа Л. Сивицкая⁵ и г. Кривка⁶. По окончании курсов были произведены экзамены.

Видное место в комитетских начинаниях заняло основание белорусского приюта для детей беженцев. В качестве места для приюта было выбрано имение «Карпиловка»⁷, находящееся в 30 верстах от Минска, в живописной и здоровой местности. Там было поселено около 50 детей, надзор за которыми поручили двум воспитательницам: г-же Ванде Левицкой⁸ и г-же Ядвиге Родкевич⁹. Средства на организацию приюта и его трехмесячное содержание были выданы «Северопомощью». Однако по истечении трехмесячного срока «Северопомощь» отказала в возобновлении субсидии. Приют оказался в чрезвычайно затруднительном положении. Несмотря на все усилия, нигде получить денежных средств не удалось. Тогда, про-

держав своими силами приют лишний месяц в деревне, комитет передал его, не видя иного выхода, Всероссийскому земскому союзу¹⁰. Но при этом комитет выговорил себе право взять, когда получит возможность, приют обратно; кроме того, педагогический персонал приюта должен был остаться прежним, обучение — вестись по-белорусски, и вообще приют должен был сохранить белорусский характер. За белорусским комитетом сохранено право опеки над детьми.

Наконец, следует упомянуть о некоторых развлечениях, устраивавшихся белорусским комитетом. Так, в 1915—1916 гг. на рождество была устроена «батлейка»¹¹, тогда же была устроена и елка, на которой побывало 150 детей.

Что касается денежных средств комитета, то они были до крайности невелики, так как ему не удалось, по формальным причинам, получить ассигновки по постоянным сметам. Существовать приходилось на случайные субсидии. Благодаря этому в комитетской работе отсутствовала не только надлежащая планомерность, но даже и простая уверенность в завтрашнем дне, наступали перерывы в работе, приходилось ликвидировать многие начинания и проч. Всего из разных источников комитет получил в общей сложности 26 тыс. ⟨яч⟩ р. ⟨ублей⟩ — цифра, сравнительно весьма небольшая. И если при таких условиях комитет мог все же вести свою деятельность, то это объясняется лишь массою работы, вложенной в дело кружком сплотившихся вокруг комитета лиц.

[1917]

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО 1 ЯНВАРЯ 1917 ГОДА

К осени 1915 г. экономическая разруха, вызванная обстоятельствами военного времени, уже весьма ощутительно сказывалась во всей России. Но для Минской губернии острота экономического положения была до крайности увеличена тем обстоятельством, что под напором германских сил в ее пределы хлынули сотни тысяч беженцев, часть территории была занята неприятелем, а часть находилась в полосе фронта или в непосредственной близости к нему. Ввиду этого «в губернии создан большой недостаток как продовольственных, так и в особенности кормовых средств», а в будущем предвиделось «полное отсутствие посевного материала»*.

Особенно тягостно было положение уездов, находившихся в районе военных действий, т. е. Новогрудского и Пинского, а отчасти Слуцкого и Минского¹. Население их, как указывалось в соответствующем документе того времени, «частью уже совершенно лишившееся всего своего состояния, частью опустошенное наступлением неприятеля, отступлением наших войск и поголовной реквизицией живого инвентаря, фуража и хозяйственных продуктов и за отсутствием каких-либо средств к существованию, осталось в настоящее время на иждивении нашей армии». Далее сообщалось, что на почве недоедания и за отсутствием для оставшихся крова среди населения и в особенности среди беженцев свирепствуют разные эпидемии**.

* Журнал совещания председателей земских управ 14 октября 1915 года.

** См. «Дело» по организации продовольственного дела в губернии.

Что касается всей вообще губернии, то положение ее было обрисовано следующими словами:

«Минская губерния, и в обычное время не богатая запасами фуража и продовольствия, в настоящий момент на большей части своей территории совершенно опустошена и разорена как потоками беженцев и прогоном через губернию громадного количества интендантского, войскового и беженского скота, так и военными действиями оперирующих в губернии войск. Никаких запасов ни продовольствия, ни тем более фуража у населения названной части губернии не имеется и вся сущность продовольственного дела сводится исключительно к снабжению населения привозными продуктами.

Но ввиду близости губернии к фронту и загроможденности прилегающих сюда железных дорог военными грузами возможность доставки продовольствия и в особенности фуража далеко не соответствует потребности губернии. С другой стороны, и распределение получаемых продуктов в пределах губернии, в связи с обстоятельствами военного времени, является сейчас чрезвычайно трудным. То же положение наблюдается и в деле снабжения населения Минской губернии предметами первой необходимости и топливом*.

Таким образом, очередной продовольственной задачей в Минской губернии являлась, собственно, даже не борьба с дороговизной, а просто возможно более широкая доставка продуктов для поддержки разоренного населения. Задачу эту приняло на себя земство.

14 октября 1915 года состоялось совещание председателей земских управ Минской губернии, которое постановило обратиться к военным властям с ходатайством о предоставлении 900 тыс. руб. на ведение продовольственного дела: произвести статистическое обследование

* Доклад уполномоченного по продовольствию в особое совещание от 23 ноября 1915 г.

губернии в продовольственном отношении; объединить продовольственные начинания уездных земств и проч.

Военное ведомство², в свою очередь, было встревожено состоянием губернии. Начальник штаба третьей армии телеграфировал тогдашнему минскому губернатору г. Гирсу: «Местные средства в районе армии приходят к концу. Необходимо в тылу армий устроить особые комитеты, которые ведали бы довольствием местного населения, и организовать регулярный подвоз предметов первой необходимости. Будет поздно, когда начнется голод»*.

Ходатайство совещания председателей управ было встречено военным ведомством благоприятно и 19 октября сделано распоряжение об отпуске минскому губернатору заимообразно 800 тыс. руб. на ведение продовольственной операции. Деньги поступили в распоряжение земства.

Одновременно с этим председатель губернской земской управы был назначен уполномоченным по продовольствию Минской губернии. Благодаря этому продовольственная операция получила еще более точек соприкосновения с работой земства.

9 ноября 1915 года состоялось вторичное собрание председателей земских управ, имевшее организационный характер. Постановлено было учредить губернскую продовольственную комиссию³ в составе членов губернской управы, представителей уездных земских управ, представителей уездных продовольственных комиссий и др. лиц. На губернскую продовольственную комиссию возложена закупка продуктов и распределение их между уездами. Продажа продуктов населению передана уездным продовольственным комиссиям. В пользу губернской комиссии определено начислять 1% на стоимость товаров для покрытия расходов по организации дела и несколько процентов в пользу уездных комиссий. Так как снабжение продо-

* См. «Дело» по организации продовольственного дела в губернии.

вольствием сельского населения было возложено на крестьянские учреждения, то предполагалось, что губернская продовольственная комиссия должна будет сосредоточиться на закупке фуража, сильных кормов, семян и лишь наряду с этим — продуктов первой необходимости.

Немедленно же было приступлено к работе. На третьем совещании председателей земских управ Минской губернии, происходившем 20 декабря того же года, выяснилось, что уездные организации создали уже ряд опорных пунктов в своих районах путем учреждения продовольственных складов, открытия собственных лавок, снабжения товарами магазинов потребительских обществ, сдачи продуктов на комиссионную продажу частным торговцам под небольшой процент и т. д. В таком приблизительно виде эта организация просуществовала за весь отчетный период, усложняясь более количественно, чем качественно.

Губернская продовольственная комиссия не предопределяла способов продажи продуктов населению на местах. В этой области было проявлено много инициативы, создано много разнообразных форм. Минская городская комиссия, например, остановилась на системе бонов. Именно лицам, желавшим приобретать продукты, выдаются, по предъявлении паспортов, именные книжки, в которых отмечаются и все члены семьи. Продукты выпускаются на продажу партиями, и владелец книжки может получить при всяком выпуске пай. Размер последнего зависит от величины партии и должен соответственно изменяться. Для получения каждого пая выдается бон, о чем делается отметка в именной книжке. В боне обозначено количество отпускаемого продукта и стоимость его. Комплект бонов на каждую партию продуктов помечен особою литерою; литеры сменяют одна другую в порядке алфавита. О выпуске каждой новой серии бонов публикуется. Продажа товаров по бонам производится не только из лавок

городского самоуправления, но и магазинами частных лиц, причем последние получают за свои труды 10% стоимости товара.

Бобруйской уездной продовольственной комиссией для продажи сахара принята карточная система. Определен ежемесячный размер сахарного пая на душу и розданы именные книжки с количеством марок, соответствующим числу паев. При отпуске сахара состригается столько марок, сколько продано паев сахара. Кроме лавок уездной комиссии и кооперативов сахар продается и частными торговцами, которые получают его от комиссии и при просьбе об отпуске новой партии обязаны представить количество марок, покрывающее проданный сахар.

Но как бы ни разнились, в частности, способы снабжения жителей продуктами по отдельным местностям, все же имелся ряд черт, придававших этим начинаниям много общего. Так, общей тенденцией следует признать стремление продовольственных комиссий организовать, главным образом, сеть складов, самую же продажу продуктов опереть на энергию частных лиц, по большей части профессиональных торговцев, выдавая им за труды небольшой процент и поставив их под контроль комиссии. Наряду с этим нельзя не отметить стремление связать продовольственное дело с работою местных кооперативов; им предоставлялись некоторые льготы, с особым вниманием относились к их нуждам и т. п. Губернская продовольственная комиссия и, в частности, уполномоченный со своей стороны всемерно поддерживали это отношение к кооперативам, охотно выдавали последним наряды на вагоны и т. п., к сожалению, все это не дало особенно крупных результатов, так как кооперация в Минской губернии развита слабо и не могла явиться достаточно прочной опорой для дела.

Для объединения этой деятельности отдельных земств была создана губернская продовольственная комиссия в составе представителей земских управ, уездных продо-

вольственных комиссий, Минского городского самоуправления и проч. Комиссия функционирует как учреждение постоянное, собираясь два раза в неделю (по вторникам и пятницам) для обсуждения текущих дел. В круг ведения губернской комиссии входит, главным образом, закупка продовольственных продуктов, заботы о доставке их на место и, наконец, распределение по районам. При этом ей постоянно приходится касаться и ряда иных, привходящих сюда вопросов практического характера. Наконец, губернская продовольственная комиссия предварительно обсуждает предметы, поступающие на рассмотрение местного совещания при уполномоченном.

Это последнее учреждение по составу не связано так прочно с земством, как только что описанные организации. Именно оно состоит в значительной степени из представителей различных ведомств; но все же и здесь земский элемент довольно силен, слагаясь из делегатов от уездных и губернских продовольственных комиссий. Участвуют и представители Минского городского самоуправления. Созывается оно по мере надобности, преимущественно для выработки такс и решения некоторых особо существенных вопросов (возбуждение ходатайств перед центральными органами и т. п.). Оно является, как и губернская продовольственная комиссия, лишь совещательным учреждением, и решения его для уполномоченного не обязательны. Однако за все время ведения продовольственной работы в Минской губернии не было случая, чтобы уполномоченный воспользовался этим правом и вошел в комиссию с постановлениями означенных учреждений.

Таким образом, руководителем дела по снабжению губернии продуктами является уполномоченный председателя особого совещания по продовольствию. По Минской губернии таким уполномоченным является, как мы уже отмечали, председатель губернской земской управы Б. Н. Самойленко, а заместителем его был назначен Р. А. Скирмунт.

Согласно «Правилам о местных уполномоченных председателя особого совещания», круг ведения уполномоченных довольно обширен. В него входит выяснение количества продовольственных продуктов, необходимого для снабжения местного населения; выяснение рынков, получение предметов первой необходимости, принятие надлежащих мер к образованию местных запасов продовольственных продуктов; организация, в случае необходимости, распределения предметов продовольствия между местным населением и т. п. Для выполнения этих задач уполномоченный имеет право обращаться за содействием к местным правительственным и общественным учреждениям, должностным и частным лицам, а равно может ходатайствовать перед председателем особого совещания по продовольствию относительно общих и частных реквизиций скота, продовольственных продуктов и фуража, о запрещении вывоза их из пределов губернии; об истребовании у отдельных лиц, частных обществ, товариществ и проч. имеющихся у них помещений для хранения продовольственных продуктов и проч. Однако далеко не всеми этими мерами явилась возможность воспользоваться. Действительно же опорой для деятельности уполномоченного и губернской продовольственной комиссии следует считать предоставление в их распоряжение правительственными органами денежных средств, предоставление им вагонов на внеочередную доставку грузов и снабжение продовольственными продуктами из правительственных запасов — сеянным овсом, сахаром, мукой и зерновым хлебом. Но и здесь встретились затруднения, которые в значительной степени ослабили и уменьшили значение этой поддержки. В результате приходится признать, что благодаря такого рода обстоятельствам, весьма мало зависевшим от губернской продовольственной комиссии, работа последней не могла быть развернута в желательном объеме.

Прежде всего следует указать, что уже в распоряже-

нии денежными средствами губернская продовольственная комиссия чувствовала себя недостаточно свободной. Эти средства слагались из упоминавшихся выше 800 тыс. руб., отпущенных заимообразно военным ведомством, и 900 тыс. р. (ублей), выданных в январе 1916 г. Министерством внутренних дел Минскому губернскому земству на кормовые операции и переданных последним в распоряжение губернской продовольственной комиссии. Но 800 тыс. рублей военного ведомства могли быть потребованы в любое время обратно. Положение комиссии ввиду этого оказывалось весьма нетвердым, и закупки не могли вестись с широкою затратою средств. И в самом деле, к марту месяцу от военного ведомства поступило требование о возврате всей занятой суммы. Выполнить это для комиссии было затруднительно, так как значительная часть полученных ею средств была пущена в оборот. Из них 164 295 р. (ублей), потраченных на закупку фуража, явилась возможность покрыть за счет 900 тыс. руб., предназначенных на кормовую операцию. Но, помимо этого, было затрачено 343 915 руб. на приобретение всяких иных предметов. Для покрытия этого расхода готовых средств не имелось. Поэтому было возбуждено ходатайство в Министерстве внутренних дел о предоставлении Минскому губернскому земству ссуды в 800 тыс. руб., дабы таким образом средства губернской продовольственной комиссии не уменьшились. Однако Министерство сочло возможным отпустить лишь 400 тыс. руб. сроком на 9 месяцев. Заем, произведенный у военного ведомства, был покрыт, но в распоряжении комиссии вместо 1700 тыс. руб. осталось всего лишь 1300 тыс. руб., на которые и пришлось в дальнейшем вести продовольственную кампанию.

Но и эти скромные средства далеко не всегда было возможно использовать благодаря различным затруднениям при закупке и доставке продуктов.

Особенно вредно отражались на деле многочисленные запрещения вывоза продуктов за пределы данного

района. Это сразу сказалось при первых шагах губернской продовольственной комиссии. Именно в 1915 году по 31 декабря ею, а отчасти и уездными комиссиями, было закуплено до 300 вагонов продуктов, а получено за все это время (полтора месяца) только лишь 2 вагона. То же наблюдалось и дальше. В заседании губернской продовольственной комиссии от 18 марта 1916 г. было, например, заявлено, что запрещения вывоза, особенно часто происходящие за последнее время, до крайности тормозят дело закупок и даже делают их совершенно невозможными, причем нередко приходится нести большие убытки, так как пропадают задатки, выданные купцам, тратятся лишние деньги на разъезды агентов и меняются цены на продукты *. «В этом же заседании было постановлено обратиться в особое совещание по продовольствию с ходатайством об освобождении закупок Минской губернской продовольственной комиссии от запрещения вывоза. Ходатайство было оставлено без последствий. Более благоприятный прием встречали неоднократно возбуждавшиеся ходатайства на местах о частичном пропуске тех или иных закупленных комиссией грузов. Однако общее положение вещей от этого мало менялось и закупочная деятельность уполномоченного значительно теряла в своей устойчивости, обеспеченности и планомерности.

Весьма видное место среди затруднений, встававших на пути уполномоченного по продовольствию, занимают всевозможные железнодорожные неурядицы и недочеты. Несмотря на благожелательное отношение управления местной Либаво-Роменской жел. (езной) дор. (оги) к нуждам комиссии и несмотря на присутствие в составе последней лица из железнодорожного мира Э. К. Шотта, устранить все препятствия оказалось невозможным. Так, в самом начале своей деятельности комиссия должна была считаться с отказами ряда районных комитетов

* Постановления губернской продовольственной комиссии.

в предоставлении вне очереди для доставки закупленных ею грузов. С 1 февраля была установлена плановая перевозка с точным указанием железных дорог, категорий и количеств грузов, но тем не менее и после этого встречались случаи отказов выпустить закупленный комиссией груз, значащийся в плане. Кроме того, к осени 1916 года ясно обозначилась тенденция систематически уменьшать количество предоставляемых вагонов. На февраль комиссии было дано 1790 ваг.⟨онов⟩; на март 1600, то же и на апрель, и на май, на октябрь же, например, дано 1150 ваг.⟨онов⟩, на ноябрь 1122, а на декабрь всего лишь 937 *. При подобном сокращении числа вагонов единственно возможным являлось получение грузов, закупленных агентами комиссии, и приходилось почти совершенно прекратить выдачу нарядов частным лицам, энергия и инициатива которых являлась существенным подспорьем в деле снабжения губернии продуктами. Устранение этой поддержки, несомненно, явилось только минусом и ни в какой степени не могло быть признано желательным.

Среди многих иных затруднений в сфере железнодорожных перевозок следует указать еще на предоставление вагонов в тех местностях, вывоз продуктов откуда невозможен. Так, в ноябре месяце Минскому уполномоченному было предоставлено по плану 370 ваг.⟨онов⟩ Юго-Западных жел.⟨езных⟩ дорог и 50 ваг.⟨онов⟩ Южных подъездных путей. В тоже время состоялось воспреещение вывоза хлебов и фуража из всего этого района (правобережье Днепра), снабжающего Минскую губернию прежде всего хлебом. В результате из небольшого количества вагонов, предоставленных на этот месяц уполномоченному, 420 ваг.⟨онов⟩, то есть почти половина общего их числа, остались неиспользованными.

* Количество это в январе было уменьшено еще почти на 200 вагонов.

Недостаток вагонов мог бы отчасти компенсироваться широким развитием водных перевозок. Но Днепровский порайонный комитет по водным перевозкам обратился по этому поводу в комиссию лишь к июню месяцу, когда местные речки уже начинают мелеть. Ввиду этого воспользоваться сколько-нибудь значительными водными путями не пришлось и по ним был получен осенью 1916 г. лишь сахарный недогруз. Между тем комиссией с своей стороны было заблаговременно обращено внимание на необходимость использования водных перевозок: так, еще 3 февраля 1916 г. было возбуждено комиссией ходатайство о предоставлении ей некоторых льгот при такого рода перевозках. Точно также возбуждался этот вопрос и в заседании комиссии от 18 марта 1916 г.

Снабжение комиссии продуктами из запасов правительственных органов, при всей желательности и настоятельной необходимости, совершалось не без серьезных трений, иногда ставивших продовольственное дело губернии в крайне затруднительное положение.

Так, весной 1916 г. губернской продовольственной комиссией было выполнено столь крупное и столь необходимое предприятие, как снабжение губернии сеянным овсом. Всего его было затребовано 1050 вагонов, но продовольственный отдел Министерства внутренних дел назначил к отправке в Минскую губернию 1356 вагонов. Ходатайство губернского земства о сокращении числа вагонов не было удовлетворено, так что в Речице и Хойниках скопилось до 300 вагонов лишнего овса.

Снабжение губернии сахаром из запасов «Центросахара» долго не налаживалось, стоило многих хлопот, но окончательно установилось лишь осенью 1916 г. Между тем первый заказ «Центросахару» был сделан уполномоченным еще 1 февраля. Однако проходили месяцы, а не получалось ни пуда рафинада или песка. Частные же торговцы получали сахар десятками вагонов и, видя признаки надвигающегося сахарного голода,

начали взвинчивать цены⁴. Все телеграммы и ходатайства уполномоченного о скорейшей высылке сахара не приводили ни к чему, если не считать разрешения производить самостоятельно реквизиции прибывающего сахара у частных торговцев, без исходатайствования на это в каждом отдельном случае разрешения председателя особого совещания в Петрограде. И в дальнейшем доставка в губернию сахара все не налаживалась. На июнь и июль была назначена норма в 134 вагона, но поступали они со значительными промедлениями, и в конце концов получился недогруз. Прошел август, а недогруз все еще не был покрыт, как не был доставлен и сахар за май. Чтобы избежать сахарного голода, Минская городская, а равно и некоторые уездные продовольственные организации начали выдавать наряды на сахар частным торговцам, обещая уступить им часть груза, если сахар будет доставлен. Некоторые организации делали это, в обход закона, без ведома уполномоченного самостоятельно входя в сношения с киевским сахарным бюро. Но эти операции явились источником ряда нежелательных явлений и вскоре были оставлены. Для урегулирования сахарного вопроса в Киев выезжала делегация в составе Р. А. Скирмунта и С. Я. Гордзялковского, а вместе с тем был заведен в Киеве особый агент для надзора за этим делом. В результате осенью 1916 года сахар пошел вполне аккуратно и планомерно, недогруз был доставлен водными путями и удалось даже образовать некоторый запас.

Наконец, с большими трениями шло и дело такого исключительного значения, как плановое снабжение губернии хлебом из запасов, образованных уполномоченными по продовольствию районов, изобилующих хлебами. Так, например, из Херсонской губернии в распоряжение Минского уполномоченного было предоставлено 200 тыс. пудов пшеничной муки на ноябрь месяц и столько же на декабрь плюс 100 тыс. пудов ржи. Но херсонский

уполномоченный по продовольствию гофм. (ейстер) Гербель категорически отказался выполнить плановые назначения. Начались затяжные хлопоты, так как отказ в доставке полумиллиона пудов хлеба грозил губернии серьезными последствиями. Управляющий делами особого совещания по продовольствию с. (татский) с. (ответник) Гаврилов обратился к г. Гербелю по телефону с усерднейшей просьбой доставить назначенное количество муки. Г. Гербель, однако, остался при прежнем решении. Тогда председатель губ. (ернской) земск. (ой) управы Б. Н. Самойленко обратился в Петрограде с личным ходатайством к с. (татскому) с. (ответнику) Гаврилову, прося обратить внимание на создавшееся положение вещей. Было обещано выяснить вопрос в беседе с Гербелем, имевшим прибыть в Петроград. Но и после беседы гофмейстер Гербель не счел возможным выполнить для Минской губернии наряд. В декабре с. (татский) с. (ответник) Гаврилов известил телеграммой, что с Гербелем вновь сделаны сношения. Однако и эти сношения не повели ни к чему. Из предназначавшихся от него для Минской губернии 500 тыс. пудов хлеба не было получено ни пуда, и только специально командированному агенту продовольственной комиссии г. Пониквицкому удалось путем личных хлопот в канцелярии гофм. (ейстера) Гербеля исходатайствовать 50 тыс. п. (удов) ржи.

Имелся ряд и иных затруднений и недочетов, сильно тормозивших дело, но рамки настоящего обзора не позволяют остановиться на них.

При таких условиях продовольственной комиссии приходилось рассчитывать прежде всего на свою энергию и инициативу. Необходимо было создать достаточно гибкую закупочную организацию, иметь известный кадр опытных агентов и проч. Губернская продовольственная комиссия с первых же шагов своей деятельности стала на этот путь. Она отправляла своих членов и сотруд-

ников на места хлопотать о разрешении вывоза грузов, о снятии реквизиций, поручала им наблюдать за своевременной погрузкой и отправкой продуктов, делать закупки, собирать необходимые сведения о состоянии рынка и т. п. Так, неоднократно командировались секретарь губернской комиссии агроном г. Неклепаев, А. К. Говорко, А. О. Гурович, г. Константиновский и проч. Не ограничиваясь этим, губернская продовольственная комиссия пригласила к себе на службу несколько агентов специально по закупке и отправке продуктов. Так, за правильностью снабжения губернии сахаром наблюдает киевский агент, г. Гейбович; хлебными грузами занят преимущественно г. Ляндрес (Таврическая губ.⟨ерния⟩⁵); широкую разъездную деятельность ведет агент из г. Харькова г. Вилейко. В нужных случаях комиссия привлекала на время к работе и некоторых иных лиц. Так, в конце 1916 г. ею был отправлен на юг прис.⟨яжный⟩ пов.⟨еренный⟩ г. Пониквицкий, которому поручили ускорить отправку муки из Таврической губ., а равно предпринять соответствующие шаги у херсонского уполномоченного гоф.⟨мейстера⟩ Гербеля к доставке им для Минской губернии предназначенной ей по плану муки и ржи. Наконец, в особо ответственных случаях комиссия поручала своим представителям отстаивать и выяснять ее нужды путем личных ходатайств, избирала с тою же целью депутации и проч.

Благодаря этому деятельность комиссии все больше крепла, расширялась и общее количество закупленных ею продуктов достигло к 1 января 1917 г., как видно из прилагаемого денежного отчета, на 573 4840 р.⟨ублей⟩ 66 к.⟨опеек⟩. Другими словами, за отчетный период ее денежные средства обернулись около четырех раз — цифра исключительная, если принять во внимание, что далеко не всегда представлялась возможность пустить имеющиеся суммы в оборот; что далее благодаря целям и характеру своей деятельности губернская

продовольственная комиссия зачастую должна была образовывать запасы, воздерживаясь от немедленной распродажи всего товара и т. п.

Наиболее крупным потребителем закупаемых губернской продовольственной комиссией продуктов явился Минск, что вполне понятно, как ввиду значительности его населения, сильно возросшего за последнее время до 200 т. (тысяч) жит. (елей), кроме войск, так и ввиду несомненно повышенной нужды такого города в привозных продуктах*. Всего Минской городской комиссии по удовлетворению насущных нужд города отпущено продуктов на 1 124 320 р. (ублей) 97 коп. (еек). Следующее место занимает Бобруйская уездная продовольственная комиссия, получившая их на 665 374 р. (убля) 23 к. (опейки). Столь крупная цифра объясняется не только широким размахом организационной продовольственной деятельности комиссии, но и тем, что ей отчасти приходится снабжать продуктами и жителей самого г. Бобруйска, хотя в последнем имелась городская продовольственная комиссия, получившая правительственную ссуду на ведение продовольственной операции. Далее следует Игуменская⁶ продовольственная комиссия, которой отпущено продуктов на 577 163 р. 62 к., Минская — 557 992 р. 71 к., Борисовская — 507 005 р. 97 к., Слуцкая — 467 095 р. 04 к., Пинская — 465 750 р. 71 к., Мозырская — 441 681 р. 02 к., Речицкая — 414 181 р. 74 к., Новогрудская — 383 412 р. 96 к.** Таким образом,

* Известную роль играли препятствия и при закупке продуктов, испытываемые порой городским самоуправлением, которому было отпущено на ведение продовольственной операции 300 тыс. руб. Так, в сентябре 1916 г. председателем Минской городской комиссии было заявлено, как видно из протоколов губ. (ернской) прод. (овольственной) ком. (иссии), что дела их находятся в состоянии полного расстройтва.

** Для Вилейского и Ошмянского уездов Виленской губ.⁷, с лета 1916 г. порученных в продовольственном отношении ведению Минского уполномоченного, отпущено продуктов на 105 625 р. 48 к.

продукты распределялись по уездам равномерно, некоторые же отклонения от основной средней линии зависели от особенностей местных условий, как, например, у Бобруйской уездной продовольственной комиссии. Сравнительно скромная цифра продуктов, отпущенных в Новогрудский уезд, объясняется тем, что большая часть его территории осталась в руках неприятеля и количество населения значительно уменьшилось.

Вся эта масса закупленных продуктов совершенно отчетливо распадается на несколько основных групп, вне которых остается лишь весьма небольшое количество товара. При этом вполне ясно обозначается, что продовольственной комиссии, предполагавшей первоначально сосредоточиться на закупке фуража, сильных кормов и семян, пришлось принять на себя дело неизмеримо большего значения и трудности. Именно на нее легло снабжение губернии продовольствием, так как не было ни одной организации, которая могла бы взяться за это.

Естественным мерилom, определяющим размеры ввоза того или иного продукта массового потребления, является величина производства его в самой губернии. Ввозом, очевидно, необходимо покрыть лишь разницу между потребностью в продукте и местными запасами его. Этим и объясняется то обстоятельство, что наиболее крупные денежные затраты произведены на закупку сахара, продукта, потребность в котором должна быть полностью удовлетворена ввозом, так как сахароварение в губернии не существует. Суммы, затраченные на сахар, превышают даже расходы на хлебные продукты, выражаясь в следующих цифрах:

Закуплено сахару рафин.	на	1.604.296	р.	61	к.
—»—	—»—	песку —»—	1.475.985	—»—	44—»—
—»—	—»—	пудры —»—	6.793	—»—	80—»—
—»—	—»—	патоки —»—	18.360	—»—	66—»—
<hr/>						
Итого	3.105.436	р.	51	к.

Значение сахара как предмета массового потребления вряд ли требует особых пояснений; уже одно исключительное по своей напряженности внимание населения к вопросу о подвозе сахара или хотя бы тревога, ясно сказывавшаяся при всяком появлении признаков недостатка его, определенно указывают, насколько деятельность комиссии шла в данном случае навстречу потребностям населения. Следует только добавить, что снабжение губернии сахаром перешло в руки комиссии лишь с лета 1916 г. Этим и объясняется то обстоятельство, что на сахар за весь отчетный период было затрачено всего лишь три с небольшим миллиона рублей. Между тем, считая на душу населения всего лишь один фунт сахара в месяц, получим, что месячная норма потребления сахара в губернии составляет 74 тыс. пудов. Таким образом, ежегодный расход на него должен достигнуть 8 миллионов рублей.

Непосредственно вслед за сахаром по величине затраченных на приобретение их сумм идут хлебные продукты. Ввиду основного значения их в деле питания населения представлялось в высокой степени необходимым выяснить, хотя бы в приблизительных цифрах, размеры ввоза на каждый месяц, нужного для губернии. Ввиду этого в сентябре 1916 г., когда урожай был снят, губернская продовольственная комиссия произвела соответствующий опрос уездных земств; помимо сведений, относящихся к ржаной и пшеничной муке и зерновому хлебу, пришлось доставить также и сведения о количестве различных круп, кормов и фуража, необходимых по ввозу. Анкета прошла вполне удачно и дала цифры, которые явились руководящим материалом для определения размеров дальнейших закупок губернской продовольственной комиссии.

Что касается самой закупки хлебов, то она дала по 1 января минувшего года следующие результаты:

Закуплено пшеничной муки на	1.028.497	р.	08	к.
—«— муки ржаной обыкн. на	30.256	—«—	20	—«—
—«— —«— обойн. на	13.073	—«—	89	—«—
—«— —«— пеклев. —«—	5.074	—«—	50	—«—
—«— ржи в зерне —«—	5.252	—«—	—	—
<hr/>				
Итого	1.082.153	р.	67	к.

Последняя сумма почти целиком приходится на расходы по закупке пшеничной муки, так как пшеницей губерния значительно беднее, чем рожью, а спрос на пшеничный хлеб ввиду требований на него и со стороны войск и со стороны многочисленного приезжего элемента (служащих союзов⁸, Северопомощи⁹ и проч.) очень велик. Быть может сыграло здесь некоторую роль и сравнительно значительное количество денег, находящихся в руках у местного населения, благодаря чему оно могло частично увеличивать потребление пшеничного хлеба за счет потребления хлеба ржаного.

Но и закупленное количество пшеничной муки не могло удовлетворить всего спроса со стороны населения. Комиссия сделала в этом отношении все, что могла; о том же, почему достигнутые его результаты явились меньшими, чем это было желательно, — указывалось выше.

Закупки круп в таких же условиях, что рассчитывать на сколько-нибудь крупные результаты явно не приходилось. В целом ряде районов запасы крупы были до дна вычерпнуты интендантством, в других районах непреодолимой преградой являлись запрещения вывоза. Неоднократно возбуждавшиеся уполномоченным по продовольствию ходатайства об установлении районов снабжения Минской губернии крупой не привели ни к чему. Но все же и при этих условиях губернской продовольственной комиссией было закуплено различных круп на 229.327 р. 26 к., а именно:

Пшена на	28.531	р.	26	к.
—»— толченого на	90.810	—»—	74	—»—
Перловой крупы —»—	44.648	—»—	67	—»—
Ячневой —»— —»—	27.370	—»—	60	—»—
Гречи на	37.966	—»—	05	—»—

Следует добавить, что, изыскивая какой-либо выход из создавшегося положения, губернская продовольственная комиссия остановилась, в частности, на мысли усилить ввоз ячменя, с тем чтобы обдирать последний на крупу, пользуясь местными мельницами: но затруднения с доставкой ячменя не позволили осуществиться этому плану.

Среди остальных продовольственных продуктов, закупаемых комиссией, видное место занимают рыба и жиры. Рыбы приобретено всего на 769.344 р. 36 к., причем куплено:

Сельдей на	276.982	р.	68	к.
—»— пузанок на	343.912	—»—	40	—»—
Воблы на	148.449	—»—	28	—»—

Столь значительное количество рыбы, заготовленной впрок, приобретено ввиду того, что благодаря своей дешевизне она является одним из наиболее распространенных продуктов потребления для широких масс, особенно во время поста.

Что касается жиров, то закупка их была продиктована крайней дороговизной в губернии коровьего масла, а также несомненным недостатком его ввиду сильной убыли скота.

Было приобретено:

Масла подсолнечного на	99.249	р.	12	к.
Сала свиного на	12.046	—»—	53	—»—

Итого на 111.295 р. 65 к.

Багдановіч Марья Ягорайна

Багданович Ягор Лук'янович

Мякота Аляксандра Апанасаïна

*На магіле Максима Багдановича, 1924
(злева направа: А. Вольны, У. Дубоўка, А. Александровіч)*

*Святкування 100-годдя
Максіма Багдановіча, 1991*

Літаратурны музей Максіма Багдановіча ў Мінску

Помнік Максиму Багдановічу. Скульптар С. Вакар

*Хата ў Мінску ў Рабкорайскім завулку
(былая вуліца Мала-Георгіеўская), дзе ў 1916—1917 гг.
жыў Максім Багдановіч*

Наконец, следует остановиться еще на операциях по закупке фуража и сильных кормов. Эти операции первоначально предполагалось выдвинуть на первое место, но, как уже указывалось, центр тяжести сам собою переместился на иные продукты. Однако одною из основных задач губернской продовольственной комиссии являлось возможно большее расширение фуражных операций и, как свидетельствуют протоколы ее заседаний, этой цели она никогда не упускала из вида и положила для достижения ее немало усилий. Особенное внимание было обращено ею на закупку сильных кормов (жмыхов и отрубей), в которых ощущалась большая необходимость. В Минской губернии существует сравнительно много экономий с высокой сельскохозяйственной культурой, в которых употребление концентрированных кормов — заурядное явление. Нередко оно и в более мелких хозяйствах. Насколько велика и настоятельна была потребность в этого рода продуктах, показывают бесконечные просьбы едва ли не из всех уездов о доставке хотя какого-либо количества жмыхов или отрубей. Но почти повсеместные запрещения вывоза позволяли осуществлять закупочные начинания комиссии далеко не в той мере, в какой это было бы желательно. Возбуждались ходатайства о снятии по отношению к закупкам комиссии запретов, но это не увенчалось успехом. Оставался единственный выход — просить об установлении района снабжения Минской губернии кормами. Надлежащие представления делались (в частности — управляющему делами особого совещания по продовольствию с.〈татскому〉 с.〈оветнику〉 Гаврилову), но это не дало никаких последствий. Но при всем том губернской продовольственной комиссией корма хотя и с большими усилиями, но все же покупались и в общей сложности на них было затрачено 319.959 р. 56 к., причем закуплено:

Жмыхов на	112.225	р.	84	к.
Отрубей пшеничных на	109.837	—»—	80	—»—
Ячменя корм. на	62.024	—»—	42	—»—
Овса прост. на	1.785	р.	98	к.
—»— черн. —»—	824	—»—	55	—»—
Сена на	32.260	—»—	97	—»—

Остальные группы закупленных продуктов менее существенны. Что касается крупной операции по снабжению губернии сеянным овсом, то по данному вопросу представлен отдельный доклад.

Имеющиеся в денежном отчете цифры не дают сведений о ходе продовольственных закупок по месяцам. Подведены лишь итоги продовольственной операции, но нет материала для картины ее роста. А между тем дело развивалось, находило все новые и новые опорные точки, становилось одним из основных рычагов местной жизни. Круг лиц, подлежащих попечению уполномоченного по продовольствию, все расширялся. В его ведение летом 1916 г. были перечислены Вилейский и Ошмянский уезды Виленской губ. На него возложено снабжение мукой железнодорожного населения и проч. Вместе с тем росли и размеры закупок. Осенью 1916 г. они получили мощный толчек благодаря урегулированию доставки сахара и установлению планов снабжения губернии мукой и зерном. Вместе с тем все более широкий размах приобретали и закупки других предметов. Так, на крупную сумму закуплено норвежских сельдей и проч. Этот рост дела, добиться которого пришлось ценой предварительных многомесячных усилий, лишь с большим трудом можно было поддержать при тех денежных средствах, которыми обладала комиссия. А между тем истекал срок для возврата девятимесячной правительственной ссуды в размере 400 тыс. рублей. Ввиду этого было возбуждено ходатайство об отсрочке возврата, так как иначе живое дело могло быть подсечено в корне. Отсрочка была дана. Но операции продолжали тенденцию

к дальнейшему росту, развивались, расширялись и требовали введения новых денежных средств. В результате наметился вопрос об увеличении вложенных в продовольственное дело сумм и выросал вопросом очередным, требовавшим разрешения в ближайшем же будущем.

Таково было положение закупочного дела к 1 января 1917 г.

*

*

*

В тесной связи с закупочными операциями находится и борьба комиссии против роста дороговизны. Ставя себе задачей концентрацию продовольствия и распределение его на местах, комиссия, выпуская на продажу крупные партии продуктов по умеренным ценам, одним уже этим значительно содействовала замедлению роста цен и обузданию спекуляции. Однако, далеко не всегда имея в своем распоряжении достаточное количество нужных продуктов, она часто не могла оказать необходимого давления на рынок. Ввиду этого ей приходилось обращаться к некоторым подсобным средствам: среди них наиболее видное место заняло издание такс.

Эти последние издавались и ранее некоторыми органами общественного самоуправления — Минской городской управой, Борисовской городской управой и проч. Но устанавливаемые ими таксы имели, главным образом, справочный характер, просто указывая существующую среднюю цену на данный товар. В зависимости от этого они возобновлялись, например, Минской городской управой через две недели, чтобы в них могло быть отмечено движение цен.

Совершенно иной характер имели таксы, вырабатываемые под руководством уполномоченного по продовольствию. Именно целью их являлось отнюдь не указание существующих цен, а введение этих цен в должные границы.

Таксы, издаваемые уполномоченным, предварительно обсуждаются в губернской продовольственной комиссии, а затем поступают в местное совещание и, по одобрении их уполномоченным, идут на утверждение г. начальника губернии. Первое заседание губернской продовольственной комиссии, посвященное таксам, состоялось 7 мая 1916 г., когда обсуждался проект таксы на продукты по г. Минску; 26 мая выработаны таксы по г. г. Борисову и Бобруйску; это — начало широкой работы по таксировке продуктов, которая, непрерывно развиваясь, шла все лето и всю осень 1916 г.

При установлении такс исходной точкой служили мотивированные проекты их, представляемые местными земскими и городскими самоуправлениями. Для большей ясности в освещении попутно возникающих вопросов уполномоченный прилагал усилия, чтобы в заседании губернской продовольственной комиссии имелись представители тех местностей, для которых выработываются таксы. Иногда приглашались для дачи некоторых пояснений специалисты по данной отрасли производства, как это было, например, при установлении таксы на спички. Следует отметить и то, что губернская продовольственная комиссия, открывая свою таксировочную деятельность, с самого же начала стремилась к единообразию общего плана такс и к возможной согласованности их ставок. Это являлось несомненным плюсом, особенно если принять во внимание всю пестроту и разноголосицу издававшихся ранее такс.

Наиболее крупную роль в этой отрасли работы сыграли заседание 18 августа, на котором проведены по одному плану таксы для целого ряда уездов, такое же заседание 21 сентября, где выработаны таксы для нескольких городов и, наконец, завершившее всю эту деятельность заседание от 5 октября, давшее 14 взаимно согласованных такс для отдельных городов и уездов губернии. Были сделаны шаги, чтобы эти заседания собрали, по

возможности, достаточное количество представителей с мест, что и удалось в известной степени достигнуть. В результате работы этих заседаний для всей территории губернии были созданы по общему плану, приспособлены к условиям местного рынка и координированы между собой таксы едва ли не на все основные продукты потребления. В дальнейшем оставалось лишь пополнять эти таксы или проводить в них частичные изменения. Основная работа оставалась позади.

Руководящим принципом этой работы служило исчисление себестоимости продуктов, к чему прибавлялись, кроме того, провозная плата, обычный процент торговой прибыли и некоторых других. Таким путем определялась нормальная рыночная цена продукта, вполне применимая в торговом обороте, и на уровне ее устанавливалась такса. Все, что взималось сверх этого уровня, являлось спекулятивной прибылью. Особенной тщательностью отличалось определение себестоимости продуктов, когда вырабатывалась такса на рожь. Для выполнения этой работы в губернской продовольственной комиссии был подготовлен соответствующий материал, собраны фактические сведения; затем установлению таксы на рожь были посвящены два заседания местного совещания при уполномоченном.

Несмотря, однако, на возможную тщательность, проявленную при выработке такс, последние не оправдали возлагавшихся на них надежд. Основной причиной этого являлась, несомненно, необеспеченность уполномоченного достаточным запасом продуктов, на которые устанавливалась такса. Она только в этом случае могла войти в жизнь и содействовать понижению цен, если одновременно с изданием ее было бы выпущено уполномоченным на рынок достаточное значительное количество данных продуктов по установленной таксой расценке. Более того — необходимо, чтобы в случае надобности этот выпуск продуктов мог иметь длительный характер

и сломить упорство торговцев, задерживающих продажу товара с целью сбыть его впоследствии по взвинченным ценам. Однако это неперемное условие часто отсутствовало, продукты поступали в руки уполномоченного не всегда достаточно планомерно и не всегда в нужном количестве, а потому оказать известное воздействие на рынок путем выпуска их на продажу по большей части оказывалось невозможным. А при таких условиях такса оставалась мертвой буквой или даже, быть может, вела в некоторых случаях к исчезновению товара и дальнейшей продаже его по спекулятивным ценам.

Имелись и иные причины, более частного характера, лишавшие таксы практического значения. Например, вычисляя стоимость продуктов, губернская продовольственная комиссия исходила из данных исключительно легальных — такс, твердых цен, законной стоимости провоза и т. д. Но фактически торговец сплошь и рядом закупал продукты не по таксе, а по рыночной цене, ввозил его в губернию со значительной надбавкой к установленной стоимости провоза и уже не мог продавать безубыточно товар по таксе, несмотря на правильность исчисления последней.

Помехой служили и многие твердые цены, устанавливавшиеся в противоречии с условиями местного рынка. Выработанные на основе таких цен таксы были с самого начала явно обречены на бездействие, но должны были приниматься местным совещанием, так как руководство для него твердыми ценами обязательно.

Что касается иных средств борьбы с дороговизной, помимо такс, то они не были предоставлены в распоряжение Минского уполномоченного по продовольствию. Одним из таких наиболее могущественных средств является, несомненно, запрещение вывоза продуктов. Получив сведения, что из южных уездов Минской губернии идет массовый вывоз коровьего масла в г. Киев по 3 рубля за фунт, в то время когда на месте

стояла цена в 1 р. 50 к. — 1 р. 60 к. за фунт, уполномоченный обратился в особое совещание по продовольствию с ходатайством о запрещении вывоза масла из пределов Минской губернии. Однако ходатайство было отклонено, вывоз масла продолжался, и через несколько времени цена на него в Минской губернии дошла до 3 руб. за фунт.

Точно так же не давало достаточной опоры в борьбе с дороговизной и право реквизиции продуктов в том узком объеме, в котором оно было предоставлено уполномоченному. А при таких условиях сделать в данном направлении больше того, что было выполнено, вряд ли представлялось возможным.

[1917]

〈УЛАСНАРУЧНЫ ЗАПІС М. БАГДАНОВІЧАМ АФАРЫЗМАЎ І АСОБНЫХ МОЎНЫХ ВЫРАЗАЎ〉

Прислониться к чужому мнению (мое).

Лакей, похожий на румынского министра (Б. Садовский¹).

Рассказывает особым **достолюбезным** тоном (Б. Садовский).

Но критика — не геральдика (Ю. Энгель², дав очерк предшеств. композитора).

Говоря между нами, я парень не глупый (Б. Садовский)

Стрелы посыпались, как апрельский дождь («Тристан и Изольда»³).

Ваше сердце поступает правильно: оно бьется и любит (М. Кузмин⁴).

Ожирение сердца (мое).

Мой стакан мал..., но я пью из чужого стакана (О. Л. Д'ор⁵).

Женатый рад лишь в день своей свадьбы и похорон жены.

Попросите вашу маму, чтобы она не давала вам денег на почтовые марки (А. Аверченко⁶).

Жребий, отмеченный черной чертой.

Я белым камнем отмечу этот день (Катулл⁷).

Я заперла вас в своем сердце, а ключик от него потеряла, и вам оттуда не выйти (нем. поэзия).

Брови чернее, чем разлука с вами (М. Богдан.〈ович〉).

[Нечытэльна], белее февральского снега («Трист.〈ан〉 и Изольда»).

Здравствуй, богиня с густыми ресницами, милой улыбкой (гимн Гом. Ленер⁸).

Мажорно настроенный ребенок (мое).

Лежачего не бьют, — а вы бьете — и не краснеете
(М. Богдан.).

Старые мысли — словно остывшее позавчерашнее кушание.

Мысли [закрэслена]. Женщины, словно пирожки, хороши горячими (мое).

Переводы стихов — словно женщины; если красивы — то неверны; если верны — то некрасивы (нем. пословица).

Горяченькая моя.

[Нечытэльна] — словно плод, переполненный соком, надтреснул.

Глаза остановились, как незаведенные часы.

Пробило не то час, не то — половину второго
(М. Кузмин).

Было все очень просто, было все очень мило (И. Северянин⁹).

Новаторы до Вержболова:

Что ново тут — то там не ново

(Хлебников¹⁰).

Вот как борются страх божий со страхом перед Михайловским.

Генеральное размежевание.

Неправильности украшают речь, как плевки мостовую.

Выкормленный старческий смешок (Маяковский¹¹).

Калоши и полит. споры — оставляйте за дверями.

Лицемерие — это дань, которую порок платит добродетели.

Черта можно прогнать только чернилами.

Но только страстное прекрасно

В тебе, мгновенный человек!

(Брюсов¹²).

Стратегическое озорство (Оглин¹³).

Паспорт это, или книжка ссудосберегательной кассы? (Жаботинский ¹⁴).

Ноту «тянет-потянет, вытянуть не может» (М. Богданович).

Алаберный человек (см. безалаберный, Михай ¹⁵).
Вы ляжете, и Ваши ангелы закроют себе глаза белыми крыльями.

Ночное солнце — страсть (Брюсов).

Предрассудок — он обломок давней правды (Баратынский ¹⁶).

Микроструктура (Горнфельд ¹⁷).

Этикетка, ярлык, штамп, клеймо.

Проходимец, сволочь, бродяга.

Когда вы перебираете четки, то молитесь, конечно за человека, убитого вашими взорами, или за самого убийцу (Исп. поэт XVII стол.).

Она прошла вдали — бесстрастная,
Но возбуждающая страсть

(Брюсов).

Женщина без ребенка — словно колос без зерна; велика ли цена такому добру — знаете сами (М. Богданович).

Словесный орнамент.

Дамское рукоделье (о произв. <едениях> женщин).
Мое.

Нерукотворный (о ребенке). Мое.

Библиофаг.

Жучок-книгоед.

Абевегия (наука) (Михайловский ¹⁸).

Гамлетизированный поросенок.

Завинить.

Человек, у которого вся душа — на кончике языка (М. Горький ¹⁹).

Рыцарь из-под черной звезды.

Вошло в железный инвентарь науки (Пешехонов²⁰).
Живет без заранее обдуманного намерения (М. Горь-
кий).

Не твое дело! Неделikatно говорить о своих делах
(О. Уальд²¹).

Некоторые вещи как дыни (антоновские).

〈УЛАСНАРУЧНЫ СПІС ТВОРАЎ М. БАГДАНОВІЧА,
НАПІСАНЫХ ІМ НА РУСКАЙ МОВЕ
І НАДРУКАВАНЫХ У РОЗНЫХ РУСКІХ
ПЕРЫЯДЫЧНЫХ ВЫДАННЯХ〉

- 1) Народное образование. Н. Б. «Сев. кален.» 1912 г. ст-я¹.
- 2) «***Ах, как уютно...» М. Б-вич. «Сатирикон» 1912 г. № 30. Стих.²
- 3) Городская любовь. М. Б-вич. «Сатирикон» 1912 г. № 46. Стихотв.³
- 4) «***В горячем споре...» М. Б-вич. «Сатирикон» 1912 г. № 49. Стихотв.⁴
- 5) Купидон. М. Б. «Сев. газета» 1913 г. № 36. Стихот.⁵
- 6) С. Д. Дрожжин. М. Богданович «Голос» 1913 г. № 284. Статья⁶.
- 7) Крестьянин-поэт С. Д. Дрожжин. М. Б. «Сев. газета» 1913 г. № 42. Заметка⁷.
- 8) Роман Тристана и Изольды. М. Богданович «Голос» 1913 г. №. Рецензия⁸.
- 9) Мадонна. М. Богданович «Голос» 1913 г. № . Рассказ⁹.
- 10) Соврем¹⁰.
- 11) Притча о васильках. М. Б. «Северная газета» 1914 г. № 1. Рассказ¹¹.
- 12) Древний Вавилон. М. Богданович «Голос» 1914 г. № 3. Рецензия¹².

DUBIA

НЕ ЖАЛАСЦІ, А ПРАЎДЫ!

Не плакаць толькі, не раніць болькі,—
Болькі, якую нядоля дала.

Я. Купала

Цяжкое наша жыццё, горкая наша доля.

Ад веку забітыя, ад веку загнаныя, без навукі, без свету мы цягнем, быццам жывёла, хамут жыцця, абліваючы потам убогую ніўку, праліваючы кроў на вайне, спраўна ўносячы падаткі, спраўляючы павіннасці, мы, працавітыя хлебаробы-беларусы.

«Беларус скрыцен, недаверчыў, нелюдзім!»— так кажуць пра нашых хлебаробаў расейцы і палякі.

«Беларус цёмен, забіт, няшчасны!»— так кажа кожны, хто пазнаў беларускую вёску.

І ўсё гэта праўда.

Калі спаткаеш дзе забітага, у лахманы ўбранага бедака, каторы божай міласцю просіць помачы, тады (калі вы чалавек жаласлівы) кінеце яму медзяны грошык і пойдзеце далей.

Але калі «у вагромністай грамадзе» не адзін мільён ад веку забітых, цёмных, у лапці абутых беларусаў на сваіх худых плячах выносяць на «свет цэлы» сваю адвечную крыўду, бяду, гора, тады не кідайце ім ад жаласці ў твар медзяны грошык, а выслухайце іх і зрабіце тое, што скажа вам сумленне.

«З чаго асабліва ёсць тутака дзівавацца,— піша зямляк наш з фермы шт. Дакота ў Амерыцы,— гэта

з увагі амерыканцаў да працавітых, дужых і здольных людзей, што прыйшлі да іх з чужой стараны».

«З чаго асабліва можна тутака дзівавацца — гэта з недавер'я і няўвагі да працавітых хлебарабаў. Ад тутэйшых людзей, апроч жаласці і грашовай міласці, нічога не дачакаецца», — так пісаў бы я пра наша жыццё да людзей шчаслівейшай і вольнай старонкі.

Толькі не жаласці, а праўды, справядлівай увагі да чалавека жадаў бы я ад усіх тых шчырых глыбокіх сэрц, каторыя маглі бы і захацелі памагчы нашаму беларусу-земляробу.

Калі з-за цёмных лясоў Гродзеншчыны, Віленшчыны, Міншчыны, ад убогіх ніў Віцебшчыны і Магілёўшчыны прыйдуць да вас не адзін мільён прабудзіўшыхся ад векавога сну беларусаў і ў вас падымецца пытанне:

А чаго ж, чаго захацелась ім¹,
Пагарджаным век, тым сляпым, глухім,—

тады не шукайце ў сабе жаласці (гэтага ў нас досі), не кідайце ў твар вялікую абіду — медзяны грошк тым, каторыя жадаюць аднаго:

Людзьмі звацца!¹

Не жаласць, не грашовае міласць памогуць змуцанаму і хвораму сэрцу беларуса: *увага, давер'е, пашана да яго грамадзянскіх правоў, чалавечнасць — гэта лепшае лякарства ад многіх хвароб.*

Ведайце толькі: не жаласці, а праўды хоча ад вас наш народ!

[1911]

БЕЛОРУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ПОМОЩИ ЖЕРТВАМ ВОЙНЫ

МИНСКИЙ ОТДЕЛ
Минск, Захарьевская, 24

октября 31 дня

№ 118¹

Его Сиятельству

Господину Минскому Губернатору

〈ПРОШЕНИЕ〉

Комитет Минского отдела Белорусского общества помощи потерпевшим от войны возбудил перед Вашим Сиятельством ходатайство от 19 октября текущего года за № 110 о разрешении ему однодневного кружечного сбора в городе Минске на 6 ноября сего года. Ныне комитет осведомился о предположенном к устройству в ближайшее время по инициативе Вашего Сиятельства аналогичном сборе в пользу детей из освобожденных от неприятеля местностей губернии. Вполне сознавая необходимость безотлагательной помощи этим наиболее несчастным жертвам войны, комитет постановил отложить намеченный им на 6 ноября кружечный сбор, дабы тем содействовать наибольшему успеху сбора, устраиваемого Вашим Сиятельством. Вместе с тем комитет честь имеет обратиться к Вашему Сиятельству с ходатайством разрешить ему на 4 декабря текущего года устройство однодневного кружечного сбора, предоставив начать последний с вечера накануне указанного дня. В случае ненастной погоды комитет просит разрешить перенести сбор на ближайший праздничный день.

Председатель комитета
За секретаря

А. И. Левицкий
Л. А. Сивицкая

ДА БЕЛАРУСКАЙ КАЛОНІЎ ПЕТРАГРАДЗЕ

Мінскія беларусы, сабраўшыся каб ушанаваць 10-лецце «Нашай нівы», пасылаюць вам сваё прывітанне і шчыра спагадаюць узмацаванню вашае **карыснае** працы, а перад усім — разціцця заснаваных нядаўна газетаў, пасля смерці «Нашае нівы» падняўшых

...не знаўшае пабед,
ды не заплямленае знамя!!!

Мы, як мага, падтрымаем вас. Жадаем таму, каб мацнейшымі былі звязкі між вамі і мінскімі беларусамі, і мы зноў з'ядналі бы свае разбітыя сілы і маглі супольна кіравацца да нашае **агульнае блізкае** мэты.

Мінск-Беларускі, лістапада 12-га 1916 году.

(21 подпіс)

Его Сиятельству
господину Минскому Губернатору
Минского Отдела Белорусского
Общества помощи потерпевшим
от войны

ПРОШЕНИЕ

На пополнение средств Минского отдела Белорусского общества комитет отдела предполагает 4-го декабря текущего года в помещении Минской губернской земской управы устроить публичную лекцию на тему: «Беларускае адрадзе» (Белорусское возрождение).

Ввиду изложенного комитет отдела имеет честь просить Вас разрешить устройство лекции, которая будет изложена по-белорусски Максимом Адамовичем Богдановичем. Ответственным лицом является комитет. Краткое содержание лекции на обороте.

Председатель
За секретаря

В. Чауский

[1916]

БЕЛОРУССКОЕ ОБЩЕСТВО ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГОСПОДИНУ
ПОМОЩИ ЖЕРТВАМ ВОЙНЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МИНСКОГО ГУБЕРНСКОГО
КОМИТЕТА ИМЕНИ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЫСОЧЕСТВА ТАТИАНЫ НИКОЛАЕВНЫ

МИНСКИЙ ОТДЕЛ
Минск, Захарьевская № 24
22 декабря 1916 г.
№ 145¹

ПРОШЕНИЕ

На попечении Белорусского общества находится в поселке Ратомке 52 человека детей беженцев, из коих многие сироты. Некоторые из этих детей совершенно не имеют частью — теплой одежды, частью — белья и обуви, у других же она находится в ветхом состоянии. Между тем комитет, не имея постоянной сметы, испытывает в настоящее время материальные затруднения и не может снабдить детей необходимыми для них вещами.

Ввиду сего комитет честь имеет представить просьбу выдать ему для раздачи детям нижеследующие предметы: 50 ватных пальто; 70 комплектов белья для мальчиков и 30 комплектов белья для девочек; 100 пар теплых чулок; 35 шапок и 15 теплых головных платков; 50 пар обуви. В случае отсутствия на складе названных предметов могут быть выданы иные, их заменяющие.

В заключение комитет просит выдать упомянутые вещи, если это возможно, ко дню Рождества Христова, чтобы опекаемые комитетом дети получили таким образом праздничный подарок.

Председатель
Вр. секретарь

А. Левицкий
А. Смолич

[1916]

ЛІСТЫ

1. У рэдакцыю «Нашай нівы»¹
Май — чэрвень 1909 г., Ялта

Подписываюсь на «Н.〈ашу〉 н.〈иву〉» на 2 мес.〈яца〉 русским шрифтом. Адрес мой: Ялта, Аутка, дача «Шалаш», М. А. Богдановичу.

М. БОГДАНОВИЧ.

2. У рэдакцыю «Маладой Беларусі»
27 лістапада 1911 г., Яраслаўль

Паважаемыя паночки!

Перш за ўсё — прывет нараджаючамуся журналу¹. Я прасіў «Н.〈ашу〉 н.〈иву〉» адаслаць да яго цыкл маіх вершаў «Старая спадчына». Ці атрымалі? Ён увесь склаўся з абразцоў розных даўнейшых форм верша, каторымі я зацікавіўся, маючы на ўвазе не толькі іх красу, не толькі палепшанне версіфікатарскай снaroўкі пры працы над імі, але і жаданнем прышчапіць да беларускай пісьменнасці здабыткі чужаземнага паэтычнага труда, памагчы атрымаць ёй больш еўрапейскі выгляд. Апрыч таго, фактам з'яўлення іх хацеў я давесці здатнасць нашай мовы да самых срогіх вымог вяршоўнай формы, бо я ім здавальняў нават у драбніцах, іншы раз вельмі цяжкіх. Напрыклад, ні адзін санет з цэлай расійскай пісьменнасці не вытрымлівае ўсіх тых правіл, якія спаўняліся мной, павэдлуг вымог тэарэтыкаў гэ-

тай формы (напр. <ыклад>), каб ні адно слова ў санеце не ўжывалася больш разу).

Я шчыра жадаў бы, каб гэтыя вершы мелі дзе якой культурны ўплыў на нашых песняроў. Таму прашу рэдакцыю, каб, калі толькі мае вершы пойдучь да друку², памясціць разам з тым і прысылаемы цяпер мною сціснуты нарыс санетнай формы³. (Хоць не зусім дарэчы, а хочацца сказаць, што вось за граніцай вытварана вялізная літаратура аб ёй, а ў нас у Расіі не толькі кніг, як там, а нават стацей усяго 2—3.)

Пасылаю Вам два вершы, якія, на мой погляд, друкаваць было б лепей, чым тыя ж формы (санет і трыялет) з калекцыі «Н. <ашай> н. <івы>».

А за ўсім тым — бывайце здаровы, панове!

М. БАГДАНОВІЧ.

Яр. <аслаўль>. 19 $\frac{27}{XI}$ 11 р. <оку>.

Р. Р. S. Маленькая просьба: калі ў вершах знойдзеца д. № 18, кв. № 3.

М. Б.

Р. Р. S. Маленькая просьба: калі ў вершах знойдзеца колькі абмылак у мове, так што зробіцца патрэбнай сур'ёзная падпраўка іх,— будзь ласка, надашліце іх, калі хапіла бы часу, да мяне: я ахвотна папрацаваў бы. Паклон п. Шыпіле⁴— пазнаёміліся ў Вільні⁵.

МАКСІМ Б-ВІЧ.

3. У рэдакцыю «Маладой Беларусі»
Канец 1911 — пачатак 1912 г., Яраслаўль

Паважаемыя паночки!

Пасылаю 3 пераклады з Верлена¹, а раней паслаў стацейку аб санеце² і 2 вершы і прасіў «Н. <ашу> н. <іву>» надаслаць да Вас каля паўдзюжыны маіх вершаў. Ці атрымалі?

Яшчэ вось што: ёсць у мяне пераклады з Гарацыя і Авідзія³. Можа, паслаць да Вас? Альбо першую песню адной маёй няскончанай яшчэ паэмы; у гэтай песні строк каля 150 і друкаваць яе бы можна было як нешта больш-менш цэльнае і незалежнае...

Чакаючы адказу, астаюся Вашым слугой

М. БАГДАНОВІЧ

Р. S. Адрас мой: Ярославль, Воздвиженская, д. № 18, кв. 3, Максиму Адамовичу Богдановичу.

М. Б.

А. В. Я. Брусаву¹
26 красавіка 1912 г., Яраслаўль

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Читая «Гюлистан» Саади Ширазского² (перевод с персидского подлинника Ив. Холмогорова³, изд. К. Солдатенкова⁴ 1882 г.), на странице 209 этого издания я встретил следующие строки: «Помню, в прежнее время я и друг мой жили, будто два миндальные ореха в одной скорлупе». Тот же образ дан и в конце стихотворения А. С. Пушкина «Подражание арабскому» («Мы точь-в-точь двойной орешек под одною скорлупой»); принимая во внимание знакомство Пушкина с произведениями Саади (эпиграф «Бахчисар.〈айского〉 фонт.〈ана〉», повторенный в посл.〈едней〉 гл.〈аве〉 «Евг.〈ения〉 Онегина»), можно предположить, что источник пушкинского стих.〈отворения〉 или, вернее, данного образа из него — Саади. Спешу, однако, заметить, что остальные части сравниваемых произведений не совпадают.

С почтением неизвестный Вам

М. БОГДАНОВИЧ

Р. S. М.〈ожет〉 б.〈ыть〉, этот образ т.〈аким〉 о.〈бразом〉 преврат.〈ился〉 в коллективную собственность вост.〈очных〉 поэтов. Но до Саади, по-видимому, никто

не іспользоваў яго, ібо на стр. 335 Саади пішет: «...во всем этом моем сборнике нет ничего заимствованного из стихов предшествовавших поэтов».

5. У рэдакцыю «Нашай нівы»
29 ліпеня 1912 г., Яраслаўль

Паночкі!

Надумаўся я памясціць у зборнічак і пераклады з Верлена¹, каторыя раней надаслаў у Піцер. Пераклады да арыгінала блізкія і, калі я магу іх справядліва ацаніць,— добрыя. Калі піцерцы Вам іх надашлюць, дык Вы выкіньце дваццаць памянёных мною ў лісту вершаў, і тады зборнік не павялічыцца. Ва ўсякім разе пераклады з Верлена больш вартыя друку, чым гэтыя трафарэты, да ліку каторых трэба прыпісаць і в.⟨ерш⟩ «Шмат у нашым жыцці ёсць дарог», калі толькі я не зрабіў гэтага раней. Прыйдзецца трохі змяніць і план кнігі. Усе пераклады (калі Верлена Вам аддадуць) трэба памясціць у канцы кнігі як чацвёрты адзел з іменем «З чужой глебы»²: I. З Верлена. II. З іншых паэтаў. Пераклады з Верлена друкаваць у такім парадку: 1) Лыцар Няшчасце; 2) Трэ нам, бачыш...; 3) Ціхі і сіні...; 4) О сум, усні...; 5) Сон цёмны; 6) Асенняя песня; 7) Плач сэрца майго; 8) Захад; 9) Бач — месяц белы³; 10) Покуль зорка; 11) Раяль цалуе тонкая рука; 12) У полі мрок; 13) Малюнак мора; 14) У полі дзікім⁴; 15) Ракаўкі; 16) Душа твая⁵; 17) Рака срэдзь вулкі; 18) Шынок; 19) Гул вулічных шынкоў; 20) Трэск дроў; 21) Ноч. Дбждж.

Ізноў прашу,— друкуйце заменш дрэні, заклінаючы п. Антонія⁶ іменем еўропеізма, культурнасці і т. д., а п. Ластоўскага⁷ іменем мадэрнізма і т. д. Вось папраўка да в.⟨ерша⟩ «Лыцар Няшчасце»⁸:

Лыцар пад'ехаў тады бліжэй на чорным кане,
Спрыгнуў з яго і рукой рану знайшоў у мяне.

У вершы «О сум, усні ў душы маёй» заміж слоў «раз-лукі» пастаўце «расстання».

Чагось усё здаецца мне, што я даты паставіў толькі ў першай палове вершаў, а ў другой забыўся. Калі гэтае праўда, дык зачаркніце даты і там, дзе яны былі.

Аб Верлену пішу піцэрцам разам жа з гэтым лістом.

МАКСІМ.

Пасылаю Вам колькі вершаў з Верлена, кат.⟨орыя⟩ друк.⟨уйце⟩ толькі тады, калі піцэрцы пр.⟨ышлюць⟩ рэшту.

*6. У рэдакцыю «Нашай нівы»
1 жніўня 1912 г., Яраслаўль*

Дзякую п. Л.¹ за тэмы, што ён мне надалаў. Я, канешне, апрацую колькі з іх, але не ўсе, бо яны ахапляюць толькі першыя часы жыцця Беларусі, калі яна мала рознілася ад іншай Русі. Ці ёсць у XI—XII вяках сур'ёзная розніца між бытам якіх-небудзь дрыгавічоў² і, напр.⟨ыклад⟩, вяцічаў³? Пэўне, што няма. Куды цікаўша апісываць Беларусь XVI і XVII сталецій! Тады і мясцовая, карэнная культура адстаялася і выкрысталізавалася ў цвёрдыя, своеабразныя формы.⟨...⟩

Як я і казаў ужо, пісаць на гэтыя тэмы я буду не раз, але толькі не адразу, бо перш за ўсё недалёка экзамены, ды і п. Багацкаму⁴ пісаць трэба, а часу асталася не дужа многа...

Добра зрабілі Вы, паночкі, што заміж фельетона пачалі друкаваць вялікшыя творы, пісанья вершам. Калі Вы прыгледзіцеся да выдрукаванай такім чынам паэмы Купалы⁵ ды прыцягнеце сюды некалькі рэчаў, друкаваўшыхся раней, дык пабачыце, што я не абмыліўся, кажучы, быццам Купала ўваскрашае сто год назад пахаваны «рамантызм». Што такое гэтая паэмка, як не

самы характэрны для яго твор? Кажу, звычайна, гэтае не ў асуджэнне, а толькі «констатуру факт». Наша пісьменнасць яшчэ толькі зараджаецца, рамантызм для яе — не пройдзеная ступень, як у іншых літаратурах, а рэч зусім свежая. У нас кожны кірунак можа мець цэннасць. А таму, назваўшы паэмку Купалы «рамантычаскай», мы гэтым толькі схарактарызавалі яе, а пытанне аб паэтычнай вартасці яе — рэч асобая. Мне, на-пр. (ыклад), здаецца, што памянёная паэма стаіць вышэй ад іншых яго твораў, друкаваўшыхся ў апошнія часы. Тут, праўда, ёсць усе яго звычайныя мінусы, але затое і ўсё добрае, — буйнасць рытму, прыподнятае мовы, звонкасць рыфмы, гучнасць слоў (вось пра каго можна сказаць, што ён граў на «ліре громкозвучной»)...

Колас даў таксама цікавую рэч⁶, маючы праўдзіваю цэннасць... п. Колац і п. Купала пашырылі круг сваёй творчасці.

7. У рэдакцыю «Нашай нівы»
14 лістапада 1912 г., Яраслаўль

З шасцю гадамі, паночкі!¹

Пад час выбараў у «Рус. (ских) вед. (омостях)»² з'явілася звестка, быццам узяты ў турму сакратар «Сахі»³, але фамілія не названа. Калі спраўдзі каго ўзялі, дык каго?

Атрымаў я 2 № «Крапівы» *⁴, але, праўду кажучы, не дужа пякучая тая «Крапіва», бо, паночкі, ад розных жартаў пра цёшч ці інш., здаецца, даўно ўжо ўва ўсіх на языках мазалі намуляны. Не варт на гэтае грошы траціць. Палітычаскі гумар яе — рэч зусім іншай каштоўнасці. Яшчэ лепі тое, што да кожнага жарта Вы хоч за валасы, а прыцягнеце Вільню.

* Нябожчык Палуян⁵ неяк пісаў мне, што меліся выдаць «Жэўжык», — названне куды лепш ад «Крапівы».

У кастрычніку скончыў я пераклад, замоўлены п. Багацкім⁶, і надалаў у Кіеў. Усяго павінна выйці каля 125 друкаваных старонак, у тым ліку стр. 15—16 маёй прадмовы. Ёсць там і кароценькі агляд гісторыі бел. (арускага) народа, і апісанне цяперашняга адраджэння яго, і невялічкія характарыстыкі беларускіх пісьменнікаў, — усяго патроху, і ўсё ў стылі «гром победы раздавайся». Паміж іншым, на які пёс і Вы і я ўжываем слова «стыль», — у Насовіча⁷ памешчана слова «кшталт», і значэнне яго, здаецца, тое ж самае. Але вернемся назад. У сваіх характарыстыках найбольш сказаў я аб п. Я. (двігіне) Ш.⁸, а апроч таго, аб С. Палуяне, Власце⁹ і Т. Гушчы¹⁰. І вось, паночкі, мае шчырыя думкі пасля таго, як я перагледзеў іхнія творы. Перш за ўсё з Ядв. (ігіна) Ш. вырабіўся такі пісьменнік, што не можна яго ставіць ніжэй крупных прадстаўнікоў таго ж жанру ў іншых літаратурах: гляньце, напр. (ыклад), на казкі Шчадрына¹¹, або гэтакія ж апавяданні Горкага¹², на байкі Леманскага¹³, — няўжо ж Ядв. (ігін) Ш. горшы ад іх? А калі і горшы, дык ці зашмат? Вось, паночкі, чаму Вы яго не запрасілі даць што-небудзь у «Крапіву», — закрасіў бы ён Вам увесь №.

Далі бачу я, што з апавяданняў патэтычнаскага кшталта (Sic!) няма нічога лепшага над «Лебядзінай песні» п. Ластоўскага¹⁴, і бачу яшчэ, што надрукавана ім усяго 10—12 апавяданняў¹⁵.

[Т. Гушчы апавяданне з художэсцвеннага боку даволі не важна, але чытаецца лёгка. Што да Змітрака Бядулі¹⁶, то тэмы ў яго заўсёды жывыя, але спосаб для выкладу іх заўсёды кульгае на абедзье нагі] ¹⁷. Змест кніжкі такі. С. Палуян: Хрыстос, уваскрос. Вёска. Власт: Лебядзіная песня. Дзень ружовай кветкі. Цвяты. Сож і Дняпро. Ядвігін Ш.: Зарабляюць. З бальнічнага жыцця. Падласы. Рабы. Вяселле. Сакатушка. Васількі. Гадунец. Чортава ласка. Дачэсныя. Ліст сабак да рэд. (акцыі) «Н. (ашай) н. (івы)». Сіло. Награда. Сабачая

служба. **Т. Гушча:** Дзеравеншчына. Над берагам Нёмана¹⁸. Кірмаш. Недаступны. Трывога. **З. Бядуля:** Пяць лыжак заціркі. Гора старой Сымоніхі. Сон Анупрэя (і яшчэ як у Анупрэя дачка памёрла¹⁹, — названне ж адразу не ўспомню). **Я. Журба**²⁰ — апав. <яданне> пра прыгон. **Чэркас**²¹: Сон. Ластаўка. Квіткі. **Лёсік**²²: Сад. Крэчка. **А. Гарун**²³: Снег. **Ф. Багушэвіч**²⁴: Сведка. Дзядзіна. Апавяданне палясоўшчыка. **К. Колышка**²⁵: Смешны доктар. Апошняга ўзяў толькі таму, што п. Э. Будзька²⁶ казаў мне, быццам Вы лічыце талент К. Колышкі не абы-якім. Ну, на яго душы грэх.

Пераклады выйшлі не зусім добрыя, бо арыгіналы занадта часта маюць розныя перашкоды ў будоўлі фразы. Звычайна, трохкі абгладжваць я сабе дазваляў, але памятаваў добра, што перакладчык — не рэдактар, асабліва калі перакладае з такой блізкай мовы. А Вы гляньце, як напісан цікавы «Сон» Чэркаса — там ёсць перыяды больш чым у 20 строк.

Паслаў Вам гэтымі днямі колькі вершаў, а разам з лістом пасылаю яшчэ. Тэмы апошніх — надта вострыя, але я, як ганаровы пісьменнік, не мог ад іх адступіцца. Вершы гэтыя я вельмі люблю, хоць даў у іх мені, чым жабаў. Калі будзеце пісаць да мяне, згадайце і Вашыя думкі аб іх.

Прашчайце, паночки.

Р. С. Пане Іван²⁷. [Шчыра] Дужа прашу Вас, укажыце мне матэрыялы аб копным судзе, асабліва друкаваўшыся у розных «Вестніках», «Временниках» і т. п. Быў бы вельмі ўдзячны. Маю надзею, што, можа, знойдзеца ў Вас вольны час і Вы зробіце гэтае. Яшчэ раз прашчайце.

ВАШ МАКСІМ

8. У рэдакцыю «Нашай нівы»
Пачатак 1913 г., Яраслаўль

Дабрыдзень, паночкі!

Дзякую Вам за клопаты аб зборнічку¹, а п. Вацлаву² — у асобіцу за адкрытку. Чаму думаеце Вы, што я магу сярдзіцца і нават лаяць Вас? Я ж даволі-такі прыгледзеўся да Вашай працы, каб рабіць гэтае, нават хаця б толькі жартуючы.

Не дзівіцеся, што ў мяне літары выходзяць зусім дзіцячыя — пішу я лёжучы, бо моцна хварэю — інфлюенца³ ці воспаленне лёгкіх; тэмпература ў мяне падымаецца да 40°, а 39,5° бывае кожны дзень. Але чорт з ім!

Што да выдання кніжкі, дык бачу, што яно спыняецца галоўным чынам праз недахват грошы, але ніяк не прыдумаю, як Вам памагчы. Сам я не зарабляю, у бацькі прасіць, дык ён многа даць не можа, бы жыве ад 20-га да 20-га⁴, да таго ж і вінен шмат каму. Але вось што: калі я ачуняю, дык я папрабую заняць пад кніжку ў розных сваіх знаёмых грошы. Значыцца, прадасца колькі сот экз. (емпляраў) яе, вы мне надашлёце тыя грошы. Другое, Вы мне не шліце аўтарскіх экзempl. (яраў), я іх куплю і куплю шмат.

Калі Вам тыя займы здадуцца прыдатнымі, дык напішыце мне.

МАКСИМ.

Р. С. Я напісаў колькі новых вершаў. Ачуняю — надашлю.

9. У рэдакцыю «Нашай нівы»
2 сакавіка 1913 г., Яраслаўль

Дабрыдзень, паночкі!

Сягоння ранкам надаслаў Вам колькі вершаў, з якіх да зборніка прызначаю толькі эпілог «Веранікі»¹.

У Верлена ёсць над вершамі прысвячэнні і эпіграфы. Трэба паставіць іх і ў перакладах. Над вершам

«Плач сэрца майго» — «Il pleut doucement sur la ville»²
Арцюр Рэмбо³, над вершам «Раяль цалуе тонкая рука...»: «Son joyeux importun, d'un clavecin sonore»⁴ Пэ-
ру Барэль⁵; над вершам «Шынок»: Жану Марэасу⁶;
над вершам «Захад»: Кацюлю Мендэсу⁷; над вершам
«Я — падупаўшы Рым...» («Млоснасць»): Жоржу Кур-
тэліну⁸.

Што ж Вы не напішаце мне «по душам» аб вершах
пра вагітнасць⁹? Будзь ласка, пішыце. Хоць колькі слоў.

МАКСІМ.

19 $\frac{2}{III}$ 13 р. <оку>.

*10. Ф. Я. Коршу¹
22 красавіка 1913 г., Яраслаўль*

Дзень гэты, — так пісаў Катулл², —
Я белым каменем адзначу³...

Шчыра віншую Вас, вельмішаноўны Фёдар Яўге-
ньевіч, і жычу, каб як мага даўжэй Вы — жылі, а мы —
любаваліся Вашым жыццём.

Незнаёмы Вам беларус

МАКСІМ БАГДАНОВІЧ

*11. У рэдакцыю «Нашай нівы»
27 красавіка 1913 г., Яраслаўль*

Дабрыдзень!

Вось ужо колькі дзён, як у мяне жару няма. На што
я хварэў, чорт яго ведае, але думаюць, што на васпа-
ленне лёгкіх; два разы рабілі бактэрыялагічны агляд
харкавіны ды адзін раз крыві, і кажучь, быццам нічо-
га не знайшлі. Уставаць з ложка дасюль яшчэ няможна.
Бацька атрымаў ад банка падмогу на лячэнне, так што
я напэўне летам куды-небудзь паеду.

Украінцы дасюль не заплацілі мне за пераклад з беларускага на расійскі. Напісаў ім, каб яны выслалі грошы да Вас. Ці атрымалі? Гэта на зборнічак.

Карэктурку пасылайце мне на кварціру, а не на ліцэй, бо адтуль я цяпер нічога атрымаць не здолею.

МАКСІМ.

19 $\frac{27}{IV}$ 13 р. <оку>.

Р. С. Пасылаў Коршу на 70-цілеце павіншаванне па-беларуску (звычайна, ад свайго імені). Ці пасылалі Вы?

*12. У рэдакцыю «Нашай нівы»
21 кастрычніка 1913 г., Яраслаўль*

Паночкі!

У № 42 «Н. <ашай> н. <івы>» бачу стацыю Сцяпана Зенчанкі¹. «Стефан Зенченко» судзіўся ў Ніжнім Ноўгарадзе² па вялікаму працэсу, так званаму «сормовскому восстанію», быў паміж падсудзімых (выключна рабочых) вельмі прыкметным чалавекам і нават гаварыў ад іх імені на судзе. Пачуўшы, што Зенчанка — беларус, я пераслаў у турму да яго колькі першых беларускіх кніжак і «Нашу долю» (было гэта ў канцы 1906 р. <оку>). Аднак далі наша знаёмства не пайшло, і нават у вочы я Зенчанку ніколі не бачыў; сталася так таму, што па гораду пайшлі чуткі, быццам Зенчанка — правакатар; казалі, што з Қаўказа адна з тамтэйшых арганізацый (ваенная арганізацыя с. <ацыял>-д. <эмакратаў>), здаецца) надала аб гэтым вядомасці з фатагр. <афіяй> Зенчанкі; толькі, здаецца, Зенчанка быў на Қаўказе вядомы пад іншай фаміліяй.

Сколькі ў гэтым праўды — сказаць не магу; як Вы самі ведаеце, вінавацяць у правакацыі у нас занадта лёгка. Таму, здаецца, самым лепшым было б абвясціць аб гэтым толькі дзе каго са сваіх людзей і пільнаваць толькі, каб Зенчанка не ўбіўся да якой-небудзь бела-

рускай і наогул грамадзянскай справы³. Тым часам я напішу ў Ніжні Ноўгарад, каб мне далі больш пэўныя вядомасці.

*
* *

Сягоння атрымаў ад п. Власта⁴ ліст. На запытанне, дзе друкаваць пераклады, а дзе «Мадонн», нічога адказаць не магу, бо і дасюль не ведаю, што Вы ўласне хаціце друкаваць: толькі тое, што ўвайшло ў кніжку, склееную мною летам 1912 р. (оку), альбо дададзіце да гэтага і новыя вершы? У першым разе друкуйце «Мадонн» на самым канцы, бо 5—6 перакладзеных вершаў можна і ўсярэдзіне памясціць. Калі ж Вы будзеце друкаваць і пераклады з Верлена, дык тады можна зрабіць з перакладаў асобны аддзел, і друкаваць іх пасля «Мадонн».

Пытаюць мяне: ці не трэба дадаць да зборніка дзе што з ужо надрукаваных вершаў, каторыя ў яго не ўвайшлі? Я, паночкі, калі бачыў два вершы адзінакавай вартасці — друкаваны і недрукаваны, — звычайна, памяшчаў другі. Калі Вам дзе што хацелася б з выкінутага мной памясціць у кніжку — будзь ласка. Але мая думка — выкідайце болі, тады зборнік выйдзе лепі.

Аддзел «Мадонны» складаецца ў мяне з двух паэм: «Вераніка» і «У вёсцы»; чарнавіка апошняй няма, аднак, здаецца, патрапію ізноў напісаць. Разам з лістом пасылаю тр. (ыялет) «Крытыку».

Калі вы не проці таго, каб друкаваць і творы апошняга рока — надашліце мне ўсе матэрыялы: у 2—3 дні я ўсё добра ўкладу.

Калі тавар. (ыства) імені Скарыны закладзецца, я ахвотне запішуся ў члены. Узяўся б і напісаць жыццёпісанне Скарыны, калі б таварыства даручыла мне гэта.

Дзякую п. Купале за ласкавыя словы.

Прашу Вас, абвясціце мяне, ці атрымалі вы гэты ліст. Яшчэ вось што: надашліце 41 №⁵, бо ён не дайшоў.

Р. С. Год назад я абвясціў Вас аб 2-х беларус.⟨кіх⟩ кнігах, выданых Віл.⟨енскім⟩ уч.⟨эбным⟩ окр.⟨угам⟩. Узнаў я аб гэтым са стаці ў «В.⟨естнику⟩ Европы»⁶. Але па маёй просьбе адзін чалавек адшукаў кнігу «Расказы на простонародном наречии» і не знайшоў там ані слова па-беларуску. Другой кнігі ён не знайшоў. Звярніцеся ў Піцер, каб пашукалі ў публ.⟨ічнай⟩ бібл.⟨іятэцы⟩, бо, можа, і з ёй таксама няладна.

13. В. Ластойскаму
7 лістапада 1913 г., Яраслаўль

Дабрыдзень, пане Вацлаве!

Разам з лістом пасылаю Вам у прэзент кніжку бацькі¹. Вы, здаецца, любіце рожныя «унікумы»; ну, дык гэта унікум і ёсць, бо надрукавана яна была ў невялічкім ліку экзэмпляраў і ў прадажу пушчана не была, — бацьку ў ёй нешта не спадабалася, і ён узяў яе з кніжных магазінаў, свой адзіны экз.⟨емпляр⟩ я аддаў «Н.⟨ашай⟩ н.⟨іве⟩». «Т.⟨араса⟩ н.⟨а⟩ П.⟨арнасе⟩»² няма — дзесь згубіўся.

На рэдакцыю «Н.⟨ашай⟩ н.⟨івы⟩» пасылаю паэмку «У вёсцы», першую з аддзела «Мадонны», гэты аддзел пасвячаю А. Р. К.³ (так толькі буквы і пастаўце).

Будзь ласка, надашліце мне трэці аркуш маёй кніжкі (я яго не атрымаў) і № 41 «Н.⟨ашай⟩ н.⟨івы⟩», бо таксама не дайшла.

Калі мая крытыч.⟨ная⟩ стацыя⁴ да белар.⟨ускіх⟩ часопісаў не падойдзе, дык вось што: надашліце яе ў «Радз»⁵ або «Українськ.⟨ую⟩ хату»⁶.

Я ўзяўся за Уладзімірава⁷, але вось якое пытанне: якой меры «папулярнасці» трэба дамагацца ў выкладзе? І другое: аб палажэнні і развіцці беларускай культуры за той час ці пісаць, ці не?

Віншую з адкрыццём новага мясячніка⁸. Калі пакончу са Скарыной⁹, канечне, напішу ім колькі апавя-

данняў, ды і ў «Н.⟨ашу⟩ н.⟨іву⟩» таксама. Даўно ўжо рукі чэшуцца, але ўсё часу няма.

МАКСІМ.

14. Л. А. Багдановічу
20 сакавіка 1914 г., Яраслаўль

Лева!

Папа болен ревматизмом і пісаць настаяще не может, а потому пишу я, чтобы бланк зря не пропадал, но что писать — и сам не знаю. Заболел папа сегодня утром, т. о. ничего о степени развития его болезни неизвестно. Домашние же дела — такая мелочь и канитель, что коли писать — пяти писем не хватит, а выделить что-нибудь покрупнее — никак не выделишь. Поэтому, благополучно добираясь до конца бланка, спешу поставить точку.

19 $\frac{20}{\text{III}}$ 14 г.

15. В. Ластойскаму
23 мая 1914 г., Яраслаўль

Пане Вацлаве!

Скончыўшы вясеннія экзамены, адразу хачу прыступіць да свайго даўняга жадання, — а ўласне хачу выўчыць польскую мову. Дзеля таго надашліце мне накладной платай на Дзямідаўскі ліцэй вось якія кнігі¹: 1) Leon Wasilewski. «Litwa i Białorus»², 2) Слоўнік польска-рускі, не надта вялікі, па Вашаму выбару. Па Васілеўскаму я і хачу вучыцца. Маю надзею, што за лета здолею-такі яго прачытаць. Калі ёсць польская граматыка на расійскай мове, таксама не занадта вялікая, дык надашліце і яе.

Заўтра прымуся за Скарыну або за расказікі. Гэтымі днямі надашлю ў «Н.⟨ашу⟩ н.⟨іву⟩» колькі новых вершаў. Што да Скарыны, дык вось якая рэч: я напісаў апырч яго ўласнай біяграфіі асобны раздзел, дзе падаў характарыстыку папярэдняга беларускага культур-

нага жыцця і пісьменнасці. Але гэты раздзел заняў столькі ж месца, як і сам Скарына. Здаецца, занадта. А між тым гэта раздзел ўдаўся. Што рабіць — скараціць ці не? Кланяюся ўсім. *М. БАГДАНОВІЧ.*

*16. В. А. Лявіцкай¹
Верасень 1916 г., Яраслаўль*

... Праглядаю гэтымі днямі свой «Вянок». Недахватаў рожных — гібель, ды і кніжка гэта зусім маладая: вершы яе пісаліся з паловы 1909 да паловы 1912 г., калі мне было 17—20 год. Але ў ёй усё ж такі ёсць і творчасць, і натхненне, і сур'ёзная праца. Узяў я карандаш, палавіну вершаў выкасаваў зусім, другую прабу абгладзіць². Дадам да гэтай другой палавіны лепшыя з вершаў 1912—15 гг., і выйдзе зборнік «Маладзік» або «Красавік»... У 1913 г. я асабліва ахвотна пісаў, кажучы велікарускае слова, «изящные» вершы; з іх бадай што ні адзін друку не бачыў. Выйдзе яшчэ адзін зборнік «Пярсцёнак». А з вершаў апошняга часу і трэці — «Шыпшына». Укласці гэтыя кніжачкі, пэўна, не паспею, але думаць аб іх прыемна...³

*17. А. Смолічу
Люты — сакавік 1917 г., Ялта*

Смешна думаць, што якія б там ні былі Керанскія прыясуць вызваленне прыгоннай Беларусі. Толькі самі працоўныя даб'юцца свайго вызвалення.

*18. П. І. Гапановічу¹
Сакавік — красавік 1917 г., Ялта*

...Не вылечили меня и послали в Крым². Молодежь устроила прощальный вечер, люди поближе провожали на вокзал — все по-хорошему. Ехал я долго, ожидать поезда на пересадках (а их 4) приходилось многими часами — на ст. Бахмач³ 18 ч. В Ялту приехал, измо-

тавшись. Четыре дня искал квартиру. Нашел хорошую комнату с самост.〈оятельным〉 ходом, окна на море, чудесный вид, полдня светит солнце, есть балкон, вокруг дома сад и проч. Боюсь одного — не вредна ли близость к морю: дом на горе, но до моря саж.〈еней〉 тридцать—сорок. Комната, значит, хороша, а здоровье мое пошло не в гору, а под гору. Мокроты пошло больше, температура ухудшилась, ходить стало трудно — пойдешь и засапаешься. Похудел я. А в заключение пошла кровь дня на четыре. Ослаб я к тому времени очень. Думаю, дело в том, что хозяйка на топке экономию нагоняла. Теперь помаленьку поправляюсь, хотя погода отвратительная — дождь, ветер, холодно. Из-за болезни и писать не хотелось. И это письмо пишу в два приема. Отцу я о болезни писал безо всяких подробностей. Лечусь, мол, в Ялте — и все тут. И ты не расписывай...

19. А. Я. Багдановичу¹
Май 1917 г., Ялта

...Здравствуй, старый воробей. Молодому воробью плохо. Врач говорит так: процесс в правом легком закончен; оно зарубцевалось и, если есть в нем немного мокроты, местами — жесткое дыхание, то это дело третьестепенное. Но туберкулез, как обычно, перешел в левое легкое и развивается тоже, как обычно, в более острой форме. Мокроты у меня много, температуры высокие, два раза шла кровь, второй раз отплевал я ее дней в десять, но с этого кровотечения из кровати уж не встаю — ослаб окончательно. Скоро начнутся жары, надо будет уезжать из Ялты, а как в таком виде поедешь?..

ПУБЛІЦЫСТЫКА МАКСІМА БАГДАНОВІЧА

У творчай постаці гэтага пісьменніка гарманічна злучыліся талент і майстэрства паэта, яркага публіцыста і крытыка, перакладчыка шырокай філалагічнай эрудыцыі, вучонага даследчыка. Шматграннасць літаратурнага дару і універсальная адукаванасць збліжае яго з мастакамі эпохі еўрапейскага Рэнэсансу і класікамі расійскай літаратуры. І ў беларускай «Нашай ніве» былі свае публіцысты-прафесіяналы (А. Бульба, Л. Гмырак, А. Навіна, С. Палуян ды інш.), якія прыйшлі ў літаратуру разам з Багдановічам ці раней за яго. Даравітымі публіцыстамі былі заснавальнікі беларускай літаратурнай класікі (Цётка, Янка Купала, Якуб Колас, Змітрок Бядуля, М. Гарэцкі, Алесь Гарун). Але і на фоне гэтых выдатных імён публіцыстычныя выступленні Багдановіча вызначаліся грунтоўнасцю аналізу, дакладнасцю ацэнак, лакалізмам пісьма, арыгінальнасцю думкі ў спалучэнні са строгаасцю яе выяўлення і навуковай аб'ектыўнасцю.

Вытокі беларускай публіцыстыкі пачыналіся ў даўніх пластах сярэднявечнай і рэнэсанснай культуры Беларусі, у творчасці Кірылы Тураўскага, Ф. Скарыны, В. Цяпінскага, С. Буднага, М. Смятрыцкага, Сімяона Полацкага, у ананімных творах XVII—XVIII стст. Ананімная публіцыстыка — гэта пераходнае звязно ад старабеларускай літаратурнай традыцыі да новай, уласна нацыянальнай

літаратуры беларусаў. Пачыналася яна як неафіцыйная народная літаратура, ідэалагічна і стылістычна супрацьпастаўленая афіцыйнай польскай (другая палова XVII — першая палова XIX ст.) і расійскай (канец XVIII — пачатак XX ст.) літаратурам. Легалізацыя беларускага нацыянальнага друку ў 1905—1907 гг. дазволіла за адносна кароткі гістарычны час (1906—1915) стварыць самабытную беларускую школу публіцыстыкі. А пачыналася яна раней, у цяжкі для Беларусі перыяд другой паловы XIX ст. Гэта тады К. Каліноўскі, Ф. Багушэвіч, К. Каганец выступілі з праграмай беларускага нацыянальнага адраджэння.

Беларуская «нашаніўская» публіцыстыка, да якой належаў М. Багдановіч, была пераважна пісьменніцкай творчасцю, бо тады яна яшчэ не стала сферай «чыстай» журналістыкі, справай прафесійнага публіцыста, хоць і такая прафесіяналізацыя адбывалася: публіцыстыка набывала творчы вопыт і сваю традыцыю. Рэдактар «Нашай нівы» Аляксандр Уласаў, сакратар рэдакцыі Вацлаў Ластоўскі, адзін з кіраўнікоў газеты Антон Навіна (Луцкевіч) былі пераважна публіцыстамі, даследчыкамі і крытыкамі.

Асноўнай праблемай беларускай публіцыстыкі «нашаніўскай» эпохі, як, дарэчы, і ўсёй беларускай літаратуры, было нацыянальнае адраджэнне. Агульным клопатам творчай інтэлігенцыі стала (і сёння застаецца) вяртанне да новага, абноўленага жыцця мовы народа, яго літаратуры, мастацкай і, шырэй, духоўнай культуры, навукі, правасвядомасці, традыцыйных форм грамадскага быту, урэшце (але не ў апошнюю чаргу) самабытнай, арганічна спалучанай са штодзённым побытам народнай творчасці — жывой крыніцы прафесійных формаў мастацтва.

Дзеячы нацыянальнага адраджэння ўсведамлялі: вяртанне народу яго спрадвечных духоўных каштоўнасцей, іх развіццё ў агульнай плыні рэгіянальнай (славянскай) і сусветнай культуры немагчымы без

сацыяльна-эканамічнага і палітычнага адраджэння краю на грунце нацыянальнага самавызначэння народа, дэмакратычных рэформ грамадскага жыцця, вызвалення творчых сіл чалавечай асобы ад рэшткаў прыгоніцкай сістэмы і ланцугоў ваенна-бюракратычнай рэгламентацыі, імперыялістычнай экспансіі на «акраінах» імперыі, якая згубна выявілася ў шматвяковай дэнацыяналізацыі народа. Зусім не выпадковай з'явай было спалучэнне культурна-асветніцкага руху з нацыянальна-вызваленчай барацьбой народа, якую тады ўзначальвала Беларуска-Сацыялістычная Грамада (БСГ).

Якое ж месца займала публіцыстыка М. Багдановіча ў кантэксце станаўлення нацыянальнай літаратуры і «нашаніўскага» адраджэнскага руху? Адказаць на гэтае пытанне тым больш важна, што сярод сучаснікаў паэта і пазней, у 20—30-я гады, склалася легенда, быццам бы ён «выпадаў» з адраджэнскай плыні пачатку нашага стагоддзя, а яго творчасць не надта «ўпісвалася» ў агульны малюнак тагачаснай беларускай літаратуры. У артыкуле «Беларускае нацыянальнае адраджэнне» публіцыст Лявон Гмырак, гаворачы пра адраджэнскую плынь у літаратуры, адзначыў: «Асобна ад другіх трэба паставіць паэта Максіма Багдановіча, каторы шмат нам даў тыповых пробак паэзіі «штукарства для штукарства»¹. Пазней «непадобнасць» паэта, яго асобны ад іншых нашаніўцаў шлях у літаратуры спрабаваў давесці М. Пятуховіч у артыкуле «М. Багдановіч як паэт-імпрэсіяніст»². Гэтыя даследчыкі мелі рацыю толькі ў тым сэнсе, што Багдановіч сапраўды быў «непадобным», самабытным пісьменнікам, які творча выкарыстаў здабыткі новых тады плыняў — імпрэсіянізму і сімвалізму. Але апазіцыі тыпу «грамадская карысць — краса», «жыццё — мастацтва», «рэалізм — сімвалізм (альбо імпрэсіянізм)» даўно сталі банальным анахронізмам.

¹ Велікодная пісанка. Вільня, 1914. С. 27.

² Полюмя. 1923. № 7—8. С. 93—94.

Формулу адзінства эстэтычнай каштоўнасці мастацтва і яго духоўнай «карысці» афарыстычна сфармуляваў сам Багдановіч на пачатку нашага стагоддзя ў праграмным творы «Апокрыф» (1913) — своеасаблівым «Евангеллі ад Максіма Кніжніка». Ягоны Хрыстос на прапанову апостала Пятра («Але няхай жа ў песнях будуць думкі добрыя і павучаючыя, каб, апроч красы, меўся ў іх і спажытак чалавеку») адказвае: «Няма красы без спажытку, бо сама краса і ёсць той спажытак дзеля душы». Гэта было, па сутнасці, эстэтычнае адкрыццё ў нашым славянскім свеце. Шмат якія «пытанні» крытыкі тлумачацца няўвагай літаратурна-мастацкай думкі да гэтай арганічнай цэласнасці красы і «карысці» ў духоўнай творчасці.

Вяртаючыся да месца Багдановічавай публіцыстыкі ў адраджэнскай плыні беларускай літаратуры, варта з самага пачатку адзначыць: паэт не толькі не быў «у баку» ад гэтай плыні, але нават стаў яе завяршальнікам. Больш таго, ён пашырыў гэтую тэматыку, бо даследаваў не толькі беларускае, але і агульнаславянскае адраджэнне. Пільна ўглядаючыся ў духоўнае аблічча свайго народа, ён бачыў у ім таксама сэрцы і душы гістарычных братаў. Разам з тым у яго публіцыстыцы ў няўнай імпліцытнай форме ёсць думка пра гуманістычнае адраджэнне як першы этап нацыянальнага адраджэння ў больш шырокім, «скразным» гістарычным сэнсе. Вось тут варта сказаць некалькі слоў пра неадназначнасць, «двухтыпнасць» самога паняцця «адраджэнне».

Сучасная гістарычная навука абазначае гэтым паняццем пераходную еўрапейскую эпоху ад сярэднявечча да Новага часу (другая палова XIV — першая палова XVII ст.), якая характарызувалася ўздымам свецкай навукі і мастацкай культуры, станаўленнем нацыянальнай мовы, літаратуры і самасвядомасці ды гуманістычным светапоглядам. Але ў больш шырокім сэнсе паняцце

адраджэнне — гэта заканамернасць у гістарычным развіцці народаў і пэўных рэгіёнаў, якая выяўляецца ў паскораным руху эканамічных, сацыяльна-палітычных і культурных працэсаў да больш высокіх формаў грамадскага быцця і нацыянальнай самасвядомасці пасля працяглых перыядаў застою альбо ўпадку. Адраджэнне ў сэнсе культурна-гістарычнай эпохі ў сваіх закончаных формах выявілася ў культуры тых рэгіёнаў (пераважна Заходняй Еўропы), гістарычныя працэсы якіх характарызуюцца адноснай паступальнасцю і бесперапыннасцю ў прагрэсіўным развіцці. Наадварот, адраджэнне як заканамернасць перыядычных пад'ёмаў грамадскага быцця, нацыянальнай свядомасці і культуры якасна больш выразнае ў тых народаў (напрыклад, ва Усходняй Еўропе, у славянскім рэгіёне), гістарычныя працэсы якіх характарызуюцца перапыннасцю і катастрафічнасцю развіцця.

Па сутнасці, тэрмін «адраджэнне» абазначае два розныя паняцці. Каб пазбегнуць блытаніны, іх варта размежаваць: першае (культурна-гістарычную эпоху ў еўрапейскай гісторыі) абазначыць паняццем «гуманістычнае адраджэнне», а другое (заканамернасць культурна-гістарычнага развіцця пэўных народаў і рэгіёнаў) — паняццем «нацыянальнае адраджэнне». Ні адно з іх не перакрывае сабою другое і не поўнасцю ўключае яго ў якасці сваёй падсістэмы. У рамках пераходнага перыяду ад сярэднявечча да Новага часу гуманістычнае адраджэнне ў дачыненні да нацыянальнага адраджэння выступае як «цэлае» адносна сваёй «часткі», бо якраз у тую эпоху ў еўрапейскім рэгіёне адбывалася станаўленне нацыянальных дзяржаў, паскорана развівалася нацыянальная мова, літаратуры, культуры. А ў «полі зроку» нацыянальнага адраджэння як заканамернасць з'явы, якая паўтараецца на розных узроўнях і ў пэўным «гістарычным рытме», гуманістычнае адраджэнне бачыцца як рэгіянальна-еўрапейская лакалізаваная ў часе культурна-

гістарычная эпоха. У гэтым плане нацыянальнае адраджэнне ўключае ў сябе гуманістычнае адраджэнне як адзін са сваіх ранніх этапаў.

Аналіз Багдановічавай публіцыстыкі паказвае, што праблема адраджэння нацыянальнай культуры ў шырокім сэнсе гэтага слова была магістральнай ў ягоных роздумах пра гістарычны лёс беларускага і брацкіх славянскіх народаў. З гэтай тэматыкі пачыналася паэтычная творчасць Багдановіча, а пазней яна стала публіцыстычным пафасам яго праграмных твораў, якія канчаткова сцвердзілі ў грамадскай свядомасці беларускую паэтычную сімволіку адраджэнскага зместу.

Свядомая ўстаноўка на тварэнне адраджэнскай паэтычнай легенды адчуваецца ў першым надрукаваным творы Багдановіча «Музыка». У гэтым стылізаваным пад народную легенду апавяданні пазначана драма станаўлення новай нацыі, якую не хацелі прызнаць «злыя і сільныя людзі». Паэт выкрывае гістарычны падман чужынцаў (і сваіх «янычараў»), якія хацелі падмяніць самую душу народа, падкінуць яму чужую «музыку», чужыя каштоўнасці. Багдановічаў Музыка — гэта фальклорны вобраз беларускага мастака-адраджэнца, які пазней стаў цэнтральным вобразам у паэме Якуба Коласа «Сымон-музыка». Бо і герой гэтай паэмы, як і Багдановічаў Музыка, хадзіў «між бедным людям і граннем сваім будзіў ад цяжкага сну». Злыя і багатыя людзі хацелі спачатку купіць Музыку ці хоць бы яго мастацтва (скрыпку). Калі ж гэта не ўдалося, яны «кінулі яго ў турму, і там скончылася яго жыццё». І тыя, хто загубілі Музыку, узялі скрыпку і пачалі самі іграць на ёй людзям. Кажучы публіцыстычнаю моваю, паспрабавалі падмяніць нацыянальныя каштоўнасці, падкінуць народу свае ўласныя. «Добра граеце,— гаварылі людзі,— ды ўсё не тое!» Прайшло шмат гадоў, скрыпка разбілася. «Але памяць аб Музыку не загінула з ім разам. І з-паміж таго народу, катораму ён калісь граў, выйдуць дзiesiąткі новых музыкаў

і граннем сваім будуць будзіць людзей к свету, праўдзе, брацтву і свабодзе...»

Перад намі — абагульнены вобраз, паэтычная міфалагема той заканамернасці, якую сёння мы вызначаем паняццем нацыянальнага адраджэння. Другім сімвалам нацыянальнага адраджэння, паэтычнай кветкай Беларусі стаў «сінявокі васілёк». Яго радавод таксама пачынаецца ў творчасці Багдановіча, хоць карані яго — у беларускай народнай песні. У вершы «На чужыне» (1908) паэт сустрэў сярод чужой красы «наш родны, забыты ў цяні васілёк», які нашэптвае яму: «ўспамянем, мой дружа, ў багатай чужыне // Аб беднай, далёкай сваёй старане». Пра неўміручасць у генетычнай памяці народнай яго спрадвечных духоўных каштоўнасцей — лірычны шэдэўр Багдановіча «Слуцкія ткачыхі» (1912). Паэтычны адраджэнскі сімвал тут перанесены ў лірычны свет таленавітых дзяўчат-ткачых. Яны ўзяты ў «панскі двор», каб ткаць залатыя паясы «на персідскі ўзор». Але думкі іх міжвольна імкнуцца «Туды, дзе расцвіла вясна; // Дзе блішча збожжа ў яснай далі, // Сінеюць міла васількі... // І тчэ, забыўшыся, рука, // Заміж персідскага узора, // Цвяток радзімы васілька».

Народныя вытокі нацыянальнага адраджэння бачыліся паэту ў вобразе падземных крыніц, якія жывяць рэкі і рэчкі роднай культуры. На многія гады, нават вякі іх можна засыпаць і затаптаць; але ў рэшце рэшт яны прарвуцца на паверхню і ў чысціні сваёй жывой вады адлюструюць неба сусветнай культуры. У вершы «Каганцу» (1910) паэт убачыў спецыфічна беларускае выяўленне гэтага вяртання спрадвечных скарбаў народнага духу да абноўленага жыцця:

Гэтак часам уваходзіць у землю крыніца,
Дзесь у нетрах таемна бяжыць,
Але мусіць урэшце на волю прабіцца,
Шмат яшчэ на зямлі будзе ліцца-каціцца
І радзімаму краю служыць.

Нацыянальнае адраджэнне — гэта зярня той духоўнай «пшаніцы», якое стагоддзямі ляжала пахаваным у магіле, але ўрэшце прарасло і закаласіла. Як у санеце Багдановіча «Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі...», дзе ў заключным тэрцэце ўводзіцца рэпрыза ранейшага сімвала-крыніцы:

Вось сімвал твой, забыты краю родны!
Зварушаны нарэшце дух народны,
Я верую, бясплодна не засне,
А ўперад рынецца, маўляў крыніца,
Каторая магутна, гучна мкне,
Здолеўшы з глебы на прастор прабіцца.

Пра духоўнае адраджэнне беларуса паэт напісаў сваю лебядзіную песню — верш-гімн «Пагоня» (1916). «Пагоняй» у нашай далёкай мінуўшчыне называлі палкі народных ваякаў, якіх пасылалі наўздагон рабаўнікам-ворагам, каб адпомсціць і вярнуць палон. У вершы Багдановіча гістарычная рэальнасць набыла этычны, духоўны сэнс. У ім — пераўтвораная моваю мастацтва філасофія нацыянальнай гісторыі. Калі Музыка і сінявокі васілёк — лірычныя, а гэта значыць «вечна жаночкія» сімвалы беларускага адраджэння, то «Пагоня» — сімвал мужа-рыцарскі, ваяцкі. Сімвал тых, хто гатовы пакласці жыццё сваё за родную мову, народ, нацыю, Бацькаўшчыну.

*
* * *

Каля дваццаці вядомых сёння твораў М. Багдановіча, якія адносяцца да жанру публіцыстыкі, прысвечаны праблеме нацыянальнага адраджэння беларусаў ды іншых славянскіх народаў, іх мовы, літаратуры, культуры. З іх у дзесяці даследуецца гісторыя беларускага культурна-нацыянальнага руху («Сталецце руху беларускага народа», «Белорусское возрождение», «О гуманизме и неосмотрительности», «Белорусы», «Хто мы такія?», «На

белорусские темы», «Белорусский беженский приют», «Аб веры наших пращураў», «Голос из Белоруссии», «Деятельность Минского белорусского комитета»), тры маюць дачыненне да расійскага дэмакратычнага абнаўлення («Новая інтэлігенцыя», «Н. Д. Ножин», «Н. К. Михайловский»), шэсць прысвечаны гісторыі і культуры ўкраінскага народа («Галицкая Русь», «Червоная Русь», «Львов», «Угорская Русь», «Образы Галиции в художественной литературе», «Украинское казачество»), нарэшце, брашурка «Братья-чехи» ўяўляе сабою гісторыка-этнаграфічны нарыс чэшскага народа і яго культуры. Адпаведна і геаграфія публіцыстычных выступленняў Багдановіча ахоплівае ўвесь усходнеславянскі рэгіён: большая частка друкавалася ў расійскім друку (яраслаўская газета «Голос», часопісы «Жизнь для всех», «Национальные проблемы», «Русский экскурсант», «Ежемесячный журнал», серыя брашур «Библиотека войны» ў маскоўскім выдавецтве К. Ф. Някрасава); важныя даследаванні беларускага нацыянальнага адраджэння ўпершыню надрукаваны ў рускамоўным часопісе «Украинская жизнь». Толькі адзін артыкул («Хто мы такія?») упершыню надрукаваны пасмяротна ў беларускай газеце «Вольная Беларусь» (1918). Пяць артыкулаў упершыню надрукаваны з аўтографам у «Творах М. Багдановіча» (1928, т. II).

Калі ўлічыць тая абставіны, што беларуская літаратура пачатку нашага стагоддзя рэдка выходзіла за межы нацыянальнага рэгіёна, амаль не перакладалася на іншыя мовы, а нашы публіцысты друкаваліся пераважна ў беларускім друку, то прыходзіцца прызнаць, што Багдановіч-публіцыст выступаў у ролі беларускага паўнамоцнага прадстаўніка, звернутага да тагачаснай агульнарасійскай публікі. Яго папярэднікам на Украіне быў хіба што Сяргей Палуян, які пачаў знаёміць украінскіх братоў з беларускім адраджэннем. Аднак місія Палуяна рана спынілася з-за трагічнай смерці гэтага самаахвярнага пісьменніка. Спраба публіцыста Лявона Гмырака надру-

каваць свой нарыс «Беларускае нацыянальнае адраджэнне» ў расійскім ліберальна-народніцкім часопісе «Русское богатство» не здзейснілася.

У артыкуле «Беларускае адраджэнне» М. Багдановіч вызначыў цікавую заканамернасць развіцця культуры ў кантэксце «агульна-еўрапейскага прагрэсу». Яна датычыцца перш за ўсё літаратуры і літаратурнай мовы. Старажытны свет і сярэднявечча ведалі ўсяго некалькі літаратурных моў: грэчаскую, лацінскую ў Еўропе, арамейскую, старажытнаўрэйскую на Усходзе і інш. А ў славянскім рэгіёне літаратурнай мовай беларусаў, рускіх, украінцаў, балгараў і іншых народаў была, як вядома, агульная для іх стараславянская мова. Агульна-еўрапейскі прагрэс развіваўся ў бок дыферэнцыяцыі мовы, літаратуры, духоўнай культуры, у выніку чаго сфарміраваліся і расквітнелі нацыянальныя літаратуры: спачатку італьянская, французская, англійская, іспанская, нямецкая, затым польская, чэшская, партугальская, галандская, румынская, фінская, літоўская, латышская, грузінская, армянская і інш. Адначасова адбываўся працэс размежавання «сваяцкіх культур»: поруч з чэшскай узнікла славацкая, поруч з велікарускай — беларуская і ўкраінская. Пагэтану, зазначыў Багдановіч, станаўленне беларускай нацыянальнай мовы і літаратуры — гэта «не рарытэт, не унікал, а глыбокае жыццёвае явішча, знаходзяцца ў русле агульнаеўрапейскага прагрэса».

Вызначэннем гэтай заканамернасці, а па сутнасці, канстатацыяй рэальнага культурна-гістарычнага працэсу адмяняліся рэакцыйныя міфы ўплывовай у царскай Расіі і ўсё яшчэ жывучай нават у канцы ХХ ст. плыні «западна-русизма», паводле якой няма асобных народаў, а тым больш нацый беларускай і ўкраінскай, ёсць толькі «адзіны рускі народ» з адзінай «рускай» мовай і літаратурай, які ў неспрыяльных для Расіі гістарычных умовах раздзяліўся на тры «племени» — велікарускае, маларускае і беларускае. Адпаведна «часова» ўзніклі два «на-

речыя» адзінай расійскай мовы — беларускае і ўкраінскае. Не апускаючыся да спрэчак з вульгарызаванымі разнавіднасцямі «западнарусизма», якія знайшлі прыстанішча ў чарнасоценскіх выданнях накіштальт газет «Минское слово», «Западно-русская жизнь» і інш., М. Багдановіч прааналізаваў бясспрэчныя факты гісторыі. А яны засведчылі, што Беларусь і Расія — два самастойныя культурныя комплексы, якія адрозніваюцца паміж сабою сацыяльна-гістарычным быццём, накіраванымі звонку ўплывамі, ходам гістарычных падзей і канчатковымі вынікамі развіцця. Па сутнасці, гісторыка-тэарэтычныя высновы беларускага публіцыста грунтаваліся на даследаваннях прадстаўніка ліберальнай разнавіднасці «западнарусизма» Я. Карскага, добрасумленнага вучонага, які вынікамі сваіх даследаванняў супярэчыў сваім жа ідэалагічным забабонам. Беларуская народнасць сфарміравалася ў асноўных рысах ужо ў канцы XIII ст., развівалася ў рамках цывілізаванага ў прававых і культурных адносінах Вялікага княства Літоўскага, дзе беларуская мова была моваю дзяржаўнаю, адбывалася канструктыўнае культурнае ўзаемадзеянне ў рамках заходнееўрапейскага рэгіёна, а пазней, у XVI ст., узнікла нацыянальна самабытная гарадская культура, тыпалагічна блізкая да рэнесанснага гуманізму.

Другая частка артыкула «Беларускае адраджэнне» прысвечана галоўным чынам гісторыі літаратуры ў кантэксце агульнага сацыяльна-палітычнага і культурнага руху. Яна выходзіць за рамкі публіцыстыкі, у сферу літаратуразнаўства. Тут М. Багдановіч апярэдзіў свой час, прапанаваў гістарычную канцэпцыю развіцця беларускай культуры, якая і сёння не страціла навуковай вартасці, за выключэннем паасобных прыватных ацэнак ці фактычных недакладнасцей (недаацэнка мастацкай вартасці літаратурнай спадчыны В. Дуніна-Марцінкевіча, погляд на беларускі нелегальны друк 1862—1863 гг. як творчасць «польскіх паўстанцаў» і інш.). •

У накідзе да артыкула пра беларускае нацыянальнае

адраджэнне пад назвай «Сталецце руху беларускага народа» М. Багдановіч развееў міф пра «выратавальную місію» царызму на Беларусі. Абапіраючыся на ўрадавыя матэрыялы і сведчанні афіцыйнай расійскай навукі, ён паказаў, што пасля далучэння Беларусі да Расіі ў канцы XVIII ст. становішча беларускага сялянства пагоршылася, пачалося сапраўднае руйнаванне эканомікі і духоўнай культуры народа пад гнётам нічым неабмежаванага прыгонніцтва.

Краязнаўчы, навукова-папулярны артыкул «Беларусы» (1915) у жанры беларусазнаўства цалкам прысвечаны праблеме нацыянальнага адраджэння як заканамернасці гісторыі народа. Пры вызначэнні этнічнай тэрыторыі беларусаў пісьменнік абапіраўся на этнаграфічныя і лінгвістычныя даследаванні Я. Карскага. На думку Багдановіча, беларуская народнасць пачала складвацца ў XII—XIII стст., гэта значыць у эпоху старажытнай Русі. Пазней, у складзе Вялікага княства Літоўскага беларусы поруч з украінцамі і літоўцамі склалі касцяк гэтай дзяржавы, яе эканамічную, палітычную і культурную аснову. Даследчык звярнуў увагу на спецыфіку этнагенезу беларусаў — адсутнасць у гэтай народнасці фінскіх элементаў і татара-мангольскіх напластаванняў, непарыўнасць старажытнарускіх палітычных і культурных традыцый, якія ў эпоху гуманістычнага адраджэння узбагаціліся дасягненнямі еўрапейскай культуры і сталі сацыяльна-культурнай асновай для грамадскіх і дзяржаўна-прававых формаў Вялікага княства Літоўскага. У XV—XVII стст. на Беларусі перакрыжоўваліся ўсходнеславянскія і заходнееўрапейскія тыпы культуры.

Упадак нацыянальнага жыцця Беларусі ў другой палове XVII—XVIII ст., на думку Багдановіча, тлумачыцца ўзмацненнем тут пасля Люблінскай уніі 1569 г. каланізатарскіх тэндэнцый. У момант далучэння Беларусі да Расіі толькі сяляне і простыя гараджане захавалі «элементарныя асновы своей, когдато-богатай нацыянальнай культуры», аднак і ў такім выглядзе яна «была куль-

турой самостоятельной, а не вариантом культуры великорусской». Захаваная ў народнай душы, яна паслужыла ў XIX — пачатку XX ст. крыніцай для нацыянальнага, сацыяльнага і культурнага адраджэння беларусаў. М. Багдановіч спадзяваўся, што руская інтэлігенцыя падтрымае гэты рух, у тым ліку палітычнае патрабаванне тэрытарыяльнай аўтаноміі Беларусі і Літвы.

Адначасова ў 1914—1915 гг. Багдановіч напісаў нарыс «Хто мы такія? Ліст да простых людзей», дзе папулярна тлумачыў ідэю гістарычнай і культурна-нацыянальнай самабытнасці беларусаў і Беларусі. Ён мог быць таксама раздзелам у падручнік па беларусказнаўству для народных школ. Відавочна, што тут паэт развіваў публіцыстычную традыцыю ў жанры «гутаркі з народамі», якую адрадзілі К. Каліноўскі і Ф. Багушэвіч. Успамінаецца пафас «Мужыцкай праўды» Яські, гаспадары з-пад Вільні, «Прадмова» Мацея Бурачка, калі мы чытаем заклік Багдановіча: «Беларусы! Мы — вялікі народ, нас дванаццаць мільёнаў... Калісьці ў нас было сваё гасударства, скрозь чутно было нашу беларускую гаворку. У ёй пісалі законы, разбіралі справы ў судах, вучылі ў школах, друкавалі кніжкі, спраўлялі набажэнства ў царквах ды касцёлах». Выкрыўшы палітыку паланізацыі і русіфікацыі Беларусі, Багдановіч папярэджаў, калі не спынім гэтыя разбуральныя працэсы, то самабытная нацыя і яе культура апыняцца перад пагрозай знікнення. «Дык няхай жа не станецца так! Не пакінем сваёй гаворкі, сваіх песняў, сваіх звычаяў — свайго кроўнага, спрадвечнага, беларускага. Не адракомся, не забудзем, не кінем на глум; будзем шанаваць, бараніць, дзесям сваім тое запавядаць».

Артыкул «На белорусские темы» (1916) цікавы тым, што ў ім Багдановіч бадаў што ўпершыню адкрытым тэкстам і ў палеміцы з інструкцыямі царскага ўрада даказаў парадокс расійскай палітыкі: не прызнаючы нацыянальнай самастойнасці беларусаў, іх мовы, яна, міжволі ці з намерам, адкрывала дзверы для масавай па-

ланізацыі Беларусі. Больш таго, царскі ўрад не хаваў сваёй мэты — «знішчыць беларусаў як нацыянальнасць», а для гэтага ён спыняў выданне беларускіх кніг і газет, паліў раней выдадзеныя, забараніў уніяцкую рэлігію, якая стала ў нашым краі нацыянальна-беларускай, скасаваў асноўны помнік беларускага права — Літоўскі статут, урэшце, забараніў у 1839 г. выкарыстанне беларускай мовы ў хрысціянскім богаслужэнні. Апошнім актам гэтай антыбеларускай палітыкі была інструкцыя, паводле якой «дабавачнае богаслужэнне» (казанні і іншыя формы сумоўя іерархіі з прыходам) на Беларусі павінна было адбывацца па-руску. Вынікам гэтага быў масавы запіс беларусаў-католікаў у «палякі».

Ужо ў Мінску, працуючы ў земскім харчовым камітэце, М. Багдановіч падрыхтаваў свае апошнія артыкулы («Голос из Белоруссии», «Белорусский беженский приют» і інш., 1916), даказваючы згубнасць для дзіцячай душы і народнай культуры выхавання і навучання ў школе не на матчынай мове, а на сурэгатах расейскай мовы і культуры.

Шэраг артыкулаў і рэцэнзій М. Багдановіч прысвяціў станаўленню рускай нацыянальнай культуры. Асабліва зацікавіла яго народніцкая публіцыстыка В. Г. Караленкі, М. К. Міхайлоўскага, М. Д. Ножына, С. М. Южакова і інш. Гэта тлумачыцца тым, што народніцкі рух быў вельмі актуальным для Беларусі. Шмат хто з паэтаў і публіцыстаў «Нашай нівы» развіваў ідэі рускіх народнікаў, зразумела, з улікам гістарычнага лёсу беларусаў, іх сацыяльна-палітычных і культурных праблем. Для рускіх і беларускіх гуманістаў-народнікаў было характэрным узнёслае пачуццё сыноўняга абавязку перад усімі пакаленнямі свайго народа. Гэтай тэме паэт прысвяціў артыкул «Новая интеллигенция» (1914), бацькам якой лічыў В. Р. Бялінскага. Невыпадкова таксама Багдановіч рэцэнзаваў першыя нумары часопіса «Национальные проблемы» за 1915 г.: яму імпанавала тое, што гэтае

выданне ўзяло за аснову сваёй праграмы прынцыпы нацыянальнага і культурнага самавызначэння народаў. Праблему нацыянальнага самавызначэння Багдановіч ставіў у цэнтр увагі нават у артыкулах, прысвечаных вузкім культурным тэмам, напрыклад бібліяграфічным даследаванням М. А. Рубакіна.

Брашура «Червоная Русь» (1914) адкрывала цыкл гісторыка-этнаграфічных нарысаў, прысвечаных нацыянальнаму самавызначэнню заходніх і паўднёвых славян, а таксама народаў Галіцыі і Чырвонай Русі. Паэт і публіцыст угадаў гістарычны лёс гэтых народаў, якія да распаду Аўстра-Венгрыі знаходзіліся ў складзе паўднёва-нямецкай імперыі.

Асноўная думка шматлікіх публіцыстычных выступленняў М. Багдановіча — сацыяльна-палітычнае і духоўнае вызваленне беларусаў, іх славянскіх братоў, адраджэнне іх эканомікі і культуры, а ў гістарычнай перспектыве — творчы росквіт, супрацоўніцтва і ўзаемныя гарантыі бяспекі ў вольнай славянскай сябрыне, якая гарантуе нацыянальную свабоду і незалежнасць кожнаму народу. Ідэю адраджэння паэт пераносіў з гістарычнага жыцця нацыі на жыццё чалавечай асобы, на творчасць мастака, пісьменніка. Сімвалам духоўнага адраджэння чалавека паслужыў для паэта вобраз патухшага вогнішча, на месцы якога гарыць, прыхаваны попелам, нязгасны агонь.

Трэці том поўнага збору твораў М. Багдановіча (паўната гэтая, зразумела, адносная, бо ў гады Айчынай вайны знік рукапісны архіў пісьменніка, сабраны намаганнямі ягонага бацькі Адама Ягоравіча і Літаратурнай камісіі Інбелкульта на чале з І. Замоціным) будзе, як мне здаецца, добрай сенсацияй у нашым літаратуразнаўстве. Ранейшыя акадэмічныя выданні (1927—1928 і 1968 гг.) засведчылі, што выдатны паэт, крытык і перакладчык быў даследчыкам, аўтарам навукова-папулярных і краязнаўчых нарысаў і некалькіх уласна публіцыстычных

твораў, якія пабачылі свет у 1914—1917 гг. З іх толькі два былі газетнымі выступленнямі: адно прысвячалася дзесятым угодкам з дня смерці М. К. Міхайлоўскага (1914), а другое — гораду Львову, занятаму расійскай арміяй у выніку паспяховай ваеннай кампаніі супраць Аўстрыі летам 1914 г. Гэта — у яраслаўскай газеце «Голос». Яшчэ некалькі артыкулаў пра беларускую адраджэнскую справу друкаваліся ў часопісе «Украинская жизнь».

За апошнія дваццаць гадоў рупліўцы-даследчыкі, тэксталагі адкрылі дваццаць раней невядомых публіцыстычных твораў пісьменніка, расшыфравалі псеўданім «Февралев» і заснаваныя на ім крыптанімы, якімі ён падпісваў свае артыкулы і рэпартажы ў газеце «Голос». Па сутнасці, адбылося адкрыццё Багдановіча-журналіста, няштатнага супрацоўніка расійскага друку. Яно дазволіла «перанесці» журналісцкі дэбют пісьменніка з 1914 на 1910 г., калі быў апублікаваны яго першы рэпартаж пра агульны сход Яраслаўскага музычна-літаратурна-драматычнага гуртка.

Прыпомнім, што ў 1909—1910 гг. Багдановіч пасылаў у «Нашу ніву» свае першыя шэдэўры пейзажнай лірыкі («Возера», «Над возерам», «Вадзянік», «Лясун», «Хрэсьбіны лесуна», «Асенняй ночай», «Пугач», «Змяіны цар» і інш.), якія паклалі пачатак цыклу «У зачарованым царстве» — цудоўнай паэтычнай санаты пра Бацькаўшчыну. Той-сёй з нашаніўцаў-народнікаў не зразумеў паэта, нават убачыў у яго вершах «дэкадэншчыну», творы «не для народа» (А. Паўловіч, Ядвігін Ш.). Але на пазнейшых даследчыкаў яны зрабілі глыбокае ўражанне і нават прычыніліся да высноў, быццам бы М. Багдановіч выявіўся амаль выключна як лірык, быў паэт, але «чыстай красы» сваёй Бацькаўшыны (А. Луцкевіч). Вось што пісаў першы біёграф М. Багдановіча: «Чаму паэт, які пражыў сваё маленства і юнацтва ў Ніжнім Ноўгарадзе і Яраслаўлі, не адбіў у сваіх вершах уражанняў Паволжа,

быту расійскіх губернскіх гарадоў, прыуральскага стэпу, дзе ён некалькі разоў летаваў, Крыму, дзе ён жыў і лячыўся, і г. д.? Гэтага аніяк нельга вытлумачыць недахопам яго ўражлівасці, а таксама таго матэрыялу з галіны прыроды і быту, якія ён назіраў вакол свае бацькаўшчыны. Гэта можна вытлумачыць толькі тым, што ўсё сваё нядоўгае жыццё, у парадку свае ўнутранае, маральнае дысцыпліны, цалкам аддаў Бацькаўшчыне, што ён сам пасвяціў сябе ў рыцары гэтай «даме» свайго юнацкага рамана, што ён, звязаны сваёю любасцю да бацькаўшчыны і слугаваннем ёй, мысліў сябе нявольным аддаваць сваё натхненне чаму-небудзь іншаму, апрача той — скажам словамі яго паэтычнай сімволікі — «мадонны», якая была для яго «*lumen coeli, sancta rosa*» * і якой адной ён мог, як паэт, маліцца і слугаваць».¹

Калі мець на ўвазе толькі арыгінальную беларускую паэзію М. Багдановіча, то пра яе Замоцін сказаў дакладна, дасціпла і ўзнёсла. Але ў творчасці нашага паэта рана выявілася тая універсальнасць таленту, якая характэрна геніяльным творцам усіх народаў. Скажам, ягонае майстэрства перакладчыка з класічнай літаратуры рускай, нямецкай, французскай і іншай бадай што не саступае арыгінальнай творчасці. А ён жа быў яшчэ вучоны даследчык, крытык і публіцыст. Зразумела, яго публіцыстыка — справа будзённая, магчыма, служыла для заробку, неабходнага для частковага пакрыцця траты тых духоўных і матэрыяльных рэсурсаў, якія спаўна аддаваліся слугаванню Бацькаўшчыне. І ўсё ж публіцыстыка таксама засведчыла літаратурны прафесіяналізм і тую сумленную адказнасць за сваё слова — рысы, што характарызуюць неардынарныя творчыя натуры. А яшчэ публіцыстычная спадчына М. Багдановіча сведчыць нам, што

* Светач мыслі, святая ружа (лацін.).

¹ Замоцін І. І., М. Багдановіч. У кн.: Багдановіч Максім. Творы. Мн., 1928. Т. 2. С. LVI.

пісьменнік ніколі не быў абыякавым да быту і культуры «расійскіх правінцыйных гарадоў», куды лёс паслаў яго жыць, вучыцца і працаваць. Відаць, ён быў актыўным сябрам музычна-літаратурна-драматычнага гуртка, пра сход якога ён так цікава і не без тонкай іроніі напісаў у газету «Голос». Васемнаццацігадовы аўтар паказаў сябе не радавым газетчыкам, бо выявіў здольнасці бытапісальніка, убачыў у простых, нават банальных падзеях чалавечыя характары і страсці. У яго газетных нататках і рэпартажах ёсць скрыты драматызм чалавечых лёсаў.

А вось у артыкуле на тэму народнай адукацыі ў Яраслаўскай губерні (1912) малады публіцыст раскрыўся як краязнаўца, які ўмее аналізаваць дынаміку развіцця школьнай справы з выкарыстаннем дакладнай земскай статыстыкі.

Пакуль што не знойдзены артыкулы Багдановіча за другую палову 1912—1913 гг. Магчыма, іх і не было, бо гэта быў час, калі стваралася кніжка выбраных вершаў «Вянок», іншыя лірычныя творы, а яшчэ рукапісны зборнік аўтарскіх перакладаў на рускую мову «Зеленя». Як вынікае з ліста Багдановіча ў рэдакцыю «Нашай нівы» (14 лістапада 1912 г.), тады ж ён рыхтаваў для ўкраінскага выдавецтва зборнік беларускіх апавяданняў (творы Я. Коласа, Ядвігіна Ш., З. Бядулі, С. Палуяна, Я. Журбы, А. Гаруна, В. Ластоўскага і інш.) у сваім перакладзе на рускую мову. Лёс гэтага рукапісу невядомы. Апрача папулярызаванай нашай літаратуры ў Расіі і на Украіне паэт хацеў зарабіць сродкі на выданне «Вянка», пра што ён паведамляў у «Нашу ніву» 27 красавіка 1913 г.

У першыя два гады сусветнай вайны М. Багдановіч быў заняты артыкуламі і брашурамі пра адраджэнне беларусаў і брацкіх славянскіх народаў. Брашуры «Червоная Русь», «Угорская Русь», «Братья-чехи», відавочна, пісаліся па заказу рэдакцыі серыі «Бібліятэка вайны», а нарыс «Белорусы» — па дамоўленасці з часопісам

«Национальные проблемы». А разам з тым па закліку свайго сэрца: паэт сведчыў пра свой народ і славянства перад еўрапейскім чытачом.

І толькі летам 1916 г. пасля заканчэння ліцэя, перад апошняй восеньскай паездкай на Бацькаўшчыну М. Багдановіч вярнуўся да журналісцкай працы ў яраслаўскай газеце «Голос», з 9 чэрвеня да 27 жніўня апублікаваў пятнаццаць артыкулаў, нарысаў і рэпартажаў. Нават для штатнага супрацоўніка гэта была б праца прыкметная і напружаная. А яна ж рабілася паэтам, так сказаць, у вольны час ад свайго ахвярнага служэння Бацькаўшчыне.

Адкрыты ў 1984 г. М. Пазняковым псеўданім Багдановіча-публіцыста «Ив. Февралев» дазволіў на старонках газеты «Голос» знайсці шэраг раней невядомых артыкулаў пісьменніка. Сярод іх — судовая нататка «Две смерти». Ёсць яшчэ ўскосны доказ таго, што аўтарам гэтай публікацыі ў яраслаўскай газеце быў М. Багдановіч. Вершам з такім загалоўкам ён завяршыў сваю нізку «Места» ў зборніку «Вянок». Эпіграфам да гэтага унікальнага ў беларускай паэзіі твора, паводле пранікнення ў трагічную бездань жыцця і лаканізму выяўленчых сродкаў, стала паведамленне газет пра самаатруту Івановай. Чарговая ахвяра грознага кону нагадала паэту той далёкі час, «Калі патрыцый смерць з прыветам спатыкаў, // Прабіўшы жылы на руках». У двух класічных квінцілах (пяцірадкоўях) верша адлюстравалася пераклічка трагічных падзей праз два тысячагоддзі. Смерць яднае людзей усіх саслоўяў і эпох, як бы «знімаючы» плынь часу. Гэтае «накладванне» двух малюнкаў самагубства падкрэсліваецца рэфрэнам «І... мігдаловы горкі пах». Толькі вось рымскі патрыцый паміраў, як можна здагадацца, па загаду тырана-імператара на сваёй віле, дзе «дрыжэлі спева флейт, дзень ясны дагараў», праз акно струіўся цёплы вецер, даносячы тонкі пах міндалевых кветак. А пасля самагубства Івановай з «Мяшчан-

скай вуліцы» ў цесным гарадскім пакоі застаяўся горкі міндалевы пах сінільнай кіслаты.

Зразумела, газетная публіцыстыка, паводле свайго жанру і прызначэння — быць праўдзівым люстэркам штодзённых падзей, не прэтэндавала на тую вышыню духоўнага спасціжэння быцця, на якую падняўся аўтар «Вянка» ў паэзіі. Але талент і спакойная думка, якія так гарманічна спалучаліся ў яго творчасці, «прачытваюцца» ў гэтых нарысах і рэпартажах. Больш таго, ёсць у іх прадчуванне той вялікай драмы, якую наканавана было перажыць народу паміраючай імперыі ў дваццатым стагоддзі. Уважлівы чытач прыкмеціць у іх непаказное чалавекалюбства, клопаты пра людзей, найперш пра лёс дзяцей, якіх так шчыра любіў наш паэт-гуманіст.

Апошнія публіцыстычныя выступленні М. Багдановіча падсумоўваюць яго службовую і грамадскую дзейнасць у Беларускім таварыстве дапамогі пацярпеўшым ад вайны і ў Мінскай харчовай камісіі восенню 1916 г. Сярод новых артыкулаў на тэму ратавання беларускага народа ад жахаў вайны — «Агляд працы за першы год Мінскага адзела Беларускага таварыства для помачы пацярпелым ад вайны», падпісаны псеўданімам М. Осьмак і надрукаваны ў беларускай газеце «Дзянніца» 27 лістапада 1916 г., дзе яго знайшоў даследчык Віталь Скалабан і апублікаваў у часопісе «Польмя» (1987. № 12). Артыкул засведчыў пра самаахвярную працу выдатных беларускіх дзеячаў. Сярод іх быў старшыня Мінскай губернскай харчовай камісіі Раман Скірмунт. Яго доўга «выкрывалі» крывадушныя змагары з «беларускім нацыяналізмам». А ён жа ратаваў нашых бацькоў і дзядоў ад галоднай смерці, узначаліўшы вялікую арганізацыйную і гуманітарна-камерцыйную дзейнасць па дастаўцы ў Мінскую губерню прадуктаў харчавання. У ведамстве Скірмунта паўгода служыў М. Багдановіч — першы і апошні раз у сваім кароткім жыцці. У Поўны збор твораў уключана службовая справаздача пісьменніка — «Обзор

деятельности Минской губернской продовольственной комиссии по 1 января 1917 года», выдана без подписи аўтара ў Мінску (1917).

Папоўнілася таксама эпістальная спадчына паэта. У 1976 г. Вячаслаў Рагойша выявіў у архіве яго ліст у рэдакцыю «Нашай нівы» з просьбай выслать падпісаную газету на крымскі адрас, дзе М. Багдановіч лячыўся і адпачываў у 1909 г. Некалькі лістоў, якія не ўваходзілі ў папярэднія акадэмічныя зборы твораў, перадрукоўваюцца з «Гадавіка Беларускага навуковага таварыства» (Вільня, 1933), дзе іх упершыню апублікаваў Антон Луцкевіч. Дарэчы, імёны А. Навіны (А. Луцкевіча), В. Ластоўскага, некаторых іншых пісьменнікаў і грамадскіх дзеячаў упершыню ўзнаўляюцца ў новым Зборы твораў. Раней іх «выкрэслівалі» «па цэнзурных меркаваннях».

Урэшце, украінскі пераклад брашуры Багдановіча «Белорусское возрождение» (1916) сведчыць, што ён увайшоў яшчэ і ў гісторыю літаратуры брацкага нам народа. «Апісанне рукапісаў Максіма Багдановіча і матэрыялаў да яго біяграфіі», упершыню апублікаванае ў «Творах М. Багдановіча» (1927—1928), знаёміць чытача з прапаўшым у час вайны архівам паэта і дае ў рукі даследчыкаў ключ да новых пошукаў.

Класічная літаратурная спадчына непадуладная часу. Яна не асядае ў музейных кладоўках, застаецца актуальнай традыцыяй нацыянальнай культуры. Артыкулы Максіма Багдановіча і сёння застаюцца ўзорам сцісласці формы і паўнаты зместу. Якраз таго, чаго так не хапае сённяшняй публіцыстыцы — той балбатлівай «фельетоннай літаратуры», па дасціпнаму вызначэнню Германа Гесе, якая запанавала ў эпоху газетна-часопіснага буму і масавай культуры.

УЛАДЗІМІР КОНАН

КАМЕНТАРЫ

ТЭКСТАЛАГІЧНАЯ ДАВЕДКА

У трэці том Поўнага збору твораў М. Багдановіча ўключаны публіцыстычныя артыкулы, лісты, афарызмы і моўныя выразы, уласнаручны спіс твораў, раздзел «Dubia» (творы, якія прыпісваюцца М. Багдановічу), раздзел «Дадатак», а таксама «Летапіс жыцця і творчасці». Увесь гэты матэрыял ахоплівае 1909—1917 гг. творчага жыцця пісьменніка. У параўнанні з папярэднім выданнем творчай спадчыны М. Багдановіча (двухтомнікам 1968 г.) тут друкуюцца новыя артыкулы «Народное образование», «В гостях у детей», «(В воскресенье, 7 марта...)», «В с. (еле) Крест», «За сахаром», «Годовщина Народного дома», «Кооперативное совещание», «Мимоходом», «Мытарства беженцев», «Детская колония», «(Заседание городской думы)», «Дело по обвинению в разбое», «Покушение на вооруженную кражу», «Две смерти», «Покушение на поджог», «Агляд працы за першы год Мінскага аддзела Беларускага таварыства для помачы пацярпеўшым ад вайны», «Обзор деятельности Минской губернской продовольственной комиссии по 1 января 1917 года», «Сельскохозяйственная перепись», асобныя лісты, афарызмы і моўныя выразы, уласнаручны спіс твораў, выяўленыя ў 70—80-х гадах Н. Ватацы, Л. Мазанік, М. Пазняковым, К. Піліповіч, В. Рагойшам, Я. Саламевічам, В. Скалабанам, Т. Стровай.

У якасці асноўнага тэксту для большасці твораў дадзенага тома прыняты тэкст першай, прыжыццёвай публікацыі іх у перыядычным друку, а таксама тэкст асобных выданняў. Частка артыкулаў і лістоў друкуецца паводле выдання «Творы М. Багдановіча». М., 1928. Т. 2.

У лістах узноўлены купюры, якія мелі месца ў ранейшых публікацыях.

Тэкст, які не належыць М. Багдановічу (рэдактарскія загалоўкі твораў, часткі недапісаных слоў), узноўлены паводле сэнсу. Узноўленыя часткі слоў заключаны ў вуглавя дужкі.

Каментуемыя месцы артыкулаў, лістоў, іншых матэрыялаў тома пазначаны суцэльнай нумарацыяй. У асноўным артыкулы датуюцца годам першай публікацыі або па аналогіі. Умоўная дата агаворваецца ў каментарыях і пад тэкстам твора падаецца ў квадратных дужках.

Да кожнага артыкула і ліста напісаны ўласна тэксталагічны і рэальны каментарыі. Каб пазбегнуць паўтораў пры каментаванні, робіцца спасылка на каментарый папярэдніх артыкулаў з указаннем канкрэтных пазіцый.

У канцы тома змешчаны алфавітныя паказальнікі твораў і імёнаў да I—III тамоў.

Артыкулы «Н. К. Михайловский», «Новая интеллигенция», «Львов», «Червоная Русь», «Галицкая Русь», «Угорская Русь», «Братячехи», «Сталецце руху беларускага народа», «В с.(еле) Крест», «За сахаром», «Годовщина Народного дома», «Кооперативное совещание», «Мимходом», «Мытарства беженцев», «Детская колония», «(Заседание городской думы)», «(В воскресенье, 7 марта...)» падрыхтаваны да друку і пракаментаваны Т. Р. Строевай, артыкулы «В гостях у детей» і «Сельскохозяйственная перепись» — К. В. Піліповіч; артыкулы «На белорусские темы», «Хто мы такія?», «Николай Дмитриевич Ножин», «Украинское казачество», «Беларусы», «О гуманизме и неосмотрительности» — С. В. Забродскай; «Образы Галиции в художественной литературе», «Дело по обвинению в разбое», «Покушение на вооруженную кражу», «Две смерти», «Покушение на поджог», «(Заседание городской думы)», «Білоруське відродженне» — Л. М. Мазанік; «Народное образование», «Белорусский беженский приют», «Аб веры нашых прашчураў», «Голос из Белоруссии», «Агляд працы за першы год Мінскага аддзела Беларускага таварыства для помачы пацярпеўшым ад вайны», «Деятельность Минского белорусского комитета», «Обзор деятельности Минской губернской продовольственной комиссии по 1 января 1917 года», лісты, уласнаручны спіс твораў М. Багдановіча, напісаных ім на рускай мове і надрукаваных у розных рускіх перыядычных выданнях, уласнаручны запіс М. Багдановічам афарызмаў і моўных выразаў, Dubia — А. І. Шамякінай.

(В воскресенье, 7 марта...)

(с. 6)

Друкуецца па газ. «Голос», 1910, № 54, 10 сак., дзе ўпершыню апублікаваны ў рубрыцы: Областной отдел. Рыбинск. Пад тэкстам: Е. Ф-в.

Як вядома, адзін з вершаў, апублікаваных М. Багдановічам у газеце «Голос», быў падпісаны псеўданімам «Ек. Февралёва». Вядома таксама, што большасць публіцыстычных нататкаў ён падпісваў псеўда-

німам «Ив. Февралёв» і ўтворанымі ад яго крыптанімамі «Ив. Ф.-в», «Ив. Ф.» і інш. Можна меркаваць, што і подпіс «Е. Ф.-в» належыць М. Багдановічу як адзін з варыянтаў псеўданіма «Ек. Февралёва».

Датуецца годам апублікавання.

У выданнях твораў М. Багдановіча друкуецца ўпершыню.

¹ Відаць, маецца на ўвазе драматычны тэатр у Рыбінску.

Народное образование

(с. 8)

Друкуецца па выд. «Северный календарь» на 1912 г. Подпіс: Н. Б. (памылка ў подпісе зроблена, відаць, пры наборы).

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

Артыкул «Народное образование» апублікаваны Я. Саламевічам у зб. «Святязь» (Мн., 1989).

На прыналежнасць гэтага артыкула М. Багдановічу ўказвае той факт, што артыкул адкрывае спіс выступленняў паэта на старонках яраслаўскага друку у 1912—1914 гг. (гл. т. 3, с. 236).

¹ Маецца на ўвазе земская рэформа 1864 г. Палажэнне пра губернскія і павятовыя земскія ўстановы, выкліканае неабходнасцю прыставаць самадзяржаўны лад Расіі да патрэб капіталістычнага развіцця.

² Шахаўскі Дзмітрый Іванавіч (1861—1939) — рускі дзяржаўны і грамадскі дзеяч, князь. Унук дзекабрыста Ф. П. Шахаўскога.

³ Заснаваны ў 1803 г. У 1918 г. пераўтвораны ў Яраслаўскі ўніверсітэт. У 1916 г. ліцэй закончыў М. Багдановіч.

Н. К. Михайловский

(с. 13)

Друкуецца па газ. «Голос», 1914, № 22, 28 студз., дзе ўпершыню апублікаваны пад псеўданімам: М. Б.

Як адзначалася ў Творах, 1928, т. 2, с. 377, на дасланым у Літаратурную камісію экзэмпляры артыкула бацькам паэта, Адамам Ягоравічам Багдановічам, было пазначана: «Згодна пасведчанню былога рэдактара «Голоса» С. С. Каныгіна, артыкул належыць М. А. Багдановічу. Я магу з свайго боку пасведчыць, што погляды і думкі, у ім укладзеныя, зусім аднолькавыя з яго (М. Б-ча) поглядамі».

Датуецца годам апублікавання.

¹ Міхайлоўскі Мікалай Канстанцінавіч (1842—1904) — рускі сацыёлаг, публіцыст, літаратурны крытык, адзін з тэарэтыкаў народніцтва. З дваран. Вучыўся ў Пецябургскім ўніверсітэце корпуса горных

інжынераў, адкуль выключаны за ўдзел у студэнцкіх выступленнях. Літаратурную дзейнасць пачаў у 1860 г. Друкаваўся пад псеўданімамі Граньяр, Пастаронні, Прафан і інш. З 1868 г. супрацоўнік, потым адзін з рэдактараў часопіса «Отечественные записки». М. А. Някрасаў высока цаніў талент М. Міхайлоўскага: «...цяпер ясна, што гэта самы здольны чалавек з новых, і яго, безумоўна, чакае добрая будучыня. Апрача несумненнай таленавітасці, ён чалавек са звесткамі, вельмі энергічны і працавіты. «Отеч. запискам» ён можа быць карысны моцна і надоўга»*.

Таленавіты публіцыст, Міхайлоўскі карыстаўся вялікай папулярнасцю ў дэмакратычных і рэвалюцыйных колах Расіі XIX ст. У працах «Літаратурныя нататкі», «Запіскі прафана», «Ліст аб праўдзе і няпраўдзе», «Лісты да вучоных людзей» і інш. ён клікаў рускую інтэлігенцыю да служэння інтарэсам народа, абуджаў пачуццё асабістай адказнасці за лёс краіны, адстойваў дэмакратычныя традыцыі, выступаў супраць ідэйнай рэакцыі.

Міхайлоўскі — літаратурны крытык — працягваў традыцыі школы М. Р. Чарнышэўскага і М. А. Дабралюбава. Ён разглядаў пісьменніка як «нравственнага» суддзю грамадства, а літаратуру як голас сумлення. Выступаў супраць прадстаўнікоў «чыстага мастацтва» і натуралізму, за грамадскі і дэмакратычны характар літаратуры. Літаратурна-крытычныя працы Міхайлоўскага прысвечаны Л. М. Талстому, Ф. М. Дастаеўскаму, М. Горкаму і інш.

Як палітык Міхайлоўскі сфарміраваўся пад уздзеяннем рэвалюцыйнага народніцкага руху 70-х гадоў. Ён прыйшоў да вываду, што неабходна карэнным чынам змяніць палітычны лад у краіне. У 1879 г. Міхайлоўскі напісаў знакамітыя «Лісты сацыяліста» і развянчаў у іх ідэалогію апалітызму. У 80-х гадах крытыкаваў тэорыю «малых спраў» і талстоўства. На пачатку 90-х гадоў выступіў супраць рускіх марксістаў, абвінавачваючы іх у абароне капіталізму.

У сацыялогіі Міхайлоўскаму разам з П. Л. Лаўровым належыць распрацоўка ідэі аб свабодным выбары «ідэала», якая філасофскі абгрунтавала магчымасць змяніць грамадскае развіццё ў выбраным перадавой інтэлігенцыяй кірунку. Найбольш поўнае выражэнне гэта ідэя атрымала ў так званым суб'ектыўным метады сацыялогіі, які аб'яўляў асобу («непадзельнае») зыходным пунктам гістарычнага даследавання і вышэйшай меры грамадскага прагрэсу.

² Рускі літаратурны і грамадска-палітычны штомесячны часопіс, які выдаваўся ў Пецярбурзе ў 1868—1884 гг. М. А. Някрасавым, М. Я. Салтыковым-Шчадрыным і інш. Літаратурная крытыка часопіса актыўна абараняла творчасць пісьменнікаў-народнікаў.

* Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. Спб., 1914. № 3. С. 76.

³ Навуковы, літаратурны і палітычны часопіс. Выдаваўся ў 1876—1918 гг., заснаваны ў Маскве. Пасля 1892 г. часопіс узначалілі М. К. Міхайлоўскі і У. Г. Караленка. Часопіс стаў цэнтрам легальнага народніцтва.

⁴ *Южакоў Сяргей Мікалаевіч* (1849—1910) — рускі публіцыст і сацыёлаг, ліберальны народнік. З 1868 г. супрацоўнічаў у дэмакратычных часопісах «Знание», «Отечественные записки», «Дело» і інш. У 1876—1879 гг. таварыш рэдактара «Одесского вестника», блізі да рэвалюцыйнага падполля. У 1879—1882 гг. як палітычна ненадзейны быў у ссыльцы ва Усходняй Сібіры. У 1885—1889 гг. член рэдакцыі часопіса «Северный вестник», у 1894—1898 гг. — «Русское богатство». У вобласці сацыялогіі надаваў галоўную ролю «этычным фактарам» у сацыяльным прагрэсе. Адна з прац Южакова, якую разглядаў М. К. Міхайлоўскі, — Социологические этюды. Спб., 1891—1896, т. 1—2 (часоп. «Знамя». 1905, № 12; 1906, № 1).

⁵ *Дзюркгейм Эміль* (1858—1917) — французскі сацыёлаг-пазітывіст, заснавальнік французскай сацыялагічнай школы. Паводле Дзюркгейма, прадметам сацыялогіі з'яўляюцца сацыяльныя факты, якія вызначаюцца дзвюма адметнымі прыкметамі — аб'ектыўнасцю (знешнім існаваннем) і прымуасавасцю ў адносінах да індывіда. Грамадства трактуецца Дзюркгеймам як рэальнасць асобнага роду, якая не зводзіцца да сукупнасці індывідаў. Асноўныя працы: О разделении общественного труда. 1893; Метод социологии. К.; Хар., 1899. Аўтар даследавання «Самагубства» (1897, рускі пераклад 1912).

⁶ «Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых (т. е. личностей), к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми» (гл.: Михайловский Н. К. Что такое прогресс? Соч. Спб., 1896. Т. 1. С. 150).

⁷ Гл.: Михайловский Н. К. Что такое прогресс? Соч. Спб., 1906, Т. 1. С. 18—166; Последние сочинения Н. К. Михайловского. Спб., 1905. Т. 2. С. 455—461.

Спенсер Герберт (1820—1903) — англійскі філосаф, сацыёлаг і псіхолог, адзін з заснавальнікаў пазітывізму. Асноўная праца «Сістэма сінтэтычнай філасофіі» (1862—1896) складаецца з кніг: «Асноўныя пачаткі», «Асновы біялогіі», «Асновы псіхалогіі», «Асновы сацыялогіі», «Асновы этыкі». У філасофіі выступіў як агностык, задачай даследчыка лічыў толькі пазітывнае апісанне з'яў. Аснова філасофскай канцэпцыі — ідэя ўсеагульнай эвалюцыі. У сацыялогіі Спенсер — адзін з заснавальнікаў так званай арганічнай тэорыі грамадства, якая разглядала структуру чалавечага грамадства па аналогіі са структурай біялагічнага арганізма. Падзел грамадства на эксплуатагараў і эксплуатаемых лічыў натуральным вынікам біялагічных законаў. Спенсер — праціўнік сацыялізму, рэвалюцыю лічыў «хваробаю» грамадства.

⁸ Гл.: Михайловский Н. К. Теория Дарвина и общественная наука. Соч. Спб., 1906. Т. 1. С. 166—347.

⁹ О Всеволоде Гаршине. Ещё раз о Гаршине и др. // Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. М., 1957. С. 288—317.

¹⁰ Гл.: Михайловский Н. К. На венской всемирной выставке. Полн. собр. соч. Спб., 1907. Т. 2. С. 466—534.

Новая интеллигенция

(с. 15)

Друкуецца па часоп. «Жизнь для всех», 1914, № 5—6, дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: М. Богданович.

Датуецца годам апублікавання.

¹ *Караленка Уладзімір Галакціёнавіч* (1853—1921) — рускі пісьменнік. Друкавацца пачаў з 1878 г. Член рэдакцыі, а пазней рэдактар нарадавольніцкага часопіса «Русское богатство». Аўтар артыкулаў пра В. Бялінскага, М. Салтыкова-Шчадрына, Л. Талстога, Г. Успенскага, М. Чарнышэўскага, А. Чэхава і інш. Рэалістычнай творчасці пісьменніка ўласцівы рысы гераічнага рамантызму, паэтызацыя духоўнага багацця народа, спалучэнне эпічнасці з лірызмам, псіхалагічная тонкасць вобразаў.

² *Аксакаў Іван Сяргеевіч* (1823—1886) — рускі публіцыст, паэт, грамадскі дзеяч.

³ *Трубяцкі Сяргей Пятровіч* (1790—1860) — адзін з найбольш вядомых дзекабрыстаў. Удзельнік Айчыннай вайны 1812 г. і замежных паходаў 1813—1814 гг. За ўдзел у паўстанні 14 снежня 1825 г. быў асуджаны на пакаранне смерцю, якое замянілі катаргай. У 1856 г. быў амнісціраваны.

⁴ *Валконскі Сяргей Рыгоравіч* (1788—1865) — дзекабрыст. Удзельнік Айчыннай вайны 1812 г. і замежных паходаў 1813—1814 гг. З 1820 г. — член «Союза благоденствия», з 1821 г. — член Паўднёвага таварыства дзекабрыстаў. Быў асуджаны на пакаранне смерцю, якое замянілі катаргай. У 1856 г. вярнуўся з Сібіры.

⁵ *Адоеўскі Аляксандр Іванавіч* (1803—1839) — дзекабрыст. Пасля паражэння паўстання 14 снежня 1825 г. быў заключаны ў Петрапаўлаўскую крэпасць. 1827—1837 гг. правёў у Сібіры на катарзе, у 1837 г. пераведзены радавым у Ніжагародскі драгунскі полк, дзе памёр.

⁶ *Палявы Мікалай Аляксеевіч* (1796—1846) — рускі пісьменнік, журналіст, гісторык, перакладчык.

⁷ *Бялінскі Вісарыён Рыгоравіч* (1811—1848) — рускі літаратурны крытык, філосаф, публіцыст.

⁸ ...*прасол* (устар.) — аптовы скупшчык у вёсках мяса, рыбы, хатняй жывёлы і сельскагаспадарчай сыравіны для перапродажу.

⁹ *Кальцоў Аляксей Васільевіч* (1809—1842) — рускі паэт.

¹⁰ *Чарнышэўскі Мікалай Гаўрылавіч* (1828—1889) — рускі рэвалюцыйнер-дэмакрат, вучоны, публіцыст, пісьменнік, літаратурны крытык. Нарадзіўся ў сям’і свяшчэнніка. Вучыўся ў Саратаўскай духоўнай семінарыі (1842—1845), на гісторыка-філалагічным факультэце Пецяўбургскага ўніверсітэта.

¹¹ *Дабралюбаў Мікалай Аляксандравіч* (1836—1861) — рускі крытык, публіцыст, паэт. Нарадзіўся ў сям’і свяшчэнніка. Вучыўся ў Ніжэгародскім духоўным вучылішчы і духоўнай семінарыі.

¹² *Антановіч Максім Аляксеевіч* (1835—1918) — рускі літаратурны крытык, філосаф, публіцыст. Нарадзіўся ў сям’і дзячка. Вучыўся ў духоўным вучылішчы, Харкаўскай семінарыі, Пецяўбургскай духоўнай акадэміі.

¹³ *Зайцаў Варфаламей Аляксандравіч* (1842—1872) — адзін з актыўных супрацоўнікаў «Русскага слова». Пасля закрыцця часопіса выехаў за мяжу, дзе здабываў сабе на пражыццё ўрокамі і перакладамі. Вядомыя яго пераклады твораў Ласаля, Ганэгера, «Усясветнай гісторыі» Шлосера і інш.

¹⁴ *Успенскі Мікалай Васільевіч* (1837—1889) — рускі пісьменнік. Нарадзіўся ў сям’і свяшчэнніка. Вучыўся ў Тульскай духоўнай семінарыі. У 1856 г. паступіў у Пецяўбургскую медыка-хірургічную акадэмію, затым перавёўся на гісторыка-філалагічны факультэт Пецяўбургскага ўніверсітэта.

¹⁵ *Памялоўскі Мікалай Герасімавіч* (1835—1863) — рускі пісьменнік. Нарадзіўся ў сям’і дьякана. Вучыўся ў духоўным вучылішчы, скончыў Пецяўбургскую духоўную семінарыю (1857). Пасля заканчэння семінарыі слухаў лекцыі ў Пецяўбургскім ўніверсітэце.

¹⁶ *Рашэтнікаў Фёдар Міхайлавіч* (1841—1871) — рускі пісьменнік. Нарадзіўся ў сям’і паштальёна. Скончыў у 1859 г. Пермскае павятовае вучылішча.

¹⁷ Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

Выпушчаны групай публіцыстаў і філосафаў рэлігійна-ідэалістычнага напрамку (М. А. Бярдзязеў, С. Н. Булгакаў, М. О. Гершанзон, А. С. Ізгоеў, Б. А. Кісіякоўскі, П. Б. Струвэ, С. Л. Франк). Аўтары зборніка лічылі рэвалюцыю 1905—1907 гг. памылкай і сцвярджалі, што яна з’явілася вынікам дзейнасці сацыялістычна настроенай інтэлігенцыі. Сацыялістычная інтэлігенцыя абвінавачвалася ў «народопоклонніцтве», народніцкай — у фальшывай любові да сялянства, марксісцкай — да пралетарыату. Яна характарызавалася як ідэйнае «адшчапенства», называлася «кружковай», «штучна вылучанай з агульнанацыянальнага жыцця...» «інтэлігентшчынай» у адрозненне ад інтэлігенцыі ў шырокім, агульнанацыянальным, агульнагістарычным сэнсе гэтага слова. Трагедыя рускай інтэлігенцыі, на думку «вехаўцаў», заключалася ў тым, што народ не мог прыняць ні яе клопатаў аб яго шчасці, ні яе ўяўленняў аб ідэале грамадскага ладу, — у бездані паміж

строём народнай душы і эмацыянальна-валявымі якасцямі інтэлігента. Аўтары «Вехаў» крытыкавалі матэрыялізм і атэізм Чарнышэўскага, Бялінскага, Пляханова. Матэрыялістаў і атэістаў абвінавачвалі ў філосафскай непісьменнасці, падпарадкаванні філосафіі грамадска-улытарным мэтам, надуманых уяўленнях аб шчасці народа. Сваім галоўным прынцыпам «вехаўцы» лічылі прызнанне прымату духоўнага жыцця над грамадскім.

¹⁸ Гэты ж радок на беларускай мове прыведзены у віншаванні «Да беларускай калоніі ў Петраградзе» ад «мінскіх беларусаў» у сувязі з 10-годдзем «Нашай нівы» («Дзянніца». 1916. 27 лістап., № 4). Магчыма, у напісанні віншавання прымаў удзел М. Багдановіч.

¹⁹ У руска-японскай вайне (1904—1905 гг.) Расія пацярпела паражэнне.

²⁰ Маніфест Мікалая II, апублікаваны ў дні кастрычніцкай Усерасійскай палітычнай стачкі 1905 г., калі ўстанавілася часова раўнавага супрацьстаячых сіл. У маніфесте было абяцана «падарыць» народу «незыблемыя асновы грамадскай свабоды», недатыкальнасць асобы, свабоду волі, слова, сходаў і саюзаў; прыцягнуць да выбараў у Дзяржаўную думу тыя слаі насельніцтва, якія былі пазбаўлены выбарчых правоў; прызнаць Думу заканадаўчым органам, без ухвалення якога ніякі закон не можа ўвайсці ў сілу.

²¹ Погляд М. Багдановіча на беларускае нацыянальнае адраджэнне як на глыбока дэмакратычны рух супадаў з ацэнкамі гэтага руху ў газ. «Наша ніва».

²² Культурнае жыццё літоўскага народа пачало асабліва актыўна адраджацца ў канцы XIX — пач. XX ст. Больш разнастайнымі сталі жанры і формы літаратуры, узнікла дзіцячая літаратура, з'явіліся літаратурна-крытычныя і літаратуразнаўчыя працы. Вялікі ўклад у развіццё літаратуры ўнеслі Ю. Жэмайтэ, Й. Білюнас, Й. Йоварас, Л. Гіра, Г. Пяткявічайтэ-Бітэ, А. Венуоліс-Жукаўскас, Лаздзіну Пяледа (псеўд. сясцёр Іванаўскайтэ), В. Крэве, Вайжгантас, В. Міцкявічус-Капсукас, Ю. Яноніс. Письменнікі выкарысталі традыцыі і паэтычныя сродкі літоўскай народнай творчасці.

²³ Тут можна назваць імёны такіх паэтаў і празаікаў, як С. Каваліў, Н. Кобрынскі, Т. Бардуляк, О. Макавей, Стэфанік, Лесь Мартовіч, Марк Чарамшына, М. Кацюбінскі, В. Пачоўскі, Леся Украінка, Г. Чупрынка, Б. Лепкій, В. Віннічэнка, А. Цясленка, С. Васільчанка.

²⁴ Штотыднёвік «Zaganię» выдаваўся ў Варшаве ў 1907—1915 гг. На старонках газеты публікаваліся навукова-папулярныя артыкулы, матэрыялы на палітычныя і гаспадарчыя тэмы, літаратурныя творы.

²⁵ Узніклі ў перыяд рэвалюцыі 1905—1907 гг. З наступленнем рэакцыі былі закрыты. Відаць, М. Багдановіч меў на ўвазе так званыя народныя дамы і дамы для народных чытанняў. Народныя дамы былі арганізаваны з асветніцкімі мэтамі. Часта там выступалі і аказвалі

вялікае культурнае ўздзеянне тэатральныя калектывы, напрыклад народны тэатр Лігаўскага Народнага дома.

²⁶ Тут, відаць, маюцца на ўвазе такія нелегальныя масавыя рабочыя газеты, як «Вперед» (1906—1908), «Звезда» (1910—1911), нелегальная «Правда» (1906—1909) і легальная «Правда» (1912—1914), прафсаюзна орган — газета «Наш путь» (1910—1911), штомесячны філасофскі і грамадска-эканамічны часопіс «Мысль» (снежань 1910 — красавік 1911), пасля яго закрыцця — «Просвещение» (снежань 1911 — чэрвень 1914). З кастрычніка 1913 па ліпень 1914 г. і з лютага 1915 па сакавік 1918 г. выходзіў легальны часопіс «Вопросы страхования». У 1914 г. быў заснаваны легальны часопіс для жанчын «Работница» і інш. У перыяд пасля рэвалюцыі 1905—1907 гг. распаўсюдзіліся масавыя выданні, напрыклад «Синий журнал» (1910—1918), «Огонек» (1908—1918) і г. д.

²⁷ *Пракаповіч Сяргей Мікалаевіч* (1871—1955) — рускі эканаміст, публіцыст і палітычны дзеяч. У 1922 г. высланы з Савецкай Расіі, жыву у эміграцыі (Германія, Чэхія, ЗША).

Сталеце руху беларускага народа

(с. 24)

Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, с. 117—118, дзе апублікаваны з чарнавога аўтографа.

Аўтограф уяўляў сабой незакончаны накід да артыкула «Белорусское возрождение».

Датуецца 1914 г. паводле часу напісання артыкула «Белорусское возрождение».

¹ Маецца на ўвазе першы падзел Рэчы Паспалітай (1772 г.) паміж Расіяй, Аўстра-Венгрыяй і Прусіяй, у выніку якога Усходняя Беларусь з гарадамі Віцебск, Гомель, Магілёў, Полацк і частка Лівоніі далучаны да Расійскай імперыі.

² *Сямейскі Васіль Іванавіч* (1848—1916) — рускі гісторык. Вывучаў гісторыю сялянства, рабочага класа, вызваленчай барацьбы ў Расіі. Яго працы напісаны з дэмакратычных пазіцый на вялікім фактычным матэрыяле. Аўтар кніг «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II». Спб., 1881—1901. Т. 1, 2; «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века». Спб., 1898. Т. 1, 2.

³ *Хаванскі Мікалай Мікалаевіч* (1777—1837) — генерал, сенатар і член дзяржаўнага савета. Каля 10 гадоў быў генерал-губернатарам смаленскім, віцебскім і магілёўскім.

⁴ З-за недакладнасці перакладу гэтага тэксту прыводзім яго на рускай мове: «У них эконом управляет людьми ничем более, как только дисциплиною, пугою, бизуном (плетью)».

⁵ «Журнал Министерства внутренних дел» выдаваўся штомесячна з 1829 па 1861 г. Спыненне выдання звязана з узнікненнем штотдзённага органа міністэрства — «Северной почты».

⁶ Прыводзім для параўнання дадзены тэкст на рускай мове: «...Владельцы предают крестьян своих в руки жестокосердных, грубых и корыстолюбивых управителей и арендаторов, которые обременяют их чрезмерными работами, истязают бесчеловечно наказаниями, невзирая ни на возраст, ни на пол, ни на болезненное состояние, и отказывают во всяком пособии к приобретению необходимых к поддержанию быта крестьянского вещей. Всё это делается обыкновенно без ведома и вопреки воли владельца; в некоторых мелкопоместных имениях утеснение происходит прямо от помещиков. В таком положении дел ужасающие и неоднократно повторенные убийства владельцев своими крестьянами и частые донесения по ведомству о происшествиях, что такой-то крестьянин умер, а такая-то беременная крестьянка сронила плод или кончила жизнь вследствие жестокого наказания за маловажные проступки...»

⁷ Гаворка ідзе пра кнігу «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга». Т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Спб., 1905.

Незакончаны артыкул «Галицкая Русь», артыкулы «Львов», «Образы Галиции в художественной литературе», «Украинское казачество», а таксама брашуры «Червоная Русь», «Угорская Русь» і «Братячехи» (выйшлі ў серыі «Бібліятэка вайны») аб'яднаны агульнай тэмай — тэмай славянства, якая цікавіла М. Багдановіча-даследчыка, публіцыста. Гэтая тэма набыла асаблівую актуальнасць напярэдадні першай сусветнай вайны.

У Творах, 1928, т. 2 артыкулы «Червоная Русь» і «Угорская Русь» падаюцца без апошніх абзацаў. Літкамісія Інбелкульту, якая выдавала «Творы» (1927—1928), палічыла, што адзначаныя радкі «не маюць непасрэднае сувязі са зместам гэтых гісторыка-этнаграфічных нарысаў». На думку рэдкалегіі дадзенага выдання, яны з'яўляюцца лагічным працягам артыкулаў. Можна меркаваць, што названыя брашуры пісаліся М. Багдановічам у 1914 г. альбо раней, але прыганданыя абзацы былі дапісаны ім пазней з улікам падзей, якія адбываліся на фронце. Так, у прыватнасці, калі артыкул «Червоная Русь» заканчваецца словамі: «Теперь с вступлением во Львов русских войск...», то разумела, што апошнія радкі дапісваліся ў канцы жніўня 1914 г., таму што Львоў быў заняты рускімі войскамі 21 жніўня. Да прадгор'яў Карпат войскі выйшлі ў верасні 1914 г. і пазней «хлынули на горныя долины по ту сторону Карпат» («Угорская Русь»). Гэта дае падставу меркаваць, што дадзены артыкул быў дапісаны ў верасні — кастрычніку 1914 г.

Аб глыбіні распрацоўкі тэмы і своечасовасці «славянскіх» арты-

кулаў М. Багдановіча сведчаць рэцэнзіі на брашуры з серыі «Бібліятэка вайны», якія з'явіліся ў друку. У адной з іх аглядальнік часопіса «Русская школа» (Спб., 1914. № 9—10. С. 125—126) пісаў: «Удачнымі можна лічыць кніжкі ... М. Богдановіча «Червоная Русь» і «Браты-чехі»... Напісаныя в аб'ектыўна-научном тоне і давая многа сведеній, они не потеряют своего образовательного значения и в будущем».

〈Галицкая Русь〉

(с. 26)

Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, с. 242, дзе ўпершыню апублікаваны з аўтографа без назвы.

Як адзначана ў Творах, аўтограф уяўляе сабой незакончаны накід артыкула «Червоная Русь». Паколькі брашура «Червоная Русь» выйшла з друку ў другой палове 1914 г., выдавочна, што накід быў зроблены раней.

¹ Галіцыя — гістарычная назва часткі сучаснай заходняй Украіны (Львоўская, Івана-Франкоўская і Цярнопальская вобласці). У IX—XI стст. уваходзіла ў склад Кіеўскай Русі, у канцы XII — сярэдзіне XIV ст. — у складзе самастойнага Галіцка-Валынскага княства. Паводле пагаднення 1352 г., Валынская зямля ўвайшла ў склад Вялікага княства Літоўскага, а Галіцыя папала пад уладу Польшчы. Пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай паміж Аўстрыяй, Германіяй і Расіяй (1772) Галіцыя далучана да Аўстрыі. Пасля распаду Аўстра-Венгерскай імперыі (1918) далучана да Польшчы.

² 1774 г.

³ *Раман Мсціславіч* (? — 1205) — князь наўгародскі (1168—1169), уладзіміра-валынскі (1170—1205) і адначасова (з 1199) галіцкі, сын вялікага князя кіеўскага Мсціслава Ізяславіча і дачкі польскага караля Баляслава Крываустага.

⁴ *Даніла Раманавіч* (1201—1264) — галіцка-валынскі князь. Удзельнічаў у паходзе на р. Калка (1223) супраць татара-манголаў. У 1254 г. прыняў ад рымскага папы тытул караля.

⁵ *Леў Данілавіч* (? — 1301) — галіцка-валынскі князь, другі з чатырох сыноў Данілы Раманавіча.

⁶ Сукупнасць юрыдычных нормаў гарадскога права, якія вызначалі эканамічную дзейнасць, грамадска-палітычнае жыццё, саслоўны стан гараджан на аснове самакіравання. Склалася ў канцы XII—XIII ст. у г. Магдэбургу (Германія), у XIII—XVI стст. пашырылася на гарады Польшчы, Літвы, Беларусі, Украіны.

⁷ Маецца на ўвазе эпоха еўрапейскага гуманістычнага Адраджэння, альбо Рэнесанса (XV — першая палова XVII ст.).

⁸ Паводле Брэсцкай царкоўнай уніі (1596), абвешчалася аб'яднанне праваслаўнай і каталіцкай царкваў на ўмовах прызнання праваслаўнай царквой вяршэнства папы рымскага і асноўных догматаў каталіцызму, захавання праваслаўных абрадаў і богаслужэння на царкоўнаславянскай і роднай мовах. Пашырылася галоўным чынам на Беларусі і Украіне. Скасавана на Беларусі ў 1839 г. Полацкім царкоўным саборам, у Заходняй Украіне — Львоўскім саборам (1946). У канцы 1980-х гадоў пачалося адраджэнне уніяцкай царквы.

Червоная Русь

(с. 29)

Друкуецца па тэксце брашуры: «Червоная Русь» з падзагалоўкам «Австрийские украинцы». Выд. К. Ф. Някрасава. Серыя «Бібліятэка вайны». М., 1914. № 8—9, дзе ўпершыню апублікаваны.

Датаўца годам апублікавання.

¹ Галіцыя (старажытная назва Чырвоная Русь) пачала называцца «аўстрыйскай вобласцю» пасля яе анексіі Аўстрыяй у выніку першага падзелу Рэчы Паспалітай паміж Расіяй, Аўстрыяй і Прусіяй (1772 г.).

² У 1772 г.

³ Сучасн. Барыслаў.

⁴ 1864—1913 гг.

⁵ Напісана ў 1912 г.

⁶ Па адных крыніцах, Львоў быў заснаваны галіцкім князем Данілам Раманавічам у 1241 г. і названы так у гонар яго старэйшага сына Льва, па другіх — у 1256 г. Пад апошняяй датай ён упершыню згадваецца ў летапісе.

⁷ Напрыклад, кафедральны сабор (XIV—XV стст.), капліца Трох свяціцеляў (XVI ст.), «Чорная камяніца» (XVI—XVII стст.), капліца Баімаў і Кампіянаў (абедзве XVII ст.), сабор св. Юра (XVIII ст.) і інш.

⁸ Заснаваны ў 1661 г.

⁹ Заснаваны ў 1884 г.

¹⁰ Напрыклад, духоўная семінарыя (1784), 4 гімназіі, прагімназія, рэальнае вучылішча, жаночы і мужчынскі настаўніцкія інстытуты, ветэрынарная, гандлёвая і рамесніцкая школы, інстытут глуханямых і сляпых і інш.

¹¹ Заснаваны ў 1818 г. князем Іосіфам Максіміліянам Асалінскім (1748—1826), польскім бібліёграфам і гісторыкам. Прысвяціў сваё жыццё збіранню розных помнікаў старажытнасці. Свае вялікія зборы кніг і рукапісаў, музей і вялікі капітал Асалінскі ахвяраваў на стварэнне нацыянальнага інстытута ў Львове — фундаментальнай навуковай бібліятэкі.

¹² Музей па прыродазнаўстве і этнаграфіі Галіцыі заснаваны Маўрыкіем Дзедушыцкім (1813—1877), польскім гісторыкам, у 1855 г.

¹³ Заснаваны ў 1874 г.

¹⁴ Відаць, маецца на ўвазе Львоўскі музей украінскага мастацтва, заснаваны ў 1905 г.

¹⁵ Напрыклад, газеты «Пчола Галіцка», («Зоря Галіцка»), «Слово», «Правда», «Учитель», «Ластівка», «Дело», «Русь» і інш., часопісы «Вечерницы», «Мета», «Ніва», «Наука», «Педагогична часопись», для дзяцей «Дзвонок» і інш.

¹⁶ Сучасн. Пшэмысль (на тэрыторыі Польскай Рэспублікі).

¹⁷ Сучасн. Цярнопаль.

¹⁸ Сучасн. Чарнаўцы.

¹⁹ Пасля уніі 1569 г. вярхушка польскіх феадалаў захапіла значную частку зямлі Чырвонай Русі.

²⁰ Заснавана ў 1868 г. з мэтай папулярызацыі літаратуры сярод насельніцтва. Першыя кніжкі аказаліся даволі ўдалымі і атрымалі шырокае распаўсюджанне ў краі.

²¹ Асветніцкае таварыства, якое вывучала і прапагандавала рускую літаратуру. Выдавала ў Львове газету «Друг».

²² Усе ўрыўкі з песень, якія прыводзіць М. Багдановіч, узяты з кнігі Я. Ф. Галавацкага «Народные песни Галицкой и Угорской Руси» (М., 1878):

²³ Гл. камент. да арт. «Галицкая Русь», пазіцыю 8.

²⁴ *Васілеўскі Леан* (псеўд. Плахоцкі) (1870—1936) — польскі публіцыст, гісторык. Аўтар манаграфіі «Літва і Беларусь» (1912), у якой даследаваў развіццё асветы, гісторыі літоўскага і беларускага нацыянальна-вызваленчага руху XIX — пачатку XX ст.

²⁵ Цытата з кнігі Л. Васілеўскага «Современная Галиция». Спб., 1900. С. 49.

²⁶ Паводле летапісаў, тэрыторыя, якая ўваходзіла ў склад Галіцкага княства, была заселена харватамі і бужанамі, вядомымі пад рознымі назвамі (дулебы, потым бужане, нарэшце, вальняне, ці вельняне).

²⁷ *Уладзімір I Святаславіч* (? — 1015) — князь наўгародскі (з 969) і кіеўскі (з 980). У 988—989 гг. увёў хрысціянства ў якасці дзяржаўнай рэлігіі.

²⁸ (992—1025) — заснавальнік Польскай дзяржавы. Ён злучыў пад сваёй уладай усе паўночна-заходнія славянскія землі, заваяваў Данцыг, Кракаў, Сілезію, Маравію, затым пайшоў на Валынь, авалодаў Кіевам. Пад націскам кіяўлян пакінуў горад, але часова ўтрымаў галіцкія гарады.

²⁹ У 1030—1031 гг.

³⁰ (каля 978—1054) — вялікі князь кіеўскі, сын Уладзіміра Святаславіча.

³¹ Браты Расціславічы — Васілька і Валадар — паклалі пачатак незалежнага Галіцкага княства.

³² Некалькі разоў гэтая тэрыторыя пераходзіла ад палякаў да венграў і наадварот. У 1187 г. памёр кн. Яраслаў, завяшчаючы Галіч свайму сыну ад наложніцы Алегу, а сыну ад жонкі Уладзіміру г. Перамышль. Баяры прагналі Алега і аддалі ўсю Галіцыю Уладзіміру. У спрэчку ўмяшаліся венгры. Кароль Бела заняў Галіч, пасадзіў там свайго сына Андрэя, а Уладзіміра ўтрымлівалі пад стражай у Венгрыі. У 1290 г. Уладзіміру пры дапамозе палякаў удалося выгнаць венграў з Галіча.

³³ Помнік старажытнарускай літаратуры канца XII ст.

³⁴ *Яраслаў Асмамысл* (? — 1187) — сын Уладзіміра Валадаравіча. Уздзелнік паходаў на полаўцаў і венграў. Умацаваў Галіцкае княства.

³⁵ Гл. камент. да арт. «Галицкая Русь», пазіцыю 3.

³⁶ У першую палавіну княжання Данілы Раманавіча (1201—1264) татара-манголы захапілі Русь. Яны спустошылі ў час паходу на Венгрыю гэтую тэрыторыю, але не рабілі народнага перапісу для збору даніны і не прысылалі сваіх баскакаў. Галіч нават не плаціў татарам даніны. Даніла абавязаны быў толькі дапамагаць ім войскам.

³⁷ Гл. камент. да арт. «Галицкая Русь», пазіцыю 5.

³⁸ Памёр не пазней 1316 г.

^{39—40} На думку чэшскага вучонага Ржэбачка, пасля Андрэя і Льва (сына Юрыя Львовіча) у Галіцыі княжыў іх пляменнік Баляслаў, які прыняў праваслаўнае імя Юрый II. Быў атручаны ў 1340 г. за спробу ўвесці каталіцызм у Галіцкім княстве.

⁴¹ *Любарт Гедымінавіч* (памёр у 1385 г.) — апошні, сёмы, сын Гедыміна, прыняў праваслаўе. У 1325 г., пасля смерці Льва Юр'евіча, атрымаў усходнюю Валынь. З 1340 г. у Любарта пачалася шматгадовая спрэчка з Казімірам за ўладанне Галіцкімі і Валынскімі землямі.

⁴² У год смерці Юрыя-Баляслава Казімір III распачаў паход супраць Любарта на Галіч, захапіў Перамышльскія і Львоўскія землі і вывез з Львова ў Польшчу княжацкія скарбы.

⁴³ Відаць, маюцца на ўвазе ў асноўным Кіеўскі і Галіцка-Валынскі летапісы, што дайшлі да нас у так званым Іпацьеўскім і Лаўрэнцьеўскім летапісных спісах.

⁴⁴ *Грушэўскі Міхаіл Сяргеевіч* (1866—1934) — украінскі гісторык і даследчык украінскай літаратуры. З 1894 г. — старшыня Навуковага таварыства імя Шаўчэнкі. Упершыню ва ўкраінскай гістарыяграфіі даў цэласную зводную працу па гісторыі Украіны да сярэдзіны XVII ст.

⁴⁵ Узнікла ў 1586 г.

⁴⁶ Каля 1510—1583 гг.

⁴⁷ 1574 г. У гэтым жа годзе выпусціў таксама ў Львове першую славянскую «Азбуку».

⁴⁸ Гл. камент. да арт. «Галицкая Русь», пазіцыю 8.

⁴⁹ Каля 1595—1657 гг.

⁵⁰⁻⁵² Заснаваны ў 1848 г.

⁵³ Таленавіты галіцка-рускі пісьменнік і грамадскі дзеяч. Яго лічаць пачынальнікам угарускага адраджэння. Кіраваў «таварыствам св. Васіля Вялікага» і газетай «Свет» (1867—1870), якая належала гэтаму таварыству.

⁵⁴ Інтэлігенцыя, якая лічыла сябе неад'емнай часткай рускага народа. Пры гэтым мова іх уяўляла сабой сумесь лацінапольскіх, царкоўнаславянскіх і рускіх слоў.

⁵⁵ Заснавана ў 1874 г. на сродкі грамадскага дзеяча Міхаіла Качкоўскага (1802—1872), які завяшчаў сваё багацце на народныя мэты: выданне кніг, арганізацыю чытальняў, прытулкаў для бяднейшых вучняў і г. д.

⁵⁶ *Шашкевіч Маркіян* (Руслан Шашкевіч) (1811—1843) — украінскі паэт-дэмакрат. Мэта гуртка Шашкевіча — адраджэнне ўкраінскай народнасці, стварэнне літаратуры на роднай мове, барацьба супраць паланізацыі.

⁵⁷ Заснавана ў 1873 г. як літаратурнае таварыства. З 1893 г. — навуковае таварыства, мэта якога — выданне навуковых прац і збораў твораў украінскіх пісьменнікаў.

⁵⁸ Заснавана ў 1907 г. *Лысенка Мікалай Вітальевіч* (1842—1912) — украінскі кампазітар, фалькларыст. Заснавальнік нацыянальнай кампазітарскай школы.

⁵⁹ Заснаваны ў 1893 г.

⁶⁰ *Франко Іван Якаўлевіч* (1856—1916) — украінскі пісьменнік, вучоны і грамадскі дзеяч.

⁶¹ *Стэфанік Васіль Сямёнавіч* (1871—1936) — украінскі пісьменнік і грамадскі дзеяч.

⁶² *Кабылянская Вольга Юльянаўна* (1863—1942) — украінская пісьменніца.

У нумары чацвёртым за 1915 г. часопіса «Вестник Европы» была змешчана рэцэнзія М. Славінскага на брашуру М. Багдановіча «Червоная Русь». З-за невялікага памеру рэцэнзіі лічым мэтазгодным змясціць яе ў каментарыях.

«Обилие газетных и журнальных статей, отдельно изданных брошюр и книг, посвященных Галиции, Буковине и Угорской Руси, соответствует тому вниманию, которое вызывают к себе эти до войны — австро-венгерские, после войны, надо думать, русские провинции, являющиеся этнографической периферией украинской ветви русского племени.

...Первая из них — принадлежащая г. Богдановичу, — совсем маленькая брошюра; в ней всего три главы. В первой автор рассказывает о климате и природе Галичины, о ее населении, о быте; во второй говорится об исторических судьбах края вплоть до присоединения его

к Австрии; в третьей и последней главе излагается история национального возрождения Галичины, обрисовывается современное ее положение. К сожалению, эта последняя глава как раз самая короткая, и потому картина положения Галичины перед войной вышла очень бледной. Брошюра г. Богдановича написана простым доступным языком; одним из ее достоинств является объективность автора, а также и его осведомленность в том, что он излагает».

Львов

(с. 51)

Друкецца па газ. «Голос», 1914, № 194, 24 жн., дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: М. Богданович.

Датуецца годам апублікавання.

¹ У жніўні 1914 г. войскі рускага Паўднёва-Заходняга фронту ў выніку Галіцыйскай бітвы нанеслі паражэнне аўстра-венгерскім войскам і 21 жніўня занялі Львоў.

²⁻⁴ Гл. камент. да арт. «Червоная Русь», с. 292, пазіцыі адпаведна 6, 36, 45.

⁵ 1573 г.

⁶⁻⁷ Напрыклад, «Апостал»; «Азбука» (абедзве ў 1574 г.).

⁸ Гл. камент. да арт. «Галицкая Русь», с. 291, пазіцыю 6.

⁹ XIV—XVI стст.

¹⁰ У выніку першага падзелу Польшчы.

¹¹ «Народны дом» стаў цэнтрам усяго неабходнага для народа, пачынаючы ад бібліятэк і друкарні да гасцініц і таннай сталовай.

¹²⁻¹⁴ Гл. камент. да арт. «Червоная Русь», с. 292, пазіцыі адпаведна 55, 20, 57.

¹⁵ Гл. камент. да арт. «Червоная Русь», с. 292, пазіцыю 58.

¹⁶⁻²¹ Гл. камент. да арт. «Червоная Русь», с. 292, пазіцыі адпаведна 14, 11, 12, 13, 8, 9.

²² *Мицкевіч Адам* (1798—1855) — польскі паэт, дзеяч нацыянальна-вызваленчага руху.

²³ *Сабескі Ян* (1629—1696) — польскі палкаводзец, з 1674 г. — кароль Рэчы Паспалітай пад імем Ян III.

Угорская Русь

(с. 54)

Друкецца па тэксце брашуры «Угорская Русь». Выд. К. Ф. Нярасава. Серыя «Бібліятэка вайны». М., 1914, № 24, дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: М. Богданович.

Датуецца годам апублікавання.

¹ 1864—1913 гг.

² Урывак з аповесці «Цені забытых продкаў» (1912).

³ Сучасн. Хуст.

⁴ Літкамісія палічыла неабходным удакладніць дадзеную М. Багдановічам лічбу і дадала ў тэкст зноскі скарачанае «кв».

⁵ М. Багдановіч меў на ўвазе магчымае вызваленне тэрыторыі Угорскай Русі з-пад улады Аўстра-Венгрыі.

⁶ Першымі гістарычнымі творамі былі хронікі: «Деяння венгров» (2-я палова XI ст.) і «Деяння венгров» (каля 1200 г.) невядомага аўтара, за якім захавалася імя Ананіmus. Сродкамі рыцарскіх раманаў аўтар апісаў засяленне венграмі-качэўнікамі тэрыторыі сучаснай Венгрыі.

⁷ Маецца на ўвазе, відаць, Леў Данілавіч (?—1301).

⁸ Вігаўт (1350—1430) — вялікі князь Літоўскі з 1392 г.

⁹ Вігаўт адабраў у татар Паўднёвую Падолію і скасаваў там мясцовыя княжанні.

¹⁰ Людовік I, ці Лайош (правіў у 1342—1382 гг.).

¹¹ Гаворка ідзе пра паўстанне, якое 15 сакавіка 1848 г. паднялі рабочыя, рамеснікі, гараджане Пешта на чале з Ш. Пецёфі і П. Вашвары. У выніку ўрад 18 сакавіка прыняў закон аб адмене паншчыны і аб перадачы паншчынных надзелаў. Прыгонніцтва было адменена.

¹² Прыведзеная цытата ў працах Л. Васілеўскага не выяўлена.

¹³ Драгаманай Міхайла Пятровіч (1841—1895) — украінскі публіцыст, гісторык, фалькларыст, грамадскі дзеяч. Аўтар прац «Гістарычныя песні маларускага народа» ў 2-х тамах. 1874—1875 (у сааўт. з Ул. Антановічам), «Новыя ўкраінскія песні пра грамадскія падзеі 1764—1880 гг.» (1881).

Братья-чехи

(с. 66)

Друкуецца па тэксце брашуры «Братья-чехи». Выд. К. Ф. Някрава. Серыя «Бібліятэка вайны». М., 1914, № 28, дзе ўпершыню апублікаваны.

Датуецца годам апублікавання.

¹ Вялікабрытанія, Францыя, Бельгія, Сербія і Чарнагорыя.

² Гаворка ідзе пра Чэхію, Славакію, частку Польшчы, Венгрыі, Югаславіі, частку ўкраінскай тэрыторыі.

³ Відаць, маюцца на ўвазе Чэшскі лес, Славацкія Рудныя горы і Татры.

⁴⁻¹² Сучасн. Влтава, Сазава, Бэроўнка, Йізэра, Брно, Чэске-Будзеёвіцэ, Градзец-Кралаве, Оламоўц, Пльзэнь.

¹³ Заснаваны каля 930 г.

¹⁴ Відаць, маецца на ўвазе Бельведэр.

¹⁵ Сучасн. Градчаны.

¹⁶ Заснавана ў 1890 г.

¹⁷ Пажскі ўніверсітэт (Карлаў універсітэт) заснаваны ў 1348 г. імператарам Карлам IV. Адзін са старэйшых у Еўропе і першы славянскі ўніверсітэт. У 1882 г. Пажскі ўніверсітэт быў падзелены на два — чэшскі і нямецкі інстытуты.

¹⁸ Першы чэшскі храніст (каля 1045—1125). Паходзіў са знатнай сям'і. Адукацыю атрымаў у Празе і Льежы. З 1110 г. — дэкан сабора св. Віта. «Чэшская хроніка», распачатая К. Пажскім у 1119—1120 гг., змяшчае багаты і разнастайны матэрыял па гісторыі Чэхіі.

¹⁹ *Кірыл* (827—869) і *Мяфодзій* (815—885) — славянскія асветнікі, стваральнікі славянскай азбукі, прапаведнікі хрысціянства, першыя перакладчыкі богаслужэбных кніг з грэчаскай на славянскую мову.

²⁰ Правільна: Пржэмыславічы. У IX—XIV стст. чэшская дынастыя князёў і каралёў.

²¹ Дынастыя, якая правіла ў Свяшчэннай Рымскай імперыі, Чэхіі, Венгрыі на працягу XIV—XV стст. Чэшскія землі ўвайшлі ў склад уладанняў Люксембургаў у 1310 г.

²² *Карл IV* (1316—1378) — імператар і германскі кароль з 1347 г., чэшскі кароль з 1346 г. З дынастыі Люксембургаў. У Чэхіі праводзіў палітыку замацавання каралеўскай улады, абмяжоўваў правы чэшскіх магнатаў, заахвочваў развіццё рамёстваў, горнай справы, унутранага і знешняга гандлю.

²³ *Ян Гус* (1371—1415) — нацыянальны герой чэшскага народа. Прапаведнік, мысліцель, ідэолаг чэшскай Рэфармацыі. У сваіх прапаведзях выкрываў каталіцкае духавенства, патрабаваў карэннай рэформы царквы, выступаў супраць засілля немцаў у Чэхіі, прыгнечанна беднякоў.

За сваю дзейнасць у 1410 г. быў адлучаны ад царквы. У канцы 1414 г. быў выкліканы на царкоўны сабор у Канстанцыі, нягледзячы на ахоўную граматы, быў схоплены і кінуты ў турму. Спробы каталіцкіх царкоўнікаў схіліць Гуса да адрачэння ад яго вучэння не мелі поспеху. Гус быў асуджаны як ерэтык і спалены на кастры.

²⁴ Правільна: *Уікліф*, *Вікліф* (паміж 1320—1330—1384) — англійскі рэфарматар, прафесар Оксфардскага ўніверсітэта, доктар багаслоўя. Па вучэнні Уікліфа, абавязкі людзей у грамадстве падзелены паміж трыма саслоўямі: духавенствам, свецкімі лордамі і простым народам. Ён адстойваў прымат свецкай улады над духоўнай. Уікліф выступаў за падпарадкаванне духавенства каралю, за спрашчэнне царкоўных абрадаў, за пазбаўленне духавенства сацыяльных прывілей. У 1382 г. сабор англійскіх епіскапаў асудзіў вучэнне Уікліфа як ерэтычнае. Сабор у Канстанцыі ў 1415 г. абвясціў яго ерэтыком.

²⁵ Гусіцкі рэвалюцыйны рух (у М. Багдановіча — «рэлігійны»)

(1419—1437) — барацьба чэшскага народа ў першай палове XV ст. супраць каталіцкай царквы, феадальнай эксплуатацыі і нямецкага засілля. Штуршком з'явілася пакаранне смерцю Яна Гуса па рашэнні Канстанцкага сабора.

²⁶ На самай справе 30 ліпеня 1419 г. пачалося рэвалюцыйнае выступленне пражскага плебса на чале з Янам Жаліўскім. Яно паклала пачатак узброенай барацьбе, якая ахапіла ўсю Чэхію.

Ян Жыжка (каля 1360—1424) — дзеяч гусіцкага руху, актыўны яго ўдзельнік, палкаводзец, нацыянальны герой чэшскага народа. У красавіку 1420 г. папа Марцін V і імператар Сігізмунд I аб'явілі Крыжовы паход супраць Чэхіі. Крыжаносцы асадзілі Прагу, але 14 ліпеня былі ўшчэнт разбіты гусітамі на Віткавай гары пад кіраўніцтвам Яна Жыжкі.

²⁷ *Лютэр Марцін* (1483—1546) — заснавальнік лютэранства, бюргерскай Рэфармацыі ў Германіі. Яго вучэнне адмаўляла ўвесь лад каталіцкай царквы. Заяўляў, што шмат у чым лічыць правільнымі палажэнні, якія вылучыў Ян Гус. Увайшоў у гісторыю і як дзеяч культуры — як рэфарматар мовы, музыкі, адукацыі і г. д. Шмат зрабіў для развіцця народнай культуры. Выканаў пераклад Бібліі на нямецкую мову, у якім зацвердзіў нормы агульнанямецкай нацыянальнай мовы.

²⁸ *Соцын Фауст* (1539—1604) — італьянец, адзін з заснавальнікаў рацыяналістычнага кірунку ў польскай Рэфармацыі. Соцын і яго паслядоўнікі адверглі догмат аб Троіцы, лічылі Хрыста не Богам, а чалавекам, які надзелены боскімі ўласцівасцямі, адмаўлялі догмат аб першародным граху.

²⁹ Першае выданне выйшла ў Празе ў 1488 г.; другое — у Кутных гарах (1489); трэцяе — у Венецыі (1506).

³⁰ Маецца на ўвазе Карлаў універсітэт, заснаваны ў 1348 г. імператарам Карлам IV.

³¹ *Шцітны Томаш* (Фама) (каля 1333 — каля 1405) — чэшскі пісьменнік. Папярэднік пісьменнікаў гусіцкай эпохі.

³² Відаць, гаворка ідзе пра Яна Ракіту (? — 1591) — багаслова, чэха па паходжанні, які ў сувязі з ганеннем багемскіх братоў у Чэхіі перасяліўся ў Польшчу. У 1570 г. суправаджаў пасольства да Іаана Грознага, якое адправіў кароль Сігізмунд-Аўгуст.

³³ *Хельчыцкі Пётр* (каля 1390 — каля 1460) — ідыёлаг умераных табарытаў у гусіцкім рэвалюцыйным руху.

³⁴ Гаворка ідзе пра чэшскае паўстанне 1618—1620 гг. супраць Габсбургў.

³⁵ Трыццацігадовая вайна (1618—1648) — першая агульнаеўрапейская вайна паміж дзвюма групамі дзяржаў: Габсбургскім блокам, які падтрымлівалі папства і каталіцкія князі Германіі і Рэчы Паспалітай, і нацыянальнымі дзяржавамі — Францыяй, Швецыяй, Галандыяй, Даніяй, Расіяй і інш. Спачатку мела характар «рэлігійнай вайны».

³⁶ *Колар Ян* (1793—1852) — чэшскі і славацкі паэт, дзеяч культуры.

³⁷ *Маха Карэл Гінэк* (1810—1836) — чэшскі паэт. Быў блізкі да чэшскага вызваленчага руху.

³⁸ *Гайлічак Карэл — К. Гавлічак-Бароўскі* (псеўд. Гавел Бароўскі) (1821—1856) — чэшскі паэт, публіцыст, палітычны дзеяч.

³⁹ *Юнгман Йосаф* (1773—1847) — чэшскі філолаг, паэт, перакладчык.

⁴⁰ *Шафарык Павел Йосаф* (1795—1861) — славацкі і чэшскі славіст, дзеяч славацкага і чэшскага нацыянальна-вызваленчага руху.

⁴¹ *Палацкі Францішак* (1798—1876) — чэшскі гісторык, філосаф, дзеяч культуры і чэшскага нацыянальнага руху XIX ст.

⁴² Маецца на ўвазе буржуазна-дэмакратычная рэвалюцыя ў Аўстрыі 1848—1849 гг. Галоўнай рухаючай сілай рэвалюцыі былі народныя масы — рабочыя, сялянства, гарадская дробная буржуазія. Задачамі рэвалюцыі былі: ліквідацыя феадальна-абсалютысцкага ладу і вырашэнне нацыянальнага пытання ў Аўстрыйскай імперыі.

⁴³ Напрыклад, Маціца чэшская. Заснавана ў 1831 г. Ф. Палацкім пры Чэшскім Нацыянальным музеі ў Празе. Маціца чэшская аб'ядноўвала чэшскіх патрыётаў і да 80-х гадоў XIX ст. аказвала вялікі ўплыў на чэшскае навуковае і культурнае жыццё.

⁴⁴ *Тупый Карэл Яйген* (псеўд. Баляслаў Яблонскі) (1813—1881) — вядомы чэшскі лірык. У маладосці па жаданні бацькоў уступіў у ордэн прэманстрантаў, але хутка пакінуў яго. Актыўна супрацоўнічаў у часопісе «Květy». У 1837 г. пад яго рэдакцыяй выйшаў альманах «Vesna». У 1838 г. зноў уступіў у пакінуты ордэн і прыняў пастрыжэнне, а ў 1841 г. пасля заканчэння заняткаў багаслоўем пасвячаецца ў свяшчэннікі. Адасобленае манастырскае жыццё і ўспаміны аб «міры» далі яму асноўныя матывы «Песень любві», якія карысталіся вялікай папулярнасцю і шмат разоў былі пакладзены на музыку. Яшчэ студэнтам багаслоўя Тупый выдаў у 1841 г. зборнік вершаў, а ў 1843 г. — малітвенную кнігу для адукаваных жанчын. У 1845 г. выйшла другое выданне яго вершаў, куды ўвайшоў і дыдактычны твор «Moudrost otcovska». У 1847 г. супраць яго жадання быў прызначаны свяшчэннікам у польскі жаночы манастыр у Кракаве.

Украинское казачество

(с. 78)

Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, дзе ўпершыню апублікаваны з аўтографа.

У заўвагах да артыкула ў Творах, 1928, т. 2 адзначаецца, што «ў зборы рукапісаў пры катэдры беларускае літаратуры ІБК знаходзіцца два паасобнікі гэтага артыкула — першы паасобнік поўны, без загалоўку і другі няскончаны, з загалоўкам «Украинское казачество».

У выданні артыкул друкуецца з першага аўтографа, заглавак жа ўзяты з другога. Другі паасобнік крыху адрозніваецца ад першага, але цікавымі варыянтамі не вызначаецца. У канцы артыкула аўтарскаю рукою зроблена прыпіска: «Адрес мой Ярославль, редакция газеты «Голос». Акрамя гэтага, у вопісе рукапісаў М. Багдановіча (гл. гэты том, с. 416), значыцца «закончаны артыкул-чыствак «Украинское казачество» на 29-ці старонках in 4° і некалькі да яго чарнавых варыянтаў — 10 с. in 4°».

Можна меркаваць, што гэты артыкул па задуме звязаны з іншымі артыкуламі М. Багдановіча аб славянстве і быў напісаны прыблізна ў адзін час з імі, а менавіта ў 1914 г.

У Творах, 1928, т. 2 артыкул «Украинское казачество» змешчаны ў раздзеле «Славянства». У гэты раздзел уваходзяць пяць артыкулаў аб пытаннях гісторыі і этнаграфіі Украіны («Украинское казачество» (1914), «Галицкая Русь» (1914), «Червоная Русь» (1914), «Угорская Русь» (1914), «Образы Галиции в художественной литературе» (1915)) і адзін з гісторыі беларускай культуры — «Аб веры нашых прашчुरаў» (1916).

У асноўны тэкст артыкула ўнесена праўка паводле аўтографа:

С 78, р. 5—6; *глубин* замест: *глубины* (фатаграфія аўтографа, змешчаная ў Творах, 1928, т. 2, с. 176).

¹ Першым гістарычна дакладным князем Кіеўскай Русі лічыцца князь Алэг (г. н. невід.— 912). Правіў ён з 879 г. у Ноўгарадзе, з 882 г. у Кіеве. Паводле падання, у другой палове IX ст. правілі кіеўскія князі Аскольд (г. н. невід.— 882) і Дзёр (г. н. невід.— 882). Былі забіты Алегам у Кіеве каля 882 г.

² Помнік літаратуры Кіеўскай Русі канца XII ст. Напісаны невідомым аўтарам неўзабаве пасля паходу ноўгарад-северскага князя Ігара на полаўцаў у 1185 г. «Слова» знойдзена А. Мусіным-Пушкіным у пачатку 90-х гадоў XVIII ст. у спісе XVI ст., які згарэў у часе пажару Масквы ў 1812 г. «Слова» перакладзена на іншыя мовы. Першы пераклад на беларускую мову зрабіў Я. Купала (празаічны ў 1919 г., вершаваны — 1921 г.).

³ Заснаваны ў X ст., крэпасць Кіеўскай Русі. У 1240 г. разбураны мангола-татарами.

⁴ *Трубами повигы...* — тут маецца на ўвазе ваенная труба.

⁵ *Шелом* — тут — шлем.

⁶ У 1240 г.

⁷ Руская цэнтралізаваная дзяржава (Расійская дзяржава) складалася з канца XV ст. у выніку аб'яднання ў канцы XV — пачатку XVI ст. рускіх зямель вакол Маскоўскага вялікага княства.

⁸ М. Багдановіч мае на ўвазе адзін з трох усходнеславянскіх народаў, які размаўляе на рускай мове. Гістарычная недакладнасць тагачаснай расійскай гістарыяграфіі, высновамі і ацэнкамі якой карыстаўся М. Багдановіч, калі называў беларусаў «другім рускім народам» і

пісаў пра «ўладу Літвы» над ёю. На самай жа справе беларускае Наваградскае княства і далучаная да яго князем Міндоўгам (сярэдзіна XIII ст.) леталісная Літва на тэрыторыі сучаснай заходняй Беларусі сталі цэнтрам фарміравання Вялікага княства Літоўскага ў XIII—XIV стст. (заўвага рэдактара).

⁹ Вялікае княства Літоўскае — феадальная дзяржава Беларусі, Літвы (у XIII—XVIII стст.), Украіны (да 1569) і часткі сучаснай Расіі (да 30-х гадоў XVI ст.). Паводле ўмоў Люблінскай уніі (1569), аб'ядналася з Польшчай у федэратыўную дзяржаву — Рэч Паспалітую. Афіцыйная поўная назва з XV ст. — Вялікае княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае. Сталіца — Вільня.

¹⁰ Войны з Рускай дзяржавай вымушалі Вялікае княства Літоўскае шукаць дапамогі ў Польшчы, у асаблівасці ў перыяд Лівонскай вайны (1558—1583).

¹¹ Гл. камент. да арт. «Галицкая Русь», пазіцыю 1.

¹² Старажытнаруская гістарычная вобласць у басейне верхняга цячэння Заходняга Буга і Прыпяці з яе правымі прытокамі. У VIII—IX стст. на Валынскай зямлі жылі валыняне і бужане. Назву атрымала ад г. Валыні (Вялыні). У канцы X ст. увайшла ў склад Кіеўскай Русі.

¹³ Кіеў быў разбураны войскамі хана Батыеў у 1240 г.

¹⁴ Старадаўняе тонкае сукно чырвонага колеру.

¹⁵ *Баплан* — інжынер-будаўнік, картограф. Служыў больш за 17 гадоў у польскай службе пры каралях Сігізмундзе III і сыне яго Уладзіславе IV. У 1649 г. выдаў працу «Описания Украины», у 1832 г. праца выйшла ў рускім перакладзе А. Устралава. Прыведзеная М. Багдановічам вытрымка ўзята з гэтай працы Баплана.

¹⁶ Вайсковае падраздзяленне ў Запарожскай Сечы.

¹⁷ Узнікненне Запарожскай Сечы адносіцца да першай паловы XVI ст. Заснавана беглымі прыгоннымі, у тым ліку з Беларусі, і гарадской беднотай за Дняпроўскімі парогамі, дзе створаны ўмацаванні («засекі», «сеч»).

Сеч Новая — назва Сечы Запарожскай у апошні перыяд яе існавання (1734—1735).

¹⁸ На чале вайсковага кіраўніцтва Запарожскай Сечы стаяў кашавы атаман. Выбіраўся сечавай радай. Абранне запарожскіх гетманаў адносіцца да больш позняга перыяду. У XVI—XVII стст. — галава рэестравых казакоў на Украіне, з 1648 г. — правіцель Украіны і галава казацкага войска.

¹⁹ Горад у Турцыі, заснаваны ў 324—330 гг. рымскім імператарам Канстанцінам I на месцы калоніі Візантыя. Сталіца Візантыйскай імперыі (IV — сярэдзіна XV ст.). У старажытнарускіх тэкстах — Царград. Пасля захопу туркамі ў 1453 г. перайменаваны ў Стамбул.

²⁰ Горад у Крымскай вобласці Украіны. Заснаваны ў VI ст. да н. э.

²¹ Горад у Турцыі, порт на Чорным моры. Заснаваны не пазней VII ст. да н. э. грэкамі-каланістамі.

²² Горад і порт у Турцыі, на беразе Чорнага мора.

²³ Частка ўкраінскіх казакоў, якія ў XVI — першай палове XVII ст. былі прыняты на службу польскім урадам і ўнесены ў асаблівы спіс — рээстр.

²⁴ Паўстанне пад кіраўніцтвам К. Касінскага пачалося ў снежні 1591 г. Пасля гібелі К. Касінскага ў баі пад Чаркасамі (горад, цэнтр Чаркаскай вобласці Украіны) паўстанне было падаўлена летам 1593 г.

Касінскі Крыштоф (г. н. невід.—1593) — гетман украінскіх рээстравых казакоў у пачатку 90-х гадоў XVI ст.

²⁵ *Лабада Рыгор* (г. н. невід.—1596) — гетман паўстанцкага войска, адзін з кіраўнікоў паўстання Налівайкі 1594—1596 гг. Быў забіты паўстанцамі, калі яны западозрылі яго ў здрадзе.

²⁶ *Налівайка Севярын* (Семярын; г. н. невід.—1597) — кіраўнік антыфеадальнага казацка-сялянскага паўстання на Украіне і Беларусі ў канцы XVI ст. У 1594 г. узначаліў паход атрада нерээстравых казакоў і сялян у Малдавію і Трансільванію. У 1595 г. узяў казацка-сялянскае паўстанне ў правабярэжнай Украіне супраць феадалаў, перайшоў на тэрыторыю Беларусі, дзе да яго далучыліся мясцовыя сяляне, мяшчане і дробная шляхта. У 1596 г. Налівайка быў выдадзены кіраўнікамі рээстравых казакоў і 21 красавіка 1597 г. пакараны смерцю ў Варшаве.

²⁷ *Жалкеўскі, Жулкеўскі Станіслаў* (1547—1620) — польскі дзяржаўны і ваенны дзеяч, вялікі каронны гетман (з 1613), канцлер (з 1617). У 1596 г. задушыў казацка-сялянскае паўстанне пад кіраўніцтвам С. Налівайкі на Украіне і шляхецкі бунт супраць караля Зыгмунта III (1607). Разбіў пад Клушынам войска Дзмітрыя Шуйскага (1610), увайшоў у Маскву. Удзельнік вайны з Турцыяй (1620).

²⁸ Горад (з 1783) у Палтаўскай вобласці на рацэ Сула. Вядомы з 1107 г.

²⁹ Маецца на ўвазе Лівонская вайна (1558—1583) Расіі з Лівонскім ордэнам, а з 1561 г., пасля яго распаду, з Польшчай і Літвой (з 1569 г.—Рэччу Паспалітай), Швецыяй і Даніяй за выхад да Балтыйскага мора.

³⁰ Маецца на ўвазе інтэрвенцыя Рэчы Паспалітай у пачатку XVII ст.

³¹ Нападалі ў 1616—1618 гг.

³² *Сагайдачны Пётр Канонавіч* (г. н. невід.—1622) — палітычны і ваенны дзеяч Украіны, гетман рээстравага казачства. Удзельнік і кіраўнік паходаў украінскіх казакоў у Крым і Турцыю (1614, 1615, 1616, 1620).

³³ М. Багдановіч мае на ўвазе бітву пры турэцкай крэпасці Хоцін у 1621 г., у якой 40-тысячнае казацкае войска, далучыўшыся да польскай арміі, нанесла рашаючы ўдар турэцкаму войску султана Асманна II.

³⁴ *Астранін Якаў* (г. н. невід.—1641) — адзін з кіраўнікоў народнага антышляхецкага паўстання 1638 г. на Украіне.

³⁵ *Гуня Дзмітрый Цімашэвіч* (XVII ст.) — гетман запарожскага войска, адзін з кіраўнікоў народнага паўстання супраць польскіх паноў.

³⁶ *Хмяльніцкі Багдан (Зіновій) Міхайлавіч* (1595—1657) — дзяржаўны дзеяч, палкаводец, гетман Украіны. У студзені 1648 г. узначаліў паўстанне казакоў і сялян, якім пачалася вызваленчая вайна ўкраінскага народа 1648—1654 гг. супраць Польшчы. 8 студзеня 1654 г. на Пераяслаўскай радзе абвясціў уз'яднанне Украіны з Расіяй.

О гуманизме и неосмотрительности

(с. 90)

Друкуецца па часоп. «Украинская жизнь», 1914, № 11—12, дзе ўпершыню апублікаваны.

Датуецца годам апублікавання.

У вопісе рукапісаў. М. Багдановіча (гл. гэты том, с. 415.) значыцца чарнавы накід і чыстава ўрываак артыкула «Этнографическая Польша» (7 с.). Гэта адказ на брашуру г. Курнатоўскага пад гэтым жа загаловам.

¹ *Мілюкоў Павел Мікалаевіч* (1859—1943) — рускі палітычны дзеяч, лідэр партыі кадэтаў, гісторык, публіцыст. Пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. міністр замежных спраў Часовага ўрада. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі эміграваў.

² М. Багдановіч мае на ўвазе наступныя беларускія перыядычныя выданні: «Наша ніва» (1906—1915), «Саха» (1912—1915), «Маладая Беларусь» (1912—1913), «Віетарус» (1913—1915), «Лучынка» (1914), «Раніца» (1914).

³ Штодзённая газета ліберальнага напрамку, выдавалася ў 1907—1918 гг. у Кіеве.

Образы Галиции в художественной литературе

(с. 94)

Друкуецца па час. «Русский экскурсант», 1915, № 1 і 2, дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: М. Богдановіч.

Датуецца годам апублікавання.

¹⁻² Гл. камент. да арт. «Галицкая Русь», пазіцыю 1.

³ Горная сістэма ў Еўропе, у межах Чэхіі, Польшчы, Венгрыі, Румыніі, Украіны. Даўжынёй каля 1500 км, шырынёй — 100—350 км.

⁴ Старадаўні ўкраінскі шчыпкава-музычны інструмент.

⁵ *Пішэрва-Тэтмайер Казімеж* (1865—1940) — польскі пісьменнік.

⁶ Урывак з рамана М. Кацюбінскага «Цені забытых продкаў» са слоў «Теплым весенним утром...» да слоў «упасть к его ногам» М. Багдановіч раней прыводзіў у артыкуле «Угорская Русь».

⁷ Капялюш.

⁸ Горы ў Букавіне — на тэрыторыі, якая ўваходзіць у склад сучаснай Чарнавіцкай вобласці Украіны і Румынскай вобласці Сучава. Назву атрымалі ад буквавых лясоў, што пакрываюць яе мясцовасць.

⁹ Урывак з верша «Гавэрля» (зб. «В годніні сумерку», 1908) украінскага пісьменніка *Чарнецкага Сцяпана Мікалаевіча* (1881—1944).

¹⁰ *Франко Іван Якаўлевіч* (1856—1916) — украінскі пісьменнік, публіцыст, грамадскі дзеяч. Галічане з'яўляюцца героямі большасці яго кніг. У 1885 г. выйшлі «Галіцкія абразкі».

Даты напісання згаданых у артыкуле твораў наступныя: «Сам вінаваты» — 1880, «Лесіхіна сям'я» — 1876, «Вялікі шум» — 1907, «Мірон» — 1883, «Гісторыя маёй саламарэзкі» — 1883, «Лясы і пашы» — 1883.

¹¹ Відаць, гаворка ідзе аб працы галіцкага публіцыста *Кельсіева Васіля Іванавіча* (1835—1872) «Галіччына і Малдавія. Падарожныя лісты» (Спб., 1868).

¹² Свята, якое мае адносіны да назвы храма.

¹³ *Каламыйка* — украінская народная песенька накшталт прыпеўкі. Жанр гэты ёсць і ў беларускай народнай творчасці.

Шумка — украінская народная песня-танец. Музыкальны памер 2/4. Тэмпам і характарам выканання блізкая да каламыйкі.

¹⁴ У грэчаскай міфалогіі — лясныя німфы, заступніцы дрэў.

¹⁵ *Фядзьковіч-Гардзінскі Юры Адальбертавіч* (1834—1888) — украінскі (галіцкі) пісьменнік, які стварыў каларытныя характары горцаў у творах «Лук'ян Кабыліца» (1862), «Любоў-пагібель» (1863), «Хто вінаваты» (1863), «Няшчаснае каханне» (1867), «Максім Судны» (1887) і інш.

¹⁶ Відаць, тут апіска ў М. Багдановіча, а гаворка ідзе пра *Васілевіча Івана Мікалаевіча* (1816—1866), паэта і фалькларыста, літаратурнае жыццё якога было цесна звязана з Галіцыяй. Вядомы яго паэма «Мадэй» і казка ў вершах «Жулін і Каліна».

¹⁷ *Захер Мазох фон Леапольд* (1835—1895) — нямецкі пісьменнік, які нарадзіўся ў Львове. Яго раманы з жыцця рускага двара, як і эратычныя аповесці, зрабілі імя пісьменніка папулярным за межамі радзімы і далі назву спецыфічнаму кірунку мазахізм. Пісаў таксама пра яўрэйскае насельніцтва Галіцыі — зб. «галіцкіх апавяданняў» «Запавет Каіна» (М., 1877), які быў перакладзены з нямецкай мовы С. А. Кацельнікавай, і зб. «Яўрэйскія апавяданні» (М., 1899).

¹⁸ Адна з формаў феадальнай зямельнай рэнты, дармавая пры- мусовая праца феадальна-залежнага селяніна на гаспадарцы феадала з часоў Кіеўскай Русі.

¹⁹ *Талер* — буйная сярэбраная манета масаю 28—30 г. Упер- шыню выпушчана ў 1518 г. у Чэхіі (г. Іаахімсталь). Высакапробныя талеры (27, 20 г чыстага серабра) хутка пашырыліся за межамі Германскай імперыі і сталі ўзорам для манетнай чаканкі ў іншых краінах. Аўстрыйскі талер з партрэтам аўстрыйскай імператрыцы Ма- рыі Тэрэзіі (1717—1780) чаканіўся з 1753 г. У XIX—XX стст. яго выпускалі Аўстрыя, Англія, Францыя, Італія. У вялікай колькасці талеры купляліся Рускай дзяржавай у XVII ст. як сыравіна для ўлатнай манетнай эмісіі.

²⁰ Пярэдадзень Калядаў і Вадохрышча (пачатак студзеня). Называецца так таму, што ў гэтыя дні ў ежу ўжываецца замест масла сачэва — сок — з зерня роду бабовых (сачэвічніку). *Сачэнь* — праснак, памазаны зверху густым сокам з гэтага зерня.

²¹ *Мальфарэй* — ад укр. мольфар, што азначае чараўнік, у другім выпадку — чорт, д'ябал.

²² *Каваліў Сцяпан Міхайлавіч* (1848—1920) — украінскі пісьменнік. Відаць, М. Багдановіч меў на ўвазе творы Каваліва «Грамадскія пра- мыслоўцы» (1899) і «Абразкі з жыцця галіцкай Каліфорніі» (1913).

²³ *Кабылянская Вольга Юльянаўна* (1863—1942) — украінская пісьменніца. Магчыма, у артыкуле меліся на ўвазе такія яе творы, як «Некультурная» (1896), «Пара» (1895), «Бітва» (1895), «Зямля» (1901), дзе шырока даюцца карціны прыроды. У перакладзе на рускую мову быў вядомы зборнік «Арыстакратка» і іншыя апавяданні (1912). Пераклаў П. Дзятлаў.

²⁴ *Стэфанік Васіль Сямёнавіч* (1871—1936) — украінскі пісьменнік, прысвяціў галічанам шэраг твораў у зборніках «Сіняя кніжка» (1899), «Каменны хрэст» (1900), «Дарога» (1901), «Маё слова» (1905) і інш. На рускай мове ў перакладзе У. Казіненкі вядомыя кнігі «Апавяданні» (Спб., 1907) і «Каплі крыві» (Спб., 1911).

²⁵ *Леантовіч Павел Іванавіч* (1825—1880) — украінскі пісьменнік.

²⁶ *Кабрынска-Азаркевіч Наталля Іванаўна* (1855—1920) — украін- ская пісьменніца, вядома як арганізатар жаночага руху ў Галіччыне.

²⁷ *Мартовіч Аляксей Сямёнавіч* (1871—1916) — украінскі пісьмен- нік-дэмакрат. Найбольш яскрава раскрывае жыццё галічанаў у апавя- даннях «Нумары» (1891), «Мужыцкая смерць» (1899; яго пераклаў М. Горкі для часоп. «Жизнь»), «Дурная справа» (1902), «Хітры Пань- ко» (1900), «Вось пасюль маё» (1900) і інш. У перакладзе на рускую мову быў вядомы на той час зборнік «Войт» і іншыя апавяданні (1910, 2-е выданне — 1911; пераклаў А. Назарыеў).

Друкецца па часоп. «Национальные проблемы», 1915, № 2, дзе ўпершыню апублікаваны.

Датуецца годам апублікавання.

На першай старонцы першадруку паведамленне: «Настоящий журнал, готовый уже к печати, был задержан выпуском ввиду об'явленного постановления вр. ис. московского градоначальника ген. м. Золотарева о закрытии «Национальных проблем» на всё время действия в Москве Положения о чрезвычайной охране. Но постановление это не было приведено в исполнение ввиду последовавшего затем постановления.

Спешно выпуская настоящий номер после вынужденного прерыва и избегая дальнейших задержек, редакция вынуждена была сохранить № 2 «Национальных проблем» в значительной его части в том виде, в котором он был уже готов к печати».

¹ У 1801 г., у сувязі з новым губернскім падзелам Расіі, на тэрыторыі Беларусі створана 5 губерняў, якія падзяляліся на паветы, паветы — на воласці. Магілёўская губерня мела 12 паведаў; Віцебская — 12, Мінская — 10, Гродзенская — 8, Віленская — 11 паведаў.

² Феадальная дзяржава XIV—XV стст. з цэнтрам у г. Маскве, якая стала асновай аб'яднання рускіх зямель у адзіную цэнтралізаваную дзяржаву. Выдзелілася ў першай палове XIII ст. з Уладзіміра-Суздальскага княства як удзел.

³ Гл. камент. да арт. «Украинское казачество», с. 112, пазіцыю 9.

⁴ М. Багдановіч мае на ўвазе далучэнне Беларусі да Расіі ў выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай паміж Расіяй, Прусіяй і Аўстрыяй у 1772—1795 гг.

⁵ На беларускіх і ўкраінскіх землях, што ўвайшлі ў Вялікае княства Літоўскае, быў больш высокі ўзровень развіцця грамадства, чым на ўласна літоўскіх, таму яны мелі вялікі ўплыў на ўсе сферы ўнутранага жыцця дзяржавы і яе культуры.

⁶ М. Багдановіч вядзе гаворку пра трэці падзел Рэчы Паспалітай (1795), у выніку якога беларускія і значная частка ўкраінскіх зямель былі ўз'яднаны з Расіяй.

⁷ М. Багдановіч мае на ўвазе паўстанне 1863—1864 гг. у Польшчы, на Беларусі і ў Літве супраць царызму.

⁸ Міцкевіч Адам (1798—1855) — польскі паэт.

Пад непасрэдным уплывам Міцкевіча пачыналі літаратурную дзейнасць пачынальнікі новай беларускай літаратуры Я. Чачот, Я. Баршчэўскі, А. Рыпінскі, У. Сыракомля і інш.

⁹ *Чацот Ян* (1796—1847) — беларускі і польскі паэт, фалькларыст. Сябар А. Міцкевіча. Сабраў і апублікаваў у шасці фальклорных зборніках «Сялянскія песенькі» (Вільня, 1837—1846; пераклад на польскую мову і ў арыгінале).

¹⁰ *Сыракомля Уладзімір* (сапр. Кандратовіч Людвік Францішак Уладзіслаў; 1823—1862) — польскі і беларускі паэт. Пакінуў багатую літаратурную спадчыну, тэматычна і праблемна звязаную з Беларуссю. Першы друкаваны яго твор — запісанае вершам апавяданне «Пашталён», якое ў перакладзе паэта Л. Трэфалёва стала рускай народнай песняй «Ямщик».

¹¹ *Вярыга-Дарэўскі Арцём Ігнатавіч* (1816—1884) — беларускі пісьменнік-дэмакрат. «Альбом» Вярыгі-Дарэўскага, які ён веў у 1858—1863 гг., — унікальны помнік беларускай культуры. У ім пакінулі свае вершы і запісы В. Дунін-Марцінкевіч, У. Сыракомля, В. Каратынскі і інш.

¹² *Каратынскі Вінцэсь Аляксандравіч* (1831—1891) — беларускі і польскі пісьменнік, журналіст. Працаваў хатнім настаўнікам, сакратаром У. Сыракомлі. Выдаў 10-томны Збор твораў Сыракомлі (1872).

¹³ *Лучына Янка* (сапр. Неслухоўскі Іван Люцыянавіч; 1851—1897) — беларускі паэт-дэмакрат.

¹⁴ *Багушэвіч Францішак Казіміравіч* (1840—1900) — беларускі паэт-дэмакрат.

¹⁵ *Беларуская сацыялістычная грамада (БСГ)* — беларуская нацыянальная партыя леванародніцкага кірунку ў 1902—1918 гг. Утворана на базе культурна-асветніцкіх гурткоў моладзі Вільні, Гродна, Мінска пад назвай Беларуская рэвалюцыйная грамада. У 1906—1915 гг. гуртавалася вакол газет «Наша доля» (1906) і «Наша ніва» (1906—1915). Праграма БСГ змяшчала асноўныя дэмакратычныя патрабаванні, у тым ліку сацыялізацыі зямлі, аўтаномію, пазней незалежнасць Беларусі. У сярэдзіне 1918 г. на аснове БСГ створаны Беларуская сацыял-дэмакратычная партыя, Беларуская партыя сацыялістаў-рэвалюцыянераў і Беларуская партыя сацыялістаў-федэралістаў. Восенню 1917 г. частка левага крыла БСГ на чале з А. Р. Чарвяковым стварыла Беларускую сацыял-дэмакратычную рабочую партыю і далучылася да большавікоў. Другая частка левага крыла БСГ на чале з Жылуновічам таксама выступіла за падтрымку савецкай улады.

¹⁶ Першая на беларускай мове легальная газета, выдавалася ў Вільні з 1 верасня да 1 студзеня 1906 г. кірыліцай і лацінкай. З студзеня 1907 г. рашэннем Віленскай судовай палаты забаронена. У «Нашай долі» друкаваліся мастацкія творы Цёткі, Я. Коласа, Ядвігіна Ш. і іншых беларускіх пісьменнікаў.

¹⁷ Легальная штогтыднёвая грамадска-палітычная і літаратурная газета, якая выдавалася ў Вільні з 10 лістапада 1906 г. да 7 жніўня 1915 г. на беларускай мове (да 24 кастрычніка 1912 г. кірыліцай і

лацінкай, пазней кірыліцай). Першы рэдактар і выдавец С. Вольскі, з 22 снежня 1906 г.— А. Уласаў, з 7 сакавіка 1914 г. рэдактар, а потым і выдавец І. Луцэвіч (Янка Купала).

З выданнем «Нашай нівы» многія беларускія пісьменнікі атрымалі магчымасць друкаваць свае творы на беларускай мове. «Наша ніва» публікавала на сваіх старонках ці выдавала асобна творы Цёткі, Я. Купалы, Я. Коласа, М. Багдановіча, Ц. Гартнага, З. Бядулі, А. Гурло, К. Буйло і іншых беларускіх пісьменнікаў, пераклады на беларускую мову твораў рускіх і польскіх класікаў — У. Караленкі, М. Гоголя, Л. Талстога, М. Горкага, А. Міцкевіча, Э. Ажэшкі. Газета адыграла значную ролю ў выяўленні і збіранні беларускіх літаратурных сіл, у развіцці беларускай літаратурнай мовы, у выданні і прапагандзе беларускіх кніг. Рэдакцыя газеты выдавала беларускія календары (з 1910 да 1915 г.), прапагандавала тэатр І. Буйніцкага, беларускі фальклор, іншыя віды нацыянальнага мастацтва.

У вопісе рукапісаў М. Багдановіча значыцца, што папка № 1 змяшчае ў сабе паасобныя старонкі артыкула М. Багдановіча аб газеце «Наша ніва» — 6 с. in 4°» (гл. гэты том, с. 415).

¹⁸ Штомесячны сельскагаспадарчы часопіс, які выдаваўся на беларускай мове з красавіка 1912 г. да кастрычніка 1913 г. у Вільні, з лістапада 1913 г. да студзеня 1915 г. у Мінску. Прызначаўся для сялян-беларусаў, змяшчаў матэрыялы на сельскагаспадарчыя тэмы, прапагандаваў арганізацыю сельскагаспадарчых гурткоў і суполак.

¹⁹ Культурна-асветны часопіс, які выдаваўся ў Пецяярбурзе беларускім выдавецкім таварыствам «Загляне сонца і ў наша аконца» на беларускай мове. Выйшлі тры выпускі (сшыткі): № 1, 2 у 1912 г., № 3 у 1913 г. Выступаў за пашырэнне асветы, культуры, школьнай справы на Беларусі. Змяшчаў творы Я. Купалы, Я. Коласа, Цёткі, Ц. Гартнага і інш. Друкаваўся кірыліцай і лацінкай адначасова.

²⁰ «*Беларус*» («*Bielarus*») — штотыднёвая каталіцкая грамадска-палітычная і літаратурная газета. Выдавалася з 13 студзеня 1913 г. да 30 ліпеня 1915 г. у Вільні на беларускай мове, друкавалася лацінкай.

²¹ Юнацкі і краязнаўчы ілюстраваны часопіс, які выдаваўся ў 1914 г. у Мінску на беларускай мове. Асвятляў пытанні выхавання і адукацыі беларускай моладзі, друкаваў творы Я. Купалы, Я. Коласа, З. Бядулі, К. Буйло, Ц. Гартнага, А. Гурло, Ядвігіна Ш. і іншыя навукова-папулярныя і краязнаўчыя матэрыялы. Выйшла 6 нумароў. Рэдактар А. М. Уласаў, фактычны кіраўнік выдання Цётка (А. Пашкевіч).

²² Часопіс беларускай студэнцкай моладзі, адзіны нумар выдадзены ў Пецяярбурзе ў чэрвені 1914 г.

²³ М. Багдановіч мае на ўвазе Віленскі ўніверсітэт, які быў заснаваны ў 1579 г. як Віленская акадэмія. Мела спачатку філасофскі і багаслоўскі факультэты, у 1641 г. адкрыты юрыдычны факультэт. Кіраваў акадэміяй езуіцкі ордэн. У 1803 г. пераўтворана ў імператарскі Віленскі ўніверсітэт. Ва ўніверсітэце вучылася многа студэнтаў з Бе-

ларусі. У пачатку XIX ст. у Віленскім універсітэце існавалі тайныя таварыствы філаматаў і філарэтаў, у якіх удзельнічалі і студэнты Адам Міцкевіч, Ян Чачот, Тамаш Зан і інш. Пасля паўстання 1830—1831 гг. універсітэт быў закрыты (1832).

Хто мы такія?

(с. 126)

Друкуецца па газ. «Вольная Беларусь», 1918, № 14, 21 крас., дзе ўпершыню апублікаваны.

Напісанне артыкула, як лічыла Літаратурная камісія Твораў, 1928, можна аднесці да 1915 г. (гл.: Творы, 1928, т. 2, с. 364). У вопісе рукапісаў М. Багдановіча (гл. гэты том, с. 427) значыцца 2 с. чыставаго тэксту артыкула «Хто мы такія» (аркуш 22×18 см).

На белорусские темы

(с. 128)

Друкуецца па часоп. «Украинская жизнь», 1916, № 2, дзе ўпершыню апублікаваны.

Напісанне артыкула можна аднесці да 1915 г. Гэту дату ўдакладняе наступны сказ дадзенага артыкула: «Эта деятельность, судя по корреспонденциям в журнале, вскоре стала на твердую почву и прочно развивалась, пока немецкое нашествие не оборвало ее летом прошлого года» (курсіў наш.— С. З.). На ваенным становішчы беларускія губерні былі аб'яўлены з 18 ліпеня 1914 г.

¹ Абавязковая ўмова (для здзяйснення чаго-небудзь).

² Орган царкоўна-ўрадавай улады, характар якой залежыць ад ладу дадзенай царквы.

³ «У Архідзіэцэзіі пастанавілі даць указанне ўсім плябанам, каб яны пасля заканчэння набажэнства гаварылі казанні да народа з амвону ў касцёлах на той мове, якую народ разумее» (польск.).

⁴ У хрысціянскай царкве сукупнасць свяшчэннаслужыцеляў і царкоўнаслужыцеляў.

⁵ М. Багдановіч мае на ўвазе Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года — збор законаў феадальнага права, які дзейнічаў у Вялікім княстве Літоўскім з 1589 г., а пасля ўз'яднання Беларусі з Расіяй (1772—1795) у Віцебскай і Магілёўскай губернях да 1831 г., у Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губернях да 1840 г.

⁶ Гл. камент. да арт. «Беларусы», пазіцыю 20.

⁷ 18 ліпеня 1914 г. беларускія губерні былі аб'яўлены на ваенным становішчы.

⁸ Новы, гарачы прыхільнік чаго-небудзь.

⁹ Епіскап епархіі, падпарадкаваны архіепіскапу.

¹⁰ Дзе беларускі дыялект зразумелы народу.

Дело по обвинению в разбое

(с. 135)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 121, 28 мая, дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: Ив. Февралевъ. Змешчаны ў рубрыцы «Суд».

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

¹ Звод ваенных пастановаў.

² *Абрамовіч-Бараноўскі Сяргей Сямёнавіч* (1866—?) — юрыст, прафесар Аляксандраўскай ваенна-юрыдычнай акадэміі.

³ Род караляў.

Покушение на вооруженную кражу

(с. 141)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 129, 8 чэрв., дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: Ив. Ф. Змешчаны ў рубрыцы «Суд».

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

¹ Сярэдняя вучэбная ўстанова ў дарэвалюцыйнай Расіі з сямігадовым курсам навучання. Знаходзілася у ведамстве ўстаноў імператрыцы Марыі, адкуль і атрымала сваю назву.

Две смерти

(с. 144)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 130, 9 чэрв., дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: Ив. Февралевъ. Змешчаны ў рубрыцы «Суд».

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

¹ Гл. камент. да арт: «Дело по обвинению в разбое», пазіцыю 1.

² *Хрэсны ход* — хаджэнне з крыжамі, іконамі і харугвамі ў памяць важных падзей вакол храма.

³ Рабочы-грузчык зерня (хлеба) на параходах.

Покушение на поджог

(с. 148)

Друкецца па газ. «Голос», 1916, № 134, 14 июня, дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: Ив. Февр. Змешчаны ў рубрыцы «Суд».

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

¹ Гл. камент. да арт. «Дело по обвинению в разбое», пазіцыю 1.

² У 1870 г. арыштанцкія роты, якія арганізаваны з арыштантаў, прысуджаных да катаржнай працы, былі перайменаваны ў арыштанцкія аддзяленні.

В гостях у детей

(с. 151)

Друкецца па газ. «Голос», 1916, № 143, 24 чэрв. (7 ліп.).
Подпіс: Ив. Февральевъ.

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

〈Заседание городской думы〉

(с. 154)

Друкецца па газ. «Голос», 1916, № 145, 26 чэрв., дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: Ив. Ф-левъ.

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

¹ Відаць, гаворка ідзе пра Усерасійскі саюз гарадоў, створаны ў жніўні 1914 г.

Николай Дмитриевич Ножин

(с. 157)

Друкецца па часоп. «Ежемесячный журнал», Петроград, 1916, № 6, дзе апублікаваны ўпершыню.

Артыкул змешчаны пад рубрыкай «Юбилей».

Датуецца годам апублікавання.

Як зазначае І. Замоцін у крытычна-біяграфічным нарысе, змешчаным у 2-м томе Твораў, 1928, с. XLII у асяроддзі М. Багдановіча гэтага часу «падымаліся пытанні сацыяльнага характару, якія востра

ўставалі ў гэтыя перадрэвалюцыйныя гады, што супадаюць з студэнцтвам Максіма Багдановіча». Гэтым, як відаць, і можна часткова вытлумачыць узмацнёную за гэты час цікавасць поэты да сацыяльных праблем, якія ён ставіць не толькі дапасавальна да лёсу Беларусі, але і значна шырэй... (гл. таксама артыкулы: «Н. Д. Ножын. К пятидесятилетию со дня смерти» і «Н. К. Михайловский. К десятилетию со дня кончины» — т. II, № 60, 61; трэба, аднак, зрабіць агаворку, што вывучаць М. К. Міхайлоўскага М. А. (Максім Адамавіч.— С. З.) пачаў яшчэ згодна паказанню і рэкамендацыі бацькі, а зацікаўленаць М. Д. Ножыным магла ўжо вырасці на падставе знаёмства з М. К. Міхайлоўскім).

¹ *Ножын Мікалай Дзмітрыевіч* (1841—1866) — рускі біёлаг, звязаны з рэвалюцыйнымі коламі. Прадстаўнік суб'ектыўнага метаду ў сацыялогіі. Прыхільнік дарвінізму ў біялогіі і яго праціўнік у сацыялогіі.

² Вытрымка з кнігі М. К. Міхайлоўскага «Литературные воспоминания и современная смута», Спб., 1905, т. 1. с. 17.

³ Вытрымка з твора М. К. Міхайлоўскага «Вперемежку», дзе адно з цэнтральных месц займаў вобраз вучонага-біёлага Д. М. Бухарцова. Пад гэтым імем, па словах М. К. Міхайлоўскага, ён стварыў вобраз М. Д. Ножына. Таму апошні сказ з прыведзенай М. Багдановічам цытаты ў М. К. Міхайлоўскага гучыць так: «Пишу вполне трезво и сознательно. Бухарцов был гениальный ум». (Соч. Н. К. Михайловского. Спб., 1898. Т. 4. С. 268).

⁴ *Міхайлоўскі Мікалай Канстанцінавіч* (1842—1904) — рускі публіцыст, сацыёлаг, літаратурны крытык, народнік.

Прыхільнік суб'ектыўнага метаду ў сацыялогіі. Адстойваў ідэалістычную тэорыю «герояў» і «натоўпу», лічыў, што інтэлігенцыя заклікана ліквідаваць народныя няшчасці. Як літаратурны крытык выступаў супраць прадстаўнікоў «чыстага мастацтва», натуралізму, за грамадскі і дэмакратычны характар літаратуры. М. Д. Ножын, з якім М. К. Міхайлоўскі разам працаваў у часоп. «Книжный вестник», аказаў рашучы ўплыў на светапогляд М. К. Міхайлоўскага.

⁵ У творы «Вперемежку» М. К. Міхайлоўскі абрысаваў М. Д. Ножына пад прозвішчам Д. М. Бухарцова.

⁶ Маецца на ўвазе твор М. К. Міхайлоўскага «Литературные воспоминания и современная смута». Спб., 1905.

⁷ «Кающийся дворянин» — гэты вобраз належыць М. К. Міхайлоўскаму.

Паводле Міхайлоўскага, у другой палове XIX ст. на арэну выйшлі дзве новыя сілы — разначынцы і «каюшыся дворяне». «Каюшыся дворяне» ўсвядомілі, што ўсе даброты жыцця, уключаючы і культурныя, яны прыдбалі за кошт народа і таму ў неаплачым даўгу перад ім.

⁸—9. 30—32 Вытрымкі з чатырох артыкулаў М. Д. Ножына пад агульным загаловам «Наша наука и учение: книги и издания». Публіцыстычны цыкл апублікаваны ў часоп. «Книжный вестник», 1866, Спб., 1867, № 1—3, 7, с. 357—358.

¹⁰ «Настает новый и последний фазис борьбы за истину, выработанную наукой». У артыкуле М. Д. Ножына гэты сказ гучыць так: «Настает новый и последний фазис мученичества за истину, за истину, выработанную наукой». («Книжный вестник», 1866. Спб., 1867. № 3.)

¹¹ *Гейдэльберг* (Heidelberg) — горад у ФРГ на рацэ Неккар. Старэйшы германскі універсітэт з 1386 г. Цэнтр канцэнтравання рускага студэнцтва за мяжой.

¹² *Цюбінген* (Tübingen) — горад у ФРГ. Універсітэт з 1477 г. У цюбінгенскім універсітэце Ножын займаўся заалогіяй з зімы 1861—1862 гг.

¹³ *Фларэнцыя* (Firenze) — горад у Цэнтральнай Італіі. Універсітэт з 1321 г. У Фларэнцыі Ножын пражыў зіму 1863—1864 гг.

¹⁴ *Бакунін Міхал Аляксандравіч* (1814—1876) — рускі рэвалюцыянер, тэарэтык анархізму, адзін з ідэолагаў рэвалюцыйнага народніцтва. Выступаў супраць марксізму, адмаўляў палітычную барацьбу рабочага класа, неабходнасць дзяржавы і дыктатуры пралетарыяту.

¹⁵ М. Багдановіч цытуе твор М. К. Міхайлоўскага «Вперемежку» (Сочинения Н. К. Михайловского, Спб., 1897. Т. 4. С. 268).

¹⁶ М. Д. Ножын марыў аб збліжэнні грамадскіх і прыродазнаўчых навук у імя развіцця сацыялагічнай думкі.

¹⁷ Сваю сацыялагічную канцэпцыю ў найбольш сістэматычным выглядзе М. Д. Ножын выклаў у артыкулах, якія былі надрукаваны ў «Книжном вестнике», дзе пачаў супрацоўнічаць з канца 1865 г. Пяць крытычных артыкулаў і нататак, з якіх рэцэнзіі «Четыре лекции о жизни и болезненном состоянии Р. Вирхова» («Книжный вестник», 1865, № 24. С. 467—469), на нарысы падарожніка Г. Бэтса «Натуралист на Амазонской реке» («Книжный вестник», 1866, № 2. С. 46—47), на твор Г. Кленке «Практическое применение естественных наук к требованиям личного существования» («Книжный вестник», № 5. С. 122—123) як бы прымыкаюць да асноўнага цыклу пад агульным загаловам: «Наша наука и учение: книги и издания» («Книжный вестник», 1866. № 1—3, 7).

¹⁸ Артыкул М. Д. Ножына па заалогіі быў апублікаваны ў адным з выданняў Акадэміі навук — «Bulletin de Academie Imperiale des Sciences de St. Pétersbourg», 1865, VIII, люты, с. 214.

¹⁹ Рускі рэвалюцыянер Каракозаў Дзмітрый Уладзіміравіч (1840—1866) няўдала страляў у імператара Аляксандра II 4 красавіка 1866 г.

^{20, 22} Вытрымкі з твора М. К. Міхайлоўскага «Вперемежку» (Сочинения Н. К. Михайловского. Спб., 1897. Т. 4. С. 266, 269).

²¹ М. К. Міхайлоўскі прыводзіць вытрымку з верша М. А. Нярасава «Памяти Добролюбова». У Міхайлоўскага: «Какой светильник разума погас // Какое сердце биться перестало!» (Н. К. Михайловский. «Вперемежку» // Сочинения Н. К. Михайловского. Спб., 1897. Т. 4. С. 268).

²³ *Мечнікаў Л. І.* (1838—1888) — рускі географ і сацыёлаг, публіцыст, брат рускага вучонага біёлага І. І. Мечнікава.

²⁴ М. Багдановіч цытуе ўспаміны Л. І. Мечнікава «М. Н. Бакунин

в Італіі в 1864 г.», якія былі змешчаны ў часоп. «Исторический вестник», 1897, кн. III, с. 818—819. Тлумачэнне да М. С. Курачкіна, узятае ў дужкі, належыць Л. І. Мечнікаву.

²⁵ *Гекель Эрнст* (1834—1919) — нямецкі біёлаг-эвалюцыяніст, прапагандыст дарвінізму.

²⁶ *Мюлер Фрыц* (1821—1897) — нямецкі заолаг. Развіў многія палажэнні Ч. Дарвіна.

²⁷ Цытата з твора М. К. Міхайлоўскага «Вперемежку» (Сочинения Н. К. Михайловского, Спб., 1897. Т. 3. С. 268).

²⁸ Маюцца на ўвазе № 1, 2, 3 і 7 часоп. «Книжный вестник», 1866 (Спб., 1867).

²⁹ Марскія жывёлы, якія жывуць калоніямі і вылучаюцца незвычайнай прыгажосцю, прыемнасцю афарбоўкі і нагадваюць з выгляду гірлянды кветак. Аб сіфанафорах М. Багдановіч пісаў у вершы «***Усплывае грамада сіфанафора». Гэты верш, як і артыкул «Николай Дмитриевич Ножин», працягвае тэму аб грамадзе, якой цікавіўся паэт. Аб гэтым сведчаць і ўрыўкі яго артыкулаў на сацыяльныя пытанні. У вопісе рукапісаў М. Багдановіча значыцца, што папка № 1 змяшчае аўтографы «на сацыяльныя пытанні, сярод іх знаходзяцца чарнавыя накіды аб «Зародышах общин», «К вопросу об переделах», «Об коллективных работах», «Об аграрном вопросе», «Об анархизме в Америке» і інш. (гл. гэты том, с. 415).

³⁰ *Дарвін Чарлз Роберт* (1809—1882) — англійскі натураліст, заснавальнік эвалюцыйнага вучэння пра паходжанне відаў праз натуральны адбор.

Сельскохозяйственная перепись

(с. 166)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 149, 2 (15) ліп., дзе ўпершыню апублікаваны. Пад тэкстам: Ів. Ф-левъ.

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

В с.<еле> Крест

(с. 168)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 152, 6 ліп., дзе ўпершыню апублікаваны пад псеўданімам Ів. Февралевъ.

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

За сахаром

(с. 172)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 154, 8 ліп., дзе ўпершыню апублікаваны пад псеўданімам Ів. Ф.

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

Годовщина Народного дома

(с. 174)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 158, 13 ліп., дзе ўпершыню апублікаваны пад псеўданімам Ів. Ф.

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

Кооперативное совещание

(с. 177)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 160, 15 ліп., дзе ўпершыню апублікаваны пад псеўданімам Ів. Ф.

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

Мимоходом

(с. 180)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 174, 31 ліп., дзе ўпершыню апублікаваны пад псеўданімам Ів. Ф.

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

Мытарства беженцев

(с. 182)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 174, 31 ліп., дзе ўпершыню апублікаваны пад псеўданімам Ів. Февральев.

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

Детская колония

(с. 184)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 193, 26 жн., дзе ўпершыню апублікаваны пад псеўданімам Ів. Ф.

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

〈Заседание городской думы〉

(с. 185)

Друкуецца па газ. «Голос», 1916, № 194, 27 жн.; № 195, 28 жн., дзе ўпершыню апублікаваны пад псеўданімам Ів. Ф.

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

Агляд працы за першы год Мінскага аддзела Беларускага таварыства для помачы пацярпеўшым ад вайны

(с. 190)

Друкуецца па газ. «Дзянніца», 1916, № 4, 27 лістап., дзе ўпершыню апублікаваны. Подпіс: М. Осьмак. Пад тэкстам паметка: Мінск. Артыкул змешчаны пад рубрыкай: «3 нашага жыцця».

Датуецца годам апублікавання.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

Артыкул «Агляд працы за першы год...» апублікаваны В. Скалабанам у часоп. «Польмя». 1981. № 12.

Для псеўданіма М. Осьмак Максім Багдановіч скарыстаў прозвішча сваёй прабабкі Рузаллі (Разаліі) Осьмак, якая, па словах бацькі паэта, «ведала на памяць мноства беларускіх песень і наогул была носьбіткай і захавальніцай народнай даўніны: абрадаў, звычайў, варажбы, паданняў, прыказак, прымавак, загадак, народных лекавых сродкаў і інш.» (Богдановіч А. Матэрыялы к біяграфіі Максіма Адамовіча Богдановіча // Шлях паэта. Мн., 1975. С. 12).

У 1969 г. Сцяпан Александровіч пра артыкул «Агляд працы за першы год...» пісаў наступнае: «Гаворка тут ідзе пра вялікую і нялёгкую працу «Таварыства» ў справе дапамогі бежанцам, ёсць фінансавая справаздача, маюцца звесткі пра культурную работу «Беларускай хаткі».

«Беларускае таварыства помачы ахвярам вайны» было створана ў красавіку 1915 г. у Вільні. У ліпені 1915 г. быў створаны яго адзел у Мінску. «Таварыства» дапамагала бежанцам, падтрымлівала сувязь з Беларускім таварыствам у Петраградзе па аказанні дапамогі пацярпеўшым ад вайны. Але з-за адсутнасці сталай фінансавай дапамогі «Таварыства» не здолела разгарнуць больш актыўную дзейнасць.

Непасрэдны ўзел у рабоце Мінскага аддзела «Беларускага таварыства помачы ахвярам вайны» прымаў Максім Багдановіч, калі прыехаў восенню 1916 г. у Мінск. Дзейнасці «Беларускага таварыства помачы...» і прысвечаны артыкул М. Багдановіча «Агляд працы за першы год...», змешчаны ў газ. «Дзянніца» (выходзіла ў Петраградзе з 1 (14)/XI 1916 па 31/XII 1916 (13/I 1917), рэдактар-выдаўца З. Х. Жылуновіч (Цішка Гартны), выйшла ўсяго 7 нумароў). Гэтай жа тэме прысвечаны і артыкул М. Багдановіча на рускай мове «Деятельность Минского Белорусского комитета», упершыню надрукаванага ў часоп. «Украинская жизнь» (1917, № 1—2). Гэтыя артыкулы маюць наступныя істотныя адрозненні: артыкул у «Дзянніцы» мае звесткі пра членаў «Таварыства», пра паказ батлейкі і інш., якіх няма ў варыянце на рускай мове. Адсутнічае ў артыкуле на рускай мове і канцоўка «Значыцца — працаваць можна! Дзеля таго клічма ўсіх свядомых беларусаў яднацца і працаваць...»

Артыкул «Агляд працы за першы год...» — апошняе прыжыццёвае выступленне М. Багдановіча ў беларускім друку.

¹ *Чавусаў Віктар Іванавіч* (1871—1920) — адвакат, журналіст і грамадскі дзеяч, у 1915—1917 гг. — старшыня камітэта Мінскага аддзела Беларускага таварыства помачы пацярпеўшым ад вайны.

² *Сівіцкая Людвіка Антонаўна* (Верас Зоська — псеўд.; 1892—1991) — беларуская пісьменніца і грамадска-культурны дзеяч. Друкавацца пачала ў 1911 г. у беларускай газеце «Наша ніва» пад псеўданімам Мірко. У 1916—1917 гг. працавала з Багдановічам у камітэце Мінскага аддзела Беларускага таварыства помачы пацярпеўшым ад вайны. З 1923 г. у Вільнюсе. Па мужу Войцік. Член Саюза пісьменнікаў Беларусі.

³ *Лявіцкая Ванда* (1895—1969) — дачка Ядвігіна Ш. (Антона Лявіцкага), у 1915—1917 гг. працавала ў камітэце Мінскага аддзела Беларускага таварыства помачы пацярпеўшым ад вайны, беларуская пісьменніца.

⁴ *Лявіцкі Антон* (Ядвігін Ш. — псеўд.; 1869—1922) — беларускі пісьменнік, адзін з пачынальнікаў беларускай мастацкай прозы, аўтар зборнікаў апавяданняў «Васількі» (1914), «Бязрозка» (1912). У 1915—1917 гг. працаваў у камітэце Мінскага аддзела Беларускага таварыства помачы пацярпеўшым ад вайны.

⁵ *Фальскі Усевалад Сцяпанавіч* (нар. у 1886 ці 1887 — год смерці невядомы) — беларускі акцёр, тэатральны і грамадскі дзеяч, адзін са стваральнікаў беларускага прафесійнага тэатра. У 1915—1917 гг.

працаваў у камітэце Мінскага аддзела Беларускага таварыства помачы пацярпеўшым ад вайны.

⁶ *Русецкі Вільгельм Казіміравіч* (1854 — ?) — дваранін, член камітэта Мінскага аддзела Беларускага таварыства помачы пацярпеўшым ад вайны. У 1916 г. звярнуўся да мінскага губернатара за дазволам выдаваць штотыднёвую газету на беларускай мове «Беларусь».

⁷ *Сівіцкая Эмілія Людвікаўна* (1869—1944) — маці Людвікі Сівіцкай (Зоські Верас), у 1915—1917 гг. працавала ў камітэце Мінскага аддзела Беларускага таварыства помачы пацярпеўшым ад вайны.

⁸ *Голуб Бладысь* (Уладзіслаў Іосіфавіч; Галубок — псеўд.; 1882—1937) — беларускі акцёр, рэжысёр, драматург, мастак, тэатральны дзеяч. Адзін з заснавальнікаў беларускага прафесійнага тэатра. У 1915—1917 гг. працаваў у камітэце Мінскага аддзела Беларускага таварыства помачы пацярпеўшым ад вайны.

⁹ Урадавая ўстанова «Северопомощь». Упраўленне таварыша галоўнага ўпаўнаважанага па ўладкаванні бежанцаў, загадчыка Заходнім фронтам. Таварыш галоўнага ўпаўнаважанага па ўстройванню бежанцаў, загадчыка Заходнім фронтам — стацкі саветнік Аляксандр Пятровіч Фоцінскі.

¹⁰ Клуб беларускай мастацкай інтэлігенцыі ў Мінску ў 1916—1920 гг. Праводзіў культурна-асветніцкую работу, прапагандаваў беларускае тэатральнае і музычнае мастацтва. У гады вайны для бежанцаў наладжваліся нелегальныя вечарынкi-суботнікі. Назву «Беларуская хатка» мела і платная сталоўка.

¹¹ Маецца на ўвазе Усерасійскі земскі саюз дапамогі хворым і параненым воінам. Заснаваны ў Маскве 30 ліпеня 1914 г. на з'ездзе ўпаўнаважаных губернскіх земстваў.

¹² *Крыўка Ян* — член камітэта Мінскага аддзела Беларускага таварыства помачы пацярпеўшым ад вайны. Пад псеўданімай Камтагам і Я. К. друкаваўся ў часоп. «Саха», «Жыццё беларуса», «Беларуская ніва».

¹³ Маёнтак Ядвігіна Ш. (30 вёрст ад Мінска).

¹⁴ Беларускі народны лялечны тэатр. Вядомы з XVI ст. Назва «батлейка» паходзіць ад Betleem, польскай назвы г. Віфлеема, месца нараджэння Хрыста.

¹⁵ У памяшканні рэдакцый часопісаў «Лучынка» і «Саха».

¹⁶ Усерасійскі саюз гарадоў. Створаны ў жніўні 1914 г. для аказання дапамогі царскаму ўраду ў вядзенні вайны 1914—1918 гг. Дзейнічаў у кантакце з Усерасійскім земскім саюзам.

Аб веры нашых прашчураў

(с. 193)

Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, с. 247—248, дзе ўпершыню апублікаваны з аўтографа.

Нарыс, як лічыла Літкамісія Твораў, 1928, напісаны ў 1916 г. для беларускай хрэстаматыі, скласці якую паэт задумаў у гэты перыяд.

У каментарыях да 2-га тома Твораў, 1928 адзначалася, што ў аўтографе ў канцы нарыса М. Багдановічам было дадана запытанне: «Якія звычаі і абрады спрадвечных часоў захаваліся ў вашай ваколіцы? Або якія ёсць наследаванні іх?»

¹ *Хатнік, дамавік, гаспадар* — вобраз у старадаўніх павер'ях беларусаў і іншых народаў. На Беларусі яго ўяўлялі ў выглядзе старога чалавека ў белай вопратцы, з сівай барадой і доўгімі валасамі, які жыў у хаце (пад печку ці за печку — падпечнік, запечнік) ці ў сенях, каморы, клеці. Паводле павер'яў, у кожнай хаце быў свой дамавік, які ахоўваў дом, клапаціўся пра яго гаспадарку, сямейны побыт, а нядбайных і вінаватых караў.

² *Лясун, лесавік, пушчавік* — вобраз у старадаўніх павер'ях беларусаў і іншых народаў, гаспадар лесу і лясных жывёл. На Беларусі яго ўяўлялі ў выглядзе старога чалавека з белым, як бяроза, тварам, з вялікімі вачыма, у звярынай шкуры, ростам з дрэва, які жыве ў лясной глушы.

³ *Вадзянік* — вобраз у старадаўніх павер'ях беларусаў і іншых народаў, уладар вадаёмаў, жывых істот у іх. На Беларусі яго ўяўлялі ў выглядзе старога чалавека, пакрытага водарасцямі і цінай, з зялёнай барадой, доўгімі валасамі на клінападобнай галаве, расплывістым тварам, які жыве ў вірах рэк, асабліва каля млыноў («вірнік»), на дне азёр, крыніц, глыбокіх калодзежаў («ціхоня»).

⁴ *Русалка* — вобраз у старадаўніх павер'ях беларусаў і іншых народаў. На Беларусі яе ўяўлялі прыгожай дзяўчынай з доўгімі распушчанымі валасамі, якая жыла ў рэках, азёрах, лесе, полі.

⁵ *Пярун* — вобраз старажытнай міфалогіі ўсходніх і іншых славянскіх народаў, вярхоўнае язычніцкае бажаство ўсходніх славян, бог грому і маланкі. У старажытных славян увасабляў навальнічную хмару, якая дае дождж і спрыяе ўрадлівасці. Пасля ўвядзення хрысціянства яго функцыі і рысы нададзены Іллі.

⁶ *Ілля* — старазаветны прарок, якога ўшаноўвалі, як святога. З хрысціянізацыяй Русі вобраз Іллі зліўся з язычніцкім богам усходніх славян Перуном, уабраўшы ў сябе яго функцыі і рысы. У міфалогіі, даўніх вераваннях і фальклоры беларусаў Ілля — распарадчык дажджоў і навальніц, апякун земляробства, абаронца ад нячыстай сілы, але раззлаваны можа насласць засуху і град. У народным календары свята Іллі (20 ліпеня ст. ст.) азначала канец лета.

⁷ *Хорс* — адзін з язычніцкіх багоў усходніх славян, бог сонца, апякун земляробства.

⁸ *Каляды* — народнае зімовае свята дахрысціянскага паходжання. Царква прымеркавала да старажытных Каляд рэлігійныя святы нараджэння Хрыста (раство) і Вадохрышча, замацаваўся за імі час з 24/XII да 6/I старога стылю.

⁹ *Масленіца* — старажытнае свята сустрэчы вясны ў славян. Звязана з кўльтам прыроды, ушанаваннем прадкаў. У час Масленіцы выконваліся абрады, якія павінны былі паскорыць абуджэнне прыроды, магічна садзейнічаць ураджаю і дастатку селяніна. Святкавалі Масленіцу напярэдадні вялікага посту (маслены тыдзень) з сытай абрадавай ежай (бліны), з вясёлымі песнямі і гульнямі.

¹⁰ *Вяснянкі* — заклікальныя песні, першыя па часе выканання песні з цыкла веснавых песень; суправаджалі абрад гукання вясны.

¹¹ *Купалле* — старажытнае земляробчае свята найбольшага росквіту жыватворных сіл Зямлі; прыпадала на перыяд летняга сонцастаяння. Пад рознымі назвамі вядомае ўсім еўрапейскім народам.

¹² Зараз в. Пярэжыр на тэрыторыі Пухавіцкага р-на Мінскай вобласці.

〈Белорусский беженский приют〉

(с. 195)

Друкецца па Творах, 1928, т. 2, с. 164—166, дзе ўпершыню апублікаваны з чарнавога вельмі нечытэльнага аўтографа.

У вопісе рукапісаў, які быў зроблены пры ўдзеле бацькі паэта, артыкулу нададзены загалолак «Аб Ратамскім прытулку», але Літкамісія Твораў, 1928 загалолак зменены на «Белорусский беженский приют». Літкамісія Твораў, 1928 адзначала таксама, што артыкул незакончаны.

Пачатак артыкула, а таксама вядомы па ўспамінах сучаснікаў паэта факт, што хутка пасля свайго прыезду ў Мінск восенню 1916 г. М. Багдановіч наведаў дзіцячы прытулак у Ратамцы (пасёлак пад Мінскам), дае падставу датаваць артыкул канцом 1916 г.

¹ У аўтографе за гэтым сказам ішлі словы, якія былі выкраслены М. Багдановічам. Гэтыя словы наступныя: «еще недавно о возможности такого обучения приходилось только мечтать».

² Тут, відаць, М. Багдановіч мае на ўвазе наступнае: у 20—30-я гады XVII ст. назіраўся некаторы спад у паступленні беларускіх кніг у Расію. Гэты спад быў выкліканы ліквідацыяй друкарні Мамонічаў, урадавым умяшаннем у дзейнасць брацкіх кнігавыдавецтваў Беларусі і Украіны, ахавальнымі мерапрыемствамі рускай царкоўнай іерархіі (указ патрыярха Філарэта 1627 г., згодна з якім было спалена

«Учительное евангелие» Кірыла Транквіліёна Стаўравецкага і пачаты ганенні на «літоўскія» кнігі, якія былі ў абарачэнні ў рускіх цэрквах) і вярхоўнай улады, якая асцерагалася уніяцкай «эрасі» і іншых «супротивств древним учительным евангелиям». У Торалец, Пуціўль і ў іншыя прыгранічныя гарады былі накіраваны гасударавы граматы, якія прадпісвалі не купляць у гандлёвых людзей «літоўскія» кнігі, а выяўленья сабраць і спаліць. А цар Аляксей Міхайлавіч узышоў на трон толькі ў 1645 г.

³ Маецца на ўвазе Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г., Трэці статут Вялікага княства Літоўскага, збор законаў феадальнага права, што дзейнічаў у Вялікім княстве Літоўскім з 1589 г., пасля ўз'яднання Беларусі з Расіяй у Віцебскай і Магілёўскай губернях да 1831 г., у Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губернях да 1840 г.; помнік беларускай мовы, пісьменнасці і юрыдычнай думкі феадальнай эпохі.

⁴ Маецца на ўвазе Брэсцкая царкоўная унія 1596 г., ліквідавана на тэрыторыі Беларусі пасля яе ўз'яднання з Расіяй Полацкім саборам 1839 г.

⁵ Маецца на ўвазе тое, што Брэсцкая унія 1596 г. аб'яднала праваслаўную і каталіцкую цэрквы на ўмовах прызнання праваслаўнай царквой вяршэнства папы рымскага з захаваннем абрадаў і богаслужэння на роднай мове. Са скасаваннем уніі ў 1839 г. было ліквідавана і богаслужэнне на роднай мове.

⁶ Валуеўскі цыркуляр 1863 г. і «Эмскі указ» 1876 г., накіраваныя супраць выдання ўкраінскай кнігі, царскія ўлады выкарыстоўвалі і супраць выдання кніг на беларускай мове.

⁷ Відаць, маецца на ўвазе да рэвалюцыі 1905 г.

⁸ Беларускія кнігі выдаваліся ў Жэневе, Лондане, Кракаве і іншых гарадах.

⁹ *Дажынкi* — старадаўні народны абрад, звязаны з заканчэннем жніва.

Голос из Белоруссии

(с. 199)

Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, с. 167—170, дзе ўпершыню апублікаваны з аўтографа. Пад тэкстам аўтарская прыпіска: Минск, Губернскае Земство, Максиму Адамовичу Богдановичу.

Паводле гэтай прыпіскі і таго факта, што М. Багдановіч прыехаў у Мінск восенню 1916 г., артыкул дагуецца канцом 1916 г.

У каментарыях да 2-га тома Твораў, 1928 адзначалася наступнае: у сказе «...мы ведем к растрате результатов громадной, многолетней духовной работы...», як відаць, аўтарам апушчана дапаўненне да дзеяслова «ведем», але, можа, ён тут хацеў сказаць «идем»?

Деятельность Минского белорусского комитета

(с. 203)

Друкецца па часоп. «Украинская жизнь», 1917, № 1—2, с. 104—106, дзе ўпершыню апублікаваны з рэдакцыйнай прыпіскай: «От нашего корреспондента». Пад тэкстам памета: Минск. Подпіс: М. Богданович.

Датуецца годам апублікавання.

¹ Гл. камент. да арт. «Агляд працы за першы год...»

² Гл. камент. да арт. «Агляд працы за першы год...», пазіцыю 9.

³ Гл. камент. да арт. «Агляд працы за першы год...», пазіцыю 10.

⁴ Гл. камент. да арт. «Агляд працы за першы год...», пазіцыю 6.

⁵ Гл. камент. да арт. «Агляд працы за першы год...», пазіцыю 2.

⁶ Гл. камент. да арт. «Агляд працы за першы год...», пазіцыю 12.

⁷ Гл. камент. да арт. «Агляд працы за першы год...», пазіцыю 13.

⁸ Гл. камент. да арт. «Агляд працы за першы год...», пазіцыю 3.

⁹ Трэба: Раткевіч Ядвіга, памочніца Ванды Лявіцкай, член камітэта Мінскага аддзела Беларускага таварыства помачы пацярпеўшым ад вайны.

¹⁰ Гл. камент. да арт. «Агляд працы за першы год...», пазіцыю 11.

¹¹ Гл. камент. да арт. «Агляд працы за першы год...», пазіцыю 14.

Обзор деятельности Минской губернской продовольственной комиссии по 1 января 1917 года

(с. 206)

Друкецца па тэксце брашуры «Обзор деятельности Минской губернской продовольственной комиссии по 1 января 1917 года», Мн., 1917, якая захоўваецца ў ЦДГА Беларусі (г. Мінск).

Датуецца годам апублікавання.

Брашура была выдадзена ананімна.

Аўтарства М. Багдановіча даказаў В. Скалабан у артыкуле «В это суровое и важное время: Максим Богданович в Минске» (Неман. 1981. № 12).

У выданні, твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

¹ К канцу кастрычніка 1915 г. рускія войскі адступілі на лінію Дзвінск—Баранавічы—Пінск.

² Маецца на ўвазе ваенна-прамысловы камітэт, які ў Мінску быў створаны ў жніўні 1915 г.

³ Мінская губернская харчовая камісія створана ў 1915 г. пад старшынствам памешчыка Р. А. Скірмунта. У абавязак камісіі ўвахо-

дзіла арганізацыя закупаў вялікіх партый мукі, збожжа, солі, цукру, чаю, запалак, мануфактуры і іншых тавараў і дастаўка іх у губерню.

⁴ У 1916 г. прыватнымі гандлярамі было закуплена 33 вагоны цукру.

⁵ Крым.

⁶ Зараз г. Чэрвень.

⁷ Зараз Вілейскі раён Мінскай вобласці, Ашмянскі раён Гродзенскай вобласці.

⁸ Маюцца на ўвазе служачыя Усерасійскага земскага саюза і Усерасійскага саюза гарадоў. Пра Усерасійскі земскі саюз і Усерасійскі саюз гарадоў гл. камент. да арт. «Агляд працы за першы год...», пазіцыі 11 і 16.

⁹ Гл. камент. да арт. «Агляд працы за першы год...», пазіцыю 9.

«Уласнаручны запіс М. Багдановічам афарызмаў і асобных моўных выразаў»

(с. 232)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў Інстытуце літаратуры імя Я. Купалы АН Беларусі (ф. 4, адз. зах. 1).

Упершыню паведамленне аб гэтым аўтографе зроблена ў публікацыі В. Вольскага «Новыя аўтографы М. Багдановіча» (Беларусь, 1947. № 5. С. 32), але сам тэкст аўтографа ўпершыню апублікаваны ў кнізе Н. Б. Ватацы «Максім Багдановіч. Паказальнік твораў, аўтографаў і крытычнай літаратуры». Мн., 1977. С. 110—112.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

Частка напісаных афарызмаў належыць самому аўтару, астатнія — цытаты з Горкага, Маякоўскага, Брусава, Хлебнікава, Баратынскага і іншых аўтараў, аўтарства некаторых афарызмаў не пазначана. Напісаны не зусім выразным почыркам на трох лістках у лінейку, чорным чарнілам, з двух бакоў (6 старонак). Лісты, відаць, вырваны з запіснай кніжкі. Лісткі пранумараваны чырвоным алоўкам: 6, 7, 8 лісты.

Колькасць радкоў у шасці старонках аўтографа афарызмаў: 107.

Некаторыя з запісаных у аўтографе афарызмаў былі выкарыстаны М. Багдановічам у яго паэтычнай творчасці. Так, напрыклад, нямецкая пісьменніцкая прымаўка «Переводы стихов — словно женщины: если красивы — то неверны; если верны — то некрасивы» змешчана пад загалоўкам у зб. вершаў «Зеленя» (ва ўласным перакладзе на рускую мову). Выразам Катэла «Я белым каменем адзначу гэты дзень» М. Багдановіч пачынае свой верш «Успамін» (1913) і пісьмо да Ф. Корша:

«Дзень гэты,— так пісаў Катул,—
Я белым каменем адзначу».

Параўнанне самога М. Багдановіча, запісанае ў аўтографі:
«Брови чернее, чем разлука с вами», з некаторымі зменамі выкарыс-
тана ў вершы на рускай мове «Триолет XVIII века»:

Мне долгое забвенье Вами
Чернее Ваших черных кос.

У 1946 г. аўтограф афарызмаў быў вернуты у АН Беларусі разам
з іншымі матэрыяламі, што былі вывезены ў Германію ў час вайны.

¹ *Садоўскі* (сапр. прозвішча; псеўд.— Садовско́й) *Барыс Аляксан-
дравіч* (1881—1952) — рускі пісьменнік, літаратурны крытык.

² *Энгель Ю. Д.* (1868—1927) — рускі музычны крытык, пераклад-
чык і кампазітар, які адыграў значную ролю ў музычным жыцці
Масквы ў пачатку XX ст.

³ Сярэднявековы рыцарскі раман.

⁴ *Кузьмін Міхаіл Аляксеевіч* (1875—1936) — рускі пісьменнік.

⁵ *Д'ор О. Л.* (псеўд.; сапр. імя Оршэр Іосіф Львовіч; 1878—
1942) — рускі пісьменнік, журналіст.

⁶ *Аверчанка Аркадзь Цімафеевіч* (1881—1925) — рускі пісьменнік.

⁷ Гл. камент. да пісьма Ф. Я. Коршу, пазіцыю 2.

⁸ *Гімн Гом. Ленер* — звесткі не выяўлены.

⁹ *Севяранін Ігар* (псеўд.; сапр. імя Ігар Васільевіч Латароў;
1887—1941) — рускі паэт. М. Багдановіч цытуе верш «Это было у моря».

¹⁰ *Хлебнікаў Велімір* (Віктар Уладзіміравіч; 1885—1922) — рускі
паэт.

¹¹ *Маякоўскі Уладзімір Уладзіміравіч* (1893—1930) — рускі паэт.

¹² Гл. камент. да пісьма В. Я. Брусаву, пазіцыю 1.

¹³ *Оглін* (сапр. Максімаў Аляксандр Мікалаевіч) — рускі пісьмен-
нік. Пад псеўданімам Оглін друкаваўся ў «Русских Ведомостях»,
«Вестнике Европы», аднадзённай газеце «День Печати».

¹⁴ *Жабацинскі Уладзімір Яўгенавіч* (1880 — ?) — рускі пісьменнік,
фельетаніст. Друкаваў свае фельетоны ў «Руси» і іншых перыядычных
выданнях. Аўтар кніг «В студенческой богеме», «Десять книг», «Бед-
ная Шарлотта» (паэма), «Чужбина» і інш.

¹⁵ *Міхай* — магчыма, недапісанае прозвішча. Выпісанья М. Баг-
дановічам словы могуць належаць М. К. Міхайлоўскаму (гл. пазі-
цыю 18).

¹⁶ *Баратынскі Яўген Абрамавіч* (1800—1844) — рускі паэт. Пісаў
у асноўным элегіі і пасланні.

¹⁷ *Горнфельд Аркадзь Георгіевіч* (1867—1941) — рускі літара-
туразнаўца.

¹⁸ Маецца на ўвазе, відаць, Міхайлоўскі Мікалай Канстанцінавіч (1842—1904), рускі публіцыст, сацыёлаг, літаратурны крытык, тэарэтык народніцтва.

¹⁹ *Горкі Максім* (псеўд.; сапр. Пешкаў Аляксей Максімавіч; 1868—1936) — рускі пісьменнік і грамадскі дзеяч.

²⁰ *Пешахонаў А. В.* (1867—1934) — публіцыст-народнік. У 1917 г. — міністр Часовага ўрада, эміграваў.

²¹ *Уальд Оскар* (1854—1900) — англійскі пісьменнік і крытык.

(Уласнаручны спіс твораў М. Багдановіча,
напісаных ім на рускай мове
і надрукаваных у розных рускіх
перыядычных выданнях)

(с. 236)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў Інстытуце літаратуры імя Я. Купалы АН Беларусі (ф. 4, адз. зах. 1). У канцы спіса подпіс: М. Багдановіч.

Датаецца прыблізна 1914 г. — пачаткам 1915 г.

Упершыню спіс апублікаваны В. Вольскім у часоп. «Беларусь», 1947, № 5, с. 32.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

Спіс уяўляе сабой вузкі і доўгі ліст старой пажоўклай паперы, на якім рукою самога паэта чорным чарнілам напісаны перанумараваныя назвы яго твораў на рускай мове з азначэннем жанру, месца і часу выдання.

Аўтограф спіса атрыманы супрацоўнікамі АН Беларусі ў 1946 г. разам з кнігамі навуковай бібліятэкі АН Беларусі, захопленымі нямецкімі фашыстамі і прывезенымі пасля вайны з Германіі.

¹ Артыкул «Народное образование», т. 3, с. 8. У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

² Верш «***Ах, как уютно...», т. 1, с. 328.

³ Верш «Городская любовь», т. 1, с. 329.

⁴ Верш «***В горячем споре...», т. 1, с. 330.

⁵ Верш «Купідон», т. 1, с. 257.

⁶ Артыкул «С. Д. Дрожжин», т. 2, с. 218.

⁷ Нататка «Крестьянин-поэт С. Д. Дрожжин», т. 2, с. 336.

⁸ Рэцэнзія «Роман Тристана и Изольды», т. 2, с. 337.

⁹ Апавяданне «Мадонна», т. 2, с. 42.

¹⁰ Магчыма, верш «Современным поэтам», т. 1, с. 462.

¹¹ Апавяданне «Притча о васильках», т. 2, с. 57.

¹² Рэцэнзія «Древний Вавилон», т. 2, с. 339.

DUBIA

Не жаласці, а праўды!

(с. 237)

Друкуецца па газ. «Наша ніва», 1911, № 14, 7 крас., дзе апублікаваны з подпісам: М. Б.

Датуецца годам надрукавання.

Эпіграф да артыкула ўзяты з верша Я. Купалы «Чаго нам трэба».

Аўтарства артыкула дакладна не ўстаноўлена, але ўскосныя факты сведчаць пра тое, што артыкул мог быць напісаны М. Багдановічам. Ініцыяламі: М. Б. Максім Багдановіч падпісваў некаторыя артыкулы, апублікаваныя ў «Нашай ніве» («Глыбы і слаі»), у «Голосе» («Безумец»), у часоп. «Украинская жизнь» («Белорусское возрождение»), і шэраг іншых. У «Нашай ніве», акрамя «Глыбы і слаі» і «Не жаласці, а праўды», у той час не змяшчалася больш артыкулаў на літаратурныя тэмы за подпісам: М. Б. Аўтара артыкула «Глыбы і слаі» — М. Б. (Максіма Багдановіча) — рэдакцыя газеты лічыла сваім сталым супрацоўнікам па пытаннях беларускай літаратуры. Гэтыя факты, а таксама змест артыкула наводзяць на думку, што артыкул «Не жаласці, а праўды» мог належаць М. Багдановічу.

¹ Радкі з верша Я. Купалы «А хто там ідзе?»

Але ёсць меркаванне, што твор напісаны М. Бабровічам.

⟨Прошение⟩

ад 31.X.1916 г.

(с. 239)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў ЦДГА Беларусі (г. Мінск), ф. 295, воп. 1, спр. 9187, л. 338.

Датуецца 31 кастрычніка 1916 г.

У канцылярыі мінскага губернатара прашэнне было зарэгістравана 1 лістапада 1916 г. пад нумарам 2876.

Прашэнне напісана ад рукі, у левым верхнім вугле — штамп аддзела. Рэгістравала прашэнне 31.X.1916 г. і падпісалася «за сакратара» Зоська Верас (Л. А. Сівіцкая). За старшыню камітэта — Ядвігін Ш. (А. І. Лявіцкі). Але почырк подпісаў і почырк самога тэкста істотна адрозніваюцца. Многія даследчыкі (Н. Ватацы, Я. Саламевіч, В. Скалабан і інш.) лічаць, што прашэнне напісана рукой М. Багдановіча (гл., напрыклад, Скалабан В. «...В это суровое и важное время» // Неман. 1981. № 12).

На гэтым прашэнні 1 лістапада 1916 г. мінскі губернатар князь В. А. Друцкой-Сакальнінскі сінім алоўкам наклаў рэзалюцыю: «Запро-

силь полицию, что это за общество, кто члены и вообще как оно работает». Але канцелярыя не спяшалася, толькі 18 лістапада 1916 г. мінскі паліцмайстар палкоўнік Скалон атрымаў сакрэтны дакумент: «По распоряжению начальника губернии, Канцелярия Губернатора просит Ваше Высокоблагородие в непродолжительном времени доставить его Сиятельству сведения о составе, деятельности и общественном значении существующего в гор. Минске Отдела Белорусского общества помощи жертвам войны, охарактеризовав данную организацию с исчерпывающей полнотою и высказав заключение, насколько деятельность Отдела отвечает задачам Общества и не преследует ли таковое узко национальных или иных политического значения целей». Праз месяц, 18 снежня 1916 г., губернатар чытаў паліцэйскае данясенне пра Мінскі аддзел Беларускага таварыства. У данясенні называліся члены камітэта, характарызавалася дзейнасць аддзела, члены таварыства «ни в чем предосудительном не были замечены». І той жа самы сіні аловак губернатара наклаў рэзалюцыю: «Отложить до возбуждения нового ходатайства) о сборе».

Да беларускай калоніі ў Петраградзе

(с. 240)

Друкуецца па газ. «Дзянніца», 1916, № 4, 27 лістап., дзе ўпершыню апублікаваны.

Датаецца годам апублікавання.

Падкрэсленыя ў тэксе словы былі выкраслены цензурай. Адноўлены паводле дадзеных Цішкі Гартнага (З. Жылуновіча) (гл. Жылуновіч З. Эпізод з жыцця беларускай часопісі // Польшча. 1923. № 7—8. С. 114—115).

Пераканаўчых доказаў, што М. Багдановіч быў сярод тых, хто рыхтаваў гэта прывітанне і падпісаў яго, пакуль няма. Але 12 лістапада 1916 г. паэт быў ужо ў Мінску і, па ўспамінах сучасніка, «стараўся быць на ўсіх пасяджэннях, сходках, дзе прымаў усягды чынны ўдзел» (З-ч Л. Максім Багдановіч // Шлях паэта. Мн., 1975. С. 71).

Акрамя гэтага, радкі «не знаўшае пабед, ды не заплямленае знамя!» М. Багдановіч цытаваў у артыкуле «Новая інтэлігенцыя», які быў ўпершыню апублікаваны ў 1914 г.

Прашэнне

ад 29.XI 1916 г.

(с. 241)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў ЦДГА Беларусі (г. Мінск), ф. 295, воп. 1, спр. 9187, л. 409.

Датуецца 29 лістапада 1916 г., па даце рэгістрацыі ў канцылярыі мінскага губернатара.

Напісана тым жа почыркам, што і прашэнне ад 31.X 1916 г.

Міністэрства ўнутраных спраў і мінскі губернатар адхілілі хадзячынства камітэта. Лекцыя не была прачытана. Да прашэння прыкладаўся план лекцыі «Беларускае адраджэнне» (гл. т. 2, с. 423).

Прашэнне

⟨ад 22.XII 1916 г.⟩

(с. 242)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў ЦДГА Беларусі (г. Мінск), ф. 511, воп. 1, спр. 10, л. 468.

Датуецца 22 снежня 1916 г.

Напісана тым жа почыркам, што і прашэнні ад 31.X 1916 і 29.XI 1916 г.

На прашэнні ўнізе круглая пячатка «Белорусское общ.⟨ество⟩ по оказанию помощи пострадавшим от войны. Минский отдел».

Гэта заява была разгледжана на пасяджэнні Мінскага губернскага Тацыянінскага камітэта. 30 снежня 1916 г. камітэт вырашыў «выдаць из имеющегося запаса 50 пальто детских, 70 комплектов белья для мальчиков, 35 шапок и 50 пар обуви, прося вещи эти раздать лишь детям неимущих беженцев». В. А. Лявіцкая, выхавальніца прытулку, 24 студзеня 1917 г. атрымала гэтыя рэчы.

ЛІСТЫ

(с. 243)

Гэты раздзел тома складаюць вядомыя на сённяшні дзень лісты М. Багдановіча. Большасць з іх уваходзіла ўжо ў папярэдняе выданне 36. тв. пазта (1968). Зараз раздзел папаўняецца новымі лістамі, якія былі выяўлены на працягу апошніх дваццаці гадоў і ўпершыню апублікаваны ў розных беларускіх перыядычных выданнях.

Лісты М. Багдановіча размяшчаюцца ў томе ў храналагічнай паслядоўнасці. Незалежна ад аўтарскай даты (ёсць яна або адсутнічае, дакладная або памылковая) кожны ліст мае рэдактарскую дату, якая

пры адсутнасці аўтарскай ці пры наяўнасці памылковай аўтарскай аргументуецца ў каментарыях. Рэдактарская дата і месца напісання ліста падаюцца курсівам у выглядзе падзагалюўка да ліста. Падаюцца курсівам таксама аўтарскі подпіс у канцы ліста і словы, падкрэсленыя ў лістах аўтарам.

У раздзел «Каментарыі» ўваходзяць: звесткі аб крыніцы асноўнага тэксту і месцы яе захавання; звесткі пра месца першай публікацыі; аргументацыя рэдактарскай даціроўкі пры адсутнасці аўтарскай. Каменціруюцца рэаліі лістоў: літаратурныя і гістарычныя падзеі, геаграфічныя назвы, прозвішчы, іншамоўныя выразы.

1. У рэдакцыю «Нашай нівы»

(с. 244)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў ЦДАМЛіМ Рэспублікі Беларусь, ф. 3, воп. 1, адз. зах. 37, арк. 281.

Датуецца маем — чэрвенем 1909 г., калі М. Багдановіч знаходзіўся на лячэнні ў Ялце.

Упершыню — у кн.: Александровіч С. Гісторыя і сучаснасць. Мн., 1968. С. 239.

Ліст апублікаваны таксама В. Рагойшам у газ. «Літаратура і мастацтва», 1976, № 50, 10 снеж.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

¹ «Наша ніва» — штотыднёвая грамадска-палітычная і літаратурная газета, якая выдавалася легальна ў Вільні з 10(23).11.1906 да 7(20).8.1915 на беларускай мове.

2. У рэдакцыю «Маладой Беларусі»

(с. 244)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў адзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы*.

Датуецца 27 лістапада 1911 г.

Упершыню — у кн.: «Гадавік Беларускага навуковага таварыства». Вільня, 1933. Кн. 1.

Ліст апублікаваны таксама ў часоп. «Польмя», 1958, № 3 М. Смолкіным.

* У адзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы лісты М. Багдановіча захоўваюцца пад шыфрам F21-38(VBF) і F21-39(VBF). Фонд 21 — Віленскі беларускі фонд (VBF).

¹ Альманах «Маладая Беларусь» выдаваўся ў 1912—1913 гг. у Пецярбурзе.

² Цыкл вершаў «Старая спадчына» не быў надрукаваны ў «Маладой Беларусі». Гэты цыкл увайшоў як асобны раздзел у зборнік М. Багдановіча «Вянок». Вільня, 1913.

³ Маецца на ўвазе артыкул М. Багдановіча «Санет».

⁴ Маецца на ўвазе Браніслаў Ігнатавіч Эпімах-Шыпіла (1859—1934), беларускі культурны дзеяч, прафесар Пецярбургскага універсітэта, арганізатар першага беларускага выдавецкага таварыства «Загляне сонца і ў наша аконца», у 20-х гадах актыўны супрацоўнік Інбелкульта.

⁵ Знаёмства адбылося ўлетку 1911 г., калі М. Багдановіч ехаў праз Вільню на Беларусь.

3. У рэдакцыю «Маладой Беларусі»

(с. 245)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў аддзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы.

Датуецца прыблізна канцом 1911 — пачаткам 1912 г. з арыентацыяй на змест папярэдняга ліста.

Упершыню — у часоп. «Польмя», 1958, № 3. Публікацыя М. Смолкіна.

¹ Да гэтага пісьма дадавалася 7 вершаў П. Верлена, перакладзеных М. Багдановічам на беларускую мову. Спачатку паэт паслаў тры вершы. Магчыма, гэта былі вершы «Асенняя песня» («***Як раньш пяс»), «Плач сэрца майго», «***Трэ нам, бачыш, усё між сабой дараваць» (упершыню апублікаваны ў газ. «Наша будучыня», 1923, № 1, 6 студз.).

Верлен Поль (1844—1896) — французскі паэт, адзін з пачынальнікаў французскага сімвалізму.

² Гл. камент. да папярэдняга ліста.

³ Відаць, маюцца на ўвазе пераклады оды Гарацыя «Помнік» (упершыню — часоп. «Кругвітанін», 1918, № 1) і ўрыўка 8-й песні «Метамарфозаў» Авідзія «Ікар і Дзедал» (упершыню — Творы, 1927, т. 1).

Гарацыў Квінт Флак (65 да н. э.— 8 да н. э.).— старажытнарымскі паэт.

Авідзій Публій Назон (43 да н. э.— 17 н. э.) — старажытнарымскі паэт.

4. В. Я. Брусаву

(с. 246)

Друкуецца па аўтографу, які захоўваецца ў ЦДАЛіМ (Масква), ф. 76, в. 2, адз. зах. 48, л. 1.

Датуецца па яраслаўскім штэмпелі на паштоўцы: 26.IV.12 г.

Гэта паштоўка-картка адпраўлена на адрас: Москва. Воздвиженка, Ваганьковский пер., № 3, редакции журнала «Русская мысль», для Е. В. Б. Валерия Яковлевича Брюсова.

Упершыню тэкст паштоўкі апублікаваны ў артыкуле Н. Б. Вагаты «Максім Багдановіч — Валерыю Брусаву» (часоп. «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі». 1975. № 1).

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

Разважанні, выказаныя ў паштоўцы, трохі пазней М. Багдановіч выкарыстаў у першай частцы свайго артыкула «Две заметки о стихотворениях Пушкина».

¹ *Брусаві Валерыі Якаўлевіч* (1873—1924) — рускі паэт, перакладчык.

² *Саадзі Мусліхідзін* (паміж 1203 і 1210—1292 гг.) — персідскі паэт, класік персідскай і таджыкскай літаратуры, аўтар дыдактычнай паэмы «Бустан», зборніка прытчаў і навел пад назвай «Гулістаў». Вядомы ў Расіі з пачатку XIX ст.

³ *Халмагораў Іван Мікалаевіч* — рускі вучоны-усходазнавец XIX ст. Аўтар прац «Очерки арабской речи и арабской письменности» (1862), «Шейх-Муслихидин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы» (дысертацыя, 1865—1866) і інш. Перакладаў Саадзі на рускую мову.

⁴ *Салдаценкаў Казьма Цярэнцьевіч* (1818—1901) — рускі кніга-выдавец, збіральнік карцін, скульптур, кніжных выданняў.

5. У рэдакцыю «Нашай нівы»

(с. 247)

Друкуецца па аўтографу, які захоўваецца ў адзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы.

Датуецца па яраслаўскім штэмпелі: 29.VII.1912.

Упершыню — у часоп. «Польмя», 1958, № 3. Публікацыя М. Смолкіна.

¹ Пераклады з Верлена ў «Вянок» не ўвайшлі.

² Такаго раздзела ў зборніку «Вянок» няма.

³ У Творах, 1927, т. 1 і ў 36. тв., 1968, т. 1 гэты пачатковы радок дадзены ў другой рэдакцыі: «Глянь: месяц бледны...»

⁴ У Творах, 1927, т. 1 і ў 36. тв., 1968, т. 1 верш змешчаны пад назвай «Сентыментальная бяседа».

⁵ У Зб. тв., 1968, т. 1 верш змешчаны пад назваю «Ззянне месяца».

⁶ *Луцкевіч Антон Іванавіч* (псеўд. Антон Навіна і інш.; 1884—1946) — беларускі публіцыст, літаратурны крытык, супрацоўнік газ. «Наша ніва», палітычны дзеяч.

⁷ *Ластоўскі Вацлаў Юсцінавіч* (псеўд. Власт, Уласт і інш.; 1883—1938) — гісторык, публіцыст, пісьменнік, літаратуразнавец, грамадска-палітычны дзеяч, супрацоўнік газ. «Наша ніва».

⁸ Гэтая прапраўка ўпершыню ўлічана ў Зб. тв., 1968, т. 1, с. 336.

6. У рэдакцыю «Нашай нівы»

(с. 248)

Друкуецца па кн. «Гадавік Беларускага навуковага таварыства», Вільна, 1933. Кн. 1. С. 165, 167—168, дзе ўпершыню апублікаваны ў скарочаным выглядзе. Ліст захоўваўся раней у Віленскім беларускім фондзе (VBF), які знаходзіцца ў адзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы. Цяпер ліста там няма.

Датуецца па яраслаўскім штэмпелі: I.VIII 1912.

¹ Відаць, В. Ю. Ластоўскі.

² Адно з племянных аб'яднанняў усходніх славян. Назва паходзіць, мабыць, ад слова «дрыгва».

³ Усходнеславянскае племя, якое жыло ў басейне Акі.

⁴ *Багацкі П.* — украінскі пісьменнік, рэдактар часоп. «Українська хата».

⁵ Маецца на ўвазе паэма «Курган», надрукаваная ў «Нашай ніве» (1912. № 25. 21 чэрв.).

⁶ Маецца на ўвазе раздзел з паэмы «Новая зямля» — «Леснікова пасада» («Наша ніва». 1912. № 28—29. 19 ліп.).

7. У рэдакцыю «Нашай нівы»

(с. 249)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў адзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы.

Датуецца па яраслаўскім штэмпелі: 14.XI 1912.

Упершыню — у кн. «Гадавік Беларускага навуковага таварыства». Вільня, 1933. Кн. 1.

Ліст апублікаваны таксама ў часоп. «Полымя», 1958, № 3 М. Смолкіным.

¹ Маецца на ўвазе шэсць гадоў з дня выхаду першага нумара газ. «Наша ніва» (першы нумар выйшаў 10(23) лістапада 1906 г.).

² Палітычная і літаратурная газета, якая выдавалася ў Маскве ў 1863—1918 гг.

³ Сельскагаспадарчы часопіс на беларускай мове, які выдаваўся ў Вільні ў 1911—1914 гг. Першы рэдактар А. Уласаў.

⁴ Сатырычны часопіс, які выходзіў у 1912 г. у Вільні.

⁵ *Палуян Сяргей* (С. Ясяновіч; 1890—1910) — беларускі пісьменнік і публіцыст пачатку ХХ ст., друкаваўся ў газ. «Наша ніва».

⁶ Па дамоўленасці з п. Багацкім М. Багдановіч падрыхтаваў у перакладзе на рускую мову зборнік беларускай прозы. Ці выйшаў ён з друку — невядома.

⁷ Маецца на ўвазе «Словарь белорусского наречия», складзены І. І. Насовічам. (Спб., 1870) *Насовіч Іван Іванавіч* (1788—1877) — беларускі мовазнавец-лексікограф, фалькларыст, этнограф.

⁸ Псеўданім Антона Лявіцкага (1869—1922), беларускага пісьменніка.

⁹ Псеўданім В. Ластоўскага.

¹⁰ Псеўданім Я. Коласа.

¹¹ *Салтыкоў-Шчадрын Міхаіл Яўрафавіч* (сапр. Салтыкоў, псеўд. Н. Шчадрын; 1826—1889) — рускі пісьменнік.

¹² *Горкі Максім* (Пешкаў Аляксей Максімавіч; 1868—1936) — рускі пісьменнік і грамадскі дзеяч.

¹³ *Ляманьскі Ян* (1866—1933) — польскі паэт.

¹⁴ В. Ластоўскі. Лебядзіная песня (Наша ніва, 1910. № 32. 5 жн.).

¹⁵ Маюцца на ўвазе апавяданні В. Ластоўскага «Панас гуляе», «Мост у Кутах», «Апаўшыя лісты», «Тры зладзеі», «Нарадзіны», «Прывід», «Зайчык», «Ёсць боль» і інш.

¹⁶ *Бядуля Змітрок* (сапр. Плаўнік Самуіл Яфімавіч; 1886—1941) — беларускі пісьменнік. Пачаў друкавацца з 1910 г. Аўтар рамана «Язэп Крушынскі», апавесцей, апавяданняў.

¹⁷ У аўтографе гэтыя радкі закрэслены. Н. Ватацы лічыць, што ў публікацыі М. Смолкіна ў «Польмі», 1958, № 3 гэтыя радкі расшыфраваны недакладна. На думку Н. Б. Ватацы, іх трэба чытаць наступным чынам: «Т. Гушча — пісьменнік з художэсцвеннага боку даволі не важкі, але чытаецца лёгка. Што да Змітрака Бядулі, то тэмы ў яго заўсёды цікавыя, але спосабы для выкладу іх заўсёды кульгаюць на абедзве нагі».

¹⁸ Відаць, маецца на ўвазе апавяданне «Нёманаў дар».

¹⁹ Відаць, маецца на ўвазе апавяданне «Тулягі».

²⁰ *Журба Янка* (сапр. Івашын Іван Якаўлевіч; 1881—1964) — беларускі паэт. Першы верш на беларускай мове надрукаваны ў 1909 г. у «Нашай ніве».

²¹ *Чэркас К. О.* (сапр. Аляхновіч-Чэркас К.) — беларускі пісьменнік пачатку ХХ ст. Пад псеўданімамі О-Чэркас К., Чэркас К. О., Серкас К. О., О-Серкас К. друкаваўся на старонках газ. «Наша ніва».

²² *Лёсік Язэп* (Іосіф Юр'евіч; 1884—1940) — беларускі мовазнавец і пісьменнік.

²³ *Гарун Алякс* (сапр. Прушынскі Аляксандр Уладзіміравіч; 1887—1920) — беларускі паэт.

²⁴ *Багушэвіч Францішак Казіміравіч* (1840—1900) — беларускі паэт.

²⁵ *Колышка Казімір* — беларускі пісьменнік пачатку ХХ ст. Пад псеўданімам К.шко К. друкаваўся на старонках газ. «Наша ніва».

²⁶ *Будзька Эдзюк* (Эдуард Адамавіч; 1882—1958) — пісьменнік, выдавец. Пачаў друкаваць свае творы з 1906 г. Грамадскі дзеяч, выдаваў клерыкальную газету «Светач» (1916).

²⁷ *Луцкевіч Іван Іванавіч* (1881—1919) — беларускі археолаг, этнограф, грамадскі дзеяч. Уваходзіў у рэдакцыю газ. «Наша ніва». Быў ініцыятарам стварэння Беларускага музея ў Вільні.

8. У рэдакцыю «Нашай нівы»

(с. 252)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў аддзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы.

Датуецца пачаткам 1913 г., мяркуючы па зместу самога пісьма, а таксама па зместу пісьма ад 27.IV 1913 г., якое з'яўляецца як бы працягам гэтага.

Упершыню — у кн. «Гадавік Беларускага навуковага таварыства». Вільня, 1933. Кн. 1.

Ліст апублікаваны таксама ў часоп. «Польмя», 1958, № 3 М. Смолкіным.

¹ Маецца на ўвазе зборнік «Вянок».

² В. Ластоўскі.

³ Грып.

⁴ Г. зн. ад палучкі да палучкі.

9. У рэдакцыю «Нашай нівы»

(с. 252)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў аддзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы.

Датуецца 2 сакавіка 1913 г.

Упершыню — у часоп. «Польмя», 1958, № 3. Публікацыя М. Смолкіна.

¹ Эпілог да «Веранікі» «Ізноў пабачыў я сялібы» ў зб. «Вянок» не ўвайшоў.

² Ціха дажджыць над горадам.

³ *Рэмбо Арцюр* (1854—1891) — французскі паэт.

⁴ Вясёлы і трывожны гук раяля.

⁵ *Барэль П'ер Жазеф* (1809—1859) — французскі паэт.

⁶ *Марэас Жан* (1856—1910) — французскі паэт.

⁷ *Мендэс Кацюль* (1841—1909) — французскі паэт, раманіст і навіліст.

⁸ *Куртэлін Жорж* (1858—1928) — французскі пісьменнік.

⁹ Вершы пра вагітнасьць («***Хоць мы былі адны ў той час», «***Пачуццю цёмнаму падлеглая», «***Цёмна неба начное», «Да вагітнай», «Трыялет», «***Як хораша, калі дзіцё», «Пракляцце вагітнай», «***З энкам дзіцё ты раджаеш» і інш.) склалі цыкл «Каханне і смерць», які ўпершыню быў апублікаваны ў *Творах*, 1927, т. 1, с. 226—238. Слова «вагітнасьць» паэт ужывае ў сэнсе «цяжарнасьць».

10. Ф. Я. Коршу

(с. 253)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў аддзеле рукапісаў Дзяржаўнай бібліятэкі (Масква), фонд 465.

Датуецца 22.IV 1913 г.

Упершыню пісьмо апублікавана Янкам Саламевічам у газ. «Літаратура і мастацтва», 1973, 2 лют.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

¹ *Корш Фёдар Яўгенавіч* (1843—1915) — вядомы рускі філолаг-лінгвіст і літаратуразнавец.

² *Катул* (каля 84—54 гг. да н. э.) — старажытнарымскі паэт-лірык.

³ У старажытных рымлян быў звычай адзначаць шчаслівыя дні белым каменем. Гэтыя словы сустракаюцца і ў вершы «Успамін» (1913).

11. У рэдакцыю «Нашай нівы»

(с. 253)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў аддзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы.

Датуецца 27 красавіка 1913 г.

Упершыню — у кн. «Гадавік Беларускага навуковага таварыства». Вільня, 1933. Кн. 1.

Ліст апублікаваны таксама ў часоп. «Польмя», 1958, № 3 М. Смолкіным.

12. У рэдакцыю «Нашай нівы»

(с. 254)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў аддзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы.

Датуецца па яраслаўскім паштовым штэмпелі: 21.X 1913.

Упершыню — у кн. «Гадавік Беларускага навуковага таварыства». Вільня, 1933. Кн. 1.

Пры публікацыі пісьма ў часоп. «Польмя» М. Смолкін выказаў меркаванне, што пісьмо датуецца па месяцу выхаду 42-га нумара газ. «Наша ніва», але магло быць напісана і некалькі пазней (Польмя. 1958. № 3. С. 182).

¹ Маецца на ўвазе артыкул С. Зенчанкі «Да роднай Беларусі», які быў надрукаваны ў «Нашай ніве», 1913, № 42, 17 кастрычніка.

² Прозвішча Зенчанкі сустракаецца ў кнізе «Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии в 1905—1907 гг.» (Горкі, 1955. С. 596) з такой заўвагай: «Зенчанка — сакратар Савета цэхахавых упаўнаважаных Сормаўскага завода».

³ У «Нашай ніве» артыкулы Зенчанкі больш не з'яўляліся.

⁴ В. Ластоўскі.

⁵ Відаць, маецца на ўвазе № 41 «Нашай нівы».

⁶ Штомесячны літаратурна-палітычны часопіс 1866—1918 гг. Пецярбург (у 1866—1867 гг. па 4 тамы ў год). Першы рэдактар-выдавец М. М. Стасюлевіч (па 1908 г.)

13. В. Ластоўскаму

(с. 256)

Друкуецца па аўтографе, які захоўваецца ў аддзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы.

Датуецца па яраслаўскім паштовым штэмпелі: 7.XI 1913 г.

Упершыню — у часоп. «Польмя». 1958. № 3. Публікацыя М. Смолкіна.

¹ Маецца на ўвазе праца А. Я. Багдановіча «Пережитки древнего миросозерцания у белоруссов». Гродна, 1895.

² Ананімная паэма XIX ст.

³ У зборніку «Вянок» гэтага прысвячэння няма. А. Р. К. — Анна Рафаілаўна Какуева, сястра Рафаіла Рафаілавіча і Мікалая Рафаілавіча Какуевых, з якімі Максім Багдановіч разам вучыўся ў яраслаўскай гімназіі.

⁴ Відаць, маецца на ўвазе артыкул «Краса и сила», прысвечаны творчасці Т. Р. Шаўчэнкі, 100-годдзе з дня нараджэння якога адзначалася ў лютым 1914 г. Артыкул быў надрукаваны ў часоп. «Украинская жизнь», 1914, № 2.

⁵ Украінская газета, якая выдавалася ў Кіеве ў 1906—1914 гг.

⁶ Літаратурна-мастацкі, крытычны і публіцыстычны часопіс. Выходзіў у Кіеве ў 1909—1914 гг.

⁷ Маецца на ўвазе кніга П. У. Уладзімірава «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык». Спб., 1888.

Уладзіміраў Пётр Уладзіміравіч (1854—1902) — рускі філолаг-славіст і гісторык літаратуры.

⁸ Відаць, маецца на ўвазе часоп. «Лучынка», які пачаў выдавацца ў 1914 г.

⁹ Маецца на ўвазе артыкул пра Скарыну. Аб працы над ім ідзе размова ў пісьмах 11, 12, 13, 15. У 2-м томе Твораў (1928) паведамлялася, што ў архіве паэта, які захоўваўся да вайны ў Акадэміі навук, быў пачатак чыставаго і чарнавы накід артыкула пра Скарыну (Творы. 1928. Т. 2. С. 388). Аднак невядома, ці быў артыкул закончаны.

14. Л. А. Багдановічу (с. 257)

Друкуецца па аўтографу, які захоўваецца ў ЦДАМЛіМ РБ, ф. 153, воп. 2, адз. зах. 26, л. 35.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

Гэта кароткая запіска на бланку паштовага пераводу ў Маскву да малодшага брата Льва (1894—1918), які тады вучыўся ў Маскоўскім універсітэце на матэматычным факультэце.

15. В. Ластоўскаму (с. 257)

Друкуецца па аўтографу, які захоўваецца ў адзеле рукапісаў Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы.

Датуецца па яраслаўскім паштовым штэмпелі: 23.V 1914 г.

Упершыню — у кн. «Гадавік Беларускага навуковага таварыства». Вільня, 1933. Кн. 1.

Ліст апублікаваны таксама ў часоп. «Польмя», 1958, № 3 М. Смолкіным.

¹ Просьба М. Багдановіча была выканана, аб чым сведчыць напісаны на адваротным баку паштовай карткі рахунак за кнігі і іх перасылку.

² *Васілейскі Леан* (1870—1936) — польскі публіцыст, гісторык, дзеяч правага крыла Польскай сацыялістычнай партыі. Аўтар манаграфіі «Літва і Беларусь» (Кракаў, 1912), у якой даследаваў развіццё асветы, гісторыю літоўскага і беларускага нацыянальна-вызваленчага руху XIX — пачатку XX ст.

16. В. А. Лявіцкай (с. 258)

Друкуецца па Творах, 1927, т. 1, с. 450, дзе змешчана ў раздзеле «Увагі» ў скарачаным выглядзе.

Датуецца прыблізна паводле спасылкі І. Замоціна на гэты ліст (гл. Багдановіч М. Творы. Мн., 1928. Т. 2. С. LI). Захоўвалася ў архіве АН РБ, але ў час Вялікай Айчыннай вайны загінула разам

з усім архівам М. Багдановіча. Письмо да В. Лявіцкай засталася неадасланым.

¹ Лявіцкая Ванда Антонаўна (1895—1969), дачка Ядвігіна Ш., беларуская пісьменніца, грамадскі дзеяч.

² Пасля выхаду ў свет зб. «Вянок» (1913) М. Багдановіч працягваў работу над ім. Паэтам было выкраслена 15 вершаў (гл. Т. 1. С. 567), у астатнія вершы ўнесены праўкі.

³ Сапраўды, М. Багдановіч не паспеў выдаць ні адзін з прыганданых зборнікаў, але план да «Красавіка» і «Шыпшыны» ім складаўся. У Творах, 1927 таксама адзначаецца, што ў спісе твораў да «Красавіка» паэтам прыведзены 42 даты.

17. А. Смолічу (с. 258)

Друкуецца па двухтыднёвай старонцы «Гудок», 1927, 8 мая, дзе змешчана ў скарачаным выглядзе на беларускай мове.

У выданні твораў М. Багдановіча ўключаецца ўпершыню.

18. П. І. Гапановічу (с. 258)

Поўны тэкст пісьма не захаваўся.

Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, с. LIV, дзе ўпершыню апублікавана ў скарачаным выглядзе ў артыкуле І. І. Замоціна.

Мяркуючы па змесце, датуецца сакавіком — красавіком 1917 г.

Па сведчанні І. І. Замоціна (Творы, 1928. Т. 2. С. LIV), у пачатку гэтага пісьма М. Багдановіч гаварыў, што яго жыццё ў Мінску «обставілі заботливо и любовно».

¹ *Гапановіч Пётр Іванавіч* — стрыечны брат М. Багдановіча па бацькавай лініі.

² М. Багдановіч выехаў з Мінска ў канцы лютага 1917 г.

³ Бахмач, горад у Чарнігаўскай вобл. (Украіна).

19. А. Я. Багдановічу (с. 259)

Друкуецца па Творах, 1928, т. 2, с. LV, дзе ўпершыню апублікаваны ў артыкуле І. І. Замоціна.

Мяркуючы па змесце, датуецца маем 1917 г.

Письмо захоўвалася ў архіве Акадэміі навук Беларусі, але ў час Вялікай Айчыннай вайны загінула разам з усім архівам М. Багдановіча.

Па сведчанні І. І. Замоціна (Творы, 1928. Т. 2. С. LV), пісьмо гэта засталася недапісаным і неадасланым.

¹ *Багдановіч Адам Ягоравіч* (1862—1940) — бацька паэта.

ЛЕТАПІС ЖЫЦЦЯ І ТВОРЧАСЦІ ПРЫНЯТЫЯ СКАРАЧЭННІ

Архіў ІМЭЛ — Архіў Інстытута Маркса, Энгельса, Леніна

ГГАМ — Гродзенскі гісторыка-археалагічны музей

ІЛ АНБ — Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы АН Беларусі

ЛММБ — Літаратурны музей Максіма Багдановіча

ПД — Пушкінскі Дом

ЦБАН Літвы — Цэнтральная бібліятэка Акадэміі навук Літвы

ЦДАЛіМ — Цэнтральны дзяржаўны архіў літаратуры і мастацтва (Масква)

ЦДАЛіМ Рэспублікі Беларусь — Цэнтральны дзяржаўны архіў — Музей літаратуры і мастацтва Рэспублікі Беларусь

1891

Снежань, 9 (27 лістапада ст. ст.). У Мінску, на былой Аляксандраўскай вуліцы, у доме Карказовіча (цяпер вул. М. Багдановіча) у сям'і Адама Ягоравіча і Марыі Апанасаўны Багдановічаў нарадзіўся другі сын — Максім (першы — Вадзім, нарадзіўся 6 сакавіка 1890 г.). (*Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича. Рукописны фонд ІЛ АНБ, адз. зах. 28, л. 11.*)

Бацька, А. Я. Багдановіч (1862—1940) — скончыў Нясвіжскую настаўніцкую семінарыю, пазней — этнограф, фалькларыст, мовазнавец. Маці, М. А. Багдановіч (1869—1896) — педагог па адукацыі (вучылася ў Земскай настаўніцкай школе ў Пецярбурзе).

З успамінаў А. Я. Багдановіча: «Я — крестыяннн. Отец мой, Юрий Лукьянович, был крепостным, дворовым, повар по профессии...

Что касается моей матушки Анэли, то... она была прекрасной рассказчицей народных сказок, — дар, несомненно, поэтический, — унаследовав эту способность частично от своей матери Рузали Казимировны Осьмак, обладавшей этим даром в высокой степени...

По этим сказкам Максим ознакомился впервые с белорусской речью. Она знала на память множество белорусских песен и вообще была носителем и хранительницей народной старины...

...Мать Максима звалась Мария Афанасьевна по отцу Мякота, по матери, Татьяне Осиповне — Малевич. Кажется, оба рода поповские, по крайней мере Татьяна Осиповна была поповной. Отец ее был мелкий чиновник (губернский секретарь), служил смотрителем игуменской уездной больницы...

Тяжелая болезнь отца, получавшего грошовой жалованье... повергла семью в безвыходную нищету, и дети еще перед смертью отца были отвезены в Минск в детский приют...

Матери Максима сравнительно посчастливилось: как живой, богато одаренный способностями ребенок с роскошными волосами, она обратила на себя внимание попечительницы приюта губернаторши Петровой, которая взяла ее к себе в дом и послала учиться в женское Александровское училище, а по окончании в нем обучения отправила ее в Петербург в женскую учительскую школу...

Это дало ей возможность получить основательное образование. Притом она много читала. Ее письма поражали и меткостью наблюдений, и живостью, и картинностью языка...» (*Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 2—8.*)

1892

Пачатак года. У двухмесячным узросце атрымлівае моцны апёк, калі на яго падае распаленая лямпа. (Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 1.)

Сярэдзіна чэрвеня — ліпень. Сям'я Багдановічаў пераязджае ў Гродна ў сувязі з тым, што Адам Ягоравіч, вымушаны з прычыны хваробы адмовіцца ад настаўніцкай дзейнасці, пачынае працаваць у Гродзенскім аддзяленні Сялянскага банка памочнікам бухгалтара. Жывуць Багдановічы па вул. Садовай (цяпер вул. М. Багдановіча).

«Жили мы на окраине города, на Новом Свете по Садовой, занимали квартиру в последнем доме слева... Условия для воспитания детей были благоприятные: на дворе садик, кругом сады, поля, неподалеку лес, да и Неман недалеко. Дети все время на чистом воздухе, климат мягкий». (*Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 19.*)

1893

Лістапад. 14. Нарадзіўся малодшы брат паэта Леў. (*Выпіска з метрычнай кнігі Гродзенскага Сафійскага Сабора // Фонды ГГАМ.*)

Снежань, 20. У неафіцыйнай частцы «Гродненских губернских ведомостей», № 102 надрукавана апавяданне Марыі Апанасаўны Багдановіч «Накануне рожества» з подпісам: М. Б.

«Находящийся среди материалов единственный рассказ, ею написанный, показывает, что она обладала даром изобразительности, а при этом условии из нее могла бы выработаться хорошая писательница». (*Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 8.*)

1894

У Гродне асобнай брашурай выдаецца гістарычны нарыс А. Я. Багдановіча «Про панщину».

1895

Красавік, 23—жнівень. Марыя Апанасаўна разам з дзецьмі Вадзімам, Максімам і Лёвам адпачывае ў вёсцы Вязве (непадалёку ад Асіповічаў) у сям'і сваёй старэйшай сястры Стэфаніды Апанасаўны Секяржыцкай. Па дарозе ў Вязве яны спыняюцца ў Мінску. (*Лісты Марыі Апанасаўны да Адама Ягоравіча. Вясна — лета 1895 г. // Фонды ЛММБ.*)

3 ліста ад 24 красавіка: «Выехали мы вчера 23 апреля в 4 часа дня из Минска... Левушка всю дорогу спал, заснул под конец и Максим, только Вадим наслаждался природой... Дети все и я совершенно здоровы; плохо только, что немного холодновато, и мы с Левою сидим в комнате, а Максима доктор велел не закупоривать и не обращать внимания на насморк и кашли, а держать побольше на чистом воздухе».

3 ліста ад 3 мая: «Мы здесь все, слава богу, здоровы... наши — молодцы: целый день все молока да молока, едят за двоих, загорели как цыгане и в комнату ни на шаг... Вадима и Макса я обливаю холодной водой ежедневно утром и вечером. Вадя дается охотно, а Максима так приходится и упрашивать, и наказывать — боится холодной воды, хоть ты что».

3 ліста ад 29 мая: «На троицу также ездили со всеми детьми в Орчу на прогулку на двух возах; ездить ребята любят, что и сказать тебе не могу. Вообще здесь им не житье, а масленица. Едят хорошо, полюбски только вечером, когда знают, что уж пора идти спать, а в другое время, хотя бы и обед, схватят кусок ветчины, хлеба, блина, оладыи в руку и пошел, а за столом ни за что не усидить; станешь заставлять —

в слезы. Вот только плохо, что стали говорить по-белорусски, и иногда такое словечко выпалят, что хоть сквозь землю провались». (Фонды ЛММБ.)

На працягу года.

У Гродне выдаецца кніга А. Я. Багдановіча «Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк».

1896

Май, 30. Нарадзілася малодшая сястра паэта Ніна. (Выпіска з метрычнай кнігі // Фонды ГГАМ.)

«Ее роды и послужили для развития болезни у матери, обнаруженной только месяц спустя». (Богданович А. Е. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 10.*)

Вясна—восень. Багдановічы пераязджаюць па адрасу: вул. Палявая (цяпер вул. Карбышава). Верагодна, з мэтай палепшыць жыллёвыя ўмовы ў сувязі з хваробай Марыі Апанасаўны. (Пяткевіч А. «...і Нёман недалёка» // *Беларуская мова і літаратура ў школе. 1991. № 3. С. 77.*)

Кастрычнік, 4. Ва ўзросце 27 гадоў ад сухотаў памірае маці паэта Марыя Апанасаўна.

З успамінаў А. Я. Багдановіча: «...за 4 дня до смерти, потрясаемая приступами кашля, в промежутках она силилась что-то радостное напевать тонким, как волосик, голосом и говорила, что ей не жаль так безвременно умирать.

— На что мне долгая жизнь, коли я была так безмерно счастлива...

Маленький эпизод из детства Максима. В роковое утро 4 октября он проснулся очень рано и чрезвычайно расшалился. Беготня, песни, смех, возня... А мать уже видимо доживает свой последний час.

— Доктора,— сказала она мне. Я бегу за доктором, ее лечившим, И. К. Семакиным, но, выбегая, чтобы прекратить эту буйную веселость, так не гармонировавшую с печальной торжественностью момента,— посадил его на стул.

— Сиди спокійно.

И он весь как-то печально поник, как бы осунулся. Видно лицо мое говорило о чем-то недобром.

Доктор был уже в больнице в обычной работе, но, узнав, в чем дело, схватил шприц и эфир, побежал вслед за мной. Вбегаем запыхавшись.

— Иван Константинович, это уже смерть?

— Успокойтесь, Марья Афанасьевна, еще будете жить.

Но слезы у него брызнули из глаз и голос дрожал. Мне он тихо сказал: «Агония». Она поняла все.

— Священника...— сказала она, и это было ее последнее слово.

Я бросился за священником. Пока он ходил в церковь за дарами, пока мы пришли — все уже было кончено.

У постели стояли над трупом плачущий Семакин и рыдающие моя сестра Маша, приехавшая из Одессы заменить детям мать, и Дарка, девочка, которую покойница некоторое время воспитывала и обучала. И никого из детей.

Я бросился к детям.

И вот — как теперь — вижу склоненную фигурку с печальным выражением детского личика, с вопросительным взглядом... Маленькое подобие матери... Он все время послушно сидел на стуле. И даже смерти матери не видал». (Богданович А. Е. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича*, л. 11—13.)

Сярэдзіна лістапада. Сям'я Багдановічаў пераязджае на сталае жыхарства ў Ніжні Ноўгарад. Жывуць Багдановічы па вул. Грузінскай у доме Турылкінай (цяпер д. № 32). Частымі гасцямі тут былі А. М. Горкі, а таксама браты Леанід і Ісай Дабравейны, пазней вядомыя музыканты. (Добравейн М. *Страницы жизни Исаия Добравейна*. М., 1972. С. 39.)

«Вскоре после смерти жены состоялся приказ о моем переводе в Нижний (25 октября 1896 г.), куда я уехал с семьей в половине ноября. Заменить моим детям мать взяла на себя обязанность моя сестра Мария Георгиевна...

В Нижнем продолжался тот же образ жизни, что и в Гродно. Почти ежедневно я брал детей с собой на прогулку в сады, летом на Волгу, на берег Оки или за город, в рощу и поля... Затем я брал по очереди детей с собою в поездки на осмотры и оценки земель — иногда продолжительные...

В Нижнем, в Москве и других городах я их водил в картинные галереи и музеи». (Богданович А. Е. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича*. л. 20—22.)

1897

Пачатак года. Адсек сабе зубамі кончык языка, упаўшы на падлогу і стукнуўшыся аб яе падбародкам. (Богданович А. Е. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича*, л. 20.)

Люты, да 10. Памірае малодшая сястра паэта Ніна. (Даведка аб выплаце грошай за пахаванне Н. Багдановіч ад 10 лютага // Фонды ГГАМ.)

1899

Студзень, 15. Адам Ягоравіч ажаніўся з Аляксандрай Паўлаўнай Волжынай, роднай сястрой жонкі М. Горкага. (Пасведчанне аб шлюбе // Фонды ГГАМ.)

Лістапад, 13. Нарадзіўся зводны брат паэта Аляксандр (Метрычная выпіска аб нараджэнні і хрышчэнні // Фонды ГГАМ.)

Лістапад, 15. Памірае Аляксандра Паўлаўна, жонка Адама Ягравіча. (Выпіска з метрычнай кнігі // Фонды ГГАМ.)

«По смерти моей второй жены... тяжелый труд заменит дважды осиротелым детям мать взяла на себя Александро Афанасьевна, их родная тетка по матери. Впрочем, на ней лежал чисто внешний надзор за детьми, особенно во время моих частых поездок... на осмотры и оценки земель, воспитание и обучение их лежало полностью на мне...» (Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 20.) Аляксандра Апанасаўна Мякота (1874—1947) — пазней жонка Адама Ягравіча. (Выпіска з метрычнай кнігі і пасведчанне аб смерці // Фонды ГГАМ.)

Паводле ўспамінаў Мікалая Рыгоравіча Агурцова, загадчыка літаратурнага аддзела яраслаўскай газеты «Голас» у той час, калі ў ёй супрацоўнічаў М. Багдановіч, паэт расказваў яму: «Меня воспитывал отец. Как-то я показывал Вам его библиотеку. В ней все есть существенное, что появлялось когда бы то ни было в литературе всего мира. Мы с детства проходили эту мировую школу. Отец начинал, с чего начинается каждый народ в своем творчестве, с эпоса. Мы уже в детстве знали «Рустема и Зораба», «Илиаду», «Калевалу», былины и пр. и пр. Потом мы приступили к лирике и драме. Конечно, главное внимание обращалось на славянские литературы...» (Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. XXXI.)

На працягу года. Багдановічы пераязджаюць па адрасу: Звяздзінка, № 13, дом Неўскіх (цяпер гэтага раёна няма).

Лета. У сувязі з хваробай на сухоты старэйшага сына Вадзіма сям'я Багдановічаў едзе на кумыс у вёску Кара-Якупава Уфимскай губерні.

«Жили в деревне Кара-Якупово (близ ст. <анции> Чишмы Уфимской губ.) в большой башкирской избе. Весь день в степи, где ребята выслеживают сусликов в их походах скопом, организованных за добычей, птиц степных, собирали серебряный ковыль с нежными усиками, цветы и ягоды или же бродили в роскошной пойме реки Демы...» (Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 26—27.)

1901

Лістапад, 16. Нарадзіўся зводны брат паэта Павел. (Метрычнае пасведчанне // Фонды ГГАМ.) Памёр у 1968 г. (Вагацы Н. Шлях. Мн., 1986. С. 90.)

На працягу года. Сям'ю Багдановічаў у Ніжнім Ноўгарадзе наведвае хросная маці Максіма Вольга Епіфанаўна Сёмава, загадчыца

Народнага вучылішча ў Пінску. Максім паказвае ёй свае першыя творы на беларускай мове.

«И дома, и у теток он [Максім] слышал рассказы и воспоминания про родную старину, где выныряли разные лица и события, своеобразные, загадочные, так непохожие на все окружающее. Здесь же он слышал и белорусскую сказку, и белорусскую песню с ее грустным, манящим напевом, полным глубокого неисчерпаемого чувства, здесь же вырывалась живая белорусская поговорка, меткие «крылатые» слова. Это, конечно, были крупницы, крохи, но он чутко их подбирал, схватывая на лету... И хотя в семье господствовала русская речь, но чувства, но вкусы, но склонности, но привычки, переживания в корне, в основе белорусские... Дело началось со чтения белорусских сказок, которые сначала я сам читал детям вслух, а затем Максим начал их читать самостоятельно. Он увидел в этом средство научиться белорусской речи, которую был лишен возможности усвоить по слуху из уст семьи, из уст народа. Это решение было его личным делом, совершенно самостоятельным... Свои опыты писания на белорусском языке он начал очень рано, приблизительно с 10—11 лет... Но это были чисто ученические или, вернее, учебные упражнения». (Богданович А. Е. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича*, л. 64—65.)

1902

Сакавік, 6. Ад запалення мозга памірае зводны брат паэта Аляксандр, які выхоўваўся ў сям'і Пешкавых. (Выпіска з метрычнай кнігі // *Фонды ГГАМ.*)

Восень. Паступае ў першы клас Ніжагародскай мужчынскай гімназіі.

«В это время директором гимназии был Сергей Васильевич Щербаков, мой друг и приятель Максима Горького. Это был один из крупнейших общественных деятелей, связанный дружескими отношениями со всеми выдающимися людьми, которыми был так богат Нижний Новгород... Трудно было желать лучшего руководителя для школы.

Максим был принят как свой в семье Щербаковых, семье высоко интеллигентной и музыкальной. Это, конечно, имело немаловажное образовательное значение...» (Богданович А. Е. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича*, л. 38.)

1903

Снежань, 1. Нарадзіўся зводны брат паэта Мікалай. (Метрычнае пасведчанне // *Фонды ГГАМ.*) Памёр 11 мая 1965 г. (Ліст П. А. Багдановіча да Н. Б. Ватацы ад 8 чэрвеня 1965 г. // *Фонды ЛММБ.*)

1904

Лета. Адам Ягоравіч адвозіць Вадзіма і Максіма на лячэнне ў г. Белебей Уфійскай губерні.

«Я толькі отвез их, устроил на квартире и наладил доставку кумыса и кормежку. В Белебее жил в это время мой друг доктор Иван Константинович Семакин, с которым я подружился еще в Гродно... Это был высокообразованный, добрейший и прекраснейший человек, как и его жена Мария Александровна, редкая по доброте, уму и красоте женщина...

На их попечении я и оставил своих детей, вполне уверенный, что они заменят и отца и мать... Однако надо сказать, что год был дождливый и кумысу пилося мало, так что дети мало прибавили в весе...» (*Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 28.*)

1905

Сакавік, 28. Нарадзіўся зводны брат паэта Аляксей. (*Выписка з метрычнай кнігі // Фонды ГГАМ.*) Памёр ад туберкулезу ва ўзросце 27 гадоў. (*Ліст П. А. Багдановіча да Н. Ватацы ад 5 красавіка 1965 г. // Фонды ЛММБ.*)

На працягу года. Багдановічы пераязджаюць па адрасу: вул. Канатная, дом Лемке (цяпер вул. Караленкі, д. 11 і 11а).

1905—1906

Максім прымае ўдзел у рэвалюцыйных падзеях, якія адбываюцца ў гімназіі.

«В конце 1905 г. и весь 1906 г. почти никто не учился. Максим тоже... 11 октября 1905 г. в гимназии возникли беспорядки по поводу похорон некой Каплан, в результате 5—8 классы были закрыты на неопределенное время.

Вспыхнувшая революция и манифест 17 октября меняют порядок вещей — и гимназия вновь открыта. Однако 8 ноября 1905 г. учеником Заком Ароном в 7 классе вновь учинены беспорядки, и занятия в этом классе временно прекращены... 20 октября 1906 г. в здании гимназии около деревянной лестницы был произведен взрыв деревянной лестницы. Взорвана жестянка, начиненная порохом. Разбиты стекла в двух домах. По счастью, никто не пострадал. Занятия в гимназии прерваны вперед до объявления...

Таков был финал, за которым наступило полное успокоение. Надо сказать, что все эти гимназические бури в стакане воды происходили

не без участия моих детей, которых в это время в гимназии было трое». (Богданович А. Е. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича*, л. 39—41.)

1906

Май, 10. У сувязі з незадавальняючымі адзнакамі па лацінскай і французскай мовах і алгебры Максім застаецца ў 4-м класе на паўторны курс. (Богданович А. Е. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича*, л. 40.)

Другая палова года. Вольга Епіфанаўна Сёмава выпісвае для Максіма газету «Наша доля», пазней яна ж выпісвае для яго «Нашу ніву». (Богданович А. Е. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича*, л. 65.)

Канец года. Перадае ў Ніжагародскую турму беларускія кніжкі і газету «Наша доля» для С. Зенчанкі.

З ліста М. Багдановіча ў рэдакцыю «Нашай нівы» ад 21 кастрычніка 1913 г.: «У № 42 «Н. (ашай) н. (івы)» бачу стацыю Сцяпана Зенчанкі. «Стефан Зенченко» судзіўся ў Ніжнім Ноўгарадзе па вялікаму працэсу, так званаму «сормовскому восстанію», быў паміж падсудзімых (выключна рабочых) вельмі прыкметным чалавекам і нават гаварыў ад іх імені на судзе. Пачуўшы, што Зенчанка — беларус, я пераслаў у турму да яго колькі першых беларускіх кніжак і «Нашу долю»... Аднак далі наша знаёмства не пайшло...» (ЦБАН ЛР. F21-38, л. 5—6.)

1907

Сакавік, 24. Ліст Вадзіма Багдановіча да вядомага рэвалюцыянера Г. А. Лапаціна. Просіць пісьмовага дазволу на напісанне ягонай біяграфіі. (Ліст захоўваецца ў ПД // *Вячэрні Мінск*, 1988, 6 чэрвеня; *Бачыла А. Дарогамі Максіма Багдановіча*. Мн., 1983. С. 84—86.)

Сакавік, 31. Ліст Г. А. Лапаціна да Вадзіма Багдановіча. Адмаўляецца даць пісьмовую згоду на напісанне ягонай біяграфіі. (*Бачыла А. Дарогамі Максіма Багдановіча*. С. 84—86.)

Ліпень, 6. Упершыню ў друку (Наша ніва. № 24) з'яўляецца твор М. Багдановіча — алегарычнае апавяданне «Музыка».

«В «Нашей ниве» впервые появились в печати его стихи, не помню, в 1906 или 1907 г. Но ясно помню его радость в лице и сверкающие живым огоньком глаза, когда он, вбежав в мою комнату, показывал мне напечатанными свои стихи. Это было в Нижнем, на Канатной улице, в доме Павловой. Понятна эта радость. Тут не только говорило самолюбие, столь свойственное молодости, видеть свое имя в печати, но и нечто большее: сознание, что подготовительные труды были не

бесцельны, что он, оторванный от родины, заговорил о своих чувствах ее языком, хотя бы и не совсем чистым, пусть даже картавым, но это дело все исправляющего времени, а пока есть куда притулиться и дать исход накопившимся чувствам и смутным мечтам о далекой таинственной родине: гукнуть издалека — и услышать созвучный отклик». (Богданович А. Е. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича*, л. 66.)

Лістанад, 18 (па паштоўмаму штэмпелю). Ліст Вадзіма Багдановіча да сацыёлага і публіцыста М. Ф. Даніэльсана. Звяртаецца з прапановай выдаць збор ягоных твораў. (*Архіў ІМЭЛ*, ф. 199, № 304, л. 1.)

Лістанад, 22. Ліст М. Ф. Даніэльсана да Вадзіма Багдановіча. Адмаўляецца ад прапановы выдаць збор яго твораў. (*Архіў ІМЭЛ*, ф. 199, № 173, л. 2.)

На працягу года. Багдановічы пераязджаюць па адрасу: вул. Канатная, дом Паўлавай (цяпер вул. Караленкі, д. 42).

1908

Красавік, 9. Ад сухотаў памірае старэйшы брат паэта Вадзім. (Богданович А. Е. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича*, л. 30.)

3 ліста Паўла Адамавіча Багдановіча да Н. Б. Ватацы ад 19 сакавіка 1965 г.: «Брат Вадим был социологом, публицистом, увлекающимся Михайловским. В одно время с Яковом Свердловым он был вожаком учащейся молодежи в Нижнем. В 1905—1906 гг. он принимал активное участие в ее движении...»

Когда Вадим умер, полиция, боясь волнений, приказала отцу хоронить брата ночью. День похорон хорошо сохранился в моей памяти. Перед домом собралась огромная толпа, много учащихся в гимназических шинелях, дом оцеплен пешей и конной полицией, в квартиру допускаются только лица, приносящие венки. Картина жуткая. Отец выходит на улицу и просит собравшихся не нарушать порядка похорон. Отец возвращается с группой гимназистов, которые выносят гроб... Хоронил брата один отец, все родные оставались дома. (*Фонды ЛММБ.*)

Брат Вадим имел связь с Германом Лопатиным (переводчик Карла Маркса, человек, близко его знавший)». (*Фонды ЛММБ.*)

Май, 4. Нарадзіўся зводны брат паэта Вячаслаў. (*Метрычнае пасведчанне аб нараджэнні // Фонды ГГАМ.*). Памёр ад туберкулезу 24 мая 1940 г. (*Пасведчанне аб смерці // Фонды ГГАМ.*)

Не пазней пачатку чэрвеня. Напісаны вершы «Прыйдзе вясна» і «Над магілай». У першых публікацыях пазначана месца напісання: Ніжні Ноўгарад.

Пачатак чэрвеня. Сям'я Багдановічаў пераязджае на сталае жыхарства ў Яраслаўль. Максім пераводзіцца ў шосты клас яраслаў-

скай гімназіі. (Богдановіч А. Е. *Матэрыялы к біяграфіі Максіма Адамовіча Богдановіча*, л. 45.) Багдановічы жывуць па адрасу: вул. Ільінская, дом Кузняцовай (цяпер вул. Савецкая, д. 20). Дом не захаваўся. (Па звестках яраслаўскага краязнаўцы П. Казлова, якому паведаміў П. А. Багдановіч.)

«Максім по-прежнему очень мало интересовался уроками и занимался самостоятельно и, конечно, главным образом белоруссикой...

...В Ярославской гимназии он дружески сошелся с преподавателем латинского языка Владимиром Владимировичем Белоусовым. Это был... великолепный знаток греческого и латинского языков и классической древности; он также превосходно знал новые европейские языки. К Максиму он относился с большой симпатией. И Максим очень часто его посещал...

...По-видимому, ни с кем из товарищей у него не было особенно близких отношений, кроме Диодора Дмитриевича Дебольского... Почти никто у него не бывал. Он же сам или занимался в своей комнате, или сидел в Пушкинской библиотеке, читая свежие журналы...» (Богдановіч А. Е. *Матэрыялы к біяграфіі Максіма Адамовіча Богдановіча*, л. 49—50.)

«Жили Богдановичи всегда неподалеку от гимназии... Максим с младшим братомлевой всегда жили в отдельной и светлой комнате. Обстановка самая скупая — две железные кровати, два стула и перед окном большой, самый простой, из плотно сбитых досок стол... Левая сторона стола — Максима, на ней неизменный словарь Карского (памылкова, трэба — Насовіча.— Н. М.). (Дебольский Д. *Воспоминания [Машиныпис] // Фонды ЛММБ.*)

З успамінаў Ціхана Мікалаевіча Годнева: «...у 1908 г. у наш клас прыйшоў новы вучань, які прыехаў з Ніжняга Ноўгарада. Навічка звалі Максім Багдановіч.

Сціплага, выхаванага, таварыскага, яго адразу палюбіў клас. Ён уразіў нас веданнем літаратуры, разуменнем літаратурных і грамадскіх з'яў. У пытаннях літаратуры ён быў на галаву вышэй за ўсіх нашых медалістаў.

На занятках гуртка Максім прачытаў многа рэфератаў. У маёй памяці захаваўся толькі некалькі з яго шматлікіх дакладаў: «Новыя павевы ў рускай літаратуры», «Сучасная літаратура і народны рух», «Сімвалізм і дэкадэнцтва»...

На адных занятках гуртка Максім зрабіў даклад пра беларускую паэзію. Ён пазнаёміў нас з развіццём беларускай літаратуры, з творамі Янкі Купалы, Якуба Коласа, Змітрака Бядулі і іншых. У гэты вечар Максім упершыню прачытаў некалькі сваіх вершаў на беларускай мове». (Маладосць. 1966. № 12. С. 106—107.)

Жнівень. Ліст (не захаваўся) у беларускае выдавецкае таварыства «Загляне сонца і ў наша аконца». Просіць даслаць яму новыя выданні. (Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. XLIV.)

На працягу года. Напісаны вершы «Мае песні», «Ноч», «На чужыне». Датуецца па аўтографам. (Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 433—434.) Аўтографы загінулі разам з архівам паэта.

У Львове выдаецца кніга ўкраінскага вучонага Іларыёна Свяціцкага «Відроджэнне білорускага пісьменства», у якой упершыню ў крытычнай літаратуры сустракаецца імя Максіма Багдановіча і прыводзіцца ўрывак з апавядання «Музыка».

1908—1909

Напісаны вершы «*** У космах схаваліся кветы чырвоныя» і «*** Зірнуў, як між валос, між хмар калматых, цёмных» з цыкла «Эрас», «*** Хмурыя, цёмныя гудзяць і шэпчаць елі», «Русалка». Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1.

1909

Студзень, 1. У газете «Наша ніва», № 1 надрукаваны верш «Над магілай» з подпісам: Б-віч.

З успамінаў Вацлава Ластоўскага, на той час супрацоўніка рэдакцыі «Нашай нівы»: «...Максім Багдановіч прыслаў некалькі лісьцікаў сваіх вершаў, падпісаных поўным уласным прозьвішчам і імем. Вершы для кождага нумару «Нашай нівы» падбіраў Янка Купала... Павіннасьцю Я. Купалы было папраўляць іх перад здачай у друк. Друкавалі ж адзін-два вершы кождага новага «паэты», каб заахвоціць яго да пісаньня. Былі ці не былі зроблены якія папраўкі ў вершах «Над магілай» і «Прыдзе вясна», я не памятаю, можа памятае сам Я. Купала, але гэта былі адны з першых вершаў, і надрукаваныя пад праўдзівым прозьвішчам і імем аўтора». (Ластоўскі В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічы // Крывіч. Коўна, 1926. № (11) 1. С. 63.)

Сакавік, 5. У газеце «Наша ніва», № 10 надрукаваны верш «Прыдзе вясна».

Пачатак вясны. Захворвае на сухоты.

«Напряженная деятельность и по занятию белорусской литературой и революцией, хотя последнее было чистойшей детскостью, и чтением для самообразования не прошла бесследно и для Максима. К весне 1909 г. ... у него начал развиваться в легких туберкулезный процесс. Температура повышалась, кашель и показывалась кровь из горла. Лечивший его доктор Берндт хрипов в легких не слышал, анализ мокроты не дал положительных указаний, но внешние злоеющие симптомы были налицо». (Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 30.)

Пачатак мая. Дасылае ў рэдакцыю «Нашай нівы» сшытак са сваімі вершамі.

«На пачатку траўня... Максім Багдановіч ізноў прыслаў у «Нашу ніву» маленькі сшыточак новых сваіх твораў, які абыймаў 8—9 вершаў. Нябожчык Ядвігін ахрысьціў гэты сшыточак «дэкадэншчынай»... Я. Купала... інтуітыўна вычуў у гэтых першых паэтыцкіх спробах у Максіме Багдановічы запраўднага мастака». (*Ластойскі В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічы. С. 63.*)

Май, 7. У газэце «Наша ніва», № 19 надрукаваны пераклад верша Ю. Святагора (Юрый Уладзіміравіч Канабіх) «Дзьве песні» з подпісам: Максім Крыніца. Датуецца годам надрукавання.

«Дзьве песні» пайшлі ў друк з папраўкамі ў мове Я. Купалы, але з іншым подпісам: у корэктурцы Ядвігін падпісаў верш прыдуманым ім для Максіма Багдановіча псеўдонімам «Максім Крыніца». (*Ластойскі В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічы. С. 63.*)

На сённяшні дзень вядомы наступныя псеўданімы і крыпанімы, пад якімі друкаваўся М. Багдановіч: Б-віч; Б-віч, М.; Б-віч, Максім; Б-вич, Максим; Б-ч; Б-ч, М.; Крыніца, М.; Крыніца, Максим; М. Б.; Н. Б.; Осьмак, М.; Ф., Ив.; Ф-в, Е.; Ф-в, Ив.; Ф-лев, Ив.; Ф-левъ, Ив.; Февр., Ив.; Февралев, Ив.; Февралева, Ек.; Эхо; В-cz; В-wicz; В-wicz, М.; В-wicz, Maksim; В-wiç, Maksim; Hrynica, Maksim; М. В.; Rion; Rionъ.

Май, 10. У кіеўскай газэце «Рада», № 50 надрукаваны верш «Прыйдзе вясна» ў перакладзе на ўкраінскую мову М. Удавічэнкі.

Канец мая — чэрвень. Ліст (не захаваўся) у рэдакцыю «Нашай нівы». Выказвае пратэст супраць замены яго прозвішча псеўданімам. Разам з лістом высылае некалькі новых вершаў. (*Ластойскі В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічы. С. 63.*)

Канец вясны — лета. Адам Ягоравіч адвозиць Максіма на лячэнне ў Ялту, дзе пасяляе яго ў пансіёне на малочнай ферме «Шалаш» каля Ауткі, недалёка ад дачы А. П. Чэхава.

«Жизнь в «Шалаше» была довольно веселая. Было несколько молодых людей обоого пола, в том числе молодая девица Китицына, мистически настроенная, с которой Максим здесь впервые познакомился и потом из Ярославля поддерживал некоторое время переписку...

Уладив все практические вопросы (стол, бельё и пр.), я советовал ему вести жизнь спокойную, больше лежать в тени, нагуливать вес, но, судя по его письмам и рассказам, он увлекался общим ходом жизни в пансіоне: участвовал в прогулках, особенно в так называемое «лесничество» — в лесную дачу в горах, покрытых сосновым лесом, — и в пикниках, и вообще в увеселениях молодежи. Однако пребывание в Ялте значительно его оздоровило: ни ялтинский врач, ни ярославский не нашли ничего тревожного в легких и выглядел он довольно хорошо». (*Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 31.*)

Паштоўка з Крыма ў рэдакцыю «Нашай нівы» з просьбай падпісаць яго на газету тэрмінам на два месяцы на крымскі адрас. (ЦДАМЛіМ Рэспублікі Беларусь, ф. 3, воп. 1, адз. зах. 37, л. 281.)

Канец жніўня. З вершамі М. Багдановіча знаёміцца Сяргей Палуян, на той час супрацоўнік рэдакцыі «Нашай нівы».

«... вершы былі ізноў «дэкадэнскія» і дзеля гэтага трапілі ў тую ж папку, дзе быў папярэдні сшыток з надпісам «В архив». Там яны пралежалі да канца жніўня, калі іх выцягнуў на сьвет С. Палуян, які, прачытаўшы вершы, з надзвычайным захопленнем стаў бараніць іх сьпярга перад Ядвігіным, а пасья перад «верхняй палатай», з радой якой за надрукаваньне некаторых вершаў першы высказаўся Чыж; а пазьней А. Луцкевіч». (*Ластоўскі В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічы. С. 63.*)

Верасень, 3. У газеце «Наша ніва», № 35—36 надрукаваны верш «Лясун» («*** Прывольная, цёмная пушча») і «Хрэсьбіны лесуна» з цыкла «Лясун» з подпісам: Б-віч.

Па сведчанні В. Ластоўскага, гэтыя вершы, а таксама вершы «*** Краю мой родны! Як выклаты богам...», «З песняў беларускага мужыка», «Вадзянік», «Асенняй ночай», «На чужыне», «Пугач», «*** У паўночным краю на кургане» (пераклад з Г. Гейне), «Нашай ніве», «Разрытая магіла», «С. Е. Палуяну» і «Цемень» былі надрукаваны з праўкамі С. Палуяна. (*Ластоўскі В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічы. С. 63—64.*)

Верасень, 10. У газеце «Наша ніва», № 37 надрукаваны верш «Над возерам». Датуецца годам надрукавання. Перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя».

Верасень, 17. У газеце «Наша ніва», № 38 надрукаваны верш «*** Краю мой родны! Як выклаты богам...» з подпісам: Максім Б-віч.

«Пасья надрукаваньня «Край мой радзімы» і вершаў з цыкля «Вадзянік» у рэдакцыйным складзе, акром Ядвігіна, які ўпорна казаў «а ўсё ж гэтыя вершы не для народу», усе аднагалосна выражалі прызнаньне пісьменніцкага таленту М. Багдановічу. С. Палуян завязаў з ім частую перапіску на нацыянальна-літэратурныя тэмы». (*Ластоўскі В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічы. С. 64.*)

Верасень, 24. У газеце «Наша ніва», № 39 надрукаваны верш «З песняў беларускага мужыка» з подпісам: Максім Б-віч. Другая частка верша («*** «Я хлеба ў багатых прасіў і маліў»), верагодна, у час друкавання газеты была знята цензурай: захаваўся экзэмпляр «Нашай нівы», у якім газетная паласа, дзе былі надрукаваны апошнія восем радкоў, пакрыта друкарскай фарбай. (*Багдановіч М. 36 тв. У 2 т. Мн., 1968. Т. 1. С. 475.*) У гэтым жа нумары газеты надрукаваны пераклад апавядання С. Г. Ваянскага «Юдава поле» з подпісам: Б-ч. Мяркуецца, што аўтар пераклада — М. Багдановіч.

Верасень. У часопісе «Літэратурна-навуковий вісник». Т. XVII.

Кн. 9 надрукованы вершы «Прыйдзе вясна» і «Над магілай» у перакладзе на ўкраінскую мову М. Шапавала.

Кастрычнік, 1. Ліст (не захаваўся) С. Палуяна да М. Багдановіча. Прыведзены верш «Над возерам» у перакладзе на ўкраінскую мову М. Шапавала. (*Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 452.*) Змест ліста не вядомы.

Кастрычнік, 8. У газеце «Наша ніва», № 41 надрукованы вершы «Над соннай рэчкай» (пазней друкаваўся пад назвай «Вадзянік») і «Асенняй ночай» з цыкла «Вадзянік», з подпісам: Максім Б-віч.

Кастрычнік, 15. У газеце «Наша ніва», № 42 надрукованы верш «На чужыне» з подпісам: Максім Крыніца.

Кастрычнік, 22. У газеце «Наша ніва», № 43 надрукованы верш «Пугач» з подпісам: М. Крыніца. Датуецца годам надрукавання.

Кастрычнік, 29. У газеце «Наша ніва», № 44 надрукованы пераклад верша Г. Гейне «*** У паўночным краю на кургане». Датуецца годам надрукавання.

Лістапад, 12. У газеце «Наша ніва», № 46 надрукованы верш «Нашай ніве». Прывечаны трэцяй гадавіне з дня выхаду газеты (23. XI 1906). Датуецца годам надрукавання.

Лістапад, 19. У газеце «Наша ніва», № 47 надрукованы верш «Разрыта магіла». Датуецца годам надрукавання.

Снежань, 6. У газеце «Голос», № 230 надрукованы фельетон «После концерта Яна Кубеліка» з подпісам: Эхо.

Паводле ўспамінаў С. Александровіча, Сяргей Сцяпанавіч Каныгін, былы рэдактар газеты «Голос», расказваў: «Мая першая сустрэча з М. Багдановічам адбылася ў рэдакцыі некалькі восенню... Быў у рэдакцыі я адзін, калі зайшоў высокі чарнявы гімназіст у панашанай крылатцы. Гэта быў Максім Адамавіч. Ён сказаў, што хацеў бы супрацоўнічаць у газеце, і паказаў некалькі сваіх вершаў... Выступаў ён у газеце часта з крытычнымі артыкуламі па літаратуры... Увогуле праявіў твораў Багдановіча ў «Голосе», наколькі я памятаю, друкавалася многа, падпісваўся ён рознымі псеўданімамі, нават жаночымі імёнамі». (*Александровіч С. Незабыйнымі сцэжкамi. Мн., 1962. С. 106—107.*)

Снежань, 10. У газеце «Наша ніва», № 50 надрукованы верш «С. Е. Палуяну» («*** Глянь, як зорка у цемні ляціць»). Датуецца годам надрукавання.

Снежань, 17. У газеце «Наша ніва», № 51—52 надрукованы верш «Цемь», прывечаны М. А. Кіц-най, крымскай знаёмай М. Багдановіча. Дакладнае прозвішча не вядома. Адам Ягоравіч ва ўспамінах называе яе Кіціцынай. Але сам паэт, а пазней і першы даследчык яго жыцця і творчасці І. І. Замоцін поўнай расшыфроўкі прозвішча не даюць.

Канец года. У «Першым беларускім календары «Нашай нівы» на 1910 год» надрукаваны вершы «*** Дождж у полі і холад... Імгла» і «*** Беларусь, твой народ дачакаецца...»

На працягу года. Напісаны вершы «Лясун» («*** Сосны, елі, хвоя, хвошчы»), «Старасць», «Падвей», «*** Я, бальны, бескрыдлаты паэт» (прысвечаны М. А. Кіц-най), пераклады з Гейне «*** Дзяцюк шчыра любіць дзяўчыну», «*** Калі любоў ізмучыць», «*** Калі маеш шмат чаго», «Генрых», «Азра». Вершы, апрача «Азры», датуюцца ў аўтографах. Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. Аўтографы загінулі разам з архівам паэта.

1909—1911

Напісаны верш «*** Бывае, вада перапоўніць». Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 295.

З украінскай мовы перакладзены верш М. Чарняўскага «*** Ужо зноў не спаткаюцца тыя шляхі» і вершы Алеся [Аляксандр Іванавіч Кандыба] «*** Пекла было тут у тую часіну», «Астры». Упершыню надрукаваны ў зборніку «Вянок».

1909—1912

Напісаны вершы «*** Усё ў жыцці мне даўно ўжо абрыдла», «*** Тая крыніца, што ранш к акіяну нясла свае хвалі» (упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 299—300), «Самнамбул», «Тэрцыны», «*** Прывет табе, жыццё на волі!», «*** Па ляду, у глухім бары» (упершыню надрукаваны ў зборніку «Вянок»).

1909—1913

Напісаны верш «*** Ты ночкаю каляднай варажыла». Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 489. Перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя».

1909—1916

Напісаны вершы «Зеленая любовь», «Икра». Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 335, 345—346.

Студзень, 6. У газеце «Голос», № 4 надрукаваны верш «*** О, не вечно тучи мглою» з подпісам: Ріопъ.

Студзень, 7. У газеце «Наша ніва», № 2 надрукаваны верш «Змяіны цар» («*** Цемень. Сосны. Елкі. Мох. Кара»). Датуецца годам надрукавання.

Студзень, 14. У газеце «Наша ніва», № 3 надрукаваны верш «Вечар» («*** На небе месяц ўстаў зялёны»). Датуецца годам надрукавання.

Студзень, 27. У газеце «Голос», № 21 надрукаваны верш «*** Жду я...» з подпісам: Ріоп.

Люты, 4. У газеце «Наша ніва», № 6 надрукаваны верш «Зімовая дарога». Датуецца годам надрукавання.

Люты, 9. Адсылае С. Палуяну ўласны здымак 1909 г. На адвароце рукой паэта напісаны верш «*** Я, нядужны, бязскрыдлы паэт». (Фонды ЛММБ.)

Люты, 11. У газеце «Наша ніва», № 7 надрукаваны артыкул С. Ясяновіча [Сяргей Палуян] «Беларуская літаратура ў 1909 гаду», у якім аўтар «з новых сіл нашай літаратуры» адзначае Максіма Багдановіча і лічыць, што ён стане «ў першым раду нашых пісьменнікаў», хоць яму і «трэба працаваць над мойай сваіх твораў».

Люты, 14. Ліст (не захаваўся) С. Палуяна да М. Багдановіча. Паведамляе аб адсылцы ў «Нашу ніву» свайго артыкула аб беларускай літаратуры: «Паслаў сваю стацьцю аб нашай літаратуры ў 1909 г., а яе... перайначылі... і ўрэшце пахвалілі мяне». (Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 353.) Поўны змест ліста не вядомы.

Люты, 18. У газеце «Наша ніва», № 8 надрукаваны верш «Мая душа». Датуецца годам надрукавання.

Сакавік, 4. У газеце «Наша ніва», № 10 надрукаваны верш «*** Рушымся, брацця, хутчэй». Датуецца годам надрукавання.

Сакавік, 7. Прысутнічае на сходзе музычна-літаратурнага драматычнага гуртка. (Голос, 1910. № 54.)

Сакавік, 10. У газеце «Голос», № 54 надрукавана нататка «Собраніе музыкальна-літаратурнага драматычнага кружка» з подпісам: Е. Ф-в.

Сакавік, 11. У газеце «Наша ніва», № 11 надрукаваны верш «Канганцу».

Сакавік, 31. У газеце «Голос», № 71 надрукаваны верш «Весенее» з подпісам: Ріоп.

Красавік, 8. У газеце «Наша ніва», № 15 надрукаваны верш «Песняру». Датуецца годам надрукавання.

Май, 2. У газеце «Минский листок», № 153 надрукаваны верш «Моя душа» у перакладзе на рускую мову Кле [Уладзімір Самой-

лавіч Узін]. Гэта першы пераклад твораў М. Багдановіча на рускую мову.

Май, 13. У газеце «Голос», № 104 надрукаваны верш «Из испанских мотивов» з подпісам: Ріон.

Май, 20. У газеце «Наша ніва», № 21 надрукаваны верш «Маёвая песня» («*** Па-над белым пухам вішняў»). Пазней верш друкаваўся без загалова. Датуецца годам надрукавання.

Май. Напісаны два першыя радкі цыкла «Пентаметры». Час напісання пазначаны ў першай публікацыі.

Чэрвень, 10. У газеце «Наша ніва», № 23—24 надрукаваны верш «Досі ўжо працы». Датуецца годам надрукавання.

Не пазней пачатку чэрвеня. Напісаны вершы «Крытыку» («*** Дарэмна ловіце вы ў сетку матылька»), «Жывая лялечка!», «Цяжарная» (упершыню надрукаваны ў газеце «Голас беларуса», 1927. № 57), а таксама вершы «Над магілай мужыка», «*** Скрылась кветамі ў полі магіла».

Чэрвень, 25. У газеце «Голос», № 139 надрукаваны верш «*** Не сёрдись на меня, тихий друг» з подпісам: Ріон.

Чэрвень. Напісаны верш «*** Калі зваліў дужы Геракл у пыл Антэя». Час напісання пазначаны ў першай публікацыі.

Ліпень, 8. У газеце «Наша ніва», № 27 надрукаваны два пачатковыя радкі з цыкла «Пентаметры».

Ліпень, 22. У газеце «Наша ніва», № 30 надрукаваны верш «*** Чужы гул?— Гэта сумны, маркотны лясун» з цыкла «Лясун». Датуецца годам надрукавання. Перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя».

Ліпень, 29. У газеце «Наша ніва», № 31 надрукаваны вершы «Над магілай мужыка» і «*** Хочаш сябе ты пазнаць...» (пераклад з Ф. Шылера) (датуецца годам надрукавання).

Ліпень. Напісаны верш «*** Халоднай ноччу я ў шырокім, цёмным полі». Час напісання пазначаны ў першай публікацыі.

Жнівень, 12. У газеце «Наша ніва», № 33 надрукаваны верш «*** Халоднай ноччу я ў шырокім, цёмным полі».

Жнівень, 25. У газеце «Наша ніва», № 35 надрукаваны верш «*** Калі зваліў дужы Геракл у пыл Антэя».

Верасень, 9. У газеце «Наша ніва», № 37 надрукаваны верш «*** Бледны, хілы, ўсё ж люблю я...» Датуецца годам надрукавання.

Верасень, 23. У газеце «Наша ніва», № 39 надрукаваны верш «*** У небе — ля хмары грымотнай...» Датуецца годам надрукавання.

Кастрычнік, 7. У газеце «Наша ніва», № 41 надрукаваны верш «Возера» («*** Стаяў калісь тут бор стары»). Датуецца годам надрукавання. Перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя».

Кастрычнік, 14. У газеце «Наша ніва», № 42 надрукаваны верш у прозе «Над морам». Датуецца годам надрукавання.

Лістапад, 5. У газеце «Наша ніва», № 44—45 надрукаваны верш «Мне сілася». Датуецца годам надрукавання. Перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя».

Лістапад, 18. У газеце «Наша ніва», № 47 надрукаваны верш «Ліст у рэдакцыю «Нашай нівы», напісаны з нагоды чацвёртай гадавіны з дня выхаду газеты (23.XI 1906).

Снежань, 16. У газеце «Наша ніва», № 51 надрукаваны верш «Лясун» («*** Я спакойна драмлю пад гарой між кустоў»). Датуецца годам надрукавання.

На працягу года. Напісаны вершы «*** Вось і ноч. Нада мной заліліся слязамі нябёсы», «*** Ціхія мае ўсе песні: цёмныя, як вугаль чорны», «Раманс» («*** Не знайсці мне спакою ні цёмнаю ноччу, ні днём»), «***Залілося, слязьмі быццам, зоркамі» (упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1.), «Перад паводкай», «*** Вечар на захадзе ў попеле тушыць», «*** Цёплы вечар, ціхі вецер» (перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя») (упершыню надрукаваны ў зборніку «Вянок»), «*** Зразаюць галіны таполі адну за адной», «Зімой», «*** У цёмным небе — хараводы», «Песня пра князя Ізяслава Полацкага», «*** Упалі з грудей Пана Бога...»

Працуе над артыкулам «І. Неслухоўскі». Датуецца на падставе паштоўкі да В. Ластоўскага (не захавалася, мяркуючы па зместу, напісаная ў 1910 г.), у якой М. Багдановіч піша: «пачаў крытычную стацьку аб Неслухоўскім». (Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 352.) Артыкул няскончаны. Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 3—4.

Паштоўка (не захавалася) да В. Ластоўскага. Дае пералік вершаў, адасланых у «Нашу ніву». (Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 394.) Поўны змест невядомы.

Блізка знаёмца з сям'ёй Какуевых: «В последние гимназические годы Максим познакомился с семьей своего одноклассника Рафаила Кокуева и стал часто в ней бывать, подружившись не столько с братьями Кокуевыми, Рафаилом и Николаем, сколько с двумя их сестрами — Анной Рафаиловной и Варварой Рафаиловной... Они учились в женской гимназии и с Максимом были примерно одноклассниками. Обе хорошо знали языки и были очень привлекательны, в особенности Анна, стройная, с тонким лицом и хорошими темными глазами. Весной Максим почти каждый вечер бывал у них; на большом дворе кокуевского дома по вечерам шла игра в городки. Максим был увлечен игрой, необыкновенно и с восторгом о ней рассказывал. В строках о «городках» в «Веронике» я сразу же узнал его рассказы о городках в весенние светлые вечера на дворе Кокуевых.

...Знакомство с семьей Кокуевых и постоянные посещения в ту

весну большого кокуевского дома были, может быть, лучшим временем его юности, не очень радостной, потому что болезнь все время напоминала о себе». (*Дебольский Д. Воспоминания.*)

1910—1913

Працуе над цыклом вершаў «Полынь-трава. Стихи об Ане Р... не, с ея портретом, автографом, с комментариями к стихам». (*Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 483; Т. 2. С. 392.*) Сшытак з вершаванымі накідамі да гэтага цыкла загінуў разам з архівам паэта.

Напісаны вершы «*** Учора шчасце толькі глянула нясмела» (перакладзены аўтарам на рускую мову), «Четверной акростих», «*** Уймитесь, волнения страсти», прысвечаныя Анне Какуевай. Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1.

1911

Пачатак года. У «Беларускім календары «Нашай нівы» на 1911 год» надрукаваны вершы «Песня пра князя Ізяслава Полацкага», «*** Упалі з грудзей Пана Бога...», «*** Зразаюць галіны таполі адну за адной».

Студзень, 6. У газеце «Наша ніва», № 1 надрукаваны верш «Зімой».

Студзень, 13. У газеце «Наша ніва», № 2 надрукаваны верш «*** Была калісь пара: гучэла завіруха...»

Студзень, 20 і 27, люты, 3. У газеце «Наша ніва», № 3—5 надрукаваны артыкул «Глыбы і слаі» (Агляд беларускай краснай пісьменнасці 1910 г.). Рэцэнзія на артыкул змешчана ў газеце «Минское Слово» за гэты ж год. (*Творы М. Багдановіча. Т. 2. С. 391.*)

Студзень, 27. У газеце «Наша ніва», № 4 надрукаваны верш у прозе «*** Пэўна любіце вы, пане». Датуецца годам надрукавання.

Студзень. У часопісе «Вестник Европы», № 1 надрукаваны артыкул А. Пагодзіна «Белорусские поэты», у якім аўтар прыводзіць кароткія, не зусім дакладныя звесткі аб жыцці і творчасці М. Багдановіча (памылкова сцвярджаецца, што паэт нарадзіўся ў Ніжнім Ноўгарадзе), а таксама змяшчае свой пераклад на рускую мову верша «*** Па-над белым пухам вішняў».

Люты, 17. У газеце «Наша ніва», № 7 надрукаваны верш «*** У цёмным небе — хараводы». Пазней друкаваўся пад назвай «Змяны цар».

Сакавік, 17. У газеце «Наша ніва», № 11 надрукаваны верш «Бура». Датуецца годам надрукавання. Перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя».

Сакавік, 31. У газеце «Наша ніва», № 13 надрукаваны верш «*** Сэрца ные...» з цыкла «Згукі Бацькаўшчыны». Датуецца годам надрукавання.

Красавік, 7. У газеце «Наша ніва», № 14 надрукаваны артыкул «Не жаласці, а праўды!» з подпісам: М. Б. Мяркуецца, што аўтар артыкула — М. Багдановіч.

Красавік, 28. У газеце «Наша ніва», № 16—17 надрукаваны верш «Ян і маці». Датуецца годам надрукавання.

Май, 12. У газеце «Наша ніва», № 18—19 надрукаваны верш у прозе «*** Як толькі закрыю я вочы». Датуецца годам надрукавання.

Чэрвень, 1. Заканчвае Яраслаўскую гімназію (*Атэстат сталасці М. Багдановіча // Фонды Дзярж. архіва Яраслаўскай вобл.*) Мае намер паступаць на філалагічны факультэт Пецяярбургскага універсітэта.

«...Максим имел со мной беседу относительно выбора факультета. Он заявил мне, что хочет поступить в Петербургский университет на филологический факультет. Дело было ясно: к словесности он имел наибольшую склонность. Сверх того, он прибавил, что проф. Шахматов обращался в Вильно в редакцию «Нашай нівы» с просьбой рекомендовать ему молодого человека, который бы под его руководством посвятил себя изучению языка, этнографии и истории Белоруссии для подготовки к занятию специальной кафедры по белорусоведению; далее он заявил, что рекомендовали именно его и что он этого хочет, к этому стремится. Я... был вынужден решительно не согласиться на этот проект. Я не считал возможным при состоянии его здоровья отпускать его в Петербург, в город и со скверным климатом, и с затхлыми комнатами; не считал возможным обречь его на скверное питание в студенческих столовых или сухоядение... Сверх того — на следующий год должен был поступить в университет его младший брат... а двоих содержать в разных городах для меня в материальном отношении было непосильно. Он горячо возразил: прокурором быть не хочу, адвокатом не хочу, судьей не хочу; хочу быть литератором или ученым. Но доводы против были настолько серьезные, что я не мог разрешить ему поездку в Петербург, а тем самым факультет был для него предрешен: он, хотя не хотя, был вынужден поступить в Ярославский юридический лицей, куда и подал заявление по выходе из гимназии». (*Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 50—51.*)

Чэрвень, 2. У газеце «Наша ніва», № 22 надрукаваны верш «*** Сумна мне, а ў сэрцы смутак ціха запявае» з цыкла «Згукі бацькаўшчыны». Датуецца годам надрукавання.

Чэрвень, 10. У чэшскім часопісе «Slovanský Průhled» надрукаваны артыкул Адольфа Чэрнага «Нацыянальны і літаратурны імкненні беларусаў у 1909—1910 гг.», у якім аўтар характарызуе першыя літаратурныя спробы М. Багдановіча: «Багдановіч — чалавек новай культуры, сюжэты яго нешматлікіх невялікіх вершаў агульначалавечыя. Адрознівае яго паэзію незвычайнае пачуццё народнага духу, што адпавядае аб'ектыўным пачуццям сучаснага чалавека, выхава-

нага сусветнай літаратурай. Вершы яго сведчаць аб дараванні паэта, але ў творах яго мы яшчэ не адчуваем яснага паэтычнага профілю, і сам паэт яшчэ не адважыўся сабраць свае творы ў адно цэлае».

Сярэдзіна чэрвеня. Прыезджае ў Вільню.

«...поездка састаялася по заканчэнні гімназіі (1911). Особенно нічога трывожнага не было, он просто нуждался в отдыхе и чистом воздухе. Его тянуло в Белоруссию, где ему хотелось познакомиться лично с белорусскими писателями и деятелями по белорусскому возрождению, которые, между прочим, в письмах обещали его устроить в какой-нибудь сухой местности с сосновым лесом». (*Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 31.*)

«У чэрвені месяца прыехаў М. Багдановіч у Вільню. Пры першай сустрэчы з ім мне ўразіліся яго вочы з даволі праніклівым поглядам, але калі ён гаворачы запаліўся, вочы яго глядзелі не на зьне, а ўнутр, быццам былі зьвернуты ў мозг».

Праездам у вёску М. Багдановіч прабыў двое содняў у Вільні. Абедзьве ночы начаваў у рэдакцыі «Нашай нівы»... Абедзьве ночы я правёў разам з ім, і кожны раз гутаркі нашы зацягаліся ад зьмярканьня да сьвятаньня.

Багдановіч дзяліўся сваімі думкамі і з захопленнем пераймаў ад мяне мае ведамасьці з беларускай (крыўскай) этнографіі і гісторыі, якія я пераказваў яму, як умеў, дэманструючы быўшыя пры рэдакцыі калекцыі Івана Луцкевіча. Асабліва глыбокае ўражаньне на Багдановіча зрабілі рукапісы старасьвецкіх славянскіх кніг і дакументаў, а такжа слукція папсы, якія ён па некалькі разоў пераглядаў.

«Гэта ёсьць фундамант нашага адраджэньня! Гэта і за тысячу годаў будзе сьведчыць аб нас!»— казаў М. Багдановіч аб помніках нашай старасьвецкай культуры...

М. Багдановіч прыехаў у Вільню ўжо як актыўны і сьвядомы працаўнік беларускага (крыўскага) адраджэньня, глыбей сягаючы думкай у будучыну нашага народу, чым мы, працаўнікі, згрупаваныя ў цэнтры. Гэтыя яго думкі аб адраджэньні і былі галоўнай тэмай нашых начных бясэд». (*Ластойскі В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічы. С. 64—65.*)

Сярэдзіна чэрвеня — ліпень або жнівень. Некалькі месяцаў жыве ў фальварку Ракуцёўшчына (непадалёк ад Маладзечна). Тут напісаны цыклы вершаў «Старая Беларусь», «Места», вершаваныя апавяданні «У вёсцы», «Вераніка».

З успамінаў Яніны Кахановіч: «У 1911-м годзе Максім Багдановіч прыехаў у Вільню і ў рэдакцыі газеты «Наша ніва»... пазнаёміўся зь Іванам і Антонам Луцкевічамі».

...У тыя часы Максім быў ужо хворы на сухоты, чуўся блага і «хлопцы» (г. зн. браты Луцкевічы) запрасілі яго на лета ў фальварак Ракуцёўшчына, дзе гаспадарам быў іх родны дзядзька па маці Вацлаў Лычкоўскі. Максім ахвотна згадзіўся...

...Апрача дзядзькі Вацлава там жыла яго сястра Ядвіся Русекая, а ў тое лета гасьцявала пляменьніца Лычкоўскага, мая мама із 2-х гадовай дачушкай, Янінай. Максіму было тады 19 год і ён, каб салідней выглядаць, насіў бараду...

...Максім жыву ў малой хатцы, у садзе, якую вельмі любіў, — казаў, што там яму добра пішацца». (*Каханойская Я. [Успаміны аб М. Багдановічу] (Рукапіс) // Фонды ЛММБ.*)

«На вёсцы М. Багдановіч не марнаваў часу. Ён напісаў там цыкл вершаў «Старая Беларусь», у якіх адбіліся яго настроі з пабыцця ў рэдакцыі «Наша ніва», і, цешу сябе, — часьцю мае з ім начныя бяседы, акром таго — нізку вершаў «Место» і, урэшце, — «У вёсцы» і «Вэроніка». (*Ластойскі В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічы. С. 66.*)

Ліпень, 1. У газеце «Наша ніва», № 25—26 надрукаваны санет «*** Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі» з цыкла «Старая спадчына». Перакладзены аўтарам на рускую мову. (*Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 465—466.*) Тэкст перакладу загінуў разам з архівам паэта.

Ліпень, 21. У газеце «Наша ніва», № 28—29 надрукаваны верш «Срэбныя змеі» з цыкла «Вадзянік». Датуецца годам надрукавання.

Жнівень, 18. У газеце «Наша ніва», № 33 надрукаваны верш «Вечар» («*** Месяц круглы ўстаў на небе») з цыкла «Згукі Бацькаўшчыны». Датуецца годам надрукавання.

«И я, и моя сестра Магдалена любили напевать любимую песню нашей матери, которую она певала в длинные, зимние вечера при свете лучины или коптящей лампочки, сидя на лежанке за шитьем или прялкой: «А дзе ж тая крынічанька, што голуб купаўся?» — и мы видим, что он [Максім] ее использовал как характерный мотив для создания определенного настроения в своей пьеске «Вечер». (*Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 64.*)

Жнівень, 24. Падпісвае ўласную фатаграфічную картку 1911 г. сявайму гімназічнаму сябру Мікалаю Какуеву. На адвароце рукой паэта напісаны верш «Я вспоминаю дом старинный». (*Нацыянальная б-ка Рэспублікі Беларусь. Ф 09. Фонд М. Багдановіча, адз. зах. 5.*)

Лета. У час знаходжання ў Вільні знаёміцца з Браніславам Ігнатавічам Эпімах-Шыпілам. (*Ліст М. Багдановіча ў рэдакцыю альманаха «Маладая Беларусь» ад 27 лістапада 1911 г.*) (*ЦБАН Літвы. F 21-38, л. 1.*)

Напісаны экспромт «*** Я. Купала, — не малое, ды благое, наравістае дзіця...»

З успамінаў Канстанцыі Буйло: «Дзяўчынкай гадоў чатырнаццаці, прыехаўшы ў Вільню, я першы раз зайшла ў рэдакцыю «Нашай нівы»... Мне пазказалі папку Купалы. У ёй, на самым версе, ляжала эпіграма М. Багдановіча на Купалу. Багдановіч прыязджаў у Вільню за некалькі дзён да мяне. Купалы ў Вільні на той час не было,

і Багдановіч паклаў у яго папку свой сяброўскі экспромт...» (Беларусь. 1962. № 7. С. 21.)

Канец лета. Вяртаючыся з Ракуцёўшчыны, зноў наведвае Вільню.

«Ізноў панавіліся паміж намі гутаркі на тыя ж тэмы. Ён цяпер яшчэ пэўней глядзеў у будучыну. Між іншым, прывёз з сабой праект ацэны літэратурных твораў, прыдуманы ім у часе адпачынку. Ён шукаў матэматычна правільнага і вернага спосабу ацэны гэтых твораў і прыйшоў да вываду, што такі спосаб можна знайсці, калі разлажыць твор на паасобныя абразы, звароты і словы. Адны абразы і звароты будуць належаць да катэгорыі збытых, выцертых ад доўгага ўжытку, як надзячая разьменная манэта, другія будуць саўсім арыгінальнымі, не ўзятымі скульпсці, не запазычанымі ад другіх, а створанымі самім пісьменьнікам. Гэтая арыгінальнасць і становіць самае цэннае ў творчасці аўтара. Раўняючы творчасць двух аўтараў, трэба падлічыць суму створаных ім абразоў, зваротаў і думак, кожнага ў аддзельнасці,— і цыфравая разніца пакажа стасунковую выжсасць або ніжсасць аднаго і другога аўтара. Пазней М. Багдановіч уносіў корэктывы да гэтых сваіх думак: ён вымагаў ня толькі арыгінальнасці, але і апрацаваньня арыгінальнага, шліфоўкі, што выказаў у сваім апавяданні аб Іконніку і Залатару». (*Ластойскі В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічы. С. 65*).

Верасень, 8. У газеце «Наша ніва», № 36 надрукаваны верш «*** Хай іншы жаліцца старонцы» (пазней — «*** Кінь вечны плач свой аб старонцы!»). Датуецца годам надрукавання.

Верасень, 29. У газеце «Наша ніва», № 39 надрукаваны верш «*** Разгарайся хутчэй, мой агонь, між імглы». Датуецца годам надрукавання.

Кастрычнік, 6. У газеце «Наша ніва», № 40 надрукаваны верш «Над возерам» («*** У чарцы цёмнай і глыбокай»). Пазней друкаваўся пад назвай «Возера».

Не пазней кастрычніка. Дасылае ў рэдакцыю «Нашай нівы» цыкл вершаў «Старая спадчына». (*Ліст М. Багдановіча ў рэдакцыю альманаха «Маладая Беларусь» ад 27 лістапада 1911 г.*) (ЦБАН Літвы, F 21-38, л. 1.)

Лістапад, 3. У газеце «Наша ніва», № 44 надрукаваны верш «*** Жывеш не вечна, чалавек». Датуецца годам надрукавання.

Лістапад, 17. У газеце «Наша ніва», № 46 надрукаваны верш «*** Мудрай прамовы». Датуецца годам надрукавання.

Да 27 лістапада. Багдановічы пераязджаюць па адрасу: вул. Ваздвіжанская, д. 18, кв. 3 (цяпер вул. Флоская). Адрас пазначаны ў лісце ў «Маладую Беларусь» ад 27 лістапада 1911 г. На пачатку першай сусветнай вайны ў доме размясціліся беларускія бежанцы, якіх паэт неаднаразова наведваў. (Паводле ўспамінаў П. Багдановіча, зафіксаваных П. Казловым.)

Лістанад, 27. Ліст у рэдакцыю «Маладой Беларусі». Паведамляе, што прасіў рэдакцыю «Нашай нівы» адаслаць у альманах цыкл вершаў «Старая спадчына». Тлумачыць, што ўвесь цыкл «склаўся з абразцоў розных даўнейшых форм верша», якімі паэт «зацікавіўся, маючы на ўвазе не толькі іх красу, не толькі палепшанне версіфікатарскай снароўкі пры працы над імі, але і жаданнем прышчапіць да беларускай пісьменнасці здабыткі чужаземнага паэтычнага труда, памагчы атрымаць ёй больш еўрапейскі выгляд». Просіць разам з вершамі надрукаваць артыкул «Санет», які высылае разам з лістом. Высылае таксама два вершы ў форме санета і трыялета. (*ЦБАН Літвы, F 21-38, л. 1.*) У «Маладой Беларусі» артыкул не надрукаваны. Упершыню — часопіс «Кругвісаніп». 1918. № 1.

Восень. Працуе над артыкулам «Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI сталення». З неадасланага ліста ў рэдакцыю «Нашай нівы» (мяркуючы па зместу, напісаны ў пачатку навучання паэта ў ліцэі): «Пішу нарыс даўнейшай беларускай пісьменнасці па Карскаму, як рэфэрат да нашага будучага яраслаўскага гуртка, можа ў сакрашчэньні падыйдзе і для «Нашае нівы». (*Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 354, 394.*) Ліст не захаваўся. (Артыкул упершыню надрукаваны: *Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 13—20.*)

Снежань, 8. У газеце «Наша ніва», № 49 надрукаваны верш «*** Дзе вы, лясоў, палёў цвяты?» Датуецца годам надрукавання.

Снежань, 22. У газеце «Наша ніва», № 51—52 надрукаваны верш «*** Не блішчыць у час змяркання і ў глыбокай цёмнай ночы». Датуецца годам надрукавання.

На працягу года. Працуе над стварэннем беларускага лемантара.

З ліста П. А. Багдановіча да Н. Б. Ватацы ад 17 красавіка 1965 г.: «Примерно в 1911 г. брат Максим много работал над составлением Белорусской азбуки. В его руках я видел вполне подготовленную сброшюрованную рукопись азбуки, в надлежащем формате, с отдельными страницами, с надлежащим шрифтом. Шрифты различных каллиграфов были выполнены черной тушью, подклеены были цветные картинки, выполненные цветной тушью». (*Фонды ЛММБ.*)

Напісаны вершы «*** Добрай ночы, зара-зараніца!», «*** Прывет табе, жыццё на волі!», «*** Блішчыць у небе зор пасеў», «*** Ціха па мяккай траве», «*** Дзесь у хмарах жывуць павукі», «*** Ўся ў слязах дзяўчына», «*** За дахамі места памеркла нябёс пазалота», «Рандо», «Актава» (упершыню надрукаваны ў зборніку «Вянок»), «Хаўтуры», «Першая любоў», «*** Маркотна я чакаю. Для чаго ты», «*** Пад ценню цёмных ліп, схавайшых нашу пару», «Д. Д. Дзявольскаму», «*** Бывае, вада перапоўніць», «*** Ліецца па бары шырокі, поўны шум» (упершыню надрукаваны: *Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1.*) «Credo» (упершыню надрукаваны: *Творы Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 390.*) «*** Не бядуй: што хмары» (упершыню надрукаваны: *Полымя. 1957. № 5.*)

Напісаны верш «*** Слушай, Рона, эту сказочку про «гагу».

З успамінаў Д. Дзявольскага: «В 1910 г. появилось в нашей семье маленькое очаровательное существо, наша первая племянница — Вероника. Для Максима она сразу же стала не менее близкой, чем для нас всех... Моя мать рассказала как-то Максиму, что вот Вероника ей спать не дает, так рано просыпается. По этому поводу был написан стишок, четыре строки которого сохранились в памяти...:

Если, Роночка, ты встанешь спозаранку
Или спать не будешь по ночам —
Позову я к нам большую амку,
Этой амке Роночку отдам.»

(Дебольский Д. Воспоминания.)

Працуе над артыкулам «Поэзия гениального ученого», прывсечаным, верагодна, 200-годдзю з дня нараджэння М. В. Ламаносава. Артыкул няскончаны. Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 97—101.

Паштоўка (не захавалася) да А. А. Залатарова. *(Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 395.)* Змест невядомы.

Канец 1911 або пачатак 1912

Дасылае ў рэдакцыю «Нашай нівы» рукапіс сваіх вершаў з просьбай выдаць іх асобнай кнігай.

«За некалькі месяцаў пасля выезда з Вільні М. Багдановіч надаслаў у рэдакцыю «Нашай нівы» рукапіс, у якім былі сабраны яго вершы, як некаторыя з раней друкаваных у «Нашай ніве», так і нанова ім напісаныя, пад загалоўкам «Кніжка выбраных вершаў», з просьбай выпусціць асобнай кніжачкай. Рукапіс гэты пралежаў у рэдакцыі больш поўгода, бо ня было грошы, каб надрукаваць яго». *(Ластоўскі В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічы. С. 66.)*

Ліст у рэдакцыю альманаха «Маладая Беларусь». Паведамляе, што разам з лістом высылілае тры пераклады з Верлена («Асенняя песня», «Плач сэрца майго», «*** Трэ нам, бачыш, усё між сабой дараваць»). Пытаецца, ці атрымае рэдакцыя артыкул «Санет» і два вершы, высланыя раней, а таксама «каля паўдзюжыны» вершаў, якія павінна была пераслаць рэдакцыя «Нашай нівы». *(ЦБАН Літвы, F 21-38, л. 11—12.)* Пераклады з Верлена ўпершыню былі надрукаваны ў газеце «Наша будучыня», 1923, № 1. 6 студзеня.

Працуе над паэмай, якая павінна была складацца з асобных песень, напісана адна песня са 150 радкоў (не захавалася). Перакладае ўруўкі з 8-й песні «Метамарфозаў» Авідзія «Ікар і Дзедал» (упершыню

надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 242—243) і «Грамада зорак «Карона» (упершыню надрукаваны ў зборніку «Вянок»), оду Гарацыя «Помнік» (упершыню надрукавана ў часопісе «Кругішанін». 1918. № 1). (Ліст М. Багдановіча ў рэдакцыю «Маладой Беларусі» // ЦБАН Літвы, F 21-38, л. 11—12.)

1911—1912

Напісаны верш «*** Напілося сонца са крыніц сцюдзёных». Упершыню надрукаваны ў зборніку «Вянок».

Пад уражаннем летняй паездкі 1911 г. у Вільню напісаны верш «Касцёл св. Анны ў Вільні» і рускі варыянт гэтага верша. Па сведчанні А. Я. Багдановіча, верш прызначаўся стрэчнай сястры паэта Анне (Нюце) Гапановіч. (Ліст А. Я. Багдановіча ў Літкамісію Інбелкульта ад 9 красавіка 1926 г. // Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 485.) Рускі варыянт упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча, 1927. Т. 1. С. 336.

Перакладае вершы А. Крымскага «*** Кажуць людзі, быццам, творачы мужчыну» (упершыню надрукаваны ў зборніку «Вянок»), «*** Теплый гром. Цветя, черешня» (упершыню надрукаваны: Творы. Мн., 1957), «*** Пальмы гордые и лавры» (упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 355), «*** Созревших хлебов золотые посевы» Я. Купалы (упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 334), цыкл вершаў Верлена (верш «Ракаўкі» ўпершыню надрукаваны ў «Гадавіку Беларускага навуковага таварыства». Вільня, 1933. Кн. 1. С. 168—169, астатнія — Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 254—274).

1912

Пачатак года. У «Беларускім календары «Нашай нівы» на 1912 год» надрукаваны верш «*** Краю мой родны! Як выкляты богам...» .

У «Северном календаре на 1912 год» (Яраслаўль) надрукаваны артыкул «Народное образование» з подпісам: Н. Б. (верагодна, друкарская памылка).

Студзень, 26. У газеце «Наша ніва», № 4 надрукаваны верш «*** Даўно ўжо цела я хварэю». Датуецца годам надрукавання.

Сакавік, 8. У газеце «Наша ніва», № 10 надрукаваны верш «Санет» («*** Замёрзла ноччу шпаркая крыніца»). Датуецца годам надрукавання.

Сакавік, 22. У газеце «Наша ніва», № 12—13 надрукаваны верш «Перад паводкай».

Красавік, 26. Паштовая картка ў Маскву Валерыю Брусаву. Выказвае меркаванне аб выкарыстанні А. С. Пушкіным у вершы «Подражание арабскому» вобраза падвойнага арэшка паэта Саадзі і пацвярджае сваю думку тэксталагічнымі прыкладамі. (*ЦДАЛІМ*, ф 76, воп. 2, адз. зах. 48, л. 1.)

Май, 13. Паштоўка (не захавалася) да Янкі Купалы. (*Творы М. Багдановіча*. 1928. Т. 2. С. 395.) Змест невядомы.

Чэрвень, 1. Леў Багдановіч заканчвае гімназію. Пазней вучыцца на фізіка-матэматычным факультэце Маскоўскага універсітэта. Прымае ўдзел у 1-й сусветнай вайне. Трагічна загінуў у жніўні 1918 г. у Кіеве. (*ЦДАМЛіМ Рэспублікі Беларусь*, ф. 153; *па успамінах сваякоў*.)

Чэрвень, 7. У газеце «Наша ніва», № 23 надрукаваны верш «Гутарка з паненкамі» з цыкла «Усмешкі». Датуецца годам надрукавання.

Чэрвень, 28. У газеце «Наша ніва», № 26 надрукаваны вершы «Летапісец», «Перапісчык» (перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя»), «Слуцкія ткачыхі», «Кніга» (перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя») з цыкла «Старая Беларусь». Датуецца годам надрукавання.

Ліпень, 26. У газеце «Наша ніва», № 30 надрукаваны верш «*** Скрылася кветкамі ў полі магіла».

Ліпень, 29. Ліст у рэдакцыю «Нашай нівы». Прапануе змясціць у будучым зборніку ў раздзеле «З чужой глебы» пераклады з Верлена, якія раней былі адасланы ў Пецяярбург у альманах «Малаяя Беларусь». Вызначае парадак размяшчэння перакладаў. Паведамляе аб тым, што піша ліст у Пецяярбург з просьбай пераслаць у «Нашу ніву» пераклады з Верлена. Разам з лістом высылае некалькі новых перакладаў з Верлена, прапануючы друкаваць іх толькі тады, калі з Пецяярбурга прышлюць папярэднія пераклады. (*ЦБАН Літвы*, F 21-38, л. 7.) Па невядомых прычынах пераклады з Верлена ў зборнік «Вянок» не ўвайшлі.

Жнівень, 1. Ліст у рэдакцыю «Нашай нівы». Дзякуе В. Ластоўскаму за тэмы з гісторыі Беларусі XI—XII стст., якія той яму прыслаў. Але лічыць, што значна цікавей пісаць пра Беларусь XVI і XVII стст.: «Тады і мясцовая, карэнная культура адстаялася і выкрысталізавалася ў цвёрдыя, сваеобразныя формы». (*Гадавік Беларускага навуковага таварыства*. С. 165, 167—168.)

Жнівень, 11. Ліст (не захаваўся) В. Ластоўскага да М. Багдановіча. Дае кароткія звесткі з біяграфій і літаратурнай дзейнасці Ядвігіна Ш., Я. Коласа, Я. Купалы, Ц. Гартнага. (*Творы М. Багдановіча*. 1927. Т. 2. С. XLIV.) Пазней яны былі выкарыстаны паэтам у артыкуле «Новый период в истории белорусской литературы».

Жнівень — *кастрычнік*. Напісаны цыкл вершаў «Каханне і смерць». Час напісання пазначаны на аўтографе. (*Творы М. Багдановіча*. 1927. Т. 1. С. 469—470.) Аўтограф загінуў разам з архівам паэта. Усе вершы цыкла М. Багдановіч збіраўся змясціць у «Вянку». Аб гэтым

сведчыць ліст В. Ластоўскага да паэта ад 24 кастрычніка 1913 г. З ліста: «Пытаньне, што да мейсца поэматаў, адносілася да цыкля «Мадонны» і «Каханьне і сьмерць»: ці іх ставіць перад аддзелам «З чужой нівы» ці посьле?» (*Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 469—470.*) Па невядомай прычыне цыкл «Каханьне і сьмерць» не ўвайшоў у зборнік. Упершыню надрукаваны: *Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 226—238.*

Кастрычнік. Скончыў для ўкраінскага выдавецтва працу над перакладам на рускую мову твораў беларускіх пісьменнікаў Ф. Багушэвіча, Зм. Бядулі, Я. Коласа, С. Палуяна, Ядвігіна Ш., А. Гаруна і інш.

З ліста М. Багдановіча ў «Нашу ніву» ад 14 лістапада 1912 г.: «У кастрычніку скончыў я пераклад, замоўлены п. Багацкім, і надалаў у Кіеў. Усяго павінна выйсьці каля 125 друкаваных старонак, у тым ліку стр. 15—16 маёй прадамовы.

Ёсць там і кароценькі агляд гісторыі бел. (арускага) народа, і апісанне цяперашняга адраджэння яго, і невялічкія характарыстыкі беларускіх пісьменнікаў...» (*ЦБАН Літвы, F 21-38, л. 2—3.*) Пераклады не захаваліся.

Лістанад, 9. У часопісе «Сатирикон», № 46 надрукаваны вершы «*** Ах, как уютно, чисто, мило», «Городская любовь».

Лістанад, 14. Ліст у рэдакцыю «Нашай нівы». Цікавіцца, ці быў арыштаваны сакратар часопіса «Саха». Дае ацэнку віленскаму часопісу «Крапіва», № 2. З ліста: «...праўду кажучы, не дужа пякуючая тая «Крапіва», бо, паночкі, ад розных жартаў пра цёшч ці інш., здаецца, даўно ўжо ўва ўсіх на языках мазалі намуляны». Падрабязна паведамляе пра зборнік перакладаў твораў беларускіх пісьменнікаў на рускую мову для ўкраінскага выдавецтва. Паведамляе аб тым, што некалькі дзён таму выслаў у рэдакцыю новыя вершы. Звяртаецца з просьбай да І. Луцкевіча ўказаць матэрыялы аб кожным судзе, якія друкаваліся ў розных выданнях. Разам з лістом высылае яшчэ некалькі вершаў. З ліста: «Тэмы апошніх вершаў — надта вострыя, але я, як ганаровы пісьменнік, не мог ад іх адступіцца. Вершы гэтыя я вельмі люблю, хоць даў у іх мені, чым жабаў». Магчыма, размова ідзе пра вершы з цыкла «Каханьне і сьмерць». (*ЦБАН Літвы, F 21-38, л. 2—3.*)

Лістанад, 23. У газеце «Наша ніва», № 47 надрукаваны верш «*** Белым кветам адзета каліна». Датуецца годам надрукавання. Перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя».

Лістанад, 30. У часопісе «Сатирикон», № 49 надрукаваны верш «*** В горячем споре возража беспрестанно».

На працягу года. У часопісе «Известия общества славянской культуры», т. 1, кн. 1 надрукаваны артыкул М. Янчука «Несколько слов о новейшей белорусской литературе», у якім цалкам прыведзены верш М. Багдановіча «*** Краю мой родны! Як выкляты богам...», першыя чатыры радкі верша «*** У небе, ля хмары грымотнай» і аўтарскі пераклад на рускую мову гэтага верша.

У «Энциклопедическом словаре Русского библиографического Института Гранат», т. 7 змешчаны артыкул А. Пагодзіна «Белорусы», у якім прыводзяцца кароткія біяграфічныя звесткі пра М. Багдановіча.

Напісаны вершы «*** Вы, хто любіце натрапіць», «*** Плакала лета, зямлю пакідаючы», «*** Ноч. Газніца гарыць, чырванее», «*** Падымі угару сваё вока» (перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя»), «Раманс» («*** Зорка Венера ўзышла над зямлёю»), «*** Не кувай ты, шэрая зязюля», «*** Ціхі вечар; знікнула сякота», «*** Нашых дзедаў душылі абшары лясоў», «*** Устань, навальніца, мкні нанова», «*** Ой, чаму я стаў паэтам», «*** Калі ў ракавіну цёмную жамчужніцы», «*** Свяча бліскачая зіе», «*** Вы кажаце мне, што душа у паэта» (існаваў чарнавы варыянт на рускай мове — Творы М. Багдановіча, 1927. Т. 1. С. 464, які загінуў разам з архівам паэта), «*** Мы доўга плылі ў бурным моры», «*** Шмат у нашым жыцці ёсць дарог», «Непагода маёвай», «Санет» («*** На цёмнай гладзі сонных луж балота»), «Трыялет» («*** Як птушка ў гібкіх трасніках»), цыкл «Места», «Трыялет» («*** Калісь глядзеў на сонца я») (перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя»), «Уступ» з цыкла «Вольныя думы» (упершыню надрукаваны ў зборніку «Вянок»), цыкл «Усмешкі», «*** Апусціўшы густыя расніцы», «*** Шчасцем яна аж да краю», «*** Прычасціўся целу мацеры», «Лясун» з цыкла «Жанчына-маці» (упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча 1927. Т. 1. С. 47—50, 326—329).

Перакладае на рускую мову верш Я. Купалы «*** Для тебя, отчизна предков моих». Упершыню надрукаваны ў часопісе «Польмя». 1957. № 5. С. 157.

Напісаны артыкул «Новый период в истории белорусской литературы». Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 24—29. Артыкул з'яўляецца часткай задуманага нарыса, у якім М. Багдановіч меў на мэце пазнаёміць рускага чытача з развіццём беларускай літаратуры пачатку ХХ ст. Праца засталася няскончанай.

Багдановічы пераязджаюць па адрасу: Лясная пляцоўка, д. № 28 Волкавай (не захаваліся). У канцы года пераязджаюць па адрасу: вул. Любінская, д. 57, кв. 1 (цяпер вул. Чайкоўскага, д. 28, дом перанесены на супрацьлеглы бок, у ім ствараецца музей М. Багдановіча). (Выліска з дамавой кнігі *Рэжэйскіх (гаспадары дома) // Дзярж. архіў Яраслаўскай вобласці. Ф. Р-1008, воп. 1, спр. 40.*)

Пяць паштовак (не захаваліся) у беларускае выдавецкае таварыства «Загляне сонца і ў наша аконца». (Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 395.) Змест невядомы.

1912—1913

Напісаны верш «Безнадзейнасць». Упершыню надрукаваны ў зборніку «Вянок».

Пачатак года. У «Беларускім календары «Нашай нівы» на 1913 год» надрукаваны два першыя радкі цыкла «Пентаметры». У аўтарскім экзэмпляры «Вянка» цыкл атрымаў назву «Элегічныя дыстыхі».

Сакавік, 1. У газеце «Наша ніва», № 9 надрукаваны верш «*** Вы, панове, пазіраеце далёка». Датуецца годам надрукавання.

Сакавік, 2. Паштовая картка ў рэдакцыю «Нашай нівы». Паведамляе аб высылцы ў гэты ж дзень у рэдакцыю некалькіх вершаў і прызначанага для зборніка эпілога «Веранікі». Лічыць неабходным у перакладах з Верлена паставіць эпіграфы і прысвячэнні, якія знаходзіліся ў арыгіналах. Просіць даць ацэнку цыклу «Каханне і смерць». (ЦБАН Літвы, F 21-38, л. 12.)

Сакавік, 22. У газеце «Наша ніва», № 12 надрукаваны пераклад верша П. Верлена «*** У полі дзікім і апусцелым». Пазней друкаваўся пад назвай «Сентыментальная бяседа».

Красавік, 14. У газеце «Голос», № 87 надрукавана апавяданне «Колька» з подпісам: Эхо.

Да 22 красавіка. Ліст у рэдакцыю «Нашай нівы». Паведамляе аб тым, што цяжка хварэе: «Не дзівіцеся, што ў мяне літары выходзяць зусім дзіцячыя — пішу я лёжучы, бо моцна хварэю — інфлюенца ці воспаленне лёгкіх; тэмпература ў мяне падымаецца да 40°, а 39,5° бывае кожны дзень». Непакоіцца аб недахопе грошай для выдання зборніка. З ліста: «...калі я ачуняю, дык я папрабую заняць пад кніжку ў розных сваіх знаёмых грошы. Значыцца, прадасца колькі сот экз. (эмпляраў) яе, вы мне надашлёце тыя грошы. Другое, Вы мне не шліце аўтарскіх экзэмпл. (яраў), я іх куплю і куплю шмат». Паведамляе, што напісаў некалькі новых вершаў. (ЦБАН Літвы, F 21-38, л. 4.)

Красавік, 22. Віншавальны ліст да вядомага рускага філолага Фёдара Яўгенавіча Корша з нагоды 70-годдзя з дня нараджэння. (*Российская дзяржаўная бібліятэка. Addзел рукапісаў. Ф. 465.*)

Красавік, 27. Паштовая картка ў рэдакцыю «Нашай нівы». Паведамляе аб паляпшэнні стану здароўя. Цікавіцца, ці атрымала рэдакцыя грошы з украінскага выдавецтва, якія прызначае на зборнік. Паведамляе аб тым, што паслаў віншаванне Ф. Коршу. (ЦБАН Літвы. F 21-38, л. 10.)

Май, 1 і 3. У газеце «Голос», № 99 і 101 надрукавана апавяданне «Несчастный случай» з подпісам: М. Б.

Май, 16. У газеце «Наша ніва», № 20 надрукаваны эпілог паэмы «Вераніка» «*** Ізноў пабачыў я сялібы». Датуецца годам надрукавання.

Май, 25, чэрвень, 16, 21, ліпень, 5. У газеце «Голос», № 118, 136, 140, 152 надрукавана апавяданне «Преступление» з подпісам: Эхо.

Май, 31. У газеце «Наша ніва», № 22 надрукаваны вершы «На могілках», «Трыялет» («*** Мне доўгае расстанне з Вамі») (перакла-

дзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя»), «Успа-
мін». Датуецца годам надрукавання.

Ліпень, 5. У газеце «Наша ніва», № 26—27 надрукаваны верш «Купідон». Датуецца годам надрукавання. Перакладзены аўтарам на рускую мову пад назвай «Скерцо» і ўключаны ў зборнік «Зеленя».

Ліпень, 12. У газеце «Наша ніва», № 28 надрукаваны верш «Дзед» («*** Так цёпла цэлы дзень было»). Датуецца годам надрукавання. Перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя».

Ліпень, 26. У газеце «Наша ніва», № 30 надрукаваны верш «С. Палуяну» («*** Ты быў, як месяц, адзінокі»). Датуецца годам надрукавання.

Жнівень, 1. У часопісе «Новый Сатирикон», № 9 надрукаваны верш «Кругом 16» з подпісам: *Евг. В. [Яўген Восіпавіч Пяткін].* М. Багдановіч піша ліст (не захаваўся) у рэдакцыю «Нового Сатирикона», паведамляючы, што верш гэты быў надрукаваны раней у зборніку «В защиту слова». (*Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 394.*) Ліст застаўся не адасланым. У зборніку «В защиту слова» (Спб., 1905) верш не выяўлены.

Жнівень, 16. У газеце «Наша ніва», № 33 надрукаваны артыкул Лявона Гмырака [Мечыслаў Бабровіч] «Яшчэ аб сплчванні доўгу», у якім аўтар у шэрагу беларускіх пісьменнікаў, чыя творчасць «пра-
нікнута здаровым аптымізмам і цвёрдай верай у тое, што «будзе ўнікаў панаванне там, дзе сягоння плача дзед», называе М. Багдановіча.

Лета. Едзе на кумыс у Белебей. (*Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 36.*)

Верасень, 28. У газеце «Наша ніва», № 39 надрукаваны верш «Трыялет» («*** Калісь глядзеў на сонца я»). Упершыню надрукаваны ў зборніку «Вянок». Датуецца годам надрукавання. Перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік «Зеленя».

Верасень. У польскім часопісе «*Więś ilustrowana*» надрукаваны верш «Слуцкія ткачыхі» ў перакладзе на польскую мову Юзафа Вяжынскага.

Кастрычнік, 17. У газеце «Наша ніва», № 42 надрукаваны артыкул С. Зенчанкі «Да роднай Беларусі». Прачытаўшы артыкул, М. Багдановіч паведамляе ў рэдакцыю «Нашай нівы» аб сваім магчымым знаёмстве з аўтарам. (*Ліст ад 21 кастрычніка 1913 г. // ЦБАН Літвы, F 21-38, л. 5—6.*)

Кастрычнік, 21. Ліст у рэдакцыю «Нашай нівы». Адказваючы на ліст В. Ластоўскага, які атрымаў у гэты ж дзень, выказвае свае меркаванні адносна кампазіцыйнай пабудовы зборніка. Паведамляе аб сваім жаданні ўступіць у таварыства імя Скарыны, калі яно будзе заснавана, а таксама напісаць жыццяпіс Скарыны. Просіць прыслаць № 41 «Нашай нівы». Паведамляе аб кніжцы «Рассказы на простонародном наречии».

Разам з лістом высылае трыялет «Крытыку». (*ЦБАН Літвы, F 21-38, л. 5—6.*)

Кастрычнік, 24. Ліст (не захаваўся) В. Ластоўскага да М. Багдановіча. Цікавіцца, дзе ў зборніку кампазіцыйна павінны знаходзіцца цыклы «Мадонны» і «Каханне і смерць». (*Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 469—470.*) Поўны змест ліста не вядомы.

Кастрычнік, 31. У газеце «Наша ніва», № 46 надрукаваны верш «Споўненае абяцанне». Датуецца годам надрукавання.

Кастрычнік. Цяжка хварэе.

З ліста А. Я. Багдановіча да Льва Багдановіча ад 24 кастрычніка 1913 г.: «Максим серьезно захворал. Жестокая инфлюэнца и — само собой — отозвалось на легких». (*ЦДАМЛіМ Рэспублікі Беларусь, ф. 153, л. 28 адв.*)

Лістапад, 7. Ліст да В. Ластоўскага. Паведамляе, што на рэдакцыю «Нашай нівы» выслаў паэму «У вёсцы», першую з цыкла «Мадонны», які прысвячае А.⟨нне⟩ Р.⟨афаілаўне⟩ К.⟨акуевай⟩. Паведамляе, што пачаў чытаць кнігу П. Уладзімірава «Доктор Франциск Скоруина». Віншуе з адкрыццём новага штомесячніка (верагодна, «Лучынькі»). Разам з лістом высылае ў падарунак кніжку бацькі (верагодна, «Пережитки древнего мирозерцания у белорусов»). (*ЦБАН Літвы, F 21-38, л. 9.*)

Лістапад, 21. У газеце «Наша ніва», № 47 надрукаваны пераклад верша П. Верлена «Млоснасць».

Снежань, 7. У «Северной газете», № 36 надрукаваны верш «Скерцо», аўтарскі пераклад на рускую мову верша «Купідон».

Снежань, 12. У газеце «Голос», № 284 надрукаваны юбілейны артыкул «С. Д. Дрожжин», прысвечаны саракагоддзю літаратурнай дзейнасці паэта, з подпісам: М. Б. Датуецца 1913 г.

Снежань, 13. У «Северной газете», № 42 надрукавана юбілейная нататка «Крестьянин-поэт С. Д. Дрожжин», прысвечаная саракагоддзю літаратурнай дзейнасці паэта, з подпісам: М. Б. Датуецца 1913 г.

Снежань, 21. У газеце «Голос», № 292 надрукавана рэцэнзія «Роман Тристана и Изольды в изложении Ж. Бедье». Датуецца 1913 г.

Снежань, 25. У газеце «Голос», № 295 надрукавана апавяданне «Мадонна». Датуецца годам надрукавання. У гэтым жа годзе напісаны беларускі тэкст апавядання. (*Багдановіч М. Вянок паэтычнай спадчыны. Нью-Йорк; Мюнхен, 1960. С. 237—242.*)

Снежань, 27. У «Северной газете», № 55 надрукаваны верш «Современным поэтам» з подпісам: М. Б.

На працягу года. У «Каляднай пісанцы» надрукавана апавяданне «Апокрыф» (датуецца годам надрукавання) і артыкул «За тры гады» з подпісам: М. Б-віч. Датуецца годам надрукавання.

Напісаны вершы «У старым садзе» («*** Прыгожы сад, які любіў Ватто») (упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 64, перакладзены аўтарам на рускую мову і ўключаны ў зборнік

«Зеленя»), «Ліст да п. Ластоўскага» (час напісання пазначаны ў аўтографе // ЦБАН Літвы, F 21-39, л. 15—16); упершыню надрукаваны ў газеце «Гоман». 1917. № 48. 6 лістапада, «*** Народ, Беларускі Народ!» (упершыню надрукаваны ў часопісе «Беларускае жыццё». 1919. № 2. С. 7, тут жа пазначаны час напісання), «Варажба» (упершыню надрукаваны ў часопісе «Беларускае жыццё», 1919. № 3. С. 5—6), «Просценькі вершык» (упершыню надрукаваны ў часопісе «Беларускае жыццё». 1919. № 4. С. 6), «Крытыку» («*** Чэліні статуі не рабіў») (упершыню надрукаваны ў «Гадавіку Беларускага навуковага таварыства». С. 169. Тут жа пазначаны час напісання).

Напісаны беларускі варыянт апавядання «Сон-трава» (час напісання пазначаны ў «Вянку паэтычнай спадчыны»).

Працуе над артыкулам «Частушка». Застаўся няскончаным. Упершыню надрукаваны ў часопісе «Польмя». 1957. № 5. С. 158. Напісаны, верагодна, у сувязі з апублікаваннем кнігі В. Сімакова «Сборник деревенских частушек». Яраслаўль, 1913.

Атрымлівае ліст (не захаваўся) з выдавецтва «Загляне сонца і ў наша аконца» за подпісам Б. І. Эпімах-Шыпілы, у якім паведамляецца аб высылцы яму новых кніг, у тым ліку «Шляхам жыцця» і «Паўлінкі» Я. Купалы. (Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. XLIV.)

1913—1914

Перакладзены першыя пяць строф верша Э. Верхарна «Паўстанне». Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 275—276.

На рускую мову перакладзены вершы Т. Шаўчэнкі «Н. И. Костомарову», «В неволе», «*** В неволе тяжело... хоть и воли», «А. О. Козачковскому», «*** И серое небо, и сонные воды...», «*** Готово! Парус распустили». Пераклады зроблены, верагодна, да стагоддзя з дня нараджэння Т. Р. Шаўчэнкі, якое адзначалася ў 1914 г. Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 347—352.

Перакладае на рускую мову 22 свае вершы, аб'яднаўшы іх у зборнік «Зеленя».

З успамінаў А. Я. Багдановіча: «У 1913 ці 1914 годзе была ў госьцях у Яраслаўлі стрэчная сястра Максіма Адамавіча — Анна Іванаўна Гапановіч. Ёй паэта падараваў кніжку сваіх вершаў. Яна сказала, што ня зможа ацаніць поэтычных вартасцей яго твораў, бо ня добра разумее беларускую мову. Тады Максім Адамавіч, уласнаручна перапісаўшы, прыпаднёс ёй шытак перакладаў у расійскай мове...» (Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 488.)

1913—1916

Напісана апавяданне «Сон-трава». Датуецца на падставе аўтарскай прыпіскі на аўтограф: «Максим Богданович. Адрес мой: Ярославль, редакция газ. «Голос». У «Голосе» паэт супрацоўнічаў у 1913—1916 гг. (*Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 482.*) Упершыню надрукавана: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 417—420.

1914

Пачатак года. У Вільні, у друкарні Марціна Кухты, выходзіць з друку зборнік «Вянок». На тытуле кнігі стаіць 1913 г. Але, па сведчанні В. Ластоўскага, яна выйшла з друку толькі ў пачатку 1914 г. (*Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. XLVIII.*) Верагодна, пра гэта ж сведчаць тры дарчыя надпісы, зробленыя М. Багдановічам на трох экзэмплярах «Вянка» (цётцы Машы, цётцы Магдаліне і Анне Гапановіч) 22 сакавіка 1914 г. (Фонды ЛММБ.)

З успамінаў В. Ластоўскага: «Рысунак на акладку даў я са свайго сабрання... Рысунак напамінае крыху вянок, дзеля гэтага я і паставіў, карыстаючы правамі выдаўца, надпісаць на кніжцы да аўтарскага яшчэ і свой агалолак «Вянок». Выходзіла нязгорш: «Вянок, кніжка выбраных вершаў». А каб апраўдацца перад чытачамі, чаму названа кніжка «вянком», я на першым пасыля агалоўку, лісьце памесьціў раз'ясненне: «Вянок на магілу С. А. Палуяна (+ 18 красавіка 1910 г.)». Зрабіў я гэта бяз ведама аўтора, але асновуючыся на яго сэрдэчным адношанні да нябожчыка Палуяна. Між іншым, калі кніжка выйшла, М. Багдановіч быў вельмі задаволены з майго помыслу...» (*Ластойскі В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічы. С. 66.*)

Студзень, 2. У «Северной газете», № 1 надрукавана «Притча о васьільках», аўтарскі пераклад «Апокрыфа», з подпісам: М. Б.

Студзень, 4. У газеце «Голос», № 3 надрукавана рэцэнзія «Н. М. Никольский. Древний Вавилон, 1913». Датуецца 1913 г. або пачаткам 1914 г.

Студзень, 11. У газеце «Голос», № 8 надрукавана рэцэнзія «Ежемесячный журнал», 1914. № 1». Датуецца годам надрукавання.

Студзень, 19. У газеце «Голос», № 14 надрукавана рэцэнзія «Собрание сочинений К. Рылеева и Одоевского». Датуецца годам надрукавання.

Студзень, 24. У газеце «Наша ніва», № 4 надрукаваны верш «Санет» («*** Прынадна вочы ззяюць да мяне»). Датуецца годам надрукавання. Тэма верша падказана паэту Д. Дзявольскім.

З ліста Д. Дзявольскага да М. Багдановіча ад 12 кастрычніка 1911 г.: «Между прочим, вот Вам тема, или вернее материал для темы научного стихотворения: метеор, который, оплавленный и светящийся, мчится в атмосфере, оставляя за собой вихрь распаленных частиц,

внутри холоден, как звездный эфир; он приносит в себе холод мирового пространства». (*Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. XII—XIII.*)

Студзень, 28. У газеце «Голос», № 22 надрукаваны артыкул «Н. К. Михайловский» з подпісам: М. Б. Датуецца годам надрукавання.

Люты, 5. У газеце «Голос», № 29 надрукаваны артыкул «Безумец. (Памяти Галилея)» з подпісам: М. Б. Напісаны, верагодна, у пачатку 1914 г. у сувязі з 350-годдзем з дня нараджэння Г. Галілея. Пра аўтарства М. Багдановіча паведамляў бацька паэта, спасылаючыся на сведчанне С. С. Каныгіна. (*Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 376.*)

Люты, 8. У газеце «Голос», № 32 надрукавана рэцэнзія на «Ежегодник Вологодской губернии» і «Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г.» Датуецца годам надрукавання.

Люты, 12. У газеце «Голос», № 35 надрукавана рэцэнзія «Желтые цветы» на яраслаўскі часопіс «Микроскоп». Датуецца годам надрукавання.

Люты, 13. У газеце «Наша ніва», № 7 надрукавана «Апавяданне аб іконніку і залатару...» з подпісам: М. Б-віч. Датуецца годам надрукавання.

Люты, 21. У газеце «Наша ніва», № 8 надрукавана рэцэнзія Г. Б. [А. Луцкевіч] «Пясянр чыстай красы» на зборнік М. Багдановіча «Вянок». Аўтар адзначае, што «Вянок» — гэта праўдзівая перла ў беларускай паэзіі. Раўнаваць Багдановіча ні с кім ня будзем: не затым, што німа лепшых за яго паэтаў (бо такія ёсць), але затым, што ён ні да каго не падобны. Яго душа замкнёная ў сабе, жыве ў нейкім іншым, асаблівым сьвеце — у сьвеце чыстай красы і шчырай паэзіі, ды толькі праз яе глядзіць на нашае жыццё — рэальнае, цяжкое, поўнае змагань [ня] і безупынной працы. І як у летні гарачы дзень у крыстальна чыстай крынічнай вадзе асьвежаецца нашае цела, так асьвежае душу паэзія Максіма Багдановіча.

Люты, 25. У газеце «Голос», № 46 надрукаваны артыкул «Памяти Т. Г. Шевченко». Датуецца годам надрукавання.

Люты. У часопісе «Украинская жизнь», № 2 надрукаваны артыкул «Краса и сила», напісаны з нагоды 100-годдзя з дня нараджэння Т. Р. Шаўчэнкі. Датуецца годам надрукавання. Артыкул М. Багдановіча, як адзначыў даследчык творчасці Т. Шаўчэнкі Б. Якубскі, з'явіўся першай спробай разгледзець форму паэтычных твораў украінскага паэта. (*Зборнік «Тарас Шевченко». Кіеў, 1921.*)

Сакавік, 1. У газеце «Голос», № 50 надрукавана рэцэнзія «А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды, 1914». Датуецца годам надрукавання.

Сакавік, 15. У газеце «Голос», № 62 надрукавана рэцэнзія «Рабиндранат Тагор. Гитанджали (Жертвопесни), 1914». Датуецца годам надрукавання.

Сакавік, 20. Кароткае пісьмовае паведамленне на квітку паштовага перавода ў Маскву да брата Лёвы. Мае цалкам прыватны характар.

(ЦДАМЛіМ Рэспублікі Беларусь, ф. 153, воп. 2, спр. 26, л. 35.)

Сакавік, 22. Напісаны верш «Пану Антону Навіне на спамін ад аўтара».

З прадмовы да публікацыі верша ў зборніку «Заходняя Беларусь», Вільня, 1924, дзе ён быў надрукаваны ўпершыню: «У 1913 г. у Вільні вышаў зборнік вершаў М. Багдановіча «Вянок». Крытычны артыкул аб зборніку надрукаваў у «Н. (ашай) н. (іве)» Ант. Навіна (маецца на ўвазе рэцэнзія Г. Б. «Пясняр чыстай красы» ў № 8 газеты). Прачытаўшы яго, поэта прыслаў свайму крытыку экзэмпляр «Вянка» з гэткімі надпісамі: «Дзень добры, Пане!.. і г. д.» Верш надрукаваны з паметкай: Яраслаўль. 22.ІІІ 1914 г. 2—4 радкі паўтараюцца ў вершы «*** Есць гэтка японская забаўка», напісаным, верагодна, прыблізна ў гэты ж час. Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча, 1927. Т. 1. С. 298. Піша прывячэнні цёткам Магдаліне Ягораўне і Марыі Ягораўне, а таксама Анне Гапановіч на экзэмплярах «Вянка». (Фонды ЛММБ.)

Сакавік. У петраградскім «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни», № 3 надрукаваны пераклад верша Т. Шаўчэнкі «А. О. Козачковскому».

Красавік, 5. У газеце «Голос», № 79 надрукавана рэцэнзія «Теофиль Готье. Эмали и камень». Датуецца годам надрукавання.

Май, 1. У газеце «Наша ніва», № 17 надрукаваны верш «Эміграцкая песня». У спісе вершаў для зборніка «Красавік» пазначаны 1914 г. Напісаны пад уражаннем артыкула «Горэй не будзе» за подпісам В. Л. (Наша ніва. 1914. 7 сакавіка). У ім паведамлялася аб продажы ў Амерыку 230 беларусаў па 80 руб. за галаву эмігранцкай канторай у Конга.

Май, 23. Ліст да В. Ластоўскага. Паведамляе пра сваё жаданне вывучыць польскую мову і просіць высласць яму кнігу Л. Васілеўскага «Літва і Беларусь» (на польскай мове) і польска-рускі слоўнік, а таксама польскую граматыку на рускай мове. Паведамляе, што напісаў біяграфію Скарыны і асобны раздзел, дзе даецца характарыстыка папярэдняга культурнага жыцця і пісьменнасці. (ЦБАН Літвы, F 21-38, л. 11.)

Май-чэрвень. У часопісе «Жизнь для всех», № 5—6 надрукаваны артыкул «Новая интеллигенция». Датуецца годам надрукавання.

У часопісе «Русский экскурсант», № 5—6 надрукавана рэцэнзія на даведнік «Крым». Датуецца годам надрукавання.

Чэрвень, 6. У газеце «Наша ніва», № 21—22 надрукаваны верш «*** Ты доўга сядзела за сталом». Датуецца годам надрукавання.

Чэрвень, 7. У газеце «Голос», № 129 надрукавана рэцэнзія «Н. Снесарев. Мираж «Нового времени», 1914». Датуецца годам надрукавання.

Чэрвень, 11 і 15. У польскім часопісе «Echo literacko-artystyczne», сш. 11, 12 надрукаваны артыкул Ул. Рагоўскага «Беларусь у песні», у якім М. Багдановіч характарызуецца як «...найбольш дасканалы паэт, на дзіва тонкі, які ўмее ткаць тканіну самай вытанчанай паэтычнай

формы...» У перакладзе на польскую мову Ул. Рагоўскага прыводзіцца верш «*** Краю мой родны! Як выкляты богам...», а таксама вершы «Слуцкія ткачыхі» і «Перапісчык» на польскай мове.

Чэрвень, 21. У газеце «Голос», № 141 надрукавана рэцэнзія на альманах «Жатва», 1914 г. Датуецца годам надрукавання.

Багдановічы пераязджаюць па адрасу: вул. Дانیлаўская, д. 1 а-рохаўнікава (цяпер вул. Някрасава, дом не захаваўся). (*Выпіска з дамавой кнігі // Дзярж. архіў Яраслаўскай вобласці. Ф. Р — 1008, воп. 1, спр. 40.*)

Ліпень, 3. У газеце «Наша ніва», № 26 надрукавана апавяданне «Шаман». Датуецца годам надрукавання.

Ліпень, 5. У газеце «Голос», № 153 надрукавана рэцэнзія «Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского, Собрание сочинений Е. А. Баратынского и Д. В. Веневитинова». Датуецца годам надрукавання.

Ліпень. Напісаны артыкул «Белорусское возрождение». Час напісання ўказаны М. Багдановічам у пастскрыптуме да артыкула.

Жнівень, 24. У газеце «Голос», № 194 надрукаваны артыкул «Львов». Датуецца годам надрукавання.

Жнівень, 31. Прымае ўдзел у славянскай лекцыі на тэму «Сусветная вайна і славянская федэрацыя», арганізаванай у Яраслаўлі сербскім каралеўскім агентам Ч. М. Іаксімовічам. З асноўным дакладам выступіў прыват-дацэнт Маскоўскага ўніверсітэта У. І. Пічэта. (*Голос. 1915. 2 верасня.*)

«Публічна выступаў [Максім], я помню, толькі раз на вечере, посвященном славянским народностям по случаю войны, где он выступал с речью о галичанах, их культуре и литературе, протестуя против русификаторской политики, которую вел в то время в Галиции гр. Бобринский и еп. Евлогий». (*Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 55.*)

Жнівень. У Маскве ў выдавецтве К. Ф. Някрасава выходзяць брашуры «Червонная Русь», «Угорская Русь» і «Братья-чехи» (серыя «Библиотека войны»). Датуецца годам надрукавання.

У маскоўскім часопісе «Вестник воспитания», № 8 у раздзеле «Критика и библиография» надрукаваны артыкул К. Сіўкова «Обзор популярной литературы на современные темы». Даецца кароткая станючая ацэнка брашур М. Багдановіча «Червонная Русь» і «Братья-чехи».

Верасень, 21. У «Северной газете», № 232 надрукавана апавяданне «Имениница» з подпісам: Эхо.

Верасень—кастрычнік. У петраградскім часопісе «Русская школа», № 9—10 надрукавана кароткая рэцэнзія на серыю брашур «Библиотека войны» выдавецтва К. Ф. Някрасава. Згадваюцца брашуры М. Багдановіча «Червонная Русь» і «Братья-чехи».

Кастрычнік, 2. У газеце «Голос», № 226 надрукаваны артыкул «Одинокий», прысвечаны 100-годдзю з дня нараджэння М. Ю. Лермантава. Датуецца годам надрукавання.

Кастрычнік, 15. У газеце «Новое время», № 13863 надрукавана рэцэнзія на брашуру М. Багдановіча «Червоная Русь». Дзецца рэзка адмоўная ацэнка брашуры, а яе аўтар абвінавачваецца ў надзвычайным невуцтве. Верагодна, рэцэнзенту не спадабалася тое, што М. Багдановіч лічыць насельніцтва Галіцыі блізім да ўкраінцаў.

Лістапад, 15. У газеце «Голос», № 264 надрукавана рэцэнзія «Ю. Энгель. Музыкальны слоўвар, 1914». Датуецца годам надрукавання.

Лістапад — снежань. У часопісе «Украинская жизнь», № 11—12 надрукаваны артыкул «О гуманизме и неосмотрительности». Датуецца годам надрукавання. М. Багдановіч аспрэчвае меркаванні Г. Курнатоўскага аб адсутнасці ў беларусаў права называцца нацыяй, якія той выказаў у дакладзе на пасяджэнні Таварыства славянскай культуры.

Снежань, 16. Яраслаўскі акруговы суд дае дазвол на ўсынаўленне А. Я. Багдановічам дзяцей, народжаных А. А. Мякота, — Паўла, Мікалая, Аляксея, Вячаслава і Рамана. (Фонды ГГАМ.)

На працягу года. Прыняты ў правадзейныя члены «Всероссийского общества деятелей периодической печати и литературы» (Отчет о деятельности Общества деятелей периодической печати и литературы за 1914 год. М., 1915. С. 40.)

Піша прысвячэнне М. Какуеву на экзэмпляры «Вянка». (Нац. б-ка РБ. Ф. 09. Фонд М. Багдановіча.)

Напісаны вершы «Дваяняткі», «*** Я — непрыкметны, шэры чалавек» (упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 296—297), «Мяжы», апавяданні «Марына» і «Вясной» (няскончана) (упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 400—402. 407—408). артыкулы «Сталецце руху беларускага народа» (Галіцкая Русь), (няскончаны), «Булгарин в белорусской шуточной поэзии», «Украинское казачество» (упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2), «Образы Галиции в художественной литературе».

1914—1915

Дае ўрокі дзецям тытунёвага фабрыканта А. Дунаева. (Багданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 54.)

Напісаны вершы «***Ой, лясы-бары ды лугі-разлогі!», «***Цёмная ноччу лучына дагарала», «***Ой, грымі, грымі, труба, ўранку рана», «***Ой, скацілася, зорачка, скацілася» (упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1), артыкул «Хто мы такія?» (упершыню надрукаваны ў газеце «Вольная Беларусь». 1918. № 14. 21 красавіка), пачатак артыкула на ўкраінскай мове «Забутий шлях» (упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 62—63).

1914—1916

Написана мініяцюра «Страшное» (упершыню надрукавана: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 421).

1915

Студзень, 16. У газеце «Наша Ніва», № 2 надрукаваны верш «*** Ой, лясы-бары ды лугі-разлогі!»

Студзень, 21 і 22. У яраслаўскай газеце «Заря», № 1 і 2 надрукавана казка «Башня мира» з подпісам: Эхо.

Студзень, 23. У газеце «Наша ніва», № 3 надрукаваны верш «*** Цёмнай ноччу лучына дагарала».

Студзень, 25. У газеце «Голос», № 21 надрукавана апавяданне «Экзамен» з подпісам: Ів. Февралев. З ліста М. Агурцова да А. Залатарова: «Максим Адамович жарит фельетоны под псевдонимом Ив. Февралев». (ЦДАЛіМ (Масква), ф. 218, адз. зах. 112.)

У маскоўскім часопісе «Национальные проблемы», № 2 надрукаваны артыкул «Белорусы». Датуецца годам надрукавання.

Студзень. У часопісе «Русский экскурсант», № 1 надрукавана рэцэнзія «М. М. Путеводитель по Галиции и ее курортам, 1913» з подпісам: М. Б. Мяркучы па зместу, магла быць напісана раней 1915 г.

У часопісе «Что и как читать детям», № 1 у «Обзоре главнейшей литературы, появившейся в связи с интересом к войне» даецца кароткая становачая ацэнка брашур «Братья-чехи» і «Червонная Русь».

Студзень — люты. У часопісе «Русский экскурсант», № 1, 2 надрукаваны артыкул «Образы Галиции в художественной литературе».

У часопісе «Украинская жизнь», № 1—2 надрукаваны артыкул «Белорусское возрождение».

Люты, 21. У маскоўскім штотыднёвіку «Музыка», № 211 надрукавана нататка «Об интересном имени г. Глебова» з подпісам: М. Б-ч. Датуецца годам надрукавання.

У газеце «Наша ніва», № 7 надрукаваны верш «*** Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы». Датуецца годам надрукавання.

Люты. У часопісе «Украинская жизнь», № 2 у раздзеле «Литературная летопись» змешчаны кароткі водгук на брашуру «Червонная Русь»: «Среди популярной макулатуры, посвященной Галиции, выделяется небольшая брошюра М. Богдановича «Червонная Русь», объективно-научным отношением к трактуемой теме, знанием предмета и ясностью стиля».

Сакавік, 22. У газеце «Голос», № 67 надрукавана апавяданне «Чудо маленького Петрика» з подпісам: Эхо.

Красавік, 9 і 13. У газете «Нижегородский листок», № 94 і 98 надрукаваны пераклад апавядання Івана Франка «Каменщик» і ўступнае слова да яго.

Красавік. У часопісе «Вестник Европы», № 4 надрукавана рэцэнзія М. Славінскага на кнігі, прысвечаныя Галіцыі, Букавіне і Угорскай Русі, сярод іх — на брашуру «Червонная Русь»: «Брошюра г. Богдановіча напісана простым, доступным языком; одним из ее достоинств является объективность автора, а также его осведомленность в том, о чем он пишет».

Май, 7. У газете «Наша ніва», № 18 надрукаваны верш «Мушка-зелянушка і камарык — насаты тварык». Датуецца годам надрукавання.

Лета. Едзе на лячэнне ў Стары Крым, дзе знаёміцца з жанчынай па імені Клава. (*Дзённік М. Багдановіча // Фонды ЛММБ.*)

З успамінаў М. Р. Агурцова: «Лично от меня он [Багдановіч] не скрывал, что находится в интимной переписке с одной особой, с которой он познакомился в Крыму и полюбил. Я не знал этой особы и не считал удобным расспрашивать об его отношениях к этой особе. Но как мне казалось, его чувство было серьезно и сильно отражалось на его здоровье. Чувствовалось, что он переживает какой-то тяжелый внутренний кризис». З успамінаў А. Д. Цітова: «В минуты откровенности Максим Адамович рассказывал мне, передавая как тайну, историю своего увлечения. Будучи на юге, он влюбился в одну женщину, но любовь была неравной и неудачной и причинила лишь ему не мало волнения». (*Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 50—51.*)

Чэрвень, 6. У газете «Голос», № 127 надрукавана рэцэнзія «Славянская библиотека», № 1. В. И. Пичета. Исторический очерк славянства. Ч. М. Иоксимович. Состав современного славянства. Москва, 1914 г.»

Чэрвень, 19. У газете «Голос», № 138 надрукавана рэцэнзія на часопіс «Национальные проблемы», 1915, № 1, 2. Датуецца годам надрукавання.

Чэрвень, 21. У газете «Голос», № 13 надрукаваны рэцэнзіі «А. Л. Погодин. «Славянский мир», «Н. А. Рубакин. Среди книг», 1915», «Русский экскурсант», 1915».

У кнізе М. А. Рубакіна «Среди книг», т. III, ч. I змешчаны артыкул «Белорусское национальное возрождение», у якім прыводзяцца кароткія біяграфічныя звесткі пра М. Багдановіча.

Ліпень, 13. У «Нижегородском листке», № 188 надрукаваны скарычаны пераклад верша І. Франка «На реке Вавилонской». Датуецца годам надрукавання.

Ліпень, 17. У газете «Наша ніва», № 28 надрукаваны верш «Мяжы».

Ліпень, 31. У газете «Наша ніва», № 29—30 надрукаваны верш «Сярод вуліцы ў нас карагод». Датуецца годам надрукавання.

Жнівень, 7. У газеце «Наша ніва», № 31 надрукаваны верш «Як Базыль у паходзе канаў». Датуецца годам надрукавання.

Не пазней лета. Напісаны вершы беларускага складу з цыкла «На сіхім Дунаі». Упершыню надрукаваны ў газеце «Вольная Беларусь». 1918. № 5. 28 крас.

Кастрычнік, 4. У газеце «Голос» надрукавана рэцэнзія «Новые письма Л. Н. Толстого».

Лістапад, 14. Ліст у «Беларускую кнігарню». Паведамляе аб тым, што ў 1915 г. быў напісаны артыкул «Забыты шлях». (Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 358.) Поўны змест ліста не вядомы. Артыкул упершыню быў надрукаваны ў газеце «Вольная Беларусь». 1918. № 15. 28 крас.

Восень. Дапамагае беларускім бежанцам у Яраслаўлі.

З успамінаў яраслаўскага журналіста М. Магульскага: «Осенью 1915 г., когда до Ярославля докатилась волна беженцев и среди них оказалось немало белорусов, неумоимо, с утра до поздней ночи из всех своих слабых сил работал для этих несчастных Максим Богданович и заразился тифом, был на волосок от смерти» (Могульский Н. М. А. Богданович // Шлях паэта: Зборнік успамінаў і біяграфічных матэрыялаў пра Максіма Багдановіча. Складальнік Н. Б. Ваццы. Мн., 1975. С. 56.)

Снежань. Прыязджае ў Маскву, дзе сустракаецца з У. І. Пічэтам.

Паводле ўспамінаў У. І. Пічэты, М. Багдановіч прыходзіў да яго на кватэру і звяртаўся з просьбай дапамагчы ў вывучэнні гісторыі Беларусі. (Вечар памяці Максіма Багдановіча // Польшча. 1923. № 5—6. С. 157.)

Другая палова года. Напісаны нарыс «Из летних впечатлений».

«...в 1915 г. [Максім] ездил самостоятельно в Крым и очень удачно выбрал место для поселения в Старом Крыму: это одна из лучших климатических станций. И в письмах, и в рассказах он очень хвалил климатические условия этого места и дешёвизну жизни. Даже написал статью по этому вопросу в «Русский экскурсант» П. А. Критского...» (Богданович А. Е. Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича, л. 36.)

Напісаны вершы «*** Зачем грустна она была» і «*** Забудется многое, Клава», прысвечаныя крымскай знаёмай паэта. Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 338, 340.

На працягу года. Напісана паэма «Максім і Магдалена». (Ліст А. Луцкевіча ад 10 студзеня 1926 г. // Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 44.) Упершыню надрукавана ў газеце «Гоман». 1918. № 10. 17 мая.

Працуе над цыклам вершаў, у які павінны былі ўвайсці народныя песні розных народаў. Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 282—291.

Напісаны вершы «*** Истужку сіною ўплятаю», «*** Аня, Анечка», «Доля мужыка», «*** Ты не знаснеш, ясная зараначка», «Варона

і чыж», «*** У мясцечку Церасцечку не званы гудзяць» (упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1), артыкул «К генеалогіі адного стихотворения» (упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 107—109).

У Маскве выдаецца брашура Г. В. Курнатоўскага «Этнографическая Польша». У адказ М. Багдановіч піша артыкул пад такой самай назвай, які застаўся няскончаным. Загінуў разам з архівам паэта. (Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 388.)

Багдановічы пераязджаюць па адрасу: вул. Вял. Данілаўская, 246 (цяпер вул. Багдановіча, дом не захаваўся). (Адрас пазначаны М. Багдановічам у аўтографі верша «Максім і Магдалена», напісанага ў 1915 г. // ЦБАН Літвы. F 21—39, л. 2—6.)

1915—1916

Напісаны вершы «*** Мы гаворым удвух пры агні ў цішыні», «*** Ужо пара мне дадому збірацца», «*** Усё праходзе — і радасць, і мукі», «Лявоніха», «Скірпуся», «Агата», «Маладыя гады», «*** Выйшаў з хаты. Ціха спіць надворак», «*** Сцюжа, мрок... Я ізноў хвараваты», «*** Прыйдзеца, бачу, пазайздрыць бяздольнаму Марку», «*** Непагодны вечар. Сумна, дружа, мусі?», «*** Я вспоминаю Вас такой прекрасной,стройной» (прывечаны А. Р. Какуевай). Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1.

Перакладзены верш А. С. Пушкіна «***Сяджу я ў турме за рашоткай гады», элегія У. Самійленкі «***Те, что в холодных сердцах любви ни к кому не имеют». Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1.

Дзве паштоўкі (не захаваліся) да Алеся Бурбіса. (Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 395.)

1916

Студзень, 16. У газеце «Голос», № 12 надрукавана рэцэнзія «Украинская жизнь», 1915, № 1—12».

Студзень, 30. У газеце «Голос», № 24 надрукавана рэцэнзія «Архив села Карабихи».

Студзень—сакавік. У часопісе «Русский экскурсант», № 1—3 надрукаваны нарыс «Из летних впечатлений».

Люты, 16. У газеце «Голос», № 37 надрукаваны фельетон «Калейдоскоп жизни» з подпісам: Ів. Февралев.

Люты, 26. У газеце «Голос», № 46 надрукаваны фельетон «О взятке» з подпісам: Ів. Февралев.

Люты. У часопісе «Украинская жизнь», № 2 надрукаваны артыкул «На белорусские темы». Датуецца годам надрукавання.

Зіма. Хварэе на запаленне лёгкіх. (Валасовіч-Гразнова Г. *Успаміны пра брата // Палымя. 1966. № 12. С. 130.*)

Вясна. Сустракаецца са студэнтамі Мінскага настаўніцкага інстытута, які быў эвакуіраваны ў Яраслаўль і неаднаразова выступае перад імі са сваімі вершамі. (Гарбацэвіч В. *Чалавек чыстага сэрца // Літ. і мастацтва. 1957. 28 верас.*)

Сакавік, 10. У газеце «Голос», № 57 надрукаваны фельетон «Нумізматы» з подпісам: Ів. Февралев.

Сакавік, 19. У газеце «Голос», № 65 надрукавана рэцэнзія «Пісьма А. П. Чехова». Датуецца годам надрукавання.

Красавік, 2. У газеце «Голос», № 76 надрукавана рэцэнзія «Музыкальный современник», № 1—6.

Красавік, 10. У газеце «Голос», № 83 надрукавана апавяданне «Катыш». Датуецца годам надрукавання. У гэтым жа годзе напісаны беларускі тэкст апавядання «Качулка». (Вянок *пазтычнай спадчыны. С. 261—266.*)

Красавік, 23. У газеце «Голос», № 92 надрукавана рэцэнзія «Любовь Столица. Елена Деева».

Май. У газеце «Голос», № 110 надрукавана рэцэнзія «П. А. Кропоткин о войне».

Май, 21. У газеце «Голос», № 115 надрукавана рэцэнзія на зборнік «Отечество».

Май, 26. Прысутнічае ў Яраслаўлі на пасяджэнні маскоўскага ваенна-акруговага суда па разглядзе справы селяніна Цімафея Пахазікава-Юрко. (Голос. 1916. № 121.)

Май, 28. У газеце «Голос», № 121 надрукавана рэцэнзія «В. Винниченко. Собрание сочинений. Т. I—VIII», у рубрыцы «Суд» надрукавана нататка «Дело по обвинению в разбое» з подпісам: Ів. Февралев.

Чэрвень, 3. Прысутнічае на сходзе спажывецкага таварыства чыгуначнікаў сяла Крэст. (Голос. 1916. № 152.)

Чэрвень, 6. Прысутнічае ў Яраслаўлі на пасяджэнні ваенна-акруговага суда па разглядзе спраў радавога Станіслава Куна (Голос. 1916. № 129) і салдата-дэзерціра Сцяпана Малышава. (Голос. 1916. № 130.)

Чэрвень, 8. У газеце «Голос», № 129 надрукаваны фельетон «Ванька-встанька» з подпісам: Ів. Февралев, у рубрыцы «Суд» надрукаваны нататка «Покушение на вооруженную кражу» з подпісам: Ів. Ф., пераклад (у скарачаным выглядзе) апавядання В. Стэфаніка «Кленовые листочки».

Чэрвень, 9. У газеце «Голос», № 130 у рубрыцы «Суд» надрукавана нататка «Две смерти» з подпісам: Ів. Февралев.

Чэрвень, 14. У газеце «Голос», № 134 у рубрыцы «Суд» надрукавана нататка «Покушение на поджог» з подпісам: Ів. Февр.

Чэрвень, 17. У газеце «Голос», № 137 надрукаваны замалёўка

«Около театра миниатюр» з підписам: Ів. Ф. і пераклад апавядання В. Стэфаніка «Смерть». Датуюцца годам надрукавання.

Чэрвень, 18. У газеце «Голос», № 138 надрукавана рэцэнзія «Г. В. Плеханов. Дневник социал-демократа, 1916». Датуецца годам надрукавання.

Чэрвень, 21. Наведвае дзіцячую калонію ў Норскім, дзе жывуць дзеці бежанцаў і хворыя на сухоты дзеці з Яраслаўля. (*Голос. 1915. № 143.*)

Чэрвень, 22. У газеце «Голос», № 141 надрукавана замалёўка «Волгари» з підписам: Ів. Ф.

Чэрвень, 24. У газеце «Голос», № 143 надрукаваны фельетон «Жаль книгу» і нататка «В гостях у детей» з підписам: Ів. Февралев.

Чэрвень, 26. У газеце «Голос», № 145 у рубрыцы (Заседание городской думы) надрукавана нататка «Вопрос о медикаментах» з підписам: Ів. Ф-лев.

Чэрвень. У петраградскім «Ежемесячном журнале», № 6 надрукаваны артыкул «Николай Дмитриевич Ножин», напісаны з нагоды 50-годдзя з дня смерці біёлага і сацыёлага М. Д. Ножына.

Ліпень, 2. У газеце «Голос», № 149 надрукавана нататка «Сельскохозяйственная перепись» з підписам: Ів. Ф-левъ і рэцэнзія «С. М. Чевкин. Шестая держава, 1916».

Ліпень, 6. У газеце «Голос», № 152 надрукавана нататка «В с.(еле) Крест» з підписам: Ів. Февралев.

Ліпень, 8. У газеце «Голос», № 154 надрукаваны нататка «За сахаром» з підписам: Ів. Ф. і верш «Осенью» з підписам: Ек. Февралева.

З успамінаў А. Цітова: «Однажды я прочел в газете небольшое стихотворение под названием «Осенью» за подписью «Ек. Февралева». Стихи мне понравились, и я при встрече с Максимом Адамовичем спросил его, не знает ли он, кто автор этого стихотворения. «Это написал я,— ответил мне Максим Адамович и прибавил: — Я очень люблю видеть беременных женщин и всегда готов преклониться перед такой женщиной, которая готовится воспроизвести на свет будущего члена общества — человека.

Поистине она выполняет высшее назначение женщины!» (*Титов А. Из воспоминаний о Максиме Адамовиче Богдановиче // Шлях паэта. С. 59—60.*)

Ліпень, 10. У газеце «Голос», № 156 надрукавана сцэнка з натуры «На углу» з підписам: Ів. Ф.

Прысутнічае на кааператыўнай нарадзе ў Яраслаўскай земскай управе. (*Голос. 1916. № 160.*)

Ліпень, 13. У газеце «Голос», № 158 надрукавана нататка «Говядщина Народного дома» з підписам: Ів. Ф.

Ліпень, 15. У газеце «Голос», № 160 надрукаваны сцэнка з на-

туры «Около билетов» і нататка «Кооперативное совещание» з подпісам: Ів. Ф.

Ліпень, 31. У газеце «Голос», № 174 надрукаваны нататкі «Мимходом» з подпісам: Ів. Ф. і «Мытарства беженцев» з подпісам: Ів. Февралев.

Ліпень. У часопісе «Жизнь для всех», № 7 надрукаваны артыкул «Іван Франко». Датуецца годам надрукавання.

Ліпень—жнівень. У часопісе «Украинская жизнь», № 7—8 надрукаваны артыкул «В. Самийленко».

Жнівень, 6. У газеце «Голос», № 179 надрукавана рэцэнзія «Валерий Брюсов. Семь цветов радуги, 1916». Датуецца годам надрукавання.

Жнівень, 20. У газеце «Голос», № 188 надрукавана рэцэнзія «Іван Морозов. Красный звон, 1916». Датуецца годам надрукавання.

Жнівень, 26. У газеце «Голос», № 193 надрукавана нататка «Детская колония» з подпісам: Ів. Ф.

Жнівень, 27 і 28. У газеце «Голос», № 194 і 195 надрукаваны нататкі «Заседание городской думы» з подпісам: Ів. Ф.

Верасень, 3. У газеце «Голос», № 200 надрукавана рэцэнзія «Michał Orzęcki. Storzuki». Датуецца годам надрукавання.

Верасень. Заканчвае Яраслаўскі юрыдычны ліцэй.

«У пачатку восені 1916-га году М. (аксім) А. (дамавіч) прыступіў да здыч апошніх залакаў у Ліцэі, але, як можна меркаваць на падставе аднаго ліста, задатаванага канцом 1916-га году... (да стрычнага брата П. Гапановіча), усіх залакаў не закончыў; паводле даных у «Матэрыялах» А. (дама) Ю. (р'еві)ча, наадварот, залікі былі ўсе зданы. Тады ж увосень ён у ліку іншых студэнтаў-дэмідаўцаў, якія праслухалі ўсе чатыры курсы Ліцэю, павінен быў прызвацца на вайсковую службу, — аб гэтым ён таксама ўпамінае ў адным з сваіх лістоў (у Менск, бяз даты, якая вызначаецца прыблізна вераснем 1916-га году...); але, паводле слоў бацькі, ён ня быў прызваны і вайскавай службы не адбываў». (Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. LI—LII.)

Верасень. Ліст (не захаваны) да Ванды Лявіцкай: «Праглядаю гэтымі днямі свой «Вянок». Недахватаў рожных — гібель, ды і кніжка гэта зусім маладая: вершы яе пісаліся з паловы 1909 да паловы 1912 г., калі мне было 17—20 год. Але ў ёй усё ж такі ёсьць і творчасць, і натхненне, і сур'ёзная праца. Узяў я карандаш, палавіну вершаў выкасаваў зусім, другую прабую абгладзіць. Дадам да гэтай другой палавіны лепшыя з вершаў 1912—15 г.г., і выйдзе зборнік «Маладзік» або «Красавік»... У 1913 г. я асабліва ахвотна пісаў, кажучы вялікарускія слова, «изящные» вершы; з іх бадай што ні адзін друку ня бачыў. Выйдзе яшчэ адзін зборнічак «Пярсьцёнак». А з вершаў апошняга часу і трэці — «Шышына». Укласьці гэтыя кніжачкі, пэўна, не паспею, але думаць аб іх прыемна...» (Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 450.) Поўны змест не вядомы.

Не пазней верасня. Багдановічы пераязджаюць па адрасу: Сяная плошча, дом Соцкай (цяпер плошча Труда). (*Ліст П. А. Багдановіча да Н. Б. Ватацы ад 8 чэрвеня 1965 г. // Фонды ЛММБ.*)

Канец верасня — пачатак кастрычніка. Прыязджае ў Мінск, дзе пачынае працаваць сакратаром у харчовым камітэце мінскай губернскай управы, актыўна ўдзельнічае ў працы Беларускага камітэту дапамогі ахвярам вайны. У Мінску паэт жыве на кватэры Зм. Бядулі па Малагеоргіеўскай вул., д. 12, кв. 4 (дом Рэдзькі.)

З успамінаў Л. Войцікавай (Зоські Верас): «У «Беларускай Хатцы» на Захараўскай вул. № 18, сталоўцы «Т-ва Помачы ахвярам вайны» — кожны вечар збіраліся як сябры і працаўнікі Камітэту Т-ва, так і іншыя беларусы...

Нарэшці ў канцы верасня ці ў пачатку кастрычніка М. Багдановіч прыехаў. Спаткаў Яго А. Смоліч і прывёў у Беларускаю хатку, дзе мы цэлай грамадой чакалі іх з нецярплівасцю.

Сардэчны, скромны і просты М. Багдановіч адразу заваяваў агульную сымпатыю. Ужо ў канцы вечара здавалася, што Ён даўна паміж намі, што ўсім блізка і дарагі. Тым больш трывожыла Яго бледнасць і бліскучыя гарачкай вочы. Кашляў зусім мала.

Пасля гарбаты сядзелі нядоўга. Трэба было змучанаму дарогай адпачыць. На прыгатаваную кватэру адвялі Багдановіча Смоліч, Галубок і Фальскі». (*Войцікава Л. Пяць месяцаў у Менску. З жыцця Максіма Багдановіча. [Машынапіс] // Фонды ЛММБ.*)

З успамінаў А. С. (Апаленія Савёнак): «Што сыботы ладзіліся вечарніцы-сыботнікі...

...Максім Багдановіч сядзеў на нашых вечарніцах ціха, бязмоўна, бязудзельна, толькі па ледзь значнай шчаслівай усмешцы, якая квола зацьвітала на ягоных вуснах, мы здагадваліся, што ён цешыцца з нашых сьпеваў, скокаў, асабліва з дэкламацыяў. Аднойчы навет прачытаў сваю «Скандынаўскую песню». (*А. С. Калісці ў Менску // Беларуская моладзь. 1960. № 8. Верасень — кастрычнік. С. 7—9.*)

З успамінаў Зм. Бядулі: «Нягледзячы на слабое здароўе, М. Багдановіч прыняў службу ў земстве, дзе надта шмат працаваў. У вольны ад службы час ён або сядзеў у Пушкінскай бібліятэцы, або дома і займаўся літаратурнай працай. Сядзеў пры керасінавай лямпе штодня да гадзін 3—4 ночы. Галоўным чынам ён тады студыяваў тэхніку вершаў». (*Бядуля Зм. Мае ўспаміны // Шлях паэта. С. 62.*)

У гэты час напісаны паэма «Страцім-лебедзь» і верш «Пагоня». Упершыню надрукаваны ў газеце «Вольная Беларусь», 1917. № 32. 30 лістап.

«Нягледзячы на хваробу, ён [Багдановіч] і далей працаваў ня толькі днём, але і ноччу; працаваў у гарачцы, пры высокай тэмпературы ў 38—39°. У такім менавіта стане, паводле сьведчаньня А. Смоліча, быў ім напісаны ў часе службы верш «Пагоня». Расказваючы

аб гэтым за абедам А. Смолічу, поэта дадаў: «У гарачцы пішацца лёгка». (*Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. LIII.*)

«Ён [Багдановіч] страшна захапіўся тады беларускай народнай творчасцю. Чытаў ён мне цэлы цыкл сваіх вершаў на народныя матывы, паміж іншымі і верш «Страцім-лебедзь». (*Бядуля Зм. Мае ўспаміны // Шлях паэта. С. 62.*)

Наведвае Карпілаўку, дзе жылі дзеці з Беларускага прытулку. (*Верас З. У Карпілаўку. [Рукапіс] // Фонды ЛММБ.*)

Не пазней кастрычніка. Напісаны артыкул «Две заметки о стихотворениях Пушкина». (У Расійскай дзяржаўнай бібліятэцы захоўваецца адбітак з артыкула, зроблены ў кастрычніку 1916 г.)

Кастрычнік, 31. Камітэт Мінскага аддзялення Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны звяртаецца да Мінскага губернатара з прашэннем аб дазvole правесці 6 лістапада ў Мінску аднадзённы скарбонкавы збор. (*ЦДГА Беларусі, ф. 295, воп. 1, спр. 9187, л. 338.*) Мяркуецца, што тэкст прашэння напісаны рукой М. Багдановіча.

Лістапад, 27. У петраградскай газеце «Дзянніца», № 4 надрукаваны артыкул «Агляд працы за першы год Мінскага Аддзела Беларускага таварыства для помачы пацярпеўшым ад вайны» з подпісам: М. Осьмак, а таксама прывітанне «Да беларускай калоніі ў Петраградзе», сярод аўтараў якога, верагодна, быў і М. Багдановіч.

Лістапад, 29. Камітэт Мінскага аддзялення Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны падае прашэнне ў канцэлярыю Мінскага губернатара аб дазvole наладзіць 4 снежня публічную лекцыю «Беларускае адраджэнне», якая будзе прачытана М. Багдановічам. Да прашэння прыкладаецца план лекцыі. Лекцыя была забаронена. (*ЦДГА БССР, ф. 285, воп. 1, спр. 9187, л. 409.*)

Лістапад. Наведвае Ратамскі дзіцячы прытулак. (*Войцікава Л. Пяць месяцаў у Менску. 3 жыццёўца Максіма Багдановіча.*)

Лістапад—снежань. У часопісе «Украинская жизнь», № 11—12 надрукаваны артыкул «Грицько Чупринка».

Снежань, 22. Камітэт Мінскага аддзялення Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны падае прашэнне ў канцэлярыю Мінскага губернатара з просьбай выдаць вопратку для дзіцячага прытулку. (*ЦДГА Беларусі, ф. 295, воп. 1, спр. 9187, л. 468.*) Мяркуецца, што тэкст прашэння напісаны рукой М. Багдановіча.

Канец года. Працуе над артыкулам «Белорусский беженский приют». Артыкул застаўся няскончаным. (Упершыню надрукаваны: *Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 164—166.*)

Разам з Л. Сівіцкай (З. Верас) і А. Смолічам працуе над чытанкай (хрэстаматэяй) для пачатковай беларускай школы.

«Прачуваўся ўжо блізкі канец вайны і змены, якія могуць наступіць у жыцці народаў. Мы часта гаварылі аб тым, што, можа, хутка дачакаемся сваіх беларускіх школаў, а кніжак да навукі німа. Лямэн-

тары сякія-такія былі, а вось чытанкі пасьяля лямэнтароў німа.

Смоліч запрапанаваў узяцца за апрацоўку гэтакай чытанкі-хрэстаматыі. Складаць яе мы мелі ў траіх: М. Багдановіч, А. Смоліч і я...

Трэба было падбіраць матэрыялы і працу падзялілі мы паміж сабой так: М. Багдановіч меў заняцца наэзыяй: падбіраць адпаведныя вершы з беларускай літаратуры, рабіць пераклады і, разумеюцца, пісаць самому. А. Смоліч браў на сябе тэмы геаграфічныя і гістарычныя, а таксама пераклады з расейскай мовы, а я тэмы прыродазнаўчыя і пераклады з польскай мовы.

Шмат вечароў прасядзелі мы ў сталоўцы ў позныя гадзіны, калі нашыя штодзённыя вячэрнія госьці парасходзіліся. Кожны ўжо пакрысе напісаў, але далей ужо супольна працаваць не прышлося...» (*Верас З. Пяць месяцаў у Менску. З жыццяў Максіма Багдановіча.*)

На адной з вечарын у «Беларускай Хатцы» ўпершыню чытае паэму «Страцім-лебедзь» і верш «Пагоня» (*Па сведчанні А. Смоліча // Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 446*). Але паводле ўспамінаў А. Савёнак, якая прысутнічала на вечарыне, верш «Пагоня» ўпершыню быў прачытаны А. Смолічам. (*А. С. Калісьці ў Менску. С. 9—10.*)

Напісаны апавяданні «Гарадок», «Сярод глухой пушчы» (няскончаны), нарыс «Аб веры нашых прашчुरаў», якія прызначаліся, па сведчанні А. Смоліча, для школьнай хрэстаматыі. (*Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 492; Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 372.*) Упершыню надрукаваны: *Творы М. Багдановіча, 1927—1928. Т. 1, 2.*

Напісаны артыкул «Голос из Белоруссии» (упершыню надрукаваны: *Творы. 1928. Т. 2. С. 167—170*), верш «***Усплывае грамада сіфонафора» (упершыню надрукаваны: *Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 313*), трыялет «***Николай Иванович! Вы ли?» (упершыню надрукаваны ў часопісе «Беларусь». 1953. № 6. С. 21).

З успамінаў А. Цітова: «Однажды в разговоре о стихах я спросил о форме «триолета». Максим Адамович взял карандаш и экспромтом написал следующее стихотворение (триолет):

Николай Иванович! Вы ли?..

Упоминаемый в стихах Николай Иванович был в Ярославле в то время видный торговец, бакалейщик Н. И. Масленников». (*Титов А. Из воспоминаний о Максиме Адамовиче Богдановиче // Шлях паэта. С. 60.*)

У Маскве асобнай брашурай выдаецца артыкул «Белорусское возрождение». Гэты ж артыкул у перакладзе на ўкраінскую мову пад назвай «Білоруське відродження» выдаецца ў Вене. Аўтар перакладу, магчыма, М. Багдановіч.

Снежань, 31. Разам са сваімі сябрамі сустракае ў «Беларускай Хатцы» Новы год.

З успамінаў З. Верас: «Надыходзіў Новы Год. Пастанавілі спаткаць яго ў Бел.(арускай) Хатцы, усей грамадой. Усё наладзіць і выслася запрасіны даручылі М. Багдановічу, А. Смолічу і мне. Сабраліся ўсе, хто толькі ў той час быў у Менску, былі: М. Багдановіч, Ядвігін Ш., Альбэрт Паўловіч з дачкой Уладзья і зяцем, Я. Фарботка, кс.(ёндз) Гадлеўскі, Ф. Шантыр (прыехаў з Бабруйска), У. Фальскі, У. Галубок, А. Смоліч, адв.(акат) Чаусаў, Ванда Лявіцкая, Р. Зямкевіч, Я. Крыўка, А. Уласаў, Л. Дубейкоўскі, мая Маці Э. Сівіцкая і я. Настрой быў мілы і ўсе былі рады з гэтай імпрэзы». (Верас З. *Пяць месяцаў у Менску. З жыцця Максіма Багдановіча.*)

На працягу года. Паштовая картка (не захавалася) да Янкі Купалы. (Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 395.) Змест не вядомы.

1917

Студзень, 5. Ад запалення лёгкіх памірае зводны брат паэта Раман. (Выпіска з метрычнай кнігі // Фонды ГГАМ.)

Студзень—люты. У часопісе «Украинская жизнь», № 1—2 надрукаваны артыкул «Деятельность Минского Белорусского комитета», скарачаны рускі варыянт артыкула «Агляд працы за першы год Мінскага Адзела Беларускага таварыства для помачы пацярпеўшым ад вайны».

Люты, 21. Мінская губернская харчовая камісія разглядае прашэнне М. Багдановіча «об отпуске для поправления здоровья и о пособии на лечение». Прынята рашэнне «предоставить двухмесячный отпуск с сохранением содержания и выдать одновременно на лечение пособие в размере 200 рублей». Groшы атрыманы М. Багдановічам 23 лютага. (ЦДАКР Беларусі, ф. 640, воп. 2, спр. 2, л. 108.)

Люты, 28. Ліст (не захаваўся) да А. Смоліча з заяваю «в участковое присутствие по подоходному налогу». (Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. 394.) Поўны змест ліста не вядомы.

Люты. У Петраградзе выдаецца кніга «Пушкин и его современники. Материалы и исследования». Вып. 28, у якой надрукаваны артыкул «Две заметки о стихотворениях Пушкина».

Ліст (не захаваўся) да бязькі. Паведамляе аб тым, што збіраецца на два месяцы ў Крым, каб адпачыць і паправіць здароўе. (Богдановіч А. Е. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича*, л. 68.)

Канец лютага. Ад'язджае ў Крым.

«Пастанавілі на супольных нарадах, што [Багдановіч] паедзе ў Ялту. Здабылі грошы, прыгатавалі што трэба на дарогу і ў канцы лютага наступілі ад'ездзіны. Мы ўсе хацелі правясяці на вакзал, але Максім запратэставаў: «Пажагнаем тут у Бел.(арускай) Хатцы. Мне будзе цяжэй разставацца з Вамі ўсімі пры натоўпе чужых людзей». Жагналі мы Яго са слязьмі на вачох, як бы прадчувалі, што жагнаем назаўсёды». (Верас З. *Пяць месяцаў у Менску. З жыцця Максіма Багдановіча.*)

Сакавік. Ліст (не захаваўся) да бацькі з Ялты. Паведамляе аб тым, што з Мінска выехаў у час, але дзесьці за Гомелем цягнік затрымаўся на тры дні з-за снежных заносаў. У Сімферопаль прыбыў на сёмы дзень і, не застаўшы бацькі, адправіўся ў Ялту самастойна, разлічваючы ўладкавацца там пры дапамозе рэкамендацыйнага ліста з Мінска. (*Багдановіч А. Е. Матэрыялы к біяграфіі Максіма Адамовіча Богдановіча, л. 69.*)

У Мінску выдаецца брашура «Отчет по оборотам Минской губернской земской управы по продовольственно-фуражной операции за 1915—1916 гг.»

У Ялце жыве на вул. Мікалаеўскай, 8 (цяпер Севастопальская, дом не захаваўся).

3 ліста (не захаваўся) да П. Гапановіча (сакавік—красавік 1917 г.): «В Ялту приехал, измотавшись. Четыре дня искал квартиру. Нашел хорошую комнату с самост.〈оятельным〉 ходом, окна на море, чудесный вид, полдня светит солнце, есть балкон, вокруг дома сад и проч.» (*Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. LIV.*)

З успамінаў А. Я. Багдановіча: «Хозяйка Мария Цемко (Николаевская, д. № 8) мне рассказала следующее. После долгих поисков квартиры пришел он [Багданович], измученный и усталый. Когда она показала ему комнату, он сел на стул, заявив: «Никуда больше не пойду». Комната была довольно обширная, светлая, с видом на море, на втором этаже сзади дома, с отдельной лестницей и совершенно изолированная, глухая: хоть кричи, хоть стучи — никто не услышит (хозяйка жила внизу с подхода) и помощи не подает. Самое подходящее, чтоб умирать в полном одиночестве. В гигиеническом отношении выбор был для слабогрудого совершенно неудачен: место низкое, море близко. С питанием он устроился весьма плохо: кормился в какой-то столовой или пробавлялся сухоядением, сам себе закупал провизию.» (*Багдановіч А. Е. Матэрыялы к біяграфіі Максіма Адамовіча Богдановіча, л. 71—72.*)

Май. Пераглядае зборнік «Вянок» і адбірае з яго вершы для наступных выданняў. Вядома, што паэт планаваў выдаць зборнікі вершаў «Маладзік» або «Красавік», «Пярсцёнак», «Шыпшына».

Май. Працуе над складаннем беларускага лемантара.

Напісаны вершы «Набягае яно», «Пралятайце вы, дні», «***У краіне светлай, дзе я ўміраю». Упершыню надрукаваны: Творы М. Багдановіча. 1927. Т. 1. С. 113—115.

Неадасланы ліст (не захаваўся) да А. Смоліча. Мяркуючы па зместу, паэт жыве тымі ж грамадскімі і культурнымі інтарэсамі, якія напauнялі яго жыццё ў час службы ў Мінску. (*Творы М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. LV.*) Дакладны змест не вядомы.

Няскончаны і неадасланы ліст (не захаваўся) да бацькі, напісаны перад смерцю: «...Здравствуй, старый воробей. Молодому воробью плохо. Врач говорит так: процесс в правом легком

закончен; оно зарубцевалось и, если есть в нем немного мокроты, местами — жесткое дыхание, то это дело третьестепенное. Но туберкулез, как обычно, перешел в левое легкое и развивается тоже, как обычно, в более острой форме. Мокроты у меня много, температуры высокие, два раза шла кровь, второй раз отплевал я ее дней в десять, но с этого кровотечения из кровати уж не встаю — ослаб окончательно». (Твори М. Багдановіча. 1928. Т. 2. С. LV.) Ліст не захаваўся.

Паводле ўспамінаў С. Александровіча, Валянціна Анатолеўна Қацарэўская, якая працавала медыцынскай сястрой у санаторыі таварыства ўрачоў, расказвала: «Стукаюць аднойчы позна ноччу мне ў дзверы... Гэта прыйшла мая колішняя гаспадыня Цамко (я ў 1917 годзе кватаравала ў суседнім доме) і просіць, каб зайшла да яе новага жыхара, якому вельмі кепска... Заходзім. На другім паверсе ў невялічкім пакойчыку насупраць расчыненага балкона ляжаў на ложку хлопец з густымі каштанавымі валасамі. Ён хацеў нешта сказаць, але хлынула кроў з горла... Я дала яму выпіць раствор паваранай солі і паслала за лекамі. Сядзела я ля яго гадзіны дзве—тры, пакуль яму не стала лепш. Заходжу назаўтра: Багдановіч, седзячы ў ложку, нешта піша. Лісткі паперы на камодзе, на коўдры... Я дала яму лекаў, увяла камфару, сказала ляжаць спакойна і пакінуць пісаць... Тады ён мне пачаў тлумачыць, што часу ў яго засталася мала, а трэба многае напісаць...» (Александровіч С. Незабыйнымі сцежкамі. С. 113.)

Май, 25. Памірае ноччу ў поўнай адзіноце.

Паводле ўспамінаў С. Александровіча, В. А. Қацарэўская расказвала: «Праз дзень, ідучы на працу, заглянула я да Цамко. Тая сустрэла мяне з плачам. Я адразу здагадалася, што Багдановіч памёр. Гаспадыня расказала, што ніяк не знойдзе адрасу, каб паведаміць бацькам... Пайшлі мы ў пакой. На ложку ляжаў паэт, на твары роздум і спакой, нібы ён толькі на хвіліну прылёг адпачыць... Мы перегарнулі ўсе паперы, якіх было вельмі многа ў камодзе, пад падушка... То ўсё былі вершы, нейкія заметкі, выпіскі. Толькі пад талеркаю з трускалкамі, якія купіла па яго просьбе гаспадыня, ляжалі грошы... Пасля знайшлі канверт з адрасам бацькоў і паслалі туды тэлеграму...» (Александровіч С. Незабыйнымі сцежкамі. С. 113—114.)

Паводле ўспамінаў А. Я. Багдановіча, Марыя Цямко расказвала: «Выходил [Багдановіч] все время, слег за неделю до смерти, когда пошла кровь горлом. Кровь или текла струей или выкашливалась крупными сгустками. Была приглашена сестра милосердия, которая за ним ходила, видимо, только днем, ибо он умер совершенно один ночью. За несколько дней до смерти попросил купить ему земляники, как бы на прощание с матерью-природой и ее весенним даром. Попробовал — и больше ничего не ел. Похоронили его на ялтинском кладбище, что недалеко от Николаевской улицы по направлению к горам, на самой окраине кладбища внизу, в 3 саженях от окраины, близ

дороги, со стороны, противоположной к морю, т. е. со стороны гор. В головах поставлен небольшой белый крест с надписью на жестяной табличке его имени (студент Максим Адамович Богданович) и когда он скончался». (Богданович А. Е. *Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича*, л. 72.)

М. Багдановіч пасля адпявання ў саборы Аляксандра Неўскага быў пахаваны на Новых гарадскіх могілках. У 1924 г. беларускія паэты У. Дубоўка, А. Вольны (Ажгірэй), А. Александровіч адшукалі магілу паэта, і пазней на ёй быў устаноўлены помнік з надпісам: «Беларускі пісьменнік-паэта Максім Багдановіч. Нарадзіўся 27 лістапада 1891 г. у Менску. Памёр 12 мая 1917 г. у Ялце». А вышэй — чатыры радкі з верша паэта:

Хочь зернейкі засохшымі былі,
Усё ж такі жыццёвая іх сіла
Збудзілася і буйна ўскаласіла
Парой вясенняй збожжа на ральлі.

У 1927—1928 і ў 1968 гг. выдадзены Зборы твораў М. Багдановіча ў 2-х тамах, у 1991—1995 гг. — Поўны збор твораў у 3-х тамах. Музеі паэта адкрыты ў Мінску (разам з філіялам па зав. Рабкораўскаму, 19), Гродне, Яраслаўлі, у Мінску і Місхоры ўстаноўлены помнікі паэту, імя М. Багдановіча носяць вуліцы ў Мінску, Гродне, Віцебску, Гомелі, Брэсце, Магілёве, Ніжнім Ноўгарадзе, Яраслаўлі, Ялце і інш., мемарыяльныя дошкі ў гонар паэта ўстаноўлены ў Мінску, Гродне, Вяззі, Ракуцёўшчыне, Ніжнім Ноўгарадзе, Яраслаўлі, Ялце, імя М. Багдановіча нададзена школам і бібліятэкам у многіх гарадах Беларусі, паэту прысвечаны опера «Зорка Венера» (муз. Ю. Семянякі, лібрэта А. Бачылы) і поп-опера «Максім» (муз. І. Паліводы, лібрэта Л. Пранчака). У сувязі са 100-годдзем з дня нараджэння імя Багдановіча ўнесена ў календарны спіс ЮНЕСКА «Гадавіны выдатных асоб і падзей» на 1991 г.

ДАДАТАК

БІЛОРУСЬКЕ ВІДРОДЖЕННЯ

I

Пристаючи до характеристики й опису білоруського національного руху, вяснимо передовсім взаємини між ним і загальноєвропейським поступом. Основні риси сього останнього означили ся вже твердо та ясно, а саме: вони простують до все дальшого іроблення культур загалом і літератур зокрема. Щоб про се пересвідчити ся, досить короткого огляду ланцюга найвизначніших і найяскравіших подій з історії європейських культур.

Вертаючи від сучасного сорокатога й багатомовного літературного життя назад, у глиб, до часів середньовічя, опинюємо ся серед доби, коли єдиним визначним знаряддєм духової культури в області слова була латинська мова, і то яко міжнародня мова. Кожна нечужа розумовим інтересам людина, в якім куті західної Європи вона ні жила-б тоді, конче познайомлювала ся з нею, бо се знайомство було необхідною умовою всякої освіти. Майже все, що писало ся за тої доби, писало ся по латинськи. Плоди широчезної літератури, котра так повстала, зібрано й підраховано. Вони дуже знаменні. З них видко між иншим, що не зважаючи на свою виробленість, латинська мова показала ся придатною тільки для наукових праць; що-ж-до артистичної, мистецької творчости, тут протягом цілих століть не повстали жадні справжні вартости.

Одначе сі вартости зараз же почали витворювати ся, коли письменники (з Данте на чолі) звернули ся до народніх європейських мов, — італійської, французької, німецької, англійської, еспанської, — мов грубих, необроблених, але живих. Остаточні наслідки сього руху перед нами: єдина для всіх країн, спільна для всіх культурна література зникла, а її місце зайняли основні європейські літератури, області розповсюдження котрих і становлять границі кількох найвизначніших культур.

Та проте зазначений процес не тільки не спинився на сім, але, нестримно розвиваючись, розширяв і поглиблював своє річище та взоствав, так сказати, не в арифметичній, а в геометричній прогресії. Слідом за культурами великого розміру на історичне поле виступив цілий ряд менших: португальська, голяндська, румунська, чеська, ново-грецька, сербська, болгарська, флямандська, кельтська, фінська, естонська, литовська, лотиська, грузинська, вірменська, татарська й т. д. Сей рух, хвилі котрого доплили до наших часів, з кожним роком все взостває, міцніє й; поширюючи область свого впливу, захоплює навіть такі народности, як чуваші, череміси, ескімоси й т. ин.

Рівночасно з сим відбуваєть ся инший, такийже живий процес, а саме — процес дробленне культур. Одні ріжноскладові культурні комплекси просто розлізають ся по шві, прикладом чого служить відокремленне трьох скандинавських культур, що здавна злипли ся, але не злили ся в одну цілість. Від инших відхиляють ся дрібніші, близькі до них походженнем, але всеж неоднакові з ними національно-культурні одиниці. Особливо яскраво й наглядно проявляєть ся се в області словесної творчости. В Італії повстають артистичні твори на всіх її п'ятнадцятьох мовах, від французької літератури відломлюєть ся провансальська, від еспанської — катальонська, від чеської — словацька, від сербської — словинська, від польської — кашубська, від голяндської — фризська, від руської (великоруської)* відколола ся українська й нарешті білоруська**. Отже перед нами не чудатство, не рідкість, не виїмковість, а глибоко життєве явище з потоку європейського поступу. Пригляньмо ся-ж уважніше до його минувшини й сучасности.

Вибираючи та зводячи разом головніші, загально признані, а тому й безперечні історичні факти, переконаємо ся, що білоруська культура в жаднім випадку не є простим варіантом, якоюсь звичайною відмінною московської культури. Навпаки, в них ми маємо перед собою два самостійні культурні комплекси, що від самого початку зростали й

Погляд мильний. Українська та білоруська мова, як і інші славянські, вийшли з загальної праславянської групи. Р е д.

** Нагадаємо, що Білорусини суцільною масою заселяють цілу Могилівську губернію, Минскю (з виїмкою Мозирського повіту), північну частину Городненської, східну — Віленської, цілу Витебську (з виїмкою її горішнього кутка), північну частину Чернігівської (Мглинський, Суразький, Новозибківський і Стародубський повіти), як також сумежні з усім сим краєм частини Сувалкської, Ковенської та Смоленської губерній. Білоруського населення на сім просторі нараховуєть ся 8 мільонів.

розвивалися незалежно один від другого. Ріжнячи між собою і побутовими первоосновами і зверхніми впливами й обставинами і подіями пізнішого історичного життя, вони, розумієть ся, прийшли до далеко неоднакових кінцевих вислідів свого розвитку.

Річ у тім, що вже наприкінці XIII віку (по авторитетному свідоцтву проф. Карського) білоруська народність виступає сформована в своїх основних рисах, випереджуючи щодо того московську народність; таким способом остання не могла впливати на процес її витворення й формування. Відсутність економічних звязків між ними, географічні умови, котрими Білорусь відтинала ся від північно-східних земель, — усе се лишало ще менше місця для якогось взаємного впливу. Нарешті в сім самім XIII віці вони розійшли ся й щодо державної приналежності, що ще гострійше відокремило їх: ціла Білорусь опинила ся в межах Великого князівства Литовського, а східні області згрупували ся довкола Москви. Від того часу життя сих обох народів, а так само і їх історична доля надовго тратить усяку спільність.

Щодо московського народу — хід його розвитку загальновідомий. По асиміляції кількох фінських племен і присвоєнню їх, приміненім до обставин побутового укладу, отже, значить, по відхиленню від споконвічного славянства він до всього того пережив ще й добу татарщини й опинив ся майже зовсім відтятий від західної Європи.

Доля Білоруси склала ся инакше. У Великім князівстві Литовськім вона своєю культурою переважила в історії Литви та, здобувши в ній першенство, розвивала ся далі на своїм старославянськім корінню. «Писарь земски (себто державний канцлер) маєть по-руську (по-білоруськи) литерами и словы рускими вси выписы, листы и поэвы писати, а не иншимъ езикомъ и словы», — встановляло славетне речення тодішнього закону (статуту 1588 р.), а се значило, що державне життя Великого князівства Литовського мусіло проявляти ся в білоруських національних формах. На білоруській мові відбував ся суд, по білоруськи писано акти й грамоти, ведено зносини з чужими державами, вкінці білоруська мова була також шоденною для великого князя і його двораків. Але зміцненне й розвиток давніх культурних основ були лишень одним боком поступу білоруської народності. Може не менше значінне мало її зближенне до західної Європи, з котрою вона з давніх давен була в живих зносинах, як завдяки географічним, так і економічним звязкам. Се зближенне треба тим більше зазначити, що саме від тої доби у витворенню білоруської культури бере участь не тільки сіра сільська маса, але й торгове місто європейського типу, — місто, зорганізоване на основах магдебурзького права. Воно зробило білоруську культуру барвистою, ріжносторонньою, ввело її в потік західно-європейського життя і стало таким чином передовим заборолом західної Європи на Сході.

Тому не диво, що в добі відродження загальний духовий підєм Заходу відбив ся й на Білоруси. Життя тут заклекотіло; відогравала ся,

чудово переплітаючи ся, палка релігійна, національна й класова боротьба; організовано брацтва, пізніші заборона білоруської народности; засновувано друкарні; закладано школи з несподівано широкою для того часу програмою (в деяких учено п'ятьох мов); повставали вищі заклади (правнича школа імени св. Івана, Полоцька академія з правами університету й т. д.). Се все дало широкий розгін друкованим книжкам, який шойно встиг зробити на Білоруси кілька перших кроків. Підвалини під нього положив один з кращих представників нечисленної ще тоді білоруської інтелігенції, доктор медицини й бакалавр «семи свобідних наук», Франциск Скорина, родом з славетного міста Полоцька. Ще в 1517—19 рр. видав Скорина в чеській Празі «бівлію зуполную» в перекладі на білоруську мову, а потім від 1525 р. почав «видавати» свої «биття» книги в самій Вільні. Він, правда, не знайшов своїх безпосередніх наслідувачів, але коли 40—50 літ пізніше на Білоруси почав ся шойно описаний могутній рух, друкована білоруська книга сповнила в нім свою ролю. В ріжних кутках Білоруси почали працювати друкарські варстати, доставляючи церковних, полемічних, апольогічних, наукових і шкільних книг*. Важним доповненням «друкованої літератури» була письменна література, склад котрої був ще ріжноманітнішим. На окрему згадку заслуговують деякі артистичні твори, як, напр., прегарна повість про Тристана й Ізолду, відіне Тундала, переказ про Трою, довге химерне оповідання про Олександра Македонського — Олександра й т. ин. Одночасно з сим ішла творча праця і в інших галузях духового життя: зазначимо хочби полоцькі стінні малюнки Сальватора Рози. Усе се разом підносило Білорусь на одно з передніх місць серед культурного славянства, ставлячи її далеко перед Московщиною, — тодішнім славянським глухим кутом, що подібно до галапасної рослини годувала ся духовими соками Білоруси.

Однак слідом за описаним «золотим віком» історії білоруської культури почала ся доба занепаду. Граничним стовпом між ними є дата скасування в державнім життю Великого князівства Литовського уживання білоруської мови й заміни сеї останньої на польську**. Під ту пору, себто з кінцем XVI ст. завмиранне білоруського національного життя зазначило ся зовсім помітно. Литовсько-руська держава, зв'язана в 1569 р. унією з Польщею, встигла стратити велику частину своєї самостійности. Вища й середня верства білоруської шляхти дуже швидко винародовила ся. Те-ж саме, хоча й повільніше та не в таких гострих формах, відбувало ся й серед дрібної шляхти й міщанства. Позбавлений економічно й культурно сильних клас, пригноблений кріпацтвом, біло-

* Зазначимо серед них Статут Великого князівства Литовського, виданий в 1588 р., найцінніший пам'ятник національного білоруського права, яке повстало на підставі правних основ, заложених ще в київську добу «руської» історії.

** Се закріплено законом 1696 р.

руський народ не тільки не міг даліше розвивати своєї культури, але не мав змоги навіть просто зберігти й попередніх здобутків. Лише основні, первісні елементи культури (себто мову, звичаї й т. ін.) заховав він у собі, а все інше, що було, так сказати, «сметанкою», вершками його попереднього розвитку, втягла в себе польська культура й — від тої доби воно виступає під польською одією, будучи в своїй істоті білоруським.

Одною з найсильніших прояв значаючого зубожіння білоруської культури треба безперечно уважати повний зник друкованої книжки на білоруській мові. Та проте, не будучи вже основою культурного будівництва на Литовській Русі, ця мова все ще всюди панувала в домашнім побуті багатьох верств населення, що хилили ся до Польщі. Сим і пояснюєть ся широкий розвиток рукописної білоруської літератури на цілім протязі XVII, XVIII, а почасті й XIX століть. Її напруж і зміст головню чисто-практичний (лічебники й т. ін.), хоча не рідкі й виїмки. Дещо піддёржувало білоруську культуру уніятське духовенство, бо унія поширила ся майже виключно поміж простим народом і становила собою в краю неначе національну білоруську церкву. Починаючи від кінця XVIII ст., уніятське духовенство виголошувало свої проповіді, видавало релігійні пісні* й т. ін. на білоруській мові. Останньою проявою сеї діяльності його був виданий в 1837 р. білоруський катехизм; два роки пізнійше відбуло ся «возсоєдиненіє», злученнє уніятів, катехизм спалено, проповідь на білоруській мові заборонено.

Ще більше значіннє для тодішньої білоруської словесности мають гумористичні твори. Вже в XVII в. можна зазначити дотепний сатиричний лист на політичні й побутові теми, написаний ніби-то відомим ретором Мелешкою й поширений в багатьох відписах по цілій Білорусі. З тогож часу походить цілий ряд білоруських комедій, писаних професорами риторики або й самими учнями місцевих колегій. З них можна назвати напр. автора комедії «Doctor przymuszony» (1787 р.) ксьондза Цецерского, його сучасника, проф. риторики й поезії в Забильській гімназії К. Морашевского й инш. Жива білоруська мова се звичайна прикмета сього роду творів. Нарешті в половині XVII-го віку зявила ся віршована сатира на протестантського пастора, написана й видана єзуїтом. По білоруськи в ній говорить (і добре говорить) селянин Seńko Nałewajko, пробуючи визнати ся в переповненій грецькими цитатами проповіді пастора. Ся сатира** була чи не першими*** білоруськими

* З них відомі збірничок «Kantyczka», вид. 1774 р., й поодинокі віршовані невеличкі річи «Radujsia, Boży narodzie», «Nowa radość stała», «Caru Chryście miły», «Kaźuć ludzi» й инші, вид. 1771, 1778 і 1792 pp.

** «Witanie na Pierwszy Wiazd z Krolewca do Kadlubka Saskiego Wilenskiego Ixa Herr. N. Lutermachra» вид. у Вільні 1642 р.

*** Кілька рядків з Біблії Скорини, подібних до віршів, я не беру в рахубу.

віршами. Вона послужила початком цілого ряду гумористичних віршованих дрібниць, звичайно низької вартості, з змаганням до того ж деколи посміятися не тільки на белоруській мові, але й з білоруської мови,— добре мірило культурності місцевого панства. Для взірця вкажемо на паскудне й написане поганою мовою наслідування «Енеїди» Котлярєвського, що вийшло зпід пера смоленського дідача Ровинського (жив на переломі XVIII й XIX століть, писав також і по московськи). Нарешті перед останніми роками зазначеної доби помічається навіть радикально-демократичну течію. Про її існування свідчать, напр., трагічні вірші селянського хлопчика зпід Крошина, дуже гостра „Hutorka Nobilja z Rustikusom, abo szlachcica z chlорom“, що переховують ся в (приватнім) білоруським віленським музею і т. ин. зявища. Та проте їх треба уважати вістунами нової доби, як в історії краю загалом, так і білоруської літератури зокрема.

II

Як відомо, злучення з Росією зпочатку не викликало жадних змін у життю білоруського краю. Нівелювання його, підстригання й підгін під загальноросійську мірку помітно й ясно почали ся тільки з сороковими роками, коли скасовано Литовський Статут, знищено унію, а разом з тим заборонено й проповідь по білоруськи, заборонено (потайки) друк білоруських книжок, поконфісковано вже надруковані й т. ин. Деяку граничну межу в історії білоруського народу проводять сі останні події, а не самий факт розширення географічної карти Росії. Саме ними починає ся в життю Білоруси новий розділ, завдяки чому й ми починаємо нову частину сеї статі. Варто уваги, що й власне обличчя краю до тої доби почало значно змінити ся. Повстав віленський університет, зявила ся преса, помітно побільшив ся попит на книжку, почала втворювати ся інтелігенція. До умового життя все глибше й глибше входили демократичні ідеї,— відгук французької революції й польських повстань. Видко сі ідеї і в згаданих взірцях радикальної літератури і в промові з закликом до визволення кріпаків, виголошеній віленським предводителем дворянства Завишею на соймику 1818 р., і в скасуванні «пригону» в Хрептовича, Бжостовського й инш. Ся уважність до народу відбила ся, розуміється, й на літературі, де знайшла до тогож деяку підпору в поширенім тоді романтизмі, котрий так високо цинив народні казки, пісні й легенди. Почали друкувати білоруські етнографічні матеріяли (Чечот і инші); на ґрунті місцевого «патріотизму» повстала окрема «краєва» література, переважно польська*. Недосяжним взірцем для сих творів був «Пан Тадеуш» Міцкевича, що вийшов далеко поза межі місцевого значіння. Предметом «краєвої»

* З московської літератури можна зазначити твори Фадея Булгаріна, родом з Витебщини, й инш.

літератури служило представлення Білоруси, білоруської природи, білоруського селянства й дрібної шляхти, їх щоденного життя та звичаїв. При описуванні всього того нерідко появлялися й взірці білоруської народної творчості, можна було стрінути й живу білоруську мову. Діячі сього літературного напрямку розуміють ся, писали дещо просто по-білоруськи й пробували деколи пустити в друк, обходячи цензурні заборони, сю чи иншу білоруську рукопись, що вже й перед-тим ходила з рук до рук.

Кілька таких спроб можна знайти в першій половині 40-х років. «Маякъ», «Съверная Пчела», альманах «Rocznik Literacki» (вид. в Петербурзі групою осіб з білоруськими симпатіями), виданий за кордоном нарис Рипінського* «Bielarus», книга Барщевського «Schlachcic Zawalnia» й инші так чи инакше** помістили кілька білоруських віршів, та проте зовсім незначних. Їх частина належить видатному «краєвому» письменникови того часу, згаданому вже Барщевському.

Цінніший вклад у білоруську літературу вніс Ян Чечот. Близький приятель Міцкевича, він замолоду разом з ним брав участь у знанім тайнім товаристві «фільоматів»; 1823 р. вислано його до Оренбурга, де прожив 10 років, а потім він повернув на Білорусь і до самої смерті був бібліотекарем у шорсовській бібліотеці графів Хрептовичів. Щирий демократ, що гаряче любив білоруський народ, він збирав і видавав плоди народної творчості, писав по білоруськи брошури дидактичного змісту (однаке їх не друковано), а в збірнику «Piosnki wieśniacze» 1844 р. умістив три десятки своїх білоруських віршів, наслідувань народних пісень. Стиль видержаний Чечотом так удатно, що ріжні етнографи не раз передруковували ці речі яко чисто-народні.

Усі ці спроби надрукувати крадькома кілька білоруських дрібничок закінчили ся виданням в 1846 р. пєси В. Дуніна-Марцінкевича «Sielanka», написаної почасти по польськи, почасти по білоруськи (для цензури названої польською). Слідом за сим невсипущість цензури вросла і в історії білоруського друкованого слова настала десятилітня прогалина. Але рукописна література, розумієть ся розвивала ся далі, хоча її обличчє значно змінило ся. Вже відумерла та її частина, що служила для щоденного практичного життя сільської шляхти й міщанства. На перший плян висунули ся віршовані, дуже часто гумористичні твори. Їх недолужність пояснюєть ся безцільністю їх існування: безграмотний народ не міг знати сих творів, для інтелігенції-ж вони були не духовим хлібом, а лише простим додатком до польської чи до московської літератури. Підчеркуємо се, бо подібний стан річей тривав до самого останнього часу й полишив глибокий слід у цілій минувшині білорусь-

* Сейже Рипінський склав дидактичну поемку «Niaczyścik», котру три рази видано за кордоном. Нехитра щодо замислу, вона написана незлою білоруською мовою.

** Напр., під видом народних і т. п.

кої літератури; її лихо ховало ся в тім, що в неї не було ні читачів, ні письменників, а були лише «любителі білоруської словесности». Та проте, не зважаючи на всі перешкоди, з'являлися всеж досить цікаві білоруські твори. Зазначимо з рукописей 40-х років дотепну жартовливу поему «Тарась на Парнасе», що містила в собі між іншим кпини з Греча й Булгаріна. Написана жваво, доброю білоруською мовою й бездоганим віршем, вона придбала собі з часом широку популярність і її видавано кільканадцять разів. Ще більше цікавого знаходимо ми на переломі 60-х рр. під час доби «великих реформ». За 10 років життя на Білорусі дуже розвинуло ся, здемократизувало ся, що не могло не відбитися на білоруській літературі. Ся остання росла, розвивала ся, а доба громадянсько-суспільного піднесення була порою піднесення і для неї. Як тільки почали ся полекші, спричинені невдачами кримської війни, вона зараз же виступила наперед зі згаданим вже М. Марцінкевичем на чолі.

Родив ся Марцінкевич 1808 р. в родині дрібного орандаря. Дитячі роки провів у ріднім краю, в Бобруйськiм повіті, Минської губ. Потім, скінчивши середню школу в Бобруйську, деякий час учив ся у Віленській василіянській колегії й Петербурзькiм університеті. По виході з останнього довго служив по різних минських канцеляріях, доки в 1858 р. не покинув служби й не осів у купленім ще передтим маентку Люцинці (під Минськом), де й вмер 1885 р.

До першого твору Марцінкевича, до пєси «Sielanka», славетний Моноушко написав музику, а в 1852, 1853 і 1855 рр. сю пєсу з великим успіхом виставляли в Минську, що знову промостило білоруській мові шлях з села до міста. Слідом за сим виходить з друку цілий ряд білоруських поєм Марцінкевича*, що перериваєть ся 1859 р., бо цензурний нагляд став тоді вже гострійшим і переложені Марцінкевичем перші дві пісні «Пана Тадеуша» сконфісковано по виході з друкарні. Відтоді він уже нічога не друкував, хоча й писав ще далі: нам відомі його вірш «Весна, голод, перэпала» й чотири комедії.

Будучи важким і тяжким письменником, звертаючи свою увагу виключно на епос, Марцінкевич писав негарним і негладким віршем, скрізь відхиляючи ся від вимог білоруської ритміки (вплив польських взірців). Можна навіть сумнівати ся, чи був він загалом поетом. Знаменно, напр., що велику частину свого життя він провів на селі, але зовсім не відчував природи й не лишив ніодної її картинки, хоча й опишував виключно сільський побут. Та проте йому не можна відмовити знаття білоруського села й деякого хисту представлення, а иноді й жвавости в писанню. Найповніше виявили ся ці прикмети в першій

* «Нароп» (1855 р.), «Wieczernice» (1855 р.), «Kupala» (1856 р. в книзі «Ciekawijś? — przeczytaj!»), «Ścerouskije dažynki» й Wiersz Nauma Pryhaworki» (1857 р. в книзі «Dudarz białoruski», «Pan Tadeusz» (1859 р.), дві перші пісні. Тепер усе знову видано.

пісні поеми «Нароп», котра й досі не втратила деякої цікавості. Одначе заслуги Марцінкевича для білоруської літератури лежать не в області артистичних вартостей, а в області чисто-історичній. Вони лежать у тім демократизмі, який повівав з сентиментально-народницьких поем Марцінкевича, в тій гуманізаторській тенденції, котра виразно пробиваєть ся з їх кожного рядка й була в свій час зовсім незаймою. Зазначимо нарешті, що, багато пишучи й багато друкуючи, він викликав довкола своїх творів балачки й полеміку, нагадував про існування білоруської мови й початків білоруської літератури, порушував питання можности їх дальшого розвитку. Тому не диво, що він став осередком білоруського письменницького кружка, який складав ся з осіб з далеко видатнішим талантом і хистом.

З них передовсім треба згадати дуже талановитого «краєвого» поета Володимира Сирокомлю (Кондратовича), дуже популярного і в Росії. Хоч відомий виключно з своїх польських творів, одначе він писав багато і по білоруськи*, але не міг задокументувати в друку сього останнього боку своєї творчости (з виімкою революційного вірша «Заходзіць сонцэ»). Всі його білоруські рукописи й дотепер чекають на свого видавця. Киркор зазначав, що пісні Сирокомлі співаєть ся тепер на Білоруси рядом з народніми. Чимало білоруських віршів лишив і талановитий наступник Сирокомлі, польський поет Вінцук Коротинський, одначе й з них надруковано тільки один. Ще більше писав по білоруськи Артем Верига-Даревский, ніде не друкуючи своїх річей. З його видатніших творів знані переклад «Конрада Валенрода» Міцкевича, поема «Братом Літвіном», гумористичні повісті «Поворот Михалка», «Быхоў», «Гуторка з плендроўкі на зямлі Латышской» і т. д. Сучасники цінили їх дуже високо. Зазначимо далі, що згаданий вже нами відомий місцевий вчений А. Киркор писав популярні білоруські брошурки для народу, але не мав змоги їх надрукувати. Так само майже не друкували, хоча й писали на білоруській мові, поети Ялеги Франціш Вуль, Н. Короткевич, Юліан Лясковский, Якуб Т-ки, Юліан Мрочек і багато інших. Не вдаючи ся в подрібну оцінку їх творчости, всеж піднесемо, що від часів сорокових років білоруське письменство багато пішло наперед. Його круговид безперечно розширив ся. Життє білоруського села, скромні сільські краєвиди, прості людські почуття й переживання, немудрий жарт,— усе се знайшло собі місце на його сторінках. Звичайними також стали демократичні й національно-білоруські тенденції, що досягали іноді особливої яскравості й гостроти. Нарешті відбула еволюцію, розвинула ся сама форма творів, хоча відсутність у білоруських письменників вартісних взірців давала себе дуже в знаки.

Користали під сью добу з білоруської мови й для чистопрактичних цілей. В 1862 р. у Варшаві видано «Elementarz dla dobrych dzieci katolików», що став підручником для приватних сільських шкіл. Зявили ся

* Напр., лібретто для опери знаного музики Лопатинського й інше.

й білоруські видання, що походили з правительственных кругів*. Польські повстанці 1863 р. з свого боку випустили ряд видань на білоруській мові; напр., «Мужыцкая праўда», «Гуторка старога дзеда», «Перэдсьмертны разгаворь пустэльніка Петра» й т. д. К. Калиновський видавав у Білостоці навіть білоруську (віршовану) газетку «Нуторка», підписуючи ся псевдонімом «Ясько, гаспадар спад Вільні». Тоді то повстало зацікавленнє Білорусами й серед московського громадянства. «Ми винні перед вами... Ми, російське громадянство, ніби-то забули про існуваннє Білоруси», — писав славянофільський «День» і плянував виданнє газети на білоруській мові. Одначе газета не зявила ся, а правительство офіціально заборонило білоруські театральні представлення й білоруські книжки, з виімкою етнографічних. Наслідком того білоруську літературу знову придушено, знову засуджено на животіннє в рукописах. І такий стан тривав цілих 15 років**.

За сей час Білорусь відбула велику еволюцію. В ній зявило ся нове поколіннє інтелігенції, що виростало під знаком народництва, знайомило ся з соціалізмом і іноді знову проявляло початки білоруської національної самосвідомости. Сильно розвинула ся білоруська етнографія. Зявив ся ряд збірників народньої творчости, упорядкованих Гільфердінгом, Дмитрієвим, Безсоновим, Шейном, Дембовецким, Романовим і т. д. Видано білоруський словарь Ів. Носовича, що містив у собі 30 тисяч слів. Зростало й білоруське рукописне красне письменство; багато попередніх письменників працювало далі, до них пристав ряд нових, напр., «Хвэлька изъ Рукшэницъ» (Фелікс Топчевський), витебчанин, з численних віршів котрого кращими уважають ся «Господыня», «Саўсім не тое, што было», «Вечеринка» й т. д.; Ольгерд Обухович, що жив у Слуцьку й лишив крім багатьох власних віршів переклади з Міцкевича, Сирокомлі, Лермонтова; Апанас Кисель, Могилівець, що писав прозою й віршом; Ян Шемет-Полочанський; Єгалковський й інші; в соціалістичнім дусі писав (в початку 90-х років) Адам Гуринович.

З кінцем 80 рр. білоруські твори стали знову появляти ся на сторінках місцевих газет і «Календаря Сьверо-Западнаго Края», а навіть окремими книжками. Передруковано, напр., «Гапона» Марцінкевича; вийшов ряд накладів «Тараса на Парнасе» й т. д. З друко-

* Разказы на бълорусскомъ нарѣчїи (1863 р.), вид, віленської наукової округи. «Бясьда старога вольника зъ новыми пра ихнае дзъло», Могилів, 1861 р., видано на розпорядок губернатора. Книжка розяснює скасуваннє кріпацтва. На сюж тему написані два величезні вірші Блуса в «Могил. Губ. Вѣдомостяхъ», 1861 р.

** Протягом їх зявили ся в друку лише книжечки «Про багатство да бѣдносьць» (Женева, 1881, переклад з української мови), «Pan Tadeusz», переклад А. І. ч. I, 1882 р. та декілька білоруських нарисів-сценок Гр. Кулжинського (в 70-х роках).

ваних за той час нових творів зазначимо жартовливу поему Шункевича «Сьцяпань й Тацяна», особливо-ж вірші Янки Лучни (Ів. Неслуховського). Нечисленні, але старанно оброблені, вони вибивають ся своєю літературністю й безперечною талановитістю. Їх теми ріжно-родні, у змісті проглядають народницькі й національні тенденції. Сі тенденції могли вже знайти собі відгук серед місцевої інтелігенції, особливо-ж серед народницьких кружків, білоруських студентських земляцтв і т. п. Одно з сих земляцтв (московське) переклало й видало в 1891 р. оповідання Гаршіна «Сигналь». Коло тогож часу група білорусинів-соціалістів почала видавати нелегальну газету «Гомон». Тогож самого 1891 р. в Галичині вийшла книжка віршів Мацея Бурачка «Дудка белоруская», а в 1894 р. в Познані збірничок Симона Реуки «Смык белорускі». Обидві річи належали перу цікавого білоруського діяча Францішка Богушевича.

Родив ся він в 1840 р., вчив ся в петербурзькім університеті, був народнім учителем на Білоруси. Приймав участь у повстанню 1863 р. й був ранений. Потім скінчив юридичний факультет у Ніжині, займав ся судівничою діяльністю в різних місцях Росії, а під кінець свого життя — у Вільні. Вмер Богушевич 1898 р. Його твори, просякнуті національним і демократичним духом, не мигтять красою оброблення й закінчености, але зате визначають ся великою силою вислову. Його вірш простий і строгий; зрідка ся суворість переміняєть ся на гумор. В передмовах до своїх книжок Богушевич чи не перший виступив проповідником усестороннього національного відродження Білорусів, доказуючи, що вони є окремим самостійним народом.

В тихже дев'яност років виступив з рядом зрусифікованих білоруських оповідань непомітний таланту А. Пщелко*, а слідом за ним М. Косич (перекл. байок Крилова, оповідання «На пиресялення» й т. п.). Одночасно з ним надрукував ряд популярних брошур А. Сельський. Були й ще деякі інші видання. Так білоруська література вступила в ХХ століття.

До того часу в краю з'явив ся цілий ряд національних і політичних течій і організацій. Почали повставати подібні-ж і білоруські кружки. Один з них відіграв велику роль в білоруськім відродженню тим, що породив помірковане «Товариство білоруської народньої освіти» й «Білоруський Революційний Союз», założenі в 1902—3 рр. Перше проявило себе виданням журнальців-одноденників «Калядная чытанка» й «Великодная чытанка». З інших проявів «культурницької» діяльності зазначимо видання збірничка віршів Я. Лучни «Вязанка» (для цензури названого б о л г а р с ь к и м); видання у Кра-

* Зібрано в книжках «Очерки и рассказы изъ жизни бѣлорусской деревни», 1906 р. й «Очерки и рассказы изъ жизни Бѣлоруссии», 1910 р., 2 вид.

кові кількох перекладних брошурок Конопніцкої, Ожешкової, Сенкевича («Wiedzma», «Janka muzykant» і т. д.); уладженне в Мінську, Петровщині й Карлсбергу театральних представлень (під прапором українських) і т. п. Одночасно «Білоруський Революційний Союз», незабаром перехрещений в «Білоруську Соціалістичну Громаду», видав за допомогою «Польської Соціалістичної Партії» ряд брошур і відозв, напр.: «Хто праўдзівы прыяцель бедного народу», «Гуторка об тым, куды мужыцкіе грошы ідуць», «Песни» й пр. В такім стані білоруська література опинялася на порозі подій, які почали історію всіх народів Росії від нового відступу.

III

1905 р. евіхою, яка зазначає точку перелому в історії білоруського відродження. Зв'язані з сим роком події викликали в народніх масах змаганне визнати ся в окружаючім життю й утворили горячковий попит на ідеологічні вартости. Писати для сього масового читача треба було передовсім просто та зрозуміло; отже сама собою повставала думка звернути ся до білоруської мови. З'явили ся видання «Білоруської Соціалістичної Громади», друкували ся по білоруськи поклики й деяких инших партій*, появила ся й белетристика з яскравим політичним забарвленнем. З сеї останньої зазначимо збірнички віршів «Скрыпка белоруская» й «Хрест на свободу». З агітаційних брошур «Білор. Соц. Громади» можна назвати: «Чы будзе для усих землі», «Што такое свобода», «Як зрабиць, каб людзям стало добрэ на сьвечи», «Як мужыку палепшыць свое жыццье» й т. п. Нарешті наприкінці 1906 р. у Вільні з'явила ся перша легальна білоруська газета «Наша Доля» яскраво радикальні закраски. На сьомім числі її закрито. Одначе тоді почав у Вільні виходити вже новий тижневик «Наша Нива», що держав ся поміркованійшого напрямку й зосередив на собі всі білоруські національні сподівання. Ще передтим група Білорусинів, що проживали в Петербурзі, заложила видавниче товариство «Загляне сонцэ і ў наше ваконцэ» та заходила ся коло видавання підручників, творів деяких нових, а також і старих білоруських письменників (Бурачка, Марцінкевича, Купали) й т. п. Ся культурна діяльність, як петербурзьких, так і віленських Білорусинів знайшла собі спочутливий відгомін і підпору. Хвиля громадянського оживлення тоді завергла й Росія вступила до памятної ще всім пасмуги реакції. Тоді «Наша Нива» вела невтомну просвітну працю. Ставлячи своєю метою всестороннє відродженне білоруської народньої культури й певно

* З нереволюційних видань наведемо брошури «Аб чим у нас цяпер гаманяць», Борисів, 1906 р., 2 вид. й «Нутарка ав том, якака маја быў Ziemia i Wola», 1906 р., віршоване оповіданне п. А. У.

займаючи ясне демократичне становище, вона промостила собі шлях до найглухших закутків Білоруси, до найтемніших верств населення. Для багатьох тисяч людей вона була першою прочитаною ними газетою, першим джерелом виложеного простою та ясною мовою знання без каззонної печатки. До білоруського селянина, що призвичаївся до думки, ніби він — хам, а його мова — хамська, «Наша Ніва» звернула ся в друку на сій «мові», викликаючи в нім тим самим пошану й до своєї мови й до себе самого, пробуджуючи в нім почуття самоповаги. В змученім національною боротьбою білоруським краю «Наша Ніва» невпинно нагадувала про потребу поважати права кожного народу, цінити всяку культуру та, зміцнюючи свої національні основи, широко користати з придбань, як польської, так і московської й української культур. Се, а також і багато іншого, треба завжди мати на увазі, оцінюючи значінне скромного білоруського тижневничка, розміром в один аркуш друку.

Ось уже дев'ятий рік працює «Наша Ніва» в сім напрямі. Вона не раз підпадала конфіскатам, редактор її відсиджував у в'язниці, читачи її забороняло ся військовим, духовенству, народнім учителям, учням духовних семинарій і ще цілому рядови людей. Піддержувана правительством російська преса цькувала її, твердячи, що вона видаєть ся за польську гроші для ослаблення в краю московського становища й для приготовлення ґрунту до спольшення його. Органи шовіністичного польського націоналізму своєю чергою бачуть у ній утворений за каззонні гроші тонкий засіб до змосковщення Білорусинів-католиків. Але все те не зломило енергії й сил видавців «Нашої Ниви» та не змогло здержати й спинити розвитку білоруського руху. А тепер «Наша Ніва» поширюєть ся поміж селянством, як не ширить ся ніодин орган в цілім краю. З усіх боків надходять до неї писані невмілою рукою селянина-Білорусина дописи, вірші, оповідання і статі. Її сільсько-господарський відділ, постійно поширюючи ся, викликав народженне спеціального місячника «Саха» (Минськ, третій рік видання). Для Білорусинів-католиків видаєть ся у Вільні латинкою тижневник «Віегагус»*, для білоруської молодіжи — в Минську місячник «Лучынка», для інтелігентних читачів — у Петербурзі літературно-публіцистичні збірники «Маладая Беларусь»**. Вже пять років, як виходить «Беларускі календар «Нашае Ниви» (в 10 000 примірни-

* Його клерикальний напрям є якимсь дисонансом серед білоруського друку. Та проте «Віегагус-ови» не чужі ні національні, ні демократичні тенденції сього друку, хоча й виступають у нього в поміркованійшій формі.

** В 1914 р. почав виходити орган білоруського студентства «Раніца». Появили ся однодневники: в 1912 р. у Вільні «Крапіва» (гумористичний), а на прикінці 1914 р. тамже однодневник для помочи жертвам війни.

ків»); він одержав на сільсько-господарських виставах ряд медалів і похвальних відзивів, а з боку преси, навіть чорносотенної, найвище признание й оцінку. Нарешті на жидівській мові виходить у Вільні журнал «Литва», спеціально присвячений литовському й білоруському відродженню. Заложено цілий ряд видавництв («Загляне сонцэ і ў нашэ ваконцэ», «Наша Хата», «Полачанін», Беларускае выдавецкае таварыства» й т. д.); вони випустили вже чимало книжок, число примірників котрих сягає понад чверть мільона.

Одначе літературними продуктами білоруський рух, розумієть ся, не вичерпуєть ся. Треба зазначити, напр., утворенне у Вільні білоруського музикально-драматичного кружка, котрий зайняв ся розвитком білоруського театру, пісні, музики, танцю. Не обмежуючи ся виступами у Вільні, труп кружка з великим успіхом обіздила цілу Білорусь, побувала чи не в кождім хоч трохи більшим міським або сільським осередку. Не рідкі й самостійно зорганізовані театральні представлення на місцях; вони стають все частійшими. Згадаємо нарешті про заснованне наукових кружків для досліду Білоруси (Петербург, Ново-Олександрія), про збиранне білоруського національного музею, про заложенне власних книгарень, про підготовчу працю до сотворення білоруських (неофіціальних) шкіл і багато иншого. Завдяки всьому тому білоруська мова починає просякати до щоденного життя культурного громадянства; з неї, напр., користають при торговельно зносинах, при уладженню вистав, для костельної проповіді й т. п. Але головне значінне всього описаного не в сім. Воно в народженню білоруської народньої інтелігенції, покликаної до життя подіями 1905 р. та сформованої під впливом невпинних змагань білоруських видань дати їй спромого стати на власні ноги. Тепер вона виросла нарешті й зміцніла. Селянин з окремим духовим типом, робітник, иноді народній вчитель, — ось хто належить до її складу. Все се люде праці, а не слова, люде, які творять невіддільну частину народу й не перетяли ще пуповини між ним і собою. З другого боку се люде, для яких одна лише мова дорога, близька та зрозуміла — мова білоруська. Се люде, які не чинять над собою насильства, не стісняють праці своєї думки, звертаючи ся до неї, а навпаки ступають тим самим на втопану стежку, на наїзджену колію. Опираючи ся на сій інтелігенції, білоруський рух починає почувати під собою міцний ґрунт. Бо вона саме й є основним ядром читачів білоруських видань, вона-ж несе на своїх плечах більшу частину й самої письменницької праці. Щоб уявити собі, який масовий характер має ся участь народньої інтелігенції в літературі, досить довідати ся, що одна тільки «Наша Нива» в 1910 р. помістила 666 дописей з 320 місцевостей, 69 оповідань 30 ріжних авторів, 112 віршів 24-х поетів і ряд публіцистичних статей, що належали перу 32-х осіб, не вчисляючи сил самої редакції. Пригляньмо ся-ж ближше до найвидатніших представників сеї літератури, цікавої не тільки тим, що вона йде до народу, але й тим що й походить від народу.

Досі в білоруській літературі, як її постійно буває з початку відродження народів, головну роль все ще грає поезія. Тут передовсім звертає на себе увагу постава Янки Купали, письменника з великими вартостями, хоча в деякій мірі й одностороннього характеру. Спершу робітник на горальні, Купала зразу-ж вибиваєть ся своєю першою книжкою віршів («Жалейка» 1908 р.) і від того часу все приковує до себе увагу білоруського читача. Правда, необроблені, хаотичні вірші «Жалейки» роблять вражіннє скорше своїми темами завжди яскраво громадянського напрямку ніж досить слабими артистичними якостями. Одначе вже деякі місця в сій книзі змушували бачити в Купалі талановитого поета, що лише не вміє, як треба, використати свого неабиякого таланту. «Адвечная песня» — лірична драма, що вийшла в 1910 р., — ще ясніше вказувала на талант Купали. Будучи в безперечнім ідейнім звязку з віршами «Жалейки», вона без сумніву артистичніша від них і лишає завдяки своєї суцільности й видержаности глибший слід у душі читача. Виданий в сім самім 1910 р. збірник віршів «Huslar» показав ще до того, що кебета Купали здатна до розвитку, поширення круга своїх тем, удосконалення засобів своєї творчости. Одначе в повній мірі се виявило ся тільки в останній, найкращій досі книзі на шляху безупинного розвитку білоруського поета, а саме в збірнику «Шляхам жицьця» (1913 р.). Крім того перу Купали належить драма з сільського життя «Паўлінка», написана доброю прозою, й лірична драма «Сон на кургане»; видані вони розмірно недавно.

Надзвичайна ритмічність — ось головна, всепокорююча прикмета Купали. Його буйні, рвучкі ритми захоплюють, гіпнотизують читача, не дають йому задержати ся, опам'ятувати ся, підчиняють його своїй власті. В них причина й усіх вартісних, як також і відемних прикмет його віршів; багатство ритмів, яскравих і повнозвучних, що звенять не тільки на кінці, але й посеред рядків; дивно звучний добір слів, сила висловів, — усе те характеристичне для поезії Купали. Але характеристична для неї й відсутність точности епітетів, ясности речень, строгої форми самих віршів щодо їх цілости, бо все се приносить ся в жертву звучности й ритмичности. Лише в останніх роках творчости Купали сі відемні сторони стали шезати і в його особі почав виступати не тільки «поет з Божої ласки», але й вмільий майстер своєї роботи, який свідомо поширює круг своїх тем, форм і стилів, по мистецьки працює над загальною будовою твору, конструкцією строфи, комбінаціями ритмів і т. п.

Безперечним талантом володіє і Якуб Колос, бувший народній вчитель, котрий почав друкувати по білоруськи ще в 1906 р. Книжка його віршів «Песні жальби» вийшла в 1910 р., а пізніші твори

розкидані на сторінках різних білоруських видань. Багатьома сторонами своєї творчості він нагадує Никитина. Се простий, спокійний і завжди рівний собі письменник. У нього нема нічого особливо сильного, яскравого, несподіваного, але нема й слабого, недолюбного й нікчемного. Його вірш не мигтить великими вартостями, але завжди старанно продуманий і вміло оброблений. Селянське життя з його тягарями, сільські краєвиди, національно-громадянські мотиви, самота в'язня*, — сим і обмежуєть ся увесь кругозір його скромної поезії. Але в ній стількі любови до рідного краю, стількі широкого, тихого ліризму, що стає вповні зрозумілою популярність Колоса серед білоруських читачів.

В оглядах білоруської літератури до імен сих двох поетів додають звичайно й моє. Частина моїх віршів склала з себе виданий в 1913 р. збірник «Вянок». Розумієть ся, з мого боку тут може мати місце лише характеристика, а не оцінка їх. Отже зазначу, що моя творчість прямувала головним чином до розширення круга тем і форм білоруської поезії.

З інших білоруських поетів починає вироблять ся в самостійну поставу Алесь Гарун (селянин, столяр), який знайшов свої окремі ритми й час від часу тішать нас прегарною оригінальністю свого вірша**. Яскраво індивідуальне обличчє мають нечисленні твори К. Каганця (лісника), від котрих повіває поганською Русю. Досить своє рідні й гарні, але рідко зявляють ся в друку вірші Цьотки (М. Крапіўка), під багатьома оглядами близькі до народньої творчості. На темах кохання зосередила свою увагу й пише не дуже яскраві, але доладні вірші («Кургомная Кветка») К. Буйло. В гумористичнім напрямі працює А. Павлович (збірник «Снапок», 1910 р.). Згадаємо ще Будзьку, робітника-лимаря І. Гартного, селян Гурло, Ф. Чернишевича, Л. Лобика й Янука Д., народніх учителів К. Арла и Я. Журбу й т. д. Уважний читач знайдзе багато цікавого в їх не завжди вмілій, але завжди ширій поезії, теми котрої диктує ім їх сучасне життя.

*

* *

Переходячи до белетристів-прозаїків, спинимо ся передовсім на Ядвігині Ш. Син дрібного дідича, він ще при кінці 80-их рр. приймав участь у білоруськім русі, будучи студентом московського університету. Виключений звідти за участь у студенцькім русі, він

* Колос перебув три роки у в'язниці за участь у «Білоруськім союзі вчителів».

** За останній час виступає наперед п. Ясакар — поет з виразним і сильним, але трохи риторичним віршом.

повернув до рідного краю й почав писати по білоруськи (комедія «Злодзей», оповідання «У судзе» й т. п.). Коли білоруський друк зміцнів, письменницька діяльність Ядвігіна Ш. розвинула ся ширше й він швидко придбав собі популярність перед білоруських читачів. Його твори зібрані в книжках «Дзед Завала» (поема, 1909 р.), «Бярозка» (збірник оповідань, 1912 р.), «Васількі» (збірник оповідань, 1914 р.).

В творчості Ядвігіна Ш. переважають невеличкі оповіданьчка баечного складу, які містять у собі звичайно просте або упрощене розв'язання якогось практично-життєвого питання. Отже тому Ядвігін Ш. широко користає з алегорії й залюбки звертає ся при виборі осіб своїх оповідань до царства звірят. Але він так знає і любить сей світ, так уміло й дотепно підбирає риси для характеристики своїх героїв, що всі його звіри й птахи стають зовсім індивідуальними, окремими постатями. Щирий гумор і вартісні боки завжди живої й барвистої мови роблять ще кращими оповідання Ядвігіна Ш. Зрештою у нього є кілька дрібниць і патетичного характеру, які вказують на новий бік таланту сього своєрідного письменника.

Ще сильніше виступив патетичний елемент у творах Власта. Селянин-самоук, з раннього диточого віку змушений вести тяжку боротьбу за шматок хліба, він зумів здобути ріжносторонню освіту й розвинути своє тонке почуття краси. Як се з першого погляду ні дивно, Власт почав з творів, написаних у дусі польського модернізму. Та проте чужі, посторонні впливи незабаром щезли й талант Власта виявив своє справжнє обличчя. Він не плодовитий, але нечисленні його оповідання завжди повні глибокого та зворушливого почуття, тріповної й визначної думки, завжди визначали ся рідкою ріжнотанітністю тем і стилів.

Т. Гушча малює у своїх нарисах щоденне життя білоруського села. Неглибокі по замислу, вони визначають ся вірністю й природністю малюнку, жвавістю діяльогу, який ллеть ся завжди легко та свободно. Т. Гушча вміє знайти, як зворушити та просякнути чуттем, так і забарвлені гумором слова. Частина його оповідань зібрана в книжечках «Т. Гушча. Апаведанья» (1912 р.), «Прапаў чэлавек», «Ньоманаў дар», «Тоўстае палена» й «Родные зьявы» (всі в 1914 р.).

Своєрідними є оповідання З. Бядулі, що почасти увійшли в збірник «Z. Biadula. Abrazki» (1913 р.). З понурим гумором малює він невеселе білоруське життя та пробує втікти від нього у фантастичний, казковий світ. Саме яко фантаст З. Бядуля й цікавий. Повні глибокого, потрясаючого почуття та справжнього символізму оповідання С. Полуяна, що передчасно помер 8 квітня 1910. Ліричним піднесенням визначають ся й нечисленні невеличкі річі П. Простого («Якім Бяздольны», 1914 р.), написані сильною, розхвильованою мовою, яка наближаєть ся своїм ритмом до віршів. Бойко й живо написані просякнуті невігядливим гумором оповідання Галубка. З решти белет-

ристів можна назвати Н. Новича, Льосика, Живіцю й інших. Нарешті в області публіцистики й критики, а іноді й наукової праці багато зробили ініціатор і керманіч «Нашої Ниви» А. Новина, місцевий економіст А. Власов, згаданий вже нами Власт (книга «Гісторыя Беларусі» й ряд статей), Ів. Луцкевич, критик і бібліограф Р. Земкевич, А. Бульба, С. Полюян, І. Маньковскіі, Ю. Верэшчака, Л. Гмырак, Максим Білорус, інакше Максим Гарэцкіі («Рунь», 1914) і багато інших. Характеристика кожнаго з них трудна річ, але не згадати про них не можна. Аджеж саме завдяки іх непохитности й саможертві білоруський рух, який найшов собі тепер міцну підпору в широкіх кадрах народноў інтэлігенціі, выдержав увесь тягар першых рокаў свого істнування, придбав свое нинішне ідейне обличэ й невеликими, але глыбокімі, нестертими буквамі вирізаў свое імя на табліцях світоваго поступу.

Друкуецца па брашуры: М. Богдановічъ. Білоруське відродженье. Відень, 1916.

Упершыню — «Украинская жизнь», 1915, № 8 (на рускай мове). Асобным выданнем на рускай мове быў выдадзены ў 1916 г. (гл.: т. 2 дзідзенага выдання — «Белорусское возрождение» і каментарый да артыкула).

Датуецца годам апублікавання.

Пераклад зроблены з часопіснага варыянта артыкула, але паміж іх тэкстамі ёсць разыходжанні, відаць, не аўтарскага паходжання: у тэксе перакладу адсутнічае «Postscriptum», з'явілася новая спасылка, пазначаная як рэдактарская, а таксама — франтальная замена слоў «агульнаеўрапейскі» і «вялікарускі» на «еўрапейскі», «рускі» і «маскоўскі».

Імя перакладчыка на брашуры не пазначана. Не выключана магчымасць, што пераклад мог зрабіць і сам М. Багдановіч.

Як вядома, у М. Багдановіча практыка пісьма па-ўкраінску небагата, як і вопыт перакладу на ўкраінскую мову і наадварот. Відавочна, што і пераклад дадзенай працы зроблены не вельмі спрактыкаваным у гэтай мове перакладчыкам. У параўнанні з рускім арыгіналам тэкст перакладу стыльва спрошчаны — значна звужана ўжыванне сінанімікі, складаных канструкцый сказаў і інш. Напрыклад, «студенческое движение» і «студенческое волнение» перакладаецца як «студенцкій рух». Або: «рописи кисти Сальватора Розы» — як «малюнкі Сальватора Розы». Ёсць і яшчэ адзін важны момант, які дае падставу гаварыць у дадзеным выпадку пра аўтарскі пераклад. Так, паводле сцвярджэння навуковага супрацоўніка Інстытута літа-

ратуры імя Т. Р. Шаўчэнкі Акадэміі навук Украіны, кандыдата філа-лагічных навук М. М. Гнацюк, граматычнай асновай мовы перакладу з'яўляецца галіцкі дыялект. А як вядома, з 1914 года М. Багдановіч сур'езна і грунтоўна займаецца вывучэннем гісторыі, культуры, літаратуры Галіччыны. Прысвяціў гэтаму пытанню шэраг артыкулаў. Працу ж «Образы Галиции в художественной литературе» ён пабу-даваў на матэрыялах твораў галіцкіх пісьменнікаў, цытуючы даволі вялікія ўрыўкі з кніг К. Тэтмайера, М. Кацюбінскага, І. Франко, С. Чарнецкага, народных твораў ва ўласным перакладзе. Бачна, як добра арыентуецца Багдановіч у творчасці многіх літаратараў, якія пісалі пра галічанаў і Галіччыну. Усё гэта і дало падставу ўключыць пераклад артыкула ў Збор твораў Багдановіча, але толькі ў раздзел «Дадатак».

Ніжэй прыводзіцца ўрываек з тэксту (уступ да 1-га раздзела артыкула) у яго прачытанні на сучаснай украінскай літаратурнай мове, каб шляхам параўнання адчуць розніцу моўных сістэм, уявіць гучанне твора ў кантэксце ўсёй украіністыкі М. Багдановіча.

БІЛОРУСЬКЕ ВІДРОДЖЕННЯ

I

Прыступаючы да характэрыстыкі й опису білоруськаго нацыянальна-го руху, вяснімо перадовсім взаеміні між ним і загалнаеўрапей-ськім поступом. Основні риси цьога останнього означіліся вже твердо та ясно, а саме: вони простують до все дальшого дроблення культур загалом і літаратур зокрема. Щоб у цьому пересвідчیتися, досить короткого огляду ланцюга найвизначніших і найяскравіших подій з історії еўрапейських культур.

Вертаячы від сучаснаго строкатаго й багатомовнаго літаратур-наго життя назад, у гліб, до часів середньовіччя, опіняємося серед доби, коли єдніним визначним знярядям духоўноі культуры в області слова була латінська мова, і то як міжнародна мова. Кожна не чужа розумовим інтересам людина, в якім куці західноі Європи вона не жила б тоді, конче познайомилася з нею, бо це знайомство було необхідно умоваю всякоі освіти. Майже все, що писалося за тоі доби, писалося по-латінськи. Плоди широчезноі літаратуры, котра так постала, зібрано й підраховано. Вони дуже знаменні. З них видно між іншим, що незважаючы на свою виробленість, латінська мова показалася придатною тільки для наукових праць; що ж до артистич-ноі, мистецькоі творчості, тут протягом цілих століть не постали жодні справжні вартості.

Одначе, ці вартості зараз же почали витворюватися, коли пись-менники (з Данте на чолі) звернулися до народных еўрапейських мов,— італійської, французькоі, німецькоі, англійської, іспанської, мов

грубих, необроблених, але живих. Остаточні наслідки цього руху перед нами: єдина для всіх країн, спільна для всіх культурна література зникла, а її місце зайняли основні європейські літератури, області розповсюдження котрих і становлять межі кількох найвизначніших культур.

Та, проте, зазначений процес не тільки не спинився на цім, але, нестримно розвиваючись, розширяв і поглиблював своє річище та зростав, так би мовити, не в арифметичній, а в геометричній прогресії. Слідом за культурами великого розміру на історичне поле виступив цілий ряд менших: португальська, голландська, румунська, чеська, ново-грецька, сербська, болгарська, фламандська, кельтська, фінська, естонська, литовська, латиська, грузинська, вірменська, татарська й т. д. Цей рух, хвилі котрого доплили до наших часів, з кожним роком все зростає, міцніє й, поширюючи область свого впливу, захоплює навіть такі народності, як чуваші, черемиси, ескімоси й т. ін.

Рівночасно з цим відбувається інший, такий же живий процес, а саме — процес дроблення культур. Одні різноскладові культурні комплекси просто розлізаються по шві, прикладом чого служить відокремлення трьох скандинавських культур, що здавна злиплися, але не злилися в одну цілість. Від інших відхиляються дрібніші, близькі до них походженням, але все ж не однакові з ними національно-культурні одиниці. Особливо яскраво й наглядно проявляється це в області словесної творчості. В Італії постають артистичні твори на всіх її п'ятнадцяти мовах, від французької літератури відломлюється провансальська, від іспанської — каталонська, від чеської — словацька, від сербської — словенська, від польської — кашубська, від голландської — фризська, від руської (великоруської) відколосалася українська й, нарешті, білоруська. Отже, перед нами не чудакуватість, не рідкість, не виїмковість, а глибоко життєве явище з потоку європейського поступу. Пригляньмося ж уважніше до його минувшини й сучасності.

АПІС РУКАПІСАЎ М. БАГДАНОВІЧА І МАТАР'ЯЛАЎ ДА ЯГО БІОГРАФІІ*

У схове рукапісаў пры Катэдры гісторыі беларускае літаратуры Інстытуту Беларускае Культуры архіў М. Багдановіча займае XIV папак. Большая частка архіву (XIII папак) была перадаана ІБК бацькам пісьменьніка А. Ю. Багдановічам, які выратаваў рукапісы сына ад пажару. З яго слоў, Я. Л. Дыла аб гэтым здарэнні перадае наступнае ў сваім артыкуле «Знойдзеныя скарбы» («Савецкая Беларусь», 1923 г. № 87): «У часы Яраслаўскага белага паўстання, калі пры штурме места загарэўся і пачаў палыхаць Яраслаўль, бацька поэты, маючы на руках неапублікаваныя яшчэ рукапісы свайго сына, зразумеў, што яму трэба перш за ўсё захаваць для працоўных мас Беларусі гэтыя скарбы. Не ратуючы рэчаў сваёй малой рухомасці, пакідаючы ў небяспецы сваю значную бібліятэку, якая дашчэнту, на жаль, згарэла, ён паклаў у скрынку рукапісы і перапіску пісьменьніка-сына і выскачыў з гэтым на двор. Ня было ўжо калі закапаць скрынку ў зямлю, як рабілі гэта іншыя. Стары Багдановіч успомніў аб склепе, залітым вадою, і затапіў у ім скрынку. Вярнуўшыся на пажарышча праз некалькі дзён, ён сунуўся да склепу. Сіла гарачыні пры пажары была такая, што загарэў і склеп, выварылася ўся ў ім вада, але толькі верх скрынкі абгарэў. Усё іншае захавалася ў цэласці, толькі верхнія матар'ялы крыху былі апалены».

Як урэшце выявілася, частка рукапісаў значна абгарэла (напр., папка XI), некаторыя аўтографы папсаваліся ад вады (напр., паасобныя аркушы п. IV і інш.).

У часе атрымання рукапісаў ад А. Ю. Багдановіча Інстытутам Беларускае Культуры быў укладзены апіс, які камісіяю для выдання твораў пісьменьніка ў асноўным захаваны пры разьмеркаванні ўсіх матар'ялаў па папках і іх распрацоўцы да акадэмічнага выдання твораў М. Багдановіча.

Рукапісы поэты захаваліся галоўным чынам на паасобных, разрозненых старонках памерам у палову і чвэртку аркуша, сярод іх параўнальна рэдка пападаюцца цэльныя сшыткі.

Усяго ў акадэмічным выданні з аўтографаваных выдрукавана 156 вершаў, 6 апавяданняў і 16 артыкулаў. Апроч таго, значная колькасць іх выкарыстана ва ўвагах да 1-га тому як варыянты да вер-

* Друкуецца па кн.: Багдановіч М. Творы. Мн., 1928. Т. 2 з захаваннем тагачаснага правапісу. Матэрыял падрыхтаваны Г. В. Якаўлевай (Рэд.).

шаў, якія перадрукованы з «Вянка» і розных пэрыодычных выданняў.

Частка расчытаных аўтографаў не надрукавана, бо ўяўляе сабою вельмі нязнячныя ўрыўкі вершаў і артыкулаў. Магчыма, што да іх будуць знойдзены дадаткі, і тады яны могуць быць выдрукаваны. У камісіі ёсць падстава думаць, што ў некаторых асоб яшчэ захаваліся невядомыя камісіі аўтографы поэты, так, напр., ужо пасля таго, калі тэкст 1-га тому быў надрукаваны, у камісію даслалі аўтограф вершу на беларускай мове «Ты ночкаю каляднай варажыла», які быў выдрукаваны ва ўвагах да разьдзелу «Зеленя» (гл. т. I, стар. 489).

Нявыкарыстанымі засталіся таксама некаторыя пераважна алоўкавыя, нячытальныя накіды і нататкі поэты. Наогул трэба заўважыць, што почырк М. Б-ча вельмі прыгожы і выразны ў чыставікох, у чарнавых накідах пераходзіць у надзвычайна дробны і нячытальны, дзякуючы чаму часам нават праз лупу немагчыма было разбраць напісанае. Па загалоўках і некаторых прачытаных радках нячытальнае часткі рукапісаў можна лічыць, што гэтыя аўтографы поэты, якія засталіся нявыкарыстанымі, складаюцца пераважна з чарнавых вершаваных спроб і розных нататак, якія маюць пэўнае значэньне для высьвятленьня некаторых фактаў біяграфіі поэты і характару яго творчасьці.

Апіс складаецца з двух разьдзелаў: апісу рукапісаў М. Багдановіча (папкі I, III, IV, V, VI, IX, X, XI і XIV) і апісу матар'ялаў да яго біяграфіі і сшытку вершаў «Зеленя» (II, VIII, XII)¹.

Не ўвайшлі ў апіс дзьве папкі: VII, у якой зьмяшчаюцца пераданыя бацькам пісьменьніка брошурны і пэрыодычныя выданьні з друкаванымі творами М. Б-ча, і XIII з рознымі атрыманымі ад А. Ю. Б-ча кнігамі з асабістае бібліотэкі поэты.

У апісе зазначаны шыфр, паводле якога даная рукапісная адзінка захоўваецца ў зборы рукапісаў Катэдры гісторыі беларускае літаратуры ІБК, г. зн. нумар папкі, разьдзел і месца данае рукапіснае адзінкі ў разьдзеле.

Правапіс вынятак з твораў М. Б-ча перакладзены на сучасны.

Пры ўкладаньні апісу прынята наступнае азначэньне памеру рукапісаў: in 2° — палова звычайнага аркушу, прыблізна 36×22 сантымэтраў, in 4° — прыблізна 22×18 сантымэтраў і in 8° — прыбл. 18×11 сант.

¹ Аб тых аўтографах, якія ня ўведзены ў даны кароткі апіс і былі выкарыстаны ў выданьні твораў М. Багдановіча, гл. ва ўвагах да I і II тамоў акадэмічнага выданьня яго твораў. Там жа зьмешчаны і падрабязныя даведкі аб датах напісаньня кожнага твору.

ПАПКА I

змяшчае ў сабе аўтографы пераважна з прозаічнымі
накідамі і артыкуламі М. Багдановіча.

1. Прозаічныя ўрыўкі, тры нумары: 1) апісаньне гэрба Беларусі «эле-
мэнты для роману», аб славянах 6 ст. in 2°. 2) «Некалькі адносьні-
каў і сярод іх у Барысаўскую гарадзкую ўправу — 4 ст. in 2°. 3) Урывак
з апавяданьня «Як шанавалі русічы сваіх бацькоў», апісаньне гораду
і іншыя нячытэльна напісанья накіды — 10 ст. in 4°.

2. Паасобныя старонкі артыкулаў, два нумары: 1) «Ив. Франко
в галицкой литературе», аб газэце «Наша Ніва»—6 ст. in 4°. 2) Кар-
роткія ўрыўкі розных артыкулаў, сярод якіх «об белорусском нацио-
нальном движении», адна чытэльна напісаная стар. апавяданьня
«Шаман» — 9 стар. in 4°.

3. Чарнавікі артыкулаў, восем нумароў: 1) Артыкул «Об новом
периоде в истории белорусской литературы» (т. II, № 5)—5 ст. in 2°.
2) Аб Ратамскім прытулку («Белорусский беженский приют»—т. II,
№ 24)—6 стар. in 4°. 3) «Ив. Няслухоўскі» (т. II, № 1)—2 ст. in 4°.
4) Урывак артыкулу «Я ведаю край зруйнаваны» — 2 ст. in 4°. 5) «Праз
год маўчаньня», зварот да чытачоў беларускае газеты — 4 ст. in
4°. 6) «Сталецьце руху беларускага народу» (т. II, № 18)—3 ст.
in 4°. 7) «Частушка»—4 ст. in 8°. 8) «За сто лет. Нарыс гісторыі
беларускай пісьменнасці. Ля істокаў» (т. II, № 4)—4 ст. in 4°.

4. Урыўкі артыкулаў на соцыяльныя пытаньні, 9 нумароў; сярод
іх знаходзяцца чарнавыя накіды аб «Зародышах общины», «К во-
просу об переделах», «Об коллективных работах», «Об аграрном воп-
росе», «Об анархизме в Америке» і інш., а таксама сьпіс розных ра-
сійскіх і замежных выданьняў аб рэволюцыйным руху «як легаль-
ных, так і нелегальных»—30 старонак рознага формату, пераважна
in 8°.

5. Накіды артыкулаў: 1) «Бібліографія». Рэцэнзія на кніжку
Пагодзіна «Славянский мир» (т. II, № 48)—4 ст. in 4°. 2) «Сон-
трава. Как повелись сказочники на Руси»—(т. I, разьдзел VII, № 10)
8 стар. in 4°. 3) Чарнавы ўрывак артыкулу «Да пытаньня аб аўтары
поэмы «Тарас на Парнасе» — 2 стар. in 4°.

6. Чарнавы накід і чыставы ўрывак артыкулу «Этнографическая
Польша». Адказ на брошуру Курнатоўскага пад гэткам-жа загалюў-
кам — 7 стар. in 4°.

7. Няскончаны накід артыкулу «Образы Галиции в художест-
венной литературе», які быў выдрукаваны ў «Русском Экскурсанте»
1915 г. (т. II, № 31)—7 стар. in 4°.

8. Артыкул аб Ламаносаве пад назваю «Поэзия гениального
ученого» (т. II, № 14)—10 стар. in 4°.

9. Сшытак у цыратавай вокладцы, 124 старонкі, in 4°. Большасць

старонак белыя; на 24—77 стар. нататкі па поэтыцы, сярод якіх — прыклады алітэрацый, асонансаў і параўнаньняў.

10. Сшытак бяз вокладкі, 18 стар. in 4°, у якім зьмешчаны артыкул «Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасьці да XVI ст.» (т. II, № 3).

11. Вельмі нячытэльны рукапіс пачатку перакладу на расійскую мову апавяданьня Васіля Стэфанька «Синяя книжечка» — 2 стар. in 4°.

12. «К генеалогии одного стихотворения» (А. Толстого) (т. II, № 16) — 6 стар. in 4°.

13. «Забутый шлях», пачатак артыкулу аб нацыянальным элеманце ў украінскай поэзіі, на украінскай мове (т. II, № 11) — 4 стар. in 4°.

14. «Голос из Белорусии. (К вопросу о белорусской и великорусской речи в местной школе)» (т. II, № 25) — 11 ст. in 4°.

15. Аб Галіцыі. Няскончаны артыкул на расійскай мове без загалёўку (т. II, № 28) — 6 стар. in 4°.

16. «Булгарин в белорусской шуточной поэме». Закончаны артыкул (т. II, № 7) — 7 стар. in 4°.

17. Бібліяграфія. Урыўкі рэцэнзіі аб зборы твораў Віннічэнка (т. II, № 45) і інш.

18. Пачатак чыставаго артыкулу аб Францішку Скарыне і чарнавы накід аб ім жа — 13 стар. in 2°.

19. «Украинское казачество». Закончаны артыкул-чыставік на 29-ці старонках in 4° і некалькі да яго чарнавых варыянтаў (т. II, № 27) — 10 стар. in 4°.

20. Урыўкі розных артыкулаў, большаю часткаю нячытэльныя, усяго 50 аркушаў рознага формату (in 8°, 4° і 2°). Сярод іх пра «Страшное», няскончанае апавяданьне на 1 стар. (т. I, разьдз. VII, № 11), урывак нарысу па гісторыі Беларусі (з барацьбы Полаччыны з Кіеўшчынай) — на 2 стар., урывак аб адраджэньні беларускае пісьменнасьці — на 2 старонках, аб «Літоўскай Пагоні» — на 3 стар. На адзін старонцы in 8° знаходзіцца радок вершу А. Пушкіна «Цветы осенние милей», які быў узяты М. Багдановічам як эпіграф (т. I, № 106), і дапіска да яго: «Размер стихотворения — обычный пушкинский четырехстопный ямб, но зато совсем уж необычна комбинация рифм: а а в с в. «Тут-жа надрукаваны паасобнік праграмы «по рускому языку учеников VIII класса Ярославской гимназии на испытаниях зрелости в 1911-м году» з характэрнымі нататкамі поэты: «Беларуская пісьменнасьць мае свой пачатак яшчэ ў XIII-м стагодзьдзі», або — «Пачатак беларускай пісьменнасьці належыць да XIII стал., а расцвет да XVI—XVII стал.; за гэты час на беларускай мове зьявілася шмат усякіх кніг»...

ПАПКА III

у якой зьмяшчаецца дзесяць нумароў з прозаічнымі накідамі М. Багдановіча

1. 2 поўаркушы з напісаным дробным почыркам аўтографам апавядання «Марына» (т. I, разьдз. VII, № 5). Адзін аўтограф зьяўляецца чарнавым накідам, другі — больш чысты.

2. 4 старонкі in 4° з чыставым аўтографам «миниатюры «Страшное»» (т. I, разьдзел VII, № 11):

3. Аркуш, на першай старонцы якога начыста перапісаны пачатак апавядання «Сьмех», які канчаецца словамі «Сямён... сёрбае гарбату і заўзята кажэ...»

4. 2 аркушы. На першым — чарнавы накід «Сярод глухой пушчы» (т. I, разьдз. VII, № 7), на другім аркушы нячытальныя алоўкавыя накіды.

5. 12 стар. у чвэртку. На 2-х стар. чыставы накід апавядання «Вясной» (т. I, р. VII, № 8, чарнавы накід аб «Самойле» і іншыя алоўкавыя нататкі.

6. 3 радкі з загалоўкам «Остров св. Фомы» на чвэртцы аркуша.

7. Чвэртка аркуша, панумараваная лічбаю 13, з напісаным дробным почыркам урыўкам, які пачынаецца словамі «Вясёла шагаў акрэпшы Яныш...» (т. I, р. VII, № 8).

8. Аркуш паштовага фармату. Чарнавы пераклад на беларускую мову ўрыўкаў тэксту з стара-славянскае мовы.

9. Пяць старонак у чвэртку аркуша з чыставым аўтографам апавядання «Гарадок» (т. I, р. VII, № 6).

10. Аўтограф артыкулу «Аб веры нашых прашчураў» (т. II, № 32) — 6 стар. in 4°.

ПАПКА IV

зьмяшчае ў сабе пераважна аўтографы з чарнавымі накідамі вершаў і прозы М. Багдановіча. Рукапісы вельмі нячытальныя. Некаторыя старонкі тэксту да таго-ж папсаваліся ад вады.

1. Сшытак у цыратавай вокладцы памерам у чвэртку аркуша з 96-цю старонкамі накідаў розных вершаў, сярод якіх «Мушка-Зелянушка» (т. I, № 62), «Максім і Магдалена» (т. I, № 63), «Ой лясы-бары ды лугі-разлогі» (т. I, № 64), «Сярод вуліцы ў нас карагод» (т. I, № 65), «Цёмнай ноччу лучына дагарала» (т. I, № 67), «Ой, скацілася зорачка, скацілася» (т. I, № 254), «Аня, Анечка...» (т. I, № 255).

2. 16 паасобных лістоў з рознымі нататкамі і накідамі вершаў, сярод якіх чарнавы накід вершу «Исполненное обещание» (т. I, № 50), два варыянты перакладаў з Вэрлена — «Нуда, нуда ў душы маёй» (т. I, № 213) і «Рояль бліскучую нямоцная рука» (т. I, № 220). Большасць накідаў нячытальна.

3. 31 лісток дрэнна чытальных накідаў вершаў; сярод іх «Жніво» (т. I, № 278).

4. 51 аркуш з чарнавікамі вершаў памерам прыблізна $\text{in } 8^\circ$. Сярод іх: «Усплывае грамада сыфонофора» (т. I, № 261), «Есьць гэткая японская забаўка» (т. I, № 246), урывак вершу «Мушка-зелянушка» (т. I, № 62), «Рака срдзь вулкі» (№ 225), «Бяз сіл, уся ў пату» (№ 194), «Істужку сінюю ўплятаю» (№ 256), «Хаўтуры» (№ 34). «Трэ' нам, бачыш, усё між сабой дараваць» (№ 211), «У старым садзе» (№ 54), «На-род, беларускі народ» (№ 47), Пераклад з Горацыя — «Памятнік» (№ 199).

Чарнавыя пераважна алоўкавыя накіды на 13 аркушах зусім нячытальныя.

5. Вучнёўскі шытак у папяровай сіняй вокладцы з чарнавымі накідамі вершаў, 26 старонак $\text{in } 4^\circ$. На 14 і 15 стар. верш «Ікар і Дзедал» (т. I, № 200), рэшта — чарнавыя дрэнна чытальныя ўрыўкі, часткова выкарыстаныя камісіяй як варыянты да вершаў I-га тому (гл. увагі да вершаў №№ 144, 150 і інш.).

6. 29 падвойных старонак $\text{in } 4^\circ$ з чарнавымі накідамі, пераважна вершаў. Большасць расчытаных вершаў была выдрукавана ў III-ім разьдзеле I-га тому («Пераклады і насьледаваньні») і як варыянты да II-га разьдзелу — «Вянок» (гл. т. I, увагі да вершаў №№ 132, 162, 171, 172, 184). Рукапісы вельмі нечытальныя, некаторыя з іх прачытаць было немажліва нават праз лупу. 1. Нячытальныя накіды, сярод якіх дзьве строфы вершу «Трэ нам, бачыш, усё між сабой дараваць» (т. I, № 211). 2. На адной старонцы ўрывак дрэнна чытальнага прозаічнага накіду, на другой — аўтограф сонэту «Паміж пяскаў Егіпецкай зямлі» (т. I, № 171). Дрэнна чытальныя накіды вершу «Credo»:

Есьць адна толькі мудрасьць жыцьця і яе я шаную;

Вось што кажа яна:

Калі хочаш праўдзіва ты жыць, дык пей чару любую,

Але толькі да дна.

4. Нячытальныя вершаваныя накіды. 5. Два пераклады з Вэрлена: «Пакуль, зорка, ўранні твой» (т. I, № 219) і «Гул вулічных шынкаў» (т. I, № 227). 6. Пераклады з Вэрлена: «Глянь: месяц бледны» (т. I, № 218) і «Ноч, дождж. Нябёс імгла» (т. I, № 229). 7. Сонэт «На цёмнай гладзі сонных вод балота» (т. I, № 172). 8. Алоўкавыя нячытальныя накіды і ўрывак перакладу «Ікар і Дзедал» (т. I, № 200). 9. Нячытальныя вершаваныя накіды і ўрывак вершу «Вулкі Вільні зіюць і гулка грываць» (т. I, № 131). 10. Чарнавыя накіды пэнтамэтру «З нізкага

бэрагу дно акіяну вачамі недаступна» (т. I, № 169). 11. Чарнавы ўрываў «Вэронікі» пачынаецца са слоў: «Сьмех гэтакі маюць толькі дзеці» (т. I, № 184) і інш. нячытальныя накіды. 12. Нячытальныя вершаваныя ўрыўкі, сярод іх некалькі радкоў вершу «Калі сьнегір чырвоназобый». 13. Вершы: «Рыцар Няшчасьце, што скрозь езьдзіць пад маскай» (т. I, № 210) і «У полі мрок» (т. I, № 221). 14. Чарнавыя аўтографы вершаў «Трэск дроў» (т. I, № 228) і «Ціхі і сіні» (т. I, № 212). 15. Накід вершу «Ліецца па бары шырокі поўны шум» (т. I, № 259). 16. Чыставы аўтограф сонэту «На цёмнай гладзі сонных луж балота» (т. I, № 172) і ўрываў артыкулу «Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасьці да XVI стал.» (т. II, № 3). 17. Нячытальныя накіды вершаў, сярод якіх — «Ноч. Дождж. Нябёс імгла»... (т. I, № 229). 18. На адной старонцы шэсьць радкоў вершу «Брыліант дорогой на дороге лежал» з надпісам «памяці т. Шевченка»: На другой старонцы чарнавы накід вершу Самійленкі ў перакладзе на рас. мову:

Пышно, весело и гордо
Там живет счастливо всякий
Держиморда, Держиморда...

(гл. т. II, увагу да артыкулу № 12). 19. Чарнавы накід в. «Ноч, дождь...» (т. I, № 229). 20. Дрэнна чытальныя рукапісы вершаў: «Ліецца па бары шырокі, поўны сум» (т. I, № 259) і «Была калісь пара: ўзрэвела завіруха» (т. I, № 166). 21. Тры пераклады з Вэрлена: «Трэск дроў» (т. I, № 228), «Захад» (т. I, № 217) і «Сантымэнтальная бяседа» (т. I, № 223). 22. Чарнавік в. «Вільня» (т. I, № 132). 23. Дрэнна чытальныя алоўкавыя і атрамантныя ўрыўкі «Вэронікі» пачынаюцца са слоў «І мела дзеўча выгляд маткі», «І прад высокую красою» (т. I, № 184). 24. Нячытальныя вершаваныя алоўкавыя накіды. 25. Нячытальныя накіды вершам і прозаю. 26. Нячытальныя вершаваныя алоўкавыя накіды. 27. На адной стар. нячытальныя нататкі, на другой — поэта дае 8 назваў рэцэнзій на свае творы і перакладаў іх на іншыя мовы: 1) Пераклад вершу «Прыйдзе вясна» М. Вдовічэнка ў «Раде»¹ 1909 г. 2) Пераклад вершу «Прыйдзе вясна» М. Шапала ў «Літер. Науков. Віст.»² 1909 г. № 9. 3) Верш «Над магілай» — у тым жа часопісе. 4) Крытычная ацэнка з біяграфіч. вядомасьцямі і перакл. вершу «Маёвым ранкам» у «Вест. Евр.» 1911, № 1, ст. А. Пагодзіна «Белорусские поэты». 5) «Упамінаньне ў заметцы Варацого аб вышэйназванай стацьці. «Рада», 1911 г. 6) Крытычная ацэнка А. Чэрнага ў «Пшэгляду Славянскім» 1911 г. 7) Упамін. у «Большой Энциклопедии» т-ва Гранат, выд. 7-е стар. 365. 8) Рэцэнзія на стацьцю «Слаі і глыбы» ў «Минским Слове»

¹ «Рада» — газета, выходзіла ў Кіеве.

² Часопіс. Выдаваўся ў Кіеве.

1911 г. 28) Дрэнна чытэльныя алоўкавыя і атрамантныя накіды вершаў, між іншымі — сонэт А. Пагодзіну («Среди песков Египетской земли» — т. I, № 171). 29. Чарнавыя накіды в. «Ах, как уютно, чисто, мило»... (гл. т. I, увагу да вершу «Гутарка з паненкамі» — № 162).

7. Вучнёўскі сшытак у папяровай сіняй вокладцы з 28 стар. in 4°, на першай — верш «Цёплы вечар, ціхі вецер» (т. I, № 101), на другой — пачатак вершу «Добра ў вышу нябесную глянуць...» (т. I, № 113).

8. 35 паасобных аркушоў рознага памеру (in 2°, 4°, 8°) з чарнавымі накідамі. 1. Пачатак артыкулу «Сонэт» (т. II, № 33), чарнавы вершу «На цёмнай гладзі сонных луж балота» (т. I, № 172). 2. Артыкул «Сонэт» (т. II, № 33). 3. Пачатак артыкулу «Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI стал.» (т. I, № 3), пераклады з Вэрлена «Асенняя песьня» (т. I, № 215) і «Плач сэрца мойго» (т. I, № 216). 4. Урывак вершу «Ой, грымі, грымі, труба, уранку рана» (т. I, № 253). 5. Дрэнна чытэльныя накіды вершаў, сярод іх — трыолет «Калісь глядзеў на сонца я» (т. I, № 174). 6. Дрэнна чытэльныя нататкі. 7. Аўтографы вершаў «За дахамі места» (т. I, № 133), «Пад ценню цёмных ліп» (т. I, № 38), «Сеў хлопчык з блюзечкам» (т. I, № 136), «Першая любоў» (т. I, № 36), «На глухіх вулках — ноч глухая» (т. I, № 134), «Маркотна я чакаю, для чаго ты» (т. I, № 167), «Збвярнуў калісь Пегас на вулкі» (т. I, № 130), «Ад сьпекі дышуць дахі і асфальт» (т. I, № 137), «Завіруха» (т. I, № 135), «Белым сьнегам укрылася вуліца» (т. I, № 34), «Дзесь у хмарах жывуць павукі» (т. I, № 107). 8. Аркуш звычайнага памеру, увесь сьпісаны дрэнна чытэльнымі вершаванымі алоўкавымі накідамі. 9. Чвэртка аркушу з чарнавымі вершаванымі накідамі і нататкамі поэты. 10. Чарнавы накід вершу «Сонэт Арвэра» (т. I, № 209) і іншыя нячытэльныя нататкі і накіды. 11. Аркуш з папсаванымі ад вады накідамі вершаў. 12. Накіды вершу «Восстание» (т. I, № 231). 13. Дрэнна чытэльныя накіды вершаў — «Ўсё, аб чым калісь мы сьнілі», «Слушайце песьню» і інш. 14. Верш «Залюбовался солнцем я» (т. I, № 300) і інш. нячытэльныя накіды. 15. Нячытэльныя нататкі поэты. 16. Нячытэльныя вершаваныя алоўкавыя накіды. 17. Аркуш in 2° увесь дробна сьпісаны дрэнна чытэльнымі накідамі вершаў, сярод якіх «Пачуцьцю цёмнаму падлеглая» (т. I, № 186), «Усё за дзіцёнка» (як відаць, варыянт да аднаго з вершаў цыклю «Каханьне і сьмерць», т. I, № 186—198) — і інш. 18. Чарнавы накід вершу «Сьмерць шэрсня» — (т. I, № 238). 19. Верш «Молодятник», выдрукаваны ў 1-м томе за № 279 пад назваю «Зеленая любовь». 20. Нячытэльныя нататкі. 21. Чарнавы накід вершу «Ой грымі, грымі, труба, ўранку рана» (т. I, № 253). 22. Чарнавы дрэнна чытэльныя вершаваныя накіды «Буду сьцежкаю-дарожкаю ісьці» (8 радкоў). 23. Нячытэльныя накіды вершаў. 24. Алоўкавыя нячытэльныя вершаваныя накіды. 25. Крыху абгарэлы па краёх аркуш з накідамі вершу «Летапісец» (т. I, № 123). 26. Нячытэльныя вершаваныя накіды, якія пачынаюцца словамі «Шчыра любіў», «Шчыра каханьне адно»... 27. Крыху абгарэлы аркуш з чыстым аўтографам вершу «Дзед» (т. I, № 51).

28. Аркуш in 2° з сьпісам вершаў для зборніку «Вянок» і выбранымі для гэтага зборніку эпіграфамі. Пералічаны наступныя нізкі вершаў: «У зачарованым царстве», «Згукі бацькаўшчыны», «Старая Беларусь», «На бруку места», «Старая спадчына», «З чужой глебы» і «Вольныя думы». 29. Сьпіс вершаў для зборніку «Красавік». 30. Чыставы ўрываек на абгарэлай паперы вершу «Была Інгеборг, як сасонка, стройна» (т. I, № 236). 31. Чыставы аўтограф вершу «Выйшаў з хаты. Ціха сьпіць надворак» (т. I, № 77). 32. Чарнавы аўтограф перакладу з Вэрхарна вершу «Паўстаньне» (т. I, № 231). 33. Чарнавікі перакладаў з Вэрлена: «Малюнак мора» (т. I, № 222), «Рака срэзь вулкі» (т. I, № 225), «Сон цёмны ўсё мацнее» (т. I, № 214). 34. Чарнавыя накіды вершаў: «Усё праходзе — і радасьць і мукі» (т. I, № 83) і «Сьцюжа, мрок» (т. I, № 78). 35. Чарнавыя дрэнна чытальныя вершаваныя накіды, сьрод якіх тры радкі вершу «Ах, как уютно, чисто, мило» (т. I, увага да в. № 162).

9. Сшытачак памерам in 8° з 46 старонкамі накідаў вершаў. Алоўкавыя нататкі на лістках 1—7, 10—12 і 18—20 нячытальныя. На іншых старонках — урыўкі з «Максіма і Магдалены» (т. I, № 63) «Як Рыгор у паходзе канаў» (т. I, № 68).

10. Сшытак in 8° з 22 паасобнымі аркушамі аднастайнае паперы. На першай старонцы надпіс: «Максим Богданович. Полюнь-трава» і ў якасці эпіграфа наступныя радкі з украінскіх поэтаў:

Друже любий мій,
Що читаеш се.
Ты хоч зрозумій
Біль, що серце ссе.

М. Вороний.

Одну сльозу з очей карих
І — пан над панамі!

Т. Шевченко.

На іншых старонках — вершаваныя накіды. Большасьць накідаў зьяўляецца чарнавымі ўрыўкамі і выдрукаваны ў IV-м разьдзеле I-га тому (№№ 244, 245, 262, 263, 265, 266, 269, 271).

11. Чарнавік «Вэронікі» (т. I, № 184) — 4 стар. in 4°.

12. Сшытак у 26 стар. in 4°, бяз вокладкі з загаловам «Белорусские поэты, перевод М. Багдановича», зьмяшчае ў сабе пераклады на расійскую мову вершаў Я. Коласа, Я. Купалы, Я. Лучыны і інш.

13. 38 паасобных аркушоў і поўаркушоў, сагнутых удоўжкі з вельмі нячытальнымі чарнавымі накідамі вершаў. Пераважная большасьць іх не расчытана.

ПАПКА V

зьямшае ў сабе матар'ялы М. Багдановіча
да беларускага лемантара.

1. Вучнёўскі сшытак у папяровай сінняй вокладцы, 24 старонкі іп 4°, з выбранымі прыкладамі для лемантара на літары «У, А, М, Р, Ж, Х, Д, Ш, С, К, В, Н».

2. 3^{1/2} паасобныя лісткі іп 4° з нататкамі да таго-ж лемантара.

3. Аркуш паперы паштовага фармату і лісток іп 4° з прыкладамі паасобных слоў для лемантара.

4. Аркуш іп 2° і 10 старонак іп 4° з алоўкавымі нататкамі і прыкладамі для лемантара.

ПАПКА VI

зьямшае ў сабе паасобныя аркушы з начыста напісанымі вершамі. Чыставы выгляд аўтографу і зробленая на некаторых аркушох прыпіска адрасу поэты даюць падставу думаць, што захаваныя ў гэтай папцы паасобнікі вершаў былі падрыхтаваныі поэтам для адсылкі ў рэдакцыю да надрукавання. Некаторыя з іх былі ўжо раней выдрукаваны ў «Вянку» і «Нашай Ніве». Большасць аркушоў з бакоў крыху прыпалена, але тэкст ад агню не папсаваўся.

У папцы зьямшаюцца наступныя рукапісы:

1. Аркуш у 4 старонкі іп 2° з перакладамі з украінскай на расійскую мову наступных вершаў Т. Шаўчэнкі: «В Украине ли, в Сибири-ль будут» (т. I, № 291), «И серое небо и сонные воды» (т. I, № 294), «Готова! Парус распустили» (т. I, № 295).

2. Аркуш іп 2° з перакладамі двух вершаў Т. Шаўчэнкі на расійскую мову — «Н. И. Костомарову» (т. I, № 290) і «А. О. Козачковскому» (т. I, № 293).

Крыху абгарэлы аркуш іп 2° з чыставымі аўтографамі трох вершаў на першай старонцы: «Изящный сад, совсем как у Ватто», (т. I, № 302), «Триолет — Мне долгое забвеньё Вами» (т. I, № 301) і «Четверной акrostих» (т. I, № 285).

3. Поўаркуша памерам іп 2° з вершамі «В старом саду» (т. I, № 202) і «Триолет XVIII века» (т. I, № 301). Пад загаловамі абодвух вершаў аўтарская прыпіска: «пер. авт. с белорус. по рук».

4. Адна старонка з вершам «Маладыя гады» (т. I, № 76).

5. Старонка з вершам «Мы гаворым у двух»... (т. I, № 81).

6. Поўаркуша з вершам «На Лявонавай кашулі вышыты галубкі» (т. I, № 72).

7. Поўаркуша з вершам «Калі паласу агневую» (т. I, № 75).

8. Старонка з вершам «Скірпуся» (т. I, № 73).

9. 8 старонак іп 4° з вершам «Хто там едзе па Касову полю?» (т. I, № 238).

10. Аркуш паштовага формату з вершам «Тая крыніца, што раньш к акіяну нясла свае хвалі» (т. I, № 248). Пад тэкстам вершу дапіска: «Перевод некоторых, плохо понятных для великоруссов слов».

11. Поўаркуша з вучнёўскага шытку іп 4° з вершамі «Шынок» (т. I, № 226) і «Зьяanye месяца» (№ 224).

12. Моцна апалены па краёх поўаркуша паштовага формату з в. «Мае песьні» (т. I, № 1).

Нумеры 13—23 уяўляюць сабою поўаркушы малага формату (іп 16°) з наступнымі вершамі на кожным поўаркушы: 13) в. «Зьяяны цар» (т. I, № 95), 14) «Лясун. Привольная цёмная пушча» (т. I, № 11), 15) «Асеньяю ноччу» (т. I, № 14), 16) «Лес. Пугач» (т. I, № 13), 17) «Поле, Падвей» (т. I, № 15), 18) «Русалка» (т. I, «Увагі», стар. 449), 19) «Лясун» (т. I, № 10), 20) «Старасьць» (т. I, № 12), 21) «Хмурныя, цёмныя гудзья і шэпчаць елі» (т. I, «Увагі», стар. 448), 22) «Ноч» (т. I, № 2), 23) «На чужбіне» (т. I, № 3).

24. Чвэртка аркушу паштовага формату з вершам «Вось і ноч. Нада мной заліліся сьлязамі нябёсы» (т. I, № 27).

25. Значна абгарэлы поўаркуш іп 4° з вершамі «Ціхія мае ўсе песьні...» (т. I, № 29) і «Не знайсьці мне спакою ні цёмную ноччу ні днём» (т., № 30).

Нумары 26—38 складаюцца з паасобных поўаркушоў малага формату (іп 4° і 8°) з аўтографамі вершаў. 26) «У небе ля хмары грымотнай» (т. I, № 97), 27) Пераклад з Гэйнэ «Калі каханьне ізмучыць» (т. I, № 206), 28) З Гэйнэ — Гэнрых (т. I, № 208), 29) «Дзьве песьні. З Ю. Сьвятагора» (т. I, № 30), 30) З цыкля «Эрос». «Зірнуў, як між валос, між хмар»... (т. I, № 5), 31) «Д. Д. Дзявольскаму (т. I, № 40), 32) «Агата» (т. I, № 74), 33) «З А. Пушкіна — Сяжу я ў турме» (т. I, № 233), «З М. Розэнгэйма — «Цяжкая дарога» (т. I, № 235), «З А. Майкава — «Золата, золата падае з неба» (т. I, № 234), 34) «Лясун», «Пугач» (т. I, № 13) і 4 радкі вершу «Сьмерць зьяянага цара», 35) «Край мой радзімы» (т. I, № 142), 36) Эпіграма «За арыфмедыку бяруся» (т. I, увага да № 43), 37) «В неволе цяжка, хоць і волі», пераклад з Т. Шаўчэнкі (т. I, № 292), 38) «Варона і чыж,— байка» (т. I, № 70).

39—40 аркушы звычайнага формату з вершамі «Из А. Крымско-го — «Пальмы гордые и лавры» (т. I, № 298), «Из Ив. Франко — «На реке вавилонской» (т. I, № 297) «Из В. Самійленкі — «Те, что в холодных сердцах».

41. Поўаркуша звычайнага формату з в-ам «Зелёная любовь» (т. I, № 279).

Нумары 42—48 складаюць паасобныя поўаркушы малага формату (іп 4° і 8°) з аўтографамі вершаў. 42) В. «Пан і мужык» (т. I, № 431). 43) «Ікар і Дзедал» (т. I, № 200). 44) Эпіграмы «Чытаю я журнал

сучасны», «Чаму у нас акамянеласьці» і «Гутарка» (т. I, № 43—II—IV), 45) «Осенью» (т. I, № 287), 46) З Гэйнэ — «Калі маеш шмат чаго» (т. I, № 207), 47) «Хто там быццам гаворыць у цёмнай вадзе?» 48) З цык-лю «Эрос» «У космах схаваліся кветы чырвоныя» (т. № 1, № 4).

ПАПКА IX

зьмяшчае лісты М. Багдановіча. Першыя трынаццаць лістоў, пераданыя ў камісію бацькам паэты, засталіся неадасланымі і знойдзены ў паперах нябожчыка. Рэшта атрымана ад У. М. Ігнатоўскага, Я. Купалы, Я. Лёсіка, Б. І. Эпімаха-Шыпылы.

Неадасланыя лісты: 1. В. Лявіцкай бяз даты 2 старонкі паштовага фармату. 2. У рэдакцыю час. «Нов. Сатирикона» паведамленьне аб надрукаваньні ў часопісе вершу «Кругом 16», які раней быў выдрукаваны ў зборніку «В заштиту слова». Тэксту поўстаронкі паштовага фармату. 3. Ліст да А. Смоліча з заяваю «в участковае присутствие по подоходному налогу», задатаваны 28 лютага 1917 г. Аркуш паштовага фармату. 4. Паштовая картка да В. Ластоўскага з пералікам вершаў, адасланых у рэдакцыю «Нашае Нівы». Напісаны прыблізна ў 1910-м годзе. (Аўтарам дата не прастаўлена). 5. Ліст у рэдакцыю «Нашае Нівы» бяз даты. Напісаны быў, як відаць, у пачатку навучаньня паэты ў ліцэі, г. зн. у восень 1911-га году. Старонка паштовага фармату. 6. Ліст да стрэчнага брата П. Я. Гапановіча, 3 старонкі in 4°, пачынаецца словамі: «Сегодня уже три месяца, как я живу в Минске». 7. Ліст на 3 стар. паштовае паперы да К. И. Л. Дата не прастаўлена. 8. Пачатак лісту да К. П. на поўстаронцы паштовага фармату. 9. Урывак лісту з 6-ці радкоў на паштовай паперы з наступнымі словамі: «скандинавских, сербских и т. д. и т. д. Так я хочу... пройти поэзии всех времен и народов»... 10. Перадсьмяротны ліст з Ялты да стрэчнага брата П. Я. Гапановіча, напісаны алоўкам на 6 стар. паштовага фармату. 11. Перадсьмяротны ліст да бацькі, пачынаецца словамі: «Здравствуй, старый воробей! Молодому воробью плохо...» Пісаны алоўкам на старонцы паштовага фармату. 12. Ліст да А. Смоліча. 4 стар. паштовага фармату. 13. Чысты аркуш паштовага фармату са словамі «Добрыдзень, Паночки!» 14. Ліст у рэдакцыю «Нашае Нівы», адносна выданьня «Вянка», бяз даты, 4 стар. паштовага фармату. Пераданы ў Камісію У. М. Ігнатоўскім. 15. Паштовая картка да Я. Луцэвіча 1916 г. Передана ў Камісію Я. Купалам. 16. Паштоўка ў «Беларускую кнігарню». Передана Я. Лёсікам. 17—18. Дзьве паштоўкі А. Бурбісу. Абедзьве 1915-га г. Атрыманы з бібліятэкі ІБК. 19. Паштоўка А. А. Золотареву 1911 г. Атрымана ад бацькі пісьменьніка. 20. 4 паштоўкі з відамі Феадосіі і аловачнымі нячытальнымі надпісамі паэты. 21—25. Пяць паштовак да суполкі «Загляне сонца і ў наша ваконца», Усе — 1912-га году. Пераданы

ў Камісію проф. Б. І. Эпімах-Шыпілам. 26. Паштоўка з партрэтам Янкі Лучыны і з яго-ж вершам «Роднай старонцы», адрасавана да Янука Купалы ад 13-га мая 1912-га году. Перадана ў Камісію проф. Б. І. Эпімах-Шыпілам.

ПАПКА X

зьмяшчае ў сабе 4 паасобнікі «Вянка» М. Багдановіча, з якіх першых два (№№ 1 і 2) — аўтарскія. На іх поэта рабіў свае нататкі. На паасобніку № 1 поэтам адзначаны пад кожным вершам яго памер, прычым да трох першых вершаў ім апроч памеру зазначана таксама і строфіка. На экзэмпляры № 2, які знаходзіўся ў Ялце ў часе апошня падарожы туды поэты, яго рукою зроблена шмат паправак чарніламі і алоўкам. Некаторыя з гэтых паправак былі прыняты камісіяй і ўведзены ў тэкст пры перадруку «Вянка» ў акадэмічным выданьні (гл. т. I, заўвагі да № 91, 93, 95, 101, 123, 177, 184). Іншыя аўтарскія папраўкі адзначаны ва ўвагах да адпаведных вершаў II-га разьдзелу I-га тому (№№ 113, 123 і інш.). На падставе гэтых-жа паправак камісіяю была ўстаноўлена новая рэдакцыя вершу «Слуцкія ткачыхі», выдрукаванага ў I-м томе за нумарам 126-б. (гл. т. I, увагі да II-га разьдзелу і да вершу № 126).

ПАПКА XI

зьмяшчае ў сабе паасобныя абгарэлыя аркушы памерам $in 8^{\circ}$ і 4° з вершаванымі накідамі і рознымі нататкамі поэты. Папера шчарнела ад агню і краі рукапісаў зусім абвугліліся і паадломваліся.

1. Абгарэлая восьмая частка аркушу з чарнавымі алоўкавымі накідамі вершаў: «Досі ўжо, браты, чужынцам мы служылі» (т. I, № 252) і «Ты скажы мне, мужык»... (т. I, № 251).

2. Абгарэлы аркуш $in 8^{\circ}$ з пералікам вершаў. Можна прачытаць наступныя назвы: «Дзед», «Вечар», «Марына», «Мне доўгае расстаньне з Вамі», «Рондэль», «Скірпуся», «Лявоніха», «Добрай ночы, зара, зараніца», «Бура», «Упалі з грудзей»... Як відаць, poeta дае спіс вершаў аднаго з задуманых ім зборнікаў (гл. заўвагу да II-га разьдзелу I-га тому), выдаць які, аднак, ён не пасьпеў.

3. Абгарэлая чвэртка аркушу з чарнавымі накідамі вершаў: «Ой, пайшла сабе Скірпуся»... (т. I, № 73) і «Ты ня згасьнеш, ясная зараначка» (т. I, № 249).

4. Значна абгарэлая, як і іншыя рукапісы гэтай папкі, чвэртка аркушу з дрэнна чытальнымі алоўкавымі накідамі поэты, сярод якіх 6 радкоў вершу «Я ухаджу ў цёмны сад, дзьве апошнія строфы вершу «Калі паласу агнявую»... (т. I, № 75).

5. Абгарэлая частка аркушу, памерам прыблізна $\text{in } 8^\circ$ з чарнавым накідам вершу «Ты не згаснеш, ясная зараначка» (т. I, № 249) і іншымі ўрыўкамі, сярод якіх тры радкі:

Бач, агністым блескам засьве...
Шыбы цёмных вясковых хат
Туманы расою рассыпаюцца...

6. 2 абгарэлых часткі аркушу $\text{in } 4^\circ$ з чарнавым накідам артыкулу на тэму пра беларускую народную творчасць і вершаў «А чалом, чалом, мае госьцейкі» (т. I, № 86), «Страцім лебедзь» (т. I, № 85).

7. 3 паасобныя лісткі з чарнавікамі вершаў «У мясьцечку Церасьцечку» (т. I, № 66) і «Агата» (т. I, № 74).

8. 2 абгарэлыя часткі аркушу $\text{in } 4^\circ$ з чарнавым накідам в. «Прыдзеца, бачу, пазайздрыць бяздольнаму Марку» (т. I, № 79) і іншымі вершаванымі нячытальнымі накідамі.

9. 2 абгарэлыя чвэрткі аркушу з чыставым аўтографам в. «Пагоні» (т. I, № 84).

10. 2 чвэрткі аркушу з чыставымі аўтографамі вершаў «Ужо пара мне да дому зьбірацца» (т. I, № 82) і «Непагодны вечар» (т. I, № 80).

11. 50 абгарэлых старонак $\text{in } 8^\circ$; 28 — з тэкстам, рэшта — белыя. Сярод дрэнна чытальных алоўкавых нататак знаходзяцца аўтографы наступных вершаў: «Яснавокая Аніта» — «Гішпанская» (т. I, № 237), «Танкі»: «Ах, як сьпявае», «Мілая, згадай», «Дзіўна кволя», «Усё зьнікае» (т. I, № 242), «Сёньня дзень у нас светлы, радасны» (т. I, № 240), «Я ўсё забыў на сьвеце і ведаю адно» (т. I, № 241), «Празрыстым пакрываю я агарнула твар» (т. I, № 241), «Украінскія» (т. I, № 239), «Інгеборг» (т. I, № 236). На 4-х старонках — сьпіс вершаў і з боку дапіска «Маладзік», «Шыпшына» (гл. увагу да II-га разьдзелу I-га тому).

12. Абгарэлы чытальны аўтограф вершу «Сьмерць шэршня» (т. I, № 238).

13. Абгарэлы чытальны аўтограф вершу «Бяседная» (т. I, № 86).

14. Чыставы аўтограф вершу «Лявоніха» (т. I, № 71).

15. Частка абгарэлага чытальнага рукапісу вершу «Інгеборг» (т. I, № 236).

16. Абгарэлыя рэшткі аркушоў (5 $\text{in } 4^\circ$ і 4 $\text{in } 8^\circ$) з накідамі вершаў: «На нас томительно, угрумо наплывае» (т. I, № 311), «Кніга» (т. I, № 125), «Касьцёл св. Анны ў Вільні» (т. I, 280), «Трыолет XVIII в.» (т. I, № 55 і 301); іншыя папсаваныя ад агню нататкі дрэнна чытальныя. Сярод іх: пералік беларускіх пісьменьнікаў (13-ая стар.) некалькі радкоў вершу «На захадзе сонца згасала», «Ты вечаром крешенским врожыла» (т. I, № 313).

17. 4 стар. $\text{in } 8^\circ$ дрэнна чытальнага накіду артыкулу пра «Нашу Ніву», «Беларускую сацыялістычную грамаду» і да т. п.

18. 12 абгарэлых старонак іп 8° з чытэльнымі аўтографамі вершаў на расійскай мове: «Прочтите с участием правдивую эту»... (т. I, № 307), «Озеро» (т. I, № 309), «Мне долгое забвенье Вами» (т. I, № 301), «Дед» (т. I, № 314), «На солнце загляделся я» (т. I, № 300), «Теплый вечер, тихий ветер, мягкий стог» (т. I, № 315), «Я все выше и выше на гору подымался» (т. I, № 167), «Бледный, хилый, всё-ж люблю я»... (т. I, № 154), «Скоро вечер в прошедшее канет» (т. I, № 310).

19. 8 абгарэлых старонак іп 8° чарнавых урыўкаў перакладаў з Шаўчэнкі: «Огни горят, оркестр играет», «Когда б вы знали, барчуки», «В Украине-ли, в Сибири-ль будут» (т. I, № 291).

20. 2 абгарэлыя старонкі іп 8° з нячытэльнымі вершаванымі алоўкавымі накідамі і пачаткам артыкулу аб Ножыне (т. II, № 60).

21. Аркуш іп 4° з чытэльнымі алоўкавымі накідамі вершаў «Учора шчасце толькі глянула нясьмела» (т. I, № 42), «Усё адна цяпер мне думка сэрца сушыць» (т. I, № 267).

22. 6 абгарэлых лісткаў іп 8° з чарнавымі накідамі, сярод якіх сьпіс беларускіх пісьменьнікаў і інш. нячытэльныя нататкі.

ПАПКА XIV

зьмяшчае ў сабе аўтографы М. Багдановіча, дадаткова атрыманыя ад А. Ю. Багдановіча, Я. Ю. Лёсіка, Я. Л. Дылы, С. М. Некрашэвіча, М. Касьпяровіча.

1. Чыставы аўтограф артыкулу «Забыты шлях» (т. II, № 8) — 11 ст. іп 4°. Пераданы ў камісію М. Касьпяровічам.

2. 2 старонкі іп 4° чыставога тэксту артыкулу «Хто мы такія» (т. II, № 21). Пераданы ў камісію Я. Лёсікам.

3. Чыставы аўтограф апавяданьня «Гарадок» (т. I, разьдзел VII, № 6). Пераданы ў камісію А. Смолічам.

4. Аўтограф артыкулу «Аб веры ваших прашчураў (т. II, № 32) — 6 стар. іп 4°. Пераданы ў камісію А. Смолічам.

5. Аркуш, задатаваны 1917-м годам, з апошнімі перадсьмяротнымі накідамі поэты, сярод якіх урыўкі вершаў «Набягае яно вечарамі», «Пралятайце вы, дні», «Ў краіне сьветлай, дзе я ўміраю» (т. I, №№ 87, 88, 89). Пераданы ў камісію Я. Дылам.

6. Чыставы аўтограф вершу «Паво» (т. I, № 201) — 3 стар. іп 4°.

7. Чыставы аўтограф вершу «Слушай, Рона, эту сказочку про «Гагу» (т. I, № 228) — 1 ст. іп 8°. Дасланы А. Ю. Багдановічам.

8. Сшытачак 20 старонак памерам іп 8°. На першай старонцы надпіс: «Максім Багдановіч, нанізка вершаў «Каханьне і сьмерць» Яраслаў. Серпень-кастрычнік 1912 р.» У сшытку 14 чыставых аўтографў з папраўкамі радактарскага характару. Усе вершы выдрукаваны ў 1-м томе (№№ 185—198). Пераданы ў камісію С. Некрашэвічам.

9. Аркуш паштовага фармату з чыстым аўтографам вершу «Страцім-Лебедзь» (т. I, № 85). Пераданы ў камісію М. Каспяровічам.

10. 6 старонак ін 4° з чыстымі аўтографамі вершаў: «Бяседная» (т. I, № 86—I), «У Максіма на кашулі вышыты галубкі» (т. I, № 72), «Як прыйшла я на ток малаціць» (т. I, № 86—II), «Хоць і зорачка — ды не вячэрняя» (т. I, № 86—III), «А як сьмерцю Максіма скаралі» (апошнія радкі в. «Максіма і Магдалены») (т. I, № 63). Пераданы ў камісію М. Каспяровічам.

ПАПКА II

зьмяшчае ў сабе матар'ялы, дасланыя бацькам пісьменьніка ў верасьні 1923-га г. і ў жніўні 1924-га г. і ўспаміны аб М. Багдановічу, атрыманья камісіяй на працягу 1925—1927 гг.

1. Уласнаручны рукапіс Адама Юравіча Багдановіча пад назваю «Матэрыялы з біяграфіі Максіма Адамовіча Богдановіча» — 93 старонкі ін 2°.

2. Сшытак, 32 старонкі памерам ін 4° з дваццацю двума вершамі поэты.

На загатоўнай старонцы надпісана: «Зеленя». Стихи. Перевод с белорусского автора.— Переводы стихов — словно женщины: если красивы, то не верны, если верны, то некрасивы. Нем. писат. поговорка.— Ярославль. 1909—13 г. На трэцяй старонцы — адно слова: «Нюте». Тут-жа прыпіска бацькі пісьменьніка аб пахаджэньні перакладаў. «У 1913-м ці 14-м годзе, гаворыцца ў прыпісцы, была ў госьцях у Ярасьлаўлі стрэчная сястра Максіма Адамавіча — Ганна Іванаўна Гапановіч. Ёй поэта падараваў кніжку сваіх вершаў на беларускай мове. Яна сказала, што ня зможа ацаніць поэтычных вартасьцяў яго твораў, бо ня добра разумее беларускую мову. Тады Максім Адамавіч, уласнаручна перапісаўшы, падараваў ёй сшытак перакладаў у расійскай мове, які ў яе і захоўваецца. З гэтага сшытку зьнята копія стрэчным братам поэты Андрэем Пятровічам Галаванавым».

У зборнічку «Зеленя» зьмешчана 22 вершы: 1. «Соннет». 2. «Триолет» («На солнце загляделся я...»). 3. «Триолет XVIII века». 4. «В старом саду». 5. «Скерцо». 6. «Смех и говор». «В пестрой юбке обезьянка». 7. «Подыми к небесам свои взоры». 8. «Уж синее небо темнеет». 9. «Прочтите с участием правдивую эту...» 10. «Слышишь гул? Это дико-печальный лесун». 11. «Озеро». 12. «Скоро вечер в прошедшее канет». 13. «На нас томительно, угромо наплывает»... 14. «Белым цветом одета калина». 15. «Ты вечером крещенским ворожила»... 16. «Дед». 17. «Теплый вечер, тихий ветер»... 18. «Переписчик». 19. «Книга». 20. «Мне снилось». 21. «Бледный, хилый, всё-ж люблю я»... 22. «Давно завянули цветы».

3. 4 рукапісныя старонкі іп 4° «Из воспоминаний о М. А. Богдановиче» Аляксандра Цігова
4. Успамін аб М. Б-чу А. Залатарова. 8 рукапісных стар. іп 2°.
5. «Максим Адамович Богданович» (К 10-летию со дня его кончины) Успамін Сяргея Каныгіна. 3 рукап. стар. іп 2°.
6. Успамін аб М. Багдановічу В. Ластоўскага 9 стар. (друк. на машынцы) іп 2°.
7. «Из воспоминаний о М. А. Богдановиче» М. Г. Агурцова. 9 стар. (перадрук. на машынцы) іп 2°.
8. «Да біографіі М. Багдановіча». Са слоў бацькі запісаў Я. Дыла. 3 рукапісн. стар. іп 2°.
9. «Автабіаграфічная заметка» А. Е. Багдановіча. 8 стар. (друк. на машынцы) іп 2°.
10. «Из воспоминаний о М. Богдановиче» І. Я. Некляпаева. 5 стар. (друк. на машынцы) іп 2°.
11. «Успамін аб Максіме Багдановічу» Хв. Імшэнькіна. 10 рук. стар. у палову іп 2°.
12. Весткі аб М. Багдановічу, атрыманыя камісіяй ад А. Смоліча. 1 стар. іп 2°.
13. Весткі аб М. Багдановічу Зьм. Бядулі. 1 стар. іп 2°.

ПАПКА VIII

зьмяшчае ў сабе лісты розных асоб да М. Багдановіча, напісаныя ў пэрыод з 1908-га да 1917-га году. Паводле адрасатаў, лісты разьмяркоўваюцца наступным чынам: ад Агурцова — 2, ад Ашукіна — 4, А. Ю. Багдановіча — 9, І. Бахонка — 2, Белавусава — 5, А. І. Грыневіча — 1, Дзявольскага — 4, Рамуальда Зямкевіча — 1, Я. Купалы — 2, В. Ластоўскага — 20, Манькоўскага — 3, С. Палуяна — 8, Халімона з-пад пушчы (Аўгена Хлябцэвіча) — 4, Цёткі — 1, Б. І. Эпімах-Шыпілы — 2, і інш.

ПАПКА XII

У гэтай папцы захоўваюцца фатаграфічныя зьнімкі, часткова выкарыстаныя камісіяй ў I-м і II-м тамох збору твораў М. Багдановіча. Большасьць зьнімкаў атрымана ад бацькі пісьменьніка, №№ 14, 15 і 16 пераданы ў камісію А. Александровічам.

1. Фатаграфічная картка бацькі пісьменьніка А. Ю. Багдановіча 1887-га году (т. II, стар. LII).
2. Фатаграфічная картка А. Ю. Багдановіча 1907-га году.

3. Фотографічна картка маткі письменніка М. А. Багдановіч, ураджонае Мякоты, 1890-га году.

4. Фотографічная картка яе ж 1893 году (т. II, стар. LXXXVI).

5. Фотографічная картка 1893 году, на якой зняты М. Багдановіч, калі яму было 2 гады, з сваім старэйшым братам Вадзімам.

6. Фотографічная картка, на якой зняты письменнік у 1909-м годзе (т. I, стар. 9). На адвароце карткі верш — «Я — бальны, бяскрыдлаты поэт» (т. I, № 6).

7. Фотографічная картка яго-ж 1911-га году (т. I, стар. 185). На адвароце карткі — верш «Я вспоминаю дом старинный» (т. I, № 281).

8. Фотографічная група 1914-га году. М. Багдановіч сярод таварышаў-студэнтаў (т. I, стар. 273).

9. М. Багдановіч сярод рэдакцыі газ. «Голос». Знімак зроблены ў канцы 1915-га году або ў пачатку 1916-га году (т. I, стар. V і стар. 216).

10. Л. А. Багдановіч, малодшы родны брат письменніка. Знімак 1918-га году.

11. Фотографічны знімак гаспадыні, у якой письменнік жыў у 1915-м годзе ў Старым Крыме.

12. Письменьнік, калі яму было 6 гадоў, з сваёю цёткаю М. Ю. Багдановіч (у замужастве Галаван) і з двума братамі — Вадзімам і Лёвау (т. II, стар. XXI).

13. Матка письменніка Марыля Апанасаўна з старэйшым сынам Вадзімам. Знімак 1893-га году.

14—15. Фотографічныя паштоўкі, на якіх зазьянаты дом у Ялце, дзе памёр письменнік (т. II, стар. 324).

16. Знімак магілы М. Багдановіча ў Ялце (т. I, стар. 429).

17. А. Ю. Багдановіч. Знімак 1927 г.

18. Магіла М. Багдановіча ў Ялце. Каля магілы — письменнікі: А. Вольны, У. Дубоўка і А. Александровіч.

19. Дом у Менску (Комунальная вул. № 25), дзе нарадзіўся письменнік 27 лістапада (10 сьнежня) 1891-га году. Фотографічны знімак 1928 году.

20. Фотографічная група 1915-га году. М. Багдановіч сярод гуртка знаёмых.

21. Портрэт М. Багдановіча, зроблены мастаком Бацюковым паводле фотогр. знімку № 20.

В. Мацўльскі.

ПАКАЗАЛЬНІК ІМЁНАЎ ДА І—ІІІ ТАМОЎ

- Абрамовіч-Бараноўскі С. С. ІІІ—135, 141, 144, 148
Абуховіч А. Р. ІІ—272
Аверчанка А. Ц. ІІІ—232
Авідзій І—190, 377; ІІІ—246
Агафонаў Н. Г. ІІІ—155
Адоёўскі А. І. ІІ—252, 343; ІІІ—18
Адольфаў Н. Г. ІІІ—156
Адрыянаў С. А. ІІ—348
Ажэшка Э. ІІ—274
А. І. ІІ—274
Айвазоўскі І. К. ІІ—101
Акарскі С. А. ІІ—354
Аксакаў І. С. ІІІ—17
Аксакаў С. Ц. ІІ—392
Аленін А. А. ІІ—400
Алесь І—193, 626
Альдэкоп ІІ—427
Аляксей Міхайлавіч, цар ІІІ—195
Аляхновіч-Чэркас Ф. ІІ—228; ІІІ—251
Анакрэон І—120, 364
Андрэў Л. В. ІІІ—170
Андрэў Л. М. ІІ—187, 399
Андрэй, кароль ІІІ—40—41
Андэрсен М. ІІ—227
Аненкаў П. В. ІІ—391
Аненскі І. Ф. ІІ—371
Анічкаў Я. В. ІІ—418
Анонім (Аноніма хроніка) ІІІ—57
Антановіч М. А. ІІІ—19
Антон Б. ІІ—229
Антошыхін В. ІІІ—144—147
Анцік В. ІІ—374
Арвер І—382
Аржэнцкі М. ІІ—414
Аржэнцкі М. Р. ІІІ—166—167, 172—173
Арол М. ІІ—226, 281
Архіпаў Я. Я. ІІ—371
Арцыбашаў М. П. ІІ—112
Арцямоўскі-Гулак П. П. ІІ—293
Арыстаў ІІІ—146
Арыстоцель ІІ—63
Асалінскі Ю. М. ІІІ—31, 52
Асаф'еў Б. ІІ—377—379
Астранін Я. ІІІ—89
Аўраамаў А. ІІ—400—401
Аўраамка ІІ—206
Афанасьеў А. М. ІІ—356—357
Ашукін М. С. ІІ—396—397
Бабынскі ІІІ—64
Багацкі ІІІ—248, 250
Багачова ІІІ—185
Багдановіч А. Я. ІІІ—259
Багдановіч Л. А. ІІІ—257
Багдановіч М. А. ІІ—190, 225, 249, 280—281, 288; ІІІ—232—234, 236, 241
Багрым П. В. ІІ—265, 287
Багушэвіч Ф. К. ІІ—183, 185—186, 273, 275; ІІІ—123, 251
Бадэні Ф. К. ІІ—298
Бажанаў Н. Н. ІІІ—155

- Байран Д. Г. II—166, 252, 298, 308
 Бакакін Ф. Ф. III—186
 Бакунін М. А. III—160
 Балабан III—45—46
 Балакіраў М. А. II—374, 401
 Балінскі М. І. II—209
 Балтрушайціс Ю. II—358
 Бальмонт К. Дз. II—317, 370, 419
 Баляслаў Храбры III—38, 43
 Бандтке Г. II—209
 Баравікоўскі Л. І. II—293
 Баратынскі Я. А. I—104; II—371—
 373; III—234
 Барб'е А. II—309
 Баршчэўскі Я. II—266, 287
 Барэль П. I—178; III—253
 Беш Я. II—365
 Бедзье Ж. II—337
 Бекарэвіч Н. А. III—169, 171
 Белазёраў К. А. III—188
 Белазёраў К. М. III—155
 Беларус Максім, гл. Гарэцкі М. І.
 Беранжэ П. II—309
 Бернер М. Ф. II—370—371
 Бетховен Л. II—146, 374
 Бёрнс Р. II—243
 Бжастоўскі П. К. II—208, 265
 Бірукоў П. І. II—391
 Блок А. А. I—430; II—317
 Блус Ф. Ф. II—271
 Бобрынаў II—353
 Боплан III—82
 Бракагауз Ф. А. II—162
 Брусаў В. Я. I—95, 135; II—237,
 360, 411—412; III—233—234, 246
 Буало Н. I—137; II—194
 Бубянцоў II—410
 Будзька Э. А. II—191, 281; III—
 251
 Буйла К. А. II—190, 225, 281
 Булгарын Ф. В. II—254—256, 266,
 268
 Бульба А. II—283
 Бур-а II—389
 Бурачок М., гл. Багушэвіч Ф.
 Бурцаў У. Л. II—404
 Бядуля Зм. II—227, 229, 281, 283;
 III—250—251
 Бялінскі В. Р. III—18
 Бялоў А. А. III—155
 Бярэзнікаў В. II—389
 Бяссонаў П. А. II—272
 Бястужаў А. А. II—379

 Вагнер В. Р. II—374
 Валконскі С. Р. III—18
 Валошын М. II—112
 Вальтэр II—429
 Васілеўскі Л. III—34, 63, 257
 Васільеў III—141, 143
 Васілько, князь III—40, 42
 Вато I—262, 345
 Вахрамееў III—169
 Вебер II—365
 Веліканава Л. III—176
 Венецінаў Дз. Ул. II—215, 372—
 373
 Верашчака Ю., гл. Ластоўскі В. Ю.
 Верлен П. I—75, 167; III—245, 247—
 248, 253, 255
 Вернева А. Я. III—148
 Вернеў А. III—148—150
 Верхарн I—379
 Верхаўсцінскі Б. А. II—370
 Вілейка III—219
 Віннічэнка Ул. К. II—342, 407
 Вітаўт, князь III—57
 Віткевіч С. III—105
 Вітэ С. Ю. II—313
 Вішанскі І. II—299
 Власт, гл. Ластоўскі В. Ю.
 Волкаў III—174
 Ворнікаў III—151
 Вуль Я. П. II—270
 Вышнеградскі II—164
 Вяземскі П. А. II—415
 Вярстоўскі А. М. II—374
 Вярэга-Дарэўскі А. І. II—270; III—
 122
 Вясёлы К. II—192

- Гаворка А. К. III—219
 Гаворыца П. III—197
 Гагарын III—170
 Галамбёўскі Л. II—209
 Галілей Г. II—345—346
 Галіна II—409
 Галубок Ул. I. II—227, 283; III—190
 Гапановіч П. I. III—258
 Гапон I—89
 Гарадзецкі С. М. II—188, 317
 Гарацый I—376; III—246
 Гарбуноў-Пасадаў І. І. II—218, 336
 Гардзялкоўскі С. Я. III—217
 Гартны Ц. II—190, 225, 281
 Гарун А. II—190, 225, 228—229, 281, 283; III—251
 Гаршын У. М. II—183, 215, 273; III—14
 Гарэцкі М. I. II—228, 283
 Гаўлічак К. III—76
 Гаўрылаў III—170, 218, 225
 Гаўшын III—170
 Гацье Т. II—360—361
 Гейбовіч III—219
 Гейнэ Г. I—127, 369, 462; II—166, 298, 309
 Гекель Э. II—298; III—160
 Герадот II—163
 Герастрат II—310, 313
 Гербель III—218—219
 Герцэн А. I. III—12
 Гершэнзон М. В. II—390
 Гессен І. Ул. II—347
 Гёте І. В. II—166, 196, 298
 Гільфердзінг А. Ф. II—272
 Гірс III—208
 Глаголь С. II—371
 Глебаў, гл. Асаф'еў Б.
 Гмырак Л. II—283
 Гогаль М. В. II—163, 166, 255—256, 298
 Голуб Б., гл. Галубок Ул. I.
 Горкі М. II—65, 226, 399; III—234—235, 250
 Горнфельд А. Г. III—234
 Готфрыд Страсбургскі II—337
 Гофман М. Л. II—372
 Грабінка Я. П. II—293
 Громан В. III—166
 Грушэўскі М. С. II—395; III—44
 Грыбаедаў А. С. II—372
 Грыгор'еў А. А. II—242
 Грыневіч А. А. II—191
 Грэдэскул М. А. II—383, 406
 Грэкаў Н. П. II—360
 Грэх М. I. II—255—256, 268
 Гумілёў М. С. II—360
 Гуня Дз. Ц. III—89
 Гурло А. К. II—192, 281
 Гурыновіч А. II—272
 Гус Ян. III—72—74
 Гусеў Н. I. III—135, 139, 170, 172
 Гусеў-Арэнбургскі С. I. II—398
 Гутаровіч А. О. III—219
 Гучкоў А. I. II—368—369
 Гушча Т., гл. Колас Я.
 Гюё В. I—121; II—166, 298
 Гюйо Ж. М. II—236
 Дабравольскі Ул. М. II—416
 Дабралоубаў М. А. III—19
 Дабранскі А. I. III—48, 64
 Дакукін Ф. I. III—169
 Даль Ул. I. II—356
 Дамбавецкі А. С. II—272
 Дانیіл Раманавіч, князь III—26, 40—42
 Даніловіч І. М. II—209
 Дантэ А. I—52; II—45, 258, 301, 308, 422
 Данцоў М. А. II—351
 Дарашкевіч І. К. II—226, 281
 Дарвін Ч. Р. III—164—165
 Даргамыжскі А. С. II—374
 Дастаеўскі Ф. М. II—159, 166, 298
 Джавані І—147
 Дзедушыцкі У. III—31, 52
 Дзешаулін III—169
 Дзіянео II—359
 Дзмітрыеў II—350

- Дзмітрыеў М. А. II—272, 356
 Дзмітрый Дзедзька III—43
 Дзюркгейм Э. III—14
 Дзявольскі Д. Д. I—245
 Дзяржавін Г. Р. II—154
 Д'ор О. Л. III—232
 Драгаманаў М. П. II—165, 297;
 III—64
 Дрожын С. Д. II—218—222, 336,
 413, III—236
 Дружанкоў А. А. III—155
 Дружынін А. В. II—391
 Дунаеў В. В. III—154, 187—188
 Дунін-Марцінкевіч В. І. II—183,
 267—269, 272, 275, 420
 Дункан А. II—113
 Дэмасфен II—99
 Егалкоўскі II—272
 Ельскі А. К. II—183, 273
 Ермалаеў III—145
 Ермалаеў Ф. Ф. III—6
 Есаулаў А. П. II—374
 Жабацінскі У. Я. III—234
 Жалкеўскі С. III—88
 Жаркоў Д. Е. III—187—188
 Жукоўскі В. А. II—256
 Журба Я. II—226, 228, 281; III—251
 Жывіца А., гл. Гарун А.
 Жыглінскі I—69
 Жыжка Я. III—73
 Завіша II—208, 265
 Зайцаў В. А. III—19
 Залатарова В. Д. I—327
 Залатароў Д. II—389
 Захер Мазох Л. III—105, 118
 Звездзіч III—62
 Зенчанка С. III—254—255
 Златавусны І. II—206
 Зязюля А. II—229
 Зямкевіч Р. А. II—283
 Зянькевіч Р. С., II—209
 Іаксімовіч Ч. М. II—380—381
 Ігаравічы, князі III—41
 Ігнацьеў III—128—129, 131—133
 Іерусалімскі К. II—206
 Ізяслаў, князь I—236; II—202
 Кабрынска-Азаркевіч Н. І. III—118
 Кабылянская В. Ю. III—50, 118
 Каваліў С. М. III—118
 Каганец К. I—105; II—183, 191—
 192, 226, 281, 287—288, 290
 Казачкоўскі А. О. I—404
 Казімір III—43
 Казімір Ягелонавіч II—205
 Казлоўскі П. III—92—93
 Каламан III—41
 Каліноўскі К. II—271
 Калумб Х. II—198
 Кальцоў А. В. II—222, 243, 336, 372;
 III—18
 Камароў III—142
 Канапніцкая М. II—274
 Кандзінскі В. В. II—112
 Канстанціноўскі III—219
 Капніст В. В. II—163
 Каракозаў Дз. Ул. III—159
 Караленка У. Г. II—99, 228, 305, 341;
 III—16
 Каралі II—349—350
 Караткевіч М. II—270
 Каратыгін В. Г. II—400—401
 Каратынскі В. II—270; III—122
 Каржавін III—176
 Карскі Я. Ф. II—259
 Карташоў III—189
 Касінскі К. III—88
 Кастальскі А. Д. II—401
 Кастамараў М. І. I—401; II—230,
 242
 Катлярэўскі І. П. II—264, 293
 Катул Г. В. I—256; II—242; III—
 232, 253
 Кацюбінскі М. М. II—98; III—30, 54,
 95, 97, 103—105, 112, 118
 Качкоўскі М. III—49, 52
 Кашын II—124; III—152

- Кельсіеў В. І. III—103
 Кепскі М. II—228
 Кіркор А. К. II—209, 270
 Кірыл і Мяфодзій II—245; III—70
 Кісель А. II—272
 Кісякоўскі Б. А. II—383
 Кісялёў III—186—187
 Кіц-на М. А. I—214
 Клейнміхель П. А. II—428
 Колар Я. III—76
 Колас Я. II—188—190, 224, 227, 280,
 283; III—249—251
 Колебаў III—136
 Кошышка К. III—251
 Корш Ф. Я. II—243; III—253—254
 Косіч М. М. II—273
 Краеўскі А. А. II—391
 Крапіўка, гл. Цётка
 Крапіўніцкі М. Л. II—192
 Крапоткін П. А. II—404; III—164
 Крупецкі III—57
 Крылоў І. А. II—216, 273
 Крылоў С. Д. III—154—155
 Крымскі А. I—191, 399
 Крыўка Я. III—191, 204
 Кубелік Я. II—145—146
 Кузмін М. А. III—232—233
 Кузняцоў II—351—352
 Кулакоўскі III—130
 Кульжынскі І. Р. II—271
 Куна С. III—141—143
 Купала Я. I—86, 397, 411; II—185—
 188, 223—224, 229, 275, 279—280,
 288, 317; III—237, 248—249, 256
 Курачкін М. С. III—160
 Курлоў Е. II—371
 Курнатоўскі III—90—92
 Куртэлін Ж. I—189; III—253
 Кутыроў III—136
 Кухта М. I—320
 Лабада Р. III—88
 Ладыжанскі М. М. II—374
 Ламаносаў М. В. II—196—199
 Лапацінскі Я. В. II—270
 Ластоўскі В. Ю. I—263; II—191, 227,
 229, 282—283; III—247—248, 250,
 252, 255—257
 Латышаў III—168
 Лацарус II—304
 Леантовіч П. І. III—118
 Лейка К. Т. II—228
 Лермантаў М. Ю. II—249—253, 256,
 272, 308, 372
 Лермантаў Н. Ю. III—187
 Леў Данілавіч, князь III—26, 31,
 42—43, 51, 57
 Леўчык Г. II—190, 225
 Лешэк III—41
 Лёсік Я. Ю. II—228, 283; III—251
 Лібкен II—354
 Ліндэ С. Б. II—209
 Ліпінскі М. А. II—209
 Ліхачова Е. І. II—428
 Лобік Л. С. II—225, 281
 Лукашэвіч П. А. II—209; III—134
 Луцкевіч А. І. I—271; II—283; III—
 247
 Луцкевіч І. І. II—283; III—251
 Лучына Янка, гл. Неслухоўскі І. Л.
 Лысенка М. В. II—374; III—50, 52
 Львова Н. Р. II—371
 Любарт Гедымінавіч III—43—44
 Людовік І, кароль III—57
 Лютэр М. III—74
 Лявіцкая В. А. III—190, 204, 258
 Лявіцкі А. І., гл. Ядвігін Ш.
 Ляконт дэ Ліль Ш. II—193
 Ляманьскі Я. II—226; III—250
 Ляндрэс III—219
 Ляпуноў С. М. II—401
 Ляскоўскі Ю. II—270
 Ляўкон І, кароль II—99
 Ляшамбодзі П. II—309
 М. М. II—375
 Майкаў М. I—383
 Македонскі А. II—262
 Максім Беларус, гл. Гарэцкі М. І.
 Малала І. II—206
 Малерб Ф. II—193

- Малышаў С. III—144—147
 Мальер Ж. II—303, 308
 Мамаеў III—136
 Мамырын Н. А. III—175
 Мамін-Сібірак Дз. Н. II—409
 Манькоўскі І., гл. Окліч Я.
 Манюшка С. II—268
 Мапасан Гі дэ II—159
 Марашэўскі К. II—264
 Маркаў І. II—157
 Марконі Г. II—369
 Марлінскі, гл. Бястужаў А. А.
 Марозаў І. І. II—413
 Мартовіч А. С. III—118
 Марцінкевіч, гл. Дунін-Марцінкевіч
 В. І.
 Марэс Ж. I—185; III—253
 Масквіч II—363
 Маслаў В. І. II—343
 Масленікаў III—168
 Маха К. III—76
 Маякоўскі У. У. III—233
 Мей Л. А. II—314
 Мендэс К. I—175; III—253
 Меншыкаў М. О. II—368
 Мечнікаў Л. І. III—160
 Мертвага II—402
 Мілер Н. А. III—135, 139, 141—142,
 147, 149
 Мілюкоў П. М. II—347—348; III—90
 Міралюбаў II—341
 Міхайлоўскі М. К. II—42, 252; III—
 13—14, 17, 157, 159—160, 165, 213,
 234
 Міцкевіч А. II—243, 266, 269, 270,
 272; III—52, 122
 Моцарт В. I—263
 Мрочак Ю. II—270
 Мураўеў М. М. II—426
 Мусаргскі М. П. II—377—379
 Муха III—45
 Мухлінскі А. В. II—209
 Мюлер Ф. III—160
 Мялешка І. II—264
 Мяркураў II—362
 Мятлінскі А. Л. II—296
 Мяшкоў Н. II—218
Н. II—192
 Навіна А., гл. Луцкевіч А. І.
 Навіцкі III—136
 Навумаў Е. II—371
 Налівайка II—343
 Налівайка С. III—88
 Нарбут Т. II—209
 Насовіч І. І. II—272; III—250
 Некляпаеў III—219
 Неміровіч-Данчанка В. І. II—409
 Неміровіч-Данчанка Ул. І. II—409
 Неслухоўскі І. Л. II—183—184, 272,
 274; III—123
 Нікіцін І. С. II—222, 280, 308, 336
 Нікіцін К. А. III—6—7
 Нікіціна А. Н. III—7
 Нікольскі М. М. II—339
 Нобель А. II—358
 Новікаў II—351—353
 Новіч А. II—227, 283
 Ножын М. Д. III—157—161, 164—
 165
 Н. С. С. II—389
 Някрасаў К. Ф. II—337, 396, 411
 Някрасаў М. А. II—166, 222, 298,
 336, 390—393, 396, 426—429; III—
 12
Оглін III—233
 Окліч Я. II—192, 283
Паганіні Н. II—145—146
 Пагодзін А. Л. I—137; II—384—385
 Палацкі Ф. III—76
 Палуян С. Е. I—104, 260; II—187,
 192, 215, 283; III—249—250
 Палявой М. А. III—18
 Памялоўскі М. Г. III—19
 Панаева А. Я. II—428
 Паніквіцкі III—218—219
 Панкратаў III—133—134
 Панчанка II—389
 Папоў М. В. II—360, 405, 408
 Парні І—262, 345

- Партугалаў В. II—358
 Пастухоў III—186—187
 Пасхін С. Н. III—169, 177
 Пасэ У. А. II—344
 Патапенка І. М. II—409
 Паўлаў І. III—145—146
 Паўловіч А. Ф. II—189—190, 224—
 225, 229, 281
 Пахазнікаў-Юрко Ц. III—135—140
 Пескіна III—184
 Петрарка Ф. II—45
 Петраў І. В. III—174
 Пехцераў III—170
 Пешахонаў А. В. III—235
 Піліпаў II—190, 226
 Пісараў Д. І. II—166
 Пічэта Ул. І. II—380—381
 Пляханаў Г. В. II—408
 Поснікаў III—144—147
 Пражскі Казьма III—70
 Пракаповіч С. М. III—22
 Пржэздзецкі А. II—209
 Пржэмыславічы, князі III—71
 Просты П. II—229, 283
 Прэабражэнскі А. П. III—154—155,
 180, 185—186, 188—189
 Пурышкевіч У. М. II—157
 Пушкін А. С. I—67, 144, 263, 342,
 381; II—231, 243, 252—253, 256,
 372—373, 415—417, 422; III—246
 Пшчолка А. Р. II—273
 Пылін А. М. II—356, 392
 Пярвухін А. II—389
 Пятлюра С. В. II—395
 Пятроў II—112, 429
 Пятрук з-пад Крошына, гл. Багрым
 П. В.
 Рабатноў III—188
 Равінскі В. П. II—264
 Радзевіч Н. Н. III—141, 143, 147, 149
 Радчанка З. Ф. II—296
 Радыёнава А. III—148
 Ражкоў III—170
 Райніс Я. II—406
 Ракіціна Я. III—74
 Раманавічы, князі III—41
 Раман Мсціславіч, князь III—26,
 39—40
 Раманаў Е. Р. II—272
 Расціславіч Валадар, князь III—38
 Расціславіч Васілька, князь III—38
 Рацкевіч Я. III—204
 Ратэніштэйн Н. II—358
 Рафаэль I—146
 Рашэтнікаў Ф. М. III—19
 Родзеў II—389
 Роза С. II—62, 262
 Розанав М. П. III—175
 Розенгейм М. I—384
 Рубакін М. А. II—386
 Рубашова III—184
 Рунеберг I—385
 Русецкі В. К. III—190—191, 204
 Рыгор III—57
 Рылееў К. Ф. II—343
 Рыман Г. II—374
 Рымскі-Корсакаў М. А. II—400—401
 Рыпінскі А. Ф. II—209—210, 266
 Рэмбо А. I—174; III—253
 Саадзі Мусліхідзін II—415—416;
 III—246—247
 Сабалеўскі А. І. II—418
 Сабанееў Л. Л. II—400—401
 Сабескі Я. III—52
 Савінаў III—170
 Сагайдачны П. К. III—89
 Садоўскі Б. А. III—232
 Сакалоўскі В. Н. III—137
 Салазкін III—186
 Саламон II—63
 Салдаценкаў К. Ц. II—415; III—246
 Салтыкоў-Шчадрын М. Я. II—164,
 166, 226, 298, 396; III—250
 Сальеры I—263—264
 Самійленка Ул. І. I—409; II—300—
 315
 Самойленка Б. Н. III—211, 218
 Сафокл II—166, 298

- Сахноўскі В. Р. II—371
 Сацын Л. III—74
 Святагор Ю. I—367
 Севяранін І. III—233
 Семяноўскі II—350, 355
 Сент-Бёў Ш. А. I—139; II—193
 Серабракоў III—136
 Сівіцкая Л. А. III—190—191, 204, 239
 Сівіцкая Э. Л. III—190
 Сірын Я. II—206
 Скарына Ф. I—91; II—261, 264; III—256—257
 Скірмунт Р. А. III—211, 217
 Скіталец С. Г. II—399
 Скрабін А. М. II—400—401
 Clemens J. II—348
 Смачкоў III—149
 Смоліч А. III—242, 258
 Снесараў Н. В. II—368—369
 Собалеў III—183
 Собалеў Ю. В. II—371
 Спенсер Г. III—14
 Сталіца Л. М. II—402—403
 Сталпянскі П. Н. II—401
 Станкевіч М. У. II—215
 Стары Улас II—190, 225
 Стэфанік В. С. II—174; III—50, 118
 Стоцкая III—7
 Студзіцкі К. II—389
 Сукоўкін М. А. II—173
 Сымон III—132
 Сыракомля Ул. II—269—270, 272; III—122
 Сю Э. II—159
 Сюлі-Прудом I—77
 Сямёўскі В. І. III—24
 Сямёнава А. Х. III—7
 Сянкевіч Г. III—274
- Тагор Р. II—358—359
 Талстой А. К. II—189, 294—296, 308
 Талстой А. М. II—112—113
 Талстой Л. М. II—390—393, 396, 398—399
- Тапчэўскі Ф. Ф. II—272
 Т-кі Я. II—270
 Трохін III—144—145
 Трубяцкі С. П. III—18, 132
 Трубяцкі Я. М. II—383
 Тупый К. III—77
 Тургенеў І. С. II—392—393
 Тышкевіч К. П. II—209
 Тышкевіч Я. П. II—209
 Тэкэрэй У. М. II—305
 Тэтмайер К. III—94—95, 97—99, 104—105, 108—109
- Уайльд О. III—235
 Уікліф (Вікліф) III—72
 Уладзімір I Святаславіч, князь III—37—38
 Уладзіміраў, П. У. III—257
 Уладзіслаў II, кароль II—205
 Уласаў III—144—145
 Уласаў А. М. II—283
 Унукаў С. П. III—177
 Урэніус Е. С. II—337
 Успенскі М. В. III—19
 Усяслаў, князь II—203
- Фалютынскі К. II—209
 Фальк III—146
 Фальскі У. С. III—190
 Фафанаў К. I—139, 343
 Фёдар Карыятавіч III—57
 Фёдараў І. III—45
 Фет А. А. I—52, 60; II—301
 Франке К. II—337
 Франко І. Я. I—407; II—165—166, 297—300, 307, 315; III—50, 102—103, 105, 107—110, 113—117
 Фрэйгант II—427
 Фядзьковіч-Гардзінскі Ю. А. III—105
- Хаванскі М. М. III—24
 Халмагораў І. М. II—415; III—246
 Хельчыцкі П. III—73—74
 Хлебнікаў В. III—233

- Хмяльніцкі Б. М. III—46, 89
Храптовіч І. II—208, 265
Храптовічы II—267
- Ц**
Цётка II—191, 226, 228, 281, 288
Цыцэрон II—63
Цютчаў Ф. І. II—301, 326
Цяцэрскі М. II—264
- Ч**
Чавусаў М. І. III—190
Чавускі В. III—241
Чарнецкі С. М. III—97
Чарноўская М. II—209
Чарнышоў І. Г. III—173
Чарнышэвіч Ф. І. II—190, 225, 281
Чарнышэўскі М. Г. II—166, 298;
III—19
Чарняўскі І—192
Чачот Я. II—209—210, 266—267,
287; III—122
Чукоўскі К. І. II—239
Чулкоў Г. І. II—370
Чупрынка Г. А. II—316—334
Чхеідзе М. С. II—408
Чэліні І—269
Чэўкін С. М. II—409
Чэхаў А. П. II—371, 398—399
- Ш**
Шамбінага С. К. II—356
Шаптыцкі А. III—50
Шарапаў III—170
Шаўчэнка Т. Р. I—401; II—230—
248; III—50, 52
Шафарык П. III—76
Шахаўскі Дз. І. III—8
Шашкевіч М. III—49
Шмялёў І. С. II—342
Шотт Э. К. III—214
Шпэт Я. Г. II—228
Штраус II—160
Шубінскі Н. П. II—368
Шункевіч А. II—183, 272
- Шцітны Т. III—74
Шчадрын, гл. Салтыкоў-Шчадрын
М. Я.
Шчалаў П. П. III—188
Шчарбачоў Н. В. II—374
Шчарбіна М. Ф. II—164
Шыдлоўскі І. І. II—209
Шылер І. I—375; II—166, 298
Шынгароў А. І. II—347
Шыпіла, гл. Эпімах-Шыпіла Б. І.
Шыраеў В. Н. III—156, 188
Шыразскі С., гл. Саадзі Мусліхідзін
Шырокаў III—170
Шэйн П. В. II—272
Шэкспір У. II—49, 422
Шэлі П. Б. II—166, 298
Шэмет-Палачанскі Я. II—272
- Э**
Эган III—63—64
Энгель Ю. Д. II—374, 400; III—232
Эпімах-Шыпіла Б. І. III—245
Эпштэйн П. II—347
Эркоз III—170
Эўціхаў П. III—170
Эфрон І. А. II—162
- Ю**
Юдзін III—168
Южакоў С. М. III—14
Юнгман Я. III—76
Юрый Баляслаў, князь III—43
- Я**
Ябелаў В. М. III—154—155
Ядвігін Ш. II—191—192, 215—217,
226—227, 229, 281—282; III—190,
239, 242, 250
Язмен А. II—228
Языкаў М. М. II—316
Ялецкая А. А. III—135—139
Янук Д., гл. Дарашкевіч І. К.
Яраслаў Мудры, князь II—203; III—
38—39
Ярашэвіч Ю. II—209
Ясакар, гл. Бядуля Зм.
Яўгеньеў В. Я. II—426, 429
Яфрэмаў П. А. II—343

АЛФАВІТНЫ ДАВЕДНІК ТВОРАЎ ДА I—III ТАМОЎ

Том Тэкст Камент.

*** А чаго ж там на вуліцы так сабакі брэшуць? (Украінскія)	I	390	691
*** А чалом, чалом, мае госцейкі (Бяседная)	I	290	659
Аб веры нашых прашчураў	III	193	320
Агата (***) Помню йшла я да ратушы хутка)	I	303	662
Агляд працы за першы год Мінскага аддзела Беларускага таварыства для помачы пацярпеўшым ад вайны	III	190	317
*** Ад родных ніў, ад роднай хаты (Служыць ткачыхі)	I	90	585
*** Ад спёкі пышуць дахі і асфальт	I	102	590
*** Ад спомінаў дзіцячых лет (Купідон)	I	257	648
Азра (***) Кожны вечар ля крыніцы)	I	374	683
*** Акіян дрыжыць (Малюнак мора)	I	180	620
Актава (***) Як моцны рэактыў, каторы выклікае)	I	142	607
А. Л. Погодин. Славянский мир	II	384	561
*** Амур і сумны і прыгожы (На могілках)	II	254	646
А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды	II	356	555
*** Аня, Анечка	I	439	706
А. О. Козачковскому (***) Давно все это было)	I	404	696
Апавяданне аб іконніку і залатару	II	60	491
Апокрыф	II	50	486
*** Апусціўшы густыя расніцы	I	432	704
«Архив села Карабихи»	II	396	567
Асенняй ночай (***) Чарнеецца сажаю вечар)	I	211	631
〈Асенняя песня〉 (***) Як раньш, пня)	I	173	616
Астры (***) У поўначы астры ў саду расцвілі) з Алеся	I	194	626
*** «Ат, не дурыце галавы!» (Гутарка)	I	253	646
*** Ах, как умеете Вы, Анна (Четверной акростих)	I	324	668
*** Ах, как уютно, чисто, мило	I	328	670
Ах, Лявоніха, Лявоніха мая! (Лявоніха)	I	301	661
Ах, як спявае (Японскія)	I	395	692

Башня мира	II	136	502
Безнадзейнасць (***) Скарына, доктар лекарскіх навук)	I	91	586
*** Без сіл, уся ў пату, як белы снег, блядна	I	162	613
«Безумец» (Памяти Галілея)	II	345	554
Белорусы	III	119	307
*** Беларусь, твой народ дачакаецца	I	440	706
⟨Белорусский беженский приют⟩	III	195	321
Белорусское возрождение	II	257	537
*** Белы крыж, пліта, пад ёй — магіла	I	166	613
*** Белым кветам адзета каліна	I	249	645
*** Белым снегам укрылася вуліца (Хаўтуры)	I	241	642
*** Белым цветом одета калина	I	356	678
Білоруське відродженне	III	393	410
*** Бледны, хілы ўсё ж люблю я	I	120	597
*** Бледный, хилый, все ж люблю я	I	364	680
*** Блізка горнай рэчкі Сарыярві (Паво)	I	385	688
*** Блізка рэчкі Самацечкі камары таўкуцца (Мушка-зелянушка і камарык — насаты тварык)	I	279	657
*** Блішчыць у небе зор пасеў	I	61	573
*** Бог Апалон з галавы зняў карону і кінуў у неба (Грамада зорак «Карона»)	I	190	624
*** Больш за ўсё на свеце жадаю я	I	427	703
*** Бор шумеў, навязваў зводны сон (Хрэсьбіны лесуна)	I	208	631
Братья-чехи	III	66	297
*** Буду сніць і днямі, і начаі	I	428	703
Булгарин в белорусской шуточной поэме	II	254	536
Бура (***) Панурая, вялізная жывёла)	I	57	572
*** Бывае, вада перапоўніць	I	418	700
*** Была Ингеборг, як сасонка, страйна (Сканды-наўская)	I	391	693
*** Была каліс пара: гучэла завіруха	I	132	600
*** Быць можа, пуціна жыцця (Д. Д. Дзявольскаму)	I	245	643
Бяседная (***) А чалом, чалом, мае госцейкі)	I	290	659
⟨В воскресенье, 7 марта...⟩	III	6	282
*** В горячем споре возражая беспрестанно	I	330	671
В гостях у детей	III	151	312
В неволе (***) В Украине ли, в Сибири ль будут)	I	402	695
*** В неволе тяжело...хоть и воли	I	403	696
В с. ⟨еле⟩ Крест	III	168	315
В старом саду (***) Изящный сад — такой, как у Ватто)	I	345	676
*** В Украине ли, в Сибири ль будут (В неволе)	I	402	695
В цикле «Северное море» (Современным поэтам)	I	462	711
Вадзянік (***) Сівавусы, згорблены, я залёг між цінай)	I	55	571
*** Вакол мяне кветкі прыгожа красуюць (На чужыне)	I	201	628
Валерий Брюсов. Семь цветов радуги	II	411	571

Ванька-встанька	II	156	504
Варажба (***) Усе знікла — шум дажджу, і ветру вой сярдзіты)	I	267	652
Варона і чызж (***) Прыгода гэтая не так даўно была)	I	288	659
*** Вас днём нараджэння газеты віншую! (<Ліст у рэдакцыю «Нашай Нівы»>)	I	230	638
*** Вашай цётцы, здаецца, вельмі прыемна	I	424	702
В. Винниченко. Собрание сочинений, т. I—VIII	II	407	570
*** Ведай, брат малады, што ў грудзях у людзей (Песняру)	I	126	598
Вераніка	I	147	610
Вершы беларускага складу (***) Бяседная, (***) У Максіма на кашулі, (***) На Лявонавай кашулі, (***) Як прыйшла я на ток малаціць, (***) Хочь і зорачка — ды не вячэрняя)	I	290	659
Весеннее (***) Ручку?.. Только одну)	I	456	710
*** Ветер гонит желтых листьев стаю (Осенью)	I	333	672
Вечар (***) Месяц круглы ўстаў на небе)	I	85	582
*** Вечар на захадзе ў попеле тушыць	I	65	575
Вечар (***) На небе месяц ўстаў зялёны)	I	222	636
*** Вечар ціхі, вечар просты (Цяжарная)	I	226	637
*** Віншую ад душы, панове («Нашай Ніве»)	I	213	632
Вобразнасць апісанняў у вершах В. Марцінкевіча	II	420	574
Возера (***) Стаяў калісь тут бор стары)	I	53	569
Возера (***) У чарцы цёмнай і глыбокай)	I	59	573
Волгари	II	124	500
*** Вось і ноч. Нада мной заліліся слязамі нябёсы	I	232	639
В. Самийленко	II	300	548
*** Вулца — ў руху крокоў (Паўстанне)	I	379	685
*** Вулкі Вільні зіюць і гулка грымяць!	I	96	588
*** Вы кажэце мне, што душа у паэта	I	129	599
*** Вы, панове, пазіраеце далёка	I	130	599
*** Вы так часта пазіралі ў люстру	I	422	702
*** Вы, хто любіце натрапіць	I	51	568
*** Выйшаў з хаты. Ціха спіць надворак	I	307	663
Вясной	II	134	501
<Галицкая Русь>	III	26	291
Гарадок	II	130	501
Г. В. Плеханов. Дневник социал-демократа	II	408	571
Генрых (***) У Каносе, перад замкам)	I	373	683
Глыбы і слаі	II	185	511
*** Глянь: месяц бледны	I	176	618
*** Глянь, як зорка у цемні ляціць (С. Е. Палуяну)	I	104	591
*** Гнусь, працую, пакуль не парвецца (З песняў беларускага мужыка)	I	209	631
Годовщина Народного дома	III	174	316

Голос из Белоруссии	III	199	322
Городская любовь (***) Мы под навесом лип)	I	329	671
*** Готово! Парус распустили	I	406	697
Грамада зорак «Карона» (***) Бог Апалон з галавы зняў карону і кінуў у неба)	I	190	624
Грицько Чупринка	II	316	550
*** Гул вулічных шынкоў; панельны бруд; каштаны	I	186	622
Гутарка (***) «Ат, не дурцыце галавы!»)	I	253	646
Гутарка з паненкамі (***) Пабачце! Ластаўка малая)	I	128	599
*** Гэй, варушыцеся, коні панурья (Досі ўжо працы)	I	79	581
*** Гэй, пайдз ж я па вуліцы (Максім і Магдалена)	I	296	660
*** Гэты мілы, белы пальчык (Ласун)	I	450	709
Да беларускай калоніі ў Петраградзе	III	240	328
Да вагітнай (***) Ціха ідзеш ты, у нетрах дзіцёнка хадою калышаш)	I	157	612
Да дзяўчыны (***) Змоўклі вершы мае прад табой...)	I	321	667
*** Давно все это было... (А. О. Козачковскому)	I	404	696
*** Давно завянулі цветы	I	365	680
*** Дарэмна ловіце вы ў сетку матылька (Крытыку)	I	224	636
*** Даўно ўжо целама я хварэю	I	118	596
Дваіняткі (***) Нясмела я цяпер стаўлю)	I	434	705
Две заметки о стихотворениях Пушкина	II	415	573
Две смерти	III	144	311
Д. Д. Дзявольскаму (***) Быць можа, пуціна жыцця)	I	245	643
Дел (***) Сегодня было так тепло)	I	358	679
Дело по обвинению в разбое	III	135	311
Детская колония	III	184	317
Деятельность Минского белорусского комитета	III	203	323
Дзве песні (***) Я палямі іду на чужой старане)	I	367	680
Дзве смерці (***) Калі патрыцый смерць з прыветам спатыкаў)	I	103	591
*** Дзе вы, лясоў, палёў цвяты?	I	123	598
Дзед (***) Так цёпла цэлы дзень было)	I	259	648
*** Дзедал пачаў чарадой прыладжываць пер'я (Ікар і Дзедал)	I	377	685
*** Дзень гэты,— так пісаў Катул (Успамін)	I	256	647
*** Дзень добры, пане! (Пану Антону Навіне)	I	271	654
*** Дзераўлянае яечка (Трыялет)	I	158	613
*** Дзесь у хмарах жывуць павукі	I	68	576
*** Дзіўна кволья (Японскія)	I	395	692
*** Дзякуй, пане, бо пазнаў ад вас і я (Пан і мужык)	I	250	646
*** Дзяцюк шчыра любіць дзяўчыну	I	370	681
*** Для тебя, отчизна предков моих	I	398	694
Добра ў неба далёкае глянуць (***) Падымі угару сваё вока)	I	415	578

*** Добрай ночы, зара-зараніца!	I	63	574
*** Дождж у полі і холад... Імгла...	I	218	633
Доля мужыка (***) Ты скажы мне, мужык)	I	441	706
*** Донна Клара твар закрыла (Іспанскія)	I	393	691
*** Досі ўжо, браты, чужынцам мы служылі	I	442	706
Досі ўжо працы (***) Гэй, варушыцеся, коні панурыя)	I	79	581
*** Дробны дождж сячэ, ліецца (Разрытая магіла)	I	69	577
*** Душа твая — малюнак артыстычны (Зіянне месяца)	I	183	621
*** Душой стаміўшыся ў жыццёвых цяжкіх борах (Летапісец)	I	86	583
«Ежегодник Вологодской губернии»; «Ежегодник газе- ты «Речь» на 1914 г.	II	347	554
«Ежемесячный журнал» 1914 г. № 1	II	341	552
*** Ёсць адна толькі мудрасць жыцця (Credo)	I	451	709
*** Ёсць гэтка японская забаўка	I	433	704
*** Ёсць на свеце такія бадзязгі (Эміграцкая песня)	I	272	654
*** Ёсць чары ў забытым старадаўным (Тэрцыны)	I	143	608
Жаль книгу	II	159	504
«Жатва»	II	370	558
*** Жду я... Порхаюць снежыны пушыстыя	I	455	710
Желтые цветы	II	349	555
Жниво (***) Созревших хлебов золотые посева)	I	397	693
*** Жывая лялечка! Не душу і не сэрца	I	225	637
*** Жывеш не вечна, чалавек	I	121	597
З энкам дзіцё ты раджаеш	I	161	612
*** З нізкага берагу дно акіяна вачам недаступна (Пентаметры)	I	135	602
З песняў беларускага мужыка (***) Гнусь, працую, пакуль не парвецца, *** Я хлеба ў багатых прасіў і маліў)	I	209	631
З цыкла «Усмешкі» («Пан і мужык», *** Чытаю я жур- нал сучасны, *** Чаму у нас акамянеласці, «Гу- тарка»)	I	250	646
З цыкла «Лясун» («Прывольная, цёмная пушча»)	I	207	630
З цыкла «Лясун» (***) Я спакойна драмлю пад гарой між кустоў)	I	231	639
З цыкла «Эрас» (***) У космах схаваліся кветы чырво- ныя, *** Зірнуў, як між валос)	I	202	629
*** За дахамі места памеркла нябёс пазалота	I	98	589
За сахаром	III	172	316
За сто лет	II	208	523

За тры гады	II	223	527
*** Забудеця многае, Клава	I	332	672
Забутый шлях	II	292	547
Забуты шлях	II	286	546
Завіруха (*** У бубны дахаў вецер б'е)	I	100	590
*** Загарэлісь кроўю вочы (Пугач)	I	212	632
*** Залілось, слязьмі быццам, зоркамі	I	416	699
*** Замёрзла ноччу шпаркая крыніца (Санет)	I	248	645
⟨Заседание городской думы⟩	III	154	312
⟨Заседание городской думы⟩	III	185	317
Захад (*** Слабне золак, згарае)	I	175	617
*** Зачем грустна она была	I	340	674
*** Звярнуў калісь Пегас на вулкі (Уступ)	I	95	588
*** Здароў, марозны, звонкі вечар! (Зімой)	I	72	578
Зеленая любовь (*** По улице, смеясь, шаля)	I	335	673
Зімовая дарога (*** Шпарка коні імчацца у полі)	I	71	577
Зімой (*** Здароў, марозны, звонкі вечар)	I	72	578
*** Зірнуў, як між валос...	I	203	629
Зіяне месяца (*** Душа твая — малюнак артыстычны)	I	183	621
*** Змоўк пясняр, затаіў свае песні (Каганцу)	I	105	592
*** Змоўклі вершы мае прад табой (Да дзяўчыны)	I	321	667
Змяіны цар (*** У цёмным небе — хараводы)	I	56	571
Змяіны цар (*** Цемень. Сосны. Елкі. Мох. Кара)	I	221	635
*** «Золата, золата падае з неба!»	I	383	687
*** Зорка Венера ўзышла над зямлёю (Раманс)	I	77	580
*** Зразаюць галіны таполі адну за адной...	I	111	594
*** И серое небо, и сонные воды...	I	405	697
Иван Морозов. Красный звон	II	413	572
Иван Франко	II	297	547
Из испанских мотивов (*** О, мой маленький мучитель)	I	458	711
Из летних впечатлений	II	98	496
Из рассказа «Кленовые листочки» (З. В. Стэфаніка)	II	174	508
*** Ізноў пабачыў я сялібы	I	153	612
*** Ізяслаў-князь, сын Васількоў (Песня пра князя Ізяслава Полацкага)	I	236	640
*** Изящный сад — такой, как у Ватто (В старом саду)	I	345	675
Икар і Дзедал (*** Дзедал пачаў чарадой прыладжываць пер'я)	I	377	685
Икра (*** На маслянице слышал я от друга)	I	336	674
Il faut, voyez-vous, nous pardonner les choses (*** Трэ нам, бачыш, усё між сабой дараваць)	I	169	614
Il pleure dans mon coeur... (*** Плач сэрца майго)	I	174	617

Именинница	II	72	493
*** Им не пабачыць роднай хаты (Слуцкія ткачыі)	I	413	699
I. Неслухоўскі	II	183	509
Іспанскія (*** Яснавокая Аніта, *** Донна Клара твар закрыла, *** Найяснейшая сінёра)	I	393	691
*** Йстужку сінюю ўплятаю	I	438	706
К генеалогіі аднаго стихотворення	II	294	547
*** К твайму аконцу каля ганка (Пракляцце вагітнай)	I	160	612
Каб залячыць у сэрцы раны (Касцёл св. Анны ў Вільні)	I	247	644
Каганцу (*** Змоўк пясняр, затаіў свае песні)	I	105	592
*** Кажуць людзі, быццам, творачы мужчыну	I	191	624
Калейдоскоп жыцця	II	148	503
*** Калі зваліў дужы Геракл у пыл Антэя	I	119	597
*** Калі любоў ізмучыць	I	371	682
*** Калі маеш шмат чаго	I	372	682
*** Калі паласу агнявую	I	305	662
*** Калі патрыцый смерць з прыветам спатыкаў (Дзве смерці)	I	103	591
*** Калі смутак моцна дзьме душу маю (Мае песні)	I	198	627
*** Калі ў ракавіну цёмную жамчужніцы	I	124	598
*** Калісь глядзеў на сонца я (Трыялет)	I	140	606
Каля шляху ў чыстым полі (Над магілай)	I	196	626
Каменшчык	II	165	507
Карлік і чалавек	II	152	503
Кароткая гісторыя беларускай пісьменнасці да XVI стагоддзя	II	200	520
Касцёл св. Анны ў Вільні (*** Каб залячыць у сэрцы раны)	I	247	644
Катыш	II	116	499
*** Кінь вечны плач свой аб старонцы!	I	110	594
*** Кінь вокам на увесь абшар зямлі (Мяжы)	I	274	655
Кніга (*** Псалтыр, пакрытую няжорсткай бурай кожай)	I	89	585
Кніга (*** Псалтыр, пакрытую нежесткай бурой кожай)	I	361	679
*** Кожны вечар ля крыніцы (Азра)	I	374	683
Колька	II	20	484
Кооператывное совещание	III	177	316
Костел св. «ятой» Анны в Вільне (*** Чтоб заживить на сердце раны)	I	339	674
Краса і сіла	II	230	533
Краю мой родны! Як выклічаны богам...	I	107	592
Крестьянин-поэт С. Д. Дрожжин	II	336	551
Крым	II	362	557

Крытыку (***) Дарэмна ловіце вы ў сетку матылька)	I	224	636
Крытыку (***) Чэліні статуі не рабіў)	I	269	652
Купідон (***) Ад спомінаў дзіцячых лет)	I	257	648
Ласун (***) Гэты мілы, белы пальчык)	I	450	709
*** Лепшы медзі сабе памятник справіў я (Памятник)	I	376	684
Летапісец (***) Душой стаміўшыся ў жыццёвых цяжкіх борах)	I	86	583
*** Ліецца па бары шырокі, поўны шум)	I	447	708
Ліст да п. В. Ластоўскага (***) Хоць значыць гэтае несьць у Афіны совы)	I	263	650
⟨Ліст у рэдакцыю «Нашай Нівы»⟩ (***) Вас днём нараджэння газеты віншую!	I	230	638
*** Ліхтарняў свет у сінняй вышыне... (У Вільні)	I	97	588
*** Лучы веселье ігралі (Н. И. Костомарову)	I	401	694
Львов	III	51	296
Любовь Столица. Елена Деева	II	402	569
Лявоніха (***) Ах, Лявоніха, Лявоніха мая!)	I	301	661
Лясун (***) Сосны, елі, хвоя, хвощы)	I	215	634
Мадонна	II	42	485
Мае песні (***) Калі смутак моцна дзьме душу маю)	I	198	627
Маёвая песня (***) Па-над белым пухам вішняў)	I	75	579
Максім і Магдалена (***) Гэй, пайду ж я па вуліцы)	I	296	660
*** Маладыя гады	I	306	662
Малюнак мора (***) Акіян дрыжыць)	I	180	620
*** Маркотна я чакаю. Для чаго ты	I	243	643
Марына	II	75	493
*** Маць-Беларусь! Цяжка твайму сыну	I	452	709
*** Мая гаспадыня	I	425	702
Мая душа (***) Мая душа, як ястраб дзікі)	I	223	636
*** Мая душа, як лук, нацягнутаі была (Эпіграф да верша)	I	321	667
*** Месяц выплыў над змрочнай, заснуўшай зямлёй (Самнамбул)	I	66	575
*** Месяц круглы ўстаў на небе (Вечар)	I	85	582
*** Мілая, згадай (Японскія)	I	395	692
Мимоходом	III	180	316
Michał Orzechowski Storczyki	II	414	572
Млоснасць (***) Я — падупаўшы Рым, каторы пазірае)	I	189	623
М. М. Путеводитель по Галиции и ее курортам	II	375	559
*** Мне долгое забвеньё Вами (Триолет XVIII века)	I	344	676
*** Мне доўгае расстанне з Вамі (Трыялет)	I	255	647
Мне снілася (***) Усё вышэй і вышэй я на гору ўзбіраўся)	I	133	601

Мне снилось... (***) Я все выше и выше на гору поды- мался)	I	363	679
*** Муар	I	429	703
*** Мудрай прамовы	I	122	598
Музыка	II	6	483
«Музыкальный современник» №№ 1—6	II	400	568
Мушка-зелянушка і камарык — насаты тварык (***) Блізка рэчкі Самацечкі камары таўкуцца)	I	279	658
*** Мы гаворым удвух пры агні ў цішыне	I	311	665
*** Мы доўга плылі ў бурным моры	I	131	600
*** Мы под навесом лип... (Городская любовь)	I	329	671
Мытарства беженцев	III	182	316
Мяжы (***) Кінь вокам на увесь абшар зямлі)	I	274	655
На беларускія тэмы	III	128	310
*** На глухіх вулках — ноч глухая	I	99	589
*** На кожаном лісце пред узенькім окном (Пере- писчик)	I	360	679
*** На Лявонавай кашулі вышыты галубкі	I	293	659
*** На маслянцы слышал я от друга (Икра)	I	336	674
На могілках (***) Амур і сумны і прыгожы)	I	254	646
*** На нас томительно, угрюмо наплывае	I	355	678
*** На небе месяц ўстаў зялёны (Вечар)	I	222	636
На реке вавилонской (***) На реке вавилонской — и я там сидел)	I	407	697
*** На солнце загляделся я (Триолет)	I	343	676
На углу	II	126	500
*** На цёмнай гладзі сонных луж балота (Санет)	I	138	604
На чужыне (***) Вакол мяне кветкі прыгожа красуюць)	I	201	628
*** На чыстым аркушы, прад вузенькім акном (Пера- пісчык)	I	88	584
*** Набгае яно	I	318	667
Над возерам (***) Сонца ціха скацілася з горкі)	I	54	570
Над магілай (***) Каля шляху ў чыстым полі)	I	196	627
Над магілай мужыка (Спі, бядак!)	I	227	637
Над морам (Учора йшчэ буры раскаты грывелі)	I	229	638
*** Найяснейшая сіньёра (Іспанскія)	I	393	691
*** Напілося сонца са крыніц сцюдзёных	I	116	596
*** Народ, Беларускі Народ!	I	266	651
Народное образование	III	8	283
Н. А. Рубакин. Среди книг	II	386	562
«Национальные проблемы»	II	382	561
«Нашай Ніве» (***) Віншую ад душы, панове)	I	213	632
*** Нашых дзедаў душылі абшары лясоў	I	113	595
*** Не анёл у трубу уструбіў (Страцім-лебедзь)	I	316	666

*** Не блішчыць у час змяркання і ў глыбокай цёмні ночы	I	115	596
*** Не бядуў, што хмары	I	246	643
Не жаласці, а праўды	III	237	327
*** Не знайсці мне спакою ні цёмнаю ноччу, ні днём (Раманс)	I	234	639
*** Не куй ты, шэрая зязюля	I	82	581
*** Не сердись на меня, тихий друг	I	460	711
Непагодаю маёвай (***) Падаюць вішняў цвяты, і раз- носіць іх вецер халодны)	I	136	603
*** Непагодны вечар. Сумна, дружа, мусі?	I	310	664
Несчастный случай	II	8	483
Николай Дмитриевич Ножин	III	157	312
*** Николай Иванович! Вы ли? (<Триолет>)	I	334	673
Н. И. Костомарову (***) Лучи веселые играли)	I	401	694
Н. К. Михайловский	III	13	283
Н. М. Никольский. Древний Вавилон	II	339	552
Новая интеллигенция	III	15	286
Новые письма Л. Н. Толстого	II	390	563
<Новый период в истории белорусской литературы>	II	211	525
*** Ноч. Газніца гарыць, чырванее	I	70	577
*** Ноч. Дождж. Нябёс імгла. Абрысам цёмным рэжа	I	188	622
Ноч (***) Ціха ўсё была на небе, зямлі і на сэрцы...)	I	200	627
*** Ноч імглою сізай землю аблівае	I	417	700
Н. Снесарев. Мираж «Нового времени»	II	368	557
Нумизматы	II	154	503
*** Нясмела я цяпер стаўлю (Двайняткі)	I	434	705
*** Няяркая, маленькая вясёлка (Просценькі вершык)	I	268	652
О взятке	II	162	505
О гуманизме и неосмотрительности	III	90	304
*** О, мой маленький мучитель (Из испанских мотивов)	I	458	711
*** О, не вечно тучи мглою	I	453	710
*** О, сум, усні ў душы маёй	I	171	616
Об интересном мнении г. Глебова	II	377	559
Обзор деятельности Минской губернской продоволь- ственной комиссии по I января 1917 года	III	206	323
Образы Галиции в художественной литературе	III	94	304
Одинокий	II	249	535
*** Ой, грымі, грымі, труба, ўранку рана	I	436	705
*** Ой, лясы-бары ды лугі-разлогі!	I	276	655
*** Ой, пайшла сабе Скірпуса на кірмаш (Скірпуса)	I	302	661
*** Ой, скацілася зорачка, скацілася	I	437	705
*** Ой, чаму я стаў паэтам	I	117	596
Озеро (***) Тут рос густой, суровый бор)	I	353	678
Около билетов	II	128	500

Около театра миниатюр	II	122	500
Осенью (***) Ветер гонит желтых листьев стаю)	I	333	672
*** От впечатлений детских лет (Скерцо)	I	346	676
«Отчество»	II	405	570
*** Па ляду, у глухім бары	I	94	587
Паво (***) Блізка горнай рэчкі Сарыярві)	I	385	688
Пагоня (***) Толькі ў сэрцы трывожным пачую)	I	314	666
*** Падаюць вішняў цвяты, і разносіць іх вецер халодны (Непагодаю маёвай)	I	136	603
Падвей (***) Разгулялася вясёлая мяцель)	I	217	634
*** Пад ценню цёмных ліп, схаваўшых нашу пару	I	244	643
*** Падымі угару сваё вока	I	74	578
П. А. Кропоткин о войне	II	404	569
*** Палаюць асіны, каліны (Старасць)	I	216	643
*** Пальмы гордые і лавры	I	399	694
*** Паміж пясчоў Егіпецкай зямлі (Санет)	I	137	603
Памяти Т. Г. Шевченко	II	242	534
Памятник (***) Лепшы медзі сабе памятник справіў я)	I	376	684
*** Па-над белым пухам вішняў (Маёвая песня)	I	75	579
Пан і мужык (***) Дзякуй, пане, бо пазнаў ад вас і я) (Пану Антону Навіне) (***) Дзень добры, пане!).	I	250	646
*** Панурая, вялізная жывёла (Бура)	I	57	572
*** Пасля радзін ты ўсё штодня марнееш	I	163	612
Паўстанне (***) Вуліца — ў руху кракоў)	I	379	685
Пачуццю цёмнаму падлеглая (***) Ты ўжо рассталася з уборам)	I	155	612
*** Пекла было тут у тую часіну	I	193	626
Пентаметры (***) Чыстыя слёзы з вачэй пакаціліся нізкай парванай, *** Хіліцца к вечару дзень, і даў- жэйшымі робяцца цені, *** З нізкага берагу дно акіяна вачам недаступна)	I	135	602
Перад паводкай (***) Праясняецца пагода)	I	73	578
Перапісчык (***) На чыстым аркушы, прад вузенькім акном)	I	88	584
Переписчик (***) На кожаном листе пред узеньким окном)	I	360	679
Персідскія (***) Я ўсё забыў на свеце і ведаю адно, *** Празрыстым пакрываюць ты агарнула твар).	I	396	693
Першая любоў (***) Ўжо позна)	I	242	642
Песня пра князя Ізяслава Полацкага (***) Ізяслаў- князь, сын Васількоў)	I	236	640
Песняру (***) Ведай, брат малады, што ў грудзях у людзей)	I	126	598
Письма А. П. Чехова	II	398	567
*** Плакала лета, зямлю пакідаючы	I	67	576

*** Плач сэрца майго	I	174	617
*** По улице, смеясь, шаля (Зеленая любовь)	I	335	673
*** Подыми к небесам свои взоры	I	349	677
*** Покуль, зорка, ўранці твой	I	177	618
Покушение на вооруженную кражу	III	141	311
Покушение на поджог	III	148	312
Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского	II	372	558
*** Помню — йшла я да ратушы хутка (Агата)	I	303	662
После концерта Яна Кубелика	II	145	502
Поэзия гениального ученого	II	195	519
*** Праз радасны заліты светам бор (Споўненае абяцанне)	I	261	649
*** Празрыстым пакрывалам ты агарнула твар (Персідскія)	I	396	693
Пракляцце вагітнай (*** К твайму аконцу каля ганка)	I	160	612
*** Пралятайце вы, дні	I	319	667
<Прошение>	III	239	327
Прошение	III	241	329
Прошение	III	242	329
*** Праясняецца пагода (Перад паводкай)	I	73	578
Преступление	II	25	484
Притча о васильках	II	57	490
Просенькі верхык (*** Няяркая, маленькая вясёлка)	I	268	652
*** Прочтите с участием правдивую эту	I	351	677
*** Прывет табе, жыццё на волі!	I	60	573
*** Прывольная, цёмная пушча (З цыкла «Лясун»)	I	207	630
*** Прыгода гэтая не так даўно была (Варона і чыж)	I	288	659
*** Прыгожы сад, які любіў Вато (У старым садзе)	I	262	650
Прыйдзе вясна (*** Холадна. Вецер па полі гуляе)	I	197	627
*** Прыйдзецца, бачу, пазайздрыць бяздольнаму Марку	I	309	664
*** Прынадна вочы ззяюць да мяне (Санет)	I	270	653
*** Прычасціўся целу мацеры	I	449	709
*** Псалтыр, пакрытую няжорсткай бурай кожей (Кніга)	I	89	585
Пугач (*** Загарэлісь кроўю вочы)	I	212	632
*** Пэўна, любіце вы, пане	I	237	641
Рабиндранат Тагор, Гитанджали (Жертвопесни)	II	358	556
*** Разгарайся хутчэй, мой агонь, між імглы	I	240	642
*** Разгулялася вясёлая мяцель (Падвей)	I	217	634
Разрытая магіла (*** Дробны дождж сячэ, ліецца)	I	69	577
*** Рака срэдзь вулкі! Як мана	I	184	621

Ракаўкі (***) У кожнай з ракавак, пакрасіўшых сабой)	I	182	620
Раманс (***) Зорка Венера ўзышла над зямлёю)	I	77	580
Раманс (***) Не знайсці мне спакою ні цёмнаю ноччу, ні днём)	I	234	639
Рандо (***) Узор прыгожы пекных зор)	I	141	606
*** Раяль цалуе тонкая рука	I	178	618
Роман Трыстана и Изольды в изложении Ж. Бедье	II	337	551
Русалка (***) Скучна мне ў глыбіне, ў цішыне)	I	205	630
Руская (***) Сёння дзень у нас светлы, радасны)	I	389	690
«Русский экскурсант»	II	389	562
*** Рушымся, брацця, хутчэй	I	112	595
*** Рыцар Няшчасце, што скрозь ездзіць пад маскай маўчком	I	167	616
*** Ручку?.. Только одну (Весеннее)	I	456	710
Самнамбул (***) Месяц выплыў над змрочнай, заснуўшай зямлёй)	I	66	575
Санет	II	193	516
Санет (***) Замёрзла ноччу шпаркая крыніца)	I	248	677
Санет (***) На цёмнай гладзі сонных луж балота)	I	138	604
Санет (***) Паміж пясцоў Егіпецкай зямлі)	I	137	603
Санет (***) Прынадна вочы ззяюць да мяне)	I	270	653
Санет (***) Я тайну ў глыбіні душы хаваю)	I	382	686
*** Свяча бліскачая зіе	I	125	598
С. Д. Дрожжин	II	218	527
*** Сегодня было так тепло (Дед)	I	358	679
Сельскохозяйственная перепись	III	166	315
〈Сентыментальная бяседа〉 (***) У полі дзікім і апусцелым)	I	181	620
С. Е. Палуяну (***) Глянь, як зорка у цемні ляціць)	I	104	592
*** Сеў хлопчык з шкляначкай ля вулічнага ганку	I	101	590
*** Сёння дзень у нас светлы, радасны (Руская)	I	389	690
*** Сілавусы, згорблены, я залёг між цінай (Вадзянік)	I	55	571
*** Скарына, доктар лекарскіх навук (Безнадзейнасць)	I	91	586
Скерцо (***) От впечатлений детских лет)	I	346	676
Скірпуся (***) Ой, пайшла сабе Скірпуся на кірмаш)	I	302	661
*** Скоро вечер в прошедшее канет	I	354	678
*** Скрылася кветамі ў полі магіла	I	228	638
*** Скучна мне ў глыбіне, ў цішыне (Русалка)	I	205	630
*** Слабне золак, згарае (Захад)	I	175	617
«Славянская библиотека», № 1	II	380	560
*** Слічна Галя Васілёва, слічна ды прыгожа (Украінскія)	I	390	691

Слущкія ткачыхі (***) Ад родных ніў, ад роднай хаты)	I	90	585
Слущкія ткачыхі (***) Ім не пабачыць роднай хаты)	I	413	
*** Слушай, Рона, эту сказочку про «гагу»	I	327	670
*** Слышишь гул? Это дико-печальный лесун	I	352	678
*** «Смертию смерть поправ»	I	164	612
Смерть	II	179	509
*** Смех и говор. В пестрой юбке обезьянка	I	348	677
С. М. Чевкин. Шестая держава	II	409	571
Chanson d'automne (***) Як раньш, пяе)	I	173	616
Собрание сочинений К. Рылеева и Одоевского	II	343	553
Современным поэтам (***) В цикле «Северное море»)	I	462	711
Содержание лекции «Беларускае адраджэнне»	II	423	575
*** Созревших хлебов золотые посева (Жниво)	I	397	693
Сонет (***) Что из того, что стих в душе кипит?)	I	342	676
Сон-трава	II	53	489
*** Сонца ціха скацілася з горкі (Над возерам)	I	54	570
*** Сон цёмны ўсё мацнее	I	172	616
*** Сосны, елі, хвоя, хвошчы (Лясун)	I	215	634
С. Палуяну (***) Ты быў, як месяц, адзінокі)	I	260	649
*** Спеў залунаў — і сама адгукнулася чула на ліры	I	446	708
*** Спі, бядак! (Над магілай мужыка)	I	227	637
Споўненае абяцанне (***) Праз радасны заліты светам бор)	I	261	649
*** Срэбнымі рожкамі мгліцца (Срэбныя змеі)	I	239	641
Срэбныя змеі (***) Срэбнымі рожкамі мгліцца)	I	239	641
Sredo (***) Есць адна толькі мудрасць жыцця)	I	451	709
Сталецце руху беларускага народа	III	24	289
Старасць (***) Палаюць асіны, каліны)	I	216	634
*** Стаў хлапчына ля дзяўчыны, каламыйку грае (Украінскія)	I	390	691
*** Стаяў калісь тут бор стары (Возера)	I	53	569
Страцім-лебедзь (***) Не анёл у трубу уструбіў)	I	316	666
Страшно	II	71	493
⟨Стремление найти метод научной критики⟩	II	422	575
*** Сумна мне, а ў сэрцы смутак ціха запявае	I	81	581
*** Сюжа, мрок... Я ізноў хвараваты	I	308	664
*** Счастье, ты вчера блеснуло мне несмело	I	338	674
*** Сэрца ные, сэрца кроіцца ад болю	I	84	582
*** Сягоння ноччу я ў царстве казкі	I	445	707
*** Сяджу я ў турме за рашоткай гады	I	381	686
*** Сярод вуліцы ў нас карагод	I	286	658
«Сярод глухой пушчы...»	II	132	501
*** Так цёпла цэлы дзень было (Дзед)	I	259	648

*** Тая крыніца, што раньш к акіяну нясла свае хвалі	I	420	701
Теофиль Готье. Эмали и камни	II	360	556
*** Теплый вечер, тихий ветер, мягкий стог	I	359	679
*** Теплый гром. Цвета, черешня	I	400	694
*** Те, что в холодных сердцах любви ни к кому не имеют	I	409	698
*** Толькі чаму ж гэта ў ночы глыбокія	I	423	702
*** Толькі ў сэрцы трывожным пачую (Пагоня)	I	314	666
Триолет XVIII века (***) Мне долгое забвеньє Вами)	I	344	676
Триолет (***) На солнце загляделся я)	I	343	676
<Триолет> (***) Николай Иванович! Вы ли?)	I	334	673
Трыялет (***) Дзераўлянае яечка)	I	158	612
Трыялет (***) Калісь глядзеў на сонца я)	I	140	606
Трыялет (***) Мне доўгае расстанне з Вамі)	I	255	647
Трыялет (***) Як птушка ў гібкіх трасніках)	I	139	605
*** Трэ нам, бачыш, усё між сабой дараваць	I	169	614
*** Трэск дроў; газніцы блеск няяркі; за сталом	I	187	622
*** Тут пахаваны мае пачуванні	I	446	708
*** Тут рос густой, суровый бор (Озеро)	I	353	678
*** Ты быў, як месяц, адзінокі (С. Палуяну)	I	260	649
*** Ты вечером крещенским ворожила	I	357	679
*** Ты доўга сядзела за сталом	I	273	654
*** Ты не згаснеш, ясная зараначка)	I	443	707
*** Ты ночкаю каляднай варажыла	I	220	636
*** Ты скажы мне, мужык (Доля мужыка)	I	441	706
*** Ты стамілася, змарнела, слёз праліла рэчку (Ян і маці)	I	83	582
*** Ты ўжо рассталася з уборам (Пачуццю цёмнаму падлеглая)	I	155	612
*** Тым вянкi суворай славы	I	165	612
Тэрцыны (***) Есць чары у забытым, старадаўным)	I	143	608
*** У бубны дахаў вецер б'е (Завіруха)	I	100	590
У вёсцы (***) Хвалююць сэрца нам дзявочыя пастаці)	I	144	609
У Вільні (***) Ліхтарняў свет у сіняй вышыне...)	I	97	588
*** У каго ты, дзяўчынанька, тварай удалася? (Укра- інскія)	I	390	691
*** У Каносе, перад замкам (Генрых)	I	373	683
*** У кожнай з ракавак, пакрасіўшых сабой (Ракаўкі)	I	182	620
*** У космах схаваліся кветы чырвоныя	I	202	629
*** У краіне светлай, дзе я ўміраю	I	320	667
*** У Максіма на кашулі вышыты галубкі	I	292	659
*** У мясечку Церасечку не званы гудзяць	I	289	659

*** У небе — ля хмары грывотнай — празрыстая, лёгкая хмара	I	58	572
*** У полі дзікім і апусцелым (Сентыментальная бяседа)	I	181	620
*** У полі мрок	I	179	619
*** У поўначы астры ў саду расцвілі (Астры)	I	194	626
У старым садзе (***) Прыгожы сад, які любіў Вато)	I	262	650
*** У паўночным краю на кургане	I	369	681
*** У цёмным небе — хараводы (Змяіны цар)	I	56	571
*** У чарцы цёмнай і глыбокай (Возера)	I	59	573
Угорская Русь	III	54	296
*** Уж синее небо темнеет	I	350	677
*** Ужо зноў не спаткаюцца тыя шляхі	I	192	625
*** Ужо кроўю ногі пыл шасы гарачай росяць (Шынок)	I	185	621
*** Ужо пара мне дадому збірацца	I	312	665
*** Ужо позна (Першая любоў)	I	242	642
*** Узор прыгожы пекных зор (Рандо)	I	141	606
*** Уймись, волнения страсти	I	325	668
«Украинская жизнь», 1915 г. № 1—12	II	394	566
Українскія (***) У каго ты, дзяўчынанька, твараі уда-лася?, *** Стаў хлапчына ля дзяўчыны, каламыйку грае, *** Слічна Галя Васілёва, слічна ды прыгожа, *** А чаго ж там на вуліцы так сабакі брэшучь?)	I	390	691
Украинское казачество	III	78	300
⟨Уласнаручны запіс М. Багдановічам афарызмаў і асобных моўных выказаў⟩	III	232	324
⟨Уласнаручны спіс твораў М. Багдановіча, напісаных ім на рускай мове і надрукаваных у розных рускіх перыядычных выданнях⟩	III	236	326
Упалі з грудзей Пана Бога...	I	106	592
*** Усё адна цяпер мне думка сэрца ⟨сушыць⟩	I	426	703
*** Усё вышэй і вышэй я на гору ўзбіраўся (Мне снілася)	I	133	601
*** Усё знікае (Японскія)	I	395	692
*** Усё знікла — шум дажджу, і ветру вой сярэдзіты (Варажба)	I	267	652
*** Усё праходзе — і радасць, і мукі	I	313	665
*** Усё ў жыцці мне даўно ўжо абрыдла	I	419	700
Успамін (***) Дзень гэты, — так пісаў Катул)	I	256	647
*** Успывае грамада сіфанафора	I	444	707
*** Устань, навальніца, мкні нанова	I	114	595
Уступ (***) Звярнуў калісь Пегас на вулікі)	I	95	588

Уступ (** Я думы, путамі не скутыя)	I	127	599
*** Уся ў слязах, дзяўчына	I	80	581
*** Учора йшчэ буры раскаты грэмелі (Над морам)	I	229	638
*** Учора шчасце толькі глянула нясмела	I	235	639
*** Халоднай ноччу я ў шырокім, цёмным полі	I	109	593
*** Халодная, ясная ноч...	I	421	701
Хаўтуры (** Бельм снегам укрылася вуліца)	I	241	642
*** Хвалююць сэрца нам дзявочыя пастаці (У вёсцы)	I	144	609
*** Хіліцца к вечару дзень, і даўжэйшымі робяцца цені (Пентаметры)	I	135	602
*** Хмурья, цёмныя гудзяць і шэпчаць елі	I	204	630
*** Халадна. Вецер па полі гуляе (Прыйдзе вясна)	I	197	627
*** Хорошо прозрачной теплой ночью мая	I	323	668
*** Хоць значыць гэтае несць у Афіны совы (Ліст да п. В. Ластоўскага)	I	263	650
*** Хоць і зорачка — ды не вячэрняя	I	295	659
*** Хоць мы былі адны ў той час	I	154	612
*** Хочаш сябе ты пазнаць	I	375	684
*** Хоць значыць гэтае несць у Афіны совы (Ліст да п. В. Ластоўскага) (** Бор шумеў, навяваў зводны сон)	I	208	630
Хто мы такія?	III	126	310
*** Хто там едзе па Касову полю?	I	387	690
*** Цемень. Сосны. Елкі. Мох. Кара (Змяіны цар)	I	221	635
Цемень (** Я сяджу без агню)	I	214	633
Цензурныя мытарства Н. А. Некрасова	II	426	576
*** Цёмнавокая пані, канец!	I	431	704
*** Цёмнай ноччу лучына дагарала	I	277	656
*** Цёмна неба начное	I	156	612
*** Цёплы вечар, ціхі вечер, свежы стог	I	62	573
*** Ці ведаеце Вы, цёмнавокая пані	I	430	704
*** Ціха ідзеш ты, у нетрах дзіцёнка хадою калышаш (Да вагітнай)	I	157	612
*** Ціха па мяккай траве	I	64	575
*** Ціха ўсё была на небе, зямлі і на сэрцы... (Ноч)	I	200	627
*** Ціхі вечар; знікнула спякота	I	92	587
*** Ціхі і сіні блішча над хатай	I	170	615
*** Ціхія мае ўсе песні, цёмныя, як вугаль чорны	I	233	639
Цяжарная (** Вечар ціхі, вечар просты)	I	226	637
*** Тяжкая дарога	I	384	688
*** Чаму у нас акамянеласці (З цыкла «Усмешкі»)	I	252	646
*** Чарнеецца сажая вечар (Асенняй ночай)	I	211	631
〈Частушка〉	II	418	574
Червоная Русь	III	29	292

⟨Черновой незаконченный набросок⟩	II	421	574
Четверной акrostих (***) Ах, как умеете Вы, Анна	I	324	668
*** Чтоб заживить на сердце раны (Костел св⟨ятой⟩ Анны в Вильне)	I	339	674
*** Что из того, что стих в душе кипит? (Сонет)	I	342	676
Чудо маленького Петрика	II	79	494
*** Чуеш гул? — Гэта сумны, маркотны лясун	I	52	568
*** Чыстыя слёзы з вачэй пакаціліся нізкай парванай (Пентаметры)	I	135	602
*** Чытаю я журнал сучасны (3 цыкла «Усмешкі»)	I	251	646
*** Чэліні статуі не рабіў (Крытыку)	I	269	652
*** Шаман	II	64	492
*** Шмат у нашым жыцці ёсць дарог	I	134	601
*** Шпарка коні імчацца у полі (Зімовая дарога)	I	71	577
*** Шчасцем яна аж да краю	I	448	708
Шынок (***) Ужо кроўю ногі пыл шасы гарачай ро- сяць)	I	185	621
Экзамен	II	90	494
Эміграцкая песня (***) Ёсць на свеце такія бадзязі)	I	272	654
Эпіграф да верша (***) Мая душа, як лук, нацягнутай была)	I	321	667
Эпістальная спадчына	III	243	329
Юдава поле	II	424	575
Ю. Энгель. Музыкальны словарь	II	374	559
*** Я, балны, бесскрыдлаты паэт	I	219	635
*** Я все выше и выше на гору подымался (Мне снилось...)	I	363	679
*** Я вспоминаю Вас такой прекрасной, стройной	I	341	674
*** Я вспоминаю дом старинный	I	326	669
*** Я думы, путамі не скутыя (Уступ)	I	127	599
*** Я на души ўражлівай маю (Вераніка)	I	147	610
*** Я, Купала,— не малое	I	461	711
*** Я — непрыкметны, шэры чалавек	I	435	705
*** Я — падупаўшы Рым, каторы пазірае (Млоснасць)	I	189	623
*** Я палямі іду на чужой старане (Дзве песні)	I	367	680
*** Я спакойна драмлю пад гарой між кустоў (3 цыкла «Лясун»)	I	231	639
*** Я сяджу без агню (Цемень)	I	214	633
*** Я тайну ў глыбіні души хаваю (Санет)	I	382	686
*** Я ўсё забыў на свеце і ведаю адно (Персідскія)	I	396	693
*** Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы	I	278	656
*** Я хлеба ў багатых прасіў і маліў (3 песняў бела- рускага мужыка)	I	210	631
*** Як Базыль у паходзе канаў	I	287	658

*** Як моцны рэактыў, каторы выклікае (Актава) . . .	I	142	607
*** Як прыйшла я на ток малаціць	I	294	659
*** Як птушка ў гібкіх трасніках (Трыялет)	I	139	605
*** Як раньш, п'яе <Асенняя песня>	I	173	616
*** Як толькі закрыву я вочы	I	238	641
*** Як хораша, калі дзіцё	I	159	612
Ян і маці (***) Ты стамілася, змарнела, слёз праліла рэчку)	I	83	582
*** Яснавокая Аніта (Іспанскія)	I	393	691
Японскія (***) Ах, як спявае, (***) Мілая, згадай, (***) Дзіў- на кволя, (***) Усё знікае)	I	395	692

ЗМЕСТ

ПУБЛІЦЫСТЫКА

〈В воскресенье, 7 марта...〉	6	282
Народное образование	8	283
Н. К. Михайловский	13	283
Новая интеллигенция	15	286
Сталеще руху беларускага народа	24	289
〈Галицкая Русь〉	26	291
Червоная Русь	29	292
Львов	51	296
Угорская Русь	54	296
Братья-чехи	66	297
Украинское казачество	78	300
О гуманизме и неосмотрительности	90	304
Образы Галиции в художественной литературе	94	304
Белорусы	119	307
Хто мы такія?	126	310
На белорусские темы	128	310
Дело по обвинению в разбое	135	311
Покушение на вооруженную кражу	141	311
Две смерти	144	311
Покушение на поджог	148	312
В гостях у детей	151	312
〈Заседание городской думы〉	154	312
Николай Дмитриевич Ножин	157	312
Сельскохозяйственная перепись	166	315
В с.〈еле〉 Крест	168	315
За сахаром	172	316
Годовщина Народного дома	174	316
Кооперативное совещание	177	316
Мимоходом	180	316
Мытарства беженцев	182	316
Детская колония	184	317
〈Заседание городской думы〉	185	317
Агляд працы за першы год Мінскага аддзела Беларускага таварыства для помачы пацярпеўшым ад вайны	190	317

Аб веры нашых прашчураў	193	320
〈Белорусский беженский приют〉	195	321
Голос из Белоруссии	199	322
Деятельность Минского белорусского комитета	203	323
Обзор деятельности Минской губернской продовольственной комиссии по 1 января 1917 года	206	323
〈Уласнаручны запіс М. Багдановічам афарызмаў і асобных моўных выразаў〉	232	324
〈Уласнаручны спіс твораў М. Багдановіча, напісаных ім на рускай мове і надрукаваных у розных рускіх перыядычных выданнях〉	236	326
Не жаласці, а праўды!	237	327
Прошение	239	327
Да беларускай калоніі ў Петраградзе	240	328
Прошение	241	329
Прошение	242	329

ЛІСТЫ

1909

У рэдакцыю «Нашай нівы». [Май — чэрвень]	244	330
--	-----	-----

1911

У рэдакцыю «Маладой Беларусі». 27 лістапада	244	330
---	-----	-----

1911—1912

У рэдакцыю «Маладой Беларусі». [1911—1912]	245	331
--	-----	-----

1912

В. Я. Брусаву. 26 красавіка	246	332
У рэдакцыю «Нашай нівы». 29 ліпеня	247	332
У рэдакцыю «Нашай нівы». 1 жніўня	248	333
У рэдакцыю «Нашай нівы». 14 лістапада	249	333

1913

У рэдакцыю «Нашай нівы». [1913]	252	335
У рэдакцыю «Нашай нівы». 2 сакавіка	252	335
Ф. Я. Коршу. 22 красавіка	253	336
У рэдакцыю «Нашай нівы». 27 красавіка	253	336
У рэдакцыю «Нашай нівы». 21 кастрычніка	254	337
В. Ластоўскаму. 7 лістапада	256	337

1914

Л. А. Багдановічу. 20 сакавіка	257	338
В. Ластоўскаму. 23 мая	257	338

1916

В. А. Лявіцкай. [верасень]	258	338
--------------------------------------	-----	-----

1917

А. Смолічу [люты — сакавік]	258	339
П. І. Гапановічу. [Сакавік — красавік]	258	339
А. Я. Багдановічу. [Май]	259	339
Пасляслоўе. Уладзімір Конан. Публіцыстыка Максіма Багдановіча	260	
Каментарыі	281	
Летапіс жыцця і творчасці	340	
Дадатак. Білоруське відродження	393	410
Апіс рукапісаў М. Багдановіча і матар'ялаў да яго біяграфіі	413	
Паказальнік імёнаў да I — III тамоў	431	
Алфавітны даведнік твораў да I — III тамоў	440	

Літаратурна-мастацкае выданне

Максім Багдановіч

ПОУНЫ ЗБОР ТВОРАЎ У ТРОХ ТАМАХ

ТОМ III

ПУБЛІЦЫСТЫКА, ЛІСТЫ,
ЛЕТАПІС ЖЫЦЦЯ І ТВОРЧАСЦІ

Рэдактары *Л. В. Пятройская, Н. М. Тарасевіч*
Мастак *Р. М. Карачан*
Мастацкі рэдактар *В. А. Жахавец*
Тэхнічны рэдактар *С. А. Курган*
Карэктар *З. Я. Губашына*

Здадзена ў набор 21.05.92. Падпісана ў друк 16.07.93. Фармат 70×108¹/₃₂. Папера афсетная. Гарнітура літаратурная. Афсетны друк. Ум. друк. арк. 21,0. Ум. фарб.-адб. 21.0. Ул. выд. арк. 23,66. Тыраж 7000 экз. Зак. № 2152.

Выдавецтва «Навука і тэхніка» Акадэміі навук Беларусі і Міністэрства культуры і друку Рэспублікі Беларусь. 220141. Мінск, Жодзінская, 18. ЛВ № 437.

Надрукавана з фотаформ друкарні імя Ф. Скарыны.

Мінскі ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга паліграфкамбінат МПВА імя Я. Коласа. 220005, Мінск, Чырвоная, 23.

Багдановіч М.

Б 14 Поўны збор твораў. У 3 т. Т. 3. Публіцыстыка, лісты, летапіс жыцця і творчасці.— Мн.: Навука і тэхніка, 1995.—461 с., [4] л. іл.
ISBN 5-343-00959-X.

У трэці том уключаны публіцыстыка, лісты, летапіс жыцця і творчасці, а таксама праязныя творы, якія прыпісваюцца М. Багдановічу.

Б $\frac{882060000-101}{M 316(03)-95}$ 120—92

ББК 84 (4Бел) 1

